

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: КОЛЛАПС ИЛИ ПЕРЕЗАГРУЗКА?

Сборник материалов по итогам Всероссийской научной
конференции «Политические институты в современном мире:
коллапс или перезагрузка?»
12–13 октября 2023 года

Санкт-Петербург
2023

УДК 32
ББК 66
П50

Рецензенты:

доктор политических наук, профессор М.Н. Грачев
(Российский государственный гуманитарный университет, Москва)
кандидат философских наук, доцент А.А. Дегтярёв
(Московский государственный университет международных отношений, Москва)
доктор политических наук, профессор Е.В. Морозова
(Кубанский государственный университет, Краснодар)

П50

Политические институты в современном мире: коллапс или перезагрузка?

Сборник материалов по итогам Всероссийской научной конференции «Политические институты в современном мире: коллапс или перезагрузка?» (12–13 октября 2023 года) / под ред. О.В. Поповой. — СПб.: Скифия-принт, 2023. — 366 с.

ISBN 978-5-00197-109-2

12–13 октября 2023 года в Санкт-Петербургском государственном университете состоялась Всероссийская научно-практическая конференция «Политические институты в современном мире: коллапс или перезагрузка?», приуроченная к 30-летию кафедры политических институтов и прикладных политических исследований СПбГУ, на которой эксперты говорили о состоянии и роли политических институтов в условиях геополитической турбулентности. Материалы этой конференции опубликованы в данном сборнике.

УДК 32
ББК 66

ISBN 978-5-00197-109-2

© Авторы, 2023

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

О КОНФЕРЕНЦИИ	10
<i>Х. Авджу</i>	
ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ПУБЛИЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ ТУРЦИИ.....	12
<i>Р.К. Агабемян, А.Ю. Сизоненко</i>	
ПОЛИТИЧЕСКИЕ КОММУНИКАЦИИ В ОНЛАЙН-ПРОСТРАНСТВЕ НА ФЕДЕРАЛЬНОМ И РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЯХ (КЕЙС-СТАДИ ПОПУЛЯРНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ТЕЛЕГРАМ- КАНАЛОВ И ВЫБОРОВ В РЕГИОНАЛЬНЫЙ ПАРЛАМЕНТ).....	15
<i>А.В. Алейников, О.Д. Сафонова</i>	
ДОВЕРИЕ К ПОЛИТИЧЕСКИМ ИНСТИТУТАМ КАК ФАКТОР РИСК-РЕФЛЕКСИВНОСТИ	18
<i>Н.А. Алешкевич</i>	
БРИТАНИЯ ПОСЛЕ БРЕКСИТ: ВЛИЯНИЕ СЕВЕРОИРЛАНДСКОЙ ПРОБЛЕМЫ НА ОТНОШЕНИЯ ВЕЛИКОБРИТАНИИ С ЕС	21
<i>Я.С. Артамонова</i>	
ЭКСПЕРТНОЕ СООБЩЕСТВО КАК ТЕХНОЛОГИЯ МЕДИАКОММУНИКАЦИЙ В ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТАХ	23
<i>В.А. Ачкасов</i>	
КУЛЬТУРНО-ЦЕННОСТНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ РОССИЙСКОГО ЭТНОФЕДЕРАЛИЗМА	26
<i>П.А. Бабаджанян, А.В. Соколов</i>	
УКЛОНЕНИЕ КАК СТРАТЕГИЯ СОЦИАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ.....	29
<i>А.А. Балаян, Л.В. Томин</i>	
ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ЦИФРОВЫЕ ПЛАТФОРМЫ КАК ЭЛЕМЕНТ УПРАВЛЕНИЯ И ЛЕГИТИМАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ.....	32
<i>А.В. Баранов</i>	
НЕФОРМАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ ИСПАНИИ ПРИ ФОРМИРОВАНИИ ПРАВИТЕЛЬСТВА	33
<i>Н.А. Баранов</i>	
ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ И ГОСУДАРСТВА В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОГО САМОСОЗНАНИЯ.....	36
<i>В.Г. Белоус</i>	
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ГРАЖДАНИНА	39
<i>В.А. Белый</i>	
ВЕКТОР РАЗВИТИЯ ЭЛЕКТРОННЫХ СЕРВИСОВ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ВЛАСТИ И ГРАЖДАН В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ И ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО ЦИКЛА ...	42
<i>И.В. Бобров</i>	
ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ ПОНЯТИЙ «СОВЕТСКИЙ» И «РУССКИЙ» В ДИСКУРСЕ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО НАЦИОНАЛИЗМА	44
<i>А.С. Боброва</i>	
КОММУНИКАЦИЯ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ	48
<i>А.Г. Большаков, Е.В. Храмова</i>	
Современные аспекты в анализе парадипломатии.....	51
<i>Н.А. Борисов</i>	
ТРАНСФОРМАЦИИ СИСТЕМ ПРАВЛЕНИЯ КАК ФАКТОР ПОЛИТИЧЕСКОЙ (НЕ)СТАБИЛЬНОСТИ: ОПЫТ ПОСТСОВЕТСКИХ ГОСУДАРСТВ	54
<i>Е.Э. Ботникова</i>	
ТРАНСФОРМАЦИЯ ИНСТИТУТА ПОЛИТИЧЕСКИХ КОММУНИКАЦИЙ В ЭПОХУ РАЗВИТИЯ ИНТЕРНЕТА В РОССИИ.....	58

<i>Т.В. Бугайчук, О.А. Коряковцева</i>	НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ИССЛЕДОВАНИИ ОБЩЕРОССИЙСКОЙ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ	61
<i>Д.А. Будко</i>	ЦЕННОСТНЫЙ БАЗИС И ГЛОБАЛЬНЫЙ ЦИФРОВОЙ ИМПЕРИАЛИЗМ: ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ И КОММУНИКАЦИЯ	64
<i>Е.В. Бучнев</i>	ТЕНДЕНЦИИ И ПРОТИВОРЕЧИЯ ОНЛАЙН-КОММУНИКАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ЛАНДШАФТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	65
<i>И.А. Быков</i>	ПОЛИТИКА РАЗВИТИЯ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В РОССИИ И ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ	67
<i>Д.Н. Веселова</i>	ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ РЕАЛИЗАЦИИ КЛИМАТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ В КИТАЕ	68
<i>В.А. Волков, Д.Ю. Иванов</i>	ФОРМИРОВАНИЕ КОНЦЕПТА «ПОЛИТИЧЕСКАЯ КАРТИНА МИРА»	71
<i>Л.А. Гайнутдинова</i>	ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО В РОССИИ: НОВЫЕ ПОДХОДЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ	74
<i>В.О. Гашков</i>	ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СФЕРЕ ИРАНА ПОСЛЕ ЖЕНСКИХ ПРОТЕСТОВ 2022 ГОДА	77
<i>А.Д. Гейм, И.А. Щербинов</i>	СУПЕРСЕРВИС ПОСТУПЛЕНИЯ В ВУЗЫ ОНЛАЙН: GOOD GOVERNANCE ИЛИ ОШИБКИ ЦИФРОВИЗАЦИИ?	80
<i>А.В. Глухова</i>	ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ПОПУЛИСТСКИХ ПРАКТИК ДЛЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ	84
<i>А.А. Городилова, А.А. Малахова</i>	ОТНОШЕНИЕ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ К ПОЛИТИЧЕСКОМУ УЧАСТИЮ	87
<i>М.В. Грабевник</i>	ДЕФИЦИТЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИКИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ В МУНИЦИПАЛИТЕТАХ ПЕРМСКОГО КРАЯ	90
<i>Н.В. Гришин</i>	ТРАНСФОРМАЦИЯ ИНСТИТУТА МЕЖДУНАРОДНОГО МОНИТОРИНГА ЭЛЕКТОРАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО ГЛОБАЛЬНОГО КРИЗИСА	93
<i>Т.М. Громова</i>	МЕДИАРЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ИНСТИТУТОВ РФ В ОБЛАСТИ ИННОВАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ	96
<i>И.Д. Грошева, А.В. Екатеринбургская, В.А. Хомиченкова</i>	ВИРТУАЛЬНЫЕ ГОРОДСКИЕ СООБЩЕСТВА КАК ЦЕНТРЫ ГРАЖДАНСКОЙ АКТИВНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ Г. ВОРОНЕЖ)	100
<i>Д.С. Денисов</i>	ЦИФРОВИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА И ПРОБЛЕМЫ ОТКАЗА ОТ ИНФОРМАЦИИ: ПОЛИТИКО- ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ	103
<i>А.Ю. Домбровская</i>	КОНСТРУИРОВАНИЕ И ДИАГНОСТИКА В ИНСТРУМЕНТАЛЬНО-КОГНИТИВИСТСКИХ И ПРОЕКТИВНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ	106
<i>Ю.Н. Дорожкин</i>	ТУРБУЛЕНТНОСТЬ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ	109
<i>А.В. Дука</i>	ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ И СУЖАЮЩИЕСЯ СТРУКТУРЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ	110

<i>М.С. Единова</i>	ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ДИЗАЙН РЕГИОНАЛЬНОЙ И ГОРОДСКОЙ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ В ЭТНОФЕДЕРАЦИЯХ НА ПРИМЕРЕ РОССИИ И БЕЛЬГИИ.....	111
<i>А.В. Екатеринбургская, В.А. Хомиченкова, И.Д. Грошева</i>	СМИ КАК ФАКТОР ВЛИЯНИЯ НА ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ ЖИТЕЛЕЙ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА: МЕЖПОКОЛЕНЧЕСКИЙ РАЗРЫВ.....	114
<i>З.А. Жаде</i>	БРЕНДИНГОВАЯ ПОЛИТИКА РЕГИОНА: КЕЙС РЕСПУБЛИКИ АДЫГЕЯ	117
<i>О.И. Зазнаев</i>	Парламентская система в современном мире: коллапс или перезагрузка?	121
<i>С.Ю. Зайцев</i>	ДИСКУРС ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНТЕРНЕТ-КАНАЛОВ О СМЕРТИ Е. ПРИГОЖИНА	124
<i>А.Н. Засыпкина</i>	ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ В САЛЬВАДОРЕ В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ НАЙИБА БУКЕЛЕ	127
<i>А.О. Зиновьев</i>	МНОГОМЕРНОЕ ПОНИМАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ РЕВОЛЮЦИЙ КАК МЕХАНИЗМА ИЗМЕНЕНИЙ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ	129
<i>О.А. Игнатьева</i>	СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ КАК ИНСТИТУТ ТРАНСВЕРСАЛЬНОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ.....	132
<i>Л.Е. Ильичева, А.В. Лапин</i>	Ценностно-ориентированный подход к формированию регионального и муниципального образа будущего	137
<i>Д.Б. Казаринова</i>	СНИЖЕНИЕ СОЦИАЛИЗИРУЮЩЕЙ ФУНКЦИИ ВЫБОРОВ В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДА К ОНЛАЙН-ГОЛОСОВАНИЮ ГЛАЗАМИ МОЛОДЕЖИ: РЕЗУЛЬТАТЫ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ.....	140
<i>Е.А. Калашникова, Д.А. Будко</i>	ПОЛИТИЧЕСКИЕ МИФЫ В ВИЗУАЛЬНОМ СТОРИТЕЛЛИНГЕ В РОССИЙСКОМ СЕГМЕНТЕ ИНТЕРНЕТА.....	145
<i>С.К. Калашникова, М.Я. Погодина</i>	ГРАЖДАНСКИЕ ИНИЦИАТИВЫ И ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: ОПЫТ ДВУХ СТОЛИЦ ...	148
<i>А.А. Керимов</i>	ПАРЛАМЕНТАРИЗМ КАК ОСНОВА НАРОДОВЛАСТИЯ (К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИЧЕСКИХ СУДЬБАХ РОССИЙСКОГО ПАРЛАМЕНТАРИЗМА)	152
<i>В.Д. Коваленко</i>	ПЕРСПЕКТИВА ИССЛЕДОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ ИНТЕРНЕТ-МЕДИА: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД И ЕГО АЛЬТЕРНАТИВЫ	155
<i>А.И. Кольба, Э.В. Орфаниди</i>	Гражданские структуры в системе политического управления городскими конфликтами: формальные и неформальные основания институционализации.....	159
<i>К.С. Кондратенко</i>	ПОЛИТИЧЕСКИЕ СОБЫТИЯ И СТРАТЕГИИ СЕТЕВОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ: ОБОСНОВАНИЕ ГИПОТЕЗ ИССЛЕДОВАНИЯ	162
<i>В.А. Корочкина</i>	ПОЛИТИЧЕСКИЙ, КОНСТИТУЦИОННЫЙ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ КРИЗИС В ИЗРАИЛЕ.....	166
<i>К.Е. Косыгина</i>	НЕКОММЕРЧЕСКИЙ СЕКТОР КАК СУБЪЕКТ МУНИЦИПАЛЬНОЙ ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКИ	169
<i>Е.А. Котова</i>	К ВОПРОСУ О КЛЕРИКАЛИЗАЦИИ РОССИИ	172
<i>А.П. Кочетков</i>	ЦИФРОВОЙ СУВЕРЕНИТЕТ КАК ОСНОВА НАЦИОНАЛЬНОЙ НЕЗАВИСИМОСТИ РОССИИ В ГЛОБАЛЬНОМ ЦИФРОВОМ ОБЩЕСТВЕ	175

<i>М.А. Кулаев</i>	ГРАМШИАНСКОЕ ПОНЯТИЕ ТРАНСФОРМИЗМА И ОПАСНОСТИ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ ...	178
<i>Т.А. Кулакова, А.М. Соколов</i>	ДВА СЛОВА О ПРИНЦИПЕ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА: ИМПЕРИЯ ИЛИ ДЕРЖАВА.....	181
<i>Д.А. Ланко</i>	ОТ МНОГОСТОРОННИХ К МИНИЛАТЕРАЛЬНЫМ ИНСТИТУТАМ В СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ: РЕЗУЛЬТАТЫ ЛАБОРАТОРНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА	185
<i>С.А. Ланцов, И.С. Ланцова</i>	ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ПРИРОДА, МЕСТО И РОЛЬ БРИКС В СОВРЕМЕННОЙ МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ	188
<i>Д.В. Лебедев</i>	СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО УСТРОЙСТВА СИРИИ И ЛИВИИ: ПРАКТИЧЕСКИЙ ОПЫТ	190
<i>Е.О. Лебедева</i>	ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЙ ФАКТОР В ПОБЕДЕ ДЖ. БАЙДЕНА НА ПРЕЗИДЕНТСКИХ ВЫБОРАХ 2020 Г.	192
<i>Я.И. Лысенко</i>	ОГНЕСТРЕЛЬНОЕ НАСИЛИЕ КАК ВЫЗОВ ДЛЯ ШВЕДСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ	195
<i>Д.А. Мальцева</i>	ДИСКУРС СТРАТЕГИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ: ЦИФРОВЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ, РОССИЙСКАЯ МОЛОДЕЖЬ И МЕНЕДЖМЕНТ СОПУТСТВУЮЩИХ РИСКОВ	198
<i>Д.С. Мартьянов</i>	ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ЦЕННОСТЕЙ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОГО ИМПЕРИАЛИЗМА.	200
<i>Т.Э. Мирзаджанов</i>	ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ЭРОЗИЯ КАК МЕТОД ПОДЧИНЕНИЯ СУДОВ И СМИ АВТОРИТАРНОМУ ПОПУЛИЗМУ: РЕЗУЛЬТАТЫ ПРАВЛЕНИЯ «ПРАВА И СПРАВЕДЛИВОСТИ» (ПИС) В ПОЛЬШЕ.....	202
<i>И.В. Мирошниченко</i>	ИНСТИТУТЫ КАК НЕМАТЕРИАЛЬНЫЕ РЕСУРСЫ ПОЛИТИКИ РАЗВИТИЯ: ОПЫТ СЕЛЬСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ	205
<i>Д.И. Моторин</i>	КАРТИНЫ МИРА БОЛЬШИХ СОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП КАК ФАКТОР ИЗМЕНЕНИЙ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ	208
<i>М.В. Невзоров</i>	ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ ПОДХОД В ИССЛЕДОВАНИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ КУЛЬТУР	211
<i>Д.Н. Нечаев</i>	ФЕНОМЕН ПОЛИТИЧЕСКИХ КЛИК КАК НЕФОРМАЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ В ФОРМИРОВАНИИ ПОВЕСТКИ ДНЯ И ВЫРАБОТКИ ПОЛИТИКИ В СУБЪЕКТАХ РФ: ЛЕГИТИМАЦИЯ, ПЕРЕСБОРКА, ТАРГЕТИРОВАНИЕ?	214
<i>Г.Ю. Никипорец-Такигава</i>	ИНТЕРНЕТ КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ В НОВЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕАЛИЯХ: ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ.....	217
<i>М.В. Николаева, А.А. Шестакова</i>	ПЕРСПЕКТИВЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ НОВЫХ И ГИБРИДНЫХ СУБЪЕКТОВ ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКИ В УСЛОВИЯХ СЕТЕВОГО ОБЩЕСТВА	220
<i>Х.З. Окуджава</i>	ОСОБЕННОСТИ ЦИФРОВОЙ КОММУНИКАЦИИ В МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ.....	223
<i>И.С. Палитай</i>	СОВРЕМЕННОЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЛИДЕРСТВО В ВОСПРИЯТИИ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖЬЮ... ..	227
<i>Н.В. Панкевич</i>	ГОСУДАРСТВА И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВОСУДИЕ: КОНТЕКСТНЫЕ УСЛОВИЯ КОНФЛИКТА И СОТРУДНИЧЕСТВА.....	230

<i>П.В. Панов</i>	ИНДИЙСКАЯ МОДЕЛЬ УПРАВЛЕНИЯ ЭТНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ГЕТЕРОГЕННОСТЬЮ: АСИММЕТРИЧНЫЙ ЭТНИЧЕСКИЙ ФЕДЕРАЛИЗМ, ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ИЗОМОРФИЗМ И ТРОПА ЗАВИСИМОСТИ.....	233
<i>Г.О. Панфилов, А.В. Чугунов</i>	МОНИТОРИНГ ЭЛЕКТРОННОГО УЧАСТИЯ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ МОДЕЛИ ОРГАНИЗАЦИИ ОБРАТНОЙ СВЯЗИ С ГРАЖДАНАМИ В СУБЪЕКТАХ РФ	236
<i>Д.О. Парфёнов</i>	СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СОВРЕМЕННЫХ НАУЧНЫХ ПОДХОДОВ К ПОНЯТИЮ «ИДЕОЛОГИЯ»	239
<i>Е.А. Пашковский</i>	ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ПОЛЬСКОЙ РЕСПУБЛИКИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ (2015–2023 ГГ.)	241
<i>М.Я.Погодина, С.К. Калашникова</i>	ПРИМЕНЕНИЕ ТЕХНОЛОГИИ ТЕМАТИЧЕСКОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ ДЛЯ АНАЛИЗА РЕАКЦИИ ГРАЖДАН НА ПРОВОДИМУЮ ГОСУДАРСТВЕННУЮ ПОЛИТИКУ ИДЕНТИЧНОСТИ В РОССИИ....	243
<i>Т.А. Подшибякина</i>	КОГНИТИВНО-ЦЕННОСТНАЯ МОДЕЛЬ ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ: ПРОБЛЕМА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ СРЕДЫ.....	246
<i>Н.В. Полякова</i>	СПЕЦИФИКА ИНСТИТУТА НАЦИОНАЛЬНОЙ ПАМЯТИ В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛЬШЕ: ПОЛИТИЧЕСКАЯ МНОГОФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ И ОБЩЕСТВЕННАЯ КОНФЛИКТНОСТЬ	249
<i>С.П. Поцелуев</i>	СТЕРЕОТИП КАК ИНСТИТУТ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ: СЛУЧАЙ РОССИЙСКОГО ПОКОЛЕНИЯ Z252	
<u>Н.А. Пруель</u> , <i>Г.А. Меньшикова, Ю.Г. Дунаева</i>	«ЦЕЛИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ» ООН — НОВЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ	255
<i>М.А. Пушкина</i>	СОЗДАНИЕ НОВОГО ТИПА ТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ ГОСУДАРСТВ И ПРИЗНАНИЕ ИХ МЕЖДУНАРОДНЫМИ ИНСТИТУТАМИ	258
<i>И.В. Радиков</i>	ИНСТИТУТ ПОВИНОВЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ	261
<i>А.И. Радушинская, Г.В. Яровенко</i>	ФОРМИРОВАНИЕ СПОСОБОВ КОММУНИКАЦИИ В СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ «ВКОНТАКТЕ» С ПОЛИТИЧЕСКИМИ ИНСТИТУТАМИ НОВОГО ТИПА	265
<i>А.И. Рафиков</i>	ДИСКУРСИВНЫЕ ПРИЕМЫ ЭЛЕКТОРАЛЬНЫХ КОММУНИКАЦИЙ (НА ПРИМЕРЕ ДЕБАТОВ С УЧАСТИЕМ В. КОНОВАЛОВА)	269
<i>С.С. Рожнева</i>	ОСОБЕННОСТИ ИНСТИТУТА ВЫБОРОВ ВЫСШЕГО ДОЛЖНОСТНОГО ЛИЦА СУБЪЕКТА РФ (2012–2023 ГГ.)	272
<i>Т.П. Рудась</i>	НЕФОРМАЛЬНЫЕ РЕЛИГИОЗНЫЕ ИНСТИТУТЫ В ДРК КАК ПРЕДИКТОР ВОВЛЕЧЕНИЯ В РАДИКАЛЬНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ	276
<i>М.С. Русских</i>	ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ И НЕИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ПОЛИТИЧЕСКОГО КРИЗИСА ВТОРОЙ ЮГОСЛАВИИ	278
<i>Д.О. Рябов</i>	«ЛЮДИЧЕСКАЯ ГЕОПОЛИТИКА»: ПРОИЗВОДСТВО ГЕОПОЛИТИКИ В НАСТОЛЬНЫХ РОЛЕВЫХ ИГРАХ	281
<i>А.В. Селезнева, А.Х. Томаев</i>	ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ МОЛОДЕЖНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЛИДЕРОВ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ.....	282

<i>Е.В. Семенец</i>	ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ОБЩЕРОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ	284
<i>А.А. Сергунин</i>	ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ АРКТИЧЕСКОГО РЕГИОНА В КОНТЕКСТЕ УКРАИНСКОГО КРИЗИСА	287
<i>В.А. Сидоров</i>	УТВЕРЖДАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА: МЕДИАТИЗАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ.....	291
<i>А.К. Сквозиков</i>	ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ОСОБЕННОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ	294
<i>Д.В. Слободчиков</i>	ОНЛАЙН-КОММУНИКАЦИЯ ИНСТИТУТОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ (НА ПРИМЕРЕ МОЛОДЕЖНОГО ПАРЛАМЕНТА РЕСПУБЛИКИ КАРЕЛИЯ)	297
<i>С.В. Смаль</i>	АНАЛИЗ ГОСУДАРСТВА КАК ЦЕЛОСТНОЙ СИСТЕМЫ: ВЫЗОВЫ И РИСКИ РАЗВИТИЯ ДЛЯ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА	300
<i>А.В. Соколов, П.А. Бабаджанян</i>	ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ НИЗОВОЙ ГРАЖДАНСКОЙ АКТИВНОСТИ В РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ ЯРОСЛАВСКОЙ ОБЛАСТИ).....	303
<i>И.С. Солдатенков</i>	ОСОБЕННОСТИ СТРАТЕГИЙ САМОПРЕЗЕНТАЦИИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РОССИЙСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ В СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА (НА ПРИМЕРЕ ПРОФИЛЕЙ «ВКОНТАКТЕ») ..	306
<i>А.И. Соловьев</i>	ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО РЕВИЗИОНИЗМА.....	310
<i>А.Ю. Соловьев, Г.В. Лукьянова</i>	ТЕОРИЯ УСТАНОВЛЕНИЯ ПОВЕСТКИ ДНЯ В УСЛОВИЯХ ФРАГМЕНТАЦИИ СОВРЕМЕННОГО МЕДИАПРОСТРАНСТВА (НА ПРИМЕРЕ МЕССЕНДЖЕРА TELEGRAM)	313
<i>А.А. Стафеевичев</i>	РОЛЬ ОТРАСЛЕВЫХ АССОЦИАЦИЙ В ФОРМИРОВАНИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ	316
<i>К.А. Сулимов</i>	Дивергенция против конвергенции: итальянская региональная система с точки зрения институционального изоморфизма	319
<i>Н.А. Сухонина</i>	РОССИЙСКИЕ ИНТЕРНЕТ-СМИ О РОЛИ РОССИИ В УРЕГУЛИРОВАНИИ НАГОРНО-КАРАБАХСКОГО КОНФЛИКТА В 2022 Г.....	322
<i>П.Е. Улановская</i>	ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ НЕФОРМАЛЬНЫХ ПРАКТИК В АКТИВИСТСКИХ СООБЩЕСТВАХ (КЕЙС ГРАДОЗАЩИТНИКОВ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА).....	324
<i>Ю.В. Уханова, А.Э. Жданова</i>	МУНИЦИПАЛЬНАЯ ПУБЛИЧНАЯ ПОЛИТИКА И ФОРМИРОВАНИЕ КОМФОРТНОЙ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ.....	326
<i>Н.А. Филиппова</i>	ЭТНОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА КАК ИНСТРУМЕНТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ: ПРОБЛЕМЫ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ	330
<i>А.А. Фролов, Е.Д. Гребенко</i>	НИЗОВАЯ ГРАЖДАНСКАЯ АКТИВНОСТЬ В ЯРОСЛАВСКОЙ ОБЛАСТИ: ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ	333
<i>Ю. Н. Фролова</i>	ОРГАНИЗАЦИОННАЯ КУЛЬТУРА ПОЛИТИЧЕСКОГО АКТОРА: ПРОБЛЕМАТИКА ИССЛЕДОВАНИЯ	336

<i>А.А. Хмелева</i>	ИНСТИТУТЫ И ИНСТРУМЕНТЫ МЕЖРЕГИОНАЛЬНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА: ОПЫТ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА И ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ	338
<i>А.В. Чугунов</i>	ЦИФРОВЫЕ ЭКОСИСТЕМЫ И УПРАВЛЕНИЕ НА ОСНОВЕ ДАННЫХ В ГОСУПРАВЛЕНИИ: ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ	340
<i>Н.Е. Шалаев</i>	ДВУХПАРТИЙНАЯ СИСТЕМА В США: ПОМОЖЕТ ЛИ ЭЛЕКТОРАЛЬНАЯ ИНЖЕНЕРИЯ?	343
<i>К.А. Шамшура</i>	ПРАКТИКИ ОСПАРИВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ КОНЦЕПЦИИ ОБЩЕСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ	345
<i>Я.Ю. Шашкова</i>	ФАКТОРЫ ТРАНСФОРМАЦИИ ПРОЦЕССА ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ РОССИЙСКОЙ УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ	347
<i>К.А. Шерзай, Г.В. Лукьянова</i>	ВИЗУАЛЬНЫЙ СТОРИТЕЛЛИНГ КАК ТЕХНОЛОГИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДОВЕРИЯ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ	350
<i>А.Н. Щербак, Н.С. Зубарев, Е.С. Семушкина</i>	«ЗЕЛЕННЫЕ ОХРАНИТЕЛИ»: ВЗГЛЯДЫ РОССИЙСКИХ КОНСЕРВАТОРОВ НА РЕШЕНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ	352
<i>М.Н. Юпланов</i>	ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА ОНЛАЙН-ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ВЛАСТИ — МАЛОГО И СРЕДНЕГО БИЗНЕСА В УСЛОВИЯХ ВНЕДРЕНИЯ ЦИФРОВЫХ ЭКОСИСТЕМ	355
<i>В.Н. Якимец, Л.И. Никовская</i>	ОЦЕНКА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНСТИТУТОВ ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКИ: ИНДЕКС ОЦЕНКИ СОСТОЯНИЯ, КРИТЕРИЙ СОСТОЯТЕЛЬНОСТИ И СУБЪЕКТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ	358
Сведения об авторах	361	

О КОНФЕРЕНЦИИ¹

В Санкт-Петербургском государственном университете состоялась Всероссийская научно-практическая конференция «Политические институты в современном мире: коллапс или перезагрузка?», приуроченная к 30-летию кафедры политических институтов и прикладных политических исследований СПбГУ, на которой эксперты говорили о состоянии и роли политических институтов в условиях геополитической турбулентности.

Участников конференции приветствовали: Оксана Викторовна Гаман-Голутвина, заведующий кафедрой сравнительной политологии МГИМО(У), Президент РАПН; Ольга Валентиновна Попова, заведующий кафедрой политических институтов и прикладных политических исследований факультета политологии СПбГУ; Ольга Вячеславовна Герасина, депутат ЗАКСа, фракция «Новые люди».

В своем приветствии первый декан факультета политологии СПбГУ, доктор экономических наук, депутат Законодательного собрания Ленинградской области (фракция «Единая Россия») Станислав Германович Еремеев поздравил коллектив кафедры с юбилеем и призвал друзей и коллег подойти к тематике сегодняшнего разговора с полной ответственностью за судьбу России, а также попытаться объединить науки для предложения институтам государственной власти механизм видения того, что нас ждет за горизонтом.

К поздравлениям также присоединились: директор Института «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций» СПбГУ Анатолий Степанович Пую; директор Института философии СПбГУ Никита Всеволодович Кузнецов; декан факультета международных отношений СПбГУ Ирина Николаевна Новикова. Подводя черту под торжественной частью конференции, исполняющий обязанности декана факультета политологии СПбГУ Александр Вячеславович Курочкин пожелал всем плодотворной работы на полях конференции.

Открыл пленарное заседание профессор СПбГУ Леонид Владимирович Сморгунов докладом «Трансверсальность политических сетей и проблемы устойчивости институциональных порядков», в котором обратил внимание присутствующих на изменения, которые происходят во втором десятилетии XXI века. По мнению автора, меняется повседневность, глубинные механизмы, особые представления, которые врываются на глобальные уровни.

«Только индукция дает нам новые знания и понимание ситуации, трансверсальность часто понимается как постмодернизм, который предложил другую логику — логику иронии и парадокса. В этой связи трансверсальность становится активизацией, а не просто логикой размышления, трансверсальность объединяет большие и малые группы, создавая конгломерат. Трансверсальная политика — политика воинственная, восстанавливающая после кризиса политическую антологию», — считает профессор СПбГУ Леонид Сморгунов.

Далее Александр Николаевич Борисов (СПбГУ) в своем докладе, опирающемся на опыт постсоветских государств, на основе анализа трансформации систем правления как фактора стабильности

¹ Текст подготовлен пресс-службой Санкт-Петербургского государственного университета.

или политической дестабилизации, сделал выводы, что необходимо более внимательно анализировать роль надпарламентских органов, создающихся в постсоветских государствах даже в условиях неконкурентных режимов.

О «перезагрузке» и «переформатировании» современных парламентских систем, о «неполадках» парламентаризма и альтернативе парламенту, а также о новациях в развитии парламентской системы говорил Олег Иванович Зазанаев (Казанский государственный университет).

На пленарном заседании также выступили: Александра Викторовна Глухова (профессор Балтийского государственного университета), Сергей Петрович Поцелуев, Александр Анатольевич Сергунин, Марина Мирановна Мчедлова, Галина Юрьевна Никипорец-Такигава (профессор НИУ «Высшая школа экономики») и др.

Конференция продолжила свою работу по секциям, на которых ученые и эксперты рассмотрели вопросы эффективности политических институтов и ее измерения, проблемы институционализации политического порядка, новой номенклатуры в российском государстве, онлайн-коммуникации в политических институтах, перспектив развития институтов гражданского общества в России и многие другие.

В мероприятии принимали участие ученые, аспиранты и студенты, специалисты во всех отраслях общественно-политических, социально-экономических и гуманитарных знаний, представители органов государственной власти.

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ПУБЛИЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ ТУРЦИИ

Публичная дипломатия в теории международных отношений рассматривается как основа внешней политики и относится к инструментам «мягкой силы», включающим в себя комплекс мероприятий по достижению внешнеполитических целей. По утверждению Дж. Найя, достижение внешнеполитических целей возможно не только посредством военных интервенций или экономического давления, но и посредством убеждения зарубежной аудитории в ценностях определенного государства или нации» (Nye, 2008). Он выделил три измерения публичной дипломатии: «1) повседневные коммуникации, охватывающие объем внутренних и внешних политических решений, позволяющие быстро реагировать в кризисных ситуациях; 2) стратегические коммуникации; 3) создание базы устойчивых долгосрочных отношений с влиятельными лицами, которые участвовали в программах обмена, стажировок, в различных публичных мероприятиях и т. д., что обеспечит благоприятные условия для проведения эффективной государственной политики» (Nye, 2008, 101).

С начала XXI в. публичная дипломатия все больше превращается в самостоятельную концепцию, основанную на «субъект-субъектных» отношениях (Публичная дипломатия, 2017, 13), а в эмпирическом плане — инструментом, благодаря которому одно государство по официальным или неофициальным каналам влияет на общественное мнение другого, тем самым обеспечивая кристаллизацию связей «государство — общество» и «общество — общество», как дополнение к официальной дипломатии (Алексанян, 2018). Сегодня сфера публичной дипломатии обладает следующими признаками: осуществляется государственными и негосударственными субъектами; основана на концепции «мягкой власти», стратегической публичной дипломатии, управлении информацией, «брендинге» государств и представленности в Интернете; подразумевает внутреннее измерение в любой внешнеполитической акции (Gilboa, 2009).

В концепте публичной дипломатии особое внимание уделяется использованию новых современных технологий, которые размывают разграничительные линии между внутренней и внешней коммуникацией. Публичная дипломатия все больше заимствует технологии работы из маркетинга и сетевой коммуникации, сместив фокус с «воздействия» через распространение информации в сторону «взаимодействия» и установления долгосрочных отношений (Cull, 2007). Публичная дипломатия как средство стратегической коммуникации определяется как сумма деятельности по «пониманию, информированию и влиянию на общественность» (Manheim, 1993, 166). Целью публичной дипломатии является не пропаганда, а построение языка стратегической коммуникации на основе объективных данных, доступных для всех участников взаимодействия.

Поэтому для развития устойчивой межкультурной коммуникации между государствами, народами, гражданскими обществами и цивилизациями публичная дипломатия должна опираться на сетевую модель, подготовленные кадры и практическую согласованность с официальной государственной политикой и политическим контекстом, в рамках которого происходит реализация имиджевого преобразования в заданном объекте (Глебов, 2018, 287).

Деятельность публичной дипломатии осуществляется в рамках двух основных: коммуникации «государство — общественность» и «общественность — общественность», что предполагает прямое взаимодействие между негосударственными структурами гражданского общества, такими как НПО, аналитические центры, компании по изучению общественного мнения, пресса, лидеры общественного мнения, университеты, программы обмена, ассоциации и фонды. В этом смысле «публичная дипломатия охватывает более широкую область, чем «дипломатическая коммуникация» (Melissen, 2005).

Публичная дипломатия Турции представляет собой динамичный и коммуникативный процесс на открытых публичных площадках для передачи информации в условиях предельной открытости обмена мнениями. Достижение стратегических целей, поставленных руководством Турции с приходом к власти Партии справедливости и развития (2002) во главе с Р. Эрдаганом, потребовало серьезного реформирования всей системы внешнеполитических институтов и систематизации появившихся в разное время компонентов «мягкой силы». Представители партии заявили, что они оценивают исследования в области народной дипломатии в контексте «коммуникационной мобилизации», при-

зывается президентом Р.Т. Эрдоганом, и пытаются проводить их под девизом президента Р. Эрдогана: «Век Турции станет веком коммуникаций» (Cumhurbaşkanlığı).

Важным фактором в развитии «коммуникационной мобилизации» стала деятельность правительства по расширению присутствия Турецкого государства в социальных сетях и официальных аккаунтах, особенно в Твиттере. Благодаря этим аккаунтам происходит системное и быстрое информирование мирового сообщества о текущих событиях, касающихся Турции, которая занимает 3-е место по числу подписчиков (своих дипломатических представителей) в социальных сетях. По «индексу цифровой дипломатии — 2023» и измерению онлайн-влияния мировых держав на основе учета таких категорий, как дипломатическая сеть, передача сообщений и видимость в социальных сетях, Турция в списке стран G-20 занимает 8-е место, в то время как в 2021 г. была на 12-м месте, а по индексу вовлеченности (эффективности сообщения) вообще стоит на 1-м месте с самым высоким показателем в 10 баллов (Digital Diplomacy Index). Индекс цифровой дипломатии дает объективную картину влияния стран G-20 на онлайн-арену международных отношений, которая разворачивается в Твиттере.

Данные, используемые при построении индекса цифровой дипломатии и его различных показателей, основаны на присутствии в Твиттере и активности стран «Большой двадцатки» через аккаунт личного кабинета руководителя страны, показатель эффективности которого основан на среднем количестве лайков и ретвитов на опубликованный твит. Президент Турции Р. Эрдоган входит в число лидеров мира с наибольшим числом подписчиков, став одним из ключевых активов «мягкой силы» страны. На официальном аккаунте президента Р. Эрдогана в Твиттере — около 17 млн подписчиков (Сафонкина, 2014, 152).

Кроме того, для координации всех направлений политики «мягкой силы» в рамках МИД Турецкой Республики был создан *Координационный совет публичной дипломатии (Kamu Diplomasisi Koordinasyon Kurulu) (KDK) (2010)*, уполномоченный официально координировать турецкие инициативы в сфере публичной дипломатии. Совет является высшим органом в осуществлении деятельности публичной дипломатии. Под его эгидой функционирует *Система координации публичной дипломатии (KADİS-Kamu Diplomasisi Koordinasyon Sistemi)*, включающая в себя механизм координации публичной дипломатии: советы и комитеты, Национальную стратегию публичной дипломатии и План действий, систему мониторинга публичной дипломатии, систему измерения и оценки качества реализованных программ. Национальная стратегия публичной дипломатии и План действий стали важным шагом в систематизации процессов коммуникации в сфере публичной дипломатии. Было создано 26 различных комитетов публичной дипломатии, 5 из которых были специализированными (Kamu Diplomasisi). В процессе подготовки документов было проведено 33 заседания комитетов, представлены дорожные карты в 22 областях: от цифровой дипломатии к научной, от туристической дипломатии к культурной, от религиозной дипломатии к образовательной, от гуманитарной дипломатии к спорту (Cumhurbaşkanlığı); на заседаниях присутствовал 461 человек из 61 учреждения и организации.

Все заинтересованные стороны структурировали свою деятельность в области публичной дипломатии, представив свои проекты на платформе *Системы отслеживания проектов (PTS)*. Для более эффективного контроля за реализацией этих проектов была создана *веб-Система мониторинга публичной дипломатии (KADİZ-Kamu Diplomasisi İzleme Sistemi)*, которая стала доступна для всех заинтересованных учреждений Турции. По состоянию на 1 июня 2022 г. на KADİZ было зарегистрировано 2 591 проекта, осуществлено 679 регистраций, включая 274 модератора и 405 пользователей из 59 учреждений (Cumhurbaşkanlığı).

Таким образом, активизация институциональной базы политики «мягкой силы» на основе современных цифровых технологий позволила Турции выйти на новый уровень обеспечения системы связей «государство — общество — государство». Успешное реформатирование системы государственных институтов и негосударственных организаций, координирующих и активно продвигающих бренд под названием «Турция» (Öner, 2016), выразилось в существенном повышении показателей Турции в рейтинге «Глобального индекса мягкой силы», где она среди 105 стран с 30-го места в 2020 г. поднялась на 22-е в 2022 г. (Global Soft Power).

В 2023 г., когда празднуется 100-летний юбилей Турецкой Республики, в рамках реализации Национальной стратегии публичной дипломатии Турция приняла на себя на два года обязанности

председателя Конференции министров информации Организации исламского сотрудничества (*The Organisation of Islamic Cooperation, OIC*), что позволит ей более активно проводить важные мероприятия в рамках публичной дипломатии, расширяя границы использования системы координации публичной дипломатии на международном уровне.

Литература и источники

Александрян Л.М. Роль публичной дипломатии во внешней политике Турции в отношении Грузии. Проблемы постсоветского пространства. 2018; 5 (4): 418–428. URL: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2018-5-4-418-428> (дата обращения: 08.09.2023).

Глебов М.С. Элементы и механизмы новой публичной дипломатии во внешней политике государства // Государственное управление. Электронный вестник. Выпуск № 68. Июнь 2018 г. С. 275–293.

Публичная дипломатия: Теория и практика: Научное издание / Под ред. М.М. Лебедевой. — М.: Издательство «Аспект Пресс», 2017. — 272 с.

Сафонкина Е.А. Турция как новый актер политики «мягкой силы». Вестник международных организаций. М., 2014, Т. 9, № 2, с. 145–167.

Cull N.J. Public Diplomacy: Lessons from the Past // University of Southern California, Los Angeles. April 2007. 62p.

Cumhurbaşkanlığı İletişim Başkanı Altun: Kamu diplomasisi alanında da büyük bir atılım içindeyiz // URL: <https://www.aa.com.tr/tr/gundem/cumhurbaskanligi-iletisim-baskani-altun-kamu-diplomasisi-alaninda-da-buyuk-bir-atilim-icindegiz/2750952> (дата обращения: 05.09.2023).

Gilboa E. Public Diplomacy in the Information Age. January 2009. URL:<http://icp-forum.gr/wp/wp-content/uploads/2008/12/gilboalecture-athens-jan2009.pdf> (дата обращения: 15.08.2023).

Global Soft Power Index 2022: URL:<https://internationalwealth.info/news-of-the-offshore/indeks-globalnoj-mjagkoj-sily-global-soft-power-index> (дата обращения: 13.05.2023).

Digital Diplomacy Index Last updated: 11.08.2023 URL: <https://digital-diplomacy-index.com/index> (дата обращения: 15.08.2023).

Kamu Diplomasisi Koordinasyon Kurulunun ikinci toplantısında // A.A. Milliyet// 06.07.2021. URL:<https://www.milliyet.com.tr/siyaset/kamu-diplomasi-koordinasyon-kurulu-ikinci-toplantisi-yapildi-6546980> (дата обращения: 10.09.2023).

Manheim Jarol B. The War of Images: Strategic Communication in the Gulf Conflict. Stanley A. Renshon (ed.), The Political Psychology of the Gulf War. Leaders, Publics, and the Process of Conflict inclined (Pittsburgh. Londra: University of Pittsburgh Press, 1993), s. 166–177.

Melissen Jan (ed.), The New Public Diplomacy: Soft Power in International Relations (New York: Palgrave MacMillan, 2005), s. xix.

Nye J. Public Diplomacy and Soft Power // The annals of the American academy of political and social science. 2008. Vol. 616. №. 1. P. 94–109.

Öner S. External and Domestic Challenges for Turkey's Soft Power and the Role of the EU. Epiphany: Journal of Transdisciplinary Studies, Vol. 9, No. 2, (2016) © Faculty of Arts and Social Sciences.

*Р.К. Агабекян (Краснодар),
А.Ю. Сизоненко (Краснодар)*

ПОЛИТИЧЕСКИЕ КОММУНИКАЦИИ В ОНЛАЙН-ПРОСТРАНСТВЕ НА ФЕДЕРАЛЬНОМ И РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЯХ (КЕЙС-СТАДИ ПОПУЛЯРНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ТЕЛЕГРАМ-КАНАЛОВ И ВЫБОРОВ В РЕГИОНАЛЬНЫЙ ПАРЛАМЕНТ)

Современное общество характеризуется возрастающей значимостью политической коммуникации, что, в свою очередь, вызвано усилением демократизации социального и политического устройства государства. В настоящее время информационное общество характеризуется трансформациями в практиках взаимодействия элит и масс. В результате процессов цифровизации претерпевают изменения традиционные средства массовой коммуникации. В публичном пространстве появляются новые акторы, которые при помощи современных информационных технологий осуществляют политические коммуникации. Возрастает роль социальных медиа, так как они стали открытыми и доступными площадками, где субъекты политической коммуникации могут открыто выражать собственную точку зрения на происходящие социально-политические трансформации и напрямую взаимодействовать друг с другом.

Традиционные ресурсы политиков становятся менее эффективными. Это обусловлено рядом факторов, среди которых — снижение идеологических разногласий между основными системными участниками политического процесса; все большая виртуализация политики и общественной жизни в целом; усталость граждан демократических государств от смещения политической борьбы на выборах преимущественно в PR-плоскость; растущая апатия и абсентеизм избирателей, теряющих доверие к основным политическим институтам.

В ходе исследования реализуется важная задача — оценить эффект медиавоздействия, как совокупность всех количественных и качественных изменений, которые происходят в сознании и поведении человека, в результате политических коммуникаций в онлайн-пространстве.

На сегодняшний день мессенджер Телеграм имеет высокую популярность, как цифровое социально-политическое пространство, в котором развиваются инновационные формы политической деятельности и взаимодействия секторов гражданского общества, власти, политических институтов. Именно поэтому важно рассмотреть, при помощи каких технологий авторы популярных политических телеграм-каналов воздействуют на аудиторию.

В 2022 г. на фоне ведения специальной военной операции возрос интерес к созданию и ведению телеграм-каналов. Пользователи нуждаются в актуальной и достоверной информации, экспертных оценках, аналитических прогнозах и дискуссиях на тему новой геополитической реальности. В связи с этим телеграм-пространство наполнено разнообразными по тематикам, контенту, форматам ведения, технологиям продвижения и увеличения охватов каналами.

В рамках данного исследования были проанализированы политические каналы, которые являются лидерами мнений за период с 24 февраля 2022 г. по 21 февраля 2023 г. Выборка телеграм-каналов была осуществлена при помощи аналитического сервиса «Медиадиагностика» и его ежемесячных рейтингов в категории «Политика». В рассматриваемом периоде были выбраны три контрольные точки: февраль 2022 г. (начало СВО); сентябрь 2022 г. (объявление в России частичной мобилизации); февраль 2023 г. (Послание Президента РФ Федеральному Собранию).

В отобранных рейтингах были изучены только те телеграм-каналы, которые вошли в первую пятерку во всех трех списках, так как задача исследования состояла в определении динамики изменений в тематиках публикуемого контента за обозначенный период. После проведенного анализа были выделены три политических канала: «Кровавая барыня»; «Kadyrov_95» и «Вячеслав Володин».

Данные телеграм-каналы участвуют в конструировании политической повестки за счет того, что создают и публикуют контент или же репостят и комментируют посты из других каналов, тем самым образуя дискурсивные поля в онлайн-среде. При этом они имеют разные цели и задачи, поэтому условно их можно поделить на две большие группы: каналы, которые на фоне специальной воен-

ной операции занимаются самопиаром, и функциональные каналы, которые обзвывают повестку для того, чтобы формировать определенное общественное мнение и бороться с возрастающим социальным напряжением.

Необходимость выявления дискурсивных полей заключается в том, что они способны влиять на поведение пользователей, которые в него вовлечены. Кроме того, они накапливают потенциал социального действия и могут оказывать эффективное воздействие на распространение и укоренение определенных идей и ценностей в обществе.

В рамках данного исследования дискурсивные поля были выявлены при помощи частотного анализа. Сначала был осуществлен сбор данных (сплошная выгрузка). Выгружены были посты, опубликованные в обозначенных контрольных точках. Далее была высчитана относительная частота слов, используемых в постах канала за эти периоды.

В результате анализа отобранных телеграм-каналов мы пришли к выводу, что основная стратегия ведения каналов в телеграм-пространстве — целенаправленное формирование управляемых дискурсивных полей, в рамках которых осуществляется манипулирование при помощи влияния доминирующих точек зрения, мнений и идеологий. Это позволяет политическим акторам управлять общественным мнением по вопросам социально-политической значимости. Частотный анализ показал, что каналы лидеров мнений имеют разные цели при конструировании политической повестки. Технологии трансляции информации в телеграм-канале зависят от медийного образа автора и его политической позиции. Однако на сегодняшний день контент политических субъектов публичной сферы выстраивается вокруг конкретной (ведущей) тематики, на фоне которой освещаются уже другие инфоповоды.

Также было проведено исследование предвыборных кампаний на предмет выявления наиболее успешно реализованных в онлайн-пространстве. Подробному рассмотрению подлежали очередные выборы депутатов Законодательного Собрания Краснодарского края VII созыва, проведенные в 2022 г. Выборку составили все победившие депутаты, а именно 63 из 70 кандидатов, состоящих во фракции «Единая Россия», а также 7 кандидатов от партий «Справедливая Россия», КПРФ и ЛДПР.

Эмпирическая база данной части исследования была составлена методом сплошной выборки постов, хештегов, фотографий и видео в социальных медиа кандидатов за период с 1 апреля по 21 мая 2022 г. и за период с 8 июля по 7 сентября 2022 г., а также методом сплошной выборки новостных постов в официальных аккаунтах Законодательного Собрания Краснодарского края и публикаций в СМИ в обозначенный период.

С начала исследования было осуществлено деление кандидатов на две группы: тех, кто будет впервые избран в состав депутатов, и тех, кто избирается на второй и более сроки. Было выявлено, что избирались впервые 32 депутата, включая 6 женщин. Другая группа включала депутатов, которые уже занимали свои должности на протяжении более чем одного созыва — 38 человек.

Отметим, что PR-кампании впервые избирающихся депутатов показали более высокое значение онлайн-коммуникации. Многие кандидаты заранее заявляли о себе как о лидерах общественного мнения, привлекая большое внимание к важным социальным проблемам, широко распространяли информацию о себе и своих убеждениях, ценностях и будущих планах. Отмечается существенный рост числа участников онлайн-кампании на протяжении агитационного периода, который в два раза превысил показатель периода праймериз. Это может говорить о том, что огромное количество избирателей сегодня сосредоточено в онлайн-пространстве, и кандидаты, способные эффективно использовать средства политической коммуникации в Интернете, имеют больше шансов на высокие рейтинги на выборах.

Наиболее успешной и яркой кампанией во всех исследуемых периодах из всех анализируемых субъектов стала кампания впервые избранного депутата ЗСК. В онлайн-пространстве кандидат четко формулирует и транслирует электорату свои ценности и положение в обществе: *«Я — коренная сочинка, родилась и выросла в Сочи», «Ответственность и трудолюбие — основа моего успеха»; «Моя семья — это мое единственное настоящее богатство»; «Уже много лет я руковожу большой компанией. Моя компания — это, прежде всего, большая ответственность. Она должна участвовать в развитии города, быть надежной и порядочной в своей деятельности».*

Конкурентные преимущества проводимой предвыборной кампании: открыто заявляет о своей профессиональной деятельности и о том, что принимает активное участие в благоустройстве города и создании комфортной городской среды, что является важным приоритетом для избирателей; выступает за защиту экологии, что актуально для многих избирателей, особенно в данном избирательном округе депутата; поддерживает молодежные инициативы, что поможет ей привлечь поддержку молодых избирателей; находится в постоянном диалоге с населением путем офлайн-встреч и онлайн-опросов.

Образ кандидата является наиболее привлекательным для современного избирателя, потому что политик находится в постоянном диалоге с обществом. Избирателю такой кандидат понятен, так как путем постоянной трансляции деятельности конструируется прозрачный образ современного политика.

В ходе типологизации предвыборных кампаний мы пришли к выводу, что офлайн-деятельность является важной составляющей традиционной PR-кампании, однако все большую значимость приобретают онлайн-коммуникации, доказательством чего служат рейтинги доверия населения властным структурам, составленные уже после избрания и ведения активной деятельности в избирательном округе. Использование различных онлайн-технологий помогает расширить численность электората и обеспечить качественное продвижение своей деятельности. Кроме того, ведение онлайн-блога помогает установить более глубокую связь с избирателями и получить комментарии, позволяющие качественно улучшать свою работу в интересах общества.

В итоге нашего исследования политических коммуникаций в онлайн-пространстве мы пришли к выводу о высоком медиаэффекте в сознании и поведении современного человека, так как онлайн-пространство предоставляет политическим акторам и общественности новые возможности для обмена информацией, формирования общественного мнения и мобилизации избирателей. Телеграм-каналы, как одна из популярных онлайн-платформ, играют значительную роль в процессе политической коммуникации, привлекая большое количество подписчиков и обеспечивая массовое распространение информации. Использование каналов коммуникации в онлайн-пространстве позволяет политическим акторам эффективно охватывать свою аудиторию, формировать имидж, а также распространять свои политические идеи и сообщения. Однако необходимо отметить, что высокий медиаэффект политической коммуникации в онлайн-пространстве сопровождается рядом вызовов и рисков. Влияние фейковых новостей, манипуляция информацией и другие процессы могут приводить к искажению и политической манипуляции, а также подрывать доверие к политическим элитам. Для эффективного управления политической коммуникацией в онлайн-пространстве необходима информационная грамотность пользователей и лидеров общественного мнения для преодоления всех негативных последствий.

А.В. Алейников (Санкт-Петербург),
О.Д. Сафонова (Санкт-Петербург)

ДОВЕРИЕ К ПОЛИТИЧЕСКИМ ИНСТИТУТАМ КАК ФАКТОР РИСК-РЕФЛЕКСИВНОСТИ

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 19-18-00115, <https://rscf.ru/project/19-18-00115/> в части тезисов, написанных А.В. Алейниковым, и при финансовой поддержке ЭИСИ в рамках научного проекта «Динамика трансформации цифрового публичного управления в современной России: политические стратегии и риски в условиях эскалации глобального конфликта», который реализуется в ИНИОН РАН в части тезисов, написанных О.Д. Сафоновой.

В основе социальных конфликтов лежат ситуации, в которых «рискованное поведение одного становится опасностью для других» (Луман, 2013).

Мэри Дуглас заметила, что «слово “риск” вновь обрело популярность... Если первоначально высокий риск означал игру, в которой кости весьма вероятно могли выпасть так, чтобы привести к крупным потерям или неприятностям, то теперь “риск” относят только к отрицательным результатам. Слово фиксировано для обозначения “плохих” рисков. Обещание чего-то “хорошего” в современной политической речи выражают в других терминах. Язык риска зарезервирован в качестве специализированного лексикона для политических разговоров о нежелательных результатах» (Дуглас, 1994, 244).

Обращаясь к способам концептуализации неравенства в распределении риска, можно обнаружить, что без ответа остается принципиальный вопрос об отражении в риск-рефлексиях властного политического дискурса, который не только предлагает свою трактовку критериев рискогенности, но и определяет желательные формы ролевого рискованного поведения и санкции за антиролевое, девиантное поведение в зоне опасностей и угроз.

В качестве критериев положения стейкхолдеров в социальной иерархии распределения шансов и рисков принято использовать введенные Максом Вебером понятия «позитивной и негативной привилегированности».

Под «риск-стейкхолдерами» мы понимаем социальных и политических субъектов, влияние которых в распределении, воздействии и восприятии риска определяется на основе параметров уровня власти и уровня интереса. Власть риск-стейкхолдера — способность оказывать влияние на распределение и восприятие рисков. Интерес стейкхолдера — уровень приемлемости стратегий, направленных на усиление его влияния путем создания условий для возможности наступления события, представляющего какую-то опасность. При доминировании (господстве производства рисков, по О.Н. Яницкому) одних стейкхолдеров в «зоне» угроз и опасностей риск-бенефициары не только навязывают аутсайдерам удобный им формат риск-рефлексии, но и формируют в своих интересах стратегии адаптации, ограничивая возможности их выбора (Алейников, 2003).

В соответствии с моделью «двойной заинтересованности» К. Томаса и Р. Килмена (Thomas, 1977) целесообразно расположить в системе координат восприятия рисков в зависимости от ориентации на собственные интересы или на интересы солидарности «жертв рисков» стратегии избегания, приспособления, сотрудничества, доминирования и компромисса. В конфликтологической литературе характеристики этих стратегий описаны достаточно подробно, однако нуждаются в новых «риск-логических» измерениях, позволяющих вывести их проблематику на анализ, в том числе конфликтологических репрезентаций восприятия рисков.

Особого внимания заслуживает в ситуации риска использование тактики доминирования производителей над потребителями. Исследователи при этом полагают, что доминирование имеет тенденцию сводить все конфликты к двум вариантам — «либо ты против меня, либо со мной», что ограничивает чью-либо роль «победой» или «поражением». Наиболее часто используемой тактикой доминирования является угроза, которая должна соответствовать двум критериям: источник угрозы должен

контролировать результат, и получатель угрозы должен воспринимать ее как негативную (Hocker, 2017).

Таким образом, доверие к политическим институтам является одним из ключевых факторов в восприятии рисков. Если они заслуживают доверия, то риск-стейкхолдеры готовы к распределению рисков и выгод и нахождению компромисса. В обратном случае, выдвигаются требования «нулевого риска» и актуализируется конфликтный дискурс (Stern, 2015).

Э. Гидденс подчеркивает, что доверие должно минимизировать или преодолеть ограниченную осведомленность акторов об опасностях, порождаемых тем или иным действием, служить (в идеале) уменьшению или минимизации осведомленности об опасностях, связанных с конкретными видами деятельности. Здесь знание, навыки и возможности выступают в качестве факторов, ограничивающих риск, ибо позволяют его рассчитать сознательно (Гидденс, 2011, 151).

В исследовательской программе П. Штомпки доверие является средством как снижения неопределенности, так и нейтрализации риска. По мере расширения социальных контактов и количества потенциальных партнеров увеличивается «риск, что они предпримут действия, которые не всегда окажутся выгодными для нас, а напротив, могут принести нам вред» (Штомпка, 2005, 326). При этом доверие или недоверие влияют на наши действия и восприятие окружающей действительности и формируют некие установки в отношении других людей и рисков. Они помогают справиться с рисками, но различными способами.

Доверие связано с более оптимистичными и спокойными действиями, а недоверие, напротив, с более воздержанным поведением, повышенной бдительностью. Следует тем не менее заметить, что если в первом случае мы воспринимаем мир лучше, чем он, может быть, есть на самом деле, то во втором — мы создаем некий «охранительный барьер против возможных будущих угроз со стороны других людей».

По мнению П. Штомпки, на создание культуры доверия или недоверия влияет целый ряд причин. Во-первых, это историческое наследие, которое не поддается коррекции. Во-вторых, это структурный контекст, который включает в себя нормативную стабильность, которая в свою очередь способствует формированию ощущения порядка и предсказуемости процессов. В-третьих, это прозрачность общественной организации. В-четвертых, это прочность социального порядка, когда даже наличие изменений в институтах, но предвиденных и последовательных, способствует формированию чувства безопасности. В-пятых, это подчинение власти законам, так как произвол властей порождает страх и недоверие. И, наконец, в-шестых, это реализация прав граждан.

Однако помимо объективных факторов П. Штомпка пишет и о субъективных факторах культуры доверия. Речь в данном случае идет о том, что «одни и те же структурные условия могут быть восприняты по-разному и вызывать различные реакции в зависимости от качеств тех людей, которые воспринимают эти условия и реагируют на них» (Штомпка, 2005, 326). И здесь уместно сказать о личных качествах и так называемых резервах, к которым Штомпка относит, например, образование, доходы, семейную поддержку, связи, здоровье. Наличие указанных резервов предохраняет человека от опасностей, а недостаток приводит к возрастанию риска оказания доверия другим людям. Последняя ситуация способствует формированию общего недоверия как своего рода защитной реакции. В результате П. Штомпка выделяет четыре типичные позиции, которые люди могут занимать в связи с ростом нестабильности и усилением риска:

- прагматическое принятие жизни такой, какая она есть;
- последовательный оптимизм и вера в то, что опасность и нестабильность исчезнут;
- циничный пессимизм или стремление жить одним днем;
- радикальная борьба с причинами бед через мобилизацию общественного мнения, организацию общественных движений.

Деструктивность способов разрешения конфликтов в рисковом пространстве, неверные атрибутивные суждения и интерпретации конфликтерами угроз и опасностей приводит к рискофобии и рискофилии, отклонению рациональных стратегий адаптации поведения к уязвимости, преобладанию «нереалистического оптимизма» или «нереалистического пессимизма» в риск-рефлексиях, к перерастанию спора практически по любому конкретному риску в борьбу за власть (Deutsch, 2006, 941).

Литература и источники

- Алейников А.В., Стребков А.И., Милецкий В.П. Конфликтный потенциал риск-рефлексий: концептуальные построения и исследовательские проблемы современной аналитики // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология, 2003. Т. Вып. 3.
- Гидденс Э. Последствия современности. М., 2011.
- Дуглас М. Риск как судебный механизм // THESIS. 1994. Вып. 5.
- Луман Н. 2013. Риск и опасность // Отечественные записки. 2013. № 2.
- Штомпка П. Социология. Анализ современного общества. М., 2005.
- Deutsch M., Coleman P., Marcus E. The Handbook of Conflict Resolution. Theory and Practice. San Francisco, John Wiley & Sons, 2006.
- Hocker J., Wilmot W. Interpersonal conflict. New York: McGraw-Hill Education, 2017.
- Stern M.J., Coleman K.J. The multidimensionality of trust: applications in collaborative natural resource management. Society & Natural Resources. 2015; 2.
- Thomas K.W., Kilmann R.H. Developing a forced-choice measure of conflict-handling behavior: The "mode" instrument // Educational and Psychological Measurement. 1977. Vol. 37. Iss. 2.
- Hocker J., Wilmot W. Interpersonal conflict. New York: McGraw-Hill Education, 2017.

БРИТАНИЯ ПОСЛЕ БРЕКСИТ: ВЛИЯНИЕ СЕВЕРОИРЛАНДСКОЙ ПРОБЛЕМЫ НА ОТНОШЕНИЯ ВЕЛИКОБРИТАНИИ С ЕС

Великобритания, вышедшая из Европейского Союза 31 января 2020 г., уже 6 лет с момента референдума о выходе 23 июня 2016 г. пытается урегулировать имеющиеся противоречия с ЕС. Неосторожная инициация Брексита привела к обострению таких экономических и внутривнутриполитических проблем Британии, как отрицательный рост ВВП и нарастание социального недовольства. Но наиболее острой темой в отношениях Соединенного королевства и Евросоюза является Торговое соглашение и Протокол по Северной Ирландии, заключенные в декабре 2020 г. Протокол сохраняет зыбкий мир на Ирландском острове, но путем введения таможенных барьеров между Северной Ирландией и остальной Великобританией. Британия тем не менее неоднократно нарушала заключенные обязательства с ЕС и видоизменяла протокол в одностороннем порядке. Эти действия вызывают недоумение как у представителей ЕС, так и у североирландских политических сил, все сильнее влияющих на экономику и внешнюю политику Великобритании. С момента выхода Великобритании из Евросоюза обе стороны до сих пор не могут наладить стабильные торговые взаимоотношения, постоянно нарушаемые Британией в одностороннем порядке. В этом кризисе особую роль занимает Североирландский протокол, вызывающий у обеих сторон негодование по его применению.

Цель исследования — определить, каким образом североирландская проблема влияет на отношения Британии и ЕС и будущее Консервативной партии Великобритании.

При написании работы автором использовалась следующая методология: проблемный ситуационный анализ и ивент-анализ. Ситуационный анализ применяется к политике консерваторов с 2016 г. и их взаимодействию с ЕС. Ивент-анализ применим к рассмотрению реакции различных сил Северной Ирландии на происходящие события.

При написании исследования использовались следующие источники: The Belfast Agreement 1998 — соглашение, положившее конец распрям в Северной Ирландии; UK Internal Market Act 2020 — документ, оставляющий Северную Ирландию в составе торговой зоны ЕС и устанавливающий таможенную границу между Великобританией и Северной Ирландией по Ирландскому морю. Среди законопроектов Великобритании важен Northern Ireland Protocol Bill 2022–2023, в содержании которого просматривается одностороннее изменение Великобританией положений Протокола по Северной Ирландии.

Говоря о теоретической базе исследования, важно понимать, что относительная «свежесть» проблемы Брексита еще не успела обрести большим числом авторов, дающих ему оценку. Однако стоит выделить такого британского исследователя, как А. Списак, описывающего Брексит, как одну из главных причин ухудшения британской экономики. Известные британские политологи Джеффри Эванс и Ананд Менон в своей книге «Брексит и британская политика» отмечают, что Брексит явился результатом разлада политических сил Британии и стал следствием ухудшающихся отношений Британии с Евросоюзом, а автор книги «Брекситланд» и профессор Университета Манчестера Роберт Форд упоминает в своей работе непримиримость консерваторов в вопросе смягчения принципов Брексита, что в долгой перспективе лишь усложнит процесс сближения Великобритании с ЕС.

Европейский Союз, несмотря на постоянные попытки Великобритании нарушить заключенные соглашения, вряд ли откажется от Британии как от торгового и стратегического партнера. Между ЕС и Лондоном есть слишком много общего, и торговое соглашение не может стать той проблемой, что привела бы к крайне напряженным взаимоотношениям. Однако до тех пор, пока стороны не могут согласовать свои действия, экономика Британии, зависящая от европейской торговли, продолжит стагнировать и вызывать недовольство всего населения страны, особенно в Северной Ирландии.

Однако именно неудовлетворенность Британии имеющимся на руках ЕС торговым соглашением и заставляет каждый раз тори нарушать Протокол по Северной Ирландии, используя территорию как транзит с Евросоюзом для того, чтобы экономика от задержек и сокращения цепочек поставок

не тормозила еще больше. И сейчас именно на долю нового премьера Риши Сунака выпало разрешить вопрос экономической нестабильности страны.

Односторонние изменения договора и вечные споры с Брюсселем доказывают как минимум несостоятельность консерваторов в вопросах разрешения торговых и экономических проблем. Несмотря на то, что Джонсон ушел в отставку по причине, не связанной с Протоколом по Северной Ирландии или ЕС, а затем и Трасс покинула пост ввиду неграмотных финансовых действий, все это явилось следствием процесса, начатого в 2016 г. И для Сунака важно понимать, что его партия может выйти с выборов 2024 г. с весьма плачевным результатом, когда еще в 2019 г. лейбористы выбрали стратегию сожаления об уходе из ЕС.

Поэтому для премьер-министра важно найти точку соприкосновения между тори и ЕС, иначе постоянная приверженность воле народа и его решения сыграет с экономикой Британии весьма злую шутку, не говоря уже о том, что Европейский Союз может ужесточить свою позицию по отношению к односторонним действиям Великобритании. Маловероятно, что ЕС категорически откажется от пересмотра торгового соглашения и Протокола по Северной Ирландии. Однако не исключено воздействие путем санкций, хотя такой исход в том числе ударит по жителям Северной Ирландии.

Литература и источники

Anton Spisak. After Brexit: Northern Ireland and the Future of the Protocol // Tony Blair Institute for Global Change. 12th March 2021. URL: <https://institute.global/policy/after-brexit-northern-ireland-and-future-protocol>

Brexit: What did you agree with the UK today? European Commission. 17 October 2019. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/qanda_19_6122

David Cameron's Resignation Speech: Full Transcript // Newsweek. On 6/24/16. URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.8511dd1e-639d9e97-8e377427-74722d776562/https/www.newsweek.com/david-camersons-resignation-speech-full-text-474040

Northern Ireland Protocol Bill 2022–2023. House of Commons Library. 24 June 2022. URL: <https://commonslibrary.parliament.uk/research-briefings/cbp-9569/>

The Belfast Agreement. An Agreement Reached at the Multi-Party Talks on Northern Ireland. April 1998.

Trade and Cooperation Agreement. Brussels and London, 30 December 2020.

UK Internal Market Act. December 22, 2020. URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.7dc4a2cb-63a14f96-7a92ba42-74722d776562/https/www.instituteforgovernment.org.uk/explainers/internal-market-act

ЭКСПЕРТНОЕ СООБЩЕСТВО КАК ТЕХНОЛОГИЯ МЕДИАКОММУНИКАЦИЙ В ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТАХ

Экспертное сообщество, рассматриваемое как инструмент в области медиакоммуникаций в политических институтах, имеет важное значение для оптимизации взаимодействия между «экспертами» и властью в социально-медийных представлениях. Однако следует определить контексты, в которых независимость экспертного сообщества будет способствовать минимальным искажениям процесса взаимодействия между экспертами и властью.

Следует также отметить, что хотя широкое использование экспертного мнения в принятии важных управленческих решений имеет свои преимущества, в то же время оно несет и определенные риски.

1. Привилегирование статусных экспертов за счет менее медийных, но также компетентных личностей.
2. Отсутствие общепринятых этических норм внутри экспертного сообщества.
3. Недостаточная прозрачность и публичность в процессе экспертизы и обсуждении важных социальных вопросов экспертами.
4. Ограниченное влияние экспертного сообщества на политические и социальные решения.

Особенно актуальным является отсутствие публичности и прозрачности в процессе экспертизы. Обычно общественность узнает о ходе и результатах экспертизы через СМИ, официальные сайты властей и PR-платформы. Это может привести к искажениям в представлении работы экспертов и их выводов, особенно при участии PR-субъектов.

Таким образом, экспертное сообщество может как способствовать информационной войне и манипуляциям, так и стать ключевым элементом демократии и гражданского общества при правильном подходе. Соблюдение определенных условий независимости экспертов может минимизировать искажения в медийных представлениях экспертного мнения.

Исследования роли экспертных сообществ в политике, социальном управлении и их воздействии на молодежь продолжают уже на протяжении длительного времени. Эта тема привлекает внимание не только специалистов в узких областях, таких как социологи, политологи и экономисты, но и является объектом междисциплинарного анализа. Исследователи предложили несколько моделей функционирования экспертных сообществ, включая модель «добродетельного разума», а также модель линейности и независимости науки от политики, представленную в работе (Jasanoff, 2011), которая получила широкое признание в научном сообществе. Активное внимание также уделяется изучению возможностей использования научных знаний в политическом консультировании (Kropp, Wagner, 2010) и вопросам применения научных знаний для повышения качества политического выбора (Daviter, 2015).

Роль экспертных сообществ в современном обществе становится все более значимой, и в условиях экономики, основанной на знаниях, это явление только усилится. Разработка эффективных подходов к организации деятельности экспертных сообществ способствует ускорению социально значимых изменений, включая процессы демократизации общества. Оценки и мнения экспертов по разнообразным вопросам до нас доходят, в первую очередь, через средства массовой информации, что подвергает их репрезентации. В данном исследовании мы стремимся разобраться в том, каким образом экспертные мнения наиболее независимо и объективно могут быть представлены в рамках PR-технологий. Необходимы новые подходы к определению роли экспертных сообществ в социальных процессах и к повышению их авторитета как интеллектуальной элиты в обществе. В период информационного общества экспертные сообщества получили ряд новых характеристик, и их участие в политических процессах и социальном управлении приобрело особые аспекты, требующие более глубокого исследования. Это позволяет предположить, что значение исследования экспертных сообществ будет расти пропорционально количеству информационных вызовов, с которыми сталкивается общество.

Для эффективной работы экспертных сообществ не требуется наличие централизованных управляющих структур, так как это может препятствовать их функционированию. Эти сообщества в своей сущности являются самоорганизующимися социальными системами. Можно воспользоваться понятийными элементами синергетики, чтобы подчеркнуть, что экспертные сообщества, как саморегулирующиеся неупорядоченные системы, обладают свойством диссипативности. Это означает, что они реагируют на воздействие внешней среды неравномерно: некоторые из них улавливают тенденции и стремятся близко взаимодействовать с властью, в то время как другие придерживаются своей собственной перспективы и работают на будущее, очевидно, в надежде, что их исследования в конечном итоге принесут пользу обществу и государству.

Для более глубокого понимания участия экспертов в социальном управлении рассмотрим структуру и классификацию экспертных сообществ. Среди форм организации экспертных сообществ выделяют индивидуальные участия, экспертные или консультативные советы, работающие в рамках власти, а также так называемые «фабрики мысли» (Сунгуров, 2015, 147).

Обычно экспертные сообщества подразделяются на следующие категории:

- открытые и закрытые;
- по степени влияния (прямое и косвенное воздействие);
- по степени ангажированности в политических интересах;
- с наличием определенной миссии и др.

Основные функции экспертных сообществ включают:

- аналитическую функцию, которая базируется на научных методах. Эта функция позволяет экспертам избегать субъективизма и влияния групповых интересов;
- коммуникативную (или медиативную) функцию. Экспертное сообщество может действовать как посредник в разрешении теоретических и практических вопросов, а также помогать установить общий язык между различными общественными группами;
- просветительскую функцию. Эксперты могут доступно объяснить суть проблемы, основные тенденции и последствия управленческих решений как обществу, так и властным структурам;
- прогностическую функцию, которая увеличивает ценность экспертных мнений за счет предсказания долгосрочных тенденций;
- идеологическую функцию, которая может усилить авторитет экспертных групп, но также может привести к его утрате;
- инновационную (креативную) функцию. Экспертные сообщества, также называемые «фабриками мысли», могут стать инициаторами новых идей в условиях отсутствия подходящей инициативы со стороны государства. Цифровое общество открывает новые возможности для реализации этой функции.

Основываясь на том, какую из указанных функций ожидают от экспертного сообщества общество и государство, можно выделить особенности представления экспертного мнения в средствах массовой информации и современных PR-технологиях.

Таким образом, первым важным аспектом представления экспертного мнения в СМИ и PR-технологиях является «функциональная репрезентация». Из множества доступных экспертных мнений представители СМИ склонны выбирать те, которые соответствуют желаемой концепции и выражают функцию, которую экспертное сообщество должно выполнять в рамках текущей PR-стратегии.

Вторая ключевая особенность представления экспертных мнений — «подчеркивание компетентной значимости» экспертов. Эксперты, которые предоставляют компетентные заключения, выражают актуальные точки зрения и успешно делают прогнозы, привлекают внимание СМИ и специалистов в области PR, что способствует увеличению их узнаваемости и популярности. Чем больше авторитетных экспертов привлекается для конкретного проекта СМИ или PR, тем выше вероятность, что их представление станет важным для общественности, включая молодежь.

Что касается специфики участия экспертов в политических процессах и социальном управлении, можно выделить следующие моменты.

Во-первых, отсутствие жестких сценариев и точных алгоритмов для участия экспертного сообщества в политических и управленческих процессах, так как эти сообщества динамичны, и их идеи часто обновляются и развиваются.

Во-вторых, высокие ожидания от экспертных мнений. Вопрос об универсальности каждого высказывания, произнесенного лицом, признанным экспертом, остается открытым. Далеко не все заявления экспертов могут считаться экспертными. Реализация аналитических и прогностических функций играет важную роль для экспертных сообществ, но нельзя гарантировать, что каждый эксперт обладает достаточной информацией и правильно интерпретирует данные.

В-третьих, экспертные сообщества способствуют ускорению устаревания знаний, навыков и умений. Интеллектуальный капитал страны формируется не только в высших учебных заведениях и научно-исследовательских институтах, но также через вклад экспертных сообществ. Эти сообщества также могут играть важную роль в стратегии управления знаниями на национальном и международном уровнях.

Продолжая анализ, важно отметить, что экспертные сообщества играют активную роль в формировании общественного мнения и влияют на процессы принятия решений. Наличие множества мнений и аналитических взглядов позволяет шире рассмотреть вопросы и учесть разнообразные аспекты. Однако это также может привести к конфликтам интересов и разногласиям, что требует внимательного подхода к представлению экспертных мнений в общественных дискуссиях и в СМИ.

Важной характеристикой экспертных сообществ является их способность адаптироваться к изменяющимся обстоятельствам. Быстрое обновление идей и подходов в экспертных сообществах позволяет им оставаться актуальными и эффективными в условиях быстро меняющегося информационного окружения. Это также подчеркивает значение динамичного и открытого взаимодействия между экспертами, их способность оперативно адаптироваться к новым вызовам.

Параллельно с развитием современных технологий и расширением доступа к информации, экспертные сообщества получают новые возможности для воздействия на общество. Цифровая среда и социальные сети обеспечивают платформу для распространения экспертных мнений, что усиливает их воздействие на массы. Это также подчеркивает важность критической оценки информации, поскольку повсеместная доступность экспертных мнений может привести к информационному шуму и затруднить выделение наиболее достоверных компетентных мнений.

Несмотря на значимость экспертных сообществ, их роль и влияние могут быть предметом споров и критики. В случае возникновения конфликта интересов, использования экспертных званий в корыстных целях или искажения данных, доверие к экспертам может быть подорвано. Поэтому прозрачность, этичность и независимость экспертов имеют важное значение для сохранения их авторитета и социального влияния.

Подводя итог, необходимо отметить, что роль экспертных сообществ в рамках технологий медиакommunikаций в политических институтах остается значительной. Их вклад в политические и управленческие процессы, формирование общественного мнения и обеспечение качественной информацией являются важными элементами развития современного цифрового общества. Однако их роль и функции должны быть тщательно рассмотрены и адаптированы к быстро меняющимся условиям, чтобы обеспечить эффективное и надежное функционирование в современной информационной среде.

Литература и источники

- Сунгуров А.Ю. Как возникают политические инновации: «фабрики мысли» и другие институты-медиаторы. М.: Политическая энциклопедия, 2015
- Daviter F., 2015. The political use of knowledge in the policy process, *Policy Sciences*, no. 48, pp. 491–505, <https://doi.org/10.1007/s11077-015-9232-y>
- Jasanoff Sh., 2011. Quality control and peer review in advisory science, In *The Politics of Scientific Advice: Institutional Design for Quality Assurance*, J. Lentsch, P. Weingart (Eds.), Cambridge: Cambridge University Press, pp. 19–35. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511777141.002>
- Kropp C., Wagner J., 2010. Knowledge on Stage: Scientific Policy Advice, *Science, Technology & Human Values*, Vol. 35, Issue 6, pp. 812–838. <https://doi.org/10.1177/0162243909357912>

КУЛЬТУРНО-ЦЕННОСТНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ РОССИЙСКОГО ЭТНОФЕДЕРАЛИЗМА

Фиксируя функциональный подход к федерализму, выдающийся американский политолог У. Райкер назвал его элитной «федеративной сделкой» (*federal bargain*) и «эффективной альтернативой империи» (Riker, 1964, 12, 9), т. е. результатом компромисса между элитами центра и регионов по вопросу институционального дизайна и распределения властной компетенции, причем поиск такого компромисса не ограничивается стадией формирования федерации, а продолжается и после ее создания и в значительной степени обуславливает динамику изменения федеративных систем с течением времени.

Однако без знаний о ценностных установках и особенностях политической культуры участников «элитной сделки», особенно в случае этнофедерации, вряд ли можно прогнозировать долговечность такого политического образования и уровень эффективности его функционирования. Поэтому, говоря об этнофедерализме в целом, и о российском федерализме в частности, мы не должны ограничиваться исключительно институциональным и функциональным подходом, поскольку важную роль в его успешности или неуспешности играет культурно-ценностная составляющая.

Авторы Оксфордского толкового словаря «Политика» отмечают: «...сторонники федеральной "концепции", считающие федерализм единственно верным принципом правления, наиболее убедительны, когда ограничивают свои исследования вопросами формальных структур и институтов. Им никогда не удавалось присоединить к отличительным чертам федерализма и характерной для него децентрализации — политические культуры, партийные системы, влияние чиновничества и внешние воздействия» (т. е. проследить воздействие неформальных институтов и социокультурных факторов на функционирование федеративных систем. — *прим. В.А.*) (Политика..., 2001, 664). А без этого практически невозможно проследить реальные тенденции развития российского федерализма.

Федерализм существует в структурном, поведенческом, историческом и культурном отношении, поэтому чисто институциональный или функциональный подход к этнофедерализму, без учета этнокультурного контекста, не позволяет ответить на вопрос, почему практики, успешно используемые в одних федерациях, не приживаются в других и могут оказаться для них даже дисфункциональными. Невозможно объяснить и причины многообразия проявлений этнофедерализма и его специфику в мультиэтнических обществах.

Дж. Андерсон утверждает: «В федерациях с глубоким региональным расколом по этническому, языковому или религиозному признаку стабильности можно добиться только в том случае, если культура выходит за пределы простой терпимости к разнообразию и активно пропагандирует разнообразие как часть того, что определяет страну и придает ей ценность. Институциональные меры могут помочь обществам справиться с конфликтами, но одних лишь институтов недостаточно: в обществе должна существовать более широкая готовность к духу разнообразия» (Андерсон, 2009, 109–110). Поэтому только при учете культурно-ценностной составляющей федерализация позволяет постепенно адаптировать государственное устройство и управление к новым задачам и вызовам, так как предполагает постоянный поиск баланса между запросами этнических регионов и стремлениями «центра». В этих условиях задача сохранения государственной целостности достигается благодаря признанию «центром» «особенностей» этнорегиональных сообществ, которые получают возможность: открыто выражать свои позиции, защищать свои интересы и сохранять свою этнокультурную идентичность.

По мнению отечественных исследователей, «...причины неустойчивости федеративных систем заключаются, прежде всего, в рассогласованности институциональной и ценностной составляющих федерализма, в отсутствии у федеративных институтов и практик культурно-ценностного фундамента. Федерализм только там является успешным, где в обществе во всех его территориальных сегментах (субъектах федерации) и на всех уровнях правового и политического сознания присутствует ощущение потребности в объединении, лояльность обоим уровням федеративных институтов и готовность действовать в соответствии с образцами поведения, определяющими саму суть федеративного государства» (Саликов, 2014, 28). Даже меняющийся маятниковый характер отношений по линии

«федеральный центр — регионы» во многом обусловлен тем, что в России федерализм не является формой гражданской самоорганизации, не имеет ценностного измерения для элит Центра и большинства регионов, а «утверждается и используется как технология распределения (и разделения) власти (причем без указания реальных целей). Для правящих элит <...> федерализм является понятием сугубо инструментальным, лишенным ценностной нагрузки» (Миرونюк, 2008, 103).

В то же время, проблематика федеративного устройства России, централизации/децентрализации власти, преодоления диспропорций в социально-экономическом развитии субъектов федерации не фигурирует ни среди основных вопросов государственной национальной политики, требующих особого внимания, ни среди целей национальной государственной политики, ни среди ее приоритетных направлений (Авксентьев, Васильченко, 2013, 12). Стратегия пространственного развития РФ, принятая в 2018 г. (Стратегия, 2018), также не дает ответа на вопрос, как устранять усиливающиеся дисбалансы в материальной обеспеченности граждан, и в экономическом развитии различных субъектов Федерации. В новой редакции Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации (2018) эти проблемы также не получили должного отражения. Крайне редко ценностное основание российского федерализма обсуждается и в отечественной научной литературе.

Однако федерация, лишенная ценностного измерения, нередко дает функциональные сбои. Очевидный «прагматизм» российской региональной политики, безусловно, плохо сочетается с несомненным осознанием ценности этнофедерализма и политической автономии элитами национальных республик России. Анализ экспертных интервью, проведенных в рамках исследования «Состояние и перспективы развития российского федерализма в массовом сознании и экспертных оценках» свидетельствует, что как на массовом уровне, так и на уровне элитном нет понимания того, что такое федерализм. <...> Элиты не видят выгод федеративного устройства. Современное состояние их политического мировоззрения не предполагает ключевой составляющей федеративных отношений: федеративного торга, характеризуемого непрерывной конкуренцией между центральной властью и регионами. Присущее им восприятие федеральных властей выказывает полное согласие с собственным второстепенным положением. В глазах большей части представителей региональных элит доминирование Москвы представляется естественным и нормальным. Наконец, за исключением представителей национальных республик, элиты в регионах не осознают значимости федерализма для сглаживания межнациональных трений» (Захаров, 2013, 312). В то же время, не только элиты многих российских автономий, но и представители так называемых «титовых этнонаций» считают важными политическими ценностями и свой статус как «титового этноса», и свою «исконную национальную территорию», и свою республиканскую территориальную автономию.

Федерализм — это не только институциональная система, «элитная сделка» или способ распределения властной компетенции. Это еще и распределение лояльности граждан между политико-территориальными коллективами, расположенными на нескольких уровнях территориальной организации государства. Однако в этнофедерациях для многих индивидов принадлежность к политико-территориальному коллективу (субъекту федерации) может совпадать с принадлежностью к этнополитической общности (этнической группе) и его лояльность может принадлежать именно последней. Так, в национальных республиках РФ отмечается весьма показательное явление: общероссийская идентичность является преобладающей в структуре коллективных идентичностей у русского населения этих субъектов, а у «представителей титульного народа этническая идентичность хоть и несущественно, но все же превалирует над гражданской... Так, часто ассоциировали себя с гражданами России 53 % русских и только 41 % татар» (Дробижина, Рыжова, 2021, 44).

Образование субъекта федерации в границах проживания той или иной этнической общности означает ее юридическое признание и закрепление за ней некоторых элементов государственности. Сам же такой субъект, как считает Т.Я. Хабриева, как и многие другие российские правоведы, становится для данной общности формой ее этнического самоопределения (Хабриева, 2010, 137). Однако субъектами самоопределения, согласно современному толкованию принципов международного права, является не «этнос», а «демос», т. е. все дееспособное население самоопределяющегося региона независимо от его этнической принадлежности.

Предоставление территориального политического самоуправления для национальных меньшинств и увеличение объема предоставляемых властных полномочий «включают построение от-

дельных институтов и усиление особой национальной идентичности, — пишет У. Кимлика. Тем самым они создают феномен конкурирующих национализмов в одном государстве. Научиться управлять этим — очень трудная задача» (Кимлика, 2010, 466). Не случайно исследователи — политологи отмечают, что для этнофедераций характерна этнизация региональной политической идентичности и политизация идентичности этнической, что может приводить к противопоставлению региональной и общегосударственной идентичностей, в силу чего этнический фактор служит «важным политическим ресурсом, используемым в процессе „торга“ с федеральным центром элитными группами „этнического региона“» (Ильченко, 2011, 172).

Федерализация государства, т. е. создание той или иной комбинации самоуправления и разделенного правления, в частности, предполагает иерархическое упорядочение доступных для индивидов вариантов идентичностей. Поэтому условием стабильного существования любого современного государства является поддержание политическими и культурными средствами определенной иерархии идентичностей его граждан, в которой на первое место и политический статус может претендовать только гражданская идентичность, обладающая приоритетом перед всеми прочими его идентичностями, в том числе и этнической.

Литература и источники

- Авксентьев В., Васильченко В. Тупики этнического федерализма // ОБОЗРЕВАТЕЛЬ-OBSERVER. 2013. № 10.
- Андерсон Дж. Федерализм: Введение. — М.: Экономика, 2009.
- Дробижева Л., Рыжова С. Общероссийская идентичность в социологическом измерении // Вестник Российской нации. 2021. № 1–2, с. 39–52.
- Захаров А. «Имперский синдром»: о восприятии федерализма представителями региональных элит // К новой модели российского федерализма / Под общ. ред. А. Рябова, А. Захарова, О. Здравомысловой. М.: Изд-во «Весь мир», 2013. — 328 с.
- Ильченко М.С. Федеративные механизмы в разрешении этнических конфликтов: переговорный процесс за рамками формальных правил // Политическая наука. 2011. № 1, с. 170–190.
- Кимлика У. Современная политическая философия: введение. М., 2010.
- Миронюк М.Г. Современный федерализм: Сравнительный анализ. М., 2008.
- Политика: Толковый словарь: Русско-английский. М.: «ИНФРА-М», Изд-во «Весь мир», 2001.
- Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года // <https://docviewer.yandex.ru/view/48665243/>
- Хабриева Т.Я. Современные проблемы самоопределения этносов. Сравнительно-правовое исследование. М.: Ин-т законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве РФ, 2010. — 288 с.
- Этничность. Культура. Государственность. Проблемы этнического федерализма в XXI веке: монография / под ред. М.С. Саликова. Екатеринбург: Изд. УМЦ УПИ, 2014.
- Riker W. Federalism: Origin, Operation, Significance. Boston: Little Brown, 1964.

П.А. Бабаджанян (Ярославль),
А.В. Соколов (Ярославль)

УКЛОНЕНИЕ КАК СТРАТЕГИЯ СОЦИАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки России в рамках государственного задания на НИР ЯрГУ по проекту № FENZ-2023-0006 «Стратегии и тактики социального уклонения как формы коммуникативного поведения современного студенчества».

Сфера общественно-социальных отношений довольно разнообразна, она включает в себя институты, действия, процессы, а также системы их объяснения. Само понятие «социальное поведение» предоставляет возможность концентрировать внимание на анализе общества в наиболее активном и динамичном аспекте — различных действиях людей, нацеленных на достижение своих целей. Социальное действие имеет определенного носителя (Ольшанский, 2015, 143). Им способен быть как отдельный индивид, так и конкретная социальная группа, государство или несколько государств, политическая партия или любая другая общественная организация. Каждый субъект и объект социальных отношений характеризуется собственным политическим действием.

О социальном действии человека можно говорить, как об индивидуальном действии, так и о поведении в составе разных социальных групп и общественных организаций. Социальное поведение человека приобретает свои характерные черты, которые нередко зависят от преследуемых целей, политических установок, ориентаций человека, используемых способов и средств борьбы. Исходя из этого, можно выделить следующие формы социального поведения (Батурин, 2012, 148):

- активное социальное поведение;
- наблюдательное социальное поведение;
- пассивное (апатичное) социальное поведение.

В отечественной науке существует хорошая база исследований активных форм социального поведения, направленных на осмысление вовлечения и вовлеченности индивидов. При этом анализ целенаправленных и активных форм избегания участия в социальном действии в нашей стране по-прежнему актуален. Так, одной из форм такого поведения является «уклонение». Под ним мы понимаем совокупность способов, методов, которые используются для того, чтобы избежать участия в какой-либо деятельности. Оно зачастую применяется в ситуациях, когда человек не хочет оказаться в центре внимания либо не хочет взять на себя дополнительную ответственность.

Поэтому целесообразно провести аналогии с одной из основных стратегий поведения в конфликтах, получившей название «избегание», или «уход», которая выражается в стремлении устраниваться от нежелательной ситуации либо отложить разрешение конфликта на максимально возможный срок.

У этой стратегии поведения есть характерные особенности:

- человек отказывается от диалога с оппонентом;
- не принимает его доводы, отрицает факты и доказательства его правоты;
- постоянно откладывает принятие решения относительно разразившегося спора;
- не принимает каких-либо активных действий, направленных на победу или урегулирование конфликта;
- может вообще игнорировать наличие проблемы, закрывать на нее глаза или сильно снижает ее значимость (Соколова, 2021).

Феномен социального уклонения не нашел четкого описания в отечественной литературе, но процесс уклонения описан в других отраслях. В.И. Даль в своем толковом словаре дает следующую интерпретацию слова «уклонение». «Уклонять» понимается как «уклониться от дела <...>, избегать, отделяться под предлогами, отлынивать...» (Даль, 2006). Т.И. Нагаева считает «уклонение» специальным видом неисполнения обязанности, отмечая такие признаки данного понятия как: субъективная направленность на избежание обременений, налагаемых обязанностью; осознание субъектом обязанности юридических свойств своего поведения (Нагаева, 2012, 1369). В.Г. Беспалько, исследуя уклонение от уплаты таможенных платежей, понимает под ним «осознанно-волевое неисполнение

лицом возложенной на него законом юридической обязанности по полной и своевременной уплате таможенных платежей в государственный бюджет, выразившееся в их полной или частичной неуплате в установленный законодательством срок» (Беспалько, 2014, 33). Исходя из нескольких определений, П.Н. Спириин сформулировал признаки «уклонения»: во-первых, это осознанное деяние, осуществляемое субъектом посредством самостоятельного волевого решения, во-вторых, данное деяние выражается в форме неисполнения либо ненадлежащего исполнения лицом обязанности, в-третьих, эта обязанность возложена на него законом (Спириин, 2020, 160).

Можно отметить, что причиной уклонения могут стать: недостаточная информированность и осведомленность, пессимистичное отношение к общественным институтам, нежелание брать на себя дополнительную ответственность и внимание. Исходя из этого, можно выделить возможные стратегии социального уклонения:

- 1) смещение внимания: предпринимаются действия по отвлечению внимания других от ситуации (могут использоваться различные средства, такие как шутки и смех, чтобы перевести разговор в иное русло);
- 2) игнорирование обязательств (тактика часто используется, чтобы избежать дополнительных задач, внимания и ответственности);
- 3) целенаправленный уход от встречи или разговора, чтобы избежать неприятной для себя ситуации;
- 4) избегание прямых ответов на вопросы (используются различные средства, такие как уклончивые ответы или смещение внимания, чтобы избежать ответа на вопрос) (Гришина, 2018, 220–221).

Можно выделить ряд факторов, влияющих на интенсивность использования уклонения как стратегии поведения. К внешним факторам можно отнести: конкретные социально-экономические условия, общественно-политическую ситуацию в стране, доминирующий тип политической культуры. К внутренним факторам относятся мотивация, характер и темперамент человека, а также особенности конкретной социально-демографической группы.

Уклонение уменьшает дискомфорт и беспокойство у субъектов, его практикующих, в краткосрочной перспективе, даже если поддерживает тревогу и неблагоприятные для их жизни условия в долгосрочной перспективе.

Можно выделить два основных подхода к изучению поведения и, соответственно, уклонения: рациональный и экспрессивный. Рациональная модель поведения основными мотивами участия или отказа от нее считает экономическое положение индивида или всей системы в целом. Экспрессивная модель берет за основу социально-демографические показатели и с их помощью объясняет причину избегания (отказа) от участия (Северухина, 2017, 98–99).

Так, голосование на выборах любого масштаба — от муниципальных до общефедеральных — это основная возможность населения участвовать в реализации власти, ее контроле, выражать свою политическую позицию. Именно посредством выборов утверждается легитимность политической власти. Однако зачастую множество граждан уклоняются от участия в выборах, проявляя политический абсентеизм. Здесь необходимо разграничить данную форму политического участия еще по одному параметру — сознательность. Итак, прежде всего рассмотрим неумышленное уклонение. Его причиной можно назвать безразличие к выборному институту власти, к самой политической сфере жизни, доминирование других интересов — экономических, личностных, творческих.

Умышленный вид уклонения проявляется тогда, когда у потенциального избирателя есть сознательные причины не голосовать. Таких причин может быть несколько: недоверие к власти, протест против действующей власти, отсутствие представителя политических взглядов избирателя в политической предвыборной игре. В данном случае абсентеизм является показателем отчуждения от политической власти, несоответствия интересов политической элиты и электората (Аринина, 2014, 217).

Данная классификация (сознательная умышленность/неумышленность) может быть применима и к другим сферам (например, в экономической или образовательной) социального уклонения. Именно осознанность является важнейшим критерием, подчеркивающим сущность уклонения в сравнении с простой пассивностью.

Однако если отвлечься от политической сферы, к числу действий, которые могут быть приняты со стороны индивида и могут быть идентифицированы как уклонение, относятся отписки от сообществ или конкретных блогеров, сокрытие неприятных новостей и/или точек зрения (через соответствующие клавиши в интерфейсе соцсети), закрытие комментариев на собственных публикациях при получении негативной обратной реакции, а также удаление контента при возникновении конфликтной ситуации.

Новым феноменом является хикикомори. Это форма патологического социального ухода или социальной изоляции, основной чертой которой является продолжительная (более 6 месяцев) физическая изоляция в собственном доме, сопровождающаяся выраженными функциональными нарушениями или переживанием дистресса (Лапина, 2023, 258).

Таким образом, уклонение представляет собой стратегию социального поведения, направленную на осознанное решение об избегании выполнения (ненадлежащего исполнения) обязательств, вступления во взаимодействие с другими индивидами, институтами и организациями либо намеренное снижение вероятности получения нежелательного контента.

Литература и источники

- Арина К.И. Абсентеизм в политике: Причины и последствия // Ученые записки Казанского университета. Сер. гуманитар. науки. — Казань, 2014. — Т. 156, кн. 1. — С. 214–219
- Батурин В.К. Политология. — 4-е изд. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2015. — 567 с.
- Беспалько В.Г. Дискуссионные вопросы уголовно-правовой квалификации уклонения от уплаты таможенных платежей в контексте соотношения уголовного и таможенного права // Вестник Российской таможенной академии. 2014. № 2. С. 31–39.
- Гришина Н.В. Психология конфликта. 2-е изд. — СПб.: Питер, 2008. — 544 с.
- Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: РИПОЛ Классик, 2006.
- Лякина Я.С., Федоров А.А., Тео А.Р. Валидизация и опыт применения русскоязычной версии опросника хикикомори (HQ-25) // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2023. Т. 20. № 2. С. 257–281.
- Нагаева Т.И. О соотношении понятий «неисполнение обязанностей» и «уклонение от исполнения обязанностей»: технико-юридические аспекты определения признаков деяния в УК РФ // LEX RUSSICA. 2012. № 6. С. 1368–1380.
- Ольшанский Д.В. Основы политической психологии. — Екатеринбург: Деловая книга, 2015. — 496 с.
- Северухина Д.Д. Политическое поведение и участие. Формы и факторы участия и неучастия в политике // Вестник Удмуртского университета. Серия: Философия. Психология. Педагогика. Ижевск, 2017. Т. 1. № 1. С. 96–104.
- Соколова А., Суркова Н. Стратегия избегания в конфликтной ситуации — когда она наиболее эффективна. 2021. URL: <https://samka.co/psihologiya/strategiya-izbeganiya-v-konfliktnoy-situa-ii-kogda-ona-naibolee-jeffektivna/>
- Спирин П.Н. «Уклонение» как термин, обозначающий специальное уголовно-правовое понятие // Пробелы в российском законодательстве. 2020. № 1. С. 157–161.

*А.А. Балаян (Санкт-Петербург),
Л.В. Томин (Санкт-Петербург)*

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ЦИФРОВЫЕ ПЛАТФОРМЫ КАК ЭЛЕМЕНТ УПРАВЛЕНИЯ И ЛЕГИТИМАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ

Цифровая трансформация госуправления, внедрение цифровых платформ актуализирует проблему доверия к новой социотехнической среде взаимодействия граждан и государства. Проблема прозрачности и нейтральности не является сугубо технической, ее решение зависит от характера существующего политического режима и модели экономики. В научной литературе последних лет данный вопрос применительно к частным IT-корпорациями исследован достаточно подробно. Среди проблем, связанных с алгоритмизацией управления и процессов принятия решений, наиболее актуальная — воспроизводство и усиление существующих социально-экономических и расово-этнических иерархий и структур господства (Томин, 2021, 13).

Исследовав стратегию цифровизации автократий, Ф. Ховард отметил, что «они активно продвигают использование информационно-коммуникационных технологий в экономической сфере. Они разрабатывают и реализуют меры по улучшению эффективности ценовых сигналов и прозрачности рынков, в то же время агрессивно препятствуют использованию ИКТ для повышения прозрачности политического процесса или формирования общественного мнения онлайн» (Howard, 2011, 80).

Цифровые платформы позиционируются как дополнительная инфраструктура «обратной связи» и взаимодействия государства и граждан. Однако в подобных режимах государственное и городское управление с использованием цифровых платформ, основанное на больших данных, не ограничено в использовании собранной информации. Информационные системы и цифровые платформы собирают избыточное, с точки зрения нужд управления, количество данных. Они непрозрачны, граждане не знают, кем и как используются их данные.

Проводимые на городских платформах опросы (голосования) не затрагивают основы городской политики. Горожанам предлагается решить только вопрос деталей ее реализации. Например, когда предлагается определить, что нужно построить на месте сквера, опции «оставить сквер» не предлагается. При обсуждении вопроса об установке памятника граждане могли выбрать для него площадку, но не отказаться от самого этого решения. По более проблемным вопросам (включение дома в реновацию) зафиксированы факты манипуляции с результатами голосования. Государство создает цифровые платформы для решения конкретных задач, к которым можно отнести: контроль над индивидом через анализ пулом данных, инструмент контроля над электоральными процедурами, контроль над повесткой, через проведение специфических опросов (голосований).

Государство создает цифровые платформы для решения конкретных задач, к которым можно отнести: контроль над индивидом через анализ пулом данных; инструмент контроля над электоральными процедурами; контроль над общественной повесткой.

Литература и источники

Howard P. *The Digital Origins of Dictatorship and Democracy. Information Technology and Political Islam*. Oxford: Oxford University Press. 2011.

Томин Л.В. Проблема прозрачности и нейтральности рекурсивных алгоритмических систем публичного управления // Демократия и управление. 2021. Вып. 3 (28). С. 13–15.

НЕФОРМАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ ИСПАНИИ ПРИ ФОРМИРОВАНИИ ПРАВИТЕЛЬСТВА

Тема статьи актуальна ввиду того, что неформальные институты играют важную роль в функционировании политических систем. Кризис политических партий «классического» типа, проявляющийся во всех странах Запада, с особой силой проявляется в современной Испании.

Для исследования темы важны теоретические работы Д. Норта (Норт, 1997, 61–64), Х.-Й. Лаута (Lauth, 2000, 21–50), Г. Хелмке и С. Левитски (Helmke, Levitsky, 2006; Хелмке, Левитски, 2007, 188–211). По определению Г. Хелмке и С. Левитски, неформальные институты — это «принятые в обществе, обычно неписанные, правила, создаваемые, становящиеся известными и насаждаемые вне официально санкционированных каналов» (Helmke, Levitsky, 2006, 192). Неформальными политическими институтами, по мнению Д. Норта, являются обычаи, взаимные договоренности, убеждения, кодексы поведения, идеология, религия (Норт, 1997, 64). В равной мере такими институтами бывают системы личных связей, коррупция, клиентелизм, клановость, традиции культуры и бюрократические нормы. На материалах современной Испании неформальные политические институты изучены недостаточно, основное внимание уделяется экономическим аспектам. Можно упомянуть диссертацию С.Э. Гарсиа Рендона (García Rendón, 2018), монографию А. Вильена Оливера (Villena Oliver, 2019). Представляет интерес монография В. Лапуэнте, Х. Фернандеса-Альбертос, М. Аюмады и других о качестве институтов демократии в Испании (La calidad de las Instituciones, 2018, 43–66).

Цель статьи — выяснить практики функционирования неформальных политических институтов Испании на примере межпартийных переговоров о формировании правительства в 2023 г.

Методологическая основа работы — исторический неоинституционализм.

Эмпирическая основа исследования — выступления политических деятелей, результаты социологических опросов и парламентских выборов, статьи в периодической печати (газетах “El País”, “La Vanguardia” и “OKDiario”).

Для понимания условий и процедур переговоров между партиями нужно раскрыть влияние формальных политических институтов на неформальные. Испания — парламентская монархия, ее двухпалатный законодательный орган всенародно избирается не реже чем раз в 4 года. Обе палаты парламента (Конгресс депутатов и Сенат) формируются одновременно. Согласно ст. 99 Конституции страны, монарх проводит консультации с парламентскими партиями и определяет кандидатуру премьер-министра, которая затем выносится на голосование в Палате депутатов. Для успешного формирования правительства необходимо получить в первом туре голосования минимум 176 из 350 голосов. Если количество голосов будет меньше, то назначается второй тур голосования депутатов, в котором для успеха кандидат в премьер-министры должен набрать относительное большинство мандатов. Так, ныне действующее левоцентристское правительство П. Санчеса получило 7 января 2020 г. право на существование, когда в его поддержку проголосовали во втором туре 167 депутатов, а 165 высказались против и 18 воздержались (Casqueiro, Pérez, 2020). Если до декабря 2015 г. основные партии — Испанская социалистическая рабочая партия (ИСРП) и правоцентристская Народная партия (НП) набирали суммарно свыше 80 % голосов и создавали правительство без особых усилий, то фрагментация партийной системы сделала невозможным создание однопартийного кабинета, заставляя ИСРП и НП идти на уступки миноритарным партиям и создавать вынужденные коалиции. Такому сценарию способствует формат избирательной системы Испании: Конгресс депутатов избирается по пропорциональной системе с низким заградительным барьером (3 %), представительство малонаселенных избирательных округов серьезно завышено.

Начиная с 2015 г., резко возросло эффективное число политических партий, увеличилась волатильность партийной системы страны. Формирование правительства превратилось в конфликтный и мало предсказуемый процесс; основные партии впервые за 75 лет вынуждены вступать в прагматические и непрочные коалиции. Парламентские выборы 23 июля 2023 г. привели к примерному равенству сил левого и правого блоков партий. Как результат, важными партнерами по созданию коа-

лиций становятся региональные националистические партии: для ИСРП — «Левые республиканцы Каталонии» (ЛРК), «Бильду», «Компромисс», Галисийский националистический блок, «Новые Канары», а для консерваторов — «Вместе за Каталонию», Баскская националистическая партия (БНП), «Союз народа Наварры», «Канарская коалиция» и др. Сейчас идут сложные неопубликованные переговоры между политическими силами страны, которые могут завершиться либо формированием коалиционного правительства парламентского меньшинства, либо роспуском парламента и назначением досрочных выборов — шестых за 8 лет.

Итоги парламентских выборов 23 июля 2023 г. создали шаткую ситуацию. Победившая с 33,1 % голосов Народная партия набрала 137 мандатов и надеется сформировать правительство с участием праворадикальной партии «Вокс» (33 места), БНП (5 мест) и других региональных правоцентристских сил. ИСРП имеет 122 места и рассчитывает на поддержку левой коалиции «Сумар» (31 мандат), ЛРК (7 мест), «Бильду» (6 мест) и др. Король поручил формирование правительства лидеру НП А. Нуньесу Фейхоо, первое голосование Конгресса депутатов состоится 27 сентября 2023 г.

Оба межпартийных блока — левый и правый имеют почти равные шансы сформировать правительство. Это вызвало ожесточенную закулисную борьбу за голоса малых партий. Размежевание носит не четкий идеологический, а прагматический характер; деление «левые — правые» менее важно, чем деление «унитаристы — сепаратисты». Например, каталонским и баскским партиям (как левым, так и правым) теоретически удобнее проголосовать за лидера социалистов П. Санчеса, который обещает провести федеративную реформу и амнистию организаторов незаконного референдума 2017 г. о независимости Каталонии.

Каковы же неформальные практики переговоров? А. Нуньес Фейхоо предложил лидеру ИСРП П. Санчесу 29 августа 2023 г. реформировать избирательную систему, чтобы исключить влияние сепаратистских партий на создание правительства. Также НП предложила соглашение двух основных партий и совместное проведение ими масштабных реформ в течение двух лет, после чего планируется проведение досрочных парламентских выборов (Sanz, 2023). Народная партия стремится «связать руки» социалистам, поскольку текст договора между НП и ИСРП в жесткой форме осуждает сепаратизм и попытки регионов получить односторонние преимущества: «Мы обязуемся защищать территориальную целостность испанской нации, закрепленную в Конституции 1978 года, и отклоняем просьбы о проведении референдума о независимости и об амнистии, высказанные партиями, выступающими за независимость». НП обещает, что будет обсужден «Территориальный пакт», направленный на превращение Сената в настоящую палату территориального представительства и укрепление «Испании автономий» посредством многостороннего диалога (Feijóo, 2023). В ряде регионов НП и «Вокс» сформировали коалиционные администрации. Публицисты-консерваторы обвиняют правительство левых партий в коррупции, заигрывании с сепаратистами, в безыдейности. Жесткой критике подверглось сотрудничество ИСРП с левой баскской коалицией «Бильду», несколько депутатов которой были террористами и обвинялись в убийствах мирных граждан. Лидер Народной партии А. Нуньес Фейхоо ведет переговоры с руководством правоцентристской партии «Вместе за Каталонию», что вызвало оппозицию регионального отделения НП (Ваена, 2023).

Социалисты добились избрания своей представительницы спикером нижней палаты кортесов в обмен на признание каталанского, баскского и галисийского языков официальными в парламенте. Лидер ИСРП П. Санчес и лидер «Сумар» Й. Диас ведут негласные переговоры с региональными партиями, обещая амнистию сепаратистов и проведение референдума о статусе Каталонии. Соглашение ИСРП с ЛРК и «Бильду» планируется подписать раньше, чем с правоцентристскими региональными силами (Guirado, 2023). Такая позиция П. Санчеса вызвала неприятие ветеранов партии — Ф. Гонсалеса, Н. Редондо и А. Герры, назвавших амнистию сепаратистов и признание самоопределения неконституционными (Durán, 2023).

Региональные партии стремятся координировать действия. Ключевую роль в продвижении их требований играет лидер «Вместе за Каталонию» К. Пучдемон, потребовавший достичь политического самоопределения каталонской нации и признать итоги референдума 2017 г. (García, 2023). Согласованно с ним выступили лидер БНП А. Ортузар, лидер «Бильду» А. Отеги и спикер ЛРК П. Плайя: «Сторонники независимости теперь имеют голоса, и Педро Санчес должен решить, хочет ли он их получить» (Barro, 2023).

Итак, политические партии Испании широко применяют при формировании правительства неформальные практики взаимодействия: переговоры, обмен ресурсами (поддержка избрания кандидатур в обмен на признание статуса региональных языков), проекты договоров о сотрудничестве, обещания амнистии и проведения референдума, отставки и исключения из партий недовольных. Позиционирование партий прагматично, размежевание «унитаристы — сепаратисты» важнее линии «левые — правые». Накал борьбы еще не достиг апогея, развитие теневых переговоров будет зависеть от исхода первого голосования по кандидатуре премьер-министра А. Нуньеса Фейхоо.

Литература и источники

- Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. 180 с.
- Хелмке Г., Левитски С. Неформальные институты и сравнительная политика: основные направления исследований // Космополис. 2007. № 2. С. 188–211.
- Baena P. Será La Primera Intervención Pública de la Presidenta Desde el Pasado 15 de Agosto. URL: <https://okdiario.com/madrid/ayuso-reaparece-feijoo-este-jueves-apoyara-postura-junts-porque-dialogar-no-aceptar-11467041>.
- Barro P. Ataque Coordinado a la Debilidad de Sánchez: Junts, ERC, Bildu y PNV Exigen Abrir el “Melón Territorial”. URL: <https://okdiario.com/espana/ataque-coordinado-debilidad-sanchez-junts-erc-bildu-pnv-exigen-abrir-melon-territorial-11510349>
- Casqueiro J., Pérez F.J. Pedro Sánchez Logra la Investidura y Formará el Primer Gobierno de Coalición de la Democracia. URL: https://elpais.com/politica/2020/01/07/actualidad/1578382922_404144.html
- Durán G. De Sánchez a Guerra: Todos los Socialistas que Han Dicho que la Amnistía es Inconstitucional. URL: <https://okdiario.com/espana/psoe-amnistia-sanchez-guerra-todos-socialistas-inconstitucional-11520622>.
- Feijóo se Ha Reunido con Sánchez en el Congreso para Hablar sobre su Investidura. URL: <https://okdiario.com/espana/acuerdo-igualdad-bienestar-todos-espanoles-que-feijoo-ofrecido-sanchez-11475199>
- García L. El Retorno de Puigdemont. Sin Permiso. URL: <https://www.lavanguardia.com/politica/20230827/9188113/retorno-puigdemont-investidura-amnistia.html>
- García Rendón S.E. Institucionalización Informal de la Corrupción en España Tesis Doctoral Presentada para Optar al Título de Doctor en Estado de Derecho y Gobernanza Global. Salamanca: Universidad de Salamanca, 2018. 245 p.
- Guirado J. Sánchez Ordena a sus Negociadores Pactar con Bildu y ERC Antes que con Junts y PNV. URL: <https://okdiario.com/espana/sanchez-ordena-sus-negociadores-pactar-erc-bildu-antes-que-junts-pnv-11457649>
- Lapuente V., Fernández-Albertos J., Ahumada M., González Alonso A., Llobet G., Parrado S., Villoria M., Gortázar L. La Calidad de las Instituciones en España. Madrid: Circulo de Empresarios, 2018. 280 p.
- Sanz S. Feijóo Ofrece a Sánchez un Gobierno de 2 Años con 6 Pactos de Estado para Desactivar al Independentismo. URL: <https://okdiario.com/espana/fejoo-plantea-sanchez-legislatura-dos-anos-riesgo-repeticion-electoral-11475109>
- Sebastián C. Instituciones Formales e Informales en España. URL: https://cincodias.elpais.com/cincodias/2008/05/31/economia/1212346546_850215.html
- Villena Oliver A. Las Redes de Poder en España: Élites e Intereses Contra la Democracia. Barcelona: Editorial Roca, 2019, 291 p.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ И ГОСУДАРСТВА В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОГО САМОСОЗНАНИЯ

Тенденция к унификации, вызванная процессами глобализации, активизировала деятельность государства с целью самосохранения и формирования государственной политики идентичности как «процесса сознательного конструирования идентичности в границах политического сообщества» (Попова, 2020, 94). Во внесенных изменениях в Стратегию государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года появился концепт общероссийской гражданской идентичности как осознание гражданами России их принадлежности к своему государству, народу, обществу, ответственности за судьбу страны, необходимости соблюдения гражданских прав и обязанностей, а также приверженность базовым ценностям российского общества (Указ Президента, 2018). Таким образом, государство противопоставляет внешнему воздействию, трансформирующему гражданское самосознание россиян, политику, направленную на предотвращение размывания духовных основ общества.

Существенный вклад в становление российской национальной идентичности вносит Русская православная церковь, которая обращается в данном контексте к цивилизационным аспектам, переходящим на наднациональный уровень. Предстоятель РПЦ патриарх Кирилл отмечает единство российского цивилизационного пространства, в котором наряду с православными проживают люди других вероисповеданий, граждане разных государств и этносов. Тем не менее в основе цивилизационной идентичности лежит русская идентичность, сформированная в результате уникального этногенеза русского народа как следствие не принудительной русификации, а свободного личного выбора конкретных людей, связывавших с Россией свою жизнь и судьбу (Декларация, 2018). При этом именно русский народ выступил государствообразующим народом России и народом — строителем российской цивилизации. Положение о государствообразующем народе было принято в поправках в Конституцию Российской Федерации в 2020 г. Таким образом, РПЦ проводит скоординированную политику с российским государством, что позволяет говорить о ее влиянии на государственную политику идентичности.

На фоне современного противостояния России и Запада российские исследователи активизировали свои творческие изыскания относительно особенностей развития страны, связанных как с историческими параллелями, так и с современными противоречиями. Так В.Г. Хорос наряду с индийской, африканской, исламской, китайской и европейской цивилизациями и латиноамериканской цивилизационной общностью выделяет российскую цивилизацию, характеризуя цивилизационную идентичность России «в соотнесенности с ареалами Запада и Востока» (Хорос, 2022, 110).

А.С. Панарин полагал, что потенциал российской цивилизации коренится в ее православном архетипе (Панарин, 2014, 63). С его точки зрения, в связи с тем, что специфику России «пытаются подать в сугубо отрицательных терминах — как традиционализм, отсталость, нецивилизованность» — и как следствие, выдвигается дилемма: «либо России удастся стать западной страной, либо она недостойна существовать вообще», поэтому «вопрос о цивилизационной идентичности России, о ее праве быть не похожей на Запад, иметь собственное призвание, судьбу и традицию на наших глазах превращается в вопрос о нашем праве на существование вообще, о национальном бытии как таковом» (Панарин, 2014, 41–42).

О цивилизационных аспектах идентичности пишет в своей статье об историческом единстве русских и украинцев Президент России В.В. Путин: «Наши духовные, человеческие, цивилизационные связи формировались столетиями, восходят к одним истокам, закалялись общими испытаниями, достижениями и победами», поэтому «мы — один народ» (Путин, 2021). О России как государстве-цивилизации, «сплотившей русский народ и другие народы, составляющие культурно-цивилизационную общность Русского мира» (Концепция, 2023), говорится в последней версии концепции внешней политики. По мнению О.В. Поповой, использование в научном дискурсе понятия «цивилизационная

идентичность» в определенной степени «камуфлирует роль государства в процессе реализации политики идентичности» (Попова, 2020, 92).

Религия формирует культурные особенности мировосприятия, на которые в условиях России накладываются культура и верования народов, входивших в разное время в состав Российской империи, СССР и современного российского государства. Такой синтез стал причиной попытки представления «части экспертного сообщества положить в основу понимания России представления об особом «цивилизационном коде» с набором коллективистских характеристик мифологического свойства», что, по мнению В.А. Тишкова, «заключает в себе риск изоляционизма и исключительности, отторжение культурно-сложной природы общества и государства» (Тишков, 2021, 269). Тем не менее термин «единый культурный (цивилизационный) код» был включен в новую редакцию Стратегии государственной национальной политики, а положение о сохранении общероссийской культурной идентичности (гражданского самосознания) вошло в статью 69, пункт 3 российской Конституции (Баранов, 2022, 21).

Русская православная церковь играет существенную роль в формировании как ценностных приоритетов российского общества, так и его идентичности. Влияние на российских граждан оказывается непосредственно как через религиозную деятельность, так и посредством различных мероприятий, которые приобрели институциональный характер. Среди наиболее распространенных и востребованных — Всемирные русские народные соборы и Международные Рождественские образовательные чтения, в рамках которых с 2013 г. проводятся Рождественские парламентские встречи. В рамках данных форумов регулярно обсуждаются вопросы, связанные с ценностными аспектами религиозной деятельности и формированием идентичности.

В материалах XXIV Всемирного русского народного собора акцентируется внимание на возвращении присущих Русскому миру базовых, традиционных ценностей: «вера в Бога, традиционная семья, отношение к жизни как к служению и такие духовно-нравственные идеалы как справедливость, долг, честь, патриотизм, почитание родителей и предков, целомудрие, жертвенность» (Соборное слово, 2022).

В Декларации русской идентичности, принятой на XVIII Всемирном русском народном соборе, выделяется комплекс генетических, брачных, культурных, языковых, исторических и религиозных связей, указывающих на принадлежность к русской нации. При этом для формирования русского национального самосознания связь с русским народом должна быть сильнее совокупности связей с любой иной этнической общностью. В документе предлагается следующее определение русской идентичности: «русский — это человек, считающий себя русским; не имеющий иных этнических предпочтений; говорящий и думающий на русском языке; признающий православное христианство основой национальной духовной культуры; ощущающий солидарность с судьбой русского народа» (Декларация, 2018).

В рамках XXIX Международных Рождественских образовательных чтений «Александр Невский: Запад и Восток, историческая память народа» (16–19.05.2021) отмечалось: «Сохранение исторической памяти в преемственности поколений является важным инструментом формирования национальной идентичности. Главные имена и символы, определяющие самосознание народа, отражают духовно-нравственные основания его культуры, определяют его отношение к прошлому, ценности в настоящем и целеполагания в будущем» (Итоговый документ XXIX, 2021). А в итоговом документе XXXI Международных Рождественских образовательных чтений «Глобальные вызовы современности и духовный выбор человека» (16.03.2023) содержится призыв к сохранению базовых ценностей, основанных на многовековых традициях православной веры и христианской культуры (Итоговый документ XXXI, 2023). В рамках данного форума прошли XI Рождественские Парламентские встречи в Государственной Думе, на которых патриарх Кирилл предложил отойти от разъединяющего концепта «идеология» и переключиться на объединяющую всех национальную идею, которая поможет обрести духовный, интеллектуальный фундамент для нашей совместной деятельности (Святейший Патриарх, 2023).

Перечень ценностей, предложенный Русской православной церковью, практически полностью дублируется в нормативно-правовых документах, выступлениях руководителей государства, что свидетельствует о высоком влиянии религиозного института на создание духовно-нравственной атмосферы.

сферы в стране. В соответствии с Основами государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, «традиционные ценности — это нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России» (Основы, 2022).

В таких нормативно-правовых документах как Стратегия национальной безопасности Российской Федерации от 02.07.2021, Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей от 09.11.2022, Концепция гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом от 05.09.2022, Концепция внешней политики Российской Федерации от 31.03.2023 акцентируется внимание на самобытности России, ее связи с традиционной европейской культурой и другими культурами Евразии.

Таким образом, возникает единый духовно-нравственный комплекс, включающий в себя государственную политику по формированию гражданского самосознания на основе традиционных ценностей, в которой значимое место принадлежит Русской православной церкви как наиболее влиятельному в стране религиозному институту в контексте формирования ценностных приоритетов у граждан страны.

Литература и источники

Баранов Н.А. Общероссийская гражданская идентичность в контексте современных геополитических проблем // Гражданская идентичность россиян: современный политический контекст: коллективная монография / Под науч. ред. О.А. Коряковцевой. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2022. С. 9–27.

Декларация русской идентичности. 11.11.2018. URL: <https://vrns.ru/documents/deklaratsiya-russkoy-identichnosti/> (дата обращения: 16.09.2023).

Итоговый документ XXIX Международных образовательных чтений «Александр Невский: Запад и Восток, историческая память народа». 19–21 мая 2021 г. URL: <https://pravobraz.ru/itogovyy-dokument-xxix-mezhdunarodnyh-obrazovatelnyh-chtenij-aleksandr-nevskij-zapad-i-vostok-istoricheskaya-pamyat-naroda-s-16-po-19-maya-2021/> (дата обращения: 16.09.2023).

Итоговый документ XXXI Международных Рождественских образовательных чтений «Глобальные вызовы современности и духовный выбор человека». 16 марта 2023 г. <http://www.patriarchia.ru/db/text/6010631.html> (дата обращения: 16.09.2023).

Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Указом Президента РФ от 31.03.2023 № 229). <http://kremlin.ru/events/president/news/70811> (дата обращения: 15.09.2023).

Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Утверждены Указом Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 16.09.2023).

Панарин А.С. Православная цивилизация / Сост., предисл. В.Н. Расторгуев / Отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2014. 1248 с.

Попова О.В. О нерешенных проблемах теории государственной политики идентичности в российской политологии // Политическая наука. 2020. № 4. С. 86–110.

Святейший Патриарх Кирилл принял участие в XI Рождественских Парламентских встречах в Государственной Думе. 26.01.2023. <https://mroc.pravobraz.ru/svyatejshij-patriarx-kirill-prinyal-uchastie-v-xi-rozhdestvenskix-parlamentskix-vstrechax-v-gosudarstvennoj-dume/> (дата обращения: 16.09.2023).

Соборное слово XXIV Всемирного русского народного собора. 28 октября 2022 г. // ВРНС. URL: <https://vrns.ru/news/slovo-xxiv-vsemirnogo-russkogo-narodnogo-sobora/> (дата обращения: 16.09.2023).

Путин В. Об историческом единстве русских и украинцев. 12.07.2021 // Официальный сайт Президента России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/66181> (дата обращения: 15.09.2023).

Тишков В. Национальная идея России. Москва: Издательство АСТ, 2021. 416 с.

Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» (в редакции Указа Президента Российской Федерации от 06.12.2018 № 703). URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102161949> (дата обращения: 16.09.2023).

Хорос В.Г. Цивилизации в современном мире. Кн. 2: Европейская цивилизация. Российская цивилизация. М.: ЛЕНАНД, 2022. 240 с.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ГРАЖДАНИНА

В основу выступления положена совместная с коллегами работа над проектом «Государство и гражданин в условиях новой цифровой реальности», поддержанным РФ (грант № 22-78-10049). Кроме того, в течение нескольких лет автор статьи читает курс по программе бакалавриата под названием «Гражданин и гражданское общество». Научный поиск, как известно, начинается с сомнений и затруднений и заканчивается неким подобием откровений. Результатами собственного поиска хочется сегодня с вами поделиться.

В ходе изложения темы будут сформулированы вопросы, которые, хочется надеяться, получат продолжение в виде ответов. Главный вопрос (а он имеет свои теоретические, и прикладные аспекты): существует ли в современной России общественный запрос на политическую институционализацию гражданина? И если ответ будет положительный, то что таковая может означать?

Юристы давно и успешно осваивают цивилистику — науку, посвященную правам и обязанностям граждан государства. В политической науке нет своей цивилистики; тематически гражданин в политологии либо не существует, либо присутствует опосредованно — в виде прилагательного «гражданское», в сочетании с «обществом». Когда на факультете обсуждалась образовательная программа бакалавриата, мной, в подражание Томасу Гоббсу, был предложен учебный курс под названием «Гражданин». Коллективный разум не согласился и расширил предметную область моего авторского курса за счет гражданского общества. Мне представляется, что парным понятием для «гражданина» должно выступать «государство». Конструкт «гражданское общество» сложился в те времена, когда государство еще только формировалось из различных форм общежития; сейчас он, по всей видимости, призван постулировать, что, помимо граждан государства, существует другой их подвид — граждане общества. Это если допустить в современной России существование социума, независимого от государственных институтов. Между тем, некоммерческие организации или получают гранты непосредственно из бюджета, или также финансируются государством, но уже через какие-то полулегальные, «серые» схемы. Семья тоже «освящена» государственным патронажем: Основной Закон РФ определил Институт брака как союз мужчины и женщины. В дискурсивных политологических практиках понятие «гражданское общество» пользуется известной популярностью, однако, к реальности данный симулякр не имеет никакого отношения. Это одно из тех расплодившихся в современной гуманитаристике понятий, которое, возможно, в силу неукорененности его в отечественной традиции было заимствовано буквально из перевода англоязычного словосочетания *civil society*. В английском языке формальное присоединение прилагательного к существительному служит для соединения двух сущностей: с одной стороны, некоего community, т. е. общности (множества) и персоны — гражданина, с другой. В русском переводе существительное «гражданин» растворяется в прилагательном буквально, как в химической реакции, — во множестве себе подобных сущностей: молекул и атомов. Отсюда, возможно, проистекает столь популярная в отечественном дискурсе адресация — «граждане». Это совсем не филологическая, а социальная коллизия. Ее решение, как мне кажется, возможно, в следующих вариантах: вообще исключить из нашего лексикона данный симулякр либо говорить по-русски правильно: общество граждан.

Кто такой, собственно, гражданин? С точки зрения этимологии, он — горожанин, житель города; это — единица, принадлежащая множеству себе подобных, «воображенному сообществу» (термин Б. Андерсона). Гражданином является каждый человек: житель города становится гражданином государства вовсе не в результате выбора, собственного осознанного волеизъявления. Данный статус устанавливается не обществом, а особым политическим институтом — государством. Сам процесс наделения человека статусом гражданина именуется *гражданством*. Хочу обратить внимание, что так называемая «гражданская» тематика и в политической теории, и в юридической практике восходит именно к гражданству, а не к первоисточнику — к гражданину. Гражданин институционализируется в гражданстве, т. е. узаконивается уже по самому факту рождения человека в браке или вне брака, но в государственном медицинском учреждении, что и подтверждается документально — свидетельством о рождении, затем пенсионным страховым свидетельством, паспортом, военным билетом

и прочими документами, сегодня охваченными процедурой цифровизации. Институционализируясь в гражданстве, человек как субъект, источник волеизъявления исчезает, превращаясь в объект внутригосударственных и межгосударственных отношений. В современном мире гражданство — ответственность государства, товар: гражданство продается и покупается, оно становится предметом государственных поощрений или репрессий, наград и кар. При рождении человека гражданство дается ему в долг, оно подобно кредиту, возвращение которого становится пожизненной обязанностью человека. В гражданстве происходит институционализация не только человека, но и политического целого — полиса, Левиафана, политического тела и прочего — какими бы именами ни называлась универсальная политическая общность *государственности*.

Над вопросом «*Что такое государственность?*» автор статьи задумался задолго до того, как термин вошел в современную отечественную моду — в статье «*Политическая рефлексия и понятие “государственность”*» (ПОЛИТЭКС, 2013. Т. 9. № 4). Здесь государственность трактуется как функциональная и генетическая зависимость двух переменных: первая — это институциональный ряд организаций и норм, концентрирующихся вокруг власти, народа/населения, и территории; второй ряд — идеологический; каждая историческая эпоха наполняет общественное сознание собственным идейным, философским, мировоззрительным содержанием; в исторической России эти трансформации отображает знаменитая уваровская «триада»: «*православие, самодержавие, народность*».

Современная российская политика, как известно, апеллирует к государственности и гражданственности, требуя от представителей гуманитарного знания хотя бы элементарного понимания, какие идеалы и ценности должны служить ориентирами для формирования то ли «образа будущего», то ли «национальной идеи». Чтобы не отвлекаться на частные моменты, сформулируем несколько тезисов, общий знаменатель которых — концепция «*институционализации гражданина*».

1. Создавать велосипед нет необходимости, достаточно соединить государственность с гражданином. Инвариантом и фундаментом политической цивилистики, если и когда таковая будет сформирована, должен быть не «гражданство» как в настоящее время, а «гражданин». Никакая государственность не существует вне и помимо граждан. Самая элементарная формула термина «государственность» известна с античных времен; это «единое во многом», или *единое многое*.
2. Собранные количественно люди не обретают новое качество; граждане как были первоначально номинальными жителями, приписанными к некоей общности, так ими и остаются.
3. Имманентной, реальной, а не трансцендентной, воображенной, целью государственности — источником единства многих является каждый. Именно от состояния каждого гражданина зависит здоровье целого организма.
- 4.1. Существует два принципиально различных типа государственности: в одном случае гражданин является *объектом* политики, в данном варианте он опредмечен и функционирует как ресурс («*вторая нефть*»), как инструмент, орудие, собственность. Для обозначения принадлежности гражданина государству существует формула «гражданин государства»: это калька с немецкого: *staatsbürger*. В качестве отечественной разновидности данной схемы приведу оригинальный слоган современного отечественного политического дискурса: «государство для граждан». В последнее время данная тема получила распространение и официальную поддержку. Общественная организация под названием «*Центр стратегических разработок*» создала презентацию Стратегии развития России в 2018–2024 годах (См.: <https://strategy.csr.ru/gosudarstvo-dlya-grazhdan>). Другой пример. Председатель Правительства РФ М.В. Мишустин на одном из совещаний в начале февраля 2023 г. назвал «государство для граждан» «*новой культурой госуправления*», заявив, что целью данной культуры является сосредоточение «*работы властей вокруг интересов каждого конкретного человека*» (<https://tass.ru/obschestvo/13584589>). Академическая политическая наука как-то совершенно безучастно наблюдает за филологическими, журналистскими, практиками подобного рода. Что в данной формулировке, собственно, «*нового*»? Тренированный политологический «слух», по аналогии с музыкальным, без труда различит известный старшему поколению слоган из Введения к Программе КПСС (1961): «*Все во имя человека, для блага человека*». Вполне вероятно,

что реакция будет ироническая: все знают продолжение этих правильных слов, только в виде анекдота: «...и вы знаете этого человека!»

- 4.2. Другой, противоположный, тип государственности определяет гражданина как *субъект*. Буквально слово «субъект» означает то, что находится *под*, т. е. лежит в основании. При данном толковании гражданин — это хозяин, собственник, источник политической власти и ее цель. В подобном случае гражданин превращается в самодержца, т. е. самостоятельно держит пресловутые метафорические скрепы государственности и становится главным источником политической власти. Тогда государство принадлежит гражданину, и это означает «государство гражданина».
5. Политическая институционализация гражданина предполагает актуализацию его субъектности, и это вовсе не формальная включенность персоны в дела воображенного целого (участие): он уже не проситель помощи, клиент, нуждающийся в услугах со стороны государства, а подлинный его хозяин. В этой связи предлагаю легитимировать в политологическом сообществе термин — «гражданство», чтобы не путать с гражданственностью как процедурой возвращения некоего общественного долга. Гражданство — есть осознанный экзистенциальный выбор политического человека — между быть и нести полную ответственность и не быть, т. е. безвольно принадлежать. В пользу быть, разумеется. В данном контексте: государство не *для* гражданина, а само по себе является продуктом осознанных отношений между гражданами.

ВЕКТОР РАЗВИТИЯ ЭЛЕКТРОННЫХ СЕРВИСОВ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ВЛАСТИ И ГРАЖДАН В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ И ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО ЦИКЛА

Высокотехнологичные инструменты взаимодействия власти и общества продолжают внедряться в государственные информационные системы по всему миру и в России. Государства активно используют как новые средства и формы взаимодействия для обеспечения эффективной коммуникационной среды внутри различных органов власти и между властью и обществом, так и применяют передовые технологические средства для мониторинга, выявления правонарушений и принятия управленческих решений на различных уровнях.

Сегодня исследователями среди ключевых особенностей развития электронных сервисов и электронной демократии в России выделяются их неоднородность, нелинейность и фрагментарность (Морозова и др., 2023, 466). В условиях санкционного давления, ограничения поставок западной высокотехнологичной продукции и оттока специалистов, государственные информационные сервисы практически всех уровней регулярно сталкиваются с техническими неполадками. И если в Петербурге рядовые граждане временно получали возможность не платить за стоянку автомобилей из-за неработающей системы городских парковок (В оплате парковок — сбой, 2023), то в Москве электронный сбой мешал гражданам осуществить важнейшее политическое право на волеизъявление в ходе выборов (Ни один терминал не работает, 2023).

Стоит отметить, что развитие механизмов электронного управления и взаимодействия власти и граждан находится в зависимости от политической конъюнктуры (Белый и др., 2022, 106). Все более очевидным становится усиление вектора развития сервисов в сторону централизации управления, обеспечения контроля государством за всеми процессами, а также защиты самих сервисов от возможного внешнего воздействия.

Изучение программных документов и дорожных карт проектов Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации позволяет выявить высокую заинтересованность государства в развитии автономных сервисов и платформ, выстроенных на базе отечественных программных решений. Так, Минцифры планирует внедрение автоматизированного рабочего места госслужащего (АРМ ГС), ключевой идеей развития которого является создание рабочей среды на базе системы VK Teams, которая позволит вывести государственных служащих и чиновников из иностранных сервисов и приложений, включая мессенджеры по типу Telegram.

Отметим, что лишь на указанный проект из бюджета будет выделено около миллиарда рублей на ближайший год (На замену Telegram, 2023). Это также позволяет сформулировать предположение, что в условиях отсутствия конкуренции из-за ухода с рынка западных компаний и необходимости замещения иностранных решений отечественными, налогоплательщики будут переплачивать за создание и развитие электронных сервисов и различных технологических инструментов. Такая вынужденная ситуация из-за обострения международных конфликтов вынуждает государство тратить значительные средства на автономность и защиту критической инфраструктуры систем электронного взаимодействия.

Российские электронные сервисы должны подойти в полной готовности к очередному электро-ральному циклу, включающему президентские выборы, в ходе которых активное участие молодежи, а, значит, во многом, и легитимация процесса выборов, может быть обеспечена только электронными государственными сервисами, включая сервисы дистанционного электронного голосования. И если незначительные сбои в работе систем на региональных выборах не влияют на политический рейтинг действующей власти, то потенциальные сбои на федеральном уровне могут перерасти из технических проблем электронных сервисов в реальные политические проблемы государства.

Электронные сервисы активно создаются и внедряются в целях интеграции новых регионов и формировании основ для государственного управления. Так, Минцифры объявило о сервисе «Я в России», который позволяет жителям Херсонской, Запорожской областей, а также ДНР и ЛНР осу-

ществить регистрацию по месту жительства, получить паспорт, ИНН, СНИЛС, различные выплаты и льготы (Для жителей..., 2023).

Активно внедряются городские мониторинговые и аналитические системы с применением искусственного интеллекта для обеспечения контроля за нарушителями ПДД (В Москве камеры..., 2023), анализа режимов незаконной торговли (В Подмосковье..., 2023) и даже выявления планируемых правонарушений (Тревожное будущее..., 2023). При этом инициативы в области учета мнений населения в русле процессов электронной демократии не уходят дальше популистских заявлений, не имеющих значительный политический вес групп. Так, партия «Новые люди» предлагала ввести ежегодную оценку эффективности деятельности руководителей регионов через портал «Госуслуги». По их мнению, электронные механизмы обратной связи должны повлиять на учет мнений граждан при принятии решений политиками всех уровней, тем самым обеспечивая снижение социально-экономической напряженности, а также повышая эффективность работы чиновников (В Госдуме, 2023). На текущий момент такие сервисы еще не появились, и их широкое внедрение не включено в программы развития.

Таким образом, ключевой вектор развития электронных государственных сервисов в России сегодня заключается в целевом назначении сервисов, направленном на рост эффективности надзорных и контролирующих органов власти, оптимизацию центров обработки данных населения, обеспечение их защиты и автономности, в том числе в условиях вынужденных повышенных экономических затрат из-за сложившейся международной ситуации. При этом даже массовые электронные городские сервисы, такие как сервис оплаты парковки в Санкт-Петербурге, могут сохранять исключительно бюрократизированные «бумажные» механизмы обратной связи граждан, что свидетельствует о низкой заинтересованности власти в электронных формах непосредственного взаимодействия с гражданами, которые могли бы представлять качественно иной уровень взаимодействия. В целом, принцип «единого окна», используемый государством при развитии сервисов, позволяет лишь сменить форму подачи жалоб и обращений с очной и бумажной на электронную и удаленную. Безусловно, это может повышать эффективность работы органов власти и улучшает сервис для граждан, хотя и не представляет новых демократических механизмов взаимодействия и управления.

Литература и источники

Белый В.А., Видясова Л.А., Чугунов А.В. Электронная среда взаимодействия власти и граждан в современном мегаполисе // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2022. Т. 15. № 2. С.105–122.

В Госдуме предлагают установить систему оценки депутатов, мэров и губернаторов через «Госуслуги» [15 марта 2023]. — <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2023/03/15/966533-ustanovit-sistemu-otsenki-kpi-deputatov-merov-i-gubernatorov/>

В Москве камеры начнут штрафовать за непристегнутых пассажиров. [21 сентября 2023]. — <https://www.rbc.ru/society/21/09/2023/650bf0949a794710b1d66ab>

В оплате парковок — сбой. Парконы приостановили фиксацию. [7 сентября 2023]. — <https://www.fontanka.ru/2023/09/07/72679379/>

В Подмосковье к нейросети для выявления незаконных мест торговли подключат 3 тыс. камер. [18 июля 2023]. — <https://tass.ru/obschestvo/18299405>

Для жителей новых регионов разработан новый сервис «Я в России». [8 сентября 2023]. — <https://www.garant.ru/news/1646187/>

Морозова С.С., Будко Д.А. Особенности развития цифровой демократии в крупных городах России (на примере Санкт-Петербурга) // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2023. Т. 18. № 4. С. 456–469.

На замену Telegram для чиновников потратят еще почти 1 млрд рублей. [28 июня 2023]. — <https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2023/06/28/982637-na-zamenu-telegram-dlya-chinovnikov-potratyat-esche-1-mlrd-rublei/>

Ни один терминал не работает. Десятки москвичей пожаловались, что не могут проголосовать онлайн и на участках. [8 сентября 2023]. — <https://msk1.ru/text/politics/2023/09/08/72687734/>

Тревожное будущее? В Японии технология ИИ будет выявлять «потенциальных» преступников. [23 июля 2023]. — <https://www.techinsider.ru/popmem/1604973-trevojnoe-budushchee-v-yaponii-tehnologiya-ii-budet-vyavlyat-potencialnyh-prestupnikov/>

ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ ПОНЯТИЙ «СОВЕТСКИЙ» И «РУССКИЙ» В ДИСКУРСЕ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО НАЦИОНАЛИЗМА

После крушения Советского Союза одновременно с построением рыночной экономики и формированием новой формы государственности перед обществом встал вопрос национальной идеи. Марксистско-ленинская идеология была демонтирована, на ее месте образовался вакуум, создавший возможности для конкуренции самых различных идеологем. Некоторые группы интеллектуалов обратились к гуманитарным традициям дореволюционной России, отчасти из-за слабой встроенности советских гуманитарных наук в мировой научный процесс, отчасти из-за общего неприятия советского опыта.

Так, наиболее образованные деятели современного русского национализма нашли основу для своей идеологии в дореволюционной философии, что придавало еще больший импульс развитию негативного отношения к советской эпохе.

Рассматриваемых в данной работе националистов отличают от групп, более широко известных, проявляющих себя путем ксенофобии, расизма, этнической нетерпимости и выражающих себя в формате одиозных националистических организаций, особые идеологические установки в рамках исторической дихотомии «Россия — Запад».

Самоопределение рассматриваемых в докладе интеллектуалов в качестве русских националистов уже является идеологической позицией, если учитывать сформировавшийся в советской гуманитарной науке стереотип негативной трактовки понятия «национализм» как противопоставленного понятию «патриотизм».

Уже на понятийном уровне принадлежность к современному русскому национализму подразумевает принятие западных классических ценностей в противовес советским и постсоветским идеалам «особого пути». Это приводит нас к цели исследования: оценить взаимоотношение образов «советский» и «русский» в дискурсе современного русского национализма.

Материалом для исследования послужили образцы исследования современного русского национализма, распространяемые через Интернет. Развитие Интернета и появление социальных сетей оказало значительное влияние на маргинальные дискурсивные практики современного русского национализма, позволив расширить аудиторию, став одновременно и издательством, и архивом, и трибуной.

Наиболее ярко это проявилось в феномене Дмитрия Галковского, публициста, писателя и философа и его последователей, по остроумной формулировке Константина Крылова, еще одного националиста, «входящих в галковский дискурс»: Егора Холмогорова, обозревателя и публициста; Егора Просвирнина, бывшего главного редактора проекта «Спутник и Погром»; Свята Павлова и Артемия Сыча, продолжателей дела Просвирнина, авторов проекта «Царское телевидение».

Эмпирическую базу исследования составляют материалы гостевой книги (гестбука) персонального сайта Дмитрия Галковского «Самиздат», публикации в его персональном блоге на портале «Livejournal», а также публикации, комментарии и публичные высказывания последователей Галковского.

Результатом деятельности Галковского в формате гостевой книги собственного сайта стало создание группы единомышленников и последователей, готовых поддерживать его идеи. Именно здесь зародился ряд дискурсивных стереотипов, получивших в дальнейшем широкое распространение среди современных русских националистов.

Лексема «советский» является одной из наиболее часто упоминаемых среди 240 тыс. слов текста гостевой книги (141 упоминание).

С самого начала своей творческой деятельности Галковский подробно описывает тесную связь «советского» и «русского». В одном из своих главных прозаических произведений Дмитрий Галковский предлагает следующее описание лирического героя романа Одиноква, альтер-эго Галковского:

«Я максимально советский человек, именно советский человек определенной эпохи. Мне сказали: надень пиджачок и иди. И я пошел, пошел. <...> В пиджаке, с портфелем в руке и “Комсомольской правдой” в кармане. Про любовь же мне ничего не сказали» (Галковский, 2008, с. 581).

С течением времени у Галковского, однако, встраивается строгая система сословно-иерархических противоречий между понятиями «русский» и «советский». Эти дискурсивные маркеры «советско-сти», зародившись в обсуждениях гестбука, распространились в трудах последователей Галковского, со временем получив понятийную стройность.

Так, ярким примером подобного становится описание смерти отца Одинокова. Рассказывая об этом «типическом событии в типических обстоятельствах», Одинокоев в первой заметке пытается воссоздать дискурсивную практику XIX в., описывая события в сюжетных и языковых клише русского реализма: «*Перед смертью к отцу в палату пришел священник, и он умер как христианин, причастившись. Его похоронили на Ваганьково...*» (Галковский, 2008, с. 228)

Однако, в одной из следующих заметок возвращаясь к событию, Одинокоев эти клише разбивает: «*Как же... Попа привел придурковатый родственник. <...> Да и что незнакомый священник мог понять в нечленораздельном мычании отца, когда его и родные часто с трудом понимали. «Отец умер как христианин». Как инженер он умер, как советский инженер»* (Галковский, 2008, с. 373).

Предсмертная исповедь отца, которая по законам жанра должна быть смиренным раскаянием, превращается в набор нечленораздельных звуков, которые священник не может разобрать.

Христианской кончине противопоставляется кончина «советская», соответственно на смысловом уровне слово «советский» приобретает антихристианские, «античеловеческие» коннотации, которые Галковский развивает в дальнейшем (Оробий, 2009).

В одной из бесед на гестбуке Галковский пытается объяснить суть советского общества: «*Суть <...> была в напряженной, злой культуре — вызове. Но создавать такой общество надо под какое-то дело. Нужен был предлог.*

И его нашли в «электрификации», «индустриализации». Или глубже, если рассмотреть причину «планового хозяйства», — в отмене собственности. То есть в нарушении естественного, природного права человека. Даже животной его потребности» (Галковский, 2020).

Постепенно описания Советского Союза и всего советского становятся все более негативными. Интересным становится признание за «советским» права на отдельное от «русского» существование.

Так, спустя некоторое время после предыдущего обсуждения Галковский замечает: «*Совок сделал нравственный идиот, чтобы люди мучались всю жизнь. Они и мучаются до сих пор. <...> Построили новое общество “строители советские”. “Архитекторы вселенной”. Но ведь что ни делают коммунисты, за что не возьмутся — на всем оставляют печать глупости, подлости. Дом построили, не спорю, но ведь дом можно построить по-разному. СССР построили с окнами на помойку, с нелепыми коридорами, чтобы люди натыкались друг на друга и ссорились, с гриппозными сквозняками и ядовитыми обоями. Чертова работа, проклятый дом»* (Галковский, 2018).

Советское у Галковского становится чем-то, уступающим русскому в сравнении (Галковский, 2004): «*Можно из советского стать русским? К сожалению, да. «К сожалению», потому что это угнетает советскую культуру, превращает ее в нечто золотушное, изначально убогое. «На соплях».*

Русскость же Галковский продолжает описывать в терминах начала XX века. «*[От советского люди] убегают <...> в себя. А там, внутри, времени нет, и настоящая русская культура жива <...>.*

Со временем Галковский перестает видеть в «советском человеке» конкурента русскому. «*Русские и советские с точки зрения политической окончательно перестали быть конкурентами. Надо только перестать набиваться друг к другу в родственники».*

Однако эта тема не получила широкого развития в публицистике представителей «галковского дискурса», в отличие от противопоставления «советский = русский».

В одном из своих постов на личном блоге Константин Крылов отрицает тезис другого публициста о том, что «советчина является неотъемлемой частью современной русской идентичности», аргументируя свою позицию апелляцией к антиестественности и искусственности советского проекта (Крылов, 2013). «*Никакое сохранение советских достижений невозможно в принципе. Возможно только сохранение некоторых советских язв и стигматов, и то благодаря постоянному их расковырива-*

нию нынешними властями. Но удержать какой бы то ни было советский “позитив” можно и не пытаться, если только мы не ставим себе задачу восстановления советского строя».

Впоследствии Крылов дополняет свою мысль: «*Может ли разрушиться советское рабское сознание? Да, может. Советский человек разрушается от самого факта существования русских. То есть тот факт, что кто-то не есть Раб, причиняет советскому человеку невероятную боль <...>. Советские часы свое отбили. Важно лишь, как долго советское мировоззрение задержится на нашей земле. Ибо оно — единственная опора власти и единственное основание для гибели русского народа в наши дни*» (Крылов, 2014).

Схожую позицию занимает Егор Холмогоров. Особый акцент он делает на «стокгольмский характер» советско-русских отношений. Так, в своем телеграм-канале он следующим образом комментирует публикацию интервью Александра Зиновьева под заголовком «Советская власть была вершиной эволюции русской идеи» (Холмогоров, 2014): «*В очередной раз как будто кто-то хрустнул пенопластом. Всегда не очень долюбивал этого мыслителя. Зиновьев всю жизнь был этнически русским человеком, который настолько отчужден был советской властью от всего русского — культуры, религии, от всех тех определенных национальных черт, которые только и дают радость быть русским, что это, в конечном счете, вызвало у него тяжелый стокгольмский синдром — высшим осуществлением русской идеи у него стала советская коммуналка (то есть дом, отнятый у убитых или изгнанных русских, куда вселили русских, лишенных своих деревенских домов, перемешав их с евреями)*».

Необычный формат сочетание терминов «советский» и «русофоб» получило в проекте «Спутник и Погром». Авторы проекта нашли пример советской русофобии на плакате 1958 г. (Спутник и Погром, 2020). На плакате сравнивается состояние экономики Российской империи, изображенное в виде хлипкого и разваливающегося самовара в императорской короне и большого размера заводской трубы, на которой изображен герб СССР. На плакате написано четверостишие:

*«Скачок мы сделали огромный,
Не остывает стройки жар.
Как жалок рядом с великаном
Самодержавный самовар».*

Авторы «Спутника и Погрома» следующим образом комментируют плакат: «*Советская русофобия: традиционный символ русской культуры — самовар — представляется как нечто жалко, отсталое, да еще и тюремное (обратите внимание на решетки в самоваре), противопоставляясь пролетарской безнациональной прогрессивной бочке с лицом типичного гопника*».

Еще один пример русофобии советского строя авторы «Сип» находят в Малой советской энциклопедии, вышедшей в свет в 1929 г. В статье «Россия» дается сделанное в духе советского антиколониализма описание российской истории как «искусственной схемы, дворянско-буржуазной историографией вытянутое в эволюционную линию, насыщенную великодержавным шовинизмом, призванную скрыть политику угнетения и насилия российского самодержавия над нерусскими народностями, доказать вечность и незыблемость самодержавной России».

Авторы, комментируя публикацию, приходят к выводу: «советский — значит русофоб».

Совместное использование лексем «советский» и «русофоб» позволило найти на портале «Спутник и Погром» более 196 записей, среди которых можно обнаружить как исторические публикации «этот день в истории», так и более масштабные тексты, как, например, статья, развенчивающая «русофобию» вселенной Властелина колец (Руцкой, 2014) «Про орков и русских, или как Толкина в русофобы записали».

Артемий Сыч и Свят Павлов, продолжившие дело Просвирнина после его трагической гибели, делают о советской эпохе далеко идущие, хоть и однозначные выводы (Спутник и Погром, 2021): «*Из событий 1917 года и всей той большевистской вакханалии, что последовала за этим на русской земле (да и продолжается по сей день), нам, русским людям, надо вынести один очень важный урок: левые — это всегда национальные предатели и русофобы. Как бы они ни пытались замаскировать свою ложь за державной риторикой*».

Нашлось место и объяснению истоков российско-украинского конфликта: комментируя памятную дату Переяславской Рады, решением которой было объединение территории Войска Запорожского

с Русским царством, Артемий Сыч (2022) на своем личном телеграм-канале описывает традиционную трактовку этого события, как «советский миф, который разрушил единство нашего народа и наших земель».

Таким образом, можно проследить за тем, как тема русофобии советского общества развивалась в публицистике современных русских националистов. Получив острый негативный оттенок в «Бесконечном тупике» Галковского, тема приобрела иерархичную строгость отделения «советского» от «русского» в гестбук и «Живом Журнале» публициста, где дискурсивные практики были переняты носителями «галковского дискурса»: Константином Крыловым, Егором Холмогоровым, Егором Просвирниным, коллективом авторов «Спутника и Погрома». В процессе дискурс приобретал необычные формы, от мемов и анекдотических ситуаций, как части современного медиалора, до полноценных публицистических работ.

Литература и источники

Галковский Д.Е. Русские и Советские // Пост в Живом Журнале от 04.04.2004. URL: <https://galkovsky.livejournal.com/22355.html> (дата обращения: 15.09.2023).

Галковский Д.Е. Бесконечный тупик: в 2 кн. М.: Издательство Дмитрия Галковского. — 2008.

Галковский Д.Е. // Публикация ВКонтакте от 21.03.2018. URL: https://vk.com/wall-109186196_38005 (дата обращения: 15.09.2023).

Галковский Д.Е. // Публикация ВКонтакте от 29.10.2020. URL: https://vk.com/wall-9143630_248934 (дата обращения: 15.09.2023).

Крылов К.А. Апология поручика Голицына // Пост в личном блоге от 25.05.2013. URL: <https://krylov.cc/blog/2013/06/25/11729/> (дата обращения: 15.09.2023).

Крылов К.А. Павел Святенков о Советском // Пост в личном блоге от 17.12.2014. URL: <http://krylov.cc/blog/?p=10960> (дата обращения: 15.09.2023).

Оробий С.П. Концепция русского православия в произведении Д.Е. Галковского «Бесконечный тупик» // Религиоведение. — 2009. — № 2. — С. 156–161.

Руцкой Д. Про орков и русских, или как Толкина в русофобы записали // Спутник и Погром. URL: <https://sputnikipogrom.com/culture/14075/tolkiens-russophobia/> (дата обращения: 15.09.2023).

Спутник и Погром // Публикация ВКонтакте от 22.08.2020. URL: https://vk.com/wall-40399920_600082 (дата обращения: 15.09.2023).

Спутник и Погром // Публикация в Телеграм от 07.11.2021. URL: <https://t.me/sputnikipogrom/11897> (дата обращения: 15.09.2023).

Сыч А. // Публикация в Телеграм от 18.05.2022 URL: https://t.me/iskra_press/2346 (дата обращения: 15.09.2023).

Холмогоров Е.С. // Публикация в Телеграм от 17.12.2014. URL: <https://t.me/holmogortalks/2374> (дата обращения: 15.09.2023).

Холмогоров Е.С. Три жизни Игоря Шафаревича // Взгляд URL: <https://vz.ru/columns/2017/2/21/858839.html> (дата обращения: 15.09.2023).

КОММУНИКАЦИЯ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Интернет-технологии сильно поменяли нашу повседневную жизнь. Если на начальной стадии развития Интернета его рассматривали только как средство коммуникации, то теперь мы можем говорить о виртуализации нашей жизни и повседневных практик. Пространства Интернета, а в частности социальных сетей и мессенджеров стало «виртуальным третьим местом», то есть, если обращаться к теории «третьего места» Р. Ольденбурга, местом неформального общения и встреч людей (Мартьянов, 2019, 245–248).

Такое изменение в повседневной жизни рано или поздно приводит к тому, что социальные институты начинают подстраиваться под меняющуюся реальность и встраиваться в эту виртуальную среду.

Русская православная церковь (РПЦ) не является исключением. Если обратиться к истории РПЦ, то можно заметить, что организация обладает достаточно высокой адаптивной способностью (вспомним времена советской власти, когда организация фактически находилась под запретом).

Сейчас Церковь стоит перед новым вызовом — вызовом цифровизации и виртуализации общественно-политического пространства. Цель работы — попытаться наметить те основания, на которых РПЦ встраивается в интернет-пространство. Для реализации этой цели мы считаем необходимым обратиться к существующей внутри Церкви нормативной базе, которая регулирует деятельность в интернет-пространстве, на этой основе выделить проблемы и оценить перспективы дальнейшего развития коммуникации.

Для начала необходимо отметить, что с начала 2000-х РПЦ начинает уделять серьезное внимание работе с информационными потоками. В послании Архиерейского собора 2004 г. был поставлен вопрос о необходимости выражения Церковью собственной позиции по актуальным вопросам: «Участие православных священнослужителей в теле- и радиопрограммах, публикация в средствах массовой информации материалов, выражающих церковную позицию по актуальным вопросам современности, должны стать регулярными» (Послание Освященного Архиерейского собора клиру, 2004).

С этого же времени Церковь начинает работу в интернет-пространстве. Так, Алексей II рассматривал Интернет как дополнительное средство распространения христианства и возможность информировать людей о делах церкви (Доклад Святейшего Патриарха Алексия II на Епархиальном собрании г. Москвы, 2004).

Также было сформулировано, что является официальной информацией организации: «...статусом официальной информации Русской православной церкви могут обладать только документы церковного Священноначалия, официальные информационные материалы о его деятельности, о других важнейших событиях, происходящих в Церкви, или о занятой ее Священноначалием позиции по тем или иным вопросам» (Журнал заседаний Священного Синода, 2005). При этом отдельно отмечено: «Официальной информацией не могут считаться авторские статьи, интервью, дискуссионные выступления, публицистические тексты, устные комментарии» (Журнал заседаний Священного Синода, 2005).

В 2007 г. была принята «Концепция миссионерской деятельности Русской Православной Церкви», где в главе «Формы и методы современной миссионерской деятельности» Интернет обозначен как одна из форм распространения религии (Концепция миссионерской деятельности Русской Православной Церкви, 2007). Эта концепция, по мнению иерея Виктора Ленок — один из первых шагов к регламентации миссии в Интернете (Ленок, 2020, 194).

В 2009 г., понимая, что Интернет развивается и необходимо работать на новой площадке, РПЦ разрабатывает «Стандарт присутствия епархий Русской Православной Церкви в Интернете», который формирует основные правила содержательной стороны сайта (Стандарт присутствия..., 2011).

На Архиерейском соборе 2011 г. были затронуты вопросы качества и достоверности информации о деятельности Церкви, принят документ «Отношение Русской Православной Церкви к намерен-

ному публичному богохульству и клевете в адрес Церкви», где факторы противодействия клевете рассматриваются через информационную деятельность (Отношение Русской..., 2011).

Итоговый документ Международных Рождественских образовательных чтений от 2016 г. говорит о необходимости Церкви использовать потенциал социальных медиа при ведении миссионерской деятельности и реализации различных проектов (Итоговый документ XXIV Международных Рождественских образовательных чтений «Преподобный Сергий. Русь. Наследие, современность, будущее», 2016).

Таким образом, РПЦ в своих документах закрепляет необходимость работы в интернет-пространстве, как с точки зрения официальной позиции, так и с точки зрения индивидуальной работы священников.

Что касается содержания информационной деятельности, то она в целом опирается на «Основы социальной концепции» и предполагает широкий спектр тем, исключая только три темы (Основы социальной..., 2000):

- а) политическая борьба, предвыборная агитация, кампании в поддержку тех или иных политических партий, общественных и политических лидеров;
- б) ведение гражданской войны или агрессивной внешней войны;
- в) непосредственное участие в разведывательной и любой иной деятельности, требующей в соответствии с государственным законом сохранения тайны даже на исповеди и при докладе церковному Священноначалию.

Таким образом, священнослужители РПЦ имеют достаточно широкие возможности для представления собственного мнения по тем или иным общественно-политическим темам.

Однако, как мы видим, общей концепции деятельности в интернет-пространстве у Русской православной церкви нет. В этом заключается одна из главных проблем выстраивания коммуникации.

Шаронова С.А., анализируя деятельность Русской православной церкви, обращается к позитивному опыту Римской католической церкви в этом вопросе. Одним из выводов автора статьи является факт того, что отсутствие концепции ведет к неопределенности как со стороны священнослужителей, которые начиная вести свои блоги, зачастую не понимают, на что именно ориентироваться, так и со стороны аудитории, которая зачастую ошибается с выбором информационных ресурсов и оказывается в плену ложных идей (Шаронова, 2021, 29–35).

Еще одной проблемой коммуникации РПЦ, которая также логично вытекает из отсутствия общей концепции, является вопрос того, что может быть перенесено в виртуальное пространство, а какие внутренние процессы должны остаться в офлайн-формате. Так, Медова М.М. приводит данные экспертного опроса, в котором консенсусными в среде экспертов оказались следующие направления виртуализации религии: трансляции богослужений, просветительская деятельность религиозных организаций посредством цифровых технологий, спорными же: вопрос организации цифровых религиозных практик (Мчедлова, Кофанова, Шевченко, 2021, 462–483).

Кроме того, важно отметить и опасность Интернета, а именно репутационных издержек работы в нем. Скандалы, связанные со священнослужителями, наносят серьезный имиджевый урон всей организации (Алексеев, 2022, 116).

Таким образом, коммуникация РПЦ в интернет-пространстве остается достаточно сложным дискуссионным вопросом. С одной стороны, со стороны Церкви существует некоторая регламентация коммуникационной деятельности, с другой, эта регламентация кажется неполной, что влечет за собой ряд проблем, которые в конечном счете оказывают негативное влияние как на внутреннее состояние организации, так и на ее внешний имидж.

Поскольку, как уже было отмечено, Русская православная церковь обладает достаточно высоким уровнем адаптации, дальнейшие перспективы развития коммуникации в Интернете будут зависеть от внешних обстоятельств. Так, COVID-19, с одной стороны, показал, что Церковь достаточно быстро сориентировалась и перевела свою деятельность в интернет-пространство, с другой — неоднородность самой среды, которая по некоторым вопросам не захотела идти по пути официальной стратегии организации.

Литература и источники

Алексеев Н.В. Церковь в информационном пространстве (историко-политологический экскурс) // PolitBook. — 2022. — № 4. — С. 108–121.

Доклад Святейшего Патриарха Алексия II на Епархиальном собрании г. Москвы (15 декабря 2004 г.) [Электронный ресурс] // Сайт Московской (городской) епархии. — Режим доступа: <http://moseparh.ru/doklad-svyatejshego-patriarxa-aleksiya-ii-na-eparxialnom-sobranii-g-moskvy-15-dekabrya-2004-g.html> — Загл. с экрана (10.09.2023)

Журналы заседания Священного Синода Русской Православной Церкви от 16 июля 2005 года [Электронный ресурс] // Официальный сайт Московского патриархата. — Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/28832.html> — Загл. с экрана (10.09.2023)

Итоговый документ XXIV Международных Рождественских образовательных чтений «Преподобный Сергий. Русь. Наследие, современность, будущее» [Электронный ресурс] // Международные рождественские образовательные чтения. — Режим доступа: <https://mroc.pravobraz.ru/dokumenty-page/> — Загл. с экрана (10.09.2023)

Концепция миссионерской деятельности [Электронный ресурс] // Официальный сайт Московского патриархата. — Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/220922.html> — Загл. с экрана (10.09.2023)

Ленок В. Канонические границы православной миссии в Интернете: постановка вопросов // Праксис. — 2020. — № 3 (5). — С. 191–213.

Мартьянов Д.С. и др. Управляемость и дискурс виртуальных сообществ в условиях политики постправды. — 2019.

Мчедлова М.М., Кофанова Е.Н., Шевченко А.Г. Религия в условиях пандемии: отношение к цифровизации религиозных практик // Россия реформирующаяся. — 2021. — № 19. — С. 462–483.

Основы социальной концепции Русской Православной Церкви [Электронный ресурс] // Официальный сайт Московского Патриархата. — Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/419128> — Загл. с экрана (10.09.2023)

Отношение Русской Православной Церкви к намеренному публичному богохульству и клевете в адрес Церкви [Электронный ресурс] // Сайт Московского Патриархата. — Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1401898.html> — Загл. с экрана (10.09.2023)

Послание Освященного Архиерейского Собора клиру, честному иночеству и всем верным чадам Русской Православной Церкви (Москва, 2004 г.) [Электронный ресурс] // Официальный сайт Московского патриархата. — Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/418328.html> — Загл. с экрана (10.09.2023)

Стандарт присутствия епархий Русской Православной Церкви в Интернете [Электронный ресурс] // Живая вода, Санкт-Петербургский церковный вестник, официальное издание Санкт-Петербургской епархии Русской Православной Церкви. — Режим доступа: http://aquaviva.ru/standart_prisutstviya_eparkhiy_russkoy_pравoslavnoy_tserkvi_v_internete_standart_prisutstviya_eparkh.php?clear_cache=Y — Загл. с экрана (10.09.2023)

Шаронова С.А. РПЦ перед вызовами цифровизации // Научный результат. Социология и управление. — 2021. — Т. 7. — № 2. — С. 26–39.

А.Г. Большаков (Казань),
Е.В. Храмова (Казань)

Современные аспекты в анализе парадипломатии

Возможность правосубъектности регионов на международной арене или характер парадипломатии в Российской Федерации волнообразно становились предметом научной дискуссии за весь период новейшей истории постсоветского государства. Особый акцент эта дискуссия приобрела в национальных республиках в силу самых разнообразных политических, экономических и социальных процессов со времен «парада суверенитетов». Справедливости ради стоит отметить, что процесс инициировала именно РСФСР, открывшая этот «парад» событиями в Беловежской пуще. На тот момент некоторые экономически равные ей автономные республики, готовившиеся перейти в категорию союзных до распада СССР, уловили важность момента повышения политического статуса и вступили во властный диалог. Status quo, по мнению ряда экспертов, был достигнут договорами «о разграничении предметов ведения» между федеральным центром и регионами.

Долгое время парадипломатия в РФ, в том числе и в казанской политологической школе, понимается очень узко, в контексте либеральной парадигмы федерализации и глобализации. На наш взгляд, парадипломатия возможна и в государстве с ограниченной федерализацией, и в унитарном государстве. С точки зрения политической науки это нормально и эмпирически доказуемо. Невозможно это с точки зрения либеральной концепции, однако движение современной науки к анализу международной политики в междисциплинарной парадигме шире раскрывает исследователю окно возможностей. Страна, которая территориально, этнически и культурно разделена между западом и востоком может себе позволить в какой-то исторический период взаимодействовать, например только с Востоком. Исходя из такого подхода, концепт парадипломатии может трактоваться в широком смысле.

Изменившийся характер федеративных отношений в России сегодня породил широкий дискурс о возможности регионов государства с усредненным централизованным федерализмом (*авт. — А.Б.*) самостоятельно вести парадипломатические отношения. Однако, по мнению авторов, камнем преткновения в этой части политизированного научного дискурса является отнюдь не степень реальной федерализации, а вообще в принципе возможность субъекта федеративных (пусть декларативных) отношений проводить часть внешней политики от имени и по целям всего государства. С этой точки зрения был проанализирован советский опыт роли структурных единиц советского государства, выставляемого в поле политической науки как авторитарного и даже унитарного.

Определенно «парадипломатия» — термин современной науки. Так, «Дипломатический словарь» под редакцией А.А. Громыко и др. издания 1986 г. еще не содержит понятия «парадипломатия». Но имеющее богатый исторический опыт советское дипломатическое знание уже приближается к точке больших сдвигов в научном видении современных ему мировых политических процессов. Советская дипломатия категориально еще не содержит даже субъективизации гражданского общества как участника дипломатических отношений. Практическая дипломатическая работа строится на четких межгосударственных, межправительственных связях. Однако идеологические принципы, положенные в основу категории «советская дипломатия», выделяют и институционализируют и общество как субъекта-участника дипломатического воздействия (впоследствии — публичная, народная дипломатия), и наделяют правосубъектностью в дипломатическом поле союзные республики.

В числе главных целей социалистической дипломатии выделены «укрепление единства и сплоченности социалистических стран на основе принципа *пролетарского* и социалистического *интернационализма* <...>, разрядка международной напряженности, развитие всестороннего сотрудничества между государствами с различными общественными системами на основе принципа мирного сосуществования» (*курсив — А.Б., Е.Х.*) (Дипломатический словарь, 1986). Во главу угла ставятся интересы пролетариата.

Конституция СССР (1977) в Статьях 73 и 80 определяет роль субъектов всех уровней государства: «Ведению Союза Советских Социалистических Республик в лице его высших органов государ-

ственной власти и управления подлежат: ...п. 10. Представительство СССР в международных отношениях; связи СССР с иностранными государствами и международными организациями; установление общего порядка и координация отношений *союзных республик с иностранными государствами и международными организациями*; внешняя торговля и другие виды внешнеэкономической деятельности на основе государственной монополии»; «Союзная республика имеет право вступать в отношения с иностранными государствами, заключать с ними договоры и обмениваться дипломатическими и консульскими представителями, участвовать в деятельности международных организаций» (Конституция СССР, 1977).

На практике Советский Союз активно использует субъектов, институты и мероприятия того, что впоследствии будет названо «параллельной дипломатией». Достаточно отметить факт вхождения Белорусской ССР и Украинской ССР в число стран-инициаторов ООН. Вспомним также, что по предложению Генерального секретаря ЦК КПСС в 1946 году в число таковых Союз настоятельно рекомендовал внести все шестнадцать (на тот момент) союзных республик, аргументируя это тем, что большинство союзных республик территориально и экономически превосходят целый ряд европейских стран. Но трения с США и Великобританией ограничили это число до двух. Среднеазиатские республики, например Таджикская ССР и Узбекская ССР, представляли собой своеобразную «международную туристическую Мекку», в которую свозили зарубежных туристов как из сопредельных стран, так и практически со всего Евразийского континента и стран Африки. Ежегодно десятки глав государств и правительств, парламентские делегации этих иностранных государств принимались центральными комитетами КПСС среднеазиатских союзных республик.

Конечно, под кураторством МИД СССР шло взаимодействие не только со странами соцлагеря. Так, губернаторов штатов США, как правило, интегрировали с руководством автономных республик, районов и областей СССР: Татарской АССР, Ростовской областью, Алтайским краем, Краснодарским краем и др., а префектов из Японии — с партийным руководством Дальнего Востока и Сибири.

Фактическую деятельность союзных республик по укреплению международных связей и участия их в работе международных организаций можно отследить по обширным архивным материалам ООН, ЮНЕСКО, ЭКОСОС, ЭКАДВ, МОТ, ВОЗ и других, а также в целом ряде изданных воспоминаний руководящих деятелей и ученых советского периода истории бывших союзных республик.

В число мероприятий по продвижению интересов союзных республик на международной арене в разное время входили: международные фестивали молодежи и студентов (где широко и красочно представлялся советский интернационал от союзных и автономных республик, краев, областей), выставки достижений народного хозяйства (организованные павильонами от каждой республики), принятие на учебу иностранных студентов (не только в вузы РСФСР, но и в киевские, уральские и другие вузы страны), направление на стажировки и постоянную работу педагогов советских вузов из разных республик (крупнейшие вузы страны: Московский, Ленинградский, Тартуский, Киевский, Казанский и др.) и пр.

Так, педагоги, окончившие вузы в союзных республиках, имели возможность стажироваться и работать в странах так называемого социалистического лагеря и в развивающихся странах по направлению от Министерства высшего и среднего специального образования РСФСР и Министерства высших учебных заведений Союза ССР. Вполне понятно, что все направляемые проходили соответствующую языковую и политическую подготовку. Однако достаточно вспомнить, в скольких странах мира вспоминают сегодня благодарные ученики «советскую (русскую) учительницу». «Советскую учительницу» — проводника к советской идеологии интернационализма — готовили вузы союзных республик.

Активный процесс вне собственно МИДовских связей шел в рамках научного обмена. Особенно активно были задействованы представители государственных научных учреждений и вузов, базировавшихся не только в союзных, но и в автономных республиках СССР. Наглядным примером тому может служить история науки в Татарской АССР, где традиционно сильны были естественнонаучные, технические и технологические школы по химии, нефтехимии, математике, физике и др. Об этом свидетельствуют публикации и поездки на международные научные мероприятия таких ученых, как: А.Е. Арбузов, М.К. Корбут, В.А. Ульянов, Н.Н. Парфентьев (Берлин, Париж и др.) и др. Татарская АССР в числе республик СССР уверенно лидировала в отраслях народного хозяйства, имеющих большой

вес на мировой арене, приращивая потенциал Союза: нефтедобыча, нефтехимия, химия, машиностроение, самолетостроение, судостроение. В результате заслуги республики были высоко оценены — в декабре 1972 г. ТАССР был присвоен орден Дружбы народов.

Исторический опыт Татарстана показывает, что республика, имевшая в составе СССР всего лишь статус автономной, но высокий ресурсный потенциал, способна реализовывать свои политические интересы и на международном уровне, и сохранять планку этой деятельности высокой даже при смене статуса не только своего, но и страны в целом. С вхождением в состав РФ в качестве полноправного субъекта федерации, РТ сохранила и многократно умножила свой международный потенциал (о чем свидетельствует ее новейшая история региона-лидера субъектов). В условиях современного усредненного централизованного федерализма суверенитет регионов подкреплен разным уровнем ресурсов, и Татарстан, несомненно, входит в число уверенно лидирующих ресурсных регионов. Таким образом, приходим к выводу, что парадипломатия для Татарстана в этом контексте возможна. Представляется реальным провести параллели с историей СССР, где централизующую роль в осуществлении любых дипломатических связей играло МИД, но это стандартное нормальное понимание классической дипломатии. Республики вели реальную дипломатическую работу в своей сфере, можно говорить о сформированной парадипломатии в контексте современной России, а доводы о невозможности ее в отсутствие федерализации считать несостоятельными.

Сегодня Большая российская энциклопедия трактует парадипломатию (параллельную дипломатию) как «публично-властную деятельность субгосударственных акторов по осуществлению ими международных и внешнеэкономических связей» (БРЭ, 2022).

Парадипломатия с нашей точки зрения — это дипломатия регионов. Стоит уточнить, что дипломатия регионов находится в прямой зависимости от их ресурсного обеспечения, а как следствие, от их самостоятельности или уровня суверенизации.

Таким образом, порядка трех десятилетий новейшей истории Российской Федерации татарстанские исследователи: юристы, политологи, международники в анализе региональных возможностей осуществления внешнеполитической деятельности отталкивались от прозападной либеральной концепции федерализма. Можно сказать, даже в ортодоксальном ее варианте: парадипломатия возможна только в условиях федеративных отношений без какого бы то ни было намека на унитарность государства.

Сегодня, на наш взгляд, произошла принципиальная смена парадигмального взгляда на параллельную дипломатию: если раньше регионы в этом контексте рассматривались преимущественно с точки зрения сепаратистских угроз и как инструмент вхождения РФ в процессы глобализации, то сегодня регионы рассматриваются как самостоятельные субъекты ведения внешней политики федерации в целях укрепления экономических, культурных и иных связей. Они выстраивают новый сетевой уровень взаимодействия РФ с внешним миром в требованиях современных реалий «с ориентацией (поворотом) на Восток».

Литература и источники

Громыко А.А. Дипломатический словарь: В 3 томах. Том 2. К-Р / А.А. Громыко, А.Г. Ковалев, П.П. Севостьянов, С.Л. Тихвинский. — М.: Издательство «Наука», 1986. — 501 с.

Михайленко Е.Б. Парадипломатия // Большая российская энциклопедия: научно-образовательный портал. — URL: <https://bigenc.ru/c/paradiplomatiia-dfe592?v=5269356>. — Дата публикации: 21.10.2022.

Союз Советских Социалистических Республик. Законы. Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик [принят на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 г.]. — Москва. — URL: <https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1977.htm#iii> (дата обращения: 15.09.2023).

ТРАНСФОРМАЦИИ СИСТЕМ ПРАВЛЕНИЯ КАК ФАКТОР ПОЛИТИЧЕСКОЙ (НЕ) СТАБИЛЬНОСТИ: ОПЫТ ПОСТСОВЕТСКИХ ГОСУДАРСТВ

Постановка проблемы. На протяжении последнего пятилетия почти все постсоветские государства реализовали крупные конституционные реформы, связанные с изменением системы правления. Можно утверждать, что с 2018 г. начался новый конституционный цикл, затронувший эти государства. В ситуации «незавершенной государственности», характерной для многих стран постсоветского пространства, актуальными остаются конфликты правовой формы и политического содержания. В ряде стран прошли президентские выборы, которые привели к существенному изменению функционирования политической системы. Существенные конституционные реформы были проведены в Грузии в 2018 г., в России в 2020 г., в Кыргызстане и Туркменистане в 2021 г., в Казахстане и Беларуси в 2022 г., в Узбекистане в 2023 г.

В ряде случаев конституционные трансформации проходили на фоне или в результате существенной дестабилизации политической системы, включая политические перевороты или их попытки (Беларусь, Армения, Кыргызстан, Казахстан). В других случаях изменения проводились, напротив, в условиях политической стабильности.

Это ставит перед исследователями вопрос относительно корреляции конституционных трансформаций и политической стабильности, причин и мотивов таких трансформаций и ее результатов в виде влияния на политический процесс, а также соотношения формальных и неформальных институтов в процессе функционирования системы правления. Актуальность решения обозначенной проблемы заключается в возможности прогнозирования политической стабильности и управляемости государств постсоветского пространства в современных геополитических условиях.

При изучении постсоветских политических режимов следует обратить внимание на то, что в них не произошло полного разделения сфер социального действия на политическую, экономическую и общинную (Мадьяр, Мадлович, 2022). В связи с этим вместо формализованных безличных структур обычно доминируют неформальные отношения, которые складываются в патрональные сети (Hale, 2005; Hale, 2015). Поэтому рассматривать институты и отношения в политической сфере как исключительно политические в таких режимах было бы ошибочным: политики и политические партии не ограничиваются только политическим действием, а принимают участие и в экономической, и общинной деятельности, составляя неформальную патрональную сеть. Как отмечает П. Штыков, «классификация отношений между исполнительной и законодательной властью как президентских или полупрезидентских форм приводит к ошибочным выводам о влиянии форм правления, особенно президентско-парламентских, на эффективность и стабильность режима» (Stykov, 2019, 122). Поэтому как мотивы, так и последствия конституционных изменений в большинстве постсоветских государств следует изучать в другой логике и используя другую терминологию.

В связи с этим возникает вопрос о том, имеют ли значение формальные институты в государствах с преобладанием неформальных институтов, кланово-этнических связей в политике.

Методика анализа. Для анализа конституционных изменений систем правления используется методика А. Кроувела с дополнениями О.И. Зазнаева (оценка президентского и парламентского индекса формы правления с последующим определением степени президентализации или парламентаризации) (Зазнаев, 2006). В качестве общей теоретической основы целесообразно опираться на неоинституционализм, а также на концепцию режимных циклов и «патронажного президентализма» Г. Хейла (Hale, 2005; Hale, 2015).

Для анализа постсоветских конституций используется рабочая терминология, предложенная Т. Гинзбургом и А. Симпсером (Ginsburg, Simpser, 2014, 1–20). Они предлагают сгруппировать функции авторитарных конституций в четыре категории: «руководство по эксплуатации» (operating manual), «рекламный щит» (billboard), «проект будущего» (blueprint) и «декорация» (window dressing).

Результаты исследования. Было рассмотрены кейсы существенной трансформации систем правления в 2018–2023 гг. в Грузии, России, Кыргызстане, Туркменистане, Казахстане, Беларуси, Узбекистане (таблица).

Таблица.

Трансформация систем правления в постсоветских государствах в 2018–2023 гг.

Государство	ИФП до реформы	ИФП после реформы	Субъект определения направлений внутренней и внешней политики
Грузия	–1	–4	Парламент
Россия	+7	+6	Президент
Кыргызстан	+1	+5	Президент
Туркменистан	+8	+7	Президент
Казахстан	+5	+5	Президент
Беларусь	+6	+6	ВНС и Президент
Узбекистан	0	0	Парламент

В Грузии произошла значительная парламентаризация системы правления (2018). Президент становится символической фигурой и с 2024 г. будет избираться непрямыми выборами.

В России произошла незначительная парламентаризация системы правления (повышение парламентской ответственности членов правительства, «привязка» президента к исполнительной власти). В Кыргызстане состоялась президенциализация системы правления, в Туркменистане — незначительная парламентаризация, в Казахстане индекс остался неизменным. В Беларуси после реформы 2022 г. и в Узбекистане после реформы 2023 г. значения индекса не изменились.

Очевидно, что этот анализ почти ничего не говорит о реальных изменениях.

В Беларуси главные изменения состояли в институционализации президентской власти через политическую партию и расширение президентских полномочий на основе предоставления права действующему президенту возглавлять Всебелорусское народное собрание — высший орган власти с крайне широкими полномочиями. Были созданы правовые условия для формирования доминирующей партии («Белая Русь») и некоторого ограничения полномочий будущего президента. В Узбекистане действующему президенту было предоставлено право избираться еще на два семи-летних срока.

В Туркменистане был возрожден Халк Маслахаты — высший орган власти, упраздненный после смерти первого президента С. Ниязова. Его возглавил второй президент Г. Бердымухаммедов, передавший президентскую власть своему сыну С. Бердымухаммедову. Орган соединяет в себе полномочия законодательной, исполнительной и судебной властей. Тем самым ушедший президент обещал себе ведущую роль после ухода с поста президента при новом президенте (сыне).

В Казахстане из конституции устранены понятия «Елбасы» (Национальный лидер) и «Первый президент Республики Казахстан», которому были предоставлены особые полномочия. Произошло институциональное усиление действующего президента, прекращение двоевластия, что является фактором стабилизации системы и недопущения кризисов в будущем.

В России определен порядок продления полномочий действующего президента и усилен парламентский компонент в системе правления — ответственность членов правительства перед парламентом наряду с ответственностью перед президентом. Это и потенциальный фактор стабильности в преддверии окончания второго президентского срока В. Путина, и создание механизмов на случай ухода действующего президента со своего поста (снижение полномочий для потенциального преемника).

В Грузии и Кыргызстане реальные изменения в большей степени соответствуют конституционным. Они хорошо «улавливаются» индексной методикой. В других рассмотренных государствах методика не очень хорошо демонстрирует, что поменялось в реальном политическом процессе.

Интерпретация результатов и обобщение. Основной целью изменений в конституциях был вопрос о власти, а точнее — об укреплении власти и повышении стабильности политической системы.

В одних случаях это было сделано в ситуации серьезной угрозы стабильности и попыток переворотов, в других — в ситуации стабильной политической системы.

Для реализации этой стратегической цели были избраны разные тактические приемы:

1. Президентские выборы как фактор дестабилизации системы или следствие ее дестабилизации под влиянием массовых протестных движений, угрозы дестабилизации политической системы, необходимости решения вопроса о транзите власти: Беларусь, Кыргызстан, Казахстан. Реформа системы правления привела к стабилизации политической системы.
- 2а. Необходимость решения вопроса о транзите власти в условиях стабильности: Туркменистан, Россия, Узбекистан (продление сроков полномочий действующих президентов либо создание институциональных условий для их сохранения в качестве субъектов политического процесса в ином качестве). Проведение реформ системы правления, а затем президентских выборов (или одновременно с выборами).
- 2б. Реформа системы правления после парламентских выборов. Частный случай предыдущего варианта: в условиях относительной стабильности консолидация исполнительной и законодательной власти одним политическим субъектом, без «разделенного правления» (Грузия). Реформа системы правления, а затем проведение новых президентских и парламентских выборов по новым правилам (2024).

Итак, в первом случае «перезагрузка» произошла под прямой угрозой коллапса после выборов (передачи власти), во втором случае «перезагрузка» проведена для недопущения потенциального коллапса (или дестабилизации) в результате передачи власти в будущем.

С точки зрения типологий функций конституции «руководство по эксплуатации» характерно для Грузии, Кыргызстана, России, Беларуси: здесь снижен разрыв между формальными и неформальными институтами; «декорация» и отчасти «проект будущего» характерны для Узбекистана, Туркменистана, Казахстана: здесь значительный разрыв сохраняется.

Выводы. Институционализация президентской власти понимается элитами как важный фактор стабилизации политической системы (кроме Грузии, где произошло ослабление президента), причем это не столько увеличение полномочий президента, сколько уточнение его статуса в системе органов власти, «привязка» его к политической партии и к высшим органам власти.

Несмотря на неизменность формы правления в ряде государств (в Беларуси и Узбекистане), там были созданы правовые механизмы для укрепления политической системы. Реформы направлены на достижение или сохранение политической стабильности. Но чтобы подтвердить гипотезу о стабилизации, они должны пройти проверку на практике прежде всего в условиях передачи власти другому главе государства.

Отметим, что необходимо более внимательно анализировать роль надпарламентских органов, создающихся в странах, которые не «вписываются» в индексный анализ (Всебелорусское народное собрание, Халк Маслахаты, Народный курултай и др.).

В целом не стоит недооценивать формальные институты даже в неконкурентных политических режимах. Конституционные реформы в таких режимах, безусловно, являются заслуживающим внимание объектом политологического анализа. С другой стороны, очевидно, что индексный анализ форм правления может применяться только в сочетании с анализом других политических институтов, как закрепленных в конституциях и не имеющих, на первый взгляд, отношения к форме правления и функционирования институтов в политическом процессе, так и неформальных институтов, не отраженных в конституции, а также их функционирования. Необходимо анализировать все факторы в совокупности, что поможет избежать неверной оценки ситуации и соответственно неверных прогнозов.

Литература и источники

Зазнаев О.И. Типология форм правления: работа над ошибками // Полис. Политические исследования. 2006. № 1. С. 92–103. <https://doi.org/10.17976/jpps/2006.01.07>.

Мадьяр Б., Мадлович Б. Посткоммунистические режимы: концептуальная структура: в 2 т. Т. 1 / пер. с англ. Ю. Игнатъевой; под ред. А. Решетникова. М.: Новое литературное обозрение, 2022. 744 с.

Ginsburg T., Simpser A. Introduction: Constitutions in authoritarian regimes // *Constitutions in authoritarian regimes* / ed. by T. Ginsburg, A. Simpser. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. P. 1–20.

Hale H. Patronal politics: Eurasian regime dynamics in comparative perspective. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. 538 p.

Hale H. Regime cycles: democracy, autocracy, and revolution in post-soviet Eurasia // *World Politics*. 2005. Vol. 58. No. 1. P. 133–165. <https://doi.org/10.1353/wp.2006.0019>.

Styckow P. The devil in the details: constitutional regime types in post-Soviet Eurasia // *Post-Soviet Affairs*. 2019. Vol. 35. No. 2. P. 122–139. <https://doi.org/10.1080/1060586X.2018.1553437>.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИНСТИТУТА ПОЛИТИЧЕСКИХ КОММУНИКАЦИЙ В ЭПОХУ РАЗВИТИЯ ИНТЕРНЕТА В РОССИИ

С появлением сети Интернет многие привычные вещи претерпели изменения, и сейчас, с развитием технологий, сложно представить себе привычный мир без Сети и онлайн-общения. Изменения коснулись и института политической коммуникации. Актуальность данной темы объясняется появлением новых практик, как например электронное голосование, которые позволяют настроить более простое взаимодействие между государством и населением. Цель исследования: определить основные закономерности развития института политической коммуникации в цифровую эпоху. Данные закономерности рассмотрены на таких каналах политической коммуникации в Сети как: электронная демократия, сайты онлайн-петиций, онлайн-голосование и СМИ.

Рассмотрение политической коммуникации стоит начать с ее определения. Политическая коммуникация — это массовая коммуникация, которая представляет собой совокупность процессов информационного обмена, передачи политической информации, структурирующих политическую деятельность и придающих ей новое значение (Зазаева, 2007, 179).

На особый характер политической коммуникации сегодня повлияли свойства глобальной сети. Сам по себе Интернет содержит в себе лишь 2 основных элемента: информацию и информационное поле (Абдульманов, Кузьмин, 2010, 78). Эти элементы обуславливают такие его характеристики как: высокая скорость обмена информацией, отсутствие определенного владельца, глобальность, техническая простота обмена информацией, сложность введения цензуры (Абдульманов, Кузьмин, 2010, 79). Вышеперечисленные свойства Интернета позволили представить политическую коммуникацию во всех форматах коммуникации: от «один многим» до «многие многим», т. е. появился прямой индивидуальный контакт (Кин, 2015, 23).

С появлением сети Интернет политические коммуникации стали приобретать онлайн-формат. Так, уже с 2009 г. государственные организации были обязаны создавать официальные сайты в сети Интернет, а с 2022 г. государственные органы должны вести страницы в соцсетях (Федеральный закон № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» от 09.02.2009). Ранее, 4 марта 1996 г. партия «Яблоко» открыла первый в России сайт политической партии (информацию опубликовала партия «Яблоко» на своей странице в соцсети «Одноклассники» 6 июля 2017 г.). В статье А.М. Ваховского и в исследовании Е.В. Барышева связывают начало развития политической коммуникации с 1998 г., когда произошло «увеличение потенциальной аудитории Сети» (Ваховский, 2016, 15).

Возможности Интернета привели к подъему демократических настроений. В 1999 г. в своей книге «Бизнес со скоростью мысли» Билл Гейтс пишет, что «Интернет становится городской площадью заветрашной глобальной деревни». В таком же духе высказывался Майки Л. Сайфри, один из основателей Personal Democracy Forum, который считал, что «изобилие информации, связей и времени — это просто технические ингредиенты, необходимые для взрыва гражданской активности».

В России основные проекты электронной демократии достигают своего пика в 2010–2013 гг. В этот момент началось активное участие граждан и других акторов в реализации своих политических прав на базе сети Интернет. Возникает множество идей воплощения демократии на онлайн-платформах, так называемая электронная демократия. К таким проектам можно отнести проекты «Демократор», «Российская общественная инициатива», были созданы такие фонды, как «Фонд информационной демократии», «Фонд развития электронной демократии». В 2009 г. был основан проект «Госуслуги».

Одной из главных причин такого подъема электронной демократии можно считать протестное движение 2011–2013 гг. С целью выразить подозрения в фальсификации выборов и недовольство результатами выборов в Госдуму были созданы следующие проекты электронной демократии: «Демократия-2», «Политическая сеть прямой электронной демократии» и др. Особенность этих проектов в том, что почти все они перестали поддерживаться или продвигаться после 2013 г. Например, сайт проекта «AlterRussia» больше не поддерживается, а последняя новость на их странице в соцсети

«ВКонтакте» датируется мартом 2014 г. Основные причины резкого снижения интереса: невозможность повлиять на реальную политику, неудачи в достижении главных целей, а именно смена политического лидера.

Сегодня продолжают существовать проекты «Демократор» и «Российская общественная инициатива». Помимо них сейчас используются сайты «Change.org», «OnlinePetition.Ru», «Петиция-президенту.рф». Эти проекты представляют собой сайты для создания петиций и сбора подписей. Они различаются по возможностям голосования, процедур регистрации и наличия или отсутствия анонимности. При этом авторизация на сайт «Российская общественная инициатива» происходит через ЕСИА. Это позволяет поддерживать принцип «один человек — один голос» (Широков, 2022, 48). Часть петиций, опубликованных на сайте «Российской общественной инициативы», привели к принятию соответствующих законов. Например, закон об оборудовании станции железнодорожных переездов устройствами видеорегистрации или возвращение минимального допустимого уровня содержания алкоголя в крови водителя.

Еще один канал политической коммуникации, который модифицировался благодаря Интернету, — это выборы. Теперь помимо классических способов голосования есть возможность принять участие в выборах в дистанционном электронном формате. Впервые такой тип политического участия был опробован в 2008–2009 гг., носил необязательный характер и проводился лишь в нескольких регионах: Тульской области, в ХМАО, во Владимирской области, в Волгоградской области и Томской области. Участникам предлагали перед голосованием взять диск со специальным программным обеспечением, которое позволило бы им проголосовать (Экспериментальный электронный опрос избирателей с использованием сети Интернет в единые дни голосования 12 октября 2008 года и 1 марта 2009 года, 2009, 20). Следующий этап развития онлайн-голосования был реализован только спустя 10 лет — в 2019 г. (Федоров, Ежов, 2021, 149). Тогда на выборах в Московскую городскую думу была возможность проголосовать дистанционно, и, в отличие от 2008 г., онлайн-голосование имело юридически обязательное значение. Голосование проводилось на платформе mos.ru. В дальнейшем голосование в других регионах проводилось на базе «Госуслуг». На выборах 10 сентября 2023 г. дистанционно смогли поучаствовать жители 25 регионов. Всего проголосовало 45 млн человек, из них около 1 млн человек голосовали через «Госуслуги», и 2,7 млн человек — на платформе mos.ru.

Процедура электронного голосования за эти 10 лет значительно упростилась. Теперь для того, чтобы принять участие в выборах, необходима лишь регистрация на «Госуслугах». Жители Москвы могут не регистрироваться, так как голосуют на региональной платформе mos.ru. Обе платформы поддерживаются государством.

Изменения затронули и политические СМИ. Произошел переход от традиционных СМИ к онлайн-СМИ. Новый формат имеет множество плюсов: дешевизна, быстрота реагирования, возможность получить мгновенную обратную связь. Первые СМИ для чтения новостей появились в 1999 г., когда «Газета.ру» опубликовала свой первый номер в Интернете. Теперь СМИ имеют различные формы, представлены на разных площадках, в том числе и в соцсетях. Онлайн-СМИ имеют правовую основу. Онлайн-СМИ как канал политической коммуникации важен тем, что устанавливается близкий контакт: у читателя есть возможность тут же прокомментировать новость. Джон Кин в своей книге «Демократия и декаданс медиа» описывает ситуацию, при которой люди благодаря СМИ могут реагировать и контролировать органы власти, и называет ее «мониторной демократией» (Кин, 2015, 105). Сформированные мониторинговые институты постоянно держат политиков в напряжении, ставят под вопрос их власть и авторитет. Мониторные институты выполняют две основные функции: контроль власти и подробное информирование граждан о работе различных правительственных организаций.

Это свойство интернет-СМИ стало их безусловным преимуществом над традиционными СМИ. Но тем не менее современные СМИ неидеальны. Рождаемый ими избыток новостей приводит к таким негативным последствиям как: их упрощение и «голливудизация». Избыток информации — одна из форм управления общественным мнением (Кимелли, 2011, 70–72). Появляется множество «мэшап»-новостей, у читателей появляется стимул собраться в «эхо-камеры» (Кин, 2015, 156–157).

Таким образом, благодаря Интернету изменилась специфика политической коммуникации. В-первых, современные каналы коммуникации стали более простыми в использовании. Это хорошо видно на примере онлайн-голосования. Во-вторых, если в 2008–2012 гг. проекты электронной демо-

кратии носили частный характер, то теперь они поддерживаются государством, что видно на примере развития системы ЕСИА, проекта «Госуслуги» и др. В-третьих, продолжается развитие сайтов онлайн-петиций. Их история началась в 2011–2012 гг., и до сих пор они являются одним из эффективных способов коммуникаций. В-четвертых, каналы политической коммуникации получили правовое оформление, как это произошло с онлайн-СМИ. В целом интенсивное развитие СМИ в Сети Интернет привело как к позитивным последствиям (возможность контроля политиков), так и негативным (появление «мэшапа», «фейков»).

Литература и источники

Абдульманов А.А. Характеристика сети Интернет и ее значение в системе информатизации общества / А.А. Абдульманов, И.С. Кузьмин // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. — 2010. — № 2. — С. 76–79. — [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_15503741_86468636.pdf (дата обращения: 14.09.2023)

Ваховский А.М. Интернет-пространство: эволюция форм политического участия / А.М. Ваховский // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. — 2016. — № 4. — С. 13–21. — [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_27675073_11331765.pdf (дата обращения: 14.09.2023)

Зазаева Н.Б. Политическая коммуникация: лекция / Н.Б. Зазаева // Философия и общество. — 2007. — № 4(48). — С. 175–187. — [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_20812236_65589120.pdf (дата обращения: 14.09.2023)

Кимелли Р. Пресса под ружьем / Р. Кимелли // Россия в глобальной политике. — 2011. — Т. 9, № 2. — С. 69–74. — [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_22960640_12569100.pdf (дата обращения: 14.09.2023)

Кин Дж. Демократия и декаданс медиа / пер. с англ. Д. Кралечкина; под науч. ред. А. Смирнова; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. — 312 с. — ISBN 978-5-7598-1202-9

Федоров В.И. Эволюция электронного голосования в России: проблемы классификации и периодизации / В.И. Федоров, Д.А. Ежов // Вестник МГОУ. — 2021. — № 1. — С. 146–162. — [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-elektronnogo-golosovaniya-v-rossii-problemy-klassifikatsii-i-periodizatsii> (дата обращения: 14.09.2023).

ФЗ от 9 февраля 2009 г. N 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления». — [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_84602/ (дата обращения: 14.09.2023)

Широков И.С. Онлайн-петиции и электронные обращения как форма электронной демократии в России: проблемы и перспективы / И.С. Широков // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. — 2022. — Т. 39. — С. 46–55. — DOI 10.26516/2073-3380.2022.39.46

Экспериментальный электронный опрос избирателей с использованием сети Интернет в единые дни голосования 12 октября 2008 года и 1 марта 2009 года. — М.: РЦОИТ при ЦИК России, 2009. — 96 с. — [Электронный ресурс]. URL: https://www.rcoit.ru/upload/iblock/1db/eksperimentalniy_elektronniy_opros.pdf (дата обращения: 14.09.2023)

*Т.В. Бугайчук (Ярославль),
О.А. Коряковцева (Ярославль)*

НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ИССЛЕДОВАНИИ ОБЩЕРОССИЙСКОЙ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Политика идентичности — это масштабное современное исследовательское направление в политической науке, которое представлено многими научными школами России. Одним из современных научных центров изучения различных аспектов политики идентичности является Санкт-Петербургский государственный университет, где докторами политических наук Ольгой Валентиновной Поповой и Николаем Владимировичем Гришиным проводятся масштабные научные исследования. Например, в 2022–2023 гг. ученые реализовали научный проект по выявлению специфических характеристик и особенностей развития политической идентичности российской молодежи (Попова, Гришин, 2023). Санкт-Петербургская научная школа по вопросам изучения идентичности представлена и в трудах Николая Алексеевича Баранова, большое внимание ученый уделяет вопросам общероссийской гражданской идентичности (Баранов, 2021). Также темы гражданской, политической, социальной идентичностей и нациестроительства разрабатываются на Юге нашей страны коллегами из Донского государственного технического университета — Светланой Ивановной Кузиной (Кузина и др., 2021) и Кубанского государственного университета — Еленой Васильевной Морозовой (Мирошниченко, Морозова, 2021). Вопрос национальной идентичности изучается коллегами из Алтайского государственного университета, а именно — Ярославой Юрьевной Шашковой и ее научной командой, большая часть исследований посвящена изучению особенностей патриотического воспитания школьников, формированию гражданской идентичности у детей (Шашкова, 2023).

Конечно, нельзя не отметить Московскую научную школу и исследования идентичности, проводимые И.С. Семененко и ее коллегами (Семененко, Лапкин, Пантин, 2010) и рассматривающими идентичность как ресурс общественного развития. Под руководством Ирины Станиславовны была издана большая коллективная монография — энциклопедия «Идентичность: Личность, общество, политика», которая является фундаментальным интегративным научным трудом актуальным как для политической науки, так и для смежных научных областей — социологии, психологии, культурологии, педагогики и др., по вопросам идентификационных процессов личности (Идентичность..., 2017). Таким образом, мы можем отметить глубочайший интерес ученых — политологов к проблеме идентичности, в том числе гражданской. Отмечается значимое внимание ученых к вопросам становления идентичности, ее формирования и развития у подрастающего поколения граждан России.

Феномен «гражданской идентичности» — явление междисциплинарное. В нем интегрированы все социальные науки (политология, социология, конфликтология, психология, культурология и др.), изучение которых позволяет все более четко определить специфику этого психического явления. В этом и заключается одна из новых тенденций, которую мы изучаем, а именно применение интегративного подхода в вопросах формирования и развития гражданской идентичности личности. Невозможно отделить политологию от психологической науки в изучении этого вопроса, так как идет изучение особенностей развития личности и становления ее идентичности в условиях государства и под воздействием гражданского общества. Также нельзя изучать идентичность без исследований в области культурологии, поскольку такой феномен как «культурный код» лежит в основе общероссийской гражданской идентичности, как и историческая память. Этот ряд можно продолжать и продолжать. Интеграция в этом вопросе неизбежна и необходима.

Еще одна тенденция в изучении общероссийской гражданской идентичности заключается в привлечении к исследованиям молодого поколения нашей страны, причем возраст респондентов уменьшается. Это связано, в частности, со снижением определения возрастных границ молодежи с 18 до 14 лет. Сейчас исследования гражданского самосознания и элементов гражданской идентичности начинаются уже с дошкольного возраста. Подрастающее поколение — это будущее России, поэтому определение особенностей становления (формирования и развития) общероссийской гражданской идентичности у детей и юношей является важным направлением образовательной и молодежной

политики государства. Молодежь обладает рядом существенных характеристик, которые определяют активное участие молодежи в общественно-политических процессах (Сковиков, 2018). Молодежь — субъект общественного производства и общественной жизни, изменяющий свою роль в процессе социокультурной трансформации. К сожалению, инновационный потенциал молодежи направляется на достижение своей независимости (Чупров, 2020; Зубок, 2016), а не на развитие гражданского общества, что приводит к кризису развития государственности.

Как мы видим, невозможно не рассмотреть и вопрос о роли государства в становлении гражданской ответственности молодого поколения. Актуальной исследовательской тенденцией является проблема формирования гражданской идентичности, которая обусловлена задачей построения гражданского общества. В этой связи вопрос о выработке технологий и моделей формирования новой идентичности молодых граждан России имеет стратегическое значение для успешного будущего российской государственности. Важным контекстом, обусловившим выход гражданской идентичности на первый план, является гражданское самосознание молодежи. Оно у россиян, как отмечают исследователи, «остаётся противоречивым», проявляется «слабость, недостаточность интенсивности общегражданской идентичности, во многом все еще носящей формальный характер» (Горшков, 2008). Сегодня в России наиболее эффективными формами гражданской активизации молодежи, по нашему мнению, являются поддержка конструктивных молодежных инициатив, молодежный парламентаризм и самоуправление, т. е. реализация молодежью конкретных общественных проектов локального характера, которые становятся основой социально-политической субъективизации. При этом необходимо понимать, что решение проблемы гражданской активизации молодежи осуществляется не только ресурсами молодежного самоуправления, но и требует поддержки как в рамках государственной политики развития гражданского образования, так и в плане грамотного сопровождения специалистами. Например, организация работы по патриотическому воспитанию должна строиться и на эмоциональном уровне, и на деятельностном. Следует активно изучать историю России, ее роль в мире, любить свой край, страну, формировать свою гражданскую позицию. Если молодому человеку неинтересен определенный способ формирования патриотического сознания, ему должна предоставляться альтернатива (Корж, 2021).

Итак, реформирование России должно начинаться с развития гражданской идентичности молодого поколения, что позволит сформировать новый тип взаимодействия общества и власти: тесное сотрудничество, реальное и конструктивное влияние населения на управленческие решения всех уровней. В сегодняшней ситуации трансформирования российского общества эффективная политика государства в отношении формирования феномена «общероссийской гражданской идентичности» у россиян особенно значима. В исторический период трансформации социокультурной среды государство является главным двигателем становления гражданской идентичности личности.

Литература и источники

Баранов Н.А. Крымский фактор в контексте общероссийской гражданской идентичности // Политическое пространство и социальное время: Глобальные вызовы и цивилизационные ответы. Сборник научных трудов XXXVII Международного Харакского форума. В 2 томах. Под общей редакцией Т.А. Сенюшкиной. Симферополь, 2021. С. 101–108.

Горшков М.К. Российская идентичность в условиях трансформирующихся процессов // Вестник российской нации. 2008. № 1. С. 177.

Зубок Ю.А., Ростовская Т.К., Смакотина Н.Л. Молодежь и молодежная политика в современном российском обществе. М.: ИТД «ПЕРСПЕКТИВА», 2016.

Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / Под ред. И.С. Семеновича. М.: Весь Мир, 2017. 992 с.

Корж Н.В. Основные направления формирования патриотического сознания студенческой молодежи: региональный аспект // Власть. 2021. Том. 29. № 1. С. 123–130.

Кузина С.И., Пастухов Т.Ю., Колесниченко Е.Л. Нациестроительство в концептах конструирования национальной идеи и гражданской идентичности российского общества // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2021. № 2 (129). С. 144–147.

Мирошниченко И.В., Морозова Е.В. Сетевые механизмы формирования социальных и политических идентичностей современной молодежи // Образ будущего России глазами молодежи / Комаровский В.С., Беляков А.А., Бориско О.А., Екшина М.Д., Ильичева Л.Е., Калинина В.Э., Миронова С.В., Мирошниченко И.В., Морозова Е.В.,

Пойгина Л.Б., Рулев М.С., Рутман А.Б., Соколов А.В., Соловьев А.И., Сухарева М.В., Чепелюк С.Г., Чеусов А.С. М., 2021. С. 173–183.

Попова О.В., Гришин Н.В. Политическая идентичность российской молодежи в самооценках и оценках экспертов // Политическая наука. 2023. № 2. С. 140–162.

Семененко И.С., Лапкин В.В., Пантин В.И. Идентичность в системе координат мирового развития // Полис. 2010. № 3. С. 40–59.

Сковиков А.К. Политические партии и российская молодежь: диалог на современном этапе/ А.К. Сковиков, С.Г. Скутина, А.С. Фалина // PolitBook. 2018. № 4. С. 64–73.

Чупров В.И. Молодежь в культурном пространстве: саморегуляция жизнедеятельности / Чупров В.И., Зубок Ю.А. М.: Юридическая Норма, 2020. URL: <https://znanium.com/catalog/product/1099998>

Шашкова Я.Ю. Основания национальной идентичности в представлении старших школьников сибирского федерального округа // Государство, общество и церковь: национальное единство и традиционные духовно-нравственные ценности. Материалы научно-практической конференции. Под научной редакцией Л.В. Савинова. Новосибирск, 2023. С. 200–203.

Д.А. Будко (Санкт-Петербург)

ЦЕННОСТНЫЙ БАЗИС И ГЛОБАЛЬНЫЙ ЦИФРОВОЙ ИМПЕРИАЛИЗМ: ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ И КОММУНИКАЦИЯ

Проект № 123091200062-2 «Ценностный базис российского сетевого пространства в условиях глобального цифрового империализма» реализован в Институте научной информации по общественным наукам РАН по итогам отбора научных проектов, поддержанных Министерством науки и высшего образования РФ и Экспертным институтом социальных исследований.

В докладе речь идет о существовании ценностного базиса современного российского общества в контексте современного цифрового империализма. Важным моментом становится трансформация неформальных практик в формальные установки. Интернет-пространство становится, с одной стороны, отражением, существующих общественно-политических тенденций, пространством для выражения острой реакции на происходящее. С другой стороны, оно само является средой для формирования ценностей и новых норм взаимодействия друг с другом (приверженность определенным взглядам (что порой напоминает противостояние между уличными молодежными субкультурами в девяностых годах), шутки, слова и иконография, используемые для общения).

При этом немаловажным становится вопрос, связанный с выстраиванием коммуникации, в самом широком смысле, в рамках того, что пользователь одновременно является гражданином своей страны, а также принадлежит к общемировому интернет-пространству с собственной системой правил и норм.

В этом ключе возникновение феномена цифрового империализма (он связан во многом с деятельностью крупных зарубежных IT-корпораций (Apple, Amazon и так далее)) может восприниматься как некая вариация способов нарочитого выстраивания ценностной системы пользователя, отвечающей определенным идеологическим запросам. Причем с помощью ряда техник и технологий (использование броских заголовков (кликбейт), специально выстроенного аудиовизуального видео-ряда, использование лидеров общественного мнения и так далее) это невольно начинает восприниматься индивидом, как нечто само собой разумеющееся и близкое к его личным мыслям. С точки зрения политического процесса это становится своего рода вызовом для стабильности политической системы любого государства, сталкивающегося с таким способом формирования политических ценностей. В российской практике «противостояние» цифровому империализму отражается в создании суверенного Интернета, цифровизации системы властных институтов и т. д.

ТЕНДЕНЦИИ И ПРОТИВОРЕЧИЯ ОНЛАЙН-КОММУНИКАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ЛАНДШАФТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Сложно представить работу отечественного политического института без дублирования его в цифровом пространстве. Различные организации, партии, политические лидеры используют онлайн-пространство как транслятор собственных идей и задают тем самым направление собственно деятельности. Онлайн-пространство, а с ним и Интернет как основное место его дислокации, превратился из блага цивилизации в неотъемлемый элемент человеческой жизнедеятельности.

Но переходя во все новые сферы человеческих интересов, онлайн-пространство становится ареной соприкосновения множества акторов.

Информационные технологии пронизывают все сферы общественной жизни, и их влияние на политику весьма значительно. Это подтверждается появлением в последние годы в политической коммуникации новых терминов, таких как «сетевая политика», «киберполитика», «цифровая демократия», «коммуникативная демократия», «кибердемократия», «электронное правительство», «электронное гражданство» и др. (Морозова, 2011, 157).

Киберполитика, к примеру, занимает особое место во всей сетевой коммуникации. Это связано с идеологическими проблемами (политическая, экономическая и культурная жизнь, международные отношения и т. д.) и направлено на информирование, объяснение и оценку, способствует формированию мнений и убеждений о мире (Быков, 2018).

Спектр источников информации в киберпространстве достаточно широк и постоянно растет. Это страницы государственных органов и их представителей, страницы политических партий и политических направлений, персональные страницы политических деятелей разного уровня, информационно-аналитические политические страницы, блоги политических и государственных деятелей, политическая реклама, новостные и медийные каналы, предвыборные страницы и т. д.

Однако само их многообразие создает ряд проблем для современного гражданина. Ряд отечественных исследователей видят прежде всего противоречия в формировании самого проблемного поля: терминология современного киберпространства и связанной с ней онлайн-коммуникации формирует противоречия, требующие разъяснения и изменения пользовательского сознания (Никипорец-Такигава, 2022).

Многие политологи также видят проблему другого рода: использование коммуникации в онлайн-пространстве для других целей: идеология, формирование общественного мнения, переоценка ценностей и др.

Но самой главной проблемой современной онлайн-коммуникации является проблема подтверждения данных или правдивости информации.

Наибольшим весом в формировании спектра политической онлайн-коммуникации являются социальные сети. Интерес к социальным сетям как инструменту политического влияния неоднозначен в Российской Федерации. С одной стороны, это связано с устоявшимся клише о возрастном цензе политических избирателей. Современные исследователи все чаще обращают внимание, что типичные и наиболее активные избиратели — это пенсионеры, для которых работа в социальных сетях бесполезна. С другой стороны, многие политики используют онлайн-пространство не столько как средство коммуникации, а как рекламный транспарант собственных достижений.

Распространение веб-технологий в российской политике — достаточно сложный и противоречивый процесс, в котором можно выделить три основных этапа.

Первый этап начался с размещения политической информации и представления политических программ лидерами и политическими партиями (Пашинская, 2014).

Второй этап — появление и расширение интерактивных форм политической коммуникации в Интернете, таких как блоги, форумы и концепция «электронного правительства», что позволило вести непрерывный общественно-политический дискурс.

Третий этап основан на создании виртуальных политических структур и переходе основной формы политического участия (голосования) в Интернет (Чижов, 2016). Основное назначение «электронной демократии» заключается в использовании Интернет-технологий для расширения доступа избирателей и СМИ к законодательной деятельности, увеличения затрат на формирование избирательных и профсоюзных организаций, усиления обратной связи между избирателями и их представителями в законодательных органах власти.

Особенность онлайн-пространства и социальных сетей как каналов коммуникации между политическими партиями и избирателями заключается в том, что они отражают реальные потребности избирателей (Тараканова, 2011). Этим людям не просят высказаться, их не заставляют высказываться по тем или иным вопросам (как в опросах общественного мнения), они высказываются по собственной воле и без ожидания вознаграждения. Конечно, есть люди, превратившие социальные сети в оплачиваемую профессию, но их весьма немного. Тем не менее, данная тенденция заслуживает отдельного изучения и наглядно показывает заинтересованность в политическом Интернете как некоем рынке политического влияния.

Основным мотивом, побуждающим избирателей писать в социальных сетях, является желание быть услышанным и изменить ситуацию к лучшему. Несмотря на поляризованный характер таких сообщений, большинство политических партий признают, что решение конкретных проблем этих избирателей может быть полезным, поскольку облегчает жизнь многим другим избирателям и приводит к росту популярности и поддержки партии.

На профессиональных форумах обычно собираются люди, дискутирующие на определенные темы. Многие из них — творческие и образованные люди, которые пытаются найти выход из проблемных ситуаций и показать лицам, принимающим решения, как они себе это представляют. Вовлекая таких избирателей в общение, политические партии могут получить больше сторонников и повысить их лояльность. По своей сути, это некоторая тенденция формирования цифрового гражданского общества с национальным (российским) колоритом.

Важным моментом в формировании онлайн-платформ политической коммуникации в Интернете является потребность в солидарности, стремление найти «таких же, как я», связанное прежде всего с определенными аффективными явлениями, эмоциями. Это промежуточный этап в формировании интернет-сообществ, которые всегда ставят себя в политическую позицию, пытаются рационально обсуждать политические вопросы, открывать какие-то истины. С этой точки зрения в политической среде более востребованы популистские идеи, иногда не очень значительные, но обязательно содержащие элементы рационального и логического объяснения как фактор проявления и оценки деятельности российских политиков. Зачастую задачей «горячих» политических дебатов является лишь необходимость продемонстрировать эмоциональную реакцию на ту или иную политическую проблему или убедить себя в том, что другие люди разделяют определенное мнение. Другим важным механизмом мобилизации политических онлайн-сообществ в Интернете в социальных сетях и мессенджерах является стремление найти меньшинство людей, думающих иначе, и тут же осудить тех, кто имеет смелость не согласиться с большинством «здесь и сейчас».

Литература и источники

Морозова О.Н. Политическая интернет-коммуникация: ее роль, функции и формы // Политическая лингвистика. 2011. № 1. С. 157–161.

Пашинская В.В. Модели политической коммуникации в виртуальной среде // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2014. № 2. С. 10–21.

Никипорец-Такигава Г.Ю., Бучнев Е.В. Методологические проблемы формирования концепции национальной кибербезопасности Российской Федерации // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2022. № 1. С. 57–64.

Чижов Д.В. Формирование имиджа российских политических партий в сети Интернет // Мониторинг. 2016. № 1 (131). С. 313–338.

Тараканова Т.С. Политико-коммуникативные технологии в интернет-пространстве // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2011. № 4. С. 91–98.

Мартыанов Д.С., Быков И.А. Идеологическая сегрегация и цифровое неравенство в российском интернет-сообществе // Социодинамика. 2018. № 4. С. 43–57.

ПОЛИТИКА РАЗВИТИЯ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В РОССИИ И ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

В докладе сравнивается политика развития технологий искусственного интеллекта (ИИ) в России и Европейском Союзе. Анализ положений Регламента Европейского союза (Artificial Intelligence Act) показывает, что в основе находится идея гармонизированных отношений между технологиями ИИ и сложившимися общественными структурами. В частности, Регламент содержит запреты на определенные методы использования искусственного интеллекта в политике; сформулированы особые требования к системам ИИ с высоким уровнем риска и обязательства операторов таких систем, правила прозрачности для систем ИИ, предназначенных для взаимодействия с физическими лицами, систем распознавания эмоций и биометрических систем категоризации, а также правила наблюдения и надзора за рынком. В России политика развития технологий ИИ находится в русле Федерального закона № 123-ФЗ от 24.04.2020 «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации — городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных», а также Указа Президента РФ № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» от 10.10.2019. Сравнительный анализ политики подчеркивает не только разницу целей, но и методов развития технологий ИИ.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ РЕАЛИЗАЦИИ КЛИМАТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ В КИТАЕ

Вопрос изменений глобального климата является острым как на политической арене, так и в научных кругах. Основной причиной происходящих климатических изменений называют антропогенную деятельность, в первую очередь неконтролируемые выбросы парниковых газов в атмосферу. На 2023 г. Китай наряду с США, Россией, Индией, ЕС и Бразилией является одним из крупнейших эмитентов парниковых газов в мире. Изменения климата влекут за собой неблагоприятные последствия и для КНР. Из-за роста глобальной температуры происходит расширение вод Мирового океана. За повышением уровня моря следуют затопление прибрежных городов, сокращение площади ледников в горах, усиление снежных бурь, появление смога и других опасных гидрометеорологических явлений, от которых страдают как сельское, рыбное и лесное хозяйство страны, так и социальная сфера общества. Только в июле 2021 г. сотни людей погибли и пропали без вести в результате разрушительных наводнений, обрушившихся на Китай. Согласно данным компании IQAir, по уровню загрязнения воздуха Китай занимает 11-е место в мире (Бобылев, Барабошкина, Джу, 2020, 122). По статистике, 48 китайских городов входят в топ-100 самых загрязненных городов мира, среди которых г. Хэтянь в Синьцзян-Уйгурском автономном районе занимает 2-е место (Бобылев, Барабошкина, Джу, 2020, 122). Несомненно, столь значительное загрязнение воздуха приводит к ухудшению здоровья людей и их преждевременной смертности.

В связи с этим китайские власти уже на XVII съезде КПК в 2007 г. заговорили о необходимости проведения политики низкоуглеродного развития (Бояркина, 2021, 331). В статье рассмотрим лишь институциональную ее составляющую.

Основным государственным органом Китая, ответственным за реализацию климатической политики, является Национальная комиссия по развитию и реформированию, созданная в 1998 г. К компетенции Комиссии относятся установление энергетической и промышленной политики, включая утверждение энергетических проектов и принятие решений о предоставлении субсидий. Первостепенной задачей данного органа на сегодняшний момент является разработка общего плана по сокращению выбросов и дорожной карты по модернизации углеродоёмких секторов, таких как электроэнергетика и металлургия (China Puts..., 2021; Main Functions...).

До 2018 г. Национальная комиссия по развитию и реформам уже являлась главным институтом Китая, реализующим политику в сфере изменения климата. В 2018 г. правительство КНР передало большую часть полномочий в данной области Министерству экологии и окружающей среды КНР. После объявления главой Китая Си Цзиньпином ООН в сентябре 2020 г. о том, что к 2060 г. Китай станет углеродно-нейтральным, Комиссия вновь получила большую часть климатического портфеля (China Puts..., 2021).

Еще одним государственным институтом, уполномоченным отвечать за осуществление политики в области борьбы с климатическими изменениями, является Министерство экологии и окружающей среды КНР. Оно уполномочено контролировать углеродный рынок и отчетность компаний по выбросам парниковых газов (China Puts..., 2021). Министерство проводит проверки компаний по эмиссии вредных загрязняющих веществ, и в случае выявления нарушений привлекает к ответственности виновных лиц. Кроме того, Министерство вправе инициировать разработку ключевых стратегий, а также планов и политик по борьбе с изменением климата и выбросам парниковых газов, участвовать в международных переговорах по изменению климата и представлять интересы страны при выполнении обязательств в рамках *Рамочной конвенции ООН об изменении климата (Mandates of Ministry...)*.

В 2007 г. правительство Китая для эффективного решения проблемы изменения климата создало Национальный координационный комитет по изменению климата. Вэнь Цзябао является его руководителем, и в нем участвуют 20 министерств и правительственных секторов, среди которых Госсовет, Министерство иностранных дел, Национальная комиссия по развитию и реформам, Министерство науки и технологий, Министерство промышленности и информационных техноло-

гий, Министерство финансов, Министерство земельных ресурсов, Министерство экологии и окружающей среды, Министерство жилищного строительства и развития городских и сельских районов, Министерство транспорта, Министерство водного хозяйства, Министерство Министерства сельского хозяйства, Министерство торговли, Министерство здравоохранения, Национальное бюро статистики, Государственное управление лесного хозяйства, Китайская академия наук, Китайское метеорологическое управление, Национальное управление энергетики, Управление гражданской авиации Китая и Государственное управление океанических исследований. К основным обязанностям данного органа можно отнести всесторонний анализ влияния изменения климата на экономическое и социальное развитие страны, разработка основных стратегий, планов и политики в области изменения климата, исполнение обязательств Китая перед РКИК ООН, участие в международных переговорах по изменению климата, а также координация международного сотрудничества в рассматриваемой области (Brief Introduction...). Многие из вышеперечисленных органов влияют на реализацию климатической политики в стране и за ее пределами лишь косвенным образом в рамках предоставленных им полномочий. Рассмотрим компетенцию некоторых акторов.

Китайское метеорологическое управление напрямую принимает участие в разработке и осуществлении политики в области климата. Оно составляет краткосрочные климатические прогнозы, дает оценки воздействия на климат страны, проводит мероприятия, направленные на сохранение климата в его текущем состоянии, и информирует общественность о происходящих изменениях в рассматриваемой сфере, о предпринимаемых мерах по смягчению последствий климатических изменений и адаптации к изменению климата (Mandates...).

Опосредованно в реализации климатической политики Китая участвует Министерство науки и технологий. Оно содействует проведению научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ в исследуемой области (Missions of the Ministry...).

Министерство иностранных дел КНР принимает участие в международных, в том числе двусторонних, переговорах, на которых поднимается проблема изменения климата, а также представляет государство в международных организациях и на международных конференциях, связанных с вопросами изменения климата (Main Responsibilities...).

Китайская академия наук занимается научным аспектом климатической политики. Научно-исследовательские институты в составе Академии занимаются разработкой рекомендаций по климатической политике, включая Институт энергетических исследований, Исследовательский центр по устойчивому развитию и Университет Цинхуа (Пискулова, Костюнина, Абрамова, 2013, 115–116).

Кроме государственных органов интерес к проблеме изменения климата возник и у неправительственных организаций КНР. Так, неправительственная природоохранная организация «Друзья природы» стремится содействовать участию общественности в охране окружающей среды и запускать проекты с использованием низкоуглеродной энергетики. Центр охраны природы «Шаньшуй» занимается защитой биоразнообразия, а также такими природными явлениями как «углеводородные воронки» в лесах. Глобальный институт окружающей среды в рамках китайско-американского проекта «Второй диалог по климату» работает над продвижением китайско-американского сотрудничества по вопросам изменения климата. Центр «Чуанлю» занимается продвижением экологических преобразований в Китае и процессами глобального устойчивого развития, а также продвигает «зеленые» финансовые реформы (Галимзянова, 2021, 22).

Неправительственные организации КНР установили прочные связи как с международными неправительственными организациями, так и с государственными институтами страны. Так, правительственная делегация Китая во главе с Государственной комиссией по развитию и реформам объявила о проведении совместных регулярных встреч с китайскими неправительственными организациями для обмена мнениями перед ежегодным съездом «Рамочной конвенции ООН об изменении климата» (Галимзянова, 2021, 22).

В целом следует отметить, что многие государственные органы КНР наделены полномочиями по реализации национальной климатической политики. Основным актором, ответственным за реализацию климатической политики в КНР, представлен Национальной комиссией по развитию и реформированию. Специализированным институтом является Национальный координационный комитет по изменению климата. Хотелось бы обратить внимание и на некоммерческие негосударственные

структуры, которые тоже претендуют на ключевую роль при проведении властями страны политики в области сохранения климата. Благодаря такой институциональной структуре, выстроенной в Китае, последний признается одним из лидеров в мире по проведению политики в области митигации последствий изменения климата и по переходу на рельсы низкоуглеродной экономики.

Литература и источники

Бобылев С.Н., Барабошкина А.В., Джу Сюан. Приоритеты низкоуглеродного развития для Китая // Государственное управление. Электронный вестник. — 2020. — № 82. — С. 114–139.

Бояркина А.В. Экологическое направление во внешнеполитической стратегии КНР // Вестник Российского университета дружбы народов. Международные отношения. — 2021. — Т. 21. — № 2. — С. 325—337. DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-2-325-337

Галимзянова А.К. Климатическая дипломатия Китая и Германии // Восточный Альманах. — 2021. — № 5. — С. 14–29.

Пискулова Н.А., Костюнина Г.М., Абрамова А.В. Климатическая политика основных торговых партнеров России и ее влияние на экспорт ряда российских регионов. — М.: Всемирный фонд дикой природы (WWF), 2013. — 283 с.

Brief Introduction of National Coordination Committee on Climate Change [Electronic resource]. — URL: <https://en.ccchina.org.cn/list.aspx?clmId=104>

China Puts Most Powerful Agency in Charge of Climate Policies [Electronic resource]. — URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2021-07-06/china-puts-most-powerful-agency-in-charge-of-climate-policies>

Main Functions of the NDRC [Electronic resource]. — URL: <https://en.ndrc.gov.cn/aboutndrc/mainfunctions/>

Main Responsibilities of the Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China [Electronic resource]. — URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjb_663304/zyzz_663306/

Mandates of China Meteorological Administration [Electronic resource]. — URL: <http://www.cma.gov.cn/en2014/aboutcma/>

Mandates of Ministry of Ecology and Environment the People's Republic of China [Electronic resource]. — URL: http://english.mee.gov.cn/About_MEE/Mandates/

Missions of the Ministry of Science and Technology [Electronic resource]. — URL: <https://en.most.gov.cn/organization/Mission/>

*В.А. Волков (Санкт-Петербург),
Д.Ю. Иванов (Санкт-Петербург)*

ФОРМИРОВАНИЕ КОНЦЕПТА «ПОЛИТИЧЕСКАЯ КАРТИНА МИРА»

Крах биполярного мироустройства в конце прошлого века привел к разрушению сложного комплекса представлений о настоящем и будущем социально-политического развития субъектов политики. Существенные противоречия в отношениях между странами говорят не только о различиях в подходах к распутыванию клубка существующих проблем, но и об уровне сложности конфигураций структур и элементов, составляющих национальные картины мира.

Стремление ведущих стран отстоять и навязать свою политическую картину мира, как правило, игнорирует традиционные нормы и отношения остальных участников политических процессов, лишая их политической субъектности. Под данным углом зрения картины мира государств выступают как неотъемлемые элементы политического противоборства. Бывший посол РФ в КНР А. Денисов делает интересное замечание в контексте американо-китайского стратегического противостояния о том, что США стараются навязать в глобальном масштабе упрощенную, дихотомическую картину мира, переведя ее в «черно-белый формат» — демократии-недемократии (Денисов, 2023, 38).

Наличие ясно артикулированной картины мира, определяющей ключевые проблемы, является необходимым условием современной политики. Конструирование таких сложных продуктов является задачей специализированных структур. А.В. Торкунов отводит ключевую роль в формировании национальной повестки политическим институтам и заостряет внимание на региональных и неформальных, «параллельных» политических институтах, которые начинают приобретать все больший вес в «систематизации политических процессов» (Торкунов, 2022, 1).

«Картина мира» является неотъемлемым элементом политического анализа и условием возможности принятия решений. На начальном этапе она носит индивидуальный характер и представляет собой субъективную картину мира аналитика. Поскольку любое исследование связано с решением какой-либо проблемы, то и картина мира аналитика, пройдя этап разрешения проблемы, подлежит трансформации. Политическая картина мира в процессе принятия политических решений является условием системного рассмотрения существующих проблем и их разрешения и может послужить моделью для осмысления происходящих политических процессов.

Формирование концепта «политическая картина мира»

Попытки исследовать политическую картину мира через субъективное пространство политики в рамках неинституционализированных моделей предпринимали многие ученые.

Согласно М. Хайдеггеру, если «картина» — это «конструкт опредмечивающегося представления», а позиция человека выражается мировоззрением, то картина мира находит свое развертывание в размежевании «принципиальных, крайних позиций» (Хайдеггер, 2008, 276). В такой постановке вопроса мы можем зафиксировать для настоящего исследования, что картина мира обнаруживает в себе признаки «понятия политического» и может заключать в себе разделение на категории «свой/чужой» или «друг/враг», которые могут быть отражены, например, в государственных концепциях, стратегиях и иных документах политического планирования.

Рассматривая концепт «жизненного мира», немецкий философ Ю. Хабермас под видением мира понимает устойчивые опорные структуры, находящие свое согласование в опосредованных языке, культурой, традициями, символами, моралью и правом взаимодействиях между участниками (Хабермас, 2022, 580). Если в архаичных обществах все коммуникативные связи строятся вокруг родственных отношений и, исходя из этого, итоговый набор ролевых статусов акторов ограничен, то сам жизненный мир делится на сферы дихотомических интеракций между «своими» и «чужими», родственниками и неродственниками. С усложнением систем политической, социальной и институциональной организации язык, нормативные и культурные факторы, как статичные компоненты картины мира, перестают быть достаточными. Горизонты картин мира перестают замыкаться лишь границами государственных образований и могут представлять наднациональный, коалиционный и многопо-

лярный характер. Немецкий классик К. Шмитт однозначно постулирует, что «политический мир — это не универсум, а плюриверсум» (Шмитт, 2016, 330).

Согласно Ю. Хабермасу, в современном мире помимо традиционных элементов, на передний план выходят такие структурные элементы картин мира как политический порядок, стратегии, коммуникации, планы действий, концепции (Хабермас, 2022).

Такое усложнение вызывает не просто дифференциацию картин мира, но и неизбежную конкуренцию между ними, а также необходимость познания и различения. Австрийский социолог А. Шюц, актуализируя вопрос познания социального мира, делает акцент на потребности «понимания Чужого», как необходимого условия исследования «негомогенного социального мира» (Шюц, 2004, 693), предлагая постигать социальный мир через действия, результаты действий и мотивы, которые в политическом мире выражаются в политических союзниках и оппонентах, политических заявлениях, национальных концепциях, политических стратегиях, государственных документах планирования.

Структурные элементы картины мира не статичны, а являются некими переменными. Данные элементы вступают во взаимодействие между собой и с элементами других картин мира, создавая ситуации, которые в итоге формируют горизонт картины мира. Альфред Шюц, например, группировал данные компоненты по пространственному (поселок, город, страна, континент), временному (распорядок дня, год, десятилетия, эпоха) и социальным (роль, статус, семья, нация) признакам (Шюц, 2004). В итоге элементы образуют тематическое поле ситуации, окруженное, согласно Э. Гуссерлю, подвижным горизонтом (Kuhn, 1940).

Наблюдая за тематическим полем ситуации, мы можем зафиксировать, что горизонт картины мира находится в постоянном движении. С исследовательской точки зрения, через аналитику таких видимых тематических ситуаций наиболее удобно изучать политические картины мира. Динамический характер политических картин мира может выражаться как в столкновении различных политических картин мира, так и в конфликте их внутренних элементов, который в итоге может привести к трансформации картин мира.

Помимо структурных элементов картина мира должна содержать также институциональные составляющие. Примечательно, что М. Хайдеггер особое внимание в формировании картины мира уделяет «издательским» институтам, как «планирующим предприятиям», нацеленным на «преподнесение общественности и закреплению в сознании необходимой картины мира» (Хайдеггер, 2008).

Рассматривая в рамках синергетического подхода процесс принятия политических решений, эксперты Государственного университета управления Дроботенко О.Н. и Соколов Н.Н., акцентируют внимание на политической реальности, которая выступает продуктом процесса управления государством. Политологи делают вывод, что решающую роль в государственном управлении должны играть не «сила и принуждение», а «умение сформировать правильную конфигурацию и архитектуру политического управления, гибко реагирующую на возникающие флуктуации» (Дроботенко, Соколов, 2021, 139). В данном аспекте на плечи политических институтов ложится ключевая задача по формированию картины мира, и важнейшим функциональным направлением здесь должна стать информационно-аналитическая деятельность государства.

По результатам синтеза представленных исследовательских интенций, направленных на осмысление политической картины мира, можно зафиксировать, что политические картины мира выступают как гештальты, понятийно-структурированные мыслеобразы государственных и мировых политических процессов, обнаруживающих свое различие в политических институтах и стратегических действиях и группирующихся по временному, пространственному и социальным признакам.

Обобщенное представление характеристик двух понятий «картина мира» и «политическая картина мира», позволяет дать следующую характеристику исследуемому концепту: *political worldview*, или «политическая картина мира», представляет собой образ, совокупность взглядов и представлений, в основном для описания ключевых проблем, и находит свое выражение как во внешнеполитических, так и внутривнутриполитических концепциях и стратегиях, с фиксированными в них идеологическими предпочтениями или размежеваниями, и определением желаемого и возможного политического, экономического, социального, экологического и технологического курса или направления развития.

Литература и источники

Денисов А.И. Особенности современной американско-китайской стратегической конкуренции // Проблемы национальной стратегии. 2023. № 1 (76). С. 32–45.

Дроботенко О.Н. К вопросу о применении постнеклассической методологии к процессу разработки и принятия политических решений в информационном обществе / О.Н. Дроботенко, Н.Н. Соколов // PolitBook. — 2021. — № 1. — С. 135–149.

Самаркина И.В. Политическая картина мира // Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / под ред. И.С. Семенов. М.: Весь мир, 2017. С. 392–398.

Торкунов А.В. Россия и политический порядок в меняющемся мире: ценности, институты, перспективы. // Полис. Политические исследования. 2022. № 5. С. 7–22.

Хабермас Ю. Теория коммуникативной деятельности: Том 1. Рациональность действия и социальная рационализация; Том 2. К критике функционалистского разума / пер. с нем. А.К. Судакова. — М.: Издательство «Весь Мир», 2022. — 880 с.

Хайдеггер М. Время картины мира. Исток художественного творения: избранные работы разных лет / Мартин Хайдеггер; [пер. с нем. Михайлова А.В.]. — М.: Академический проект, 2008. — 527 с.

Шмитт К. Понятие политического. — СПб.: Наука, 2016. — 568 с. — (Слово о сущем).

Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом / Пер. с нем. и англ. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. — 1056 с. (Серия «Книга света».).

Kuhn H. (1940) The Phenomenological Concept of Horizon // Faber M. (Ed.) Philosophical Essays in Memory of E. Husserl. Cambr./Mass., 1940.

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО В РОССИИ: НОВЫЕ ПОДХОДЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Концепция гражданского общества достаточно эффективно вошла в российский научный дискурс в конце XX в. и стала объектом исследования не только политологии, но и многих других дисциплин. В политической теории, несмотря на изобилие определений гражданского общества, делается акцент на том, что это публичная сфера гражданской активности, институциональная арена, характеризующаяся открытостью коммуникации, публичным обсуждением вопросов на основе рационального мышления по достижению общественно-значимых благ, а не на частных интересах (Habermas, 1985). Таким образом, подчеркивается стремление к определению отношений между частной и публичной, индивидуальной и общественной сферами, общественной этикой и индивидуальными интересами, между индивидуальными и общественными потребностями. Предметом исследования стали такие аспекты гражданского общества, как его происхождение, функции, социальная интеграция, политическая мобилизация широких слоев населения, соотношение общества и государства, контроль со стороны гражданского общества за действиями государственного аппарата, внедрение процедур демократического управления в систему экономических отношений и т. д. (Гайнутдинова, 2010).

Опыт формирования гражданского общества в России невозможно полностью соотнести с какой-либо моделью без учета особенностей институциональной матрицы нашего общества. Каждое общество обладает уникальными характеристиками, вбирающими в себя не только исторический опыт общественно-политической деятельности, но и духовные факторы, так называемый «дух народа», который детерминирует систему взаимоотношений государства и гражданского общества, а также общий «дух законов», выражающийся как нравы, господствующие в данном обществе, принципы государства, религия, обычаи (Монтескье, 1955, 160). Это и является уникальной основой любого гражданского общества, как исторически возникшей организации социума внутри политически дифференцированного государства, в которой возможна свободная деятельность индивидов. И вне этого принципа, вне государства существование гражданского общества утрачивает свой исторический и социальный смысл.

Актуализация интереса к концепции гражданского общества, обусловленная сменой парадигмы развития мирового сообщества и поиском ответов на множество глобальных и региональных вызовов, дает основания для обозначения новых подходов и определения тенденций в системе совершенствования российской модели взаимодействия общества и государства.

Цивилизационный подход наиболее полно раскрыт в Концепции внешней политики Российской Федерации от 31 марта 2023 г., где Россия определена как «самобытное государство-цивилизация, обширная евразийская и евротихоокеанская держава, сплотившая русский народ и другие народы, составляющие культурно-цивилизационную общность Русского мира» (Концепция, 2023). Впервые в истории современной России в официальном доктринальном документе в основу внешнеполитического планирования и государственной самоидентификации была положена цивилизационная теория общественного развития, которая в условиях усиливающейся многополярности мира должна стать ориентиром при дальнейшем формулировании Россией своих внешнеполитических и внутриполитических установок. Кроме того, в ней обозначены не только особенности функционирования цивилизационных систем, но и сам цивилизационный подход, который необходимо активно развивать и применять в качестве одного из перспективных комплексных инструментов в практике государственного строительства. Исходя из этого под «цивилизацией» («культурно-историческим типом», «культурой» и т. д.) в целом понимают замкнутую общественную систему, характеризующуюся уникальной структурой (т. е. специфическими элементами и связями между ними) и характерными циклами исторического развития. Россия после тридцатилетия самоидентификации и развития демократии и либерализма по западному образцу обращается к культурно-цивилизационной идее Русского мира (Типайлов, 2023).

У каждой системы при взаимодействии с внешней средой (другими системами) имеется набор наиболее эффективных инструментов, который зависит от эволюционного контекста исторического развития, особенностей цивилизационной системы (ценностей и традиций, идеологического нарратива, культурной специфики, интеллектуального потенциала и так далее), а также характера и динамики отношений с окружающим миром. Россия исторически использует специфический набор наиболее эффективных для нее инструментов: военно-политические средства (дипломатия, армия и флот); культурно-идеологический инструментарий (включая искусство, философию и религию); экономический инструментарий (главным образом ресурсная база), фундаментом которого является уникальный человеческий капитал и интеллектуальный потенциал.

В этих координатах переопределяются основы нашего государственного устройства, взаимодействия государства и общества, принципы и цели функционирования гражданского общества, которое приобретает новые смысловые характеристики «творца истории», «основы цивилизации», «социальный базовый каркас» и т. д. Важным фактором становятся не только научные знания о российском общественном укладе, которые можно получить с помощью различных исследований, но и умение чувствовать глубину этого уклада, видеть спектр его разнообразия, понимать сущность его проблем, создавать условия для проявления лучших созидательных качеств Русского мира.

Идеологический подход стал основой перехода от теории модернизации к национально-консервативному подходу в выборе методологических парадигм философии развития. Идеология консерватизма является результатом конкуренции концептов за доминирование как в структуре идеологий страны, так и в политической повестке дня (Freeden, 2013), решая в функциональном плане задачи легитимации, интеграции, социализации, упорядочения, упрощения и ориентации действия и представляя собой интеллектуальную систему, определенным образом конструирующую и структурирующую политическое пространство (Гирц, 2004). Концептуальное оформление национальной идеи предполагает соответствие консервативной идеологии стратегии развития российского государства, выполняя ключевую функцию в определении специфики приоритетной модели развития, национальных интересов, а также содержания государственно значимых проектов.

Консервативная стратегия развития, основанная на национально-консервативной традиции российской общественной мысли, получила импульс последовательного продвижения в общественном сознании целей «консервативной модернизации» и идейно-властной трансформации в России, что требует постоянного укрепления внутренней ресурсной базы, способной быстро и гибко реагировать на запросы времени. Таким образом, консервативная идеология, позволяющая сочетать специфические национальные интересы с универсальными ценностями и формировать динамичное поле гражданской инициативы, должна стать политико-идеологической основой национальной модели российского гражданского общества.

В целом современный консерватизм последовательно конструировался Президентом В. Путиным и четко им формулировался в обязательном конституционном формате ежегодных Посланий Президента РФ Федеральному Собранию. Нам необходимо «создать систему прочную, надежную, неуязвимую и по внешнему контуру абсолютно стабильную, безусловно, гарантирующую России независимость и суверенитет. В то же время систему внутри себя живую, гибкую, легко и своевременно, главное, меняющуюся в связи с тем, что происходит в мире, вокруг нас, а главное, в связи с развитием самого российского общества. Систему, обеспечивающую в том числе сменяемость тех, кто находится у власти или занимает высокое положение в других сферах. Такое обновление — неотъемлемое условие для прогрессивной эволюции общества и пусть не безошибочного, но стабильного развития, когда незыблемым остается главное — интересы России» (Послание, 2020). Этот идеологический конструкт несет в себе потенциал и становится стратегической платформой для плавного перехода «от либеральной версии теории модернизации к национально-консервативному подходу, близкому к теории цивилизаций» (Багдасарян и др., 2021, 421).

Очевидно, что общество должно развивать различные уровни ассоциативной деятельности, так как отдельные индивиды всегда стремились и будут стремиться найти формы горизонтальной или вертикальной мобильности для реализации своих социально-политических интересов. Для этого необходимо наладить тонко настроенную систему социально-политических отношений, в которой определенные компоненты культуры традиционного общества стали бы крепким фундаментом

для формирующегося в настоящее время нового социального порядка, обусловленного не только традиционными ценностями, но и суперсовременными технологиями.

Литература и источники

Багдасарян В.Э., Балдин П.П., Реснянский С.И. (2021). Послания президента Российской Федерации Федеральному собранию, как источник изучения исторической политики России. Вестник Санкт-Петербургского университета. История, 66(2), 421–437. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2021> (дата обращения: 18.09.2022).

Гайнутдинова Л.А. Гражданское общество в условиях глобализации // диссертация на соискание ученой степени доктора политических наук / СПбГУ, Санкт-Петербург, 2010.

Гирц К. Идеология, как культурная система // Гирц К. Интерпретация культуры / пер. с англ. О.В. Барсуковой, А.А. Борзунова. М.: РОССПЭН, 2004. С. 225–267.

Монтескье Ш.Л. О духе законов. М., 1955.

Послание Президента Федеральному Собранию. 2020. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45148> (дата обращения: 18.09.2022).

Типайлов Е. Цивилизационный подход к государственному строительству // 22.08.2023/ URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/tsivilizatsionnyu-podkhod> (дата обращения: 14.09.2023).

Habermas J. Der philosophische Diskurs der Moderne. Frankfurt: Suhrkamp. 1985.

Freeden M. The Morphological Analysis of Ideology // Freedен M. Oxford Handbook of Political Ideologies. Oxford: Oxford University Press, 2013. P. 115–137.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СФЕРЕ ИРАНА ПОСЛЕ ЖЕНСКИХ ПРОТЕСТОВ 2022 ГОДА

Протесты являются неотъемлемой составляющей политической жизни граждан и государства. Согласно глобальному трекеру протестов (Global Protest Tracker, 2023), с 2017 до 2023 г. более чем в 132 странах мира вспыхнуло значительное число политических протестов — более 400, при этом 23 % протестных акций имели продолжительность дольше 3 месяцев. Кроме того, даже сегодня представления о гражданской активности все еще имеют гендерную окраску. В некоторых странах женщин чаще всего рассматривают как исполнительниц традиционных ролей, существенно ограничивая в правах, в силу чего они вынуждены отстаивать свою независимость, в том числе и посредством участия в протестных акциях. Особый интерес вызывает влияние женской протестной активности Ирана на институциональные преобразования в политической сфере.

После Исламской революции 1979 г. на политической карте мира появилась Исламская Республика Иран (Филин, 2020, 3). Ислам сам по себе не распространяет идеи о превосходстве одного пола над другим. Согласно вероучению Ислама, и мужчины, и женщины подлежат как одинаковой награде за совершенные деяния, так и одинаковому наказанию. Женщины-гражданки Ирана боролись и продолжают бороться за возможность исполнения значимой роли в жизни общества и государства, за свои права (Иноземцева, 2010, 135). Но даже в XXI в. эта борьба еще не окончена. Об этом свидетельствуют недавние протесты женщин в 2022 г., охватившие все государство. Причинами, толкающими гражданок Ирана к участию в протестах, являются: недостаточный вес женщин при принятии важных государственных решений, влияние мировых женских движений (особенно западных), а также нарушение базовых прав человека (Эсмаили, 2020, 49). Актуальность данной темы обусловлена активизацией протестных настроений, в том числе женских, в Исламской Республике Иран.

Выбор такого кейса, как Иран в качестве предмета исследования продиктован следующими обстоятельствами. Во-первых, изменением положения женщин в обществе после Исламской революции 1979 г., когда гражданок Ирана ограничили в правах. Тем не менее женщины и сегодня продолжают активно бороться за правовое равенство, они стоят у истоков протестных настроений в Исламской Республике Иран. Во-вторых, из-за повсеместного распространения современных технологий, в частности, социальных сетей, недавние протесты женщин Ирана получили широкую международную огласку и даже вызвали протесты солидарности во многих странах мира. Скрывать внутреннее положение дел государства, политическую обстановку и ограничивать граждан от влияния извне в современных реалиях для властей представляется крайне трудным, если вообще возможным. В-третьих, в Иране наблюдается специфическое наложение нового мира на существующие традиционные устои. Опыт женских протестов 2022 г. ярко демонстрирует существующую солидарность между женщинами и мужчинами, которые во многих иранских городах вышли поддержать женщин. Кроме того, правительство вынуждено было совершить некоторые сдвиги, пойдя на определенные уступки протестующим, например, был осуществлен роспуск полиции нравов (L'Orient-Le Jour, 2022). В связи с этим представляется необходимым изучить эволюцию протестной активности женщин в Иране и ее влияние на институциональные преобразования в сфере политики.

До Исламской революции 1979 г. иранские женщины обладали достаточно широким перечнем прав: они свободно учились, устраивались на работу без необходимости получения разрешения от мужа, могли одеваться, следуя западным тенденциям моды, а правил, регламентирующих внешний вид женщины, не существовало. После 1979 г. все кардинально изменилось — женщин обязали носить закрытую одежду — хиджаб, а также ограничили в правах (Обыденская, 2022). Тогда Иран всколыхнули первые волны протестов против ущемления прав женщин. 8 марта 1979 г. в столице Ирана — Тегеране — начались акции протеста, участие в которых приняли тысячи женщин (The Iran Primer, 2023). Их голос тогда не был услышан властями, поэтому борьба за признание женских прав продолжается вплоть до сегодняшнего дня.

С конца 1990-х гг. в Иране росло число протестных настроений среди граждан из-за экономических, политических неудач правительства, нарушения прав человека и т. д. (Поднебесная, 2023, 67). До 2022 г. в Иране периодически слушались громкие дела по поводу иранских женщин, отказывающихся носить хиджаб, которых задерживала полиция нравов, например, гибель Бани Ягуб в полицейском участке в 2007 г. или дело против Корд Афшари, которую в 2019 г. приговорили к 24 годам заключения, но потом сократили срок (Поднебесная, 2023, 68). Однако массовый характер женские протесты приобрели в 2022 г. Они были вызваны смертью Махсы Амини, которую также задержала полиция нравов за нарушение правил ношения хиджаба. Женщина скончалась в больнице после пребывания в полицейском участке. Отличительной чертой протестов 2022 г. стало то, что мужчины наравне с женщинами вышли на улицы городов под лозунгом «Женщина, жизнь, свобода» (Гогитидзе, 2022). Кроме того, заметную часть последних женских протестов составляет молодежь, которая знает, что происходит в других частях света благодаря широкому распространению социальных сетей, несмотря на попытки властей ограничить доступ населения к интернет-ресурсам (после событий 2022 г. власти ограничили работу Instagram (запрещен на территории РФ) и WhatsApp на территории Ирана).

Недовольство, копившееся среди населения десятилетиями, вылилось в необычайно массовые акции протеста по всей стране. Как отмечает Д. Ригуле-Роз из Французского института стратегического анализа, «...население за последние годы становилось все более светским, огромная пропасть разделяет людей и тех, кто ими правит...» (Гогитидзе, 2022). Согласно опросу, проведенному в 2020 г., 72 % иранцев выступают против обязательного ношения хиджаба, лишь 15 % населения поддерживает необходимость ношения хиджаба в публичных местах (Maleki, 2020). При этом соотношение полов в ИРИ примерно одинаковое — 49,53 % женщин и 50,47 % мужчин (Statistics Times, 2021). Даже если женщины и являются глубоко религиозными, придерживаясь религиозных предписаний, они против того, чтобы их силой заставляли носить закрытую одежду.

Хиджаб как таковой не является главной проблемой для женщин Ирана. Проблема гораздо шире — у женщин отсутствует свобода выбора жизненной траектории, нарушаются базовые права человека, когда на улице к женщине может подойти представитель полиции нравов и забрать ее в участок из-за нарушения правил ношения хиджаба. Женские протесты 2022 г. олицетворяют борьбу населения с действующим в Иране режимом. Женщины, особенно представители молодого поколения, заинтересованы в установлении свободного демократического режима, а также в установлении светского государства на своей родине — в Иране (Голами, 2022).

Последние женские протесты в Иране ярко продемонстрировали существующий конфликт поколений. С одной стороны, властная верхушка, являющаяся представителями старшего поколения, которое свергло монархию в 1979 г. С другой стороны, молодежь, которая жаждет проведения кардинальных реформ в государстве. Протесты 2022 г. можно назвать протестами против господствующего там политического режима, в основе которого — активное вмешательство государства в частную жизнь граждан. Люди вышли на улицы, так как государство в своей основе функционирует не на правовых основах.

Несмотря на то, что женские протесты в Исламской Республике Иран были подавлены, они смогли оставить определенный след в истории. Хотя поначалу полицию нравов распустили, позже она все-таки вернулась к своему функционированию. Тем не менее, властная верхушка вынуждена была сбавить обороты в преследовании существующего в обществе инакомыслия. Сейчас на улицах Ирана можно встретить женщин без хиджаба, а полиция нравов не забирает их за это в участок. Таким образом, женские протесты 2022 г. оказались поворотным событием в жизни иранского общества и государства, повлияв на внутреннюю политику государства.

Литература и источники

Гогитидзе К. Хиджаб-революция женщин в Иране. Пошатнется ли режим аятоллы? [Электронный ресурс] // BBC. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-63251352> (дата обращения: 15.06.2023).

Голами Н. 3 месяца протестов в Иране — время для перемен [Электронный ресурс] // Made for minds. URL: <https://www.dw.com/ru/kommentarij-3-mesaca-protestov-v-irane-vrema-dla-peremen/a-64106054> (дата обращения: 15.06.2023).

Иноземцева Е. К вопросу о правах женщин в Иране на современном этапе // Власть. — 2010. — № 3. — С. 135–137.

Обыденская О. В Иране не утихают протесты после смерти Махсы Амини. Как иранские женщины 30 лет борются за право не носить хиджаб [Электронный ресурс] // Сноб. URL: <https://snob.ru/society/v-irane-ne-utihayut-protesty-posle-smerti-mahsy-amini-kak-iranskie-zhenshiny-30-let-boryutsya-za-pravo-ne-nosit-hidzhab/> (дата обращения: 14.06.2023).

Поднебесная Ю.Б. О причинах протестов в Исламской республике Иран // Скиф. Вопросы студенческой науки. — 2023. — № 2. — С. 65–69.

Филин Н.А. История и современные процессы легитимации власти в Исламской Республике Иран (1979–2019 гг.); автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.03 / Филин Никита Александрович. — М., 2020. 52 с.

Эсмаили С. Повышение роли женщин в парламенте Ирана после Исламской революции 1979 г. // Вестник РУДН. Серия: Политология. — 2020. — № 1. — С. 49–58.

Demographics of Iran [Электронный ресурс] // Statistics Times. URL: <https://statisticstimes.com/demographics/country/iran-demographics.php> (дата обращения: 26.06.2023).

Fact sheet: Protests in Iran 1979–2023 [Электронный ресурс] // The Iran Primer. URL: <https://iranprimer.usip.org/blog/2019/dec/05/fact-sheet-protests-iran-1999-2019-0> (дата обращения: 15.06.2023).

Global Protest Tracker [Электронный ресурс] // Carnegie endowment for international peace. URL: <https://carnegieendowment.org/publications/interactive/protest-tracker> (дата обращения: 26.06.2023).

La police des mœurs dissoute, un geste envers les manifestants [Электронный ресурс] // L'Orient-Le Jour. URL: <https://www.lorientjour.com/article/1320368/la-police-des-moeurs-a-ete-abolie.html> (дата обращения: 21.06.2023).

Maleki A. IRANIANS' ATTITUDES TOWARD RELIGION: A 2020 SURVEY REPORT [Электронный ресурс] // GAMAAN. URL: <https://gamaan.org/wp-content/uploads/2020/09/GAMAAN-Iran-Religion-Survey-2020-English.pdf> (дата обращения: 15.06.2023).

*А.Д. Гейм (Санкт-Петербург),
И.А. Щербинов (Санкт-Петербург)*

СУПЕРСЕРВИС ПОСТУПЛЕНИЯ В ВУЗЫ ОНЛАЙН: GOOD GOVERNANCE ИЛИ ОШИБКИ ЦИФРОВИЗАЦИИ?

Поступление в университет — это один из самых ответственных и волнительных этапов в жизни каждого абитуриента. В нашей стране существует множество сервисов, которые помогают абитуриентам справиться с этим сложным процессом. Однако, несмотря на их наличие, многие студенты ощущают определенные трудности и неудобства при поступлении.

В современном мире невозможно представить поступление в университет без возможности подачи документов онлайн. Возможность подать документы из дома не только положительно сказывается на экологии (Лапинская, 2022, 346) ввиду отсутствия затрат на печать и хранение данных абитуриентов, но также и упрощает работу приемных комиссий университетов. Одним из таких сервисов для поступления как раз и стал суперсервис «Подача в вуз онлайн» (ССПВО), так, согласно материалам ректорского совещания СПбГУ от 15.08.2022 № 538, в 2022 г. (Материалы ректорского совещания, 2022). «...в рамках приемной кампании 2022 года в СПбГУ было подано около 80 000 заявлений о приеме на программы бакалавриата (специалитета) на бюджетную основу обучения, из них 53 % — посредством суперсервиса «Поступление в вуз онлайн» (далее — Суперсервис) Единого портала государственных и муниципальных услуг (функций) (в 2021 г. через Суперсервис было подано около 10 % заявлений)», что в свою очередь является положительным результатом по итогам приемной кампании, так как соответствует основным трендам государства на цифровизацию различных сфер жизни (Цифровое государственное управление, 2021).

В СПбГУ существует собственная система подачи документов онлайн — «Личный кабинет поступающего» (Личный кабинет поступающего, 2023). Преимуществом собственного портала для поступления в первую очередь является наличие опыта работы и понимание системы работы собственного портала работниками приемной комиссии. В то же время недостатком для поступающего является именно отсутствие единой системы, единого дизайна, возможности подавать документы и следить за статусом заявления в едином кабинете, что усложняет процесс подачи документов для абитуриентов и повышает шансы некорректного заполнения данных.

Эту проблему был призван решить суперсервис «Подача в вуз онлайн». Данный сервис позволил абитуриентам подавать документы в желаемые вузы через единый сервис, отслеживать статус заявления и в целом должен был стать универсальным агрегатором заявлений поступающих как для абитуриентов, так и для приемных комиссий. Тем не менее при реализации данного проекта возник ряд трудностей, как для сотрудников комиссий по приему документов, так и для абитуриентов (Сафиуллин, 2021, 154).

Как уже было отмечено ранее, университеты имели свою базу данных заявлений и документов, поданных абитуриентами в вуз. При этом непосредственно у суперсервиса «Подача в вуз онлайн» имелась собственная база данных, отличающаяся от баз данных вузов.

В связи с ограничениями базы данных ССПВО возникла необходимость переноса данных из одной информационной системы в другую. Ввиду разности баз данных возникали различные технические трудности. Так, например, при переносе информации происходили так называемые «потери абитуриентов»: идентификационные номера абитуриентов могли различаться, соответственно при сверке данных и индивидуальных достижений некоторые заявления приходилось перепроверять и сверять. Также одной из больших проблем были «дублирующие заявления»: подобная ситуация возникала, когда абитуриенты регистрировали заявления через ССПВО и через личный кабинет поступающего, в результате чего невозможно было произвести сохранение заявления и перенос его в статус «на рассмотрении», и техническим службам приходилось восстанавливать заявления вручную, что сильно замедляло работу по проверке заявлений.

Главными, пожалуй, были проблемы, связанные с подачей оригинала документа об образовании дистанционно через ССПВО. Самим вузам также приходилось отмечать в своих базах данных

«оригинал предоставлен» и не всегда имелась возможность отследить актуальные изменения, приводя к трудностям и замедляя работу, что является особенно критичным, когда речь идет о подаче оригиналов документов, так как от этого напрямую зависит поступление абитуриента в университет. Особенно эта проблема обострялась в последние дни подачи оригиналов, в связи с увеличенной нагрузкой на ССПВО, что является еще более критичным, так как времени у комиссий, технических служб и самих абитуриентов на исправление ошибок оставалось куда меньше (Косолапова, 2021, 111).

Сотрудникам приемных комиссий приходилось затрачивать много сил и времени на ручную проверку данных на ССПВО. Это связано с рядом больших проблем: во-первых, отсутствовала качественная верификация данных у аттестатов с отличиями, олимпиад и иных индивидуальных достижений. Поскольку абитуриенты не были обязаны загружать файлы для подачи заявления на большинство документов, это привело к огромному объему работы со стороны сотрудников приемных комиссий, включая дополнительный сбор недостающих документов с абитуриентов и последующую дополнительную верификацию данных индивидуальных достижений. Во-вторых, имеет место допущение ошибок со стороны абитуриентов, некорректно заполняющих данные. В то время как в Информационной системе СПбГУ у сотрудников приемной комиссии есть возможность редактировать данные, опираясь на приложенные файлы сканов документов, в ССПВО зачастую отсутствуют файлы документов, более того, изменение большинства данных не представляется возможным. Стоит отметить, что отсутствие на ССПВО ряда сведений и классификаций документов, необходимых для подтверждения определенных льгот и преимущественных прав, приводит к необходимости сотрудников затрачивать большое количество сил и времени на запрос, обработку и перепроверку данных абитуриентов и их заявлений. Согласно Приказу № 245 Министерства просвещения Российской Федерации от 07.04.2023, выпускники некоторых школ ряда регионов имели право сдавать внутренние вступительные испытания, организованные СПбГУ самостоятельно. Потребовалось много времени для систематизации данных о имеющих право на сдачу внутренних вступительных экзаменов по категории, определенной этим приказом, из-за отсутствия систематизированных данных о школах, которые заканчивали абитуриенты (Приказ Министерства просвещения Российской Федерации, 2023).

В итоге данная система приводит к огромным затратам сил и времени со стороны приемных комиссий, затрудняет работу и вредит качественному исполнению обязанностей сотрудниками, приносит вред и самим абитуриентам, которые в итоге получают предоставляемые государством услуги недостаточно высокого качества, что в свою очередь ведет к падению репутации университета, к снижению оперативности работы с документами приемных комиссий.

Сами абитуриенты зачастую неправильно заполняют данные или не подгружают файлы. В результате этого вынуждены звонить сотрудники приемных комиссий, что опять же снижает оперативность приема документов. Отсутствует качественная связь между абитуриентами, комиссиями и техническими службами, так как на самом сайте «Госуслуги» нет контактной информации, поэтому нет возможности связаться с приемными комиссиями, а лишь с техническими службами «Госуслуг», которые не понимают специфику приемной кампании. Сами работники приемных комиссий, на наш взгляд, также недостаточно ознакомлены с работой и интерфейсом ССПВО со стороны абитуриентов.

Так как ССПВО рекламируется абитуриентам как универсальный удобный сервис, в котором можно все сделать в несколько кликов, не выходя из дома и почти не взаимодействуя с приемными комиссиями, тот факт, что абитуриентам все равно приходится совершать те же действия, что и подающим через сайты приемных комиссий конкретных вузов, приводит к репутационным издержкам для государственной системы. Молодежь не доверяет эффективности работы государственных институтов и трендов на цифровизацию, активно декларируемых государством как ключевые нововведения в сфере поступления в университет.

Поэтому, подводя итог, стоит выделить основные проблемы и достижения, с которыми столкнулись абитуриенты и работники приемной комиссии в результате приемной кампании 2023 г.

1. Проблемы:

1.1. Технические сложности: отсутствие стабильной работы технической инфраструктуры сервиса, перегрузка серверов, длительные перерывы или сбои в системе.

1.2. Неструктурированность информации: хаотичное представление информации о поступлении в вуз. Некоторые абитуриенты испытывают затруднения при поиске необходимой информации о требованиях, правилах и сроках подачи документов.

1.3. Отсутствие обратной связи: отсутствие возможности получить оперативную обратную связь со стороны учебного заведения, в случае пользования Суперсервисом.

2. Достижения:

2.1. Удобный интерфейс: понятная навигация, легкость заполнения форм и доступ к необходимой информации способствуют более комфортному процессу поступления.

2.2. Автоматизация процессов: внедрение автоматизированных систем для обработки документов и рассмотрения заявлений абитуриентов.

2.3. Информационная поддержка: предоставление большого объема информации о поступлении в университеты, правилах и требованиях является значимым достижением работы Суперсервиса.

В связи с представленными проблемами и достижениями можно выделить несколько рекомендаций для повышения качества работы приемной комиссии (Якушева, 2022, 2).

Первое, что следует учесть, это необходимость проведения комплексного анализа работы приемной комиссии за предыдущие годы. Это позволит выявить слабые места и ошибки, которые могут повториться в будущем. Анализ проводится на основе данных о количестве поступивших студентов, их успеваемости и уровне подготовки, а также организации процесса приема.

Второе направление — обеспечение своевременной и точной информации о требованиях для поступления в каждый конкретный вуз. Для этого можно разработать централизованную систему базы данных с актуальными данными о каждом учебном заведении, доступную как претендентам на поступление, так и работникам приемной комиссии.

Третье направление — разработка эффективной системы контроля за процессом приема. Важно создать механизм, который будет отслеживать и фиксировать каждый этап приема студентов, начиная с получения заявления на поступление и заканчивая принятием решения о зачислении или отказе. Такая система позволит своевременно выявлять задержки или ошибки в работе комиссии и принимать меры для их исправления.

Четвертое направление — автоматизация процесса приема студентов. С помощью современных информационных технологий можно значительно сократить время и ресурсы, затрачиваемые на обработку большого объема документации. Разработка специального программного обеспечения, которое будет автоматически проверять правильность заполнения документов и анализировать данные о кандидатах, позволит повысить эффективность работы приемной комиссии.

Оптимальное использование ресурсов и улучшение координации работы ССПВО являются ключевыми факторами для успешного проведения приемной кампании в следующем году. При правильной организации процессов и применении новых технологий можно существенно повысить эффективность работы сервиса и обеспечить максимальное удовлетворение потребностей всех заинтересованных сторон.

Литература и источники

Приказ Министерства просвещения Российской Федерации от 07.04.2023 № 245 «Об утверждении перечня образовательных организаций, на лиц, обучающихся в которых по образовательным программам основного общего и среднего общего образования, в 2023 году распространяются особенности проведения государственной итоговой аттестации и приема на обучение в организации, осуществляющие образовательную деятельность, предусмотренные статьей 5 Федерального закона от 17 февраля 2023 г. № 19-ФЗ «Об особенностях правового регулирования отношений в сферах образования и науки в связи с принятием в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области, Херсонской области и образованием в составе Российской Федерации новых субъектов – Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области, Херсонской области и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»» (Зарегистрирован 17.04.2023 № 73059) // <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202304180005>. — 2023. — № 0001202304180005. — Ст. 245.

Заварцева Е.В. Суперсервисы: Цифровая трансформация услуг / Е.В. Заварцева // XLVIII Огарёвские чтения: Материалы научной конференции. В 3 частях, Саранск, 06–13 декабря 2019 года / Составитель А.В. Столяров. Отв. за выпуск П.В. Сенин. Часть 1. — Саранск: Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва, 2020. — С. 442–447. — EDN UWSIVF.

Косолапова Д.И. Проблемы и перспективы цифровизации государственного управления на региональном уровне: специальность 38.04.02 «Менеджмент»: диссертация на соискание магистерская диссертация / Косолапова Дарья Ивановна. — Екатеринбург, 2021. — 111 с.

Лапинскас А.А. Анализ взаимосвязи экологии и цифровизации в современных условиях / А.А. Лапинскас, А.Н. Стрижова // Цифровая экономика и Индустрия 5.0: развитие в новой реальности. — Санкт-Петербург: ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2022. — С. 338–355. — DOI 10.18720/IEP/2022.3/15. — EDN IMZRRY.

Личный кабинет поступающего: сайт. — URL: <https://cabinet.spbu.ru> (дата обращения: 15.09.2023)

Материалы ректорского совещания // spbu.ru: сайт. — URL: https://spbu.ru/openuniversity/documents/materialy-rektorskogo-soveshchaniya-538?utm_source=sot&utm_medium=email&utm_campaign=rs1508#p3 (дата обращения: 15.09.2023)

Сафиуллин Н.А. Развитие суперсервиса «Поступление в вуз онлайн» в условиях цифровой трансформации высшего образования / Н.А. Сафиуллин, Г.Р. Фассахова, Ф.Т. Нежметдинова // Вестник Казанского государственного аграрного университета. — 2021. — Т. 16, № 3(63). — С. 154–159. — DOI: 10.12737/2073-0462-2021-154-159. — EDN PPHNKE

Якушева Т.Г. Особенности интеграции с государственной системой «Суперсервис «Поступление в вуз онлайн» на примере приемной комиссии Московского педагогического государственного университета / Т.Г. Якушева, Р.А. Юмаев // Вопросы устойчивого развития общества. — 2022. — № 6. — С. 973–977. — EDN AYQFTR.

Национальный проект цифровой экономики: Цифровое государственное управление: сайт. — URL: <https://национальныепроекты.рф/projects/tsifrovaya-ekonomika/p-tsifrovoe-gosudarstvennoe-upravlenie-p> (дата обращения: 15.09.2023)

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ПОПУЛИСТСКИХ ПРАКТИК ДЛЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ

Понятие «популизм» (от лат. *Populus* — «народный») в последнее десятилетие стало едва ли не самым употребительным в политическом словаре, ознаменовав новую эпоху в трактовке политики, демократии, лидерства. Спектр оценок этого сложного явления достаточно широк: одни авторы видят в нем справедливую критику правящих элит, оторвавшихся от реальных жизненных условий миллионов людей (Мудде, 2014; Вайнштейн, 2017), другие высказывают опасения относительно угрозы институциональным основаниям демократии со стороны популистских лидеров, стремящихся разрушить ее каноны (Vittori, 2015; Mounk, 2014; Глухова, 2017; Grant, 2019). Предпринимаются попытки объединить компаративистику и социальную теорию в объяснении феномена возрождения популизма в Западной Европе в конце XX — начале XXI в., уделить большее внимание малоизученной связи между его дискурсом и структурой (Pappas, 2016; Lochocki, 2018). Ситуация, сложившаяся в мире в первые десятилетия XXI в., характеризуемая как «эпоха постправды», «постдемократия» (Крауч, 2010), ставит в исследовательскую повестку дня проблему авторитарного популизма (Schäfer, 2021). Другие авторы менее пессимистичны в оценке современного популизма, трактуя его как неизбежную «тень» демократического режима, а риторику популизма — как разновидность коммуникационного акта (Mascaulay, 2019), указывая на новые благоприятные возможности для продвижения популистских лидеров в эпоху глобальной турбулентности. Появляются первые серьезные работы, посвященные исследованию результатов деятельности и политическим последствиям пребывания популистов у власти. Одной из них является монография (антология) «Популизм у власти. Стратегии и последствия популистского правления» под редакцией В. Муно и К. Пфайфера (Muno, 2021).

Антология состоит из серии тематических исследований, написанных шестнадцатью авторами, в которых прослеживаются процессы ослабления демократических институтов при популистских правительствах. Авторы используют аналитическую структуру, основанную на работах признанного исследователя популизма Т. Паппаса (Pappas, 2019) и последовательно применяют ее во всех разделах работы. Тематические исследования охватывают различные регионы мира и дают полезный обзор влияния популистского управления на демократические институты и качество демократии. Количественный анализ, приведенный в первой части книги, показывает, что популистское правление наносит значительный ущерб качеству демократических институтов. Тематические исследования, изучающие как левые, так и правые популистские правительства, также подтверждают этот вывод.

Популизм во власти проявляется в харизматическом лидерстве, сильной политической поляризации, создании патронажных сетей и ослаблении всех институтов, которые стоят между популистским руководством и так называемым «истинным народом». Вместе с тем популистские правительства оказываются в своеобразном положении: придя к власти, они сами становятся политической элитой и, таким образом, нуждаются в новых способах создания собственной легитимности. Вследствие этого они переходят в своего рода режим перманентной избирательной кампании. В то же время претензия на буквальное воплощение предполагаемой или сконструированной воли народа является первым шагом к делегитимизации любой оппозиции и, таким образом, ядром антиплюрализма, который, по мнению большинства авторов, выступает центральной характеристикой популизма (Muno, 2021, 320).

Исходным пунктом является допущение, что популистская логика, понимаемая как «прозрачная идеология», является прямой импликацией для правительственных действий популистов. Еще более существенным является антиплюрализм или морализованное мышление «друг — враг», содержащее попытку недопустимости возвращения во власть своих политических противников. Из этого следует, что популизм имеет неотъемлемую автократическую тенденцию.

В предлагаемой авторами модели № 1 еще раз подчеркнута центральное значение антиплюрализма для популистского способа правления. Антиплюрализм непосредственно обусловлен тремя

признаками: противопоставлением народа и элит; морализацией политики («хорошо и правильно» против «плохо и коррупционно»), а также генеральным глубинным допущением существования *volonte generale*. Вместе это создает нарратив, с которым выступает антиплюралистическая претензия на свое исключительное представительство.

Антиплюрализм как центральный идеальный тип авторы подразделяют на четыре измерения: политическая коммуникация; формирование внешней политики; так называемая *State Capture*, т. е. собирание, получение в свое распоряжение важнейших институтов и ресурсов государства; мероприятия против оппозиции. Не каждое из названных измерений критически опасно для демократических институтов. Популистская внешняя политика или популистская политическая коммуникация по определению еще не представляют собой угрозы для демократии, поскольку сами по себе они напрямую не направлены на контроль и переделку правил политической игры. Но популистская политическая коммуникация в смысле «перманентной избирательной кампании» может серьезно отравить политический климат. Эта коммуникация должна восприниматься как миссионерская, как элемент персональной харизмы. При этом подчеркивается двусторонняя зависимость, базирующаяся на том, что основанная на вере убежденность в ведущей роли личности лидера через институт последователей необходима и должна быть признана, чтобы вести борьбу против воображаемой опасности, которая, как правило, исходит от политических противников. Мобилизация служит зримой легитимации популистов как самоаффирмация в связи с моральным превосходством против этого противника (читай: коррумпированных элит). Это объясняет утверждение Паппаса о том, что для победы популистов необходима харизматическая личность лидера, вождя (Pappas, 2016).

Хотя исследования популизма адресованы большей частью внутривнутриполитическим проявлениям, в контексте глобализации популистские акторы должны позиционировать себя также и на международной арене. С. Дестади и И. Плагеманн отмечают общие черты во внешней политике популистов и видят их в централизации и персонализации решений, также подчеркивают возрастающую важность «хозяйственной идеологии» для заключения сделок о партнерстве и кооперации с другими, идеологически близкими странами (Muno, 2021, 323). Через централизацию и персонализацию часто обходились предварительные экспертизы в министерствах внешних связей и куда более вероятным становилось принятие противоречивых решений. Столь же последовательным является обход многосторонних инстанций, которые могли бы сказать свое слово в формировании внешней политики, а также основополагающее, постоянное отклонение предложений и инициатив политических противников. Внешнеполитический прагматизм теряет свое значение, тогда как грубая схема «друг — враг», напротив, и во внешней политике находит себе все большее применение.

Два других измерения — *State Capture* и образ действий против оппозиции — представляют собой очевидную угрозу элиминирования демократии (полиархии), так как затрагивают два ключевых для нее признака: во-первых, шансы оппозиции против действующего правительства и сама возможность смены этого правительства; во-вторых, гарантии политических и гражданских прав (Даль, 2003).

State Capture означает инструментализацию популистами государственных институтов и ресурсов, которые разрушают необходимый для демократии нейтралитет государства и равенство шансов политических сил. Цель занятия важных, но нейтральных служб и управленческих постов и систематический патронаж последователей — это то, что разрушает систему сдержек и противовесов и необходимый плюрализм в принятии решений. В условиях проведения выборов процесс может пойти настолько далеко, что нейтральный избирательный режим будет переформатирован или подчинен чьей-то персональной линии. Тем самым будет облегчен «популистский конституционализм», который служит формальной институционализации популистской логики (Muno, 2021, 324). Клиентелизм служит поощрению последователей для сохранения их лояльности и поддержки.

Описанная динамика может быть дополнительно усилена тем, что открыто и наступательно делается против политических противников. В числе применяемых методов может использоваться механизм «дискриминирующего легализма», обхода промежуточных институтов, в том числе парламента, как важного отражения интересов, дискуссионной платформы оппозиции, а также мероприятия против критически настроенных медиа и оппозиционного гражданского общества.

Манифестация идеального типа в реальности стала бы сдвигом в автократическое государство («электоральную автократию»), так как через описанные мероприятия смена власти на пути честных

и конкурентных выборов вряд ли возможна; единоличное государство популистов может лишь усилиться. Если никакая смена правительства посредством выборов невозможна, то возникает вопрос о роли оппозиции. Как заметил А. Пшеворский, нет никакой заинтересованности оппозиции к участию в выборах, если невозможно на них выиграть (Пшеворский, 2000).

Насколько далеко может продвинуться популистская повестка, зависит от специфических контекстуальных факторов: от раздела властных ресурсов, от силы оппозиции, от степени консолидации либерально-демократических институтов, от обороны со стороны гражданского общества, от международного давления либерально-демократических сил и силы убеждения со стороны популистских лидеров по отношению к своим сторонникам. Возможны умеренные коррективы курса с учетом опасности разочаровать популистских сторонников. Четыре измерения показали, в первую очередь, на что способны популисты во власти, если им не будут указаны границы их действий.

Литература и источники

Вайнштейн Г. Современный популизм как объект политологического анализа // ПОЛИС. Политические исследования. 2017. № 4. — С. 69–89.

Глухова А.В. Популизм как политический феномен: вызов современной демократии // Политические исследования. ПОЛИС. 2017. № 4. — С. 49–69.

Даль Р. Демократия и ее критики / Пер. с англ. Под ред. М.В. Ильина. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2003. — С. 183–195.

Крауч К. Постдемократия. М.: Изд. дом Гос. ун-та Высшей школы экономики, 2010. — 192 с.

Мудде К. Популистские праворадикальные партии в современной Европе // Берегиня.777.Сова. 2014. №4 (23). — С. 91–100.

Пшеворский А. Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке. Пер. с англ. / Под ред. проф. Бажанова В.А. — М.: «Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000. — 320 с.

Grant B., Moore T., Linch T. The Rise of Right wing Populism. Pauline Hansons One Nation and Australien Politics. Springer, 2019. — 241 p.

Lochocki T. The Rise of Populism in Western Europe. A Media Analysis of Failed Messaging. Springer, 2018. — 173 p.

Macaulay M. Populist Discourse. International perspectives. Palgrave Macmillan, 2019. — 228 p.

Mounk Y. Pitchfork Politics: The Populist Threat to Liberal Democracy. — Foreign Affairs. 2014. No. 5. P. 27–36.

Muno, Wolfgang, und Christian Pfeiffer (Hrsg.): Populismus an der Macht. Strategien und Folgen populistischen Regierungshandelns. Wiesbaden: Springer VS, 2021. — 347 S.

Pappas T.S. Modern Populism: Research Advances, Conceptual and Methodological Pitfall, and the Minimum Definition. Oxford Research Encyclopedias, 2016. URL: http://politics.oxfordre.com/view/10.1093/acrefore/9780190228637.001.0001/acrefore-9780190228637-e-17?rkey=A5_5nhK&result=53aedia (accessed 19.02.2020).

Pappas T. Populists in power. Journal of Democracy, 2019. 30(2). P. 70–84.

Schäfer, Armin, und Michael Zürn (2021): Die demokratische Regression. Die politischen Ursachen des autoritären Populismus. Berlin: Suhrkamp. 247 S.

Vittori D. Is Populism Changing the Political Representation of Western Democracies? — Political Sciences & Public Affairs. 2015. Vol. 3. No. 1.

А.А. Городилова (Санкт-Петербург),
А.А. Малахова (Санкт-Петербург)

ОТНОШЕНИЕ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ К ПОЛИТИЧЕСКОМУ УЧАСТИЮ

Исследование выполнено в рамках работы в Клинике прикладных политических исследований СПбГУ.

Проблема отношения граждан к политическому участию является одной из центральных для государств с любым политическим режимом. В частности, интерес исследователей к этой теме обусловлен большим значением политического участия для реализации политических прав населения, что непосредственно влияет на развитие политической системы РФ. Ряд работ посвящен тенденциям политического участия населения РФ (Катушева, 2012), проблеме повышения электоральной активности граждан (Морозова, 2018). Более того, авторы также рассматривают эту проблему в рамках демографической, часто молодежной (Беликова, 2014) или территориальной групп (Дорофеев, 2007).

В политической науке не существует однозначного определения понятия «политическое участие». Существует как минимум три контекста его употребления: 1) противопоставление абсентизму; 2) политическое поведение отдельной личности; 3) осознанная и рациональная форма политического поведения, которая соотносится с мотивами и целями человека. В данной статье, следуя за Дж. Нагелем, под политическим участием понимаются «действия, посредством которых рядовые члены любой политической системы влияют или пытаются влиять на результаты его деятельности» (Катушева, 2012, 6–12).

В качестве объекта анализа в этой работе выступает студенческая молодежь, поскольку она представляет особый интерес по ряду причин. Во-первых, данная социальная группа обладает рядом отличительных социально-психологических характеристик, из-за которых ее поведение в политике уникально. Во-вторых, именно молодежь наиболее открыта к переменам, быстрее адаптируется к ним, поэтому вовлеченность молодых людей влияет на развитие государства в целом. В-третьих, сегодняшняя молодежь будет определять в будущем направления деятельности политических институтов, из-за чего их ценности подвержены повышенному вниманию со стороны исследователей.

Для определения отношения молодежи к политическому участию были проведены 10 фокус-групп, участники которых — студенты вузов Санкт-Петербурга, обучающиеся на разных направлениях, и недавние выпускники. В качестве методов анализа собранной информации был выбран контент-анализ для систематизации и кодирования исследуемых текстов и дискурс-анализ для интерпретации высказываний.

Перед тем, как перейти к изучению отношения молодежи к политическому участию, необходимо проанализировать, что именно молодые люди понимают под политическим участием.

Самой распространенной является точка зрения о том, что политическое участие — это конкретные действия, которые совершает гражданин в пользу своей страны на различных уровнях. Молодые люди подчеркивают важность института местного самоуправления и возможности любого человека, проживающего на территории государства, необходимость обратить внимание политических деятелей на проблему местного или регионального уровня, которая потенциально может быть после этого решена.

В связи с этим некоторые респонденты связывают политическое участие в рамках не только своего места жительства, но и всего государства, с патриотизмом. По их мнению, патриот обязан участвовать в политике, поскольку он желает развития своей стране, а значит, должен принимать непосредственное участие, которое пойдет на благо всего общества.

Далеко не все молодые люди понимают смысл политического участия, относя к нему любые взаимодействия с институтами государства, например получение паспорта или просмотр налоговых задолженностей, что может говорить о недостаточной политической грамотности молодежи.

Некоторые респонденты отмечают, что даже политическое бездействие — абсентизм — относится к политическому участию. В политической науке существует ряд работ, которые расценивают

абсентеизм как форму политического участия, ссылаясь на его определение у Г. Алмонда и С. Вебры. Они характеризуют его как действия, совершенные с целью прямого или косвенного влияния на деятельность государственных служащих, отмечая вариативность этих действий (Старыш, 2022, 69–77). В свою очередь, такой отказ влияет на политику государства: чем больше граждан принимают данную модель поведения, тем меньше население может влиять на происходящее в стране, а лица, стоящие у власти, принимать решения, не руководствуясь интересами других.

В вопросе о необходимости политического участия мнения разделились на две противоположные точки зрения. Первая заключается в том, что молодые люди принимают участие в политике с помощью разнообразных форм, среди которых наиболее популярными оказалось участие в выборах и в общероссийском голосовании по поправкам к Конституции РФ. Реже встречались такие формы, как посещение митингов, материальная поддержка благотворительных организаций, членство в политических партиях, участие в качестве наблюдателя на выборах, обращение в органы власти, агитация за кандидата или партию и продвижение в социальных сетях политического дискурса за счет написания постов, репостов и лайков. Другая часть респондентов отметила, что не принимает никакого участия в политике. Причины отказа они приводят различные.

Во-первых, некоторая часть участников фокус-групп уверена в том, что независимо от их действий политические акторы не реализуют свои обещания. Ученые характеризуют данную причину как субъективный фактор абсентеизма, связанный с чувством бессилия перед сложившейся политической системой; человек не чувствует своей социальной значимости, поэтому отказывается от этой сферы (Аринина, 2014, 215). Однако стоит отметить, что большинство респондентов, которые утверждают о нецелесообразности политического участия, упоминают именно институт выборов, что говорит о недоверии избирательной системе и вынужденном, по мнению молодежи, абсентеизме.

Кроме того, молодые люди также не участвуют в политической жизни России по другим причинам, которые относятся к современному положению дел во внутренней и внешней политике РФ. Респонденты стремятся ощущать себя в безопасности, когда принимают решения. Для них важно понимать, что они участвуют в политике без негативных последствий для своего будущего. По мнению респондентов, страх за него, который обоснован введением новых законов, ограничением свободы слова, подталкивает молодежь отказаться от политического участия.

Несмотря на описанные выше примеры, большинство участников согласны с тем, что граждане должны принимать участие в политике. Важным замечанием и условием этого является политическая грамотность населения, которая будет выступать в качестве защиты от манипулирования со стороны политических акторов. Иначе говоря, респонденты считают, что гражданин должен не только быть в курсе происходящих событий, но и уметь анализировать их в рамках сложившейся политической системы. Некоторые отмечают, что это условие должно быть обязательным для допуска к выборам.

Другой аргумент в пользу участия в политике характеризует следующая цитата: «Если вы не интересуетесь политикой, это еще не означает, что политика не интересуется вами», которая принадлежит афинянину Периклу. Некоторые респонденты приводили изречение дословно. Они считают, что политическое участие для них обязательно, ведь в случае их отрешенности от политической жизни государство может принимать решения, которые будут направлены против самого гражданина.

Последний вопрос в блоке направлен на исследование эффективности и вариативности механизмов влияния на политику, что способствует выявлению наиболее популярных точек зрения респондентов в отношении политического участия.

Итак, первая группа участников считает, что достаточно сложно оказывать воздействие на политику на федеральном уровне, тем не менее они предлагают улучшать благосостояние жизни на местном и региональном уровнях. Можно сказать, что они согласны бороться за свои цели, когда уверены в возможности повлиять на политические решения. Более того, они не отказываются от попыток повлиять на государственную политику в случае, если у них будет достаточно ресурсов. Это говорит о том, что эта часть респондентов считает, что необходимо иметь авторитет, статус или другие возможности, которые позволят продвигать нужные им инициативы.

Вторая группа участников предлагает целый спектр различных вариантов того, как именно можно участвовать в политике. Они не ограничиваются только местным или региональным уровнями, а в целом размышляют о том, как любой человек независимо от его возможностей может принимать

участие в политической жизни своей страны. Данная группа приводит и обосновывает реальные механизмы, однако сами респонденты не учитывают объективные факторы, которые могут ограничить действия граждан вследствие психологических или иных факторов.

Третья группа участников отрицает вмешательство в политику любым способом в связи с тем, что респондентов устраивает современная политическая ситуация, что демонстрирует абсентеизм по причине абсолютного доверия государству и поддержке политических решений.

Четвертая группа заявляет, что повлиять на политику практически невозможно, поэтому действия граждан не смогут ничего изменить. Они предполагают, что пробовать нужно и как минимум они могут обозначить проблему для чиновников. Однако для них очевидно, что данный вопрос не будет решен. Ведь если их мнение не учитывается даже в небольших политических действиях, то принятие решений на государственном уровне для них закрыто.

Стоит отметить следующее: несмотря на то, что многие респонденты приводят различные механизмы, которые воздействуют на политику, сами молодые люди действительно редко их используют. В этом случае можно обнаружить очевидное противоречие словам и действиям: респонденты считают, что повлиять на политику возможно, однако самостоятельных действий они не предпринимают, обосновывая свое личное неучастие множеством причин.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что среди студенческой молодежи существуют разные мнения в отношении политического участия. Спектр точек зрения, приведенных респондентами, обусловлен различными факторами, которые были проанализированы ранее. Более того, многие молодые люди часто поднимали вопрос о политической грамотности и ее недостаточности, что, в том числе, видно из ответов некоторых респондентов. Другими словами, повышение уровня политического образования может стать значимым толчком для развития политической системы государства. В этом случае рядовые граждане будут понимать значимость политического участия и защищать свои потребности более активно, что позволит им достигать определенных целей и улучшать жизнь.

Литература и источники

Катушева К.А. Тенденции политического участия молодежи в России: политический абсентеизм, автономное и мобилизованное участие // ГосРег: государственное регулирование общественных отношений. 2012. № 1. С. 6–12.

Арина К.И. Абсентеизм в политике: причины и последствия // Ученые записки Казанского университета. 2014. Т. 156. С. 214–220.

Беликова Е.А. Политическое участие молодежи: анализ проблем политической активности // Среднерусский вестник общественных наук. 2014. № 1 (31). С. 57–61.

Дорофеев В.И., Чекмарев Э.В. Политическое участие молодежи в условиях транзитивности российского общества (региональный аспект) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология. 2007. № 1. С. 75–85.

Клюев А.В. Политическое участие: состояние и тенденции развития в условиях современного российского общества // Управленческое консультирование. 2005. № 2. С. 69–77.

Морозова М.В., Малахвей Е.Д. Применение информационных технологий в избирательном процессе как инструмент повышения электоральной активности // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2018. № 4–2. С. 147–153.

Старыш А.Р. Политический абсентеизм как форма политического участия // StudNet. 2022. № 6. С. 6975–6983.

ДЕФИЦИТЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИКИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ В МУНИЦИПАЛИТЕТАХ ПЕРМСКОГО КРАЯ

Повестка, задаваемая целями устойчивого развития ООН, сохраняет свою актуальность в социально-политическом пространстве Российской Федерации на всех административных уровнях. Национальные цели развития Российской Федерации до 2030 года и Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации на плановый период до 2030 года довольно тесным образом коррелируют с целями устойчивого развития — особенно в части безопасной и комфортной среды, экологической политики, развития человеческого капитала. Для достижения данных целей требуются эффективные действия со стороны всех заинтересованных и значимых органов и организаций, в том числе со стороны базового уровня системы публичной власти страны — органов местного самоуправления муниципального административного уровня. Органы муниципальной власти не участвуют в принятии важнейших стратегических политико-управленческих решений в отношении устойчивого развития, но реализация решений ложится на плечи муниципальных властей. Восприятие ими устойчивого развития задает рамки интерпретации существующих вызовов и конкретных местных проблем, действий и вменений иных уровней публичной власти (региональной, федеральной), включения их в систему приоритетов, а значит, определяет и характер возможных действий в поле соответствующей проблематики. Выявление восприятия, ожиданий, возможностей и дефицитов разного рода в рамках реализации политики устойчивого развития может стать базой для разработки системы поддержки и набора корректирующих действий политико-управленческих решений на местном уровне. Региональное и локальное измерения устойчивого развития в Пермском крае приобретают дополнительную актуальность, учитывая экономическую, социально-демографическую и экологическую вариацию муниципальных территорий (Пермский край в цифрах, 2022). Подобная вариация актуализирует исследовательское внимание на различиях в реализации устойчивого развития в муниципалитетах Пермского края, понимаемого как сбалансированное развитие экономической, экологической и социально-демографической сфер (Бобылев, 2017, 22).

Настоящее исследование посвящено анализу ограничений и дефицитов в рамках административной реализации политики устойчивого развития на муниципальном уровне. Исследовательский предмет рассматривается на примерах муниципалитетов Пермского края. *Исследовательская задача* состоит в определении и фиксации ключевых ограничений реализации политики устойчивого развития в муниципалитетах Пермского края. Основываясь на теоретических и прикладных результатах более ранних исследований в отношении устойчивого развития Пермского края, были выделены *следующие исследовательские гипотезы*:

H1: Экономическое развитие и социальное обеспечение являются наиболее приоритетными направлениями политики муниципалитетов, тогда как экологический элемент политики устойчивого развития не является приоритетом для локальных властей.

H2: Достижению целевых показателей реализации политики устойчивого развития в муниципалитетах препятствуют дефициты кадрового характера (недостаток кадров и недостаточная квалификация имеющихся кадров).

H3: Достижению целевых показателей реализации политики устойчивого развития в муниципалитетах препятствуют дефициты ресурсного характера.

H4: Административная практика жестких иерархических вменений «сверху» ограничивает ресурсный потенциал муниципальных территорий и затрудняет реализацию политики устойчивого развития, поскольку муниципалитет является не уровнем принятия решений, а только их реализации.

В качестве *исследовательских кейсов* муниципалитетов Пермского края выступают Губахинский муниципальный округ, Кизеловский городской округ, Нытвенский городской округ, Краснокамский городской округ. Кейсы были выбраны по стратегии сходства. Согласно открытым статистическим данным муниципальные территории долгое время характеризуются наличием острых экологических проблем и вызовов; разрабатывают и реализуют муниципальные программы, связанные с устойчи-

вым развитием; являются промышленными территориями, где экономические акторы обладают влиянием на политико-управленческий процесс (Пермский край в цифрах, 2022).

Ключевыми исследовательскими методами выступили социологические опросные техники: 1) экспертные интервью с исследователями устойчивого развития в Пермском крае; 2) интервью представителей муниципальной власти — сотрудников администраций выбранных муниципальных образований; 3) интервью представителей общественности, включенной в связанные с устойчивым развитием общественно-политические проекты. Вместе с тем в рамках исследования также проведен анализ нормативно-правовой документации в отношении устойчивого развития, в частности муниципальных программ, а также анализ официальной документации и статистических данных исследуемых муниципалитетов в отношении устойчивого развития.

Эмпирическими материалами для исследования служат 33 детальных транскрипта интервью. В рамках эмпирического этапа исследования было проведено 36 интервью с представителями муниципальной власти (представители администраций муниципальных округов разных позиций, включая заместителей главы городских округов, руководителей структурных подразделений и департаментов, рядовых сотрудников), экспертного сообщества и общественности. Сбор эмпирических материалов проходил в октябре 2022 г. и в июле 2023 г.

Результаты исследования частично подтвердили ключевые гипотезы. Дефициты кадрового и ресурсного характера действительно являются одними из ключевых факторов, ограничивающих реализацию политики устойчивого развития в исследуемых муниципалитетах [Н2, Н3]. Вместе с тем, необходимо отметить, что ряд дополнительных факторов административного, финансового, правового характера также являются значимыми ограничителями. Жесткая вертикальная административная политика «сверху» оказывает влияние опосредованно, и гипотеза подтвердилась лишь частично [Н4].

Результаты исследования подчеркивают, что детализированного и четкого понимания целей устойчивого развития как согласованной стратегии экологической и экономической политики в муниципалитетах нет. Цели устойчивого развития понимаются в фокусе специфики конкретного департамента или сектора политики на муниципальном и региональном уровне: мусорная политика, озеленение территорий и строительство парков, комфортная среда и инфраструктурная политика, взаимодействие с предприятиями. Вместе с тем, нет устойчивого разделения между политикой Целей устойчивого развития (ЦУР) и политикой федерального проекта «Формирование комфортной городской среды» (ФКГС). Место целей устойчивого развития в муниципалитетах конкретно не определено и не зафиксировано. Информанты утверждают, что цели устойчивого развития занимают 7-8-е место по приоритетам политики на локальном уровне. Финансирование распределяется, в первую очередь, на проекты, ориентированные на другие тактические цели (преимущественно, экономической и социальной политики); политика целей устойчивого развития не находит поддержки среди депутатского корпуса, который утверждает бюджетирование. Поскольку цели устойчивого развития выступают целями стратегического характера, то они не являются для представителей муниципальной власти приоритетными. Вместе с тем, признается, что экологические проблемы довольно широкого спектра являются достаточно важными для исследуемых территорий.

Информанты в целом солидарны в выделении ключевых дефицитов реализации политики устойчивого развития в муниципальных территориях. Дефициты кадрового и ресурсного характера действительно препятствуют реализации устойчивого развития, в том числе в части достижения целевых показателей — гипотезы 2 и 3 [Н2, Н3] подтверждаются на материалах эмпирического исследования. Вместе с тем, спектр ограничений и препятствий реализации политики устойчивого развития в представленных муниципалитетах выделяется несколько шире кадровый и экспертный дефицит; финансовые ресурсные ограничения; взаимодействие с подрядчиками; проблема воспитания гражданской сознательности в области экологии и формирования комфортной среды.

С одной стороны, кадровый дефицит проявляется, по мнению информантов, в централизации полномочий и функционала на региональном уровне: функции государственных инспекторов по экологии выполняют краевые специалисты, не обладающие должными компетенциями и знаниями в отношении конкретных муниципальных территорий Пермского края. С другой стороны, «кадровый голод» наблюдается и в самих исследуемых муниципалитетах, что также признается всеми информантами. Отмечается также и компетентностный дефицит и большая нагрузка на специалистов

на местах: имеет место нехватка специализированных знаний и опыта по решению экологических проблем и вызовов, нехватка квалифицированных и компетентных специалистов, вынужденных решать задачи вариативного функционала (от разработки новых инфраструктурных проектов до экологического просвещения).

Материалы интервью эмпирического этапа подтверждают также, что реализации политики устойчивого развития в исследуемых муниципалитетах препятствуют *дефициты ресурсного характера*, что подтверждает третью гипотезу исследования. Вместе с тем, необходимо отметить двойственность позиции респондентов со стороны муниципальной власти по данному поводу. Информанты, с одной стороны, отмечают наличие финансовых возможностей, которые предоставляют региональные и федеральные власти посредством институционализации и имплементации различного рода совместных проектов. В этой связи отмечается широкий спектр источников финансирования проектов в отношении политики устойчивого развития: федеральный бюджет; краевой бюджет; бюджет муниципалитета; инициативное бюджетирование; инвестиции и спонсорская помощь со стороны коммерческих партнеров и организаций; грантовая поддержка.

Гипотеза о жесткой иерархичной административной практике вменений «сверху» подтверждается лишь отчасти. Ряд респондентов, занимающих руководящие должности в исполнительной власти муниципалитета, действительно отмечают отсутствие каких-либо административных ограничений и проблем. Очевидно, что представители административной власти исследуемых муниципалитетов напрямую не заявляют о трудностях в вертикальной политико-управленческой логике «регион — муниципалитет», но указывают на дополнительные нормативные и административные ограничения, которые опосредованно можно трактовать как связанные с формализованными вменениями «сверху». Большая часть информантов фиксирует несоответствие нормативно-правовой базы на федеральном уровне и условий/требований муниципального контекста (или, иными словами, несоответствие равенства общих федеральных требований и неравенства социально-экономических возможностей территорий).

Среди административных барьеров, которые ограничивают реализацию политики устойчивого развития, часто отмечаются еще два блока: сложная операционализация эффективности проектов по устойчивому развитию и трудности во взаимодействии с подрядчиками. Информантами отмечается недостаточная конкретизация результатов и целей устойчивого развития муниципальных территорий в тактической перспективе, в связи с чем приоритет отдается не наиболее важным проектам и программам (с точки зрения, собственно, устойчивого развития), а наиболее показательным с точки зрения демонстрации эффективности деятельности администрации в тактической перспективе политике сортировки мусора или созданию комфортной среды, нежели очистным сооружениям и озеленению территорий.

Литература и источники

Бобылев С.Н. Устойчивое развитие: парадигма для будущего. Мировая экономика и международные отношения. 2017. Т. 61. № 3. С. 107–113.

Пермский край в цифрах. 2022: Краткий статистический сборник/ Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Пермскому краю. — Пермь, 2022.

Третьякова Е.А. Особенности проявления цикличности в экономическом развитии муниципальных образований Пермского края. Вестник Прикамского социального института. 2019. № 2 (83). С. 24–35.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИНСТИТУТА МЕЖДУНАРОДНОГО МОНИТОРИНГА ЭЛЕКТОРАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО ГЛОБАЛЬНОГО КРИЗИСА

На современном этапе институт международного наблюдения за выборами находится в состоянии глубокого кризиса, наиболее серьезного в его недолгой истории. Любопытно, что на различных этапах развития и современного кризиса наблюдения за выборами существенную роль играла Россия. Так, в 1857 г. по предложению представителей России (Beigbeder, 1994, 78) была организована первая в мировой истории миссия международного наблюдения за выборами в зависимых от Османской империи княжествах Валахии и Молдавии (из представителей Австрии, Великобритании, Пруссии, России и Франции). Вплоть до второй половины XX в. международное наблюдение за выборами проходило только на зависимых, послевоенных или постконфликтных территориях, как это было в Греции в 1946 г. или в Корее в 1948 г. Латиноамериканские страны впервые стали использовать институт международного наблюдения за выборами в качестве средства дополнительной легитимации выборов в суверенных государствах: в 1962 г. Организация американских государств по приглашению правительства Коста-Рики провела наблюдательскую миссию в этой стране (Bjornlund, 2004). Организация американских государств в 1960–1980-х гг. оставалась единственной значительной международной организацией, которая практиковала наблюдение за выборами в суверенных государствах. Такая практика подвергалась критике со стороны экспертов за то, что миссии просто «штамповали» одобрение проходившим выборам без какого-либо серьезного их мониторинга. В этот период времени ООН отвергала саму возможность посылать наблюдателей на выборы в суверенных государствах, неизменно отклоняя многочисленные запросы со стороны государств. В частности, в 1988 г. Генеральный секретарь ООН Хавьер Перес де Куэльяр заявил, что «ООН не посылает наблюдателей в суверенные государства».

Историческим переломом, настоящим водоразделом в истории института международного наблюдения за выборами стал 1989 год: ООН неожиданно дала согласие провести полноценное наблюдение за выборами в суверенном государстве — Никарагуа. Работа наблюдательской миссии продолжалась ровно полгода, к ней было привлечено небывалое количество наблюдателей и экспертов (Santa-Cruz, 2004, 191). В результате в начале 90-х гг. XX в. институт международного мониторинга выборов сложился в новом качестве — как инструмент международной помощи для решения задач демократического транзита. Тогда же, в начале 1990-х гг. XX в. сложились важнейшие субъекты международного наблюдения, прежде всего — БДИПЧ ОБСЕ и ЕС. Институциональную основу международного электорального мониторинга составили Копенгагенский документ СБСЕ 1990 г., другие документы ОБСЕ. В 1993 г. состоялась первая наблюдательская миссия в России. В 90-е гг. международное наблюдение стало практически обязательным для большинства стран, не относящихся к развитым западным демократиям, в Восточной Европе, Африке, Азии, Латинской Америке. Показательным эпизодом для этого периода является приглашение международных наблюдателей даже со стороны Китая. Институт международного наблюдения рассматривался на этом этапе как призванный решить конкретную историческую задачу (помочь в переходе к устойчивой демократии), и его применение было локализовано. Ведущие эксперты, в их числе Хрейр Балиан (ОБСЕ) и Томас Каротерс (фонд Карнеги), отмечали вероятность сокращения применения этого инструмента (вплоть до его исчезновения) в течение ближайших лет и подчеркивали бессмысленность его использования в странах западной демократии (Balian, 2002, 203).

Однако история напротив пошла по пути дальнейшего распространения этого института. С начала XXI в. международное наблюдение распространяется на страны западной демократии и приобретает подлинно глобальный характер. В 2001–2002 гг. впервые в истории наблюдательские миссии ОБСЕ посещают страны западной демократии — Кипр, Францию и США. В последующие годы первые миссии в своей истории принимают Великобритания (2003), Канада (2006), Нидерланды (2006), Бельгия (2007), Швейцария (2007), Финляндия (2007), Германия (2009) и т. д. Международное наблюдение

за выборами перестает рассматриваться как инструмент помощи в переходе к демократии и превращается в один из постоянных институтов, призванных поддерживать и развивать демократические выборы. На этом этапе принимается множество международных документов глобального и регионального уровня, еще более упрочивающих институт международного электорального мониторинга.

Парадоксально, но период триумфального распространения и признания института международного наблюдения за выборами обернулся его глубоким кризисом.

С 2010 г. оформилась группа государств, которые стали подвергать критике сложившийся формат и практику международного наблюдения. В число этих государств, которые стремятся сократить воздействие международных акторов на свой избирательный процесс, вошли Россия, Беларусь, Азербайджан, Турция (Гришин, 2021, 153). Российская Федерация еще с 2004 г. настаивает на перестройке наблюдательской работы ОБСЕ, стремясь поставить ее под контроль правительств стран-участниц. Воплощением этой альтернативной модели международного электорального мониторинга является работа Межпарламентской ассамблеи СНГ. В значительной степени его можно рассматривать как воссоздание модели наблюдения за выборами Организации американских государств периода 1960–1980 гг. Миссии ОБСЕ, придерживающиеся в своей работе иных принципов, все чаще сталкиваются с сопротивлением со стороны принимающих государств, а именно с попытками со стороны государств определять их формат, численность, порядок работы, а также демонстративными отказами признавать отчеты международных наблюдателей. Недружественный прием наблюдателей ОБСЕ стал принципиально новой ситуацией, немислимой для эпохи 90-х гг. XX в. (Debre, Morgenbesser, 2017, 331). Все чаще звучат сомнения в целесообразности работы в таких условиях, поскольку вся институциональная архитектура международного электорального мониторинга была выстроена на пике «третьей волны демократизации» в расчете на добрую волю государств в отношении международных наблюдателей.

Можно говорить и о внутреннем кризисе института международного наблюдения. Так и не были развеяны сомнения в его эффективности для решения задач по демократизации избирательного процесса (Beaulieu, 2013, 104). Надежды на то, что комплекс институтов, в число которых входил международный мониторинг, обеспечит переход к устойчивой демократии, не оправдались (Гришин, Линдерс, 2020, 111). По-прежнему подвергается сомнению целесообразность использования этого института в странах устойчивой демократии. Существенные проблемы связаны с таким неотъемлемым атрибутом наблюдательской работы западных организаций, как итоговые рекомендации. Государства, приглашающие международных наблюдателей от ОБСЕ или ЕС, на протяжении трех десятилетий подряд после каждых выборов получают пакет рекомендаций по итогам работы миссии. На практике это приводит к утрате национальными государствами полноценного контроля над своим избирательным законодательством. Международные наблюдатели давно превратились в основных инициаторов электоральных реформ, особенно в странах Восточной Европы, Африки и Латинской Америки. Наибольшая проблема заключается здесь даже не в подчинении национального уровня управления наднациональному, а в регулярном и непредсказуемом для национальных государств характере такого воздействия.

Институт международного электорального мониторинга в условиях современного глобального кризиса находится на развилке истории. Существуют предпосылки как для его сохранения, так и для прекращения его существования в том качестве, которое он приобрел в конце XX в.

Литература и источники

Гришин Н.В. Политика государств в отношении международного наблюдения за выборами// Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2021. Т. 17. № 2. С. 150–162. DOI: 10.21638/spbu23.2021.203

Гришин Н.В., Линдерс А.М.Р. Децентрализация системы управления выборами// Политика: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 2020. № 3 (98). С. 99–115. DOI: 10.30570/2078-5089-2020-98-3-99-115

Balian H. Ten years of international election assistance and observation// Helsinki Monitor, 2001, Vol. 12 (3), p. 197–209.

Beaulieu E. International Election Observers and the Democratic Quality of Elections// Election Law Journal, 2013, Vol. 12(1), pp. 100–105.

Beigbender Y. International monitoring of plebiscites, referenda and national elections: self-determination and transition to democracy. London: Nijhoff, 1994.

Bjornlund E. Beyond Free and Fair: Monitoring Elections and Building Democracy. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2004.

Debre M.J., Morgenbesser L. Out of the shadows: autocratic regimes, election observation and legitimation// Contemporary Politics, 2017, Vol. 23(3), pp. 328–347.

Santa-Cruz A. Redefining Sovereignty, Consolidating a Network: Monitoring the 1990 Nicaraguan Elections// Revista de Ciencia Política, 2004, Vol. 24 (1), pp. 189–208.

МЕДИАРЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ИНСТИТУТОВ РФ В ОБЛАСТИ ИННОВАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ

Ряд исследователей, придерживающихся системно-институционального подхода, предполагает, что научно-технологическую политику государства можно представить в качестве национальной инновационной системы (далее — НИС) (Голиченко, 2006; Иванов, Клесова и др., 2006; Фриман, 1995; Люндвалл, 2002, и др.). Она иерархичная, многоуровневая, обладает собственными характеристиками. Таким образом, НИС России включает в себя множество акторов, институтов, которые определенным образом участвуют в формировании и регулировании государственной инновационной политики. Большинство из этих институтов активно проявляют себя в медиадискурсе. Мы предполагаем, что при институционализированном подходе к системе дискурса можно сформулировать и такой вид политического медиадискурса, как медиадискурс об инновационной политике. Данный вид дискурса обладает чертами нескольких видов институциональных дискурсов (политического и медийного), выступающих его основными образующими элементами.

В данном контексте важно определить положение СМИ в системе НИС. С одной стороны, средства массовой информации являются актором, или стейкхолдером, а с другой стороны — формируют общее представление о системе и, как следствие, об инновационной политике государства, создавая «политическую медиареальность» или «информационный аналог» в общественном сознании. Схожего взгляда на инноватизацию и НИС придерживаются исследователи П. Холл и К. Лёвгрен, рассуждая о том, каким образом национальная инновационная система легитимируется в обществе, становится общепризнанной и реальной, способствуя тем самым формированию инновационного сознания. Национальная инновационная политика, согласно авторам, в основном включает в себя коммуникацию, т. е. речевые акты и церемонии в виде семинаров, конференций, мероприятий, экспертных оценок, стратегических групп и т. д. (Hall, Löfgren, 2017, 312). При этом результат данных коммуникативных усилий имеет внутренний, формирующий реальность, эффект. Следовательно, они являются не просто коммуникативными элементами, подготовленными к реализации стратегий и политик, они фактически являются инструментом в процессе реализации, поскольку они вновь и вновь подтверждают формирование и, как следствие, существование «инноватизированного» сообщества. Благодаря описанию потребностей в финансировании, политических стратегий и мероприятий, таких как семинары и конференции, системы инноваций материализуются и становятся «реальными» (Hall, Löfgren, 2017, 312). Таким образом, речь, по сути, идет о легитимации дискурсивных практик в отношении инновационной политики и ее решений. Можно предположить, что медиадискурс также участвует в формировании инновационной политики посредством озвучивания, «овеществления», демонстрируя аудитории ее аспекты, т. е. через медиадискурс формируется реальность инновационной политики, она легитимируется с помощью медиадискурсивных практик. При этом важно обратить внимание на то, что медиа в данном случае выступают в качестве канала, представляя информацию, формируя смыслы, объясняя процессы и явления. Политический и научный дискурсы в нашем случае опосредованы медиадискурсом.

Рассуждая о медиадискурсе в инновационной политике, можно отметить его уникальное положение в НИС по сравнению со всеми остальными видами дискурсов. Так, с одной стороны, медиадискурс одновременно существует на нескольких или сразу всех уровнях системы, или общесистемно, зонтично: на уровне институтов НИС, медиакорпораций, СМИ, отделов по связям с общественностью, которые являются частью НИС, или, к примеру, на уровне взаимодействия журналиста с разными акторами НИС, или наоборот, когда СМИ пишут об инновационной политике, продуцируемой сразу несколькими акторами НИС. С другой стороны, он может существовать на межсистемном, «надсистемном», глобальном уровнях, транслируя интересы НИС за ее пределы. Таким образом, медиадискурсу об инновационной политике свойственна *транссистемная природа*, т. е. он функционирует вне границ НИС и одновременно внутри ее границ, являясь при этом ее частью (Громова, 2022, 151).

Такая сложная организация дискурсивной системы выступает, на наш взгляд, отличительной особенностью медиадискурса об инновационной политике.

Описанное выше положение, соответственно, позволяет медиадискурсу об инновационной политике функционировать сразу на нескольких дискурсивных уровнях — от частного, институционального, до общемирового. Каждый элемент НИС обладает собственным медиаполем: будь то сайт мероприятия, или официальная страница ведомства, которая рассказывает об инновационной деятельности со своими особенностями. Эти характеристики влияют на понимание медиадискурса — чем детальнее представлена информация на публичных площадках акторов НИС, чем чаще публично выступают представители от акторов, тем более подробное представление складывается у общества в отношении инновационной политики. Особенно эта взаимозависимость заметна на высшем уровне НИС, уровне Президента и Правительства (Громова, 2022, 212). Данный процесс оказывает значительное влияние на формирование инновационного типа мышления, и, как следствие, общества инновационной культуры.

За счет транссистемной природы, посредством публикаций в медиа, ведется обмен информацией между институтами НИС и журналистами; последние, в свою очередь, сами формируют темы для материалов, получают пресс-релизы о работе ведомств, черпают информацию из публичных заявлений. Из контент-анализа издания «ИноСМИ», проведенного нами в рамках диссертационного исследования (Громова, 2022, 125–128), ясно, что большое влияние на тематику публикаций оказывает политическая повестка дня и, как следствие, государственные приоритеты, сформулированные на высших уровнях государственной власти.

Исследование также показало, что для российской политической системы инноваций характерна опора на фундаментальные исследования с прицелом на экономические эффекты от инноваций; большое внимание уделяется исследованиям и, как следствие, коммерциализации инноваций как ключевым этапам в создании инноваций. Также особенностью российской системы является формирование идей, инициатив и документов на высшем государственном уровне управления, которые затем «спускаются» на остальные уровни власти и далее по институтам НИС — таким образом, инновационная политика работает по принципу «сверху вниз». Так, в отличие от децентрализованной шведской модели НИС, российская «в представлении разработчиков «Стратегии-2020» является не частью экономической системы, а „подшефной организацией“, где администратором является государство» (Иванова, 2013, 44). Централизация инновационной политики также проявилась и в вышеупомянутом контент-анализе СМИ России и мира, который продемонстрировал, что Президент В.В. Путин, как один из ключевых акторов НИС РФ, имеет существенное преимущество в упоминаниях в качестве основного актора в публикациях, связанных с инновационной политикой и инновациями в России. Здесь же можно отметить «пропускную способность» НИС, когда все стейкхолдеры в равной мере обеспечивают медиадискурс информацией о своей работе. Как мы видим, в случае с Россией информационная «пропускная способность» НИС является низкой — согласно модели, в медиадискурсе представлен в преимуществе лишь высший регуляторный уровень, сфокусированный на Президенте. При этом об опоре на науку и коммерциализацию также говорит тот факт, что большинство аналитических докладов и обзоров, связанных с инновационной политикой РФ, написаны именно в университетах и научных институтах, без привлечения к анализу других стейкхолдеров инновационной системы нашей страны.

НИС России, согласно нашему исследованию, обладает относительно замкнутой и закрытой структурой с внутригосударственной ориентацией — так, в структуре НИС РФ мы не нашли ни одного института, ориентированного на международную деятельность напрямую (Громова, 2022, 111). Закрытый, непрозрачный характер российской системы отражается и на нормативно-правовой базе, на различных поясняющих документах в области инновационной политики, а также на медиаресурсах, которые предоставляют открытые сведения об инновационной деятельности государства. В российском онлайн-пространстве информацию оказалось найти крайне сложно. Так, большие трудности вызвало построение уровня Президента и высшего государственного уровня — Советы при Президенте сменялись комиссиями при Президенте, которые становились правительственными, и, наоборот, в короткие сроки без видимых причин менялись их названия, функции, области ответ-

ственности, не всегда удавалось найти единый источник информации о ведомстве, зачастую информация была удалена, указана как архивная.

Помимо прочего, проанализировав медиаплатформы институтов НИС, мы отметили, что для российской инновационной действительности свойственно наличие огромного множества нормативно-правовых, регулирующих документов, аналитических докладов и отчетов на разных уровнях системы, и информация в них различается. При этом существует большое количество схожих понятий, которые прямо или косвенно связаны с инновационной политикой в РФ в нормативно-правовом поле, эти определения то возникают, то пропадают в контексте конъюнктурности политического дискурса.

В то же время в России не существует понимания относительно единого пути развития в области инновационной политики и на уровне национальных субъектов. Такая несистемность отражается и на непонимании в отношении концепции развития, зон ответственности и понятийного аппарата со стороны субъектов РФ. Различная трактовка понятийного аппарата в области инноваций среди регионов РФ не способствует созданию полноценной понятийной базы инновационной системы России и единого пути инновационного развития государства. Так, при поиске информации о функциях министерств РФ в области инновационной политики мы столкнулись с рядом трудностей — прописанные в официальных документах и на сайтах функции дублировались, накладывались одна на другую, зачастую долгие поиски приводили к неактуальной или архивной информации.

Отметим, что вышеперечисленные особенности инновационной политики РФ отмечаются и на высшем уровне управления НИС. Так, Председатель Правительства РФ М.В. Мишустин на оперативном совещании с вице-премьерами в ноябре 2020 г. заявил, что «за последние годы появились новые вызовы, которые требуют существенной корректировки их (институтов развития) работы и перспективных планов. Наш анализ показал, что деятельность этих институтов, по сути, слабо увязана с новыми национальными целями развития. Отсутствуют единые механизмы управления. Есть существенное пересечение функций с федеральными органами исполнительной власти и коммерческими организациями» (Мишустин, 2020).

Необходимость четкого формулирования терминологического аппарата связана с созданием основы для медиадискурса об инновационной политике как вида институционального дискурса. Размытые терминологические границы не способствуют формированию прецедентных текстов и дискурсивных формул как одних из основных составляющих инновационной культуры, что, в свою очередь, ведет к размыванию понятий в медиадискурсивном поле и, как следствие, к нарушению видения инновационной политики в общественном сознании.

Внутри НИС существует обмен информацией, смыслами, темами, которые выражаются в публикациях и, как следствие, в представлениях аудитории. Также, безусловно, ключевым пространством для существования медиадискурса об инновационной политике является Интернет, где информация, в отличие от «классических» каналов распространения типа радио или телевидения, представлена более широко и структурно.

При этом наблюдается повышенный интерес к инновационной деятельности как со стороны журналистского сообщества, так и с позиций общества и экспертов. «Средства массовой информации являются важными акторами в инновационных системах и способны влиять на политику в области высоких технологий при условии, что они заинтересованы в этих вопросах и готовы освещать и участвовать в дискуссиях», — отмечает Э. Вальдхер (Waldherr, 2012, 78).

Литература и источники

Freeman C. The National System of Innovation in Historical Perspective // Cambridge Journal of Economics. 1995. N 19. P. 5–24.

Hall P., Löfgren K. Innovation Policy as Performativity — the Case of Sweden // International Journal of Public Administration. 2017. Vol. 40. No. 4. P. 305–316.

Lundvall B.-A., Johnson B., Sloth A., Dalum B. National Systems of Production, Innovation And Competence Building // Research Policy. 2002. N 31. P. 213–231.

Waldherr A. The Mass Media as Actors in Innovation Systems // Innovation Policy and Governance in High-Tech Industries / J.M. Bauer et al. (eds.). Berlin; Heidelberg: Springer-Verlag, 2012. P. 77–100.

Голиченко О.Г. Национальная инновационная система Российской Федерации. Состояния и пути развития. М.: Наука, 2006. 396 с.

Громова Т.М. Медиадискурс в формировании инновационной политики стран Северной Европы и России: дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2022. 247 с.

Иванова Н.И. Научная и инновационная политика. Россия и МИР. 2011–2012 / под ред. Н.И. Ивановой, В.В. Иванова. М.: Наука, 2013. 480 с.

Мишустин М.В. Вступительное слово. Оперативное совещание с вице-премьерами 23 ноября 2020 г. // Сайт Правительства Российской Федерации. URL: <http://government.ru/news/40921/> (дата обращения: 25.05.2021).

Национальные инновационные системы в России и ЕС / под общ. ред. В. Иванова, С. Клесовой, П. Линдхольма, О. Лукши. М.: Центр исследований проблем развития науки РАН, 2006. 280 с.

*И.Д. Грошева (Санкт-Петербург),
А.В. Екатеринбургская (Санкт-Петербург),
В.А. Хомиченкова (Санкт-Петербург)*

ВИРТУАЛЬНЫЕ ГОРОДСКИЕ СООБЩЕСТВА КАК ЦЕНТРЫ ГРАЖДАНСКОЙ АКТИВНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ Г. ВОРОНЕЖ)

Исследование выполнено в рамках работы в Клинике прикладных политических исследований СПбГУ.

В условиях информационного общества, постоянного развития новых технологий, роста виртуальных коммуникативных площадок видоизменяется и политическая коммуникация граждан. В данном исследовании коммуникация рассматривается как средство взаимодействия между участниками виртуальных сообществ, которые объединены вокруг городской среды и переносят свою привязанность к территории в Интернет. Отмечается, что важным признаком сообщества является обладание его участниками чувства принадлежности к нему (Добринская, 2018, 63). В основе данной работы лежит определение виртуального сообщества Г. Рейнгольда, который определял его как «социальное образование, которое формируется на основе компьютерно-опосредованной коммуникации, когда определенное количество людей поддерживают общение <...> при этом возникают человеческие эмоции и сеть межличностных отношений» (Рейнгольд, 2000, 5). Важным представляются сформулированные исследователями базовые элементы виртуального сообщества: объединяющий интерес, компьютерно-опосредованная коммуникация, разделяемые участниками ценности (Мартьянов, 2019, 65). Значимость представляет концепция третьих пространств Ольденбурга — общественных пространств за пределами дома и рабочего места, в современной трактовке которых в центре внимания — повседневная коммуникация в Интернете (Мартьянов, 2019, 246).

В анализ были включены городские сообщества, которые потенциально могут оказывать влияние на региональные власти г. Воронеж и формировать отношение жителей к общегородским проблемам.

Методами исследования стали количественный контент-анализ с помощью языка программирования Python, качественный контент-анализ на основе индуктивного кодирования. Эмпирическую базу исследования для контент-анализа составили 41 виртуальное городское сообщество города Воронеж в социальной сети «ВКонтакте». В качестве единиц анализа были взяты посты и комментарии пользователей из сообществ. В рамках качественного контент-анализа было проанализировано 26 сообществ, количественного — 19. Были отобраны самые комментируемые посты и самые популярные комментарии в сообществах. Таким образом, в исследование включены 4 100 постов и 800 комментариев. Временной период — с 1 апреля 2020 г. по 1 мая 2023 г., что позволяет проследить динамику общественных запросов, исходящих от жителей.

Выделены 3 кластера виртуальных сообществ: политизированные группы; общественные организации; неофициальные средства массовой информации. Кластер политизированных групп включает в себя сообщества как институтов органов государственной власти и политических партий, так и некоммерческих организаций, которые взаимодействуют с органами власти или оказывают на нее потенциальное влияние. Самыми обсуждаемыми темами в указанных сообществах стали: результаты деятельности организаций (работа партии, анонсы мероприятий, реализация проектной деятельности); благоустройство города и области; образовательные мероприятия; волонтерская деятельность и развлекательный контент (информация о мероприятиях, поздравления).

В политизированных сообществах выявлено небольшое число комментариев под постами, несмотря на большое количество подписчиков (от 1. до 40 тыс.), что позволяет сделать вывод о достаточно низкой заинтересованности горожан в коммуникации в виртуальных пространствах политических организаций или организаций, непосредственно взаимодействующих с органами власти. Оценивая политизированные виртуальные сообщества г. Воронеж, можно сделать вывод, что они не выступают центрами гражданской активности. Протестный потенциал незначительный: политизированные

площадки редко используются для выражения мнения относительно острых городских проблем. Коммуникация регулируется администраторами, которые непосредственно связаны с организациями и являются ее членами или сотрудниками, что может не позволять горожанам публиковать посты и открыто высказываться в отношении жизни города. Вероятнее всего, это затрудняет включение горожан в проблемы и не позволяет быть уверенными во влиянии на их решение. Среди политизированных сообществ уровень гражданской активности наиболее высок в социальных сетях в группах «Единая Россия| Воронежская область», «КПРФ — ВОРОНЕЖ и сообществе президентского движения «Народный фронт», где были выявлены призывы к политической активности, высказывания в отношении федеральной и региональной властей.

Второй кластер включает в себя наиболее популярные в городе сообщества общественных организаций узкой направленности (благотворительные и экологические организации, поисковые отряды и др.). Ввиду специфики сообществ самыми популярными темами стали: состояние окружающей среды; сортировка мусора; работа экопунктов; поиск горожан; помощь социально незащищенным слоям населения и т. п. Наиболее интересными в данном кластере являются сообщества: Фонд «Право на жизнь» и Союз архитекторов.

Комментарии сообщества Фонда «Право на жизнь» наиболее часто касались темы защиты бездомных животных, однако прямые призывы к политической активности были выявлены в трети от числа отобранных постов и комментариев. Комментарии неоднократно были направлены на выражение недоверия к органам власти и к действующему законодательству по вопросам защиты животных. Темой-триггером для горожан стала новость о поправках, касающихся разрешения эвтаназии бездомных животных. Большинство самых популярных комментариев касались поддержки сбора подписей против эвтаназии. Участники сообществ выходили на улицы города Воронеж с призывами не предпринимать действий в отношении Федерального закона № 498-ФЗ «Об ответственном обращении с животными...». Кроме того, жителями были опубликованы видеообращения против поправок и фото- и видеоматериалы с пикетов и протестов. Реакция участников в данной ситуации иллюстрирует один из примеров приобщения горожан к решению проблем через виртуальное пространство.

В сообществе «Союз архитекторов» люди спокойно реагируют на повестку дня в группе, поэтому гражданскую активность можно назвать слабо выраженной. Однако в 2022 г. в группе возникла тема-триггер, связанная с проектом жилого комплекса с досуговым центром, который планировалось возвести на месте ДК 50-летия Октября, так как компромисса с жителями не было достигнуто, а мнение большинства осталось проигнорировано. Горожане в комментариях обращались к региональным властям с просьбами отреагировать на проблему.

Гражданскую активность экологических сообществ можно оценить как умеренную. Активность в сообществах в равной степени представлена как в позитивной форме, где благодарят за работу, так в и негативной — горожане оставляют жалобы на график работы пунктов, недостаточное денежное вознаграждение за сдачу мусора и др. Участники сообществ зоозащитников наиболее способны вовлекаться в виртуальную коммуникацию и реагировать действиями, в том числе выражать недовольство, выходя за пределы интернет-пространства. Характер постов и комментариев сообществ по защите животных приобретает более вовлеченный и протестный характер по сравнению с другими в выделенном кластере. Анализ показывает, что освещение острых социальных тем в виртуальных городских сообществах может значительно повлиять на действия горожан относительно общегородских проблем. Коммуникация способна выходить за пределы обсуждения на уровень реальных совместных действий.

В третий кластер были выделены сообщества неофициальных СМИ г. Воронеж — городских групп, которые освещают новости города и поднимают общественные важные темы для обсуждения. Подобные сообщества не имеют статуса юридического лица и являются самоорганизованными, что позволяет свободно публиковать и комментировать посты. Чаще всего горожане откликаются на вопросы повседневных тем (дети, отношения, здоровье), новостей города, преступности (кражи, убийства, мошенники и т. п.), ПДД. Большой отклик нашли проблемы бездомных животных (осуждение догхантеров, поиск приютов), вопросы городской инфраструктуры (дороги, общественные пространства, строительство и снос объектов).

В сообществах неофициальных СМИ горожане наиболее открыто из всех представленных кластеров высказываются в отношении актуальных политических вопросов. Присутствует открытое привлечение к политической активности: подписание петиций, участие в выборах, поддержка протестов, вопрос честной работы наблюдателей на выборах. Горожане выражают недовольство, но наблюдается тенденция, когда участники чаще высказывают свою точку зрения, не прибегая к значимым действиям, которые бы способствовали решению проблемы. Виртуальные сообщества неофициальных СМИ в наибольшей степени становятся площадками объединения горожан по сравнению с политизированными сообществами и сообществами общественных организаций.

Виртуальные городские сообщества г. Воронеж не стоит рассматривать как площадки с высоким уровнем гражданской активности: воронежцы активнее реагируют на обсуждение повседневных тем в сообществах, чем на политико-социальные проблемы. Чаще всего горожане выражают потенциальную готовность к участию в жизни города, но по большей части подобные комментарии носят формальный характер, так как реального участия после выражения недовольства и оглашения проблемы не следует. Виртуальные сообщества г. Воронеж обладают потенциалом для формирования активного городского сообщества и приобщения горожан к общегородским проблемам, но для этого необходимо большее число горожан, которые будут готовы реагировать на постоянной основе.

Литература и источники

Добринская Д.Е. Сообщества в эпоху интернета // Вестник Московского университета. — Серия 18. Социология и политология. — 2018. — № 24(4). — С. 59–79.

Управляемость и дискурс виртуальных сообществ в условиях политики постправды / Д.С. Мартыанов, И.А. Быков, Г.В. Лукьянова [и др.]. — СПб.: Общество с ограниченной ответственностью «ЭлекСис», 2019. — 312 с.

Rheingold H. The Virtual Community // MIT Press. — 2000. — 447 с.

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА И ПРОБЛЕМЫ ОТКАЗА ОТ ИНФОРМАЦИИ: ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Право пользоваться благами научного прогресса предусмотрено Всеобщей декларацией прав человека [1], и его значимость как для отдельных людей, так и для мирового сообщества сложно переоценить. При этом в условиях динамичного развития сферы высоких технологий и постоянно усиливающейся тенденции к цифровизации различных отраслей общественной жизни возникает закономерный вопрос: следует ли из этого права другая правовая возможность, а именно право человека *отказаться* от использования современных технологических решений при взаимодействии с государством и обществом? Анализ академических и нормативных источников, а также практики показывает, что проблематика, связанная с обоснованием права на отказ от использования цифровых технологий, остается недостаточно разработанной.

О связи цифровизации с конституционными правами граждан пишет и Е.В. Гриценко в своей статье «Право на хорошее управление в условиях цифровой трансформации» (2022) [2]. Среди прочего в работе отмечается, что цифровая трансформация административных процедур и взаимодействие граждан с государством посредством информационных технологий *изменяют содержание* таких основных конституционных прав как право на участие в управлении делами государства и право на надлежащее административное производство, наполняя их новыми цифровыми элементами. При этом правила использования цифровых систем зачастую могут быть как минимум не согласованы с конституционными и законодательными гарантиями, а как максимум, могут их существенно обеднять или вовсе вступать с ними в противоречие. Тенденции цифровизации сферы публичного управления таковы, что определенные административные действия либо уже совершаются, либо в ближайшем будущем будут совершаться исключительно в электронном виде. Отсутствие у граждан права на взаимодействие с государством нецифровыми способами ставит под угрозу соблюдение их прав и законных интересов, так как в отсутствие аналоговой альтернативы гражданин остается беззащитным перед лицом несовершенства цифровых систем.

Т.А. Полякова, В.Б. Наумов и А.В. Минбалеев в своей статье “Trust in the law during the digital transformation” (2022) [3] отмечают, что право на отказ от использования цифровых технологий могло бы быть рациональным инструментом для установления баланса между правами человека и публичными интересами. Корреспондировать такому праву, с точки зрения авторов, могла бы обязанность государства предоставить гражданам (или потребовать этого от хозяйствующих субъектов) эквивалентную альтернативу использованию технических устройств в тех областях, которые в наибольшей степени затрагивают их права и свободы. Необходимо создание системы, защищающей права тех, кто не может, не хочет или боится использовать различные сложные технологические решения, например технологии искусственного интеллекта.

Советом при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека были представлены доклад и проект концепции обеспечения защиты прав и свобод человека и гражданина в цифровом пространстве (2022) [4, 5]. Совет использует термин «цифровой суверенитет», который среди прочего предполагает право человека полностью или частично отказаться от вовлечения в цифровое взаимодействие, а также иметь возможность осуществлять свои права в отношении государства и общества вне цифрового пространства. «Цифровой суверенитет» описан авторами проекта как основанная на конституционных нормах гарантия, предоставляемая человеку государством и предполагающая возможность свободно и по собственной воле распоряжаться предусмотренными действующим законодательством правами, а также персональными данными в цифровом пространстве. Среди неблагоприятных эффектов цифровизации можно особо выделить следующие:

- вовлечение граждан в цифровую среду под угрозой невозможности полноценной реализации их прав, свобод и законных интересов;

- низкую цифровую грамотность граждан и общества в целом, в том числе низкую осведомленность о требованиях информационной безопасности и гигиены цифровой среды;
- несанкционированный сбор и противоправное использование персональных данных, включая массовый, тотальный сбор персональных данных граждан, осуществляемый в «теневом» цифровом пространстве;
- низкую надежность хранения цифровых документов и материалов; цифровую дискриминацию граждан на основе собираемых и вычисляемых данных (в том числе, посредством создания «социальных рейтингов»);
- уязвимость и подверженность цифровых документов утечке, краже, искажению, потере, компрометации данных с возможностью сокрытия «цифровых следов».

Эти риски указывают на необходимость наличия у гражданина права на отказ от использования цифровых технологий.

Стоит подчеркнуть, что право на использование традиционных форм взаимодействия граждан, бизнеса и государства представлено в упомянутом проекте в числе специфических прав и свобод человека и гражданина, подлежащих защите в цифровом пространстве России. Кроме упомянутого права представленный перечень содержит право на обеспечение цифрового суверенитета человека, право на распоряжение цифровыми профилями, право на забвение в цифровом пространстве, а также право на защиту от цифровой дискриминации. Авторы проекта выделяют обеспечение реализации всех прав и свобод граждан, не использующих возможности цифрового пространства вне зависимости от причин (свободное волеизъявление, состояние здоровья, инвалидность, психологические и возрастные особенности, уровень образования и т. д.), как одну из задач по совершенствованию и развитию законодательства в сфере обеспечения защиты прав и свобод человека и гражданина в цифровом пространстве Российской Федерации.

Признавая право на цифровизацию конституционным и рассматривая его как благо, А.А. Волос и А.А. Иванов (2022) [6] тем не менее признают допустимость ограничений на отказ от осуществления права на цифровизацию, отмечая при этом, что следует выработать принципы и основания таких ограничений.

Несмотря на то, что право человека по его выбору не подвергаться воздействию тех или иных цифровых технологий нашло отражение в ряде официальных документов, можно констатировать весьма низкую степень выраженности этой концепции в нормативной среде.

Отсутствие правовых гарантий нецифрового способа взаимодействия с государством и обществом осложняется принятием нормативных правил, прямо исключающих аналоговую альтернативу. Так, в 2021 г. в Трудовом кодексе Российской Федерации [7] появились положения, в соответствии с которыми согласие на взаимодействие с работодателем посредством электронного документооборота не требуется от лиц, которые приняты (принимаются) на работу после 31 декабря 2021 г. и у которых по состоянию на 31 декабря 2021 г. отсутствует трудовой стаж. Остальные же работники (лица, принимаемые на работу) становятся участниками электронного документооборота в сфере трудовых отношений только по мере предоставления ими письменного согласия. Вместе с тем законом не предусмотрено право работника отозвать такое согласие и вернуться к взаимодействию с работодателем в формате традиционного (бумажного) документооборота, что означает по своей сути закрепление в отечественном трудовом законодательстве принципа «цифрового эстоппеля».

Как отмечается в работе центра исследований гражданского общества и некоммерческого сектора НИУ ВШЭ (2021) [8], «цифровую экспансию» остановить невозможно, при этом можно и нужно выбирать оптимальные модели правового регулирования, направленные на защиту прав граждан в цифровой среде. Стоит также признать, что отсутствие в правовом поле четко и недвусмысленно сформулированного и зафиксированного на конституционном уровне *права на отказ от использования цифровых технологий* оставляет соблюдение важнейших прав и интересов человека на откуп исключительно воле «цифровизаторов», которые по собственному усмотрению будут предоставлять или не предоставлять гражданам возможность участвовать в различных процессах нецифровым способом. Кроме этого, нет никаких гарантий, что выбор «нецифровой» («аналоговой») альтернативы, даже если таковая и будет предусмотрена, не поставит ее пользователей в несоизмеримо худшее положение по сравнению с участниками так называемых цифровых отношений. Не вызывает сомнения

то обстоятельство, что на фоне проблем цифрового неравенства и высокого уровня рисков и угроз, сопровождающих внедрение новых цифровых технологий, такое положение дел способно обернуться масштабными негативными последствиями, принеся интересы широких слоев населения в жертву «четвертой промышленной революции». При этом ограничение деятельности и уход некоторых зарубежных компаний (включая технологических гигантов) с российского рынка ввиду действия санкционного режима в отношении Российской Федерации в перспективе может привести к росту монополии отечественных цифровых платформ (систем), алгоритмы которых (особенно если они нарушают или заменяют собой право) проблеме цифровому неравенству могут только усугублять.

Литература и источники

Всеобщая декларация прав человека. Принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 года. [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml.

Гриценко Е.В. Право на хорошее управление в условиях цифровой трансформации // Сравнительное конституционное обозрение. 2022. № 4. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «Консультант Плюс» <https://www.consultant.ru>.

Polyakova T.A., Naumov V.B., Minbaleev A.V. Trust in the law during the digital transformation. State and Law. № 11. 2022.

Цифровая трансформация и защита прав граждан. Доклад Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека. Москва, 2021. [Электронный ресурс]. URL: http://www.president-sovet.ru/docs/doclad_SPCh.docx?ysclid=lkd0487nq5493183387.

Проект концепции обеспечения защиты прав и свобод человека и гражданина в цифровом пространстве Российской Федерации. 22 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://rocit.ru/uploads/4f68dc0a2487678a7675ad7589280277050b4004.docx?t=1639585614>.

Волос А.А., Иванов А.А. Цифровизация и Конституция // Закон. 2022. № 12. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «Консультант Плюс». URL: <https://www.consultant.ru>.

Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 04.08.2023). [Электронный ресурс]. Доступ из Официального интернет-портала правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru.

Цифровизация и права человека: амбивалентный характер / Центр исследований гражданского общества и некоммерческого сектора НИУ ВШЭ. М., 2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://grans.hse.ru/mirror/pubs/share/517746658.pdf>.

КОНСТРУИРОВАНИЕ И ДИАГНОСТИКА В ИНСТРУМЕНТАЛЬНО-КОГНИТИВИСТСКИХ И ПРОЕКТИВНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Вызовы современной политической науки, связанные с переосмыслением подходов к анализу политических институтов и процессов в условиях социальной турбулентности и глобальных политических трансформаций обуславливают необходимость пересмотра парадигмальных аксиом в политологии. В первую очередь это касается российской политической науки, которую события последних лет возвращают к дискуссии о приоритетных целях исследований и применимости имеющегося методологического аппарата и инструментария для достижения этих целей. Так, позитивистские аксиомы безоценочности социальных фактов и невмешательства исследователей в социально-политические процессы требуют уточнения и отказа от безапелляционности этих принципов. Российское общество сегодня пребывает в состоянии пересборки, обновления собственной идентичности, и итоги этого конструирования предопределяют контуры социального консенсуса, ценностного согласия и общественной солидарности социума. В этой связи социально-политические исследования должны быть подчинены достижению высоких значений этих показателей, исключительно значимых в условиях цивилизационного противостояния российского общества Западу. Это возможно только с применением интерпретативистской парадигмы (у Л. Ньюмана — «понимающей социологии») (Neuman, 1991; Бергер, 1995), предполагающей нацеленность на определение желаемости — нежелаемости, допустимости — недопустимости, позитивных — негативных эффектов выявленных характеристик социальных и политических явлений и процессов, и, что важнее всего, утилитаризации их анализа. Узнаваемая формула уровней политической аналитики (описать — проанализировать/интерпретировать — спрогнозировать/сценировать — создать предписания) должна сместить свой фокус в пользу формирования среди россиян конвенциональных, конструктивных гражданских установок, ценностей, убеждений, поведенческих моделей. Приоритет этой функции связан с необходимостью создания условий стабильности, управляемости общества, социального порядка.

Совершенно очевидно, что разработка технологий воздействия не отменяет диагностику, которая дополняет формирующее влияние и в этом смысле также важна с позиций оценки продуктивности этих технологий. Поэтому наиболее сложный вопрос — осуществление объективной диагностики тех или иных показателей. Зачастую лимитированные данными опросных или контент-аналитических методов социально-политические исследования не могут опираться на надежную и достоверную фактическую информацию. Следование необходимым правилам и процедурам, повышающим качество опроса или контент-анализа, не гарантирует получение искренних ответов или данных, не отражающих реальные установки и мнение граждан. Достичь объективности получаемой эмпирической информации на сегодняшний день могут лишь методы инструментальной когнитивной диагностики (например, окулометрия, кардиометрия, полиграфология). Технически все эти методы можно считать подобием опросов, с той разницей, что фиксация позитивной или негативной реакции на проверяемый стимул (визуальный ряд, отражающий логику опроса) происходит не со слов респондентов (как в традиционном опросе), а с помощью их психофизиологических реакций (глазодвигательная, кожно-гальваническая и т. д.). Инструментальная диагностика постепенно проникает и в сферу политического анализа, следуя за интенсивным распространением этих методов в изучении потребительских предпочтений, эффективности рекламы, маркетинга, связей с общественностью.

Использование точных инструментов социальной диагностики делает возможным осуществление социально-политического эксперимента полного цикла, включая формирующее воздействие и оценку этого влияния.

В рамках проекта «Моделирование позитивного образа будущего России в сознании российской молодежи средствами инструментальной и проективной диагностики» (государственный номер 122101100020-0, ИНИОН РАН) нам удалось объединить усилия ученых из разных отраслей науки: политологов, социологов, психологов и математиков (Домбровская, 2022) для достижения указанных задач.

Эксперимент полного цикла состоял в реализации последовательных этапов: измерение характеристик образа будущего развития РФ в сознании россиян; формирующее воздействие на конструируемый образ будущего страны в сознании россиян; оценка продуктивности осуществленного влияния.

Объектом эксперимента выступили 3 вуза г. Москвы с филиальными сетями: Московский педагогический государственный университет, Финансовый университет при Правительстве РФ, Российский новый университет.

Разделение на группы испытуемых и контрольные осуществлялось с использованием принципов рандомизации (репрезентация по полу, возрасту, территории проживания); экспериментальные сеансы проведены с 20 группами по 25 человек (500 испытуемых) в период с октября 2022 г. по май 2023 г.).

Диагностический этап включал комплекс измерительных процедур: окулومتрия (стимульный ряд отражал визуальные образы различных вариантов позитивного и негативного будущего развития РФ), метафорическое ассоциативное карточное моделирование (предполагающее выбор и комментирование испытуемыми отобранных образов, отражающих различные сферы будущего развития российского общества).

Формирующий этап эксперимента предполагал проведение проективной процедуры — песочного игрового моделирования, в ходе которого участники эксперимента строили модель образа будущего развития России с помощью аттестованных наборов фигур. Проверяемым фактором служила установка модератора, даваемая участникам перед заданием, и предполагающая формирующее воздействие на сознание испытуемых, связанное с конструированием/стимулированием развития у них представлений о концептах консолидации российского общества: «концепт гордости», «концепт доверия», «концепт согласия». Соответственно, контрольные группы не получали такой установки перед моделированием образа будущего страны.

Контрольный этап подразумевал те же замеры, с использованием того же инструментария, что и на этапе диагностике.

Диагностический этап исследования обозначил проблему когнитивного примитивизма, а по сути, отсутствия четких представлений молодежи о возможных моделях будущего развития страны.

Метафорическое ассоциативное моделирование показало преобладание среди испытуемых двух стратегий восприятия будущего развития российского общества: иллюзорного оптимизма и пессимистического прагматизма. Первая стратегия связана с отсутствием при позитивном восприятии будущего страны готовности нести ответственность за это будущее, прикладывать собственные усилия для построения этого позитивного будущего (эту позицию можно назвать также инфантильным идеализмом). Пессимистический прагматизм также проявляет черты бессубъектности, отстраненности испытуемых от понимания важности активного и осознанного участия в конструировании будущего страны. В меньшинстве оказались оптимистические прагматики, продемонстрировавшие не только уверенность в позитивных перспективах российского общества, но и осознание своего места в их формировании. Вместе с тем имела место и депрессивная позиция испытуемых, лимитирующих свои представления о будущем страны пессимистическими установками и фобиями. Данные ассоциативного моделирования комбинировались с данными окулومتрии (инструмент — портативный айтрекер GP-3, работающий на частоте 60 Герц) и полиграфологии (инструмент — полиграф «Барьер-14»).

Проведенный параллельно с проективной и инструментальной диагностикой анализ цифровых следов образа будущего РФ в социальных медиа Рунета также выявил проблему распространенности в виртуальном пространстве отечественного сегмента Сети пораженческих паттернов и маркеров высокого миграционного потенциала.

Анализ результатов действия проверяемого фактора (установки испытуемых на встраивание в модель будущего РФ концептов согласия, доверия и гордости) показал, что экспериментальные группы, получившие данную установку, репрезентировали модели, в которых более явно проявлялась позитивная национально-государственная идентичность, позитивное историческое самосознание и уверенность в конструктивном и успешном пути страны. И, напротив, в отсутствие предварительной установки на отражение в модели будущего РФ категорий доверия, согласия и гордости

за страну у испытуемых проявлялись пессимистические взгляды, чаще наблюдались элементы негативной национально-государственной идентичности и негативного исторического самосознания.

Осуществленный проект показал значимость формирования консолидационных установок российской молодежи, заполнение их сознания позитивными образами будущего развития страны, компенсирующего их когнитивную простоту, усиление субъектности и готовности нести ответственность за будущее России. Этот проект обнажил бессмысленность диагностических/измерительных процедур без оказания вначале соответствующего воздействия. Примеры, подобные данному проекту, довольно многочисленны и характеризуют ситуацию когнитивной неопределенности и необходимости заполнять когнитивный вакуум в отношении образа будущего страны среди граждан в период социальных вызовов российского общества.

Литература и источники

Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / Пер. с англ. Е.Д. Руткевич. М.: Academia-центр, Медиум, 1995. — С. 302.

Домбровская А.Ю., Огнев А.С. Консолидационный потенциал символов России будущего в сознании российской молодежи: инструментальная когнитивистика // Среднерусский вестник общественных наук. — 2022. — Т. 17. № 6. — С. 87–105.

Neuman L.W. Social research methods: qualitative and quantitative approaches, 2nd ed. Boston etc.: Allyn and Bacon, 1991.

ТУРБУЛЕНТНОСТЬ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ

Переход от однополярного (моноцентричного) мира к многополярному (политенричному) — это своего рода «ящик Пандоры», вектор пути, с неопределенным пока конечным результатом. Многим государствам договориться будет сложнее, чем немногим. Слишком велика роль национальных и региональных интересов при значительном различии культур, амбиций, ресурсов и паттернов разрешения постоянно возникающих конфликтов. Отсюда генерируется глобальная турбулентность в современном мире.

Современный мир отличается как разнонаправленностью тенденций турбулентности, так и взаимосвязью, взаимодействием и взаимовлиянием геополитических, национальных и региональных тенденций турбулентности. При этом актуальная турбулентность носит характер всеобъемлющего «разлома» сложившихся мировых реалий. По сути, обозначается новый этап системного движения в будущее без понимания его перспектив и конкретной архитектуры.

Факторами наметившегося глобального переформатирования стали накопившиеся мировые, национальные, региональные, экономические, политические, правовые, социальные, социокультурные проблемы, получившие взрывной характер и выброшенные практически одновременно в глобальное пространство сожительства почти 200 государств; новый количественный и качественный виток национального и регионального самосознания стран Востока, Азии и Латинской Америки, их желания укрепить позиции в мировом сообществе в интересах своих народов; обострение глобальных проблем мирового развития: продовольственная безопасность, климатические изменения и т. д.; неравенство потенциала развития условного Запада и остального мира; рост числа и воздействия на национальное и мировое развитие локальных конфликтов в Азии, на Ближнем Востоке, в Европе; разноуровневая планка ресурсов и амбиций государств мирового сообщества; тотальная информатизация, расширение масштаба коммуникаций, влияние интернет-сообщества, ставшего политическим актором, на мировые и национальные власти.

Настоящие и грядущие угрозы и риски растущей турбулентности, неконтролируемой «перезагрузки» всей системы мировых отношений упираются в снижение эффективности мировых, национальных и региональных политических систем, зачастую жесткое противостояние политических институтов и акторов всех уровней и структур друг другу, их неспособность договариваться и неготовность к назревшим переменам и консолидациям на основе универсальных и общечеловеческих ценностей, взаимопонимания власти и общества.

Вывод: будущее в тумане. Коллапса мировых и национальных политических институтов нет и быть не может по определению. Но нет и осмысленной, рационально организованной, пользующейся общей поддержкой «перезагрузки» политических институтов. Есть на данный исторический момент стихийная, во многом хаотичная «перестроечная» активность многих акторов со своими интересами, — акторов, не имеющих четкой объединительной стратегии, системности действий и необходимых ресурсов для разрешения глобальных и национальных проблем с помощью обновленных политических институтов XXI в. Представляется, что сегодня нужна новая политическая элита, новая авторитетная плеяда мировых и национальных политических лидеров ведущих государств мира, способных обновить политические институты, предложить объединяющую всех идею, позволяющую справиться с современными вызовами.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ И СУЖАЮЩИЕСЯ СТРУКТУРЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ

Происходящие политико-институциональные сдвиги последнего времени создают большую неопределенность в эволюции политических систем и возможных действиях политических акторов, причем это касается как индивидуальных, так и коллективных социальных агентов. В данном случае существенно, что действия акторов в политическом пространстве в основном связаны с реализацией определенных интересов и требований, продвижением тех или иных программ, проектов. Возможность что-то сделать, осуществить — важная характеристика политического пространства. С этой точки зрения, предлагаемые в исследовательской литературе описание и анализ данной проблемы через концепт-структуры политических возможностей достаточно продуктивен.

На индивидуальном уровне он описывает возможности реализации карьерных амбиций. Впервые примененный Лестером Селигманом для описания структурных факторов рекрутирования в элиту, он в дальнейшем плодотворно разрабатывался Джозефом Шлезинджером. Последний показал, что субъективные основания активности индивида (амбиции) необходимо рассматривать в связи с объективными возможностями их реализовать. И в этом отношении структура политических возможностей может быть определенным индикатором качественного состояния политической системы и политического режима.

Несколько позже рассматриваемый концепт начал использоваться в анализе общественных движений для описания экзогенных факторов, способствующих их успешности. Здесь пионером явился Питер Эйзенгер. Но основная заслуга в концептуализации принадлежит Сиднею Тэрроу. Одним из ключевых элементов структуры политических возможностей является состояние властных элит. (Здесь есть очень важная перекличка с типологией элит Р. Дарендорфа, Э. Гидденса, Дж. Хигли.) И в этом случае структура политических возможностей и как определенное явление, и как исследовательский инструментариум позволяет дать важные характеристики политической системе.

Открытость или закрытость системы соискателям политических позиций и новаторам в области общественных инициатив, наличие / отсутствие эффективной обратной связи позволяет сделать первичное различие систем, режимов, властных групп.

В современных условиях, характеризующихся перманентным кризисом (политическим, экономическим, международным) и актуализацией шмиттовского политического разделения «друг — враг», просматриваются усилия части господствующих групп по консолидации элитных слоев. Данная тенденция в различных формах и с различной интенсивностью наблюдается во многих странах. Подчас она проявляется в острых конфликтах (например, в США).

Консолидация элит институционально связана со снижением дистанции между ветвями власти. Принцип взаимного контроля и ограничения заменяется на принцип государственного / национального единства. (Сущностно они не противоречат друг другу, но в логике конфликтного противостояния они становятся альтернативами.) Возможности институционального игнорирования оппонентов (примером здесь может быть поведение президента Грузии Саломе Зурабишвили) значительно снижаются.

Консолидация элит ведет к сужению структуры политических возможностей и выстраиванию контроля над ней. Максимизация достигается в рамках авторитарной консолидации. При этом различного рода оппозиция (могущая быть контрэлитой) и инакомыслие изгоняются из политического процесса.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ДИЗАЙН РЕГИОНАЛЬНОЙ И ГОРОДСКОЙ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ В ЭТНОФЕДЕРАЦИЯХ НА ПРИМЕРЕ РОССИИ И БЕЛЬГИИ

Исследование выполнено в рамках гранта РФФИ RSF_SRG_2023–1 по проекту «Этнофедерализм как форма национального самоопределения: сравнительный анализ».

Все страны разрабатывают набор правовых норм, дискурсивных практик и организационных структур, которые определяют статус иностранцев по отношению к принимающему государству, а также формы и границы их участия в политических институтах. Такие институты имеют значение для поведения иммигрантов: политический и институциональный контекст стимулирует (Fennema, Tillie, 2004) или ограничивает варианты поведения с помощью определенных механизмов (Hall, Taylor, 1996). Публичная политика отражает результаты действий правительств по изменению «аспектов своего или социального поведения для достижения какой-либо цели и состоит из сложных политических механизмов. С этой точки зрения «политический дизайн» включает в себя набор инструментов по систематической выработке политики. Происходит подобная разработка посредством применения знаний, полученных из опыта, для выработки и принятия действий, которые должны быть эффективными в достижении поставленных целей или задач в конкретных политических контекстах» (Carano, Howlett, 2015).

В научных исследованиях определяются различные способы настройки отношений между уровнями правительства. П. Шолтен объединяет эти различные способы в типологию, которая различает четыре идеальных типа конфигурации отношений между уровнями правительства: централистский (сверху вниз), местный (снизу вверх), многоуровневый и отделенный (Scholten, 2013). Централистский тип демонстрирует четкую иерархию и разделение обязанностей между уровнями правительства, что предполагает прочную институциональную структуру для координации политики, например, на европейском или национальном уровне. Следовательно, такой тип управления соответствует идее национальной парадигмы миграционной политики. Второй идеальный тип предполагает местный или локальный взгляд на управление в многоуровневых условиях. В этом типе реализуется принцип субсидиарности: то, что может быть сделано локально, должно быть сделано локально. Местный тип может привести к большему расхождению в политике между национальным и местным уровнем и появлению локального измерения политики интеграции мигрантов. В отличие от централистского и локального типов, многоуровневое управление относится к взаимодействию и совместной координации и сотрудничеству между различными уровнями правительства без явного доминирования на одном. Четвертый тип — это разъединенные отношения между правительственными эшелонами. Такая ситуация характеризуется отсутствием какой-либо значимой координации политики между ними. Этот тип может привести к политическим конфликтам между правительственными уровнями (Garces-Mascarenas, Penninx, 2016). Таким образом, в любой отдельной области стратегии политики на разных государственных эшелонах разобщены и могут даже быть противоречивыми.

Реалии политического процесса обуславливают необходимость поиска новых подходов к управлению, акцентирующих внимание на активном и осознанном взаимодействии различных акторов, формирующих политические решения и новые более результативные методы решения проблем и конфликтов. Городское правительство, оптимизируя диалог с мигрантскими сообществами, разрабатывает различные структуры и институты с целью привлечения членов диаспор в процесс принятия решений. У. Андерсон выделяет следующие возможные консультативные органы:

1. Контактные и координационные группы (значительное представительство членов мигрантских сообществ).
2. Рабочие и координационные группы (в большинстве своем состоят из членов правительственных департаментов).
3. Парламенты рабочих мигрантов (в структуре представлены только представители диаспор).

4. Консультативные советы (состоят как из представителей правительства, так и из представителей этнических сообществ).
5. Комитеты по взаимодействию с сообществами (организованы как правительственные департаменты) (Anderson, 1990).

Структура управления политикой интеграции мигрантов в регионах федераций, в которых границы административно-территориальных единиц совпадают с границами проживания определенной этнокультурной группы, может отличаться в сторону большей тенденции к многоуровневому управлению (в терминах П. Шолтена). Для анализа институционального дизайна регионального уровня политики интеграции мигрантов в этнофедерациях необходимо рассмотреть кейсы России и Бельгии.

В системе управления миграционной политикой в РФ с 2015 г. произошли значительные изменения: ликвидация УФМС, появление новых комитетов и департаментов в городских и областных правительствах, отвечающих за межнациональные отношения и миграционную политику, переход в 2015 г. от системы квот к патентам для безвизовых стран, издание в 2018 г. новой Концепции государственной миграционной политики РФ на 2019–2025 гг. Все это повлияло на проводимые меры по интеграции мигрантов, частично спустив управленческие полномочия с федерального центра на город и далее — на муниципалитеты. В субъектах РФ вопросами миграции и интеграции мигрантов в большинстве случаев занимаются профильные комитеты, департаменты и министерства в сфере труда и занятости. Подобный институциональный дизайн может отражать преобладание экономической стороны политики интеграции мигрантов и акцент на трудовых мигрантах. Исключение составляют субъекты, где образованы отдельные профильные институты в сфере миграции (Санкт-Петербург, Тюмень, Республика Бурятия, Республика Коми, Республика Крым и т. д.).

Кроме того, правом реализации политики в области интеграции мигрантов наделены профильные органы в области местного самоуправления (например, как в Ленинградской области). Одним из наиболее привлекательных регионов для мигрантов является Республика Татарстан, где мигранты для работы в основном выбирают Казань, Набережные Челны, Елабугу, зону нефтехимического комплекса — Альметьевск, Нижнекамск. В рамках Стратегии социально-экономического развития Республики Татарстан до 2030 г. привлечение мигрантов отдельно выделено в качестве приоритетного направления развития региона, которое позволит в будущем решить вопросы демографии и трудовых ресурсов. Социальная адаптация и интеграция мигрантов требует конструктивного взаимодействия государственных структур и институтов гражданского общества, поэтому особое место в структуре разработки политики интеграции в регионе занимает НКО Ассамблея народов Татарстана, которая направлена на объединение национально-культурных автономий республики.

Бельгия — одно из самых мультикультурных государств Европейского Союза. Мигрантское население распределено по территории страны неравномерно: в Брюсселе общее число мигрантов составляет около 28,5 %, тогда как во Фландрии и в Валлонии 5 % и 10 % соответственно. Политика интеграции мигрантов в Бельгии формируется сложной структурой политических институтов, которые разделены между федеральным уровнем, (географическими) регионами и (лингвистическими) сообществами, каждый из которых имеет свою собственную структуру. Подобный институциональный дизайн затрудняет возможность анализа эффективности интеграционных практик. Первые предложения и планы по реализации политики интеграции мигрантов были выдвинуты на федеральном уровне Бельгии в 80-х гг. XX в., однако реализация политики непосредственно входила в компетенцию сообществ, что в конечном итоге привело к различным мерам по имплементации выдвинутых федеральным центром инициатив во Фландрии и Валлонии (Timmerman, Clycq, Levrau, Praag, Vanheule, 2018). В начале 80-х гг. XX в. во Фландрии было разработано несколько интеграционных планов для мигрантов, а к концу 1982 г. был создан фламандский Высший совет по делам мигрантов. На региональном уровне Фламандский регион в 2022 г. изменил свою политику в отношении рабочих средней квалификации из числа мигрантов, запретив маркировать их как «неквалифицированных». Данное решение влияет на определение минимальной заработной платы мигрантов и улучшает условия их труда. Новые интеграционные практики Фламандского региона включают упрощенную цифровую процедуру подачи заявления на получение профессиональной карты. В рамках своей политики интеграции фламандское правительство запустило план «Жить вместе», целью которого является поддержка местных органов власти в продвижении многообразия и гармонизации межнацио-

нальных отношений. Наконец, были внесены изменения в правила фламандской социальной защиты относительно легального проживания мигрантов и обязательств по гражданской интеграции.

В кейсе российских регионов преобладает централистский тип с элементами многоуровневого управления, однако в регионах, образованных по этническому принципу многоуровневое управление политикой интеграции мигрантов превалирует. В данном случае в регионах России в большей степени реализовываются элементы легального, экономического и инструментального типов интеграции мигрантов, когда необходимы патент на трудовую деятельность, знание языка и базовых элементов культуры, пакет документов, предоставляемый в органы учета и т. д., с преобладанием этнокультурных мероприятий в рамках реализации политики. Политика интеграции мигрантов в Бельгии реализуется также с элементами многоуровневого управления, что характеризуется совместной координацией и сотрудничеством между различными уровнями правительства без явного доминирования на одном. В случае сообществ Бельгии имплементируются элементы социального, экономического, легального, инструментального и культурного типов интеграции мигрантов, т. е. избран комплексный подход, что обусловлено неоднородными миграционными потоками, включающими трудовых мигрантов, беженцев, нелегальной миграцией и т. д. Однако существует определенная нехватка координации имплементируемых планов по интеграции и слабое взаимодействие между различными институтами, особенно между регионами. Таким образом, обнаруживается тенденция к отделенному типу управления политикой интеграции мигрантов, в особенности со сложной системой взаимодействия центра, Фландрии и Валлонии.

Литература и источники

Anderson U. Consultative institutions for migrant workers, in *Political Rights of Migrant Workers in Western Europe* / London: Sage, 1990.

Beeckmans R., Crabbe O., Devos B., Hendrickx M., Laine A., Van Hemelryck C., Vens B. Annual report on migration and asylum in Belgium 2022 / Leuvenseweg, Brussels, 2023.

Capano G., Howlett M. Design and Non-Design in Policy-Making: When and How Policy Design Matters. / Workshop ECPR Joint Sessions of Workshops. Warsaw: Poland 29 March — 2 April 2015.

Fennema M., Tillie J. Do Immigrant Policies Matter? Ethnic Civic Communities and Immigrant Policies in Amsterdam, Liège and Zurich / In *Citizenship in European Cities. Immigrants, Local Politics and Integration Policies*, edited by R. Penninx, K. Kraal, M. Martinello, S. Vertovec, Aldershot: Ashgate. 2004.

Garces-Mascareñas B., Penninx R., (Editors) *Integration Processes and Policies in Europe Contexts, Levels and Actors*. / Springer, 2016.

Hall P.A., Taylor R.C.R. *Political Science and the Three New Institutionalisms* // *Political Studies*. 1996.

Scholten P. Agenda dynamics and the multilevel governance of migrant integration: The case of Dutch migrant integration policies // *Policy Sciences*. 2013.

Timmerman C., Clycq N., Levrau F., Praag L.V., Vanheule D. *Migration and Integration in Flanders: Multidisciplinary Perspectives* / Series: CeMIS Migration and Intercultural Studies. Leuven: Leuven University Press, 2018.

*А.В. Екатеринбургская (Санкт-Петербург),
В.А. Хомиченкова (Санкт-Петербург),
И.Д. Грошева (Санкт-Петербург)*

СМИ КАК ФАКТОР ВЛИЯНИЯ НА ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ ЖИТЕЛЕЙ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА: МЕЖПОКОЛЕНЧЕСКИЙ РАЗРЫВ

Исследование выполнено в рамках работы в Клинике прикладных политических исследований СПбГУ.

Процесс медиатизации влияет на формирование системы ценностей, которая конструирует мировоззрение граждан и влияет на политическое поведение. В условиях информационного общества и постоянного развития новых технологий видоизменяются политические ценности граждан, что оказывает влияние на формирование определенных межпоколенческих разрывов. В данной работе основной целью является определение направленности политических ценностей жителей Санкт-Петербурга и их взаимосвязь с используемыми источниками средств массовой информации.

В.П. Тугаринов ввел термин «политические ценности» и приводил следующее определение: «Ценности — суть предметы, явления и их свойства, которые нужны членам определенного общества или класса или отдельной личности в качестве средств удовлетворения их потребностей и интересов, а также идеи и побуждения в качестве нормы, цели или идеала» (Тугаринов, 1988, 261). Политические ценности составляют ядро политической картины мира человека, структурируют образно-символическое пространство идентичности и определяют возможности консолидации граждан в единую нацию.

В основе исследования межпоколенческого разрыва политических ценностей лежат следующие теоретико-методологические концепции: 1) концепция Р. Инглхарта, который разделял ценности на материалистические и постматериалистические, и установил, что старшие поколения в основном разделяют материалистические ценности, а младшие являются постматериалистами, так как выросли во время послевоенного «экономического чуда» (Инглхарт, 1977); 2) теория поколений Н. Хоува и У. Штрауса (X, Y, Z — циклы поколений) (Ожиганова, 2015, 1); 3) исследование Н.В. Сивриковой, которая выделяла представителей советского поколения, переходного поколения и постсоветского поколения. (Кукулите, Карпова, 2019, 6); 4) динамика изменений ценностей граждан постсоветского периода А.В. Селезневой, которая помогает понять причины разрыва ценностей у поколений (Селезнева, 2016, 3).

Эмпирической базой данного исследования послужили результаты десяти фокус-групп на тему «Политические ценности студенческой молодежи Санкт-Петербурга», которые проводились студентами бакалавриата в рамках работы в Клинике прикладных политических исследований СПбГУ. Респондентами выступило 89 человек — представителей студенческой молодежи. В качестве метода анализа использовалась группировка данных методом «ножницы и сортировка», а также метод дискурс-анализа. Поскольку фокус-группы проводились среди студентов, разделение на поколения представлено на основе восприятия молодежи. Были обозначены две поколенческие группы: «дети» и «родители».

В качестве особенностей политических ориентаций «детей» можно выделить: 1) идеологически смешанные взгляды, что означает, что молодежь в своем большинстве не привержена к конкретному политическому течению; 2) их политические взгляды менее категоричные. Молодежь склонна больше сомневаться и искать компромиссную точку зрения, чаще не разделяет происходящее в политике по принципу «хорошо/плохо».

В результате исследования в качестве политических ценностей «детей» можно выделить: 1) индивидуализм, характеризующийся тем, что самореализация, личный успех, независимость и свобода выбора находятся в приоритете у молодого поколения; 2) свобода слова, в которую студенческая молодежь вкладывает смысл открыто говорить и выражать любое мнение. Им необходимо ощущать чувство безопасности при высказывании позиции, при этом молодежь предпочитает поддерживать

баланс между свободой слова и толерантностью; 3) благополучие и ощущение личной безопасности. Собственное психологическое состояние для данной группы является важнее обсуждения политических вопросов или просмотра новостей, поэтому они скорее откажутся от дискуссий ради ощущения собственного спокойствия.

Феномену патриотизма в фокус-группах уделено отдельное внимание. Часть респондентов данной возрастной группы описывают патриотизм, как элемент пропаганды, поэтому не связывают себя с ним. Однако молодежь также давала свои трактовки о том, каким должен быть патриотизм, с которым уже может себя ассоциировать: 1) трактовка патриотизма через активную позицию, где в основе лежит желание сделать свою страну лучше; 2) патриотизм, где в основе лежит объективная оценка своего государства. Также студентами отмечалось, что патриотическое воспитание не должно прививаться молодому поколению насильно.

Нынешняя молодежь росла в условиях информационного общества и развития новых технологий, что значительно повлияло на восприятие информации, поэтому в контексте особенностей использования СМИ данной группой анализ материала позволил выделить следующее: 1) использование молодежью различных средств массовой информации, вследствие чего поколенческая группа «дети» потребляет большее количество информации и интерпретаций; 2) отождествление государственных СМИ с применением манипулятивных технологий; 3) непринятие устоявшихся в информационной повестке традиционных установок и концепций.

Политическим ценностям молодежи противопоставлены ценности их родителей. Особенностью политических ориентаций группы «родители», по мнению студенческой молодежи, является отсутствие четкой позиции в идеологических взглядах. Молодое поколение отмечает несистемность их взглядов, связанную с нежеланием рефлексии. В качестве политических ценностей группы «родители» можно выделить: 1) стабильность в материальном и социальном статусах, выраженную на бытовом уровне; 2) политическую стабильность. Студентами отмечалось, что изменения во власти воспринимаются их родителями как недостаток; 3) интересы государства, которые являются выше интересов отдельно взятых людей; 4) авторитетность власти, влекущая за собой политическую пассивность; 5) патриотизм, выраженный через концепцию «свои — чужие», в которой есть четкое позиционирование себя через государство.

Современное поколение объясняет разницу в политических ценностях с их родителями как результат жизни взрослого поколения в советской системе, а также смены политических режимов в стране, которая произошла в период их жизни.

Особенностями использования средств массовой информации группы «родители» являются: 1) значительное влияние актуальной государственной медийной повестки на формирование их мнения. Старшее поколение, по мнению респондентов, способно подстраиваться под большинство транслируемых властью идей; 2) концентрация и формирование доверия на одном проверенном, по их мнению, источнике информации как единственно правдивом; 3) получение информации преимущественно из телевизионных средств массовой информации.

Именно эти ценностные ориентации между детьми и родителями и обуславливают нежелание молодежи разговаривать со старшим поколением о политике, что позволяет утверждать о наличии межпоколенческого конфликта. Необходимо отметить, что часть респондентов, которая указывала на отсутствие конфликта между ними и родителями и активное безбарьерное обсуждение политических вопросов, но объясняли они это либо использованием одинаковых средств массовой информации, либо небольшой разницей в возрасте между ними и их родителями.

Если говорить о СМИ, как о политическом институте, то среди студенческой молодежи Санкт-Петербурга прослеживается востребованность в независимых СМИ, поэтому данный институт не утрачивает своего влияния, но появляется необходимость видоизменять его под современные запросы нового поколения.

Литература и источники

Кукулите Т.Г., Карпова Е.А. Особенности формирования и развития компетенций поколений X, Y, Z // Ученые записки Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики. — 2019. — № 1 (65).

Ожиганова Е.М. Теория поколений Н. Хоува и В. Штрауса. Возможности практического применения // Бизнес-образование в экономике знаний. — 2015. — № 1 (1).

Селезнева А.В. Российское общество в постсоветский период: динамика ценностных изменений элиты и граждан // Полит. наука. — 2016. — Спецвыпуск.

Степанищенко О.В. Понятие и природа политических ценностей // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. — 2011. — № 2.

Тугаринов В.П. Избранные философские труды. Л., 1988. — С. 261.

Inglehart R.F. 1977. *The Silent Revolution: Changing Values and Political Styles Among Western Publics.* // Princeton: Princeton Univ. Press. — 496 с.

БРЕНДИНГОВАЯ ПОЛИТИКА РЕГИОНА: КЕЙС РЕСПУБЛИКИ АДЫГЕЯ

Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования РФ в рамках государственного задания на НИР АГУ по проекту № FENZ-2023-0004 «Потенциал брендинга регионов в укреплении российской национальной идентичности: традиции и инновации».

Республика Адыгея по своим политико-институциональным чертам и социокультурным характеристикам относится к динамично развивающимся субъектам Российской Федерации, которые сегодня переживают «брендинговый бум». Брендинг региона и брендинговая политика Адыгеи нечасто попадает в фокус внимания ученых. Особый интерес представляют исследования научного коллектива под руководством И.И. Горловой, в которых проанализированы особенности этнокультурного брендинга Республики Адыгея и разработана концептуальная схема формирования «зонтичного» бренда «Адыгея без границ» (Горлова, 2020; Этнокультурное, 2020). Исследователи солидарны в том, что «Республика Адыгея обладает уникальным историко-культурным наследием, которое на основе современных подходов рассматривается в контексте духовно-ценностного основания горской цивилизации, что, безусловно, способствует позиционированию региона как самобытной, уникальной территории» (Горлова, 2020, 237).

Проблема эффективности регионального брендинга в процессе формирования положительного имиджа региона стала предметом исследования филологов Ф.Б. Бешуковой и А.А. Хажгериевой, по мнению которых «региональный бренд является уникальным сочетанием достопримечательностей, символов, имен, специфических товаров, производимых в регионе и вызывающих ряд устойчивых положительных ассоциаций, связанных с определенной территорией или регионом» (Бешукова, 2015, 120). Весомый вклад в разработку обозначенной темы внесла А.А. Хажгериева, анализирующая в своих трудах роль брендинга в формировании туристической привлекательности Адыгеи (Хажгериева, 2016).

Автором данной статьи при исследовании инструментов и практик политики идентичности в Адыгее брендинг региона обозначен в качестве одного из направлений политики идентичности наряду с символической политикой и политикой памяти (Жаде, 2022).

В контексте рассматриваемой проблемы следует обозначить диссертации экономиста С.В. Калашниковой (Калашникова, 2012) и социолога Т.М. Кумпилова (Кумпилов, 2021), посвященные разным аспектам формирования и конструирования имиджа Адыгеи, а также труды, в которых брендинг рассматривается как инструмент формирования имиджа республики (Панина, 2012). Критический анализ практик брендинга региона представлен в работах молодых ученых (Минченко, 2018; Петрукович, 2022).

Следует отметить, что брендинговая политика наряду с другими инструментами стратегического развития рассматривается в качестве важнейшего ресурса, необходимого для устойчивого развития региона. Так, в Стратегии социально-экономического развития Адыгеи до 2030 г., главной целью разработки которой является «определение путей и способов обеспечения устойчивого повышения благосостояния жителей Республики Адыгея, динамичного развития экономики республики в долгосрочной перспективе», подчеркивается известность ряда брендов за пределами региона, перечисляются известные туристические бренды (Стратегия).

В Распоряжении Главы Республики Адыгея № 254-рг от 11.12.2014 «Об Инвестиционной стратегии Республики Адыгея до 2025 года» подчеркивается: «Брендинг территории способствует развитию региона, привлечению инвестиций на территорию Республики Адыгея. Наиболее значимым данный инструмент поддержки представляется для проектов в области агропромышленного комплекса и туризма» (Распоряжение).

Изучая бренды региона, представляется вполне оправданным использовать вслед за политологами (Чернышов, 2011, 105) следующую классификацию брендов региона с некоторыми дополнениями: официальные: флаг, герб, гимн; географические/природные/рекреационные: горы, пещеры, ущелья, каньоны, горные реки, водопады, источники минеральных и термальных вод, месторожде-

ние лечебных глин, видовое разнообразие флоры и фауны; исторические: важные исторические события, прославленные исторические деятели и т. д.; этнографические: фольклор, традиции, костюмы, народные ремесла; религиозные: монастыри, храмы, церкви, мечети и др.; экономические: известные предприятия, производимая характерная продукция и т. д.; культурные: театры, музеи, ансамбли, писатели, поэты, художники, артисты и т. д.; научно-образовательные: учреждения образования и науки, научные школы, ведущие ученые и т. д.; информационно-цифровые: СМИ, социальные медиа и паблики, интернет-ресурсы; спортивные: команды, школы, чемпионы и т. д.; гастрономические: кухня и популярные продукты питания; персонализированные символы-идентификаторы: руководители региона и знаковые личности; столица: историко-культурные символы, «места памяти», достопримечательности, образы и т. д.

Далее рассмотрим основные традиционные и инновационные технологии и практики брендинга, применяемые в Адыгее. К их числу следует отнести: 1) памятные даты (День Республики Адыгея, День Конституции Республики Адыгея, День Государственного флага Республики Адыгея, День адыгейского языка и письменности, День национального адыгского (черкесского) костюма и др.); 2) фестивали и праздники (Международный фестиваль адыгской (черкесской) культуры, межрегиональный фестиваль-конкурс казачьей культуры, фестиваль адыгейского сыра, этнографические праздники: День халюжа, День черкесской груши, День адыгейской тыквы); 3) участие в масштабном проекте «Россия — страна достижений» и конкурсе «Топ-1000 культурных и туристических брендов России» (дольмены Адыгеи, черкеска, золотое шитье адыгов (черкесов), адыгское (черкесское) седло, адыгские (черкесские) танцы, черкесская шашка, адыгское златокузнечество, шичепшин — адыгская (черкесская) скрипка, Лагонаки, Западный Кавказ, адыгейский сыр, халюжи, Тембот Керашев); 4) регистрация в Федеральной службе по интеллектуальной собственности (Роспатент) 7 брендов («Адыгейский сыр», «Адыгейская соль», «Адыгейский чай», «Минеральная вода Майкопская», «Пиво Майкопское», «Водка Майкопская», «Лимонад Майкопский»); 5) конкурс выбора слоганов, сувениров и логотипов (конкурс по выбору сувенира и логотипа для республики, конкурс по выбору слогана к 100-летию государственности Адыгеи); 6) конкурс грантов в форме субсидий социально ориентированным некоммерческим неправительственным организациям на развитие гражданского общества (Майкопцы: возвращенные имена, ДоСТОяние республики, XXXIII Межрегиональный фестиваль-конкурс казачьей культуры в Республике Адыгея); 7) проведение научных форумов, реализация исследовательских и культурных проектов (Форум горных субъектов РФ «Устойчивое развитие горных территорий», Всероссийская научно-практическая конференция «Приоритеты и перспективы устойчивого развития российских регионов: правовое измерение», межрегиональный слет талантливой молодежи «Фишт», проектный офис по формированию комплексного подхода к сохранению и изучению адыгейского языка на базе АРИГИ им. Т.М. Керашева, проекты Адыгейского государственного университета: «Адыгея — территория здоровья», «Адыглэнд», «Потенциал брендинга регионов в укреплении российской национальной идентичности: традиции и инновации» и «Культурный QR Майкопа»); 8) рейтинговые телепередачи центральных каналов, пресс-туры, путешествие с блогерами и тревел-шоу (пресс-тур для журналистов ЮФО и СКФО: знакомство с известными брендами республики, тревел-шоу «Блогеры и дороги» в Майкопе, тревел-шоу телеканала ТВЦ: Страна чудес: Адыгея, программа «Поедем, поедим: Адыгея» телеканала НТВ, тревел-реалити «Повара на колесах»: Майкоп, тревел-шоу «Поехали!» в Адыгее, познавательное-развлекательное шоу «Лицо кавказской национальности», блог-тур «Территория культуры — Адыгея»); 9) массовые туристские мероприятия (этнофестиваль «Лагонаки. Сокровища народов Адыгеи», «Кросс-кантри Адыгея»: велопробег по достопримечательностям в горной части Республики Адыгея, Интерралли Белая); 10) гастрономические туры (мастер-класс адыгейского сыра, чайные плантации Адыгеи, горный мед и пчеловоды, древние черкесские сады, сады современников, яблоки и натуральный сок, покупка, ловля, приготовление форели в Адыгее, кейтеринг в удаленных, живописных местах с большим костром под открытым небом, Майкопский пивоваренный завод).

В 2022 г. к названным традиционным технологиям брендинга прибавились и инновационные, приуроченные к вековому юбилею государственности Адыгеи, которые способствовали в полном объеме продвижению брендов региона: торжественное мероприятие по случаю празднования юбилея Республики Адыгея, Кабардино-Балкарской Республики и Карачаево-Черкесской Республики 20

сентября 2022 г. в Государственном Кремлевском Дворце; Дни Республики Адыгея в Москве, в Совете Федерации и Государственной Думе РФ; открытие памятника Ш.-Г.У. Хакурате — первому секретарю Адыгейского обкома, стоявшему у истоков становления Адыгейской автономной области; создание научно-образовательного консорциума «Вернадский — Республика Адыгея»; фестиваль самобытной культуры народов Адыгеи; Международный фестиваль-конкурс детского и юношеского художественного творчества «Звездочки Адыгеи»; Международная акция «100 исполнителей на народных музыкальных инструментах»; Международный фестиваль-конкурс «Черкешенка» («Адыгэ пшъашъ»); Межрегиональный конкурс «Адыгэ шъау»; участие в первом гастрономическом фестивале «Вкусы России»; издание культурно-исторических альбомов, краеведческой литературы; съемки историко-документального фильма «Становление»; организация выставочных проектов: подготовка юбилейной медали «100-летие образования Республики Адыгея», специальных почтовых марок «100 лет Республике Адыгея» и маркировочных открыток.

Представленные перечни брендов региона и технологий брендинга, безусловно, требуют еще большей конкретизации и дополнения, чем мы займемся в дальнейших исследованиях.

Следует согласиться с коллегами в том, что «представляется необходимым в целях создания эффективного инструмента продвижения туристских возможностей Адыгеи, привлечения туристов и инвесторов провести целенаправленный комплекс мероприятий по формированию и продвижению яркого и привлекательного бренда Республики Адыгея» (Горлова, 2020, 389).

Изучив традиционные и инновационные особенности брендинговой политики Республики Адыгея, считаем целесообразным рекомендовать, во-первых, скорректировать Стратегию социально-экономического развития Республики Адыгея до 2025 г. с целью внесения в комплексное планирование этапа брендинга территории. Во-вторых, создать координационный совет по брендингу региона. Так как брендинг региона — это командная работа, то следует вести диалог по разработке брендинговой политики с представителями органов власти, научным сообществом, специалистами в области брендинга, маркетинга, дизайнерами и всеми заинтересованными лицами из разных областей.

Литература и источники

Бешукова Ф.Б., Хажгериева А.А. Бренды Адыгеи в современном медийном пространстве как индикатор социокультурной и экономической привлекательности региона // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. — 2015. — Вып. 3. — С. 119–124.

Горлова И.И., Коваленко Т.В., Науменко В.Е. Историко-культурное наследие Республики Адыгея как ресурс этнокультурного брендинга территории (концептуальные основы формирования зонтичного бренда) // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология». — 2020. — Вып. 3. — С. 234–244.

Жаде З.А. Инструменты и практики политики идентичности в контексте государственного строительства: опыт Республики Адыгея // Адыгея: путь длиной в 100 лет. Сборник материалов, посвященный государственности Адыгеи. — Майкоп: ОАО «Полиграф-ЮГ», 2022. — С. 250–257.

Жаде З.А. Политика идентичности в региональном измерении: кейс Республики Адыгея // Общество: политика, экономика, право. — 2022. — № 8. — С. 13–18.

Калашникова С.В. Подходы и инструменты формирования политики привлекательности региона: на материалах Республики Адыгея: автореф. дис. ... канд. экон. наук. — Майкоп: МГТУ, 2012. — 25 с.

Кумпилов Т.М. Имидж Республики Адыгея в пространстве социальных медиа: автореф. дис. ... канд. социол. наук. — Майкоп: АГУ, 2021. — 27 с.

Минченко К.А. Проблемы регионального брендинга на примере Республики Адыгея // Проблемы и перспективы социально-экономического развития регионов Юга России: сборник научных трудов по материалам V Всероссийской научно-практической конференции / под науч. редакцией проф. А.А. Тамова. — Майкоп: ЭЛИТ, 2018. — С. 57–61.

Панина Е.А., Дунаевская Е.А. Брендинг как технология создания имиджа региона (на примере Республики Адыгея) // Вестник Майкопского государственного технологического университета. — 2012. — № 3. — С. 125–128.

Петрукович В.А. Назначение и коммуникационные проблемы территориального брендинга: на примере Республики Адыгея // Коммуникология: электронный научный журнал. — 2022. — Том 7. — № 2. — С. 120–132.

Распоряжение Главы Республики Адыгея от 11.12.2014 № 254-рг «Об Инвестиционной стратегии Республики Адыгея до 2025 года». URL: <https://docs.cntd.ru/document/423978443?ysclid=lm3bd3hcy1555643036> (дата обращения: 14.09.2023).

Стратегия социально-экономического развития Республики Адыгея до 2030 года. URL: <https://base.garant.ru/43636318/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33/> (дата обращения: 14.09.2023).

Хажгериева А.А. Брендинг региона как инфо-коммуникативная образующая имиджа Республики Адыгея в общероссийском информационном пространстве // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. — 2016. — Вып. 1. — С. 145–149.

Чернышов Ю.Г. Имидж региона и региональная идентичность (на примере Алтайского края) // Вестник Пермского университета. Политология. — 2011. — № 5. — С. 105–112.

Этнокультурное брендрование территории в контексте стратегии регионального развития: научно-методические подходы и практики: монография / И.И. Горлова и др.; отв. ред. Т.В. Коваленко. — М.: Институт Наследия, 2020. — 114 с.

ПАРЛАМЕНТСКАЯ СИСТЕМА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: КОЛЛАПС ИЛИ ПЕРЕЗАГРУЗКА?

С самого начала своего существования парламентская система стала критиковаться за свойственные ей недостатки. Как отмечал Карл Шмитт, «критическая литература о парламентаризме появляется вместе с парламентаризмом» (Шмитт, 2000, 159). Критики этой формы правления говорили и продолжают говорить о ее «сбоях», кризисе и даже «коллапсе». К основным недостаткам парламентской системы относят: частичное слияние законодательной и исполнительной власти, не позволяющее осуществлять эффективный контроль за правительством; доминирующее положение премьер-министра; трудности в формировании коалиционного кабинета и тупики в процессе принятия решений таким кабинетом; частые отставки правительства, роспуски парламента и досрочные выборы, которые дестабилизируют политический процесс; решение правительством краткосрочных задач, дающих выгоду правящей партии, без формулирования и реализации стратегических долгосрочных целей; невозможность избрания главы правительства всем населением и его невысокая в связи с этим легитимность; подъем популистских и экстремистских партий и лидеров; жесткая партийная дисциплина в парламенте, не позволяющая депутатам голосовать согласно своим убеждениям.

Обычно недостатки парламентской системы не рассматриваются критиками как системные: как правило, политические силы не требуют полного отказа от парламентской системы и замены ее на противоположную форму правления. И, действительно, случаи перехода от парламентской к президентской или полупрезидентской системе в мировой практике единичны и не всегда связаны с острым непринятием парламентской формы. Для устранения недостатков политические «архитекторы» прибегают к трансформации парламентской системы, модифицируя ее основополагающие принципы — двойственный характер исполнительной власти (глава государства и правительство); парламентский способ формирования кабинета; коллегиальный характер принятия решений; частичное слияние властей, проявляющееся в совмещении депутатского мандата с правительственной должностью; политическую ответственность кабинета перед парламентом; парламентский контроль над кабинетом; роспуск парламента; нефиксированные сроки полномочий парламента; взаимозависимые источники «выживания» законодательной ассамблеи и правительства (Зазнаев. Роспуск..., 2023, 140–143).

«Перезагрузка» современных парламентских систем включает в себя две группы процессов: во-первых, институциональные реформы, которые меняют ее природу, структуру и принципы (например, такие как гибкость, коллегиальное правление, верховенство парламента, монополизм парламента, частичное слияние властей); во-вторых, неинституциональные изменения, связанные с фактическим перераспределением власти и смещением центра власти. Обозначим основные трансформационные процессы в парламентских системах современного мира.

1. Установление фиксированной даты проведения выборов в парламенты Великобритании и Канады по сути «представляет собой революционное новшество, подрывающее основы парламентаризма — гибкость системы и взаимозависимые источники «выживания» законодательной ассамблеи и исполнительной власти» (Зазнаев, Фиксированная..., 2023, 159). В 2001 г. канадская провинция Британская Колумбия первой среди субъектов федерации приняла закон о фиксированной дате провинциальных выборов, а затем другие провинции продолжили эту практику. В 2007 г. фиксированная дата была установлена для парламента Канады — это «третий понедельник октября четвертого календарного года, следующего за днем голосования последних всеобщих выборов». В 2011 г. в Великобритании «Актом о парламентах с фиксированным сроком полномочий» (отменен в 2022 г.) была определена фиксированная дата всеобщих выборов — первый четверг мая пятого календарного года после предыдущих выборов.

В Великобритании установление фиксированной даты выборов в палату общин практически никак не повлияло на свободу действий премьер-министра по объявлению досрочных выборов. Дело в том, что Акт 2011 г. сохранил две «лазейки» для проведения досрочных выборов: 1) объявление

вотума недоверия правительству, после чего следовал роспуск палаты, 2) голосование о досрочном роспуске парламента, которое принималось 2/3 голосов от общего числа членов палаты (Зазнаев, Фиксированная..., 2023, 147–148). Это привело к соблазну манипулировать Актом 2011 г. путем создания искусственного большинства палаты: «тем самым «буква закона» соблюдалась, но его «дух испарялся» (Зазнаев, Фиксированная..., 2023, 153).

Что касается Канады, то здесь не была отменена норма, согласно которой представители королевской власти в Канаде (генерал-губернатор Канады и лейтенант-губернаторы провинций) распускали парламенты по совету глав правительств и объявляли досрочные выборы. В механизме функционирования канадской парламентской системы как на федеральном, так и провинциальном уровне ничего не изменилось, кроме сокращения срока полномочий легислатур.

2. Один из важных институтов парламентской системы — роспуск парламента постепенно превращается «в правовой способ разрешения тупиковых ситуаций в политическом процессе» (Зазнаев, Роспуск..., 2023, 122), а решения премьер-министров по поводу роспуска легислатуры с целью получения правящей партией лучших результатов на досрочных выборах постепенно «сходят на нет». Этой цели служат конституционно-правовые ограничения на роспуск (установление предельного числа инициатив роспуска; переход к абсолютному или квалифицированному большинству; запрет на роспуск в определенные промежутки времени и др.). Сегодня происходит конституционализация института роспуска с одновременной деполитизацией этого института, а именно — сужением свободы выбора акторов, прежде всего премьер-министра. Роспуск рассматривается как крайняя мера, применяемая в строго очерченных правом рамках (Зазнаев, Роспуск..., 2023, 135).

3. Другой парламентский институт — вотум недоверия также подвергается изменениям. На деле происходит ослабление политической ответственности правительства: во-первых, суживаются возможности применения вотума из-за вводимых в целом ряде стран правовых ограничений (переход от простого большинства к абсолютному большинству; правило о минимальном количестве законодателей для инициирования вотума; число предложений на одной сессии / от одного депутата и др.); во-вторых, все шире распространяется немецкая практика конструктивного вотума недоверия (Бельгия, Венгрия, Испания, Польша, Словения, ФРГ); в-третьих, у оппозиции ослабевает мотив «свержения» правительства, и вотум недоверия используется ею в качестве, как писал Карл Шмитт, «разрушительного метода парламентской обструкции» (Шмитт, 2000, 161). В литературе приводится такая статистика: лишь около 5 % вотумов недоверия в западных странах за 1960–2010 гг. привели к отставке правительства (Williams, 2011, 1475). Кроме того, сегодня наблюдается некоторая деполитизация вотума недоверия в связи с коррупцией и этическими нарушениями членов кабинета и технократической (неполитической) оценкой деятельности правительства.

4. В современных парламентских системах усиливается исполнительная власть в ущерб парламенту. Нужно отметить, что это общемировая тенденция последних 70–80 лет, характерная для всех государств — как парламентских, так и президентских. Причины ее кроются в ускорении «темпа» и «скорости» экономической и политической жизни, появлении угроз, требующих быстрой реакции со стороны власти, необходимости срочного ответа на внутренние и внешние вызовы. Сегодня правительство (а не парламент) занимается подготовкой 4/5 законопроектов и проекта бюджета, нередко принимает важные политические решения без согласования с парламентом (который представляется в качестве «неповоротливой машины») или с согласованием «задним числом». Происходит подмена парламентского правления партийным правлением (на практике — партийным лидерством). Таким образом, старый и добрый принцип «монополизма» и «верховенства» парламента постепенно размывается.

5. Стиль лидерства целого ряда политиков (М. Тэтчер, Г. Коля, Т. Блэра, С. Берлускони и Г. Шредера) позволил политологам сделать вывод о «президециализации» политики в парламентских системах. Президециализация политики — это процесс, при котором взаимоотношения между парламентом и правительством подчиняются «логике» «взаимоотношений между парламентом и правительством, типичной для президентских систем» (Poguntke, 2000, 1), при этом формальная структура власти не меняется. Президециализация проявляется в следующем: растущая концентрация исполнительной власти в руках премьер-министра; эрозия единства действий правительства и поддерживающих его парламентских партий, когда парламент приобретает независимость от правительства, и наобо-

рот, большая автономия лидера от всей партии; смещение акцента в избирательных кампаниях с партий на лидеров (кампании становятся «президентскими», как в США); возрастающее воздействие лидеров на электоральное поведение (Зазнаев, 2014, 22). Президентциализация политики в парламентских системах ведет к фактическому «оттоку» власти от парламента и ее перераспределению внутри кабинета и правящей партии.

б. В последние годы появляются политические альтернативы парламенту, что проявляется в следующем: снижается значимость дебатов в парламенте как способа определения общественных настроений и политической «температуры» социума; возникают альтернативные парламенту источники формирования повестки дня (социальные сети, Интернет и ТВ), получают распространение «виртуальные референдумы» в сети Интернет; расширяется применение институтов прямой демократии (референдумы, общественные консультации и гражданский контроль за публичной властью) в ущерб традиционным механизмам принятия решений в парламенте; «набирает обороты» электронная демократия в ущерб традиционному представительству депутатов и традиционным формам связи с избирателями (таким как работа депутата в округе, встречи депутата с избирателями, указы и др.).

Итак, «перезагрузка» парламентской системы, с одной стороны, позволяет реагировать на вызовы времени и обеспечить жизнеспособность системы, а с другой стороны, ставит под сомнение базовые принципы парламентаризма — гибкость, коллегиальное правление, партийное правление, верховенство и монополизм парламента, частичное слияние властей. Дальнейшая трансформация парламентской системы изменит ее облик.

Литература и источники

Зазнаев О.И. Осмысление форм правления в зарубежной политической науке: новейшие дискуссии // Политическая наука. 2014. № 1: Формы правления в современном мире / Ред.-сост. номера Зазнаев О.И. С. 10–33.

Зазнаев О.И. Роспуск парламента в парламентских системах: новации в законодательстве и политической практике // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2023. № 3. С. 122–137.

Зазнаев О.И. Фиксированная дата выборов в парламента: новый формат взаимодействия законодательной и исполнительной власти в Великобритании и Канаде // Политическая наука. 2023. № 1. С. 139–163.

Шмитт К. Духовно-историческое состояние современного парламентаризма // Политическая теология. Сборник / Переводы с нем., заключит. статья составление А. Филиппова. М.: «КАНОН-пресс-Ц», 2000. 336 с.

Poguntke T. The presidentialization of parliamentary democracies: A contradiction in terms?: Paper prepared for presentation at the ECPR workshop “The presidentialization of parliamentary democracies?”, Copenhagen, 14–19 April 2000. Copenhagen, 2000. 19 p.

Williams L.K. Unsuccessful Success? Failed No-Confidence Motions, Competence Signals, and Electoral Support // Comparative Political Studies. 2011. Vol. 44. № 11. P. 1474–1499.

ДИСКУРС ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНТЕРНЕТ-КАНАЛОВ О СМЕРТИ Е. ПРИГОЖИНА

За последние несколько лет мессенджер Телеграм стал одним из самых популярных и скачиваемых приложений в России, а количество его пользователей в мире в 2022 г. достигло 700 млн человек. К такой популярности Telegram привели следующие тенденции и факторы: распространение смартфонов и их использование как инструмента получения информации; изменение режимов медиапотребления (постоянная включенность, стремление быть в курсе событий, «потребительство» информации); доступность создания и получения контента; потребность в получении информации из альтернативных источников в условиях недоверия и давления на традиционные СМИ.

Интерес Телеграм для политологов связан прежде всего с интенсивностью развития его политического сегмента. Началом его развитию послужило создание в 2016 г. возможности ведения телеграм-каналов, сегментированных по различным областям и интересам: новости, спорт, юмор, искусство, кино, развлечения и политика. Так, согласно portalу tgstat.ru, предоставляющему статистику использования Телеграм, политический сегмент данного приложения составляет 15,7 тыс. каналов, что превышает такие темы как, например, экономика (10,8 тыс. каналов), психология (15,1 тыс. каналов), технологии (10,6 тыс. каналов). Можно выделить ряд особенностей телеграм-каналов по сравнению с социальными сетями и новостными интернет-сайтами: самостоятельное формирование пользователем источников и ленты новостей (ленты мнений); определенная степень анонимности; возможность создавать «сети», способные сформировать повестку дня и отрабатывать ее в определенный промежуток времени.

Важно отметить, что на сегодняшний день политическим телеграм-каналам присущи положительные и отрицательные атрибуты традиционных СМИ. К положительным можно отнести: доступность изложения информации, плюрализм мнений, доступ к инсайдерской информации, представление экспертного мнения. К отрицательным чертам политических телеграм-каналов можно отнести: появление «заказных» материалов и участие в информационных войнах, манипулирование информацией, стремление к броским заголовкам и темам, сложность верификации информации, распространение «фейков». К сожалению, за последние несколько лет стали превалировать отрицательные черты политических телеграм-каналов.

Развитие политических телеграм-каналов вызвало интерес со стороны научного сообщества. Можно выделить следующие направления политологических исследований Telegram. Первая группа работ рассматривает телеграм-каналы как способ политической коммуникации (Попова, 2023; Ляховенко, 2022; Реут, 2019). Вторая группа исследований изучает место телеграм-каналов в политическом медиапространстве отдельных стран (Быков, Градюшко, 2020; Гарбузняк, 2020). Третья группа исследований представляет собой анализ отдельных случаев деятельности телеграм-каналов и отработку ими актуальной повестки дня (Зайцев, 2020; Пономарева, 2021).

Целью статьи является выявление ключевых направлений интерпретации политическими телеграм-каналами гибели бизнесмена Евгения Пригожина 23 августа 2023 г. Из-за ограничений по объему мы рассмотрим этот кейс на примере каналов «НЕЗЫГАРЬ» и «ВЧК-ОГПУ». Указанные телеграм-каналы выбраны по следующим причинам: анонимность авторов; продолжительность существования тг-каналов (6 лет 9 месяцев и 5 лет соответственно); высокий уровень цитируемости. Для анализа были выделены оригинальные текстовые публикации каналов. Временные рамки исследования ограничены с 23 августа 2023 г. (день падения самолета, на борту которого находился Пригожин и несколько руководителей «группы Вагнера») по 26 августа 2023 г.

Телеграм-канал «НЕЗЫГАРЬ» (328 тыс. подписчиков), кроме четырех оригинальных публикаций, транслировал мнение ряда экспертов и авторов каналов, включенных в свою «сеть» (три публикации с указанием авторов). Первая публикация канала, комментирующая гибель бизнесмена, была утром 24 августа. Автор сообщения выдвинул тезис о том, что Пригожин после мятежа 24 июня 2023 г. был фактически «сбитым летчиком», и его политическое влияние снизилось, в том числе из-за потери доверия со стороны Владимира Путина. Кроме этого, упоминается возможное наличие у бизнесмена компрометирующей информации о руководстве страны, которая, однако, «была грамотно нейтралит-

зована спецслужбами». Темами следующих публикаций «НЕЗЫГАРЯ» стало будущее бизнес-активов Пригожина и вопрос о похоронах предпринимателя. В целом публикации канала по теме носят нейтральную тональность, написаны деловым стилем. В сообщениях канала применяются следующие категории политической науки: политическое доверие, стабильность политического режима; лоббизм; внутриэлитные договоренности.

Телеграм-канал «ВЧК-ОГПУ» (802 тыс. подписчиков) активно освещал и комментировал гибель Пригожина. Всего за выбранный период было опубликовано 66 сообщений по теме, которые можно разделить на несколько смысловых блоков: освещение работы специалистов на месте крушения самолета, выдвижение причин падения самолета и поиск выгодоприобретателей, освещение следственных мероприятий правоохранительными органами, публикация данных о самолете и членах экипажа. Одной из центральных тем публикаций стали причины падения самолета. Авторы канала «продвигали» две версии: самолет был сбит ракетой или произошел взрыв на борту. В одной из первых публикаций по теме выдвигается версия о крушении самолета в результате ракетного удара, которая сопровождается текстом: «23 июня мятеж 24 августа конец. В Кремле любят цифры». В большинстве публикаций были ссылки на неавторизованные источники и неназванных экспертов, что является манипуляцией со стороны авторов канала. С вечера 24 августа и в последующих публикациях канал «продвигает» версию о взрыве на борту, причиной которого стал теракт. В этот же день Следственный комитет РФ возбудил уголовное дело по статье 263 УК РФ «Нарушение правил безопасности движения и эксплуатации воздушного транспорта». Таким образом, авторы канала предлагают альтернативную официальному расследованию версию падения самолета. Фоном для этого служат публикации о конфликте Пригожина с Министерством обороны и визите к Владимиру Путину 29 июня 2023 г, т. е. канал «привязывает» Президента и руководство Министерства обороны к теме гибели бизнесмена, чтобы читатель самостоятельно составил цепочку рассуждений в подтверждение версии авторов о теракте. В целом в канале наблюдалось несколько стилей публикаций: небольшие (3–4 коротких, отрывистых предложения), стремящиеся «закрепить» в сознании читателя определенный тезис, и достаточно объемные (несколько абзацев по 3–5 предложений), в которых описывается самолет, условия проведения его техосмотра, биографии и фотографии членов экипажа. Это может быть связано с тем, что у канала несколько авторов и редакторов. Большинство публикаций сопровождаются вводными фразами на указание неавторизованных источников («Источник ВЧК-ОГПУ рассказал...», «Источник ВЧК-ОГПУ сообщил...») или представляющих сообщение как результат проведенной редакцией канала работы по сбору и обработке информации («Как выяснил ВЧК-ОГПУ...», «Как стало известно ВЧК-ОГПУ...»).

На основании проведенного анализа можно сделать следующие выводы об освещении отобранных телеграм-каналами версий гибели Евгения Пригожина:

1. Оба канала отработывали информационный повод, не замалчивая и не игнорируя событие. Авторы не давали оценок личности Пригожина.

2. Различие стилей подачи и интерпретации информации. Телеграм-канал «НЕЗЫГАРЬ» использовал деловой стиль, не выдвигая версий крушения самолета и выгодоприобретателей этого события. Публикации в канале были достаточно объемные (более 2 тыс. знаков) и представляли скорее экспертное мнение авторов, завершающееся прогнозом дальнейших событий. Часть тезисов, транслируемых авторами, не была подтверждена аргументами, которые можно было бы верифицировать с высокой степенью точности. Канал «ВЧК-ОГПУ» не придерживался единого стиля публикаций. Посты были эмоционально окрашены, в некоторых случаях противоречили друг другу. Тезисы были короткими, броскими, выдвигались версии крушения самолета и возможные выгодоприобретатели. Авторы канала использовали ряд приемов манипулирования читателем.

Литература и источники

Быков И.А., Градюшко А.А. Влияние мессенджера Telegram на развитие медиапространств России и Беларуси: сравнительный анализ // Вестник Казахского национального университета. Серия журналистики. 2020. Т. 58, № 4. С. 4–12. DOI: 10.26577/HJ.2020.v58.i4.01.

Гарбузняк А.Ю. Публичное пространство новых медиа: ключевые акторы, их статус и функции // Информационное общество. 2020. № 4. С. 201–209.

Зайцев С.Ю. Изменение Конституции России через призму политических телеграм-каналов // Герценовские чтения: Россия-2020. Актуальные вопросы политического знания: Сборник материалов научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 17–18 апреля 2020 года / Под общей редакцией Л.А. Гайнутдиновой. — Санкт-Петербург: Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, 2020. С. 34–38.

Ляховенко О.И. Телеграм-каналы в системе экспертной и политической коммуникации в современной России // *Galactica Media: Journal of Media Studies*. 2022. Т. 4. № 1. С. 114–144. DOI: 10.46539/gmd.v4i1.230.

Пономарева Е.Г. Протестное движение в Белоруссии: эволюция, технологии, символы // *Обозреватель*. 2021. № 2(373). С. 5–28. DOI: 10.48137/2074-2975_2021_2_5.

Попова О.В. Особенности коммуникации политизированных сообществ в русскоязычных телеграм-каналах // *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*. 2023. Т. 19, № 2. С. 215–229. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu23.2023.205>.

Реут О.Ч. Анонимные телеграм-каналы в системе политических коммуникаций // *Стратегические коммуникации в современном мире: сборник материалов по результатам научно-практических конференций*. Выпуск 2: сборник научных статей. Саратов: Издательство «Саратовский источник», 2019. С. 314–322.

ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ В САЛЬВАДОРЕ В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ НАЙИБА БУКЕЛЕ

В рамках обсуждения современных моделей взаимодействия властных институтов в государствах с различными типами политических режимов в настоящем докладе планируется отметить ключевые характеристики взаимодействия основных политических институтов в Сальвадоре в период президентства Найиба Букеле (2019 г. — настоящее время).

Президентство Н. Букеле в Сальвадоре отметилось ярким, харизматичным, характерным для популистского режима правлением. Букеле, демократически избранного в первом туре на президентских выборах 2019 г., спустя четыре года его президентства можно назвать «идеальным кандидатом для популистской автократии».

Его победа на выборах ознаменовала «правый поворот» в одной из стран Центральной Америки, а также перестановку политических сил: процесс сближения двух оппозиционных партий АРЕНА (Националистический республиканский альянс, исп. *Alianza Republicana Nacionalista*, ARENA) и ФНОФМ (Фронт национального освобождения имени Фарабундо Марти, исп. *Frente Farabundo Martí para la Liberación Nacional*, FMLN) в Законодательной Ассамблее по ряду вопросов с целью дискредитации действий нового президента. Разворот Сальвадора вправо, проявившийся в смене президентской власти в стране, объясняется, прежде всего, утерей доверия народа правительством в лице представителей левой партии. Во многом в этом вопросе разжигают недовольство обвинения Маурисио Фунеса (президент Сальвадора в 2009–2014 гг.) и администрации ФНОФМ в целом в коррупционной деятельности. Опираясь на социальные опросы граждан Сальвадора, отмечалось сокращение поддержки демократических правительств со стороны населения. В период с 2009 по 2018 г. число граждан Сальвадора, поддерживающих представительную демократию как форму политического устройства, постоянно снижалось. С 68 % в 2009 г. оно снизилось до 28 % в 2019 г. При этом по рассматриваемому критерию Сальвадор находится на самой низкой позиции среди стран латиноамериканского региона (*Informe Latinobarómetro*, 2018, 16). Это свидетельствует о крайнем недовольстве проводимой политикой и желании изменить ситуацию в стране.

В настоящее время президентство Найиба Букеле отличается стремлением политического лидера к централизации и персонализации власти. При этом его приход к власти стал определенной разделительной чертой в политическом развитии страны: партийная система Сальвадора прежде долгое время была биполярной, представленной устойчивым положением партий АРЕНА и ФНОФМ. Прежде наблюдалась политическая поляризация ветвей власти, в том числе и при Н. Букеле до выборов в Законодательную Ассамблею 2021 г.: ситуация, когда президентское кресло занимал представитель одной партии, а большинство в главном законодательном органе страны принадлежало членам оппозиции, была не единожды в политической истории Сальвадора. Долгое время воспроизводилась биполярная партийная конфигурация, выраженная в постоянном соперничестве двух партий. Кроме того, отношения между президентом и парламентом в Сальвадоре в 2020 г. обрели конфликтный характер противостояния вокруг реализации нового плана по обеспечению безопасности (*Carlos Salinas Maldonado, El País*, 2020).

Современная политическая конфигурация в Сальвадоре способствует укреплению роли президентской власти, харизматичного лидера: Н. Букеле воспринимается как «медиа-лидер, киберпопулист, инфлюенсер, постмодернистский каудильо» (*David Marcial Pérez, El País*, 2023), лидер нового типа, использующий медиа-ресурсы, выступающий за централизацию власти, против сепаратизма и национализма в рамках системы правления, характеризующейся персонализацией власти. При этом Н. Букеле является главой государства с самым высоким уровнем поддержки населением, в сравнении с предыдущими главами Сальвадора и в целом в сравнении с другими странами Латинской Америки. У института президентства больше всего наблюдается уровень поддержки именно в Сальвадоре: 80 %, в сравнении со средним показателем в регионе — 32 % (*Informe Latinobarómetro*, 2021, 67).

Поддержка населением действий главы государства выражается в устойчивой позиции ответственности в вопросах возможности контроля представителями власти средств массовой информации. Сальвадор возглавляет список стран Латинской Америки по уровню поддержки идеи о том, что президент может контролировать СМИ: 66 % опрошенных выразили согласие с данной идеей (далее следуют Гватемала и Доминиканская Республика с показателями в 49 %). При этом в регионе в среднем только 34 % населения поддержали данное утверждение. Одновременно с относительно высоким уровнем поддержки, обозначенной в результатах социологических исследований, не исчезает угроза свободе слова, установления контроля над основными средствами массовой информации, независимой судебной системе и правам человека.

Кроме того, Найибом Букеле в период избирательной кампании 2019 г. и последующего президентства была выбрана и реализована эффективная коммуникационная стратегия, основанная на масштабном освещении в социальных сетях большинства его политических решений. Многие политические решения Букеле сопровождаются популистской риторикой и ярким освещением в социальных сетях. Активное использование современных информационных технологий, публикации в социальных сетях в совокупности с удачно созданным имиджем современного, общающегося напрямую с народом руководителя, оказались грамотным инструментом в выстраивании коммуникаций между населением, направленным, прежде всего, на представителей молодого поколения.

Также важно обратить внимание и на фактическое подчинение политических институтов в Сальвадоре президенту (на примере подчинения парламента и Верховного суда страны), которое в рамках сформировавшегося в последние годы военно-гражданского альянса стало базой выдвижения Найиба Букеле на второй президентский срок вопреки действующей Конституции (Пятаков, Латинская Америка, 2022).

Таким образом, в настоящее время восприятие населением политической ситуации в Сальвадоре может быть охарактеризовано как склонность к авторитарным установкам, поддержка правителей, переступающих черту приемлемых для демократии установок, уязвимость демократических институтов и основ. Среди особенностей взаимодействия политических институтов в Сальвадоре в период правления Найиба Букеле важно отметить сильную централизацию власти в руках президента, использование радикальных мер борьбы с организованной преступностью и коррупцией, персонализация и популизм. Найиб Букеле сумел создать образ сильного и энергичного лидера, который может достичь быстрых результатов. Он активно использует социальные сети как инструмент прямого общения с населением. Однако период его президентства может также быть охарактеризован конфликтом с оппозицией и недостатком консенсуса: непримиримость сторон усиливает политический конфликт и препятствует эффективному взаимодействию между политическими институтами. Власть президента сосредотачивается в одних руках, что вызывает беспокойство относительно гарантий демократических принципов. Экстренные меры и персонализация власти приводят к высокой вероятности того, что политическая система Сальвадора развивается по пути установления основ авторитарного (автократичного, каудилистского) режима, что усложняет эффективное взаимодействие между политическими институтами.

Литература и источники

Пятаков А.Н. К поиску фундаментальных сдвигов в общественно-политических функциях латиноамериканских военных // Латинская Америка. 2022. Выпуск № 11. С. 104–110 [Электронный ресурс]. URL: <https://latamerica-journal.ru/S0044748X0022867-2-1> (дата обращения: 15.09.2023). DOI: 10.31857/S0044748X0022867-2

Informe Latinobarómetro 2018. [Электронный ресурс]. P. 16. URL: <https://www.latinobarometro.org/latContents.jsp> (дата обращения: 15.09.2023).

Informe Latinobarómetro 2021. [Электронный ресурс]. P. 67. URL: <https://www.latinobarometro.org/lat.jsp> (дата обращения: 01.07.2023).

Bukele se enfrenta al Parlamento de El Salvador y genera una crisis constitucional / Carlos Salinas Maldonado // El País. 10 de Febrero 2020. [Электронный ресурс]. URL: https://elpais.com/internacional/2020/02/10/america/1581294344_999638.html (дата обращения: 15.09.2023).

Pérez, D.M. Bukele, el caudillo en estado de excepción / David Marcial Pérez // El País. 19 de Marzo 2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://elpais.com/internacional/2023-03-19/la-excepcion-bukele-el-caudillo-al-que-casi-todos-quieren-en-el-salvador.html> (дата обращения: 15.09.2023).

МНОГОМЕРНОЕ ПОНИМАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ РЕВОЛЮЦИЙ КАК МЕХАНИЗМА ИЗМЕНЕНИЙ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ

Интерес к изучению политических институтов во многом сформировался под воздействием исследований экономистами влияния институтов на механизмы экономического роста. Произошло возвращение к юридическим истокам политической науки, но уже с учетом влияния социологии и психологии на формирование понимания политики в рамках политической науки. Интерес к государству и праву не означает возвращения к юридическому мышлению, скорее государство и право выступают важным объектом исследования для политической науки. Исследования государства по необходимости должны носить междисциплинарный характер, поскольку изучение роли государства в человеческой жизни уже давно вышло за границы юридической науки или политической науки. Для отражения сложности самого государства и достижений множества наук, которые с различных сторон изучают государство, необходимо формировать многомерное понимание государственности. Изучение государств в ходе революций позволяет проверить возможности различных теорий государства для объяснения хода революционных процессов. Именно изучение революций требует максимально многомерного понимания государственности для теоретического понимания революционных механизмов изменения политических институтов. Многие современные государства были созданы в ходе революций, и для адекватного понимания исторического создания политических институтов важно максимально полное понимание процессов создания нового революционного государства.

В рамках экономической науки возвращение интереса к государству связано с творчеством Дугласа Норта. Изучая экономическую историю, Дуглас Норт пришел к пониманию ключевой важности институтов для формирования условий экономического роста. Для многих эпох в истории человечества было характерно отсутствие существенного экономического роста или наличие значительного экономического упадка. В конечном итоге Дуглас Норт пришел к пониманию экономического роста как следствия создания институциональных «порядков открытого доступа» (в создании данных порядков важную роль сыграли революции в Англии). Исследовательская программа Норта оказала сильное влияние на исследования в рамках экономической науки и в рамках политической науки. В рамках данных наук появилось некоторое понимание важности «государства и права» как условия существования рыночной экономики и демократии в наиболее передовых государствах современного мира. Существенно поменялась исследовательская повестка для изучения экономического роста и причин бедности в большинстве стран современного мира. Идет явное движение к синтезу экономических и политических исследований проблем неэффективности государственного управления и экономических последствий политической коррупции в большинстве стран современного мира.

В рамках экономической науки проблематику Дугласа Норта продолжили Дарон Асемоглу и Джеймс Робинсон, которые предложили различие экстрактивных и инклюзивных институтов для объяснения различий в экономическом росте в различных странах мира. Данные авторы доказывают превосходство объяснений экономического роста в духе Норта по сравнению с альтернативными теориями экономического роста в рамках экономической науки. В дальнейшем Асемоглу и Робинсон перешли к использованию метафоры «Левиафана» (в работе «Узкий коридор») и к более широкому использованию исследований государства в социологии (например, они ссылаются на работы Майкла Манна).

Несмотря на явное движение экономистов в исследованиях институтов к широкому использованию данных других наук, для экономического понимания институтов характерны типичные недостатки экономического мышления. Можно утверждать, что в целом экономисты склонны к одномерному пониманию государственности. Экономическое понимание рациональности сводится к стратегической рациональности, институты и люди в понимании экономической науки избыточно рациональны.

При этом понятие «неформальных правил» лишь отчасти отражает важность социокультурной специфики различных государств и обществ. Ориентация на идеал «естественной науки» плохо сочетается с адекватным пониманием специфичности исторического знания, с пониманием историчности европейской науки как порождения специфической истории Европы. Короче говоря, специфика экономического мышления мешает адекватному пониманию формирования политических институтов и государств в ходе исторического процесса.

Дефицит историчности отсутствует у юридического понимания государства, но юристы слабо используют результаты исследований государства в других науках. Если у последователей Норта есть понимание необходимости использования данных других наук об обществе в силу явного отсутствия адекватного понимания государства в рамках собственно экономической науки, то юристы не осознают ограниченности и неадекватности юридического понимания государства. Своеобразным аналогом исследовательской программы Норта для юридической науки может стать работа Филипа Боббитта «Щит Ахилла», в которой автор предлагает понимание государства как порождения военной стратегии и права, и показывает влияние «эпохальных войн» на конституционное устройство современных государств. Для исследования Боббитта характерно прекрасное понимание роли истории в формировании современного «государства и права» в виде «конституционного государства».

Для собственно политической науки характерно, на наш взгляд, избыточно оптимистичное представление о возможности создания «хороших» политических институтов в ходе реформ государственного управления. Данное оптимистичное представление вначале было выражено в виде теорий модернизации, а затем в виде представлений о «демократическом транзите». Отдельные случаи «демократического транзита» являются аргументом для оптимистов в рамках политической науки. Но в реальности элиты не делятся властью с народом без веских оснований для перехода к демократии. В работе «Шок системы» исследователь демократизации Майкл Миллер показал, что довольно часто переход к демократии происходит в виде революции, и предложил использовать социологические исследования революций для понимания путей демократизации. Феномен революций сыграл важную роль в создании возможностей для феномена «демократического транзита».

В рамках социологических исследований революций ключевая роль государства была выделена в работе Т. Скочпол «Государства и социальные революции». В своей работе Скочпол предложила понимать революцию как крах старого государства и усилия по построению нового революционного государства. В своем понимании государства Скочпол опиралась на выработанную в позднем марксизме идею об «относительной автономии государства» от различных социальных сил в обществе. При этом Скочпол предложила существенно усилить «относительную автономию государства» по сравнению с представлениями в позднем марксизме. Идеи Скочпол развивали ее ученики Джек Голдстоун и Джефф Гудвин. Если Джек Голдстоун стремился создать многомерную теорию революции, и тем самым косвенно сократил ключевую роль государства в революционных процессах, то Джефф Гудвин сосредоточился именно на особенностях государства в революционных процессах. Особенности «слабых» государств, по мнению Гудвина, создают возможности для начала революции. Для описания особенностей «слабых» государств Гудвин использует понятие Майкла Манна «инфраструктурная власть», которое характеризует степень воздействия государства на общество (в том числе, в виде сотрудничества государства и гражданского общества), а также указывает на важность исключения населения из процессов управления и на уровень рациональности государственной бюрократии. Фактически Гудвин предложил свою версию многомерного понимания государственности для описания особенностей революционных процессов в «слабых» государствах второй половины XX в. Исследования Гудвина показывают важность многомерного понимания государственности для более точного понимания специфики революционных процессов, которые имели место в силу отсталости государственного управления, как в исторических государствах «старого порядка», так и в современных не демократических государствах.

В самом кратком изложении, наша версия многомерного понимания государственности предполагает, что государство есть диалектика стратегической рациональности и коммуникативной рациональности в смысле Юргена Хабермаса. В более упрощенной форме, на уровне здравого смысла, можно сказать, что государство — это диалектика войны и справедливости. Двигаясь от данного, максимально абстрактного понимания государства как интерсубъективной рациональности к уров-

ню жизненного мира граждан государства, необходимо выделить уровень Майкла Манна и Пьера Бурдьё. Социологические теории двух данных авторов позволяют уточнить механизмы воздействия государства на жизненный мир своих жителей.

Диалектика стратегической рациональности и коммуникативной рациональности пронизывает четыре источника социальной власти, по Майклу Манну. В военной власти и в экономической власти преобладает стратегическая рациональность, а в политической власти и в идеологической власти — коммуникативная рациональность, но везде есть диалектика двух типов рациональности. Каждый из четырех типов социальной власти не только власть в смысле Мишеля Фуко, но и агенты в социальном поле в смысле Пьера Бурдьё. Изначально социальных полей столько же, сколько источников социальной власти по Майклу Манну, но далее количество социальных полей становится существенно больше в силу усложнения институциональной структуры современного государства. Понимание человека (которого изучает история) как агента в социальном поле в смысле Пьера Бурдьё, позволяет соединить человека в революционных процессах с концепцией ситуации в социальной психологии и с концепцией социального конструктивизма в социальной психологии. Габитус агента соединяет государство и жизненный мир в поведении отдельного агента в его социологических и психологических описаниях.

Сети социальной власти реализуются в виде полей стратегического действия. В данные сети включаются вещи в смысле Бруно Латура, которые стабилизируют различные сети социальной власти в их специфичности реализации габитусов. Рыцарские доспехи и рыцарский конь создают рыцаря как габитус в сети военной власти, в поле стратегического действия рыцарей. Понимание идеологической власти как власти означает подчеркивание ее существования как стратегической рациональности. Но более точно описывать понимание идеологической власти у Майкла Манна именно как диалектики стратегической рациональности и коммуникативной рациональности. Если понимание идеологической власти просто эмпирически требует ее понимания как диалектики стратегической рациональности и коммуникативной рациональности, а не как «власти» в смысле Мишеля Фуко. То понимание военной власти, которое у самого Майкла Манна полностью соответствует пониманию «власти» по Мишелю Фуко или только стратегической рациональности по Хабермасу, важно понимать именно как диалектику двух типов рациональности, лишь с преобладанием, но не доминированием стратегической рациональности.

Данная диалектика позволяет понимать четыре источника социальной власти в виде множества полей стратегического действия, множества институтов и организаций, множества агентов со специфическими габитусами и множества сетей агентов и вещей (в которых вещи и агенты относительно равно важны по Бруно Латуру). Реализация государства как диалектики рациональностей на уровне жизненного мира может быть описана с помощью идей Майкла Манна, Пьера Бурдьё и Бруно Латура (в порядке уровней абстракции от Хабермаса к Бруно Латуру).

Предложенное многомерное понимание государственности как социальной реализации диалектики стратегической рациональности и коммуникативной рациональности должно позволить понять проблематичность понимания государства в революционных процессах как воли Бога в религиозной философии или как реализации «капитала» в различных марксистских трактовках государства.

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ КАК ИНСТИТУТ ТРАНСВЕРСАЛЬНОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ

Выполнено в рамках гранта «Убеждающая коммуникация в сетевой политической социализации российской молодежи», полученного в результате конкурса проектов научных исследований в сфере общественно-политических наук и проведенного Экспертным институтом социальных исследований (ЭИСИ) совместно с Министерством науки и высшего образования РФ и Российской академией наук.

Проблема социализации молодого поколения приобретает особый смысл в эпоху цифровой трансформации, когда Интернет, информационно-коммуникационные технологии и социальные медиа становятся неотъемлемой частью нашей повседневной жизни. На смену традиционным институтам первичной и вторичной социализации, к которым относились семья, школа, церковь, работа (Бергер, Лукман, 1995) приходят социальные сети, мессенджеры, которые создают новую — *phygital*-реальность (Tolstikova et al., 2020), когда молодежь перестает различать общение в реальной и виртуальной среде. Целью данной статьи является попытка оценить структурный контекст социальных сетей, влияющий на социализацию молодежи, на примере сетевого анализа студенческого сообщества «ВКонтакте» «Подслушано в Политех» (ИГАСУ) (https://vk.com/podslushano_politeh). Корпус данных составляет 2 945 узла — количество участников тестового сообщества. Сетевая карта строится на основании данных об идентификационных номерах пользователей и связях между ними, построенных исходя из коммуникационной активности (посты, комментарии). Данные выкачиваются из сообщества посредством парсера, написанного на языке Python. Визуализация и структурный анализ данных осуществляется при помощи кодов, написанных на языке R. Исследование носит разведывательный характер и представляет собой тестирование инструментария для дальнейших исследований по гранту «Убеждающая коммуникация в сетевой политической социализации российской молодежи», полученному в результате конкурса проектов научных исследований в сфере общественно-политических наук, проведенному Экспертным институтом социальных исследований (ЭИСИ) совместно с Министерством науки и высшего образования РФ и Российской академией наук.

Трансверсальность — это базовая характеристика сетевого общества (Пилипенко, 2021). Трансверсальность сетевого пространства выражается в гетерогенной запутанности, которая выражает проблему как социального пространства сетевого сообщества, так и проблему существования человека в *phygital*-реальности. «Линия становления не определяется точками, которые она соединяет, или точками, которые ее составляют; напротив, она проходит между точками, проходит через середину, проходит перпендикулярно первым воспринимаемым точкам, трансверсально локализуемому отношению отдаленных или смежных точек... Если становление является блоком (линейным блоком), то это потому, что оно образует зону близости и неразличимости, ничейную землю, нелокализуемое отношение, охватывающее две отдаленные или смежные точки» (Deleuze, Guattari, 1987). Таким образом, в основе идеи трансверсальности лежит возможность образования неконтролируемых горизонтальных связей, возникающих между индивидами в процессе общения. Сетевое сообщество является пространством формирования таких связей.

Трансверсальная социализация молодежи в социальных сетях проявляется через процессы индивидуации и сотрудничества. При этом индивидуация ценностей позволяет принимать роли лидеров, брокеров или пассивных участников (слактивизм) в трансграничном сетевом пространстве взаимодействия (Grandjean, 2016). Хотя индивидуация связана с приобретением дополнительных личностных характеристик, она происходит именно в группе и в отсутствие группы она теряет смысл. Солидарность или сотрудничество выражается через процессы структурной эквивалентности, принадлежности без тоталитаризации, проявляемой как проекты сотрудничества с целью убеждающей коммуникации (Steiny, 2008).

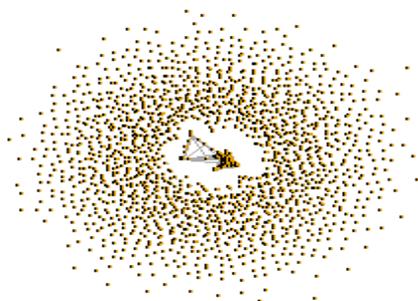

Рис. 1. Визуализация сети дружеских связей в сообществе «Подслушано в Политех»

Для определения контекста социализации молодежи в социальных сетях была выбрана небольшая студенческая группа «ВКонтакте» «Подслушано в Политех» (ИГАСУ) (https://vk.com/podslushano_politeh), что связано с ограниченными возможностями и мощностями R. Ее численность составляет 2 945 узлов (участников).

На рис. 1 представлена визуализация сети дружеских связей внутри данного сообщества, а на рис. 2 — визуализация взаимодействий на основе оставленных комментариев под постами модератора в данном сообществе. Визуализация выполнена на языке программирования R посредством пакета igraph.

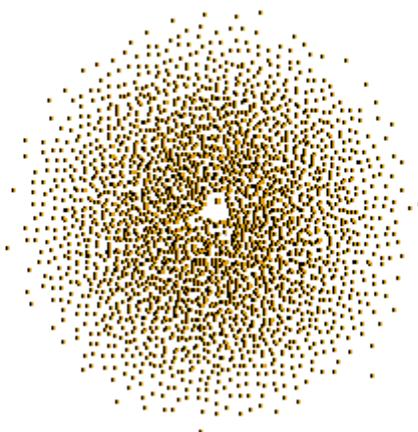

Рис. 2. Визуализация взаимодействий на основе оставления комментариев под постами модератора в сообществе «Подслушано в Политех»

Для фиксации процесса индивидуации ценностей участника, как одного из проявлений социализации в сети, будут использованы следующие структурные показатели взаимодействия в сети: центральность по собственному вектору и плотность сети, а в качестве структурной характеристики склонности к сотрудничеству и солидарности будем использовать центральность по посредничеству и коэффициенты кластеризации вершины. Трансверсальная социализация предполагает возможность формирования сотрудничества в сети на основе структурной эквивалентности, когда особую роль играет сила слабых связей (Granovetter, 1973). Тогда некоторые участники сети приобретают способность играть роль брокеров, которых можно идентифицировать благодаря центральности по посредничеству. Также можно использовать показатель кластеризации сети и коэффициенты кла-

стеризации вершин для идентификации способности последних к формированию кластеров внутри изучаемого сообщества.

Структурный анализ сети в сообществе «Подслушано в Политех» предполагает расчет коэффициента плотности сети, центральностей по собственному вектору и посредничеству, а также показателей кластеризации сети и вершин.

Таблица 1.

Центральность вершины по собственному вектору (список вершин с ненулевой центральностью по собственному вектору)

№	Id_узла	Имя	Центральность по собственному вектору
1	4244415	Сергей К.	0,19609
2	7790852	Палыч М.	0,06867
3	12585828	Оля В.	0,31812
4	15421014	Анатолий К.	0,01328
5	16877990	Дмитрий Кар.	0,14666
6	18604556	Светлана Х.	0,78866
7	23375418	Мария Аб.	0,39208
8	28609231	Алексей Б.	0,69913
9	30065143	Ара Ел.	0,29513
10	36077295	Ляна К.	0,00748
11	42067950	Максим Е.	0,00027
12	72803629	Андрей Ал.	0,95374
13	45616138	удален	0,79378
14	46074621	Антон Г.	0,78866
15	467334446	Валентина Б.	0,12870
16	54782226	Валентина К.	0,35258
17	75170406	Валерия А.	0,08079
18	76232162	Анна Ком.	0,01328
19	94826993	Максим Л.	0,00702
20	120936131	Константин Г.	0,28847
21	127961939	Анастасия Б.	0,280909
22	136189685	Андрей Ж.	0,31729
23	138858931	удален	0,11652

Расчет показателя плотности сети, представляющего отношение существующих связей ко всем возможным, составляет 0,00014, т. е. он демонстрирует слабую связанность между вершинами. Сеть является диффузной и полицентричной, что означает ее слабое воздействие на процесс индивидуации участников. Как продемонстрировал последующий анализ, сеть сообщества представлена 23 активными узлами из 2 945, что видно из показателей центральности по собственному вектору (табл. 1). При этом часть из них занимают более активную лидерскую позицию, чем другие. Например, это касается узлов Светлана Х. (0,78866), Алексей Б. (0,69913), Андрей А. (0,95374).

Для оценки структурного контекста сотрудничества были рассчитаны коэффициенты кластеризации, которые демонстрируют, что к формированию кластеров вокруг себя склонны те же самые вершины, которые имеют ненулевую центральность по собственному вектору (табл. 2). Однако в список также попали 6 вершин, которые не были в предыдущем списке активных пользователей: Дмитрий К., Николай Б., Мария Б., Анна Г., Андрей С., Андрей Спр. Расчет коэффициента кластеризации всей сети имеет довольно высокий показатель (0,827), который свидетельствует о том, что несмотря на диффузную, нецентрализованную структуру, сеть сообщества «Подслушано в Политех» в целом имеет высокую склонность к кластеризации.

Таблица 2.

Список узлов с ненулевым коэффициентом кластеризации

№	Узел	Имя	Коэффициент кластеризации
1	4244415	Сергей К.	0,5
2	7790852	Палыч М.	0,5
3	11958788	Дмитрий К.	0,5
4	12585828	Оля В.	0,5
5	15421014	Анатолий К.	0,5
6	16877990	Дмитрий Кар.	0,338
7	18604556	Светлана Х.	0,338
8	20617763	Николай Б.	0,5
9	23375418	Мария Аб.	0,195
10	28609231	Алексей Б.	0,318
11	30065143	Ара Ел.	0,327
12	36077295	Ляна К.	0,1
13	42067950	Максим Е.	0,5
14	42803629	Андрей Ал.	0,189
15	45616138	удален	0,245
16	46074621	Антон Г.	0,229
17	46733446	Валентина Б.	0,5
18	49450118	Мария Б.	0,5
19	54782226	Валентина К.	0,295
20	75170406	Валерия А.	0,5
21	76232162	Анна Ком.	0,5
22	77838050	Анна Г.	0,5
23	84858752	Андрей С.	0,5
24	94826993	Максим Л.	0,5
25	120936131	Константин Г.	0,275
26	127961939	Анастасия Б.	0,438
27	136189685	Андрей Ж.	0,5
28	137006347	Андрей Спр.	0,5
29	138858931	удален	0,364

Расчет центральности по посредничеству выявил 7 узлов (табл. 3), которые могут играть роль брокеров в сети, связывая отдельные кластеры. Они также есть и в списке активных участников с ненулевыми показателями центральности по посредничеству. При этом наиболее активными брокерами являются Мария Аб. и Антон Г.

Таблица 3.

Список узлов с ненулевым показателем центральности по посредничеству

№	Узел	Имя	Центральность по посредничеству
1	23375418	Мария Аб.	114,51
2	30065143	Ара Ел.	2,35
3	45616138	удален	16,21
4	46074621	Антон Г.	77,68
5	54782226	Валентина К.	24,43
6	120936131	Константин Г.	23,51
7	127961939	Анастасия Б.	2,43

Работа с большими сетями осложняется возможностью их детальной визуализации, перенося фокус исследовательского внимания на структурный анализ сети. В данном кейсе структурный анализ позволил идентифицировать активных акторов, которые влияют на процесс передачи информации и подражания (феномен структурной эквивалентности), как обязательных условий социализации, однако полноценный анализ роли сетевого сообщества в процессе трансверсальной социализации молодежи возможен только при условии качественного анализа контента в постах и комментариях, что является следующим этапом нашего исследования.

Литература и источники

- Deleuze G., Guattari F. *A Thousand Plateaus*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1987. P. 293–294.
- Grandjean M. A social network analysis of Twitter: Mapping the digital humanities community, *Cogent Arts & Humanities*, 2016. Vol. 3, No. 1, 1171458, DOI: 10.1080/23311983.2016.1171458
- Granovetter, M.S. (1973) "The strength of weak ties" // *American Journal of Psychology*, 1973. Vol. 78, No. 6, P. 1360–1380.
- Pylypenko, S. (2021). Human in the context of transversality of the network society. *The Journal of V. N. Karazin Kharkiv National University, Series "The Theory of Culture and Philosophy of Science"*, (64), 44–52. <https://doi.org/10.26565/2306-6687-2021-64-05>
- Steiny D. *Network Awareness Social Context and Persuasion* // Conference Paper, 2008. URL: https://www.researchgate.net/publication/220962739_Network_Awareness_Social_Context_and_Persuasion?enrichId=rgreq-258ec6f1d6287072540b8751b8d00c34-XXX&enrichSource=Y292ZXJQYWdlOzlyMDk2MjczOTtBUzoxMTQzMTI4MTEwMzYzNzUwN0AxNjY5NzY4MTM0OTAy&el=1_x_3&_esc=publicationCoverPdf (accessed 30.09.2023)
- Tolstikova I.I., Ignatjeva O.A., Kondratenko K.S., Pletnev A.V. *Generation Z and Its Value Transformations: Digital Reality Vs. Phygital Interaction* // *Digital Transformation and Global Society. 5th International Conference, DTGS 2020, St. Petersburg, Russia, June 17–19, 2020. Revised Selected Papers*. Springer. 2020. P. 47–60.
- Бергер П., Лукман Т. *Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания* / Пер. с англ. М.: Медиум, 1995.

*Л.Е. Ильичева (Москва),**А.В. Лапин (Москва)*

ЦЕННОСТНО-ОРИЕНТИРОВАННЫЙ ПОДХОД К ФОРМИРОВАНИЮ РЕГИОНАЛЬНОГО И МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗА БУДУЩЕГО

После Единого дня голосования 10 сентября 2023 г. фактически дан старт началу избирательной кампании по выборам Президента России в 2024 г., при этом Администрацией Президента поставлена высокая планка показателей, которые хотели бы видеть в Кремле по итогам голосования: желаемая явка избирателей — не менее 70 %, результат кандидата от власти — более 75 % голосов (Сайт РБК, 2023).

Решение этой задачи предполагает достижение такого уровня гражданского единения общества, которое обеспечит слияние многообразия идеалов, воли и действий отдельных индивидов в симфоническую целостность, формирующую необходимые предпосылки для решения актуальных задач развития страны в условиях СВО.

Очевидно, что успешное формирование гражданского единения возможно лишь на фундаменте прочной социальной стабильности, активно поддерживаемой согражданами, которые, в свою очередь, должны ощущать реальность защиты их прав и свобод, а также удовлетворение их материальных, культурных и духовных запросов. Но в определяющей мере исходный замысел гражданской консолидации зависит от реализации налаженного властью действенного взаимопонимания и сотрудничества с институтами гражданского общества и с рядовыми согражданами.

Ключевым фактором, консолидирующим наше общество, является наличие образа будущего страны или региона, в котором контуры потенциальных конфликтов пока не стали зримыми, политические акторы еще не предсказали направления главных ударов соперников в будущей политической борьбе, а в текущих объективных противоречиях социальных групп еще не предчувствуются зачатки будущей непримиримости.

Определяющее значение для оценки уровня социально-политической консолидации общества имеют факторы социально-экономического, социально-психологического и ценностного порядков, которые вступают между собой в отношения интерференции, взаимно усиливая или ослабляя некоторые параметры друг друга.

В этом контексте социально-экономическая политика государства формирует у граждан то или иное чувство удовлетворенности жизнью; генерирует чувство доверия между обществом и властью и межгрупповое доверие, а также развивает ценностные факторы, синтезированные из убеждений, верований и духа, наполняющих смыслами социальную консолидацию общества.

Сегодня основополагающие идеалы, ценности и нормы, способные мотивировать массы людей на созидательный труд, становятся главной движущей силой развития системы материального производства. Из этого следует, что образ будущего страны или региона должен быть релевантен тем высоким духовно-нравственным ценностям, которые соответствуют представлениям общества о величии России.

В свою очередь, образ будущего складывается из коллективного субъективного эмоционально-когнитивного видения этого будущего с позиций сегодняшнего дня, причем каждый индивид, намечая свое будущее, маркирует в нем свое целеполагание в формате желаемых целей и задач, которые откроют ему смысл его бытия и дадут возможность воплотить этот смысл в жизнь путем приложения собственных сил. Из этого следует, что в коллективный образ будущего неизбежно будет привнесён элемент «мечты», некоего «идеала».

В этом смысле образ будущего является в какой-то степени синтезом реальности и идеала, предметности и вдохновения, детализации и эмоций. Поэтому имманентно присущей индивиду задачей становится постоянное разрешение противоречия между своими личными способностями и желаниями, внутренними и внешними ограничениями и теми возможностями, которые предоставляет внешняя среда.

Все эти сложности ставят перед обществом проблему выбора формата образа будущего, к которому следует двигаться, так как этот формат, с одной стороны, должен быть достаточно конкретным

для того, чтобы процесс его достижения был управляемым, с другой стороны, — технологически достижимым при использовании существующих инструментов и технологий.

С нашей точки зрения российский коллективистский подход к образу будущего, который вобрал в себя ряд черт западного подхода, нацеленного на личный успех, и восточного подхода, фокусирующегося на внутренних человеческих духовных и эмоциональных состояниях. Это подход ярко проявился при формировании списка традиционных ценностей, утвержденных соответствующим указом Президента России (Указ Президента Российской Федерации 809, 2022). Так, например, в их число вошли либеральные ценности (жизнь, достоинство, права и свободы человека, созидательный труд), ценности, относящиеся к консервативной парадигме (патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, историческая память и преемственность поколений), и социалистические ценности (справедливость, гуманизм, милосердие, приоритет духовного над материальным, коллективизм, взаимопомощь и взаимопомощь, единство народов России).

Таким образом, власть предъявила обществу ценностные ориентиры, которые в целом были благоприятно восприняты гражданами как соответствующие их духовно-нравственным настроениям. С учетом того, что еще в 2018 г. Президент России В.В. Путин предложил формат обобщенного образа будущего страны (расширение пространства свободы, развитие благополучия людей, создание современной комфортной среды, обеспечение безопасности государства и общества) (Указ Президента Российской Федерации 204, 2018), можно говорить о том, что в государстве и обществе созрело ценностно-ориентированное понимание миссии страны, являющееся необходимым условием для перехода к активному реальному стратегическому планированию социально-экономического развития.

Этот переход следует осуществлять путем последовательной декомпозиции национальной миссии на отдельные региональные составляющие в следующей последовательности:

1. Выявление ключевых потребительских и духовно-нравственных ценностей, составляющих сущность регионального и муниципального образа будущего, выраженных в количественных и качественных характеристиках.
2. Формирование и утверждение стратегий достижения целевого состояния выявленных ключевых потребительских и духовно-нравственных ценностей.
3. Разработка на основании утвержденных стратегий государственных программ и конкретных проектов социально-экономического развития региона/муниципалитета.

Основная сложность процесса декомпозиции миссии состоит в том, что у разных политических, экономических и общественных акторов разные представления о том, как должны выглядеть эти ключевые потребительские и духовно-нравственные ценности, и какие проблемы будут мешать их достижению.

Для того чтобы изучить факторы, мобилизующие наше общество на достижение образа будущего, мы провели социологический опрос ряда регионов, в рамках которых мы постарались выявить, какие именно ценности исповедуют жители регионов и как эти ценности увязываются с их представлениями о будущем.

Всего в период с февраля по март 2023 года нами было опрошено 1 тыс. человек из десяти регионов России, которые с некоторыми допущениями можно рассматривать как усредненную совокупность российских регионов, поскольку они представляют разные федеральные округа и имеют характерные особенности, присущие большинству российских регионов (индустриальные, агропромышленные, национальные, отдаленные от центра и т. д.).

По результатам опроса самыми важными с точки зрения обеспечения безопасности и благополучия России в будущем респонденты считают соблюдение прав и свобод человека (39,5 % опрошенных), достижение единства народов России (39,3 %), доверие между властью и обществом (38,9 %), справедливость принимаемых в обществе решений (34,2 %), патриотизм общества (33,5 %) и формирование крепкой семьи (32,6 %). Это означает, что, по сути, граждане страны в своем большинстве продолжают исповедовать ключевые традиционные или, как сейчас говорят, «правильные» ценности.

Другими важнейшими факторами успешности построения своего будущего в части личной жизни респонденты видят в достижении своего благополучия и благополучия своих близких (65,4 % опрошенных), своего здоровья (62,9 %), своей безопасности (42 %), самореализации своего потенциала,

осуществления своего предназначения (37 %), а также своих прав и свобод как личности (35,1 %) и своей социальной защищенности (32,3 %).

Доминантными ценностями, имеющими высокую значимость для населения, являются: благожелательность (стремление к надежности и доверию между членами группы, преданность группе и забота о благополучии ее членов), безопасность (безопасность и стабильность общества в целом, а также безопасность непосредственного окружения членов общества) и самостоятельность (свобода развивать собственные идеи и способности, свобода определять собственные действия).

Отдельно нужно сказать о том, что ценности власти (стремление к влиянию посредством осуществления контроля над людьми, а также над материальными и социальными ресурсами), достижения (стремление к успеху в соответствии с социальными стандартами) и стимуляции (стремление к возбуждению, новизне и переменам) оказались менее всего востребованными жителями исследованных регионов.

Таким образом, свое будущее население регионов в большинстве, с одной стороны, желает выстроить в опоре на благополучии себя и страны, в комфортной и дружественной среде, в безопасном окружении и в духовно-нравственной гармонии, с другой стороны, население демонстрирует низкий уровень амбиций, недостаток творческой и инновационной активности, а также слабый предпринимательский дух.

Особенно рельефно проблемы формирования согласованной между уровнями власти стратегии развития России ощущаются на муниципальном уровне в связи с переоценкой реальной роли местного самоуправления в структуре публичной власти и вызванной этим подготовкой к возможному перераспределению полномочий между центром и регионами в масштабах всей страны.

Местное самоуправление, как наиболее близкий к гражданам уровень власти, испытывает давление и со стороны общества, которое предъявляет высокие требования к комфортной среде (благоустройство, социальное благополучие, экология, экономическая стабильность и проч.), и со стороны вышестоящих инстанций, которые возлагают на местное самоуправление значительные полномочия, не подкрепленные бюджетными либо внебюджетными ресурсами.

Вызовы, формируемые как извне, так и внутри страны, требуют адаптации властной вертикали под современные реалии, адекватного переустройства взаимодействия всех уровней власти и построения эффективной модели подчиненности, отвечающей интересам государства (сохранение суверенитета, целостности и самодостаточности) и общества (запрос на гражданскую безопасность, комфорт, консолидацию и т. д.).

В силу различных причин на уровне регионов и муниципалитетов продолжают действовать механизмы «ручного управления», которые позволяют эффективно решать текущие проблемы на местах в условиях дефицита бюджетных средств, но препятствуют формированию устойчивой долгосрочной стратегии развития, не привязанной к лоббистским возможностям и компетенциям конкретных должностных лиц.

Другим ключевым вопросом, стоящим перед региональной и муниципальной властью, является необходимость поиска ресурсов, обеспечивающих дальнейшее развитие страны. Одним из источников таких ресурсов в силу специфики исторического развития России могут выступать проекты государственно-частного и муниципально-частного партнерства. Однако это требует делегирования государством частным структурам ряда полномочий и вытекающей из них ответственности за обеспечение благополучия населения через реализацию соответствующих бизнес-проектов. Взаимувязка этих подходов требует глубокой научной проработки, основанной на опыте государственного строительства последних десятилетий и на реальной практике функционирования местного самоуправления.

Литература и источники

Сайт РБК. В Кремле обсудили «формулу» президентских выборов в 2024 году / 2 апреля 2023 года. URL: <https://www.rbc.ru/politics/02/04/2023/64297e629a7947fae31033c2>

Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 №204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027>

Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502>

Д.Б. Казаринова (Москва)

СНИЖЕНИЕ СОЦИАЛИЗИРУЮЩЕЙ ФУНКЦИИ ВЫБОРОВ В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДА К ОНЛАЙН-ГОЛОСОВАНИЮ ГЛАЗАМИ МОЛОДЕЖИ: РЕЗУЛЬТАТЫ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследование подготовлено при поддержке гранта ЭИСИ и Минобрнауки РФ № FSSF-2023-0032 «Параметры российской цивилизации: суверенитет, солидарность, идентичность».

В кризисном 2022/2023 г. со стороны российского государства виден очень четкий запрос на повышение чувства гражданственности, солидарности, проявления патриотизма как в молодежной среде, так и среди более старших слоев населения. Для этого государство прикладывает значимые усилия. Развитие программ гражданского и патриотического воспитания — всемерная забота государства на протяжении последних нескольких лет, затраты на которое неуклонно повышаются (Траты..., 2023) и эта тенденция сохранится как минимум на 2024 г. (Финансирование..., 2023) (рис. 1).

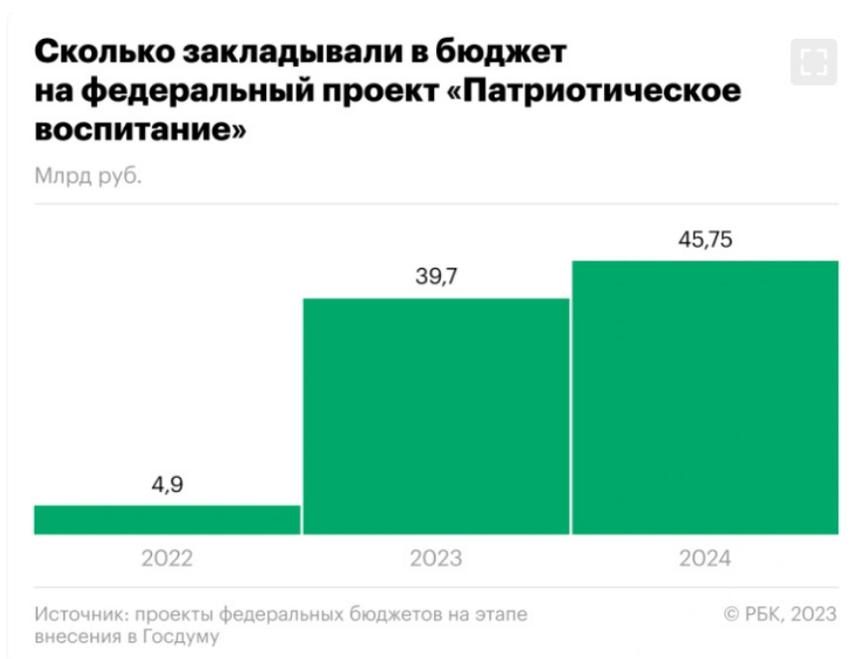

Рис. 1. Бюджетные расходы на проекты, связанные с патриотическим воспитанием. Источник: РБК (rbc.ru)

В связи с этим встает вопрос, все ли возможное предпринимает государство в этом отношении, и не теряет ли оно какие-то инструменты в процессе трансформации политических институтов, в частности, в процессе цифровизации? Институт выборов здесь является одним из примеров такого рода, требующим отдельного обсуждения.

Роль голосования (политического волеизъявления) в формировании и поддержании чувства гражданственности. В политической науке общеизвестны функции выборов как политического института: выражение интересов различных социальных слоев и групп; обеспечение возможности ротации власти и политических элит; формирование органов государственной власти; мирное разрешение конфликта между политическими силами и их лидерами, претендующими на власть; политическая социализация и мобилизация граждан. Последняя функция вызывает наибольший интерес в контексте нашего исследования.

Классические работы (Rose & Mossawir, 1967) фиксируют, что «...выборы являются одними из наиболее распространенных современных политических институтов, а голосование — это едва

ли не единственный акт политического участия, осуществляемый большинством взрослых в большинстве стран современного мира». О центральной функции выборов — легитимации режима написано также немало работ (Dennis, 1970), в том числе выборов с использованием процедуры ДЭГ (Баранов 2022, Арутюнов 2023).

Дж. Свенсон связывает идею экспрессивной рациональности (эмоции — основа поведения) с дебатами о гражданстве и политическом участии в Интернете. Он подчеркивает, что стратегии социализации, культурного производства и потребления, управления идентичностью и информацией акцентируются в цифровой, сетевой среде позднего модерна (Svensson, 2011). Вслед за М. Кастельсом (2001) он разделяет представление о сетевом индивидуализме как доминирующей форме социальности нашего времени. Он заявляет, что в эпоху Интернета происходит «преодоление объединяющих культурных рамок и индивидуализация, плюрализация, фрагментация общества в зависимости от потребления средств массовой информации, культурных интересов, образа жизни... Индивидуализация относится к отсутствию чувства социальной принадлежности и растущему чувству личной автономии. Другими словами, коллективное и традиционное утратило свою значимость в пользу нескончаемого проекта формирования индивидуальной идентичности» (Svensson, 2011). И в этих условиях интерактивные медиа и основанные на них культурные процессы переносят акцент на новые формы гражданственности и участия, отдав приоритет процессам идентификации, самореализации и самовыражения, а гражданская позиция становится более выразительной и более сетевой. То есть сетевой индивидуализм, с одной стороны, порождает новые формы гражданственности и групповых солидарностей, но при этом из восприятия уходит ощущение принадлежности к «воображаемому сообществу» (в терминах Б. Андерсона), опыт личного, не виртуального взаимодействия с этим сообществом в рамках политических процедур. Замкнутость в «цифровых пузырях» и «эхо-камерах» социальных сетей ведет к поляризации, расчеловечиванию образа политического оппонента, затрудняет восприятие альтернативных позиций и достижение компромиссов.

Молодежь и дистанционное электронное голосование (ДЭГ): результаты эмпирического исследования. Молодежь принято называть «цифровыми аборигенами». По умолчанию считается, что процессы цифровизации воспринимаются ею исключительно в позитивном контексте, а переход в онлайн-реальность — это надежный способ привлечь ее к конструктивному участию. Действительно, опросы общественного мнения показывают, что молодежь в целом скорее согласится воспользоваться новыми возможностями цифровизации при голосовании (табл. 4).

Таблица 4.

Распределение по возрастным категориям при ответе на вопрос «Как Вы относитесь к предоставлению возможности голосовать на выборах дистанционно, через Интернет?» (закрытый вопрос, один ответ, %)

Варианты ответа	Все опрошенные	18–24 года	25–34 года	35–44 года	45–59 лет	60 лет и старше
Скорее одобряю	46	71	51	44	46	37
Скорее не одобряю	49	26	48	53	50	53
Затрудняюсь ответить	5	3	1	3	4	10

Источник: ВЦИОМ

В то же время, среди не доверяющих инструментам ДЭГ всех групп населения наибольшее недоверие вызывала возможность умышленных манипуляций и мошенничества, техническая надежность системы, соблюдение тайны голосования (ВЦИОМ, 2020). Эти вопросы беспокоят как старшие группы респондентов, так и молодежь. Вопрос о том, насколько онлайн-практики являются, с одной стороны, прогрессивными и выводящими социальность на новый уровень, а с другой, — суррогатом офлайн-реальности и как к этим процессам относится молодежь — вопрос будущих исследований.

В попытке наметить основные проблемные моменты, связанные, в глазах молодежи, с заменой традиционных электоральных практик процедурой ДЭГ было проведено фокус-групповое исследование среди студентов московского вуза социогуманитарных специальностей, 20–25 лет, в рав-

ных пропорциях были представлены юноши и девушки. Среди информантов были граждане РФ и Кыргызстана. Все информанты имели опыт оффлайн-голосования, некоторые — оффлайн- и онлайн-голосования.

Среди основных сюжетов, которые удалось вычлениить в ходе беседы, представляют интерес для дальнейшего изучения следующие:

- В России складывается негативный имидж ДЭГ не только потому, что прозрачность процедуры, доверие к ее механизмам, вопрос о безопасности и анонимности данных вызывает сомнения, но и потому, что она *«раскалывает общественную дискуссию»*.
- Большинство информантов сошлись во мнении, что в традиционной очной процедуре выборов на избирательном участке *важен элемент символизма и участия в ритуале*.
- Для многих первое голосование представлялось как политическая «инициация», возможность впервые ощутить себя гражданином Российской Федерации, совершающего акт политического волеизъявления, как действенное приобщение (*не просто присутствие*) в ситуации, где есть государственная символика (паспорт, флаг, герб). При этом получение паспорта гражданина РФ определялось *«не как иницирующее, а травмирующее событие»*, сопряженное с бюрократическими хлопотами, где *«нет ничего торжественного»*.
- Информанты отмечали, что для них в этой ситуации была важна доброжелательность работников УИК, торжественность обстановки, *«атмосфера праздника»*, поздравления впервые голосующим.
- Интересно свидетельство информантки из Центральной Азии, которая указала на моду приурочивать день бракосочетания ко дню выборов. Свадьба на избирательном участке, таким образом, предстает как элемент «сакрализации» в семейно-брачной практике, при котором *новая семья соотносится с новым государством*, а гражданский выбор — с важнейшим жизненным выбором. В России подобные практики распространены гораздо реже (российские брачующиеся чаще посещают иные символические и сакральные объекты — монументы, мемориалы; представители традиционных культур отдают дань памяти предкам на кладбищах), однако ситуации «свадьбы на выборах» тоже встречаются, по визуальным свидетельствам в сети Интернет.
- Большинство информантов из РФ заявили, что больше доверяют оффлайн-процедуре: работникам УИК, которые могут оказаться знакомыми, соседями, учителями, и *материальным атрибутам выборов* — бумажным бюллетеням, урнам, в то время как информант из Центральной Азии больше склонен доверять онлайн-процедуре, где система электронного голосования будем импортной.
- Информанты заявили, что участие в выборах на избирательном участке позволяет *увидеть других людей, которые, вполне возможно, сделали иной выбор*. Личное участие позволяет ощутить *реальность этих людей, уважать их выбор*, что может способствовать достижению общественного консенсуса.
- Говоря о чувствах и эмоциях в ситуации онлайн- и оффлайн-голосования, информанты склонялись к мнению, что *очное голосование* дает ощущение *ответственности за выбор*, ощущения торжественности и даже *волнения*, которое подкреплялось *необходимостью инвестировать временные ресурсы*, а также наличие *«взгляда со стороны»*, *ответственность перед группой, которая окружает* (члены УИК, семья, соседи), *ощущение причастности к процессу управления, способности влиять на ситуацию*. А онлайн-процедура вызвала у некоторых (но не у всех!) такие чувства и ассоциации как *неудовлетворенность, ощущение игры в рулетку, ощущения, что твой голос растворяется в цифровом пространстве*. Информанты сравнивали онлайн-голосование с *дистанционным обучением, электронными деньгами на карте*, к которым отношение более легкое и несерьезное, один из информантов сказал, что онлайн-голосование на экране мобильного телефона *«похоже на опросник в ВК или Телеге, когда мы с друзьями решаем, куда пойти развлекаться»*.
- Большинство информантов связывали процесс оффлайн-голосования с *семейным опытом* (ходили на выборы семьей, обсуждали). Посещение избирательного участка выступало как *социально одобряемая практика*. Некоторые с детства видели, что *для родителей это*

важно. Таким образом, участие в электоральных процедурах предстает как важный элемент семейной политической социализации.

- Для некоторых информантов выборы на избирательном участке запомнились *праздничной, даже карнавальной (в костюмах) атмосферой, где можно публично заявить о себе.*
- Неожиданным выводом оказалось крайне противоречивое отношение к подаркам в ходе электоральных процедур. У большинства информантов был опыт получения *незначительных подарков, которые вызвали положительные эмоции: им дарили ручки, значки, обложки на паспорт, шоколадки.* Вместе с тем крупные подарки — *телевизор и автомобиль* — кажутся неуместными, *демотивирующими гражданское чувство, «платой за голос».* В этом смысле уместность и эффективность агитационно-пропагандистских материалов с акцентом на материальное поощрение участия в выборах (пример такого агитационного печатного материала — рис. 2), в частности в отношении различных групп молодежи, требует более детального изучения.

Рис. 2. Афиша акции «Миллион призов», совмещенной с дистанционным электронным голосованием на выборах мэра Москвы, которая смещала акцент с политического и гражданского выбора главы региона на «раздачу призов»

Источник: Афиша программы «Миллион призов»

Заключение. Со стороны государства растет запрос на повышение у граждан чувства ответственности, эмоциональной вовлеченности, приверженности общему делу, в особенности со стороны молодежи. Готовность молодежи к переходу к политическим практикам онлайн (в том числе выборам) выше, чем у остальных возрастных групп, но особенности реализации ДЭГ требуют дополнительного масштабного изучения.

Оставляя за скобками проблему доверия выборам в целом и электронным процедурам, в частности, необходимо обратить внимание на вторичную функцию выборов как социализирующей и часто политически иницирующей практики. По результатам эмпирического исследования удалось выявить, что оффлайн избирательные процедуры многим молодым людям кажутся значимыми для политической социализации, а отношение к онлайн и оффлайн-практикам голосования в значительной степени зависит от политической и психологической ориентации индивида, а также его привычек и жизненного опыта. В связи с тем, что «рациональный компонент в формировании политического доверия у молодежи достаточно слаб» (Попова и др., 2023), эмоциональная составляющая политических процессов, которые задают параметры политической социализации, не должна недооцениваться в ходе принятия политических решений.

Литература и источники

Dennis, J. (1970). Support for the Institution of Elections by the Mass Public. *American Political Science Review*, 64(3), 819–835.

Rose, R., & Mossawir, H. (1967). Voting and Elections: A Functional Analysis. *Political Studies*, 15(2), 173–201.

Svensson, J. (2011). The Expressive Turn of Citizenship in Digital Late Modernity. *JeDEM — EJournal of EDemocracy and Open Government*, 3(1), 42–56.

Арутюнов А.Г. Реализация и легитимация результатов дистанционного электронного голосования в регионах России: особенности городских и сельских практик // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. — 2023. — Т. 25. — № 3. — С. 738–751.

Баранов Н.А. От недоверия — к легитимации: трудный путь цифровых электоральных технологий на примере России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. — 2022. — Т. 24. — № 3. — С. 433–446.

Попова О.В., Гришин Н.В., Суслов С.И. Политизация массового сознания российской молодежи в 2022 г.: возможности оценки на основе статистического анализа // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. — 2023. — Т. 25. — № 2. — С. 471–485.

ВЦИОМ. Новости: Электронное голосование: новые технологии меняют электоральные привычки (wciom.ru)

Траты на патриотическое воспитание в России в два раза превысили план — РБК (rbc.ru)

Финансирование проектов по патриотическому воспитанию достигнет ₽46 млрд — РБК (rbc.ru)

*Е.А. Калашникова (Санкт-Петербург),
Д.А. Будко (Санкт-Петербург)*

ПОЛИТИЧЕСКИЕ МИФЫ В ВИЗУАЛЬНОМ СТОРИТЕЛЛИНГЕ В РОССИЙСКОМ СЕГМЕНТЕ ИНТЕРНЕТА

Проект № 123091200060-8 «Визуальный сторителлинг как технология формирования политического доверия в онлайн-пространстве» реализован в Институте научной информации по общественным наукам РАН по итогам отбора научных проектов, поддержанных Министерством науки и высшего образования РФ и Экспертным институтом социальных исследований.

Актуальность исследования обусловлена растущей значимостью визуального сторителлинга в современной политической коммуникации, что связано с тенденциями потребления медиаконтента. Понимание влияния визуального сторителлинга на формирование определенных политических убеждений и мнений через использование мифов является ключевым для эффективного взаимодействия с аудиторией и достижения коммуникативных целей.

Сторителлинг (от англ. *storytelling*) — это искусство рассказывания историй. В контексте маркетинга, коммуникативистики и политики, сторителлинг представляет собой форму дискурса, оказывающую воздействие на реципиентов через сочетание последовательности событий, структуры сюжета, персонажей и контекста. Такая стратегия не только подчеркивает факты, но и включает элементы нарратива, персональных историй, человеческих переживаний и конфликтов, делая сообщение более доступным для аудитории.

С развитием технологий и доступностью Интернета мощным инструментом воздействия на реципиентов стал визуальный сторителлинг — повествование посредством визуальных медиа: фотографии, видео, анимация, аудиофайлы и графические элементы (В.В. Толстых, 2017, 1).

«Мифологические» истории также могут рассказываться через визуальный сторителлинг как технологию (Фадеева, 2015, 152). Политические мифы представляют собой некий комплекс коллективных представлений (архетипов, стереотипов, ментальностей и т. п.), пришедших к нам из прошлого и влияющих на настоящее (Завершинский, 2015, 18), и имеют важное значение в современных политических коммуникациях, так как символизируют практики политического господства на уровне повседневных взаимодействий.

Современные политические мифы создаются целенаправленно (Кассирер, 1990, 62). Их связь с классическими древними мифами прослеживается в двухуровневой структуре: первый уровень — древние коллективные представления, пережитки веков, второй — элементы, связанные с текущей политической ситуацией и согласованные с ней. Такая структура делает политический миф уникальным явлением, которое отличает его как от древних мифов, так и от идеологических конструкций (Иванов, 2019, 69).

Наложение современной политической конъюнктуры на «архаические» сюжеты не только делает сообщение более доступным для восприятия широкими массами людей и запоминающимся, но и позволяет создавать идеализированные образы, вызывать эмоциональные реакции, создавать в сознании реципиентов определенные представления.

В этом контексте интересно изучение постов группы «ВКонтакте» «Национальные проекты России», выпускающей политический контент с целью информирования общественности о текущих государственных проектах и программах. Визуальные элементы этих публикаций могут использоваться с целью привлечения внимания к успешным инициативам государства, создания положительного образа власти, а также мобилизации общественной поддержки.

Цель исследования заключается в выявлении политических мифов, представленных в визуальном сторителлинге сообщества «ВКонтакте» «Национальные проекты России».

Исследование выполнено в рамках методологии структурализма, согласно которому именно рассказанная история является важнейшей составляющей мифа (Леви-Стросс, 2001). Методами ис-

следования выступили критический дискурс-анализ (Йоргенсен, Филлипс, 2008) и семиотический и неформализованный анализ визуальной составляющей видеороликов (Попова, 2010, 101–112).

Выборочную совокупность составили 265 видеороликов. Все они были опубликованы в официальном сообществе Национальных проектов России с 1 апреля по 30 сентября 2023 г., имели длительность от 15 секунд до трех минут и посвящены одному из проектов.

Приоритетные национальные проекты являются ключевым инструментом государственной политики России, направленным на решение важнейших социально-экономических задач. Официальное сообщество в социальной сети «ВКонтакте» насчитывает более 480 тыс. подписчиков. Так как национальные проекты реализуются в различных сферах и отраслях, целевой аудиторией социальных сетей выступают почти все граждане страны: «Национальные проекты России прямо сейчас делают жизнь людей в нашей стране лучше. Они охватывают все важнейшие сферы и реализуются во всех без исключения регионах.

Контент, в том числе в формате видео, выходит ежедневно. Все посты сопровождаются визуальными материалами: карточками, короткими видеороликами о конкретных национальных проектах, записями интервью, трансляциями мероприятий и т. д. Все материалы брендированы с помощью знака «Национальные проекты России».

Политический аспект контента сообщества «Национальные проекты России» интересен не только тем, что он направлен на повышение доверия граждан к власти и инициированным ей проектам и создание образа государства, но и тем, что посредством такой коммуникации транслируется и образ российского общества и гражданина.

Анализ видеосюжетов показал, что в контенте группы «Национальные проекты России» преобладают этиологические политические мифы, направленные на объяснение социально-политических и социально-экономических событий, явлений и изменений в российском обществе. Перемены к лучшему (реконструкция общественных пространств, использование инновационного оборудования, внедрение высокотехнологичного производства в различных отраслях, строительство и ремонт государственных учреждений) показываются через реализацию национальных проектов. Например, рассказ о заболевании и последующем выздоровлении молодого мужчины связан с важностью ранней диагностики и лечения, которые стали доступны благодаря нацпроекту. Это создает этиологический контекст для здоровья и благополучия не только этого мужчины и его семьи, но и всех граждан страны.

В основном сюжет этиологических мифов построен на демонстрации обновленного состояния объекта, видеоряда или комментариев граждан о том, как было раньше, кадров процесса внедрения новшеств. Зачастую сторителлинг построен на открытом противопоставлении ситуации до и после начала реализации конкретной программы. Например, как в видеоматериалах, посвященных нацпроекту «Жилье и городская среда».

Также необходимо отметить использование персонализированных мифов, которые в основном связаны с героизацией отдельных категорий граждан. Так, многие сюжеты посвящены идеализации образа учителя, что может быть обусловлено тем, что контент выходит в Год педагога и наставника. В таких видеороликах подчеркивается роль учителя в жизни каждого человека, общественная значимость данной профессии, демонстрируется тяжелый труд педагогов и всеобщая благодарность и уважение к ним.

Героический миф прослеживается в сторителлингах о гражданах, ставших участниками нацпроектов «Малое и среднее предпринимательство» и «Демография». Сюжет строится по схеме: герой сталкивается с отсутствием работы или со стагнацией в бизнесе, обращается за помощью к государству, затем следует развитие и расширение бизнеса или освоение новой востребованной профессии.

Одним из наиболее популярных сюжетов видеороликов о нацпроекте «Туризм и индустрия гостеприимства» является возвращение в «золотой век», который служит формой политического мифа, создавая образ идеального прошлого, возможность вернуться в которое есть у каждого гражданина. Такой сторителлинг подчеркивает значимость национальной культуры, традиций и истории, способствует формированию положительного образа различных субъектов государства для вдохновения граждан путешествовать по стране. В этих сюжетах активно используются элементы былин, сказок, ремесел, быта, истории и культуры народов, населяющих Россию, как средство укрепления национальной идентичности.

Визуальный сторителлинг «Национальных проектов России» строится и на идее всеобщего единения и согласия в российском обществе. Так, нацпроекты во всех отраслях объединяют людей разных возрастов, разных профессий, социальных статусов вокруг общих целей. Из многообразия инициатив архитектор выбирает солнечные батареи, дизайнер — этнофестиваль, школьник — IT-центр, пенсионерка — приложение для здоровья, но *«всех их объединяют лучшие проекты»*.

Однако самым главным проявлением единства в визуальном сторителлинге данного сообщества является семья как традиционная ценность российского общества. Именно семьи становятся главными героями большинства видеосюжетов о нацпроектах «Демография», «Здравоохранение», «Наука и университеты», «Культура», «Жилье и городская среда», «Туризм и индустрия гостеприимства» и др. Так, часть сюжетов посвящена роли семьи в поддержании здоровья и следовании здоровому образу жизни, другая — тому, как увлечения старших членов семьи сказываются на жизненном пути детей и внуков. Для донесения данных нарративов также используются знакомые сразу нескольким поколениям герои массовой культуры — например, Хрюша и Филя из популярной программы «Спокойной ночи, малыши!».

Анализируя образ государства и власти, на создание которых направлен визуальный сторителлинг «Национальных проектов России», необходимо отметить призывы к участию граждан в голосованиях, посредством которых выбираются объекты для реализации программ, подчеркивание значимости их мнения для благополучия государства и общества. Также активно используются кадры природы России: леса, реки, горы и озера, которые представлены как символы национальных богатств.

Таким образом, политический миф является неотъемлемой частью визуального сторителлинга, оказывая существенное воздействие на формирование общественного мнения и политической культуры. Его способность переносить сложные идеи через визуальные сюжеты делает его мощным инструментом в современных политических кампаниях и коммуникационных стратегиях.

В визуальном сторителлинге группы «Национальные проекты России» политические мифы отражают основные ценности и направления государственной политики, играют ключевую роль в создании образа экономически и социально благополучного государства. Через идеи, воплощенные в видеороликах, создается сильный положительный нарратив вокруг национальных проектов и их влияния на страну.

Широкое применение политических мифов в визуальном сторителлинге группы «Национальные проекты России» также направлено и на создание образа проактивных граждан, которые непосредственно участвуют в реализации инициатив, преобразующих общество и страну.

Через донесение успешных и вдохновляющих историй о простых гражданах, чьи жизни изменились благодаря национальным проектам, создается положительный образ этих инициатив как эффективных программ достижения социально значимых целей.

Литература и источники

Завершинский К.Ф. Политический миф в структуре современной символической политики // Вестник СПбГУ Международные отношения. 2015. № 2. С. 16–25.

Иванов А.Г. Нарративное измерение политического мифа // Вестник ТГУ Философия. Социология. Политология. 2019. № 49. С. 69–78.

Йоргенсен М.В., Филлипс Л.Дж. Дискурс-анализ. Теория и метод: пер. с англ. 2-е изд., испр. Харьков: Изд-во: «Гуманитарный центр», 2008. 352 с.

Кассирер Э. Технологии современных политических мифов // Вестник МГУ. Философия. 1990. № 2. С. 58—65.

Леви-Стросс К. Структурная антропология. Изд-во: ЭКСМО-Пресс, 2001. 512 с.

Национальные проекты России. [Электронный ресурс]. URL: <https://vk.com/nationalprojectsru>

Попова О.В. Фотография как объект политологического анализа // Вестник СПбГУ. Серия 6. Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. 2010. № 1. С. 101–112.

Толстых В.В. Визуальный сторителлинг в мультимедийной продукции СМИ [Электронный ресурс] // Журналистика в современном медиапространстве: глобализация, конвергенция, мультимедийность: материалы V Междунар. науч.-практ. интернет-конф. URL: <https://www.tsutmb.ru/nauka/internet-konferencii/2017/zhurnalist-v-sovr-media/3/tolstyh.pdf>

С.К. Калашникова (Санкт-Петербург),
М.Я. Погодина (Санкт-Петербург)

ГРАЖДАНСКИЕ ИНИЦИАТИВЫ И ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: ОПЫТ ДВУХ СТОЛИЦ

Исследование выполнено в СПбГУ при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта № 23-28-00933 «Политика идентичности в российских агломерациях в контексте международного опыта».

Исследователи сходятся во мнении, что наряду с государственными институтами, которые выступают ключевыми субъектами политики идентичности, а также основным интересантом формирования и укрепления различных видов территориальной идентичности, все большее значение приобретают формальные и неформальные институты гражданского общества, выступая локальными акторами публичной политики (Никовская, 2017).

Пространственные границы сообщества могут рассматриваться как объект гражданской ответственности жителя конкретной территории. В основе такого типа идентичности лежит культурно-социальная связь человека с определенным городом или населенным пунктом и его окрестностями. Практики трансформации окружающей среды, понимание значимости собственного вклада в развитие места, где живет человек, вовлеченность жителя в решение важных для сообщества проблем — все эти переменные могут свидетельствовать о наличии связи между устойчивостью региональной или локальной идентичности и стабильным развитием институтов гражданского общества.

Результаты зарубежных эмпирических исследований также подтверждают наличие корреляции между уровнем качества жизни регионального сообщества, чувством принадлежности к территории и такими характеристиками поведения жителей как уверенность в собственных силах, убежденность в стабильности общественного благополучия и активная гражданская позиция (Araújo de Azevedo, 2013).

Задача данного исследования — выявить примеры гражданских инициатив в Москве и Санкт-Петербурге, которые связаны с формированием или укреплением региональной или локальной идентичности жителей.

Команда московского проекта «Вспомнить всё» занимается сохранением архитектурно-исторического наследия Москвы: находит и восстанавливает старинные городские детали (вывески магазинов, дореволюционные люки, решетки и другие детали «старой Москвы»). В процесс вовлечены профессиональные реставраторы, историки архитектуры и краеведы, а финансирование осуществляется с помощью спонсорских взносов и краудфандинга. Среди восстановленных объектов команды значатся: мозаика Московского электродного завода, входной портал Анастасьинского рукодельного училища и другие уникальные приметы Москвы прошлого.

Просветительские проекты, направленные на знакомство с городом, занимают большое место в повестке столичных НКО. Фонд «БольшеЧемМожешь» инициировал проект «Беги и слушай», который объединил беговые тренировки с аудиопогружением в историю Москвы. Экскурсии проходят регулярно по разным маршрутам, а взносы за регистрацию поступают в Фонд для развития инклюзии в спорте.

Социокультурный проект «Развитие Беляево» (2018–2022) был направлен на формирование нового образа одноименной территории. Среди задач проекта: развитие локальной территории средствами культуры; сохранение истории района, его уникальности; исследование идентичности человека, места, времени. В 2019 г. на базе Галереи «Беляево» возник Центр идентичности — музей района, который стал площадкой для проведения встреч жителей города, открытых лекций, дискуссий, посвященных истории территории. Финансово проект поддержал Благотворительный фонд Владимира Потанина. Автор инициативы Юлия Балдина в интервью поделилась своим видением будущего проекта: «Мечтаю, чтобы район Беляево заметно преобразился. Чтобы жители больше инте-

ресовались историей своего района, своей семьи. Чаще ходили друг к другу в гости, ставили домашние спектакли, а летом сами организовывали уличные фестивали».

Музей Москвы до 2022 г. развивал схожий проект «Москва без окраин», который был посвящен локальной идентичности городских районов. Каждый выставочный сезон был связан с историей определенного района. Несмотря на государственное финансирование музея (является подведомственным учреждением Департамента культуры города Москвы), проект ставил своей задачей развить модель сотворчества и создавать экспозиции совместно с местными жителями, художниками и экспертами. Жители делились с Музеем собственными ценными экспонатами и воспоминаниями, выступая локальными экспертами в процессе общения с кураторами. На данный момент проект приостановлен, однако Музей Москвы продолжает реализовывать другие акции, связанные с городской и локальной идентичностью: конкурс видеороликов «Культурный код. Москва», серия лекций про городское пространство Москвы с онлайн-трансляциями, исследовательская лаборатория «Ориентирование на местности. Хохловская площадь» (совместно с РАНХиГС), Клуб юных москвоведов «Я знаю и люблю Москву» и др.

Региональная общественная организация «Эколого-культурное объединение «СЛОБОДА» — одна из старейших градозащитных организаций Москвы, которая ставит своей целью развитие местного сообщества через просветительскую деятельность. Одна из недавних инициатив организации — «Музей шаговой доступности» (февраль — сентябрь 2023 г.). Совместно с торговой сетью «Пятерочка» команда объединения организовала экспозиции современных художников, посвященные Басманному району на площадках магазинов. Кроме этого, в рамках проекта «Музей шаговой доступности» разработаны маршруты экскурсий и аудиогиды по территориям, прилегающим к магазинам, где располагаются экспозиции. Таким образом, авторы предлагают жителям Басманного района познакомиться с историей места, не отрываясь от повседневных дел.

Жители Москвы, как и петербуржцы, сталкиваются со схожими проблемами в области некачественной и нелегальной застройки. С 2021 г. инициативная группа москвичей каждую неделю собирается в районе Ивановской горки. Инициатива «Воскресные Хохловские Стояния» (по названию переулка) ставит перед собой задачу защитить старинный архитектурный ландшафт от новой застройки. По закону в данном районе запрещено возведение новых зданий: территория имеет статус объединенной охранной зоны, разрешена только реконструкция. Однако жители опасаются, что вместо восстановления стен старинной школы будет построено абсолютно новое здание, которое разрушит архитектурный ансамбль квартала. Целью активистов является не только защита места от незаконной застройки, но и популяризация исторических знаний об Ивановской горке. На сегодняшний день «Воскресные Хохловские Стояния» перестали быть локальным событием: все больше жителей Москвы присоединяется к сообществу.

Популярным форматом для НКО Санкт-Петербурга в сфере территориальной идентичности являются образовательно-просветительские проекты. Стоит отметить, что данный формат — один из самых «безопасных» с точки зрения участия организаций и активистов в публичной политике. Однако, несмотря на аполитичность подобных инициатив, они обладают большим потенциалом влияния на формирование представлений горожан о себе и о культурно-исторической среде, которая их окружает.

Региональная общественная организация «Институт Петербурга» является одной из самых значимых организаций в этой области. Он был создан еще в 1991 г. и активно функционирует более 20 лет. Организация ставит перед собой цель сохранения исторических знаний и культурных традиций Петербурга. Институт проводит отдельные курсы по истории и культуре города, открытые встречи и экскурсии. Организация сотрудничает с экспертами и краеведами для создания тематических лекций. Также на сайте Института можно найти различные тесты об истории, архитектуре и культуре города, например, «Несбывшийся Ленинград» (про неосуществленные городские проекты), «Тайный язык символов: театр и музыка» (предлагается расшифровать назначение зданий по представленным архитектурным деталям), «Дворцовая площадь» и др. Организация имеет достаточно большую аудиторию в собственной группе «ВКонтакте» (7 144 участника). Кроме этого, «Институт» реализует некоторые партнерские проекты с Александрово-Невской Лаврой, с Музеем истории Санкт-Петербурга, с поисковым отрядом «Озёрный».

Городские экскурсии по неочевидным и нетуристическим местам Петербурга востребованы среди жителей города. Так, группа «Петербург глазами инженера» объединяет более 15 000 подписчиков. Экскурсии в Фонарные бани, по Витебскому вокзалу, специальная экскурсия по «модерну Санкт-Петербурга», прогулки вокруг ст. м. «Елизаровская» и знакомство с историей рабочих кварталов Невского района проводятся практически каждый день. Также организуются открытые лекции, посвященные архитектуре города.

Конфликтный потенциал грозозащитного движения был ярко продемонстрирован в 2020–2023 гг. в ходе борьбы за сохранения Дома Басевича. Грозозащитная группа, включающая в себя более 500 участников (две группы ВК; 400 и 500 участников) противостоит решениям профильного комитета, который поддерживает снос и предлагает использовать территорию для строительства нового комплекса зданий для нужд Академии танца и Академического театра Бориса Эйфмана. Весь спектр средств онлайн-протеста был использован: письма губернатору и профильным региональным институтам власти; онлайн-петиция (1 896 подписей на 15 августа 2023 г.); репосты в социальных сетях поста, написанного от «имени Дома».

Еще одно направление гражданских инициатив связано с благоустройством города и экологической повесткой. «Центральный район за комфортную среду обитания» — одно из крупнейших сообществ города (более 19 тыс. подписчиков), которое определяет свою миссию как «создание комфортной среды для жителей на каждой улице, в каждом доме, в каждом дворе исторического центра города». Раздельный сбор мусора, сохранение исторических фасадов зданий, борьба с вандализмом — члены сообщества в дискуссионном формате обсуждают беспокоящие темы и активно участвуют в решении этих вопросов: организуют собрания, обращаются в органы власти, собирают петиции. Лидер сообщества Ярослав Костров в 2021 г. стал кандидатом в депутаты Законодательного Собрания Петербурга, мотивировав это решение тем, что «устал от несменяемых бездельников во власти».

Северный намыв территорий в Василеостровском районе стал событием, объединившим жителей острова в борьбе за право на благоустроенный и экологичный район. Сообщество выступает против нарушения экосистемы грунтовых вод, поднимая другие экологические проблемы, вызванные деятельностью застройщиков. Кроме того, на повестке остается вопрос благоустройства пляжей Василеостровского района.

Представляют интерес и индивидуальные проекты петербуржцев. В конце 2020 г. в СМИ широко освещалось творчество дизайнера-иллюстратора Ильи Тихомирова, который переосмыслил характерные черты районов города и опубликовал ряд постов в социальных сетях с шуточными гербами. Исторические особенности и ассоциации горожан, оформленные в визуальном формате, нашли широкий отклик у городского сообщества. Этот проект — яркий пример отражения особенностей районов города и их локальной идентичности в художественной форме.

Нами были проанализированы примеры гражданских инициатив и региональные кейсы, демонстрирующие высокий потенциал городского сообщества к самоорганизации и формированию региональной идентичности «снизу», через укрепление гражданского общества. В перспективе такие инициативы могут играть активную роль не только в поддержании и ретрансляции символических оснований региональной идентичности, но и в конструировании, создании новых уникальных смыслов.

Возникновение зачастую неформальных институтов гражданского общества мотивировано желанием группы единомышленников решить какую-либо городскую проблему. «Проблемный» механизм возникновения общественных движений определяет сферы деятельности новых организаций. Такими триггерами становятся вопросы сохранения историко-архитектурного наследия, проблемы благоустройства города, культурологическая и экологическая повестки. На примере культурологической повестки в Москве мы можем наблюдать, как инициативы граждан поддерживаются профильными органами власти, что плодотворно отражается на результатах проектов (охват участников, длительность, повторяемость акций). При наличии уже существующей системы конфронтации вектор развития инициатив НКО стремится в относительно «безопасную» и аполитичную зону, например, просветительские проекты в Петербурге. Таким образом, на сегодняшний день назрела необходимость поиска иных моделей публичной коммуникации между «старыми» и «новыми» субъектами политики идентичности. Формирование новых принципов горизонтального взаимодействия может стать базовым основанием для повышения эффективности данного политического курса.

Литература и источники

Araújo de Azevedo J.A., Ferreira Custódio J.M., Antunes Perna P.F. «Are you happy here?»: the relationship between quality of life and place attachment // Journal of Place Management and Development. — 2013. — Vol. 6. — No. 2. — P. 102–119.

Беги и слушай. Экскурсии по Москве (сообщество «ВКонтакте»). — URL: https://vk.com/run_and_listen (дата обращения: 07.08.2023).

Вспомнить всё. — URL: <https://remember.moscow/> (дата обращения 09.08.2023).

Защитим остров Васильевский (ЗОВ) (сообщество «ВКонтакте»). — URL: <https://vk.com/78zov> (дата обращения 07.08.2023); Мы против Северного намыва! (сообщество «ВКонтакте»). — URL: <https://vk.com/protivnamiva> (дата обращения: 07.08.2023).

Ивановская горка. — URL: https://www.facebook.com/groups/135687967131230?hoisted_section_header_type=recently_seen&multi_permaLinks=1241430519890297 (дата обращения: 09.08.2023).

Институт Петербурга. — URL: <https://institutspb.ru/> (дата обращения: 07.08.2023).

Музей Москвы. Москва без окраин. — URL: <https://bezokrain.moscow/> (дата обращения: 09.08.2023).

Музей шаговой доступности. — URL: <https://basmania.ru/projects/muzej-shagovoj-dostupnosti/> (дата обращения 09.08.2023).

Никовская Л.И. Роль гражданского общества в формировании гражданской идентичности и консолидации российского общества: политико-управленческий аспект // Вестник Воронежского Университета. — Серия: История. Политология. Социология. — 2017. — № 3. — С. 62–67.

Петербург глазами инженера (сообщество «ВКонтакте»). — URL: <https://vk.com/spbengineer> (дата обращения: 07.08.2023).

Предвыборная программа Ярослава Кострова. — URL: <https://vk.com/@mytndvor-kostrov-programma> (дата обращения: 07.08.2023).

Спасти дом Басевича! (сообщество «ВКонтакте»). — URL: https://vk.com/basevish_sos (дата обращения: 07.08.2023).

У районов Петербурга появились веселые гербы: скорее ищите свой. — URL: <https://www.fontanka.ru/2020/09/27/69483069/> (дата обращения: 07.08.2023).

Центральный район за комфортную среду обитания (сообщество «ВКонтакте»). — URL: <https://vk.com/mytndvor> (дата обращения: 07.08.2023).

Юлия Балдина. Интервью. — URL: <https://fondpotanin.ru/activity/museum-without-borders/history/yuliya-baldina/> (дата обращения: 09.08.2023).

ПАРЛАМЕНТАРИЗМ КАК ОСНОВА НАРОДОВЛАСТИЯ (К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИЧЕСКИХ СУДЬБАХ РОССИЙСКОГО ПАРЛАМЕНТАРИЗМА)

В истории российского парламентаризма с момента его зарождения до современного периода можно выделить четыре крупнейших этапа, характеризующие специфику этого явления на каждом из них по отдельности.

Первый этап, определяемый как этап протопарламентаризма, охватывает период с древнейших времен до XIII в. Данный этап связан с зарождением первых центров русской государственности в Новгороде, Пскове и образованием первого русского государства — Киевской Руси.

Для древнерусских земель организация власти на основе демократических принципов не была чуждым явлением. В Новгороде и Пскове всегда функционировало народное вече, в компетенцию которого входило принятие законов, назначение должностных лиц, приглашение князя, заключение торговых соглашений с заморскими соседями. Дальнейшая трансформация политической системы этих земель превратила их в феодальные республики (Гаман-Голутвина, 2016, 154).

По схожему сценарию развивались события и в Киевской Руси. Все эти практики свидетельствуют о зарождении первичных институтов парламентаризма в политической системе страны. Однако начавшиеся княжеские междоусобицы и последовавшее за ними татаро-монгольское завоевание прервали процесс продвижения Древнерусского государства к демократическим моделям развития.

Второй этап (XIV—XVII вв.) связан с появлением Московского централизованного государства, опирающегося на сословно-представительное правление, и постепенным его перерождением в абсолютистское государство. После свержения татаро-монгольского ига центростремительные тенденции становятся доминирующими в трансформационных процессах. Образование нового национального государства сопровождалось не демократизацией общественной жизни, а централизацией власти, приведшей к установлению деспотического единоначалия, действовавшего вне правового поля в ущерб установлению законосообразной власти.

Зарождение сословно-представительной монархии было обусловлено социально-экономическими и политическими особенностями развития общества. Если появление сословно-представительных органов в Европе было результатом борьбы верховной власти с городами и обществом, развития «институтов выборной демократии, прав и свобод личности, которые формировались вслед за развитием капитала: торгового, промышленного и затем финансового» (Аксенова, 2016, 31), то в России они появились из административных потребностей. Если европейские сословно-представительские органы продолжали борьбу с верховной властью за свои права, то российские никогда не переходили в оппозицию царю.

Представительные учреждения России XVI—XVII вв. были явлением почвенного происхождения, а не заимствованными. В отличие от европейских аналогов, по ряду причин им не удалось утвердиться в политической системе страны. По мере упрочения царствующей династии и роста правительственных возможностей центральная власть все меньше нуждалась в помощи представительного органа; общество, раздираемое межсословными противоречиями в условиях отсутствия общегражданских и политических прав, было не в состоянии вести борьбу и отстаивать свое право участия в управлении государственными делами через соборное учреждение. Земское представительство прекратило свое существование с усилением централизации в управлении и завершением процесса закрепощения всех сословий (Ключевский, 2009, 644).

Третий этап (XVIII в. — до 1917 г.) в истории российского парламентаризма может быть охарактеризован как движение от абсолютизма к буржуазному парламентаризму.

В первой четверти XVIII в. на смену сословно-представительной монархии приходит абсолютная монархия. Преобразования Петра I, государственные реформы Екатерины II, безусловно, сыграли важную роль в переходе страны от отсталых во всех отношениях феодальных порядков к европейским способам организации государственного устройства и общественной жизни. Однако после-

дующая социально-экономическая и политическая практика, применяемая наследниками престола, не содействовала дальнейшему развитию страны и стала причиной значительного отставания России от западноевропейских стран.

В российской научной литературе принято считать, что появление парламентаризма в России в современном его понимании связано с царским «Манифестом об усовершенствовании государственного порядка». Манифест коренным образом менял государственное устройство России. При выстраивании новой иерархии управленческой структуры на основе принципа разделения властей выбор был сделан не в пользу европейского варианта, основанного на рациональном подходе к ветвям государственной власти с четким распределением их полномочий, а в пользу евразийского, рассматривающего разделение властей в качестве инструмента по ограничению власти государя. Такая трактовка разделения властей вряд ли могла привести к оформлению основ конституционного строя. Более того, «исполнительная власть даже после создания парламентского учреждения делала вид, что в структуре власти ничего не изменилось» (Панов, 2002, 66).

В начале XX в. попытка реализации в России западного варианта разделения властей и парламентаризма не увенчалась успехом. Проблема укоренения демократических ценностей в России начала XX в. видится не в том, что «в стране было по-прежнему самодержавие, или не было всеобщего голосования, и не в том, что царь не присягал конституции, а только в том, что конституционный строй в России не был основан на развитом гражданском строе, который всегда является необходимой основой для всякой конституции. На самом деле как раз неразвитость гражданского строя, отсутствие гражданских свобод и привели к исчезновению политической свободы, к крушению на долгие годы идей парламентаризма в России» (Усанов, 2008, 420), а в период с октября 1917 г. и до начала 90-х гг. XX в. в стране действовала особая система организации государственной власти, не имевшая аналогов в мире. Она была построена на принципиально иных основах.

Четвертый этап в истории российского парламентаризма берет свое начало со времен реформ М. С. Горбачёва. По мере углубления реформ вопросы политической модернизации актуализировались, и программа политических реформ была предложена XIX партийной конференцией (1988). Главная идея заключалась в передаче всей полноты власти Советам и лишении ее КПСС, также предлагалось дополнить представительную демократию прямой через народные референдумы, на рассмотрение которых должны были быть вынесены наиважнейшие вопросы. Параллельно с признанием Съезда народных депутатов как формы непосредственной демократии отстаивалась и идея сильной исполнительной власти во главе с всенародно избранным президентом. В РСФСР более радикально настроенные силы ускоряли процесс политических преобразований, ставили в повестку вопросы о разделении властей, разграничении полномочий и т. д.

Самые принципиальные изменения в политической системе России были связаны с введением поста Президента РФ и дальнейшим перераспределением полномочий между ветвями власти. Съезд народных депутатов по-прежнему имел статус высшего органа государственной власти.

Российская представительная власть периода перестройки сочетала в себе черты как органа, выступавшего антуражем партийных структур, так и парламентской структуры, в недрах которой зарождались первые зачатки парламентской деятельности, где депутаты, избранные на свободных выборах, вели законотворческую работу на профессиональной основе. Эти процессы стали реальностью благодаря попытке возврата к раннесоветским формам демократии, однако отсутствие системности в проведении политических реформ постепенно приобретало деструктивный характер, следствием которого стали ослабление государственности, расшатывание межреспубликанских связей и, в конце концов, распад Советского Союза.

Съезд народных депутатов можно рассматривать как одну из форм классической представительной демократии. Он мало чем был похож на европейский парламентаризм. Парламент сталкивался с трудностями, которые были порождены неразвитостью партийной системы, отсутствием устойчивых депутатских объединений в парламенте и создавали большие просторы для маневров со стороны президента для продвижения личной политики, подбора кадров и т. д. (Шейнис, 1992, 52–62). Тем не менее, Совет народных депутатов как парламент был уникальным явлением в истории современной России. Его значение заключалось в том, что впервые за долгие годы отсутствия реального

парламентаризма в стране появился орган, который выполнял реальные законодательные и представительские функции в системе властей.

К середине 1993 г. отношения между законодательной и исполнительной властями резко обострились. Усилившиеся разногласия не могли не отразиться на работе Конституционного совещания, которое разрабатывало проект нового основного закона. При составлении проекта многое было взято из американского опыта государственного строительства, основывающегося на концепции полезного государства. Данная концепция предусматривает проведение периодических выборов с целью легитимации власти и отчетности избранной власти перед своим электоратом о выполнении своих предвыборных обещаний. В рамках данной концепции гражданскому обществу отводится решающая роль по контролю, корректировке и направлению процессов элитообразования, смены власти, внедрению инноваций в политическую систему. Авторы проекта обращались и к концепции конституционной демократии, суть которой сводится к ограничению прямого народного участия в делах государственного управления. Однако на заседаниях Конституционного совещания был выявлен ряд разногласий по концептуальным моментам. Разрешением разногласий стали пересмотр основополагающих моментов, отказ от многих аспектов американской конституционной модели и обращение к опыту континентальной Европы. Особым интересом пользовались практика французской системы сдержек и противовесов с доминирующей ролью президента и германский федерализм. В результате Конституция РФ стала «конституционным эквивалентом европейского аэробуса, собранного из деталей, изготовленных в несколько странах» (Шарлет, 1999, 18).

В заключение отметим, что появление народного представительства в России, в отличие от западноевропейского, было продиктовано не целью ограничить власть, а для того чтобы выстроить и укрепить ее. Как показывает опыт российской государственности, народное представительство обычно появлялось в переломные моменты истории, когда власть либо исчезала (Смута начала XVII в., 1917 г., 1991 г.), либо существенно ослабевала (начальный этап правления Ивана Грозного и Екатерины II, первая русская революция 1905–1907 гг., период горбачевской перестройки и дальнейшего развала СССР). После достижения консенсуса и установления относительной стабильности в обществе исполнительная власть в отношении институтов народного представительства проводила политику подчинения их своему влиянию и превращения этих органов во второстепенные элементы политической системы, что происходит и сегодня.

Литература и источники

Аксенова О.В. Модернизация или развитие: традиционалистские основания прогресса в России // Власть. 2016. № 9. С. 31–36.

Гаман-Голутвина О.В. Реальность и мифы современной отечественной политической культуры // Полис. 2016. № 2. С. 153–159.

Ключевский В.О. Курс русской истории: Полное издание в одном томе. М.: «Изд-во АЛЬФА-КНИГА», 2009. 1197 с.

Панов П.В. Трансформация политических институтов в России: кросстемпоральный сравнительный анализ // Полис. 2002. № 6. С. 58–70.

Усанов В.Е. Становление и развитие парламентаризма в России: историко-правовое и критическое исследование. М.: ООО «Изд-во “Элит”»? 2008. 896 с.

Шарлет Р. Правовые трансплантации и политические мутации: рецепция конституционного права в России и новых независимых государствах // Конституционное право: восточно-европейское обозрение. 1999. № 2. С. 14–21.

Шейнис В.Л. Судороги российского парламентаризма // Полис. 1992. № 3. С. 52–62.

ПЕРСПЕКТИВА ИССЛЕДОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ ИНТЕРНЕТ-МЕДИА: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД И ЕГО АЛЬТЕРНАТИВЫ

Наиболее важным явлением, сильно изменившим современные поведенческие практики и общественные институты, стало появление и распространение сети Интернет и связанных с ней новых форм медиа и коммуникации. Высокий уровень доступности информации, неограниченные возможности ее создания и распространения трансформировали все сферы жизни общества.

Место, занимаемое теорией медиатизации в научном дискурсе, является дискуссионным вопросом, потому что она находится на стыке медиаисследований и социальных наук (Hoover, 1996, 260). Этому тезису противопоставляется, что границы дисциплин — это не функциональное, искусственное построение в современных исследованиях (Martino, 2020, 482). На данный момент медиатизация не просто рамка для изучения локальных групп, она обладает потенциалом стать альтернативой теориям высшего уровня (Lundby, 2016, 28–36). Исходя из этой установки Ф. Кротц сформулировал ракурс рассмотрения медиатизации как «мета-процесса» наравне с глобализацией (Krotz, 2009, 21–40).

Термин «медиатизация» происходит от латинского слова *media*, что в прямом переводе означает «посредник». Термин первым ввел Э. Мангейм в 1933 г. в работе «Общественное мнение и его социальные источники» (Manheim, 1979). Ю. Хабермас использует термин также на немецком для обозначения политического посредничества партий между государством и человеком (Vowe, 2006, 432). М. Маклюэн одним из первых выдвинул концепцию анализа общественных процессов через изучение доминирующего в обществе медиа. «Медиум» выступает средой, которая имеет возможность воздействовать на общество и обладает внутренней динамикой (Маклюэн, 2004, 432). В концепции публичной сферы и коммуникативного действия Ю. Хабермаса делается акцент на процесс рационализации и потерю обладания человеком собственного жизненного мира через системные императивы, в которые включаются медиа как часть этих императивов (Habermas, 1984).

Именно два тезиса Маклюэна и Хабермаса заимствует Д. Томпсон, который впервые применяет рамку «медиатизации культуры» в книге «Медиа и современность. Социальная теория медиа» (Thompson, 1995). Позднее медиатизация культуры определяется как процесс, который охватывает все общество наравне с глобализацией, коммерциализацией и индивидуализацией (Livingston, 2009). В этом процессе медиа выступают как агенты крупных культурных и социальных изменений, но ядром являются именно общественные преобразования, а не сами медиа или технологии.

С. Ливингстон определила медиатизацию как «метапроцесс, посредством которого повседневные практики и социальные отношения исторически формируются посредством опосредующих технологий и медиаорганизаций» (Livingston, 2009). Альтернативным является уже упомянутое определение Ф. Крётца, который рассматривает медиатизацию как метапроцесс, связанный с глобальными изменениями и объединением социальных процессов медиа во все более сложные организационные модели (Krotz, 2009).

В рамках теории медиатизации можно выделить три полноценных оформившихся направления — институциональное, социально-конструктивистское и фигуративное. Между ними есть как сходства, так и различия. Например, все направления ориентированы на то, какой эффект оказывают медиа на изменение в обществе и как изменяются социальные практики под влиянием медиа (Kruger, 2018).

Институциональная рамка была впервые сформулирована в трудах С. Хьярварда и получила развитие в работах его коллег, последователей и критиков. Медиатизация рассматривается им как исторический, преобразующий процесс, в ходе которого разные сферы общества становятся более зависимыми от медиа и их образа действия (используется понятие *modus operandi*) (Hjarvard, 2018).

Медиа рассматриваются как отдельная область, обладающая собственным влиянием на другие социальные области или системы. Это, с одной стороны, ставит вопрос о конкретизации самой идеи логики медиа (Strömbäck, 2008, 228–246), а с другой указывает, что в условиях глубинной медиатизации, когда медиа проникают во все большее количество областей и становятся буквально повсеместными (Livingstone, 2009, 239–258).

Изучение трансформации практик в рамках институционального направления возможно благодаря пониманию медиа в двух измерениях. Во-первых, как совокупности технологий, позволяющих расширять человеческое общение во времени, пространстве и модальности (Hjarvard, 2018). Во-вторых, как «внешние» по отношению к обществу, автономные институты, которые могут использоваться организациями и индивидами как «внутренний» ресурс для коммуникации (Hjarvard & Lundby, 2018). Подобное двойственное понимание позволяет рассматривать медиа как одновременно находящиеся «снаружи» общества в качестве отдельного института, так и в качестве важного фактора на локальном уровне во множестве измерений повседневности.

Важной составляющей института медиа является уже упомянутая собственная «логика медиа», образ действия. Это определение позволяет конкретизировать особенность феномена, сфокусироваться на организации контента. Это понятие воспроизводит тезис Маклюэна о важности не столько содержания сообщения, сколько его формата. Конкретно понятие «логика медиа» было предложено Д. Алтейдом и Р. Сноу (Altheide and Snow, 1979). Они понимали ее как форму коммуникации, которая формирует интерпретацию мира, транслируя информацию особым образом. Хьярвард рассматривает это понятие через институциональную призму, согласно которой все институциональные контексты обладают набором логик, в совокупности создающих образ действия (*modus operandi*); логика медиа — это принципы функционирования в области медиа.

Хьярвард постулирует, что описанная «логика медиа» имеет как сходства, так и важные различия с тем принципом, как функционируют современные сетевые медиа. Опираясь на тезис А. Каммера, он отмечает, что между логиками существует процесс конвергенции. Дополнение Дж. Вебстера говорит, что сетевые медиа не только создают разнообразие используемых медиа, но и задают параметры популярности в них (Kammer, 2013).

Хьярвард конкретизирует, что логика медиа структурирует способы взаимодействия людей, групп и организаций не как определяющий фактор, а именно как фактор обуславливающий, делающий ту или иную ситуацию возможной, но ограничивает и структурирует социальное взаимодействие (Webster, 2014).

Под влиянием критики институционального направления появляются социально-конструктивистское направление и фигуративное направления. Социально-конструктивистское начало оформляется почти одновременно с возникновением институционального (Herp, 2009, 139–157). Направляющей работой социально-конструктивистского направления является книга «Медиатизированное конструирование реальности» (Couldry and Herp, 2017). Обозначенное проблемное поле включает эпистемологические вопросы современной теоретической социологии, пересмотр существующего ракурса понимания и интерпретации понятия «социального», связанного с осмыслением соотношения реальности и медиа. Сложность осмысления связки «реальность и медиа» заключается в цифровом характере последних, и в ускорении темпов и усложнении характера развития технологий.

Результаты работ в социально-конструктивистском направлении подчеркивают, что преобразования, связанные с изменениями медиа, неоднородны, а медиа трансформируются сами и трансформируют практики и институты в сложном и разделенном социальном пространстве, а не представляют собой единую логику медиа, которая одновременно трансформирует все социальное пространство сразу (Couldry, 2008). Хьярвард отмечал, что человеческое общение обусловлено формой медиа, так как они отличаются по своей форме и специфике (Hjarvard, 2008). Пользуясь этой посылкой, А. Хепп делает противоположный вывод, указывая, что медиа формируются в зависимости от инфраструктуры, обуславливающей коммуникацию (Herp, 2013). Поэтому медиа и являются одновременно не только институционализацией, но и материализацией практик коммуникации, значит, не являются самостоятельной социальной сферой: они уже включены коммуникацию (Там же).

Хепп приводит в пример рассмотрение семьи, указывая, что при применении институциональной призмы возникают неразрешимые вопросы, связанные с трансформацией способов коммуникации семьи (Herp, 2020). В другой работе А. Хепп указывает, что невозможно точно зафиксировать, что является движущей силой социальных изменений. Потому что коммуникация и следующее за ней конструирование культуры и общества опираются не на одно медиа-средство или логику медиа, а на множество медиа-средств сразу, которые работают вместе, поэтому изучения одного медиа-аспекта изменения коммуникации недостаточно, необходимо обратиться к анализу множества медиа.

Это сподвигает исследователей обращаться к созданию новой призмы, в которую разные авторы называют по-разному — «многообразии медиа» (Couldry, 2012), «полимедиа» (Madianou & Miller, 2013), «трансмедиальности» (Evans, 2011).

Именно третье фигуративное направление обладает более широким фокусом. Коммуникативные формы — это основные «строительные блоки» для создания реальности, поскольку именно они позволяют людям согласовывать действия и мотивы (Knoblauch, 2013). Продолжая эту мысль, А. Хепп и У. Хазебринг постулируют, что люди создают культуру и общество как составные элементы реальности именно через коммуникацию, а медиа выступают тем, что направляет и институционализирует процесс коммуникации (Hepp and Hasebrink, 2013, 257).

Поэтому для осуществления трансмедиального анализа нужна промежуточная концепция коммуникативных фигураций, которая способна выйти за рамки медиатизации и обратиться к более широкому вопросу — исследованию символического взаимодействия. Сам термин «фигурация» заимствуется из социологии Н. Эллиаса, и означает концептуальный инструмент, используемый для понимания социокультурных явлений (Elias, 1978, 187).

Поэтому перспектива использования институционального направления уже содержит весьма большое количество лакун. Центральная категория «логики медиа» обращается к рассмотрению медиа в качестве самостоятельной и отдельной. Это не предоставляет возможности рассмотреть современные общественные явления, например, так как в них отсутствуют именно медиа, которые бы оформились в полноценный самостоятельный институт, например СМИ. Фигуративный же подход предоставляет инструментарий для исследования дискурса, который воспроизводится в сообществах. Фигуративное направление фокусируется, в первую очередь, на выявление коммуникативных переменных, которые соединяют между собой разные форматы коммуникации.

Литература и источники

- Altheide, D.L., Snow, R.P. (1979) *Media Logic*. Beverly Hills, CA: Sage.
- Averbeck-Lietz, S. (2014). Understanding mediatization in “first modernity”: Sociological classics and their perspectives on mediated and mediatized societies. K. Lundby (ed.) *Mediatization of Communication. Handbook of Communication Science*. Berlin: de Gruyter. Pp. 109–130.
- Couldry, N. & Hepp, A. (2017) *The mediated construction of reality*. Polity Press, Cambridge.
- Couldry, Nick (2008) *Digital storytelling, media research and democracy: conceptual choices and alternative futures*. In: Lundby, Knut, (ed.) *Digital storytelling, mediatized stories: self-representations in new media*. Digital formations (52). Peter Lang Publishing, Inc., New York, NY, USA, pp. 41–60.
- Couldry, Nick. 2012. *Media, Society, World: Social Theory and Digital Media Practice*. Cambridge: Polity Press. P. 16.
- Elias, Norbert (1978): *What is sociology?* London: Hutchinson. 187 p.
- Evans, Elizabeth (2011): *Transmedia television: audiences, new media, and daily life*. London: Routledge.
- Habermas, J. (1984) *The Theory of Communicative Action*. Boston, MA: Beacon Press.
- Hepp, A. (2009) *Differentiation: Mediatization and Cultural Change*, in Lundby, K. (ed.) *Mediatization. Concept, Changes, Consequences*. New York: Peter Lang, pp. 139–157.
- Hepp, A. (2013). *Cultures of mediatization*. Cambridge: Polity Press, pp. 54–68.
- Hepp, A. (2020). *Deep mediatization*. London and New York: Routledge. P. 8.
- Hepp, A. *Mediatization. A Panorama Of Media And Communication Research*. *Mediatization and Sociolinguistic Change*, edited by Jannis Androutsopoulos, Berlin, Boston: De Gruyter, 2014, pp. 49–66. <https://doi.org/10.1515/9783110346831.49> P. 50
- Hjarvard S. (2013) *The Mediatization of Culture and Society*. London: Routledge, pp. 27–30.
- Hjarvard, S., (2018). *The Logics of the Media and the Mediatized Conditions of Social Interaction*. *Media Logic(s) Revisited: Modelling the Interplay Between Media Institutions, Media Technology and Societal Change*. Chapter: 4. Publisher: Palgrave Macmillan Editors: Caja Thimm, Mario Anastasiadis, Jessica Einspänner-Pflock, pp. 63–84.
- Hjarvard, S., 2018. *The Logics of the Media and the Mediatized Conditions of Social Interaction*. *Media Logic(s) Revisited: Modelling the Interplay Between Media Institutions, Media Technology and Societal Change*. Chapter: 4 Publisher: Palgrave Macmillan Editors: Caja Thimm, Mario Anastasiadis, Jessica Einspänner-Pflock, pp. 63–84.
- Hjarvard, Stig & Lundby, Knut. (2018). Chapter 3 *Understanding Media Dynamics: The Media Dynamics of Cultural Conflicts in Scandinavia*. 10.1515/9783110502060-008.
- Hoover, S., Venturelli S. 1996. *The category of religious: The blindspot of contemporary media theory? Critical Studies in Mass Communication* 13: 260.
- Human interaction and communicative figurations. The transformation of mediatized cultures and societies. Andreas Hepp and Uwe Hasebrink, 2013. *Communicative figurations (working paper)*. No. 2. P. 257.

- Kammer, A. (2013). Audience participation in the production of online Towards a typology. *Nordicom Review*, 34 (Special Issue), 113–126.
- Knoblauch, Hubert (2013). Communicative constructivism and mediatization. In: *Communication Theory*, 23 (3), pp. in print.
- Krotz, F. (2009). Mediatization: A Concept With Which to Grasp Media and Societal Change. In K. Lundby (Ed.), *Mediatization: Concept, Changes, Consequences/ New York: Peter Lang?* pp. 21–40.
- Krüger, O. (2018). The “Logic” of Mediatization Theory in Religion: A Critical Consideration of a New Paradigm, *Marburg Journal of Religion* 20(1), pp. 1–31.
- Livingston S. (2009). Foreword: coming to terms with “Mediatization”. In: Lundby K (ed.) *Mediatization: Concept, Changes, Consequences*. New York: Peter Lang, pp. ix.
- Livingstone, Sonia M. (2009). On the mediation of everything. *Journal of Communication* 59 (1), pp. 1–18.
- Lundby, K. (2016). Mediatization and Secularization: Transformations of Public Service Institutions — The Case of Norway. *Media, Culture & Society* 38 (1), pp. 28–36.
- Madianou, Mirca and Daniel Miller. (2013). Polymedia: towards a new theory of digital media in interpersonal communication. *International Journal of Cultural Studies* 16, pp. 169–187. P. 169.
- Manheim, Ernest. (1979). *Aufklärung und öffentliche Meinung*. Studien zur Soziologie der Öffentlichkeit, ed. by Norbert Schindler. Stuttgart-Bad Cannstatt: frommann-holzboog. First published *Die Träger der öffentlichen Meinung*. Studien zur Soziologie der Öffentlichkeit. Leipzig/Brno/Prag: Rudolph M. Rohrer (1933).
- Martino, Luis. (2020). Mediatization of Religion: Three Dimensions from a Latin American/Brazilian Perspective. *Religions*. 11. 482. 10.3390/rel11100482.
- Strömbäck, Jesper. 2008. Four phases of mediatization: An analysis of the mediatization of politics. *The International Journal of Press/Politics* 13 (3): 228–246. / Esser, Frank. 2013. Mediatization as a challenge: Media logics versus political logics. In *Democracy in the age of globalization and mediatization*, ed. Hanspeter Kriesi, Sandra Lavenex, Frank Esser, Jörg Matthes, Marc Bühlmann, and Daniel Bochslers, 155–176. London: Macmillan / Landerer, Nino. 2013. Rethinking the logics: A conceptual framework for the mediatization of politics. *Communication Theory* 23 (3): 239–258.
- Thomas G. The mediatization of religion — as temptation, seduction, and illusion // *Media, Culture & Society*. — 2015. — Vol. 38, Issue 1.
- Thompson, John B. (1995). *The Media and Modernity. A Social Theory of the Media*. Cambridge:
- Vowe, Gerhard. 2006. Medialisierung der Politik? Ein theoretischer Ansatz auf dem Prüfstand. *Publizistik* 51: 437–435.
- Webster, J.G. (2014). *The marketplace of attention. How audiences take shape in a digital age*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Маклюэн М. Галактика Гутенберга: Сотворение человека печатной культуры. К.: Ника-Центр, 2004. 432 с.

*А.И. Кольба (Краснодар),
Э.В. Орфаниди (Краснодар)*

ГРАЖДАНСКИЕ СТРУКТУРЫ В СИСТЕМЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ ГОРОДСКИМИ КОНФЛИКТАМИ: ФОРМАЛЬНЫЕ И НЕФОРМАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ

Гражданские структуры различного типа традиционно рассматриваются исследователями как один из наиболее важных элементов согласования интересов в условиях городских конфликтов и оспаривания городских пространств (Медведев, 2017). При этом в политической конфликтологии в целом и в той ее отрасли, которая рассматривает политическое управление конфликтами в частности, одним из важнейших аспектов регулирования конфликтных процессов считается их институционализация. Поэтому представляется значимым рассмотрение характера институционализации интересов различных гражданских объединений горожан, в том числе с точки зрения сочетания ее формальных и неформальных аспектов.

Под гражданскими структурами в данном исследовании мы понимаем два типа политических образований. Первые из них имеют субъектный потенциал и могут включаться в городские конфликты в качестве акторов. К таковым относятся коллективные субъекты — объединения граждан различного масштаба и численности. В крупных российских городах, на материале которых обычно проводятся исследования городской конфликтности, чаще всего в этой роли фигурируют территориальные сообщества горожан, в некоторых случаях — общегородские движения и сетевые объединения, создаваемые для участия в решении проблем городского развития (как вариант, ассоциации «одной проблемы»). Ко второму типу относятся образования институционального типа, которые претендуют на то, чтобы стать частью системы институтов политического управления городскими конфликтами и, как правило, получают в ней определенное место. В системе формальных институтов они представлены муниципальными общественными палатами и общественными советами при местных органах власти; неформальная институционализация чаще всего происходит через экспертную среду, площадки социальных медиа и персональные коммуникации с органами власти через лидеров и активистов городских сообществ/движений.

Как показывают исследования, проведенные в 2017–2021 гг., одной из основных проблем политического управления городскими конфликтами в крупных городах РФ является конфигурация его институциональных оснований (в том числе гражданских структур второго типа). Существующие институты зачастую способствуют ограничению представленности интересов гражданских структур первого типа в процессе принятия решений относительно противоречий в развитии городских пространств. Это ведет к снижению уровня конструктивности урегулирования городских конфликтов, в частности, к формированию «оборонительных сообществ». По мнению российских исследователей, последние могут быть представлены как «активная группа жителей, объединившаяся для защиты социального, физического пространства или города в целом от изменений, не соответствующих представлениям его членов о желательном текущем состоянии или развитии» (Скалабан, Сергеева, Лобанов, 2022). Таким образом, растет вероятность блокирования гражданскими структурами любых изменений городского пространства вне зависимости от их направленности.

Концептуализация представлений о причинах и факторах устойчивого существования подобной модели институционализации возможна в рамках нескольких теоретических подходов:

1. Дистрибутивная теория институтов. Согласно ей, институциональные правила необходимы для всех участников политических взаимодействий, однако их распределительный эффект может существенно отличаться для разных акторов (Knight, 1992). В этом контексте мы можем рассматривать существующие структуры взаимодействия как итог конфликтов между субъектами городской политики, в ходе которых городским сообществам и движениям не удается в существенной степени изменить распределение институциональных благ в свою пользу.

2. Теория групп интересов в ее интерпретации по отношению к локальному уровню политических отношений (Anzia, 2022). С позиций этого подхода гражданские структуры первого типа могут быть представлены как группы интересов, структуры второго типа — как каналы взаимодействия с системой политического управления. Недостаток ресурсов и ограниченные возможности влияния на принятие решений приводят к тому, что интересы городских сообществ в меньшей степени учитываются ею при принятии решений, чем интересы других групп.
3. Теория городских политических режимов (Ледяев, 2012). В рамках данной теории переход гражданских структур первого типа в оборонительную позицию может быть интерпретирован с точки зрения слабости коалиционных начал в их деятельности.
4. Теория «машин роста» (Hanssen, Falleth, 2014) подразумевает, что сообщества не имеют достаточных возможностей для сопротивления действиям коалиций власти и бизнеса, подавляющим проекты городского развития, нацеленные на максимизацию доходов от него.

Примером блокирования гражданскими структурами первого типа инициатив городского развития может служить ситуация, сложившаяся в г. Краснодаре в связи с попыткой реализации проекта создания пешеходной зоны. Инициированный мэрией города при поддержке группы общественников-урбанистов, он получил название «Семь улиц». В декабре 2020 г. был анонсирован проект реконструкции центра города, направленный на развитие пешеходных зон, велодорожек и озеленение общественных пространств. Предполагались исследования общественного мнения и широкое обсуждение планов мэрии, при том, что проект как таковой еще не было представлен. В марте 2021 г. в качестве пилотного проекта начата реконструкция одной из улиц, на примере которой планировалось показать горожанам преимущества новых решений. Однако происходящее не вызывало энтузиазма у значительной части горожан. Открытые обсуждения, организованные мэрией и общественниками, не сняли возникавших сомнений, связанных с такими факторами, как рост транспортных пробок как побочный эффект реализации проекта, а также сомнения в необходимости пешеходной зоны, охватывающей значительную часть городского центра, в том числе делового.

Уже в июле 2021 г. реализация «Семи улиц» была приостановлена губернатором Краснодарского края. После того, как инициаторы проекта во главе с мэром покинули администрацию города в течение нескольких последующих месяцев, в отношении проекта некоторое время существовала неопределенность, а в феврале 2023 г. проект был закрыт как «бесперспективный». Пилотный участок при этом переведен в прежний формат.

Данный кейс показывает необходимость развития гражданских институтов второго типа, которые могли бы выполнять роль площадок коллаборативного планирования городского развития. «Семь улиц», которые анонсировались как прорывной для города проект, на практике не учитывали реальных потребностей горожан, чьи интересы группа общественной поддержки проекта трактовала однобоко. Не было проведено предварительное обсуждение проекта, а материалы, выносившиеся на обсуждение впоследствии, не выглядели достаточно проработанными.

Попытка городской администрации опереться на неформальные отношения с рядом известных в городе гражданских активистов, призывающих к перенесению опыта ряда крупных городов на краснодарскую почву, оказалась unsuccessful, прежде всего потому, что не было обеспечено действительное представительство интересов горожан, в том числе проживающих в местах предполагаемой реконструкции. Этот пример показывает слабость активных сообществ горожан. Будучи малочисленными и не имея достаточных ресурсов для продвижения своих позиций, они стараются взять на себя функции младших партнеров городской власти и таким образом институционализировать собственную субъектность. Однако общественная поддержка такого рода оказывается иллюзией. Сталкиваясь с пассивным сопротивлением горожан своим планам, городские администраторы вынуждены отказываться от них, что ведет к затягиванию принятия решений по развитию городского пространства. Характер институционализации гражданских структур в системе политического управления конфликтами в настоящее время таков, что ни формальные, ни неформальные институты взаимодействия с горожанами не способствуют решению данной проблемы.

Литература и источники

- Медведев И.Р. Разрешение городских конфликтов. М.: Инфотропик Медиа, 2017.
- Скалабан И.А., Сергеева З.Н., Лобанов Ю.С. Защищающиеся. Оборонительные функции сообществ в городских конфликтах (на материалах г. Новосибирска) // Мир России. 2022. № 31 (4). С. 33–56.
- Knight J. Institutions and Social Conflict. New York: Cambridge University Press, 1992.
- Anzia S.F. Interest groups in US local politics: Introduction to the special issue // Interest Groups & Advocacy. 2022. No. 11. P. 179–188.
- Ледяев В.Г. Социология власти. Теория и опыт эмпирического исследования власти в городских сообществах. М.: НИУ ВШЭ, 2012.
- Hanssen G.S., Falleth E.I. Market-Oriented Urban Planning — Constraining Citizen Participation // Local Government Studies. 2014. Vol. 40. No. 3. P. 403–428.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ СОБЫТИЯ И СТРАТЕГИИ СЕТЕВОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ: ОБОСНОВАНИЕ ГИПОТЕЗ ИССЛЕДОВАНИЯ

Работа выполнена при финансовой поддержке ЭИСИ, грант «Убеждающая коммуникация в сетевой политической социализации российской молодежи» (2023 г.).

Автор в составе научного коллектива довольно длительное время (с 2020 г.) занимался исследованием поколенческой тематики, в частности, спецификой социального восприятия и сетевого поведения поколения «зумеров» (Tolstikova et al., 2020; Tolstikova et al., 2021; Tolstikova et al., 2022). В 2022 г. коллектив предпринял попытку исследования политической социализации поколения Z, и автором был сделан вывод о существенной ограниченности поколенческого подхода к политической социализации молодежи (Tolstikova et al., 2023). Ввиду этого настоящее исследование является первым в ряду работ автора, описывающего процесс политической социализации через событийный подход и теорию сложности.

Основная идея исследования заключается в существенности влияния политических событий на поведение граждан, в частности, на сетевое поведение, т. е. исследование концептуально очерчено общей теорией сложности, базирующейся на признании первичности событий как «разрушительных преобразований» социального поведения. В рамках этого направления можно выделить достаточно большое количество работ — от А. Бадью до Д. Бирна, однако особенно стоит выделить важные исследования «Политическое действие, ошибка и неудача: эпистемологические пределы сложности» А. Литтла (Little, 2012), «Глобальная сложность» Дж. Урри (Urry, 2003) и «Сложность и постмодернизм: понимание сложных систем» П. Силльерса (Cilliers, 1998), в рамках каждого из которых признается неотвратимость ошибок лиц, принимаемых решения, фундаментальность влияния событий на повседневность и неизбежность вариативности политических прогнозов.

Принятие концепции политического события не отменяет обратную (или дополняющую) теорию ограниченной сложности, которая рассматривает событие как сумму индивидуальных поведенческих актов, порождающих события и изменения. Вопрос о первичности события или индивидуального поведения остается открытым. В конце концов, Л.Н. Толстой в романе «Война и мир» утверждал, что при близком рассмотрении историческое событие будет явлено лишь как сумма частных интересов. Возможно, вопрос заключается в точке зрения, но возможно, что речь идет о рекурсивности события и поведения, однако оставим этот вопрос за скобками.

Основная задача исследования заключается в построении концептуальной структуры и обоснования гипотез более масштабного исследования. Так, если общая идея о влиянии политических событий на выбор стратегии политической социализации кажется в целом верной, в деталях возникают вопросы, которые необходимо дополнительно прояснять.

Политическое событие, в первую очередь, воздействует на эмоции, создает новый эмоциональный фон, врываясь в размеренную повседневность граждан и заставляя их считаться с этим фактом. Первичная эмоциональная реакция может породить первичную оценку события на уровне сомнения, принятия, непринятия или безучастности. Через некоторое время и эмоциональная реакция, и оценка может поменяться (к примеру, через год), и также может смениться стратегия социализации. Предположим, что эмоциональная реакция, оценка и стратегия поведения меняются примерно в одно и то же время, и граждане на основе своих оценок события выбирают тип поведения (например, одобрение события сопровождается выбором «послушной» стратегии поведения, неодобрение — «активистской» стратегии, сомнения — «поисковой» стратегии и безучастность — деполитической стратегии). Каждая из этих стратегий влияет на активность в социальных сетях: если граждане и ранее, до наступления события, были вовлечены в те или иные сообщества или каналы, то, скорее всего, они и дальше будут погружены в информацию соответствующих ресурсов, однако начнут искать и подписываться на близкие выбранной стратегии паблики. Странники «послушной» стратегии, вероятно, выберут официальные паблики, «активистской» стратегии — оппозиционные паблики

(сторонники этих стратегий, вероятно, составят большинство подписавшихся в пабликах, посвященных различным формам гражданской активности), «поисковой» — и те, и другие, деполитической — неполитические сообщества, посвященные распродажам, юмору, путешествиям и пр. В любом случае, многие сообщества только выигрывают от политических событий. К примеру, аудитория таких телеграм-каналов, как РИА-Новости, увеличилась с 311 тыс. на 01.02.2022 г. до 2 млн к 18.05.2023 г. (здесь и далее указываются данные аналитики Telegram-каналов и чатов TGStat. URL: <https://tgstat.ru/?ysclid=lnhsxz4hlm177627361> (дата обращения: 08.10.2023)), Readovka — с 250 тыс. на 08.01.2022 г. до 1 млн к 22.04.2022 г., «Осторожно, новости» — со 100 тыс. на 05.01.2022 г. до 1 млн к 09.03.2022 г. В ряде Telegram-каналов также были обнаружены всплески количества подписчиков, однако их связь с политическими событиями остается под сомнением: в некоторых группах резкий рост подписчиков был зафиксирован в августе — сентябре 2022 г., в некоторых — в марте — апреле 2022 г., в частности, в сообществе «ВКонтакте» «Древний Рим: Res publica Romana» замечен всплеск активности после начала проведения СВО.

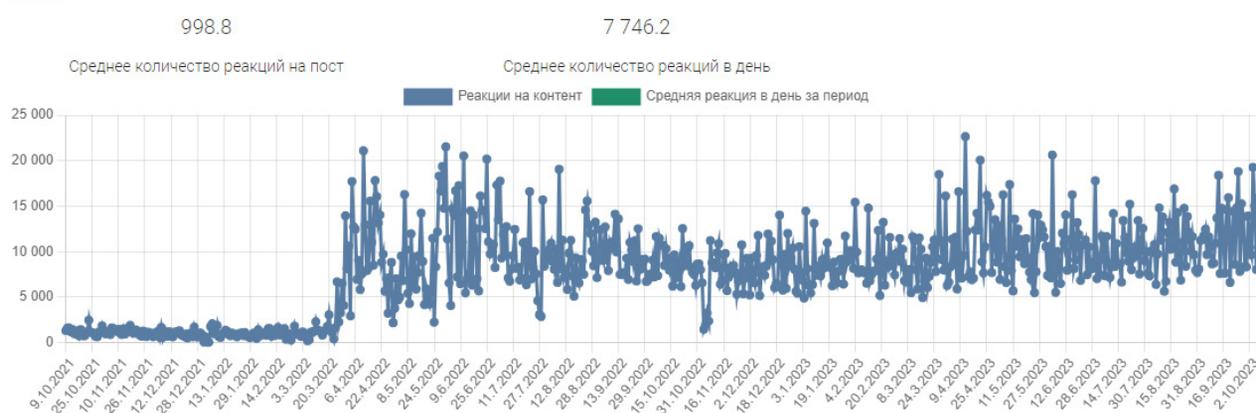

Рис. 1. Динамика реакций на контент сообщества «Древний Рим: Res publica Romana» (здесь и далее указываются данные аналитики и статистики групп VK SOCSTAT.RU. URL: <https://socstat.ru/lk/#/dashboard/> (дата обращения: 08.10.2023))

Связано ли это с желанием граждан «нормальности» и смене эмоциональных волн или же с успешными рекламными кампаниями — остается непонятным.

H1: Политические события прямо и косвенно (посредством трансформации общественного мнения) влияют на неполитическую сетевую активность граждан.

Уровень, характер и масштаб такого влияния — равно как и проверка самой гипотезы — вопрос эмпирического исследования. Автор предполагает, что в условиях кризиса, вызванного политическим событием, граждане начинают проявлять свойственные молодежи формы поведения, т. е. уходить от насущной повестки к новым «формам солидарности» (Moran et al., 2018). Событие порождает кризис, кризис порождает регрессию поведения, однако эту причинную связь необходимо дополнительно прояснять.

Ранее автор совместно с коллективом исследователей предложил следующую классификацию платформ: некоторые платформы служат в основном информационным целям, т. е. донесению информации до подписчиков, в то время как другие — коммуникативным целям. В результате платформы были разделены на информационные и делиберативные (Аутсорсинг..., 2021). Если обратиться к молодежным сетевым политическим сообществам, то эту закономерность несложно заметить: средняя вовлеченность пользователей на пост в группах «Росмолодежь», «Движение первых», «Центр городских волонтеров Санкт-Петербурга», «Российские студенческие отряды/PCO», «Белорусский республиканский союз молодежи/БРСМ», «Волонтеры победы», «Молодая гвардия», «Молодежные парламенты России» варьируется от 0,065 до 0,25. Немногим более средняя вовлеченность зафиксирована в группах «Молодежь ЛДПР», «Территория смыслов», «Форум уральской молодежи УТРО», «Молодая

республика» — от 0,34 до 0,44. Наиболее высокие значения наблюдаются в группах «ПРОСТО» (0,63) и «Ленинский комсомол (ЛКСМ РФ)» (0,86). Цифры покажутся еще более убедительными, если сравнить группы по охватам постов, количеству подписчиков и количеству реакций на посты. Из этого следует, что огромные группы — «монополисты молодежного мнения» — существуют преимущественно для доведения информации до своей аудитории, в то время как малые молодежные группы служат «рабочей площадкой» для общения, обсуждения проектов и идентификации.

Н2: Молодежь выбирает те же стратегии политической социализации, что и старшее поколение. Отличие заключается в незначительном уменьшении сторонников «послушной» и «активистской» стратегии в сравнении со старшим поколением и значительном увеличении деполитической группы по сравнению с «поисковой».

Стоит отметить еще одну особенность сетевой политической социализации. Не только политическое событие вызывает сетевую реакцию, но и сами посты. Такие посты, как правило, также описывают новости, однако в одних группах они воспринимаются как значимые, в то время как в других остаются незамеченными. Культура внутри сообществ существенно корректирует понимание события в группе.

Рис. 2. Динамика вовлеченности по контенту в сообществе «Молодая республика» (с 10.09.2022 г. по 09.10.2023 г.)

На рис. 2 отчетливы видны всплески вовлеченности 25.01.2023 г. и 09.05.2023 г. (25 января — день рождения сообщества «Молодая республика»).

Глобальные события происходят параллельно с микрособытиями, имеющими значение для малых групп, однако невнимание к микро-событиям может исказить картину политической социализации.

Н3: Посты в социальных сетях могут обладать потенциалом микро-события, существенно влияющего на динамику социализации. Вероятно, молодежь более восприимчива к сетевым микро-событиям.

Ряд гипотез, корректирующих концептуальную схему, остался без внимания. В частности, стоит отметить, что политические события и микрособытия воспринимаются гражданами через призму социальных и политических установок, которые могут разделять члены сообществ, где граждане уже состоят. Сетевые, социальные и политические контексты формируют «облако смыслов», которое способно не пропускать или изменять потоки информации. Онтология событий дополняется диалектикой контекста, однако, тем не менее, автор полагает контекст вторичным по сравнению с событием, т. е. остается верным предписанием общей теории сложности.

Остался в стороне вопрос о «традиционных» институтах социализации молодежи, таких как студенческие советы или молодежные парламенты. Автор относит их к формам реализации «послуш-

ной» стратегии, копирующей поведение «взрослых» и по их замыслу приучающих молодежь к «правильным формам» политического участия. Несмотря на растущую критику молодежных парламентов за элитизм, «узаконенное бесправие» молодежи и ликвидацию протестной активности, число молодежных парламентов также неуклонно растет (в частности, в сорока странах Европы на данный момент уже существуют молодежные парламенты). В то же время с каждым годом фиксируется увеличение молодежного абсентеизма и поисков самоидентичности молодых людей в различных интернет-сообществах. К чему приведет столкновение «нового патернализма» и «новых экспрессивных движений» — открытый вопрос. Автор полагает, что политические события дают импульс обоим направлениям.

Наконец, стоит сказать о вероятных корреляциях между полом, возрастом, регионом проживания и выбором той или иной стратегии сетевой социализации. Сами стратегии, вероятно, также нуждаются в уточнениях и корректировке — к примеру, если молодой человек выбрал для себя «поисковую» стратегию, т. е. столкнулся с внутренним противоречием, порожденным восприятием события, и начинает исследовать мир политического для того, чтобы решить данное противоречие, то не означает ли это, что период политического инфантилизма для него заканчивается и наступает период политической зрелости? Автор согласен с такой постановкой вопроса, однако, как было отмечено ранее, точный ответ может дать только взвешенная интерпретация данных.

Литература и источники

Аутсорсинг политических суждений: проблемы коммуникации на цифровых платформах / под ред. Л.В. Сморгунова. М.: Политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2021. 310 с.

Cilliers P. Complexity and postmodernism: understanding complex systems. New York and London: Routledge, 1998. 156 p.

Little A. Political action, error and failure: the epistemological limits of complexity // *Political Studies*. 2012. No. 60 (1). P. 3–19.

Moran L., Brady B., Forkan C., Coen L. Individual and connected: an exploration of young people's discourses about youth cafes in Ireland // *Journal of Youth Studies*. 2018. No. 21. P. 1127–1139.

Tolstikova I.I., Ignatjeva O.A., Kondratenko K.S., Pletnev A.V. Generation Z and its value transformations: digital reality vs. phigital interaction // *Digital Transformation and Global Society. 5th International Conference, DTGS 2020, St. Petersburg, Russia, June 17–19, 2020. Revised Selected Papers. Springer. 2020. P. 47–60.*

Tolstikova I.I., Ignatjeva O.A., Kondratenko K.S., Pletnev A.V. Network behavior as a specific feature of generation Z communicative competence and their readiness for online learning // *Journal on interactive systems*, 2023. Vol. 14, No. 1. P. 9–19.

Tolstikova I.I., Ignatjeva O.A., Kondratenko K.S., Pletnev A.V. Designing educational trajectories for generation Z: identifying cognitive factors // *Communication in Computer and Information Science*. 2022. Vol. 1503 CCIS. P. 266–279.

Tolstikova I.I., Ignatjeva O.A., Kondratenko K.S., Pletnev A.V. Generation Z social capital as a result of digital socialization // *CEUR Workshop Proceedings. International Conference "Internet and Modern Society", IMS 2021, 17 June 2021–20 June 2021. P. 179–190.*

Urry J. *Global complexity*. Cambridge: Polity, 2003. 172 p.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ, КОНСТИТУЦИОННЫЙ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ КРИЗИС В ИЗРАИЛЕ

Государство Израиль с января 2023 г. переживает очередной, самый серьезный в своей истории, виток политических и социальных потрясений. До присяги в Кнессете правительства Биньямина Нетаньяху в конце декабря 2022 г. страна уже пребывала в самом продолжительном и тяжелом политическом и конституционном невоенном кризисе в своей истории. За неполные четыре года были проведены пять избирательных кампаний. Кризисную ситуацию в 2023 г. усугубил план правительства изменить судебную систему в государстве, не имеющем Конституции, что способствовало развитию событий по драматическому сценарию, так как Верховный суд свои позиции сдавать не собирается.

Израильские улицы еженедельно перекрывались десятками тысяч протестующих с января 2023 г., когда в правящей коалиции — сформированной победившим 1 ноября 2022 г. на очередных выборах в Кнессет 25-го созыва Биньямином Нетаньяху (лидером партии «Ликуд») — объявили о намерении провести судебную реформу. Против того, что было названо «подрывом основ демократии» в стране, выступили антиправительственные силы во главе с лидером оппозиции в Кнессете Яиром Лапидом. В свою очередь, в крайне правом религиозно-националистическом правительстве Б. Нетаньяху утверждают, что в результате реформы израильская политическая система станет более демократичной.

В рамках израильской демократии существует один «деликатный вопрос», а именно, процесс выборов судей, прежде всего, в Верховный суд (БАГАЦ). С 1952 г. в Израиле действует специальная Комиссия по выбору судей в составе девяти человек (2 министра; 3 судьи Верховного суда, включая его президента; 2 члена Кнессета, 2 члена Адвокатской коллегии). При этом представители Верховного суда договариваются по каждой кандидатуре до заседания комиссии, поэтому в случае создания «коалиции» с представителями правительства или адвокатов, «свой» кандидат проходит автоматически. Протоколы заседания комиссии не публикуются. Выборы в БАГАЦ в случае освобождения вакантных мест осуществляются той же комиссией (Гейзель, 2013, 85–86).

За 75 лет существования государства статус судьи Верховного суда становился все более престижным, а выборы судей все больше напоминали выборы в другие органы власти. С одной лишь разницей — Кнессет или муниципалитет не могут себя переизбирать. Таким образом, принятая в Израиле система подвергается резкой критике, причем со стороны правых и религиозных политических сил (Гейзель, 2013, 85–86).

Объявленный министром юстиции Яривом Левиным («Ликуд») план судебной реформы состоит из четырех этапов и нацелен на следующее:

- усилить роль законодателей и правительства в назначении судей;
- разрешить Кнессету отменять решения БАГАЦа, блокирующие принятые депутатами законы;
- запретить БАГАЦу руководствоваться «стандартом разумности» для отмены принятых Кнессетом законов или решений правительства;
- уполномочить министров назначать независимых советников по правовым вопросам, отдельно от тех, которые выбираются Министерством юстиции.

Правящая коалиция во главе с Б. Нетаньяху стремится также существенно сократить право граждан обжаловать решения правительства в Верховном суде и понизить статус Основного закона «Достоинство и свобода человека» (Бен, 2023).

Оппозиция, помимо обвинения правительства в заговоре с целью уничтожения израильской демократии, связала реформы с продолжающимся судебным процессом над Б. Нетаньяху по уголовным делам о коррупции. На улицы вышли сотни тысяч израильтян, в числе которых оказались офицеры запаса Армии обороны Израиля (ЦАХАЛа). К протесту присоединилась тысяча пилотов израильских военно-воздушных сил. Около 10 тыс. резервистов отказались добровольно явиться на службу в случае продолжения судебной реформы (The Jerusalem Post, 2023).

Эксперты ведущего в стране Экспертно-аналитического центра Института исследований национальной безопасности (INSS) видели угрозу выхода кризиса за рамки различных элементов судебной реформы на фоне того, что тупик в политическом управлении совпал с глубокими социальными проблемами, которые не разрешались десятилетиями. Действия правительства ожесточили борьбу за структуру политической власти между элементами старой и новой элиты, между исполнительной и законодательной властью, а также внепарламентскими силами, опирающимися на уникальное явление в виде масштабного общественного протеста. Тем самым была создана экзистенциальная угроза национальной устойчивости и, как следствие, необходимой солидарности, которая является минимальным условием для функционирования различных институтов еврейского государства. Кризис уже достиг размеров катастрофы, в связи с чем в INSS призвали остановить скатывание к реальности гражданской войны (INSS, 2023).

За месяц до событий 7 октября эксперты констатировали воздействие внутреннего раскола на армию, особенно если Кнессет все-таки примет закон, освобождающий ультраортодоксов от обязательной военной службы. В июле 2023 г. оценки заключались в том, что в краткосрочной перспективе внутривластная ситуация в стране повлияет на дееспособность ВВС, разведки, специальных служб и элитных подразделений. Фиксировался рост уверенности врагов на всех фронтах, которые почувствовали внутреннюю слабость Израиля, что повышало опасность военных столкновений, тогда как правительство не способно справиться с жизненно важными для укрепления ЦАХАЛа вопросами. По оценкам INSS, даже если бы резервисты явились на службу в случае чрезвычайной ситуации, ущерб, нанесенный их боеготовности, был уже непоправимым. Поэтому единственным выходом считалась немедленная и полная остановка реформы судебной системы (INSS, 2023).

В целом израильские эксперты склоняются к тому, что никакие фундаментальные изменения в политической системе невозможны без широкого общественного доверия к тем, кто будет осуществлять реформы.

До событий 7 октября в Израиле фиксировалось снижение доверия к государственным институтам. Однако после доверие к правительству упало на самый низкий с 2003 г. уровень — ему доверяет 20,5 % израильтян-евреев и 7,5 % израильских арабов (в июне — 28 и 18 % соответственно). В разбивке по политической ориентации основное снижение доверия наблюдается среди «правых» израильтян (42 % в июне и 31 % в октябре), в то время как доверие «левых» и центристов было и остается довольно низким. ЦАХАЛ и полиция — те институты, которые пользуются самым высоким уровнем доверия (Hermann, Anabi, 2023).

Согласно опросу, проведенному в израильских СМИ в июле 2023 г., 28 % респондентов задумывались о переезде за границу, 64 % — не планировали это делать, а 8 % — колебались. Более половины опрошенных (54 %) опасались того, что реформа судебной системы нанесет ущерб безопасности Израиля, а 56 % боялись начала гражданской войны. О доверии Б. Нетаньяху заявили 84 % избирателей партии «Ликуд» (The Times of Israel, 2023).

Тем не менее, 24 июля 2023 г. Кнессет принял один из самых противоречивых законов об отмене «стандарта разумности», который представляет собой поправку к Основному закону «О судебной власти». Это первый и пока единственный элемент правительственного плана реформирования судебной системы, который стал законом. Поправка запрещает всем судам, включая БАГАЦ, обсуждать и отменять на основе принципа разумности решения правительства и министров, включая назначение на министерские посты и на другие руководящие должности. Несмотря на протесты по всей стране и пеший марш тысяч людей, которые за два дня преодолели 30 километров от кибуца Нахшон до Иерусалима, в Кнессете поддержали законопроект, пусть и с незначительным большинством (в 64 голоса из 120) (Bassist, Dutton, 2023).

Правительство и судебная коллегия перенесли выяснение отношений в Верховный суд, но на данный момент решение не вынесено (глава Верховного суда Эстер Хают ушла в отставку 16 октября 2023 г. Спикер Кнессета Амир Охана заранее заявил, что правительство проигнорирует любое вмешательство Верховного суда (The Times of Israel, 2023).

Стоит отметить, что даже если кризисная ситуация вокруг закона будет преодолена, в перспективе еще одно решение Верховного суда в связи с другой поправкой к Основному закону. В марте 2023 г. Кнессет принял закон о недееспособности премьер-министра. Принципиальную важность

он имеет, прежде всего, для Б. Нетаньяху, так как по сути лишает юридического советника полномочий отстранить его от должности и затрудняет саму процедуру. Поэтому даже если премьер-министр смирится с возможной отменой Верховным судом закона о принципе разумности, хотя бы для того, чтобы избежать возобновления массовых протестов, вряд ли он согласится с решением БАГАЦа, которое после потери власти сделает его подсудимым (Gur, 2023).

Решения Верховного суда почти наверняка усугубят и без того самый серьезный невоенный кризис. Сложится ситуация, при которой государственным учреждениям и должностным лицам будет неясно, к какой ветви власти им следует прислушиваться. В Израиле и без того разделение власти на законодательную и исполнительную осложняет то, что практически все министры и заместители министров являются одновременно членами Кнессета (Гейзель, 2013, 404).

Очевидно, что израильская демократия в условиях отсутствия Конституции имеет «чрезвычайно хрупкую конституционную основу». Страна живет по квазиконституции, состоящей из Основных законов, которые «никак не защищены». Израильские эксперты предлагали ряд изменений, в результате которых для внесения поправок или принятия Основных законов потребуется большинство голосов не менее 80 (из 120) членов Кнессета (Plesner, 2022). В Израильском институте демократии (IDI) исходят из того, что 70 % израильтян поддерживают принятие Конституции, поэтому разработали проект, который называется «Конституция путем консенсуса». Пока же страна «находится в конституционном кризисе с признаками потенциального взрыва, направленного вовнутрь» (Plesner, 2022).

Литература и источники

Барух Бен. Израиль: реформа судебной системы, продвигаемая правительством Биньямина Нетаньяху. Институт Ближнего Востока. 23.01.2023. <http://www.iimes.ru/?p=94329&ysclid=loahr9ldnt493753935> (accessed: 15.10.2023)

Гейзель З. Политические структуры Государства Израиль. М.; Иерусалим: Мосты культуры, Гешарим, 2013. 664 с.

Another 10,000 IDF reservists announce they won't serve anymore. The Jerusalem Post. 22.07.2023. <https://www.jpost.com/israel-news/article-752051> (accessed: 28.10.2023)

Bassist R., Dutton J. Israel's Knesset adopts first judicial overhaul bill despite US warnings. Al-Monitor. 24.07.2023. <https://www.al-monitor.com/originals/2023/07/israels-knesset-adopts-first-judicial-overhaul-bill-despite-us-warnings> (accessed: 28.10.2023)

Gur H.R. Neither coalition nor High Court respects Basic Laws. Urgently needed: A constitution. The Times of Israel. 12.09.2023. https://www.timesofisrael.com/neither-coalition-nor-high-court-respects-basic-laws-urgently-needed-a-constitution/?utm_source=article_hpsidebar&utm_medium=desktop_site&utm_campaign=greatest-cooperation-project-in-our-history-pm-lauds-new-us-led-transport-corridor

Hermann T., Anabi O. Flash Survey: More Israelis are optimistic about the country's future despite being at war. IDI. 23.10.2023. [https://en.idi.org.il/articles/51147?ct=t\(EMAIL_CAMPAIGN_3_11_2021_16_7_COPY_01\)](https://en.idi.org.il/articles/51147?ct=t(EMAIL_CAMPAIGN_3_11_2021_16_7_COPY_01)) (accessed: 27.10.2023)

INSS in an urgent alert. INSS. 23.07.2023. <https://www.inss.org.il/special-warning/> (accessed: 28.10.2023)

Jan Jaben-Eilon. Why Doesn't Israel Have a Constitution? Atlanta Jewish Times. 29.03.2023. <https://www.atlantajewishtimes.com/why-doesnt-israel-have-a-constitution/> (accessed: 15.10.2023)

Knesset speaker signals coalition won't accept High Court voiding of Basic Laws. The Times of Israel. 06.09.2023. <https://www.timesofisrael.com/knesset-speaker-signals-coalition-wont-accept-high-court-voiding-of-basic-laws/> (accessed: 28.10.2023)

Plesner Y. Israel's Governmental Institutions Must be Strengthened. IDI. 16.01.2022. <https://en.idi.org.il/articles/38106> (accessed: 28.10.2023)

28 % of Israelis considering leaving the country amid judicial upheaval — poll. The Times of Israel. 26.07.2023. <https://www.timesofisrael.com/28-of-israelis-considering-leaving-the-country-amid-judicial-upheaval-poll/> (accessed: 14.10.2023)

НЕКОММЕРЧЕСКИЙ СЕКТОР КАК СУБЪЕКТ МУНИЦИПАЛЬНОЙ ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКИ

Исследование выполнено в рамках государственного задания ФНИСЦРАН по теме «Муниципальная публичная политика в России-2023: возможности выстраивания местных партнерских институтов и механизмов в рамках единой публичной власти».

Формирование эффективного управления на местном уровне, ориентированного на развитие территорий и удовлетворение потребностей населения, предполагает кооперацию муниципальной власти, гражданской инициативы местного сообщества и бизнеса на основе приоритетов межсекторного социального партнерства. Одним из субъектов или акторов такого партнерства выступают организации некоммерческого сектора, являющиеся каналом артикуляции интересов местного сообщества (Никовская, Молокова, 2018). Характерной особенностью формирования некоммерческих организаций является то, что они создаются по инициативе граждан и предполагают их интеграцию для решения социальных проблем и получения общественных благ.

При этом выстраивание сотрудничества субъектов межсекторного социального партнерства и органов управления в рамках муниципалитетов отражается в реализации муниципальной публичной политики, которую Л.И. Никовская и В.Н. Якимец определяют как «программы и приоритеты органов власти, механизмы и технологии их реализации, выработанные с учетом ожиданий и при участии основных групп гражданского общества — малого и среднего бизнеса, некоммерческих и общественных организаций через их представителей» (Никовская, Якимец, 2019, 30). Эффективность введения элементов такого подхода обуславливается тем фактом, что местные акторы и население обладают тесными связями с территорией проживания, знаниями об основных проблемах, необходимых для разработки локальных решений (Manzo, Perkins, 2006).

С 2010 г. формируются законодательные условия общественно-государственного партнерства с организациями некоммерческого сектора. В правовом поле выделяется особая группа — социально ориентированные некоммерческие организации (СОНКО), которые занимаются решением социальных проблем и оказанием услуг. Органы государственной власти и органы местного самоуправления наделяются дополнительными полномочиями по их поддержке, которая должна оказываться с использованием различных инструментов. Органы местного самоуправления разрабатывают и реализуют муниципальные программы поддержки СОНКО, оказывают им имущественную поддержку. По данным Минэкономразвития РФ, муниципальные программы на 2018 г. были приняты в 41 % муниципальных образований, на 2019 г. — в 46 %. В целом доля муниципальных районов и городских округов, реализующих мероприятия по поддержке социально ориентированных некоммерческих организаций, в общем количестве муниципальных районов и городских округов на конец 2021 г. (за исключением городов федерального значения) составила 38 %. Анализ данных свидетельствует о снижении активности в поддержке СОНКО на муниципальном уровне. При этом общий объем субсидий, предоставленных местным бюджетам из бюджетов субъектов Российской Федерации на цели реализации муниципальных программ поддержки СОНКО, вырос на 10 %, с 2,99 млрд в 2018 г. до 3,33 млрд рублей в 2019 г. (Доклад о деятельности...).

На муниципальном уровне особенно ощутима нестабильность финансирования деятельности СОНКО из бюджетных источников, что видим на примере регионов Северо-Западного федерального округа. В Новгородской, Архангельской областях и Республике Коми в период с 2014 по 2017 г. отсутствовала положительная динамика по рассматриваемому показателю. В Вологодской области незначительно уменьшилось субсидирование СОНКО из местных бюджетов. В 2019 г. по отношению к предыдущему году во всех регионах СЗФО финансирование СОНКО выросло (табл.). Закономерно, что при росте общего объема субсидий, предоставленных муниципальным бюджетам из бюджетов субъектов РФ на поддержку СОНКО, увеличивается и их финансирование на местах.

Таблица.

Информация о финансировании СОНКО в России из муниципальных (местных) бюджетов в 2014–2019 гг. (тыс. руб., в сопоставимых ценах 2019 г.)

Территория	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	Темп прироста, %, 2019 г.	
							к 2014 г.	к 2018 г.
РФ	12432779,4	11541328,2	11304994,3	7454555,2	8178751,1	9203199	-26,0	12,5
СЗФО	696332,3	617285,4	707855,1	491347,3	770954,0	897020	28,8	16,4
Республика Карелия	6267,5	3413,4	6362,0	9126,6	15870,3	17099	172,8	7,7
Республика Коми	24357,6	81794,7	22575,9	18358,6	12017,0	14801	-39,2	23,2
Архангельская область	92684,9	60741,4	70865,0	45317,7	52757,4	69158	-25,4	31,1
Вологодская область	206982,0	180794,7	53416,5	83695,9	157306,3	197117	-4,8	25,3
Калининградская область	57522,1	40505,4	43400,0	34874,7	37874,6	40166	-30,2	6,0
Ленинградская область	63663,4	83899,9	103569,4	90469,2	90363,7	129976	104,2	43,8
Мурманская область	23126,1	27113,2	267923,6	44892,1	34199,5	47748	106,5	39,6
Новгородская область	5946,5	5238,3	5830,0	2374,1	3107,8	4690	-21,1	50,9
Псковская область	14770,5	10295,2	10137,2	16334,1	14684,1	15858	7,4	8,0
Санкт-Петербург	194979,2	120440,8	124079,6	145912,3	352630,8	360407	84,8	2,2

Источник: данные ЕМИСС. Деятельность социально ориентированных некоммерческих организаций — итоги выборочного статистического наблюдения. Раздел 1.32.18. URL: <https://www.fedstat.ru/organizations>

Некоммерческие организации являются активным актором деятельности на территории и выступают инструментом привлечения грантовых средств и агрегатором нефинансовых ресурсов. Данные организации привлекают федеральные средства на развитие муниципалитетов и решение проблем в социальной сфере, что доказывает открытая информация Фонда президентских грантов (ФПГ), осуществляющего поддержку некоммерческих неправительственных организаций, реализующих социальные проекты на конкурсной основе. На примере Вологодской области выявлен значительный разрыв в объеме привлеченных средств, количестве проектов в пространственном распределении «крупный город — малые территории». Общая предоставленная сумма поддержки социальных проектов за 2017–2022 гг. в крупных городах Вологодской области составила 432,4 млн руб., в малых территориях 129,2 млн руб. Однако по средней сумме на один поддержанный проект различия незначительные, что свидетельствует о реализации в малых населенных пунктах ресурсоемких инициатив местного сообщества в рамках деятельности некоммерческих организаций. В то же время, несмотря на положительные тенденции и рост в динамике показателей, наблюдается некоторая нестабильность.

Анализ приведенных данных показывает, что, с одной стороны, прямое участие некоммерческого сектора в качестве партнера государства в создании общественных благ привлекает в социальную сферу значительные дополнительные финансовые ресурсы, что особо важно в условиях ограниченности бюджетов муниципалитетов. С другой стороны, СОНКО предоставляют гражданам возможность самореализации в общественно полезной деятельности, а бизнесу — возможность проявить себя в качестве социально ответственного субъекта хозяйствования (Косыгина, 2022).

Исследование существующей практики управления выявило ряд недостатков в области развития некоммерческого сектора в следующих аспектах: отсутствие мониторинга, анализа деятельности негосударственных организаций, работающих в социальной сфере; необходимость укрепления

экономического потенциала организаций; потребность в центрах подготовки и повышения квалификации руководителей и сотрудников СОНКО; преодоление несогласованности и устранение межведомственных барьеров в части оказания финансовой и иной поддержки СОНКО путем концентрации ресурсов из разных бюджетных и внебюджетных источников; организация комплексного информационного сопровождения; координация государственных и муниципальных программ поддержки, привлечение к участию в разработке и реализации этих программ местных предпринимательских структур на основе долевого финансирования; совершенствование деятельности экспертных и конкурсных комиссий с целью повышения качества принимаемых к финансированию проектов и контроля целевого использования средств.

Таким образом, использование возможностей негосударственного некоммерческого сектора при формировании и реализации муниципальной публичной политики активно внедряется в практику управления, поле публичности расширяется. Организации некоммерческого сектора закрепляются как полноценные субъекты муниципальной публичной политики, действующие в публичной сфере и влияющие на ее формирование. Их деятельность позволяет получать не только дополнительные ресурсы на решение социальных проблем, в том числе улучшение качества жизни населения муниципалитета, но и служит инструментом повышения эффективности властных решений, увеличения доверия населения к органам управления, приближения власти к людям. Использование данной формы партнерства дает возможность структурам местной власти своевременно улавливать запросы со стороны общества и производить коррекцию управленческих решений. Можно предположить, что при поступательном и устойчивом развитии некоммерческого сектора увеличится доля общественно значимых проектов с привлечением местного сообщества и их вклад в решение проблем социальной сферы территорий.

Литература и источники

Доклад о деятельности и развитии социально ориентированных некоммерческих организаций за 2021 год. URL: <http://nko.economy.gov.ru/Files/NewsDocuments/250a81ba-6074-4536-95b9-6f3d5cdc54c8.docx>

Косыгина К.Е. Некоммерческий сектор в экономике региона; под научным руководством д.э.н., доц. А.А. Шабуновой; Вологодский научный центр Российской академии наук. — Вологда: ВолНЦ РАН, 2022. 207 с.

Никовская Л.И., Молокова М.А. Социальное государство и социальная политика: вызовы для некоммерческого сектора // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2018. №3 (56). С. 74–79.

Никовская Л.И., Якимец В.Н. Местное самоуправление и муниципальная публичная политика: особенности и проблемы развития на современном этапе в России (по материалам социологического исследования) // Социально-политические исследования. 2019. № 3. С. 25–35. doi:10.24411/2658-428X-2019-10509

Manzo L.C., Perkins D.D. Finding common ground: the importance of place attachment to community participation and planning. *Journal of Planning Literature*, 2006, 20(4), 335–350. DOI: 10.1177/0885412205286160

К ВОПРОСУ О КЛЕРИКАЛИЗАЦИИ РОССИИ

Тема клерикализации России в течение последнего десятилетия получила активное обсуждение. Сегодня многими учеными и общественными деятелями отмечается процесс усиления участия РПЦ в политической жизни государства, влияния РПЦ на различные стороны светской жизни. Некоторые из исследователей, например, Э.Р. Чернова и А.А. Данилова, утверждают о клерикальных тенденциях в российском обществе. Другие, в частности М.О. Шахов, А.Ф. Мещерякова опровергают клерикализацию, отмечая, тем не менее, интенсификацию взаимодействия государства и религиозных организаций в стране.

В данной статье мы попытаемся оценить степень вовлеченности Русской православной церкви в политическую жизнь страны и сделать выводы о том, правомерно ли на сегодняшний день утверждать о клерикализации. Объектом нашего исследования выступают государственно-конфессиональные отношения в России, предметом — характер политического взаимодействия государственной власти РФ и Русской православной церкви.

Для начала следует разобраться, что мы понимаем под «клерикализацией». Клерикализация — производное от термина «клерикализм». Большая российская энциклопедия дает следующее определение: «Клерикализм — комплекс социально-теологических идей и связанных с ними политических практик, направленных на установление религиозных ценностей в качестве основы жизни общества, создание условий, обеспечивающих определяющую роль религиозных институтов в общественно-политической и культурной жизни государства». На наш взгляд, не совсем корректно применение данного термина к Русской православной церкви. Во-первых, РПЦ и РКЦ относятся к различным ветвям христианства. Во-вторых, после Второго Ватиканского собора происходит адаптация католицизма к современной политической ситуации, а конкретно — к процессу секуляризации. В Испании и Колумбии, являвшихся до этого католическими, происходит отделение государства от церкви, а с Италией Ватикан заключает новый Конкордат. Кроме того, Римскую католическую церковь и государство Ватикан представляет один и тот же человек — папа Римский Франциск (не только духовный, но и политический лидер), что подразумевает вовлеченность Римской католической церкви в политическую повестку. Русская православная церковь на официальном уровне не претендует на политическую власть.

Говоря о клерикализации, нельзя обойти такой термин как «секуляризация», обозначающий противоположный клерикализации процесс. Социолог религии Н. Яблоков определяет секуляризацию как «переход людей от религиозности к нерелигиозности, освобождение различных сфер жизни общества и индивида, социальных отношений и институтов от религиозного санкционирования» (Яблоков, 1979, 138). Секуляризация — это освобождение общественной и политической жизни от религиозного влияния с последующей передачей этих сфер влиянию государству или нерелигиозным политическим институтам. Принцип секуляризации лежит в основе построения государства светского характера. Светское — категория, характерная только для христианской культуры, заключающая в себе смысл отделения профанной части бытия христианина от сакральной. Светский характер подразумевает ситуации, когда «ряд функций, собственность или институты изымались из-под контроля церкви и передавались под контроль мирян».

Далее проанализируем, как принцип секуляризации реализуется на практике. В Конституции РФ статус государства как светского был закреплен не сразу. В исходном проекте Конституции, который был принят Конституционной комиссией в качестве рабочего варианта, не было характеристики Российского государства как светского. Но в ходе обсуждения проекта Конституции 1990 г. было сделано предложение о дополнении ст. 1 частью б, дающей такую характеристику.

В итоге, согласно действующей Конституции, Россия сегодня является светским государством, т. е. религиозные структуры в нашей стране отделены от государства. Законодательно это закреплено в Конституции Российской Федерации, в Ф3 № 125 «О свободе совести и религиозных объединениях». В статье 14 (глава 1 «Основы Конституционного строя») Конституции говорится о том, что никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной. Нормативно фик-

сируется свобода религиозных организаций и равенство их перед законом. К недостаткам кодификации светского характера государства в действующей Конституции РФ можно отнести отсутствие четко прописанного статуса взаимоотношений церкви и органов местного самоуправления. Так, в статье 12 Конституции РФ говорится, что «органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти», поэтому напрашивается вопрос о том, как в этом случае они могут быть не отделены от Церкви и, следовательно, эта «лазейка» в законе может быть использована в целях намеренной политизации церкви. Согласно Федеральному закону № 125, Россия — светское государство. В законе также постулируется ряд запретов для органов государственной власти, принятых с целью предупреждения политизации религиозных объединений.

Таким образом, будучи одним из принципов Конституции, светскость в современной России носит нормативный характер, и это означает то, что общественно-правовые отношения будут регулироваться светским образом.

На практике Русская православная церковь всегда так или иначе была политизирована. После распада СССР Русская православная церковь, утратившая свое влияние в обществе и бывшая «вне закона», пыталась восстановить и свое влияние, и права. Она являлась активным участником дискурса о путях развития России в постсоветский период (Кнох, 2005, 533) Также священники баллотировались в депутаты, участвовали в политической жизни, пока это не запретил официально Устав РПЦ.

В пользу того, что о клерикализации России на сегодняшний день говорить преждевременно, указывает, прежде всего, тот факт, что Русская православная церковь не обладает достаточными экономическими ресурсами, которые позволили бы ей являться серьезным политическим актором. В 2010 г. Президентом Дмитрием Медведевым подписывается закон о передаче церкви имущества религиозного назначения, что вызвало широкий резонанс общественности, однако на практике имущество необходимо церкви для проведения ритуалов. Более того, на сегодняшний день у РПЦ нет упорядоченного механизма финансового обеспечения создающихся приходов.

Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» юридически закрепил введение в школах предмета под названием «Основы духовно-нравственной культуры народов России», в том числе включавшего модуль «Основы православной культуры». Несмотря на активную продолжительную критику подобной законодательной инициативы, она все же имеет место быть. Важно отметить, что закон отражает интересы не только РПЦ, но и всех традиционных конфессий, а значит, в полной мере соответствует конституционно закрепленному положению о равенстве всех религий, исповедуемых на территории Российской Федерации. Кроме того, не стоит забывать, что включенные в курс модули выбираются школьниками и их родителями индивидуально. А значит, каждый гражданин РФ оставляет за собой право осуществить выбор вектора изучения в пользу той или иной культуры. Это еще один аргумент в пользу светского характера государственно-конфессиональных отношений в нашей стране и отсутствия у государства особого отношения именно к РПЦ.

Сближение государства и церкви на сегодняшний день лучше всего характеризует термин «симбиоз», указывающий на их взаимовыгодное сотрудничество. Действительно, опора на Русскую православную церковь дает государству возможность компенсации отсутствия выраженной идеологии. Церковь, несущая традиционные ценности, помогает поддержанию общественной морали, социализации людей, препятствует насаждению западной массовой культуры. Церковь выступает важным звеном в консолидации российской гражданской нации и формировании общественного мнения. Государство и церковь сотрудничают, имея общие цели. Государство ассоциируется с РПЦ на международном уровне, дает церкви информационную поддержку, материальные ресурсы.

Возникает резонный вопрос: чем же обусловлена критика клерикализации, настойчиво развивающаяся не только в СМИ, но и в интеллигентской среде? На наш взгляд, такая критика, с одной стороны, связана с тем, что представители старшего поколения родились и выросли в атеистическом государстве, по причине чего не могут сменить парадигму мировосприятия и негативно воспринимают «реабилитацию» церкви. В частности, этот тезис объясняет кейс с письмом академиков В.В. Путина.

С другой стороны, среди критикующей РПЦ молодежи, очень много оппозиционно настроенных людей. РПЦ воспринимается не как отдельный политический актор, а в связке с действующей политической властью. Так, панк-молебен Pussy Riot был направлен, прежде всего, на выражение оппозиционных взглядов и критику В.В. Путина, а косвенно уничтожал православную веру, осуществляясь

в православном храме. Отметим, что, к сожалению, в основном российская молодежь интереса к политике не проявляет, так заявили 57 % опрошенных, лишь 19 % заявили, что следят за политическими событиями и имеют активную гражданскую позицию. И, как правило, наиболее активными являются как раз молодые люди оппозиционных взглядов, поэтому их точка зрения частотнее в социальных сетях и вообще в Интернете.

Наметившаяся в последнее время интенсификация взаимодействия Русской православной церкви и государства порождает мысли о том, что Россия неуклонно движется в сторону теократии и подвергается процессу клерикализации. Однако на практике мы имеем дело с взаимодействием, удобным обеим сторонам — и действующей власти, и РПЦ. Взаимодействие это осуществляется в рамках действующего законодательства, согласно которому Россия — светское государство.

На определенном этапе развития государственно-конфессиональных отношений были тенденции к политизации церкви и клерикализации государства. Однако это был недолгий период перехода от советской атеистической модели к светской российской. Однако сейчас церковь сохраняет нейтралитет в политических вопросах. Косвенное участие РПЦ в политическом процессе всегда инициируется государством.

Литература и источники

Большая Российская энциклопедия// https://old.bigenc.ru/religious_studies/text/2623941?ysclid=li84jkxajl150299571

Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/?ysclid=li55q3idgh984884199 Левада-центр составил портрет современной российской молодежи// Селдон-новости. «Левада-центр составил портрет современной российской молодежи | Политика | Селдон Новости (myseldon.com)

Мещерякова А.Ф. Россия: путь к светскости или клерикализации общества и государства? // *Lex russica*. 2021. Т. 74. № 10. С. 85–99.

Тейлор Ч. Что такое светскость? // *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*. 2015. №1 (33)// <https://cyberleninka.ru/article/n/chto-takoe-svetskost>

Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» от 26.09.1997 № 125-ФЗ (последняя редакция)// https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16218/?ysclid=li84qvsp98674227862

Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ (последняя редакция)// https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/?ysclid=li84z8sag9154833110

Чернова Э.Р., Данилова А.А. К вопросу о процессе клерикализации и месте религии в современном российском обществе // *Современные научные исследования и разработки*. 2018. № 6. С. 724.

Шахов О.М. Клерикализация России: миф или реальность? // URL: <http://www.religiopolis.org/religiovedenie/3065-klerikalizatsija-rossii-mif-ili-realnost.html>

Яблоков И.Н. Социология религии. М., 1979.

Knox Z. Russian Orthodoxy, Russian Nationalism and Patriarch Aleksii II // *Nationalities Papers*. 2005. No. 33.

Taylor Ch. A Secular Age, pp. 54–61. Cambridge, MA: Harvard University Press. 2007. Pp. 54–61.

ЦИФРОВОЙ СУВЕРЕНИТЕТ КАК ОСНОВА НАЦИОНАЛЬНОЙ НЕЗАВИСИМОСТИ РОССИИ В ГЛОБАЛЬНОМ ЦИФРОВОМ ОБЩЕСТВЕ

В условиях развития глобального цифрового общества особое значение для национального государства приобретает его цифровой суверенитет.

Концептуальное наполнение понятия «суверенитет» рассматривается в политической науке с разных точек зрения. В узком смысле этого цифрового суверенитета сводится к информационному суверенитету как праву государства контролировать информацию, распространяемую на его территории (Ефремов, 2017). Более широкое толкование этого термина подразумевает акцент на использование отечественного IT-оборудования и приоритетную поддержку отечественных IT компаний в цифровой сфере; обеспечение безопасности национальной интернет-инфраструктуры, национального интернет-трафика; национальную организацию по использованию больших данных в рамках национального государства (Brokes, 2018).

К важным составляющим цифрового суверенитета также относится управление интернетом национальными государственными структурами с учетом места и роли страны в глобальной сети, а также национальных особенностей взаимодействия государства, гражданского общества и частных IT-компаний, производящих интернет-инфраструктуру и услуги (Сморгунов, 2020).

Некоторые современные исследователи считают невозможным обеспечение полноценного цифрового суверенитета в условиях открытого общества и развития глобальных, экстерриториальных цифровых коммуникаций, так как Интернет, как пространство особого типа, находится вне любого государственного контроля и должен оставаться таким. Власть суверена может быть ограничена международными или региональными соглашениями, деятельностью транснациональных корпораций или вызовами планетарного масштаба, например, глобальным потеплением, пандемиями или возникновением глобальных информационных сетей и Интернета. Невозможно обеспечить суверенитет государства при наличии технологической «элиты» — крупных корпораций, которые не допустят передела рынка и какой-либо серьезной конкуренции со стороны новых игроков, даже поддерживаемых государством (например, Кутюр, Тоупин, 2020).

По нашему мнению, отрицание цифрового суверенитета национального государства означает отказ от государственного управления на национально-территориальном уровне и переход к глобальному цифровому управлению в масштабах всего мира. Но при этом возникают важные и принципиальные вопросы, на которые нет аргументированных ответов: будет ли управление на транснациональном уровне осуществляться в интересах основных страт мирового сообщества? Насколько эффективным будет это управление? Не станет ли глобальное управление обеспечивать в основном узкокорыстные интересы незначительной транснациональной элиты и станет неприемлемым для подавляющего большинства человечества? Поэтому проблема обеспечения цифрового суверенитета остается сегодня актуальной для России.

Переход к цифровому управлению обществом имеет серьезные риски в области общественной безопасности. Прежде всего, сложная система цифрового управления обществом и экономикой нуждается не только в высоком уровне технологической устойчивости, гарантирующей защиту от частых сбоев, но и в особом, удобном и понятном для пользователей интерфейсе доступа к электронным услугам. Стратегия национальной безопасности России 2021 г. ставит задачу обеспечение защиты конституционных прав и свобод человека и гражданина при обработке персональных данных, в том числе с использованием информационных технологий. Данные меры необходимы из-за угрозы утечки данных, которые происходят в IT-компаниях, банках, медицинских учреждениях и различных коммерческих организациях (Громкие случаи..., 2021).

В целом в России безопасной и удобной системы еще нет, что препятствует переходу многих граждан и организаций на цифровые каналы.

Все это требует повышенного внимания к информационной безопасности, привлечения дополнительного государственного и частного финансирования для ее обеспечения, что в условиях гло-

бального финансово-экономического кризиса сегодня в России сделать непросто, поскольку многие предприятия неспособны самостоятельно найти источники для финансирования своей информационной безопасности. Все это может стать фактором не только опасного роста киберугроз для национальной безопасности страны, но и послужит препятствием для цифровизации важнейших отраслей экономики России.

Цифровой суверенитет предполагает не только развитие отечественных сервисов и создание отечественного программного обеспечения, но и защиту наших интернет-границ и их суверенности при сохранении основного принципа трансграничности Интернета.

Особое значение имеет политическая составляющая и государственно-управленческий аспект цифрового суверенитета как стратегии развития в сфере IT-технологий. Поскольку цифровой суверенитет является эмерджентным свойством, возникающим в процессах соединения национальной инфраструктуры, нормативной правовой базы и профессиональных компетенций в цифровой сфере, государственная политика неизбежно определяет направление цифровой трансформации на национальном уровне, ее параметры и цели, насколько они будут соответствовать интересам национального политического и социально-экономического развития.

В этом случае одним из главных условий, необходимых для формирования и поддержания национального цифрового суверенитета, становится способность государства проводить независимую внешнюю и внутреннюю политику в цифровом пространстве.

В статье 53 Стратегии Национальной безопасности России 2021 года обращается внимание на то, что стремление транснациональных корпораций закрепить свое монопольное положение в сети Интернет и контролировать все информационные ресурсы сопровождается введением такими корпорациями (при отсутствии законных оснований и вопреки нормам международного права) цензуры и блокировкой альтернативных интернет-платформ. По политическим причинам пользователям сети Интернет навязывается искаженный взгляд на исторические факты, а также на события, происходящие в Российской Федерации и в мире (О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, 2021). Анализ пользовательской активности в социальных сетях говорит о том, что в большинстве случаев интернет-пользователи предпочитают продукты таких гигантов как Google, Facebook, YouTube и др., что указывает на доминирование монополистов на рынке информационных услуг. А гегемония крупных компаний — прямое свидетельство авторитаризма, царящего в поле информационной политики.

Для обеспечения цифрового суверенитета России сегодня необходимо избавляться от влияния транснациональных IT-гигантов. Принятый недавно закон о создании крупными транснациональными IT-компаниями юридических лиц в российской юрисдикции позволит своевременно налагать на них штрафы и другие ограничения в случае нарушения ими российского законодательства. Так, в соответствии с Федеральным законом № 236-ФЗ, Федеральный закон № 236-ФЗ «О деятельности иностранных лиц в информационно-телекоммуникационной сети Интернет на территории Российской Федерации» от 01.07.2021, вступивший в силу 1 января 2022 г., Роскомнадзор обязал 13 зарубежных IT-компаний, в том числе Google, Telegram, Twitter и Meta (бывшая Facebook) до 1 января 2022 г. открыть представительства в России. Перечисленные компании также должны будут разместить на сайте специальную форму для обратной связи с российскими пользователями, завести личный кабинет на сайте Роскомнадзора и установить на сайте счетчик посещаемости. Кроме того, они должны будут ограничивать доступ к информации, признанной нарушающей российское законодательство, а при их нежелании подчиняться российским законам удалять неприемлемый контент, замедлять или блокировать сервисы таких IT-компаний. За нарушение закона IT-компаниям грозит запрет на рекламу, ограничение приема платежей на территории РФ, запрет на поисковую выдачу, запрет на сбор и передачу за рубеж личных данных, блокировка (О деятельности иностранных лиц в информационно-телекоммуникационной сети Интернет на территории Российской Федерации, 2021).

Сегодня у России есть все, чтобы обеспечить свой цифровой суверенитет. По уровню образования населения Россия входит в число самых образованных стран мира, а изобретателей в нашей стране больше, чем в какой-либо другой стране мира (Алиев, 2021).

Поставить цифровой суверенитет в центр государственной стратегии России важно еще потому, что США, откуда мы берем основные IT-технологии, серьезно рассматривают возможность полного запрета их экспорта в нашу страну, что будет означать «медленное технологическое удушение» России. В эпоху глобального цифрового общества доступ к технологиям намного важнее, чем доступ к деньгам, поскольку технологии позволяют фиксировать поведение пользователей в цифровой среде, а также формировать у них новые представления и привычки.

Укрепление цифрового суверенитета должно идти в России постепенно, с учетом имеющихся возможностей. Поскольку в настоящее время у нас явно недостаточно IT-оборудования и программного обеспечения собственного производства, спешный переход всего государственного управления «в цифру» является сегодня преждевременным. Но возможность и необходимость защиты отечественной инфраструктуры от киберугроз у нас есть, и мы способны отражать целенаправленные кибератаки на государственные системы управления данными.

Цифровую независимость может обеспечить России только создание собственной, независимой от экспорта IT-инфраструктуры и программного обеспечения. Заслуживает внимание предложение некоторых экспертов о создании по аналогии с ОПК в сфере технологий институт генеральных конструкторов.

Таким образом, ключевыми задачами любого претендующего на независимость и суверенитет государства в условиях становления глобального цифрового общества становятся создание, развитие и поддержание функциональности собственных национальных цифровых ресурсов, а также формирование и развитие цифровых компетенций и способностей собственных граждан, использование цифровых технологий российскими общественными и государственными управленческими институтами в собственных национальных интересах. Одновременное наличие технологических возможностей и способностей в цифровой сфере становится необходимым и критически важным условием успешного общественно-политического и экономического развития государства, общества, нации как таковой.

Литература и источники

Алиев Э.В. России больше изобретателей, чем в какой-либо другой стране мира. 2021. 2 ноября. URL: <https://istu.ru/news/zhizn-universiteta/eldar-aliev-v-rossii-bolshe-izobretateley-chem-v-kakoy-libo-drugoy-strane-mira>

Громкие случаи утечек персональных данных в России в 2020–2021 годах. 2021. Февраль 12. URL: <https://ria.ru/20210212/utechki-1597206122.html>

Ефремов А.А. Формирование концепции информационного суверенитета государства // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 1. С. 201–215.

Brokes F. Russia's sovereign internet// Central European Financial Observer. 2018, 24 September. URL: <https://financialobserver.eu/cse-and-cis/russias-sovereign-internet/>

Сморгунов Л.В. Институты публичного управления интернетом: сравнительный анализ России, Белоруссии и Казахстана//Управленческое консультирование. 2020. № 12. С. 24.

Кутюр С., Тоупин С. Что означает понятие «суверенитет» в цифровом мире? // Вестник международных организаций. 2020, Т. 15. № 4. С. 48–69.

Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». 2021. 6 июля. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046/page/1>

Федеральный закон от 01.07.2021 № 236-ФЗ «О деятельности иностранных лиц в информационно-телекоммуникационной сети Интернет на территории Российской Федерации». 2021. 1 июля. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107010014?index=37&rangeSize=1>

ГРАМШИАНСКОЕ ПОНЯТИЕ ТРАНСФОРМИЗМА И ОПАСНОСТИ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ

Понятие «трансформизм» получило распространение в Италии для описания развития партийной системы в этой стране во второй половине XIX в., т. е. сразу после создания единого государства, и в начале XX в. Изначально оно означало включение радикальных партий в коалиции во главе с умеренными партиями с дерадикализацией первых, их смещением к политическому центру и постепенной потерей самостоятельности.

Великий итальянский философ-марксист Антонио Грамши использовал понятие трансформизма в своих работах, но существенно расширил его. Грамши определял трансформизм как постепенную и длительную абсорбцию правящим классом активных элементов из союзных и даже враждебных групп, что необходимо для создания широкого правящего класса (Gramsci, 1992, 137). Таким образом, Грамши не сводил трансформизм только к особенностям партийной системы, а применил его для лучшего понимания классовой борьбы.

Трансформизм дополняет более известные грамшианские понятия гегемонии и исторического блока. Вопреки расхожим мнениям, гегемония не означает борьбу в сфере культуры. Грамши определял гегемонию как «социальную базу пролетарской диктатуры и рабочего государства» (Грамши, 1957, 480). Если трактовать это понятие более широко, то гегемония подразумевает создание альянсов, в которых один из участников занимает лидирующие позиции. При этом лидерство одного из участников подразумевает согласие остальных. Успешная гегемония ведет к появлению нового исторического блока, т. е. конкретного объединения различных классов, социальных групп, организаций и идеологий (Morton, 2007).

Трансформизм, таким образом, сохраняет и расширяет существующий исторический блок, включая в него угнетенные классы. Аргентинский философ Эрнесто Лакло, придерживавшийся грамшианских подходов, показывал, что трансформизм основывается на частичном удовлетворении требований, выдвигаемых угнетенными (Laclau, 2005). Удовлетворение требований, которые являются первичным элементом анализа для Лакло, препятствует объединению этих требований, происходящему посредством гегемонической процедуры, которая могла бы создать новый исторический блок взамен старого.

Существующие грамшианские подходы сейчас мало внимания уделяют институтам, которые обеспечивают поддержание исторического блока и функционирование трансформизма. Сам Грамши в своих работах подробно обсуждал значение партий и профсоюзов. Следуя в русле ленинской традиции, Грамши отмечал необходимость партии для успешной гегемонии. Он сравнивал коммунистическую партию с Государем из одноименного произведения Макиавелли. Если у Макиавелли Государь должен был объединить Италию, то у Грамши «современный Государь», т. е. партия, должен объединить разрозненные пролетарские массы (Грамши, 1959).

При этом Грамши особое внимание уделял профсоюзам, которые, по его мнению, играют двоякую роль. Грамши отмечал, что установление узаконенных отношений между трудом и капиталом — это достижение рабочего движения, и профсоюзы естественным образом поддерживают такую законность, которая гарантирует их существование. Но отношение к трудовому законодательству может быть разным. В 1920 году в статье «Профсоюзы и советы» Грамши писал, что при некоторых условиях профсоюзы могут стать «орудием революции», если их руководители не довольствуются компромиссами с капиталистами, а ведут подготовительную работу, направленную на накопление рабочими ресурсов (Грамши, 1957, 177). Тем не менее, более высокой формой рабочей организации он признавал фабрично-заводские советы, которые уже не признают буржуазную законность и стремятся к установлению диктатуры пролетариата.

Указанные Грамши противоречивые функции профсоюзов подводят к «капиллярной власти» — еще одному интересному грамшианскому понятию, относящемуся к дискуссии об институтах. Понятие капиллярной власти предполагает, что государственная власть осуществляется не только

через централизованный аппарат, но и через децентрализованные элементы, которые пронизывают все общество. Хотя механизмы капиллярной власти необязательно управляются прямо и рационально, они все равно дополняют государственный политический курс. Если полиция, армия и правительство вообще относятся к централизованному государственному аппарату, то капиллярная власть состоит из организаций гражданского общества, непрямо ассоциированных с государством. При этом понятие капиллярной власти шире, чем распространенный сейчас термин GONGO, т. е. созданные государством неправительственные организации. Прогосударственные неправительственные организации часто связаны с государственным аппаратом теснее, чем многие механизмы капиллярной власти. Периферийная машинерия управления, составляющая капиллярную власть, непрямо и не всегда осознанно соотносит свои действия с центральным аппаратом и обладает определенной автономией.

Грамши указывал в «Некоторых аспектах южного вопроса», что крестьяне Южной Италии аморфны и разобщены. При этом они находились в «постоянном брожении», но были «неспособны дать своим чаяниям и нужды». Недовольные крестьяне были «питательной средой для политической и идеологической деятельности среднего слоя интеллигенции». «Но в конечном итоге, — обобщает Грамши, — вся эта деятельность общественных сил централизуется и направляется в области политики крупными собственниками, а в области идеологии — верхушкой интеллигенции» (Грамши, 1957, 494). Таким образом, крупные собственники и верхушка интеллигенции здесь выступают в качестве капиллярной власти, организуя и направляя крестьянские массы для поддержания исторического блока. «Крестьянин и земельный собственник, — пишет Грамши, — связаны между собой через посредство интеллигента» (Грамши, 1957, 497). Интеллигенция в его теории — это не только ученые или деятели искусств, но и организаторы общества. Они не только производят идеологию, но и распространяют ее, чтобы обеспечить общественное единство на разных уровнях.

Понятие капиллярной власти частично предшествует альтюссеровским идеологическим аппаратам государства, к которым относятся, помимо всего прочего, профсоюзы, парламентские партии, школы, пресса и т. д. (Альтюссер, 2011). И идеологические аппараты государства, и капиллярная власть представляют собой частично автономное дополнение к государству и способствуют трансформизму, так как связывают различные социальные группы внутри исторического блока. Эта связь создает возможность для удовлетворения требований и, следовательно, включения угнетенных социальных групп в исторический блок.

Как видно из работ Грамши и Луи Альтюссера, капиллярная власть и идеологические аппараты государства подразумевают необходимость институтов. Иными словами, они не сводятся к риторике, пропаганде или простому распространению информации. Институты должны обеспечить устойчивое взаимодействие господствующих и угнетенных классов при частичном выполнении требований снизу.

В связи с этим низовые общественные движения, которые обычно и занимаются выдвижением требований от лица угнетенных классов, оказываются перед дилеммой, которую можно условно назвать ловушкой институционализации. Эта дилемма особенно заметна на примере профсоюзов, которые выросли из рабочих движений и фактически превратились в их институционализированное крыло. Институционализация профсоюзов, с одной стороны, позволила им лучше доносить свои требования до представителей государства и капитала. Создание трехсторонних комиссий во многих странах мира, включая Россию, стабилизировало положение рабочего класса. С другой стороны, профсоюзы постепенно утрачивали свою политическую самостоятельность и теряли способность влиять на общую политику государств, ограничивая себя отдельными вопросами трудового законодательства. Упадок профсоюзов в США и Западной Европе — это заметная тенденция, достаточно широко описанная в академической литературе. Недавние неудачные протесты против повышения пенсионного возраста во Франции еще раз высветили слабость профсоюзов в стране, где рабочие организации славятся богатой историей борьбы.

Другие общественные движения часто вступают в сотрудничество с парламентскими партиями для удовлетворения своих требований, но при этом теряют самостоятельность и дерадикализируются. За счет этого они добиваются ограниченных успехов, но стабилизируют исторический блок.

Лакло искал теоретические возможности для смены исторических блоков (в его терминологии — гегемонических формаций). По его мнению, существующей гегемонической формации может угрожать популизм, занимающий центральное место в теориях Лакло. Он не сводит популизм к риторике, противопоставляющей народ и элиту. В определении Лакло, успешный популизм требует объединения различных требований, конструирования антагонистической границы между этими объединенными требованиями и существующей политической системой, а также создания новой народной идентичности. Среди препятствий для популизма Лакло отмечал высокую социальную гетерогенность, избыточную унификацию требований с полным стиранием их различий и, наконец, институциональную дифференциацию (Laclau, 2005). Таким образом, включенность протестных движений в институты мешает популизму, потому что не позволяет выстроить антагонизм между народом и элитой.

Однако выпадение из институтов само по себе не гарантирует успешный популизм. Например, российская система социального партнерства, по мнению исследователей, дисфункциональна, а профсоюзы имеют мало влияния на механизмы принятия решений (Olimpieva and Orttung, 2013; Olimpieva, 2016). Многие трудовые протесты проходят вне рамок институциональных рамок и без участия профсоюзов. Наиболее тяжелая ситуация складывается для так называемых платформенных работников, которые формально считаются самозанятыми и поэтому не защищены трудовым законодательством. В связи с этим организации платформенных работников в России и в других странах не могут быть институционализированы в такой же степени, как и обычные профсоюзы. Но отсутствие институционализации не делает их более успешными по сравнению с другими профсоюзами. Напротив, организации платформенных работников часто оказываются неустойчивыми и недолговечными, поэтому они видят решение многих своих проблем как раз в институционализации, во включении их в сложившиеся институциональные практики. Иными словами, они, скорее, стремятся к стабилизации исторического блока, чтобы занять в нем понятное место.

Институционализация поддерживает стабильность исторического блока и ограничивает развитие протестных движений. При этом сами протестные движения стремятся к институционализации, чтобы обеспечить устойчивые механизмы для частичного выполнения их ограниченных требований. Выхода из сложившегося парадокса пока не видно.

Литература и источники

- Альтюссер Л. Идеология и идеологические аппараты государства. *Неприкосновенный запас*. 2011. № 3 (77). С. 159–175.
- Грамши А. Избранные произведения: в трех томах. М.: Издательство иностранной литературы. 1957–1959.
- Gramsci A. *Prison Notebooks*. New York: Columbia University Press. Vol. 1. 1992.
- Laclau E. *On Populist Reason*. London and New York: Verso. 2005.
- Morton A. D. *Unravelling Gramsci. Hegemony and Passive Revolution in the Global Political Economy*. London and Ann Arbor: Pluto Press. 2007.
- Olimpieva I. Evolution of Social Partnership in Russian Industrial Relations Systems: External Challenges, Internal Contradictions, Mechanisms of Institutional Change. *The Journal of Comparative Economic Studies*. 2016. Vol. 11. P. 45–62.
- Olimpieva I., Orttung R.W. Russian Unions as Political Actors. *Problems of Post-Communism*. 2013. Vol. 60. No. 5. P. 3–16.

Т.А. Кулакова (Санкт-Петербург),
А.М. Соколов (Санкт-Петербург)

ДВА СЛОВА О ПРИНЦИПЕ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА: ИМПЕРИЯ ИЛИ ДЕРЖАВА

Публикация подготовлена при поддержке Российского научного фонда: грант № 22-28-00779.

Хорошо известна конфуцианская притча о том, что управление государством следует начинать с «исправления имен». Ведь «если имена неправильны, то слова не имеют под собой оснований. Если слова не имеют под собой оснований, то дела не могут осуществляться. Если дела не могут осуществляться... народ не знает, как себя вести». Но как вынести верное суждение о правильности и/или неправильности того или иного слова? Серьезность этого вопроса связана с тем, что каждое сказанное (использованное) нами слово — это своего рода наш ответ, которым мы заявляем о своей ответственности не только перед тем, кто нас непосредственно вопрошает, но и перед целым миром, который схвачен, уловлен *словами* нами высказанными.

В нашем языке, быть может, как ни в одном другом, огромное число заимствований, которые настолько вжились в него, что воспринимаются вполне русскими. Через «вживания» подобного рода происходит универсальное проникновение инородных культурных влияний, которые могут оказаться, как благотворными, так и тлетворными. Слово всегда предполагает дело. И, если иметь в виду, что сущность дела состоит в *действии*, превращающем безобразие естества в образ *действительного* мира, то совершенно очевидно решающее значение, которое несет в себе слово, речь, язык.

Империя как слово и как понятие — одно из тех заимствований, которым русский ум был очарован, прельщен еще несколько столетий назад. На протяжении трех веков слово «империя», заменившее слово «царство», выражало эту тенденцию. Строго говоря, идея империи до сего дня совсем не исчезла из русско-российского интеллектуального поля, хотя последние три десятилетия она и подвергалась пусть стихийной, но масштабной дискредитации. Ее, скорее, пытаются обновить, придать форму, соответствующую изменениям, происходящим в нашей стране и в мире. Чтобы понять, что может означать для нашей страны подобная модернизация, стоит попытаться проникнуть в суть того понятия, в контексте которого эта модернизация проходит. Это тем более важно, что этимологически понятие «держава», через которое мы попытаемся раскрыть суть самобытной цивилизационной стратегии, специалисты связывают со старославянским «държа» — владычество, и формально оно соответствует латинскому *“imperium”*. Во многом благодаря этому обстоятельству произошло легкое замещение одного слова на другое. Но терминологическое различие влечет за собой ментальные трансформации, которые в свою очередь изменяют характер практического отношения к миру.

Империя — понятие, исконно принадлежащее западному типу ментальности, полученное ею в наследство от Древнего Рима. Его смысловое содержание сводится к идее политического господства, что только на первый взгляд может показаться тривиальным. При более серьезном рассмотрении становится очевидным, что понятие «империя» несет в себе многовековой опыт социокультурного строительства народа, который в начале называл себя «латинами», а в конце — «римскими гражданами». Что же было лейтмотивом этого опыта? Сочинения древних авторов свидетельствуют о том, что существование *Imprrium Romanum* от самого ее начала и до конца было историей войны. Причем почти на всем протяжении война одновременно была и борьбой с внешней угрозой, и внутренним, условно говоря, «гражданским» противостоянием. И на всем протяжении, будь она внутренней или внешней, она была войной за жизненные ресурсы. Подлинный римлянин всегда или воевал, или готовился к войне. Только тот, кто воевал, был неотъемлемым элементом «общего дела» — делом господства граждан империи — захватом и управлением, где неразрывно связаны тело и дух, сила и закон, меч и слово.

Разумеется, более поздние варианты империи вносили нечто свое в понимание господства. Неизменным оставалось одно — война, завоевание, захват. Таков был путь Священной Римской империи. Таков был путь Испании, Португалии, Голландии, Франции, Англии, превративших идею

империи в стратегию колониального империализма с его безжалостной системой эксплуатации. Н.Я. Данилевский, рассуждая о характере западной цивилизации, приходил к выводу, что причиной тому является «насильственность» — «черта психического строя, присущая всем народам германо-романского типа» (Данилевский, 2008, 216–225). Нам же представляется, что сама эта «насильственность» была вызвана принципиальной и радикальной ограниченностью жизненных ресурсов, активировавшей неограниченный интеллектуально-волевой потенциал индивидов, «заключивших» конвенцию для эффективного захвата мира. Его метафизическим лейтмотивом стало тотальное реформатирование мироздания через отчуждение у каждого элемента его подлинной сущности и придания ему содержания, полагаемого рассудочным произволом субъекта-предпринимателя. В действительности это нашло выражение в последовательной, систематической колониальной эксплуатации.

Русско-российский мир образовался в пространстве, изобилующем жизненными источниками. Здесь не было необходимости в изобретении искусственных средств для поддержания жизни. Изобилие предполагает общее признание единого организующего начала (очевидного в своей явленности) и, следовательно, — безусловное подчинение ему всех, кто причастен этому изобилию, поэтому наше мироустройство может осуществляться исключительно на принципах единоначалия, освященного верой в его соподчиненность высшему принципу. Вместо персональной заинтересованности (корысти) здесь культивируются соучастность (душевность), соборность, острое переживание общности судьбы (особенно в моменты смертельной опасности). Причем перечисленные добродетели распространяются не только на людей, но и на природу, «схватывая» нравственным принципом целостность космоса.

Согласно А.С. Панарину, структура нашего бытия раскрывается в логике прямо противоположной западной: космос — человек — социум (Панарин, 2002, 127). Это означает такое отношение к сущему, при котором человек исходит не из абстрактных представлений «виртуализированного замысла», а из сопереживания реальности, вызывающего у него чувства благодарности и благоговения. Глубоко прав был русский философ, считавший, что «энергетику русской души» «невозможно описать в привычных терминах социологии — «стимулируемости, мотивированности», проистекающих из искусственной социальной обусловленности. Ведь изобилие космической естественной полноты не замыкает человека в ограниченности частного интереса, оно открывает ему неисчерпаемые источники энергии, находящиеся в нем самом. При таком укладе «нет и не может быть труда, производства, социальной активности вообще на принципах эквивалентного обмена стоимостями». Здесь «человек, питаемый энергией вдохновения, идущей от воли, верит в мировое устройство, он неизменно дает больше того, что предусмотрено обменом» (Панарин, 2002, 133). Такова таинственная структура дарения, заложенная в русском «православном космоцентризме», близкая и понятная всем причастным ему культурам.

Каждая из культур русско-российского цивилизационного пространства ориентирована непосредственно воспринимаемым изобилием к дарению. Ландшафтно-климатическое единство русско-российской Евразии восполняется духовно-ценностным родством народов, ее освоивших. Из этих единства и родства как производные происходят политические, идеологические, бытовые соответствия несовпадающих, но внутренне близких образов жизни, составляющих богатейшую палитру евразийской традиции. Всесторонность соответствий задает достаточно жесткую конструкцию структуры, удерживающей все элементы в единстве. Ведь продуктивность связи между элементами не только ограничена, она, вероятнее всего, уникальна так же, как уникальна среда, в которой связь возникает. Потому-то традиционный плюрализм инокультурных практик предполагает державный характер власти, опирающейся на идеологию, предсодержащую в себе жизненные стихии конкретной деятельности.

Понятно, что не только оппозиционная деятельность, но и оппозиционная идеология здесь невозможны, так как будут отрицать конкретную действительность, противоречить ее существу. Таким образом, можно утверждать, что державность — это завершающий принцип национальной традиции, удостоверяющий ее на политическом уровне. Держава, в отличие от империи, является естественно-историческим образованием. Ее структура выражает онтологическое устройство космоса, проявленное человеческим его освоением.

Исток нашей «державности» как цивилизационного принципа обнаруживает себя в мифо-историческом акте «призвания варягов» согласным решением относительно самостоятельных родоплеменных объединений — решением, превратившим преимущественно хозяйственно-экономическую жизнь людей в политическую, государственную, державную. Держава содержательно акцентирует внимание на соборном характере самоорганизации и цивилизационного выбора. Это понятие более точно, чем «государство». Ведь последнее восходит к идее «дарения господа» (государь) и подчеркивает верховенство одного лица монарха, непосредственно получившего власть свыше. Но наша история в ее летописном изложении указывает на приоритетность соборного акта — согласного всеобщего призвания.

Сакрализация державной организации и управления была осуществлена «вторым» соборным решением, к которому народ готовился в продолжение, по крайней мере, целого столетия. Крещение Руси только по недоразумению может быть понято как результат личного решения киевского князя. Его выбор не получил бы никакого исторического развития, если бы не соответствовал внутренней потребности и предрасположенности народа. Крещение можно назвать византийским призыванием Руси. Оно стало актом соборного превращения племенного единства в духовное, качественно расширившее предел восточнославянского мира. Крещение оформило совершенно новый вектор цивилизационной деятельности становящегося народа.

Даже ордынское вторжение благодаря духовно-политическому подвигу Александра Невского было претворено в третье, может быть, самое суровое призвание не разобщенного в удельных владениях народа, а всей земли, целостности которой угрожал не столько «полуварварский» Восток, сколько «получивший» Запад. Потребовалось два с половиной столетия, чтобы кровное разобщение братства Рюриковичей ценой множества жертв и благодаря щедрости земли и трудолюбию народа было реорганизовано в духовное единство Царя-самодержца и народа-земледельца. Фактически последний представитель династии Рюриковичей осуществил принцип самодержавия, опираясь на волю народа в лице простого люда и неродовитой аристократии, уставших от боярского самовластия. Конец, ему положенный, стал началом нового всеобщего призванного самодержца.

Исторически наша державность получила два вектора развития: западный и восточный. В первом случае она проявилась преимущественно в военно-политическом (государственном) противостоянии Священной Римской империи в разных ее воплощениях. Во втором случае державность выразилась в церковной инициативе христианской проповеди. И в то же время политическое единодержавие получило развитие в народной инициативе продвижения на Восток, расширяющего и осваивающего малопригодное для жизни пространство. Результативность системных реформ XVIII в. не могла быть достигнута без широкой общественной поддержки, активировавшей ресурсную базу Урала, Сибири, позже — и Дальнего Востока.

Можно сказать, что державность как цивилизационная форма стала осуществлением потенциала, возникшего при встрече энергии народной инициативы и неограниченной природной стихии, увлекающей людей ко все удаляющемуся краю земли. Характерной чертой такого движения было отношение к местному населению «дикого края». Приход русских нес собой не завоевание с этнической чисткой, наподобие той, что была совершена тевтонскими рыцарями в Пруссии, и не с резервациями туземцев, как в случае с эстонцами и латышами со стороны немцев, шведов, датчан. Новый уклад жизни был ориентирован на сочетание устоявшихся обычаев и привносимых колонизаторами неизвестных здесь ранее способов хозяйствования. Цель такого синтеза состояла в раскрытии полноты богатства, скрытого глубинами и просторами «дикого края». Державная колонизация — это колонизация освоения, а не захвата и присвоения, как в случае с имперским колониализмом.

Державный приоритет единства мироздания предполагает безусловное усмотрение каждым человеком своего служебного долга не как внешней обязанности, а как индивидуальной актуализации сущностного потенциала Космоса. Отсюда специфическое понимание собственности, которое изначально подразумевало приоритет общего над индивидуальным. И дело не только в том, что хозяйствование в суровых условиях эффективно только при коллективной форме организации деятельности. Приоритет общего над частным еще более значим с того момента, когда обнаруживается явно или неявно необозримость, неограниченность изобилия того, что ожидает освоения. Новая и Новейшая история показали, что имперская цивилизационная стратегия (которой не избежала

и Россия), суть которой сводится к трансцендентальному единству капитализма (конкуренция-эксплуатация-отчуждение), в конечном счете, ведет к разорению, а в нашем случае — к перманентной гражданской войне.

Державное хозяйствование разворачивается в русле следования космологическому императиву, предполагающего своеобразную трансцендентальную доминанту мира как осваиваемой человеком предданной стихии. Цель державного хозяйствования не утилитарное использование богатства, а раскрытие его целостного содержания, что само по себе предполагает тотальную активизацию национального единства в форме «общего дела», и которое, в свою очередь осуществимо через тотальную активизацию творческой инициативы каждого индивида.

Литература и источники

Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 2008.

Панарин А.С. Православная цивилизация в глобальном мире. М., 2002.

ОТ МНОГОСТОРОННИХ К МИНИЛАТЕРАЛЬНЫМ ИНСТИТУТАМ В СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ: РЕЗУЛЬТАТЫ ЛАБОРАТОРНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА

Представляется излишним приводить дополнительные доказательства того, что и сами политические институты, и исследования политических институтов в 20-х гг. XXI в. переживают кризис. Тезис о кризисе политических институтов представляется верным и в отношении международных политических институтов. Подобно тому, как в 30-х гг. XX в. международные институты, включая и Лигу Наций, оказались в кризисе, обусловившем их неспособность предотвратить начало Второй мировой войны, в настоящее время международные институты, включая и Организацию Объединенных Наций, продемонстрировали неспособность решать проблемы, с которыми сталкивается человечество на современном этапе.

Вместе с тем, далеко не все типы международных политических институтов переживают сегодня кризис. Несомненно, кризис переживают многосторонние институты, созданные в годы «холодной войны», включая институты ООН. Кризис переживают и двусторонние институты, созданные в те же годы «холодной войны», в первую очередь, институты обеспечения стратегической стабильности, такие как Договор о сокращении стратегических наступательных вооружений. Одновременно в современных международных отношениях с момента окончания «холодной войны» растет роль тех международных институтов, которые в научной литературе получили нечасто упоминаемое наименование «минилатеральных» (Kahler, 1992). Под «минилатеральными» понимаются такие международные институты, в работе которых участвует больше двух, но меньше десяти стран.

Формально, минилатеральные институты являются многосторонними. Однако природа многосторонних институтов, в работе которых участвует более ста стран, и природа институтов, в работе которых участвует менее десяти стран, существенным образом различается (Ruggie, 1992). Например, при формировании многосторонних международных политических институтов на региональном уровне с большим числом участников давление со стороны крупной державы, часто называемой «гегемоном», даже если эта держава не принадлежит к данному региону, оказывает положительное влияние на сотрудничество стран в регионе, приводящее к формированию таких институтов (Keohane, 1984). Однако роль гегемона начинает играть негативную роль при попытках формирования таких институтов небольшим числом участников.

Так, в 30-х гг. XX в. британская гегемония в западноевропейской политике стала важным препятствием для создания таможенного союза Бельгии, Нидерландов и Люксембурга (Eichengreen, Irwin, 1995). Тогда же британская гегемония сыграла негативную роль в налаживании экономического и политического сотрудничества между этими тремя странами и Северными странами: Данией, Норвегией, Финляндией и Швецией (Roon, 1989). Наконец, уже в 60-х гг. XX в. британская гегемония стала одним из факторов, предотвративших создание Североевропейского экономического союза, который планировали создать на базе Северного совета четыре вышеперечисленные северные страны, к которым по окончании Второй мировой войны присоединилась также Исландия (Archer 1976).

Одним из факторов кризиса многосторонних международных политических институтов с большим числом участников и роста роли минилатеральных институтов является уменьшение роли держав-гегемонов в международной политике вследствие распада биполярной системы в конце XX в. и на короткое время пришедшей ей на смену однополярной системы в начале XXI в. Как правило, минилатеральные институты создаются одним из двух путей. Во-первых, они могут создаваться путем увеличения числа участников прежде двусторонних международных институтов вследствие распада биполярного, а затем и однополярного мира. Так, сегодня можно услышать призывы расширить двусторонние институты стратегической безопасности, созданные США и СССР в годы «холодной войны» за счет включения в них Китая и европейских ядерных держав: Великобритании и Франции.

О кризисе однополярного мира свидетельствуют призывы к формированию минилатеральных институтов без участия США в сфере миротворчества, в деятельности которых приняли бы участие те

страны, которые недовольны американской гегемонией в миротворчестве (Kreps, 2011). Во-вторых, минилатеральные институты могут создаваться путем формирования малых коалиций среди стран-участниц многосторонних институтов с большим числом участников в условиях, когда эти последние институты оказываются неспособными разрешать кризисы, пытаются подменить процесс принятия решений в условиях кризиса дискуссией о том, все ли страны, участвующие в этой дискуссии, имеют моральное право в ней участвовать. С начала XXI в. регистрируется рост влияния минилатеральных институтов вследствие кризиса глобального управления (Bradford, Linn, 2007).

Аналогично, кризис трансатлантических институтов приводит к появлению минилатеральных объединений стран-участниц НАТО (Pannier, 2015). Наконец, кризис европейской интеграции, ставший очевидным еще до того, как Великобритания приняла решение выйти из состава Европейского Союза, привел к увеличению роли минилатеральных объединений стран-участниц ЕС (Moret, 2016). Возникновение минилатеральных институтов двумя путями — путем включения новых участников в двусторонние институты и путем формирования малых коалиций внутри многосторонних институтов — обуславливает актуальность лабораторного исследования, результаты которого представлены в данном докладе. Целью этого исследования является определить, какой из двух путей формирования минилатеральных институтов является более эффективным.

Вопрос об эффективности путей формирования минилатеральных институтов требует операционализации. Представляется, что процесс формирования минилатеральных институтов становится эффективным тогда, когда страны, готовые потенциально принять участие в работе таких институтов, оказываются способными солидарно принять, как минимум, одно решение — решение о создании такого института. Таким образом, процесс формирования минилатеральных институтов является тем более эффективным, чем в большей степени страны-участницы таких институтов готовы демонстрировать солидарность друг с другом. Благодаря Э. Дюркгейму, мы знаем о двух типах солидарности: механической и органической (Дюркгейм, 1996). Механическая солидарность возникает у одинаковых участников того или иного процесса, органическая — у разных.

Ожидать возникновения механической солидарности не представляется возможным у государств на международной арене, где нет ни одной пары государств, чьи интересы совпадали бы полностью. Однако в небольших группах государств может возникнуть (и подчас возникает на практике) органическая солидарность двух типов. Солидарность первого типа возникает тогда, когда, выбирая из нескольких вариантов того или иного решения, небольшая группа стран отдает предпочтение тому из обсуждаемых вариантов, который представляется наиболее приемлемым большинству из этих стран. На те же страны, для кого этот вариант представляется наименее приемлемым, оказывается давление с целью убедить их согласиться с этим вариантом «ради солидарности» с остальными членами группы.

Солидарность второго типа возникает тогда, когда те же страны, выбирая из того же набора вариантов, отдают предпочтение тому варианту, который, не будучи наиболее приемлемым для большинства стран в группе, одновременно не является наименее приемлемым ни для одной из этих стран. Способность минилатеральных групп стран находить и отдавать предпочтение таким вариантам свидетельствует о высокой эффективности процесса институционализации группы. Данное лабораторное исследование позволяет определить, как предыдущий опыт обсуждения проблемы в двустороннем или многостороннем формате влияет на выбор участниками минилатеральной группы того варианта решения этой проблемы, который, не будучи наиболее приемлемым для большинства участников, одновременно не является наименее приемлемым ни для одного из них.

Для этого участники эксперимента (всего в эксперименте пока приняли участие 421 человек; эксперимент будет продолжен) были поделены на группы примерно по 20 человек в каждой; каждой группе было предложено обсудить одну из проблем современных международных отношений. В половине групп участников сначала просили обсудить эту проблему в ходе нескольких встреч один на один с другим участником, затем — в ходе нескольких встреч по 3-4 участника (эти встречи моделировали минилатеральный формат переговоров), а затем — в ходе двух встреч, в каждой из которых приняла участие половина группы (эти встречи моделировали многосторонний формат переговоров). Во второй половине групп участников сначала просили обсудить ту же проблему в многосто-

роннем формате, затем — в минилатеральном формате, и в конце эксперимента — в формате один на один.

Промежуточные итоги эксперимента показывают, что в тех группах, где обсуждению проблемы в минилатеральном формате предшествовало ее обсуждение один на один (а обсуждение в многостороннем формате было отложено на конец эксперимента), участники в 64 % случаев выбирали тот вариант решения проблемы, который, не будучи наиболее приемлемым для большинства участников встречи из трех-четырех человек, одновременно не является наименее приемлемым ни для одного из них. В тех же группах, где обсуждению проблемы в минилатеральном формате предшествовало ее обсуждение в многостороннем формате (а встречи один на один были отложены на конец эксперимента), вероятность выбора варианта, который, не будучи наиболее приемлемым для большинства участников встречи из трех-четырех человек, одновременно не является наименее приемлемым ни для одного из них, возростала до 83 %.

Литература и источники

- Дюркгейм Э.* Разделение общественного труда. М.: Канон, 1996.
- Archer C.* Britain and Scandinavia: Their Relations with EFTA, 1960–1968 // *Cooperation and Conflict*. 1976. Vol. 11. No. 1. P. 1–23.
- Bradford C.I., Linn J.F.* Reform of Global Governance: Priorities for Action. Brookings Institution Policy Briefing 163, 2007. URL: <https://www.brookings.edu/articles/reform-of-global-governance-priorities-for-action/>
- Eichengreen B., Irwin D.A.* Trade Blocs, Currency Blocs and Reorientation of World Trade in the 1930s // *Journal of International Economics*. 1995. Vol. 38. No. 1. P. 1–24.
- Kahler M.* Multilateralism in Small and Large Numbers // *International Organization*. 1992. Vol. 46. No. 3. P. 681–708.
- Keohane R.O.* After Hegemony: Cooperation and Discord in the World Political Economy. Princeton: Princeton University Press, 1984.
- Kreps S.E.* Defining Cooperation under Unipolarity // *Coalitions of Convenience: United States Military Interventions after the Cold War* / Ed. by S.E. Kreps. Oxford: Oxford University Press, 2011. P. 14–23.
- Moret E.* Effective Minilateralism for the EU: What, When and How. European Union Institute for Security Studies 17, 2016. URL: <https://www.iss.europa.eu/content/effective-minilateralism-eu---what-when-and-how>
- Pannier A.* Le “minilateralism”: une nouvelle forme de coopération de défense // *Politique étrangère*. 2015. No. 1 (mars). P. 37–48.
- Roon G., van.* Great Britain and the Oslo States // *Journal of Contemporary History*. 1989. Vol. 24. No. 4. P. 657–664.
- Ruggie J.* Multilateralism: the Anatomy of an Institution // *International Organization*. 1992. Vol. 46. No. 3. P. 561–598.

*С.А. Ланцов (Санкт-Петербург),
И.С. Ланцова (Санкт-Петербург)*

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ПРИРОДА, МЕСТО И РОЛЬ БРИКС В СОВРЕМЕННОЙ МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ

Прошедший в августе 2023 г. в ЮАР очередной саммит БРИКС имеет важное значение как для самого объединения, так и для всей мировой политики. Принятое на этом саммите решение вновь обратиться к вопросам об институциональной природе БРИКС и об определении его места в международных процессах является весьма значимым.

Нередко БРИКС в политической публицистике называют международной организацией, но такое определение с точки зрения теории международных отношений ошибочно. Основными признаками международной организации считают: договорной характер, наличие нормативной базы, определяющей ее деятельность, наличие постоянных руководящих органов, а также технического аппарата. Ничего этого в БРИКС на сегодняшний день нет. БРИКС — это международный институт нового типа, такой как G7, G20, АТЭС и ряд других объединений, возникших в последние десятилетия. Такие новые институты имеют ряд преимуществ перед традиционными международными организациями. Они более мобильные и менее забюрократизированные, поэтому такие институты могут лучше реагировать на возникающие в мире проблемы, решать задачи глобального управления.

Создание и развитие БРИКС, таким образом, связано с процессами, происходившими в мировой политике в первые десятилетия XXI в. Любопытно, что сама аббревиатура БРИКС появилась раньше, чем само это объединение реально возникло. Еще в 2001 г. американский экономист Джим О'Нил высказал предположение, что к середине XXI в. четыре крупных по территории и населению страны Бразилия, Россия, Индия и Китай станут играть более заметную роль в мировой экономике и политике. Данный прогноз он обосновал, имея в виду серьезный потенциал этих государств и демонстрируемые ими высокие темпы экономического роста (O'Neill, 2001, 4). С этого момента понятие «группа БРИК» стало использоваться в научном сообществе. Но и на практике между странами, объединенными этим названием, стали укрепляться разнообразные связи, а некоторые высокопоставленные представители данных стран, например тогдашний и нынешний президент Бразилии Лула да Силва, стали высказываться в пользу более тесного взаимодействия на межгосударственном уровне. В 2008 г. в Екатеринбурге прошла первая встреча министров иностранных дел Бразилии, России, Индии и Китая, а через год там же состоялся первый саммит в том же формате. Таким образом, новое межгосударственное объединение стало реальностью. Так же как и в Большой семье, главной формой деятельности стали ежегодные встречи на высшем уровне, на которых обсуждались интересующие участников вопросы. В 2011 г. к БРИК присоединилась Южноафриканская Республика, с тех пор группа получила свое сегодняшнее наименование БРИКС.

Возникновение БРИКС как реального межгосударственного объединения, претендующего на самостоятельную роль в международных делах, вызвало неоднозначную реакцию в западном политологическом сообществе. С одной стороны, высказывались опасения по поводу того, что БРИКС в перспективе может угрожать интересам стран Запада, а с другой стороны, некоторые эксперты сомневались в устойчивости этого нового международного института. Так, известный американский политолог Дж. Най-младший полагал, что БРИКС не конкурентоспособен по причине социально-экономических различий между его участниками и наличия конкуренции между ними. Другие специалисты считали, что из БРИКС может выпасть Китай, значительно превосходящий своих партнеров по экономическому потенциалу. Некоторые же ставили под сомнение участие России из-за низких темпов ее экономического роста. Вместе с тем некоторое число специалистов полагало, что у БРИКС большие перспективы, вплоть до превращения в полноценную международную организацию (Ардзинба, 2014, 153–162).

Однако большинство прогнозов относительно будущего не сбылось. Никто из участников не обнаружил стремления выйти из объединения, и оно продолжило функционировать без создания формальных атрибутов, присущих традиционным международным организациям. При этом авторитет

БРИКС постоянно возрастал, особенно вне западной части современного мира. Среди государств Африки, Азии, Латинской Америки появились те, которые заявили о своем стремлении присоединиться к данному объединению.

Отношение самих участников БРИКС к его возможному расширению было неоднозначно, но в итоге в августе 2023 г. в Йоханнесбурге решение об этом было принято. С присоединением к БРИКС таких государств как Аргентина, Египет, Саудовская Аравия, Объединённые Арабские Эмираты, Эфиопия и Иран, усилился межцивилизационный характер данного института и вырос его совокупный потенциал. Уже давно давались прогнозы, что БРИКС по своей роли в мировой экономике превзойдет G7, теперь эти прогнозы становятся реальностью.

Расширение БРИКС отражает такую тенденцию в мировой политике, как снижение в ней роли ведущих стран Запада и возрастание роли государств незападного мира. Кроме того, это же расширение отражает дальнейшую эволюцию системы международных отношений в сторону многополярности.

В новом расширенном масштабе БРИКС сможет более успешно решать поставленные задачи по изменению в системе международной торговли и оказывать влияние на реформирование других международных институтов, включая ООН.

Что же касается самой институциональной природы БРИКС, то накопленный опыт позволяет сделать некоторые выводы: сам факт успешного функционирования БРИКС дает основания утверждать, что в его основе лежит сложившийся международный режим сотрудничества. Этот режим основан на неформальных нормах и устоявшихся процедурах, которые позволяют участникам объединения взаимодействовать между собой и совместно принимать решения, касающиеся их общих интересов. До сих пор узкий состав БРИКС позволял ему успешно работать в формате клуба по интересам без создания каких-либо формализованных структур, но расширение, которое, очевидно, не ограничится нынешним раундом, может поставить в повестку дня дальнейшее институциональное развитие объединения. В таком случае нельзя исключить сценарии создания на основе БРИКС полноценной международной организации.

Литература и источники

Ардзинба А.И. Будущее группы БРИКС глазами экспертного сообщества // Международная жизнь, 2014. № 3. С. 150–168.

Jim O'Neill. Building Better Global Economic BRICs // Global Economics Paper. New York, 2001. No. 66. P. 1–16.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО УСТРОЙСТВА СИРИИ И ЛИВИИ: ПРАКТИЧЕСКИЙ ОПЫТ

В последние годы можно наблюдать усиление интереса Российской Федерации к Ближнему Востоку и странам Африки. Прежде всего эта заинтересованность вызвана несколькими факторами, один из них — это попытка России выйти из политической и экономической изоляции со стороны западных стран, в которой страна оказалась вследствие украинского кризиса. Особенно Россия заинтересована в развитии всестороннего сотрудничества с исламскими странами Средиземноморья, поскольку эти страны религиозно, ценностно, идеологически и культурно сильно отличаются от стран Западного мира. Тем самым присутствует возможность противопоставления Западного и Восточного миров, что приводит к новым политическим коалициям, в которых заинтересованы различные страны. Также необходимо заметить, что арабские страны Средиземного моря обладают огромными запасами природных ресурсов, что усиливает их политические позиции на международной арене. Для автора представляет интерес сравнительное исследование политического устройства двух исламских стран Средиземноморья, расположенных на разных континентах — это Сирия и Ливия. Изучение сходств и различий этих стран способствует более точному изучению общественно-политической ситуации ближневосточного и африканского регионов с целью налаживания эффективного межгосударственного сотрудничества.

Статья основана на материалах экспертных интервью и социологических исследований, которые проводились на территориях Сирии и Ливии.

Сходства:

- На территориях обоих государств идут гражданские войны с косвенным участием третьих стран. Наличие их сильного влияния на внутривнутриполитические процессы двух сравниваемых стран играет одну из ключевых ролей в их жизнедеятельности. Иностранные государства выделяют не только экономическую помощь, но и поставляют вооружения сторонам конфликта. В Сирии наиболее заметными акторами являются Россия, Турция, Иран и США. В Ливии значительное влияние имеют Турция, Италия, Франция, Египет, Арабские Эмираты и Россия.
- Родоплеменной фактор играет одну из самых значимых ролей в общественно-политической жизни Сирии и Ливии. Принадлежность к тому или иному роду или племени является решающим фактором на выборах в органы власти и местного самоуправления. Традиционно главы семейных кланов договариваются между собой о планировании дальнейшей совместной деятельности во власти и бизнесе.
- Две страны уже многие годы живут под экономическими санкциями. Из-за отсутствия в вышеуказанных странах каких-либо транснациональных компаний все товары и услуги реализуются частными предпринимателями без жестких стандартов качества и серьезного контроля со стороны государства. Все взаиморасчеты в экономиках сравниваемых стран ведутся в наличной неконвертируемой местной валюте.
- Отношение к избирательному процессу в этих государствах скорее формальное. Изучение электоральных законодательств Сирии и Ливии привело к выводам, что правовые акты, регламентирующие процесс выборов, скорее носят декларативный характер, чем практический. При изучении выборного законодательства возникает много процессуальных вопросов, на которые сами местные юристы не могут однозначно ответить. Существует потребность в более детальном прописывании электоральных процедур в правовых актах этих государств. В этом смысле российское электоральное право, прописанное до мелочей, может служить примером для совершенствования выборного законодательства вышеуказанных арабских стран.

Различия:

- Влияние ислама в Сирии менее заметно по сравнению с Ливией. В Сирии нет официальной религии. Согласно Конституции 2012 г., государство обязано уважать все религии и обеспечивать свободу всех религиозных ритуалов. В стране насчитывается 92,8 % мусульман. В Ливии ислам является государственной религией. Согласно статье 2 Конституции, Ливия является исламским государством. На территории страны проживает около 96 % мусульман. В стране очень сильно чувствуется влияние ислама на население, примером тому может служить строжайший запрет на алкогольные напитки и азартные игры. Также необходимо отметить и полное отсутствие женщин в сфере торговли и обслуживания, связанное скорее всего с устоявшимися религиозными традициями общества.
- Отношение к России.
В Сирии в целом население относится с большой любовью к России из-за нескольких факторов: во-первых, преждее тесное сотрудничество со времен СССР в различных сферах; во-вторых, много сирийских специалистов обучались в Советском Союзе и тем самым сохранилась хорошая память о русских среди сирийской интеллектуальной элиты; в-третьих, избавление Сирии от Аль-Каиды и ИГИЛ способствовало формированию имиджа русских как спасителей сирийского народа, и в-четвертых, значительный поток российской гуманитарной помощи в Сирию, который поставляется на протяжении последних 7 лет.
Однако в Ливии отношение к России более прохладное, чем в Сирии, по нескольким причинам. Исторически социально-экономические отношения между странами развивались достаточно посредственно, что отразилось на низкой значимости России для Ливии. Также влияет на отношение к русским и фактор продолжающейся гражданской войны в Ливии. Поскольку в гражданском противостоянии принимают активное участие граждане различных стран в качестве наемников с обеих сторон, то соответственно растет недовольство любыми иностранцами среди местного населения. Главный тезис, который ливийцы повторяют при социологических опросах и экспертных интервью: «Мы, ливийцы, сами должны решать свою судьбу, а не интервенты». Тем самым к русским, как впрочем, и ко всем иностранцам, местное население относится с большой настороженностью. Также необходимо отметить, что многие ливийцы не забывают тот факт, что в 2011 г. Россия не наложила свое вето на резолюцию Совета Безопасности ООН № 1973 о бомбардировке Ливии, что не добавляет доверия к России.
- В Сирии частное предпринимательство развито на порядок лучше, чем в Ливии. Данный факт может объясняться историческими и географическими особенностями двух стран. Сирия исторически и географически располагается на пересечении важных торговых путей между Европой и Азией, соответственно на данной территории исторически шла активная торговля.
В Ливии наблюдается несколько обратная ситуация. Большая часть страны состоит из малонаселенной пустыни, в которой главной задачей малочисленных бедуинов было выживание в суровых условиях северной Африки, а не налаживание торговых отношений. Вторым фактором, который негативно повлиял на предпринимательство, являлось многолетнее правление страной Муамаром Каддафи. Во времена существования ливийской Джамахирии главным источником доходов авторитарного государства была прибыль от продажи нефти и газа за границу, поэтому остальные сферы экономики не развивались. Государство полностью покрывало основные потребности населения, не стимулируя развитие предпринимательства среди населения.

Подводя итоги, можно отметить, что при отсутствии на территории Сирии и Ливии общепринятых демократических институтов гражданского общества, вышеуказанные государства решают свои проблемы относительно эффективно при помощи исторически сложившихся традиций, религии и родоплеменных договоренностей. Эти специфические факторы крайне необходимо изучать при планировании в этих странах совместных социально-политических и инвестиционных проектов.

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЙ ФАКТОР В ПОБЕДЕ ДЖ. БАЙДЕНА НА ПРЕЗИДЕНТСКИХ ВЫБОРАХ 2020 Г.

В последние десятилетия из-за серьезных демографических изменений этнические меньшинства становятся важными акторами внутренней политики, которые оказывают влияние на электоральные результаты и содержание внутренней политики в США. Тем не менее, в предвыборной кампании Байдена фактически не были отражены интересы испаноязычной группы, которая является крупнейшей среди этнических меньшинств. Однако кандидату удалось получить 67 % голосов латиноамериканцев — во многом благодаря антимиграционной политике Трампа, вследствие которой он потерял поддержку данной группы населения. Игнорирование испаноязычной диаспоры привело к негативной реакции со стороны видных и популярных среди данного меньшинства политиков.

Одной из главных характеристик президентских выборов в США за последние несколько десятилетий является тот факт, что ключевое значение приобрело соперничество кандидатов в президенты за голоса отдельных групп избирателей, которые отличаются по своей этнической, религиозной, социальной и политической принадлежности. Следует отметить, что такая трансформация электоральной системы произошла во многом из-за проявившейся несостоятельности концепции «плавильного котла» — идеи ассимилирования мигрантов в американское общество для создания единой американской нации. Кроме того, на это изменение оказало влияние внедрение концепции мультикультурализма, которая пришла на смену «плавильному котлу» и носила более жизнеспособный характер. Главная особенность мультикультурализма состоит в описании специфики существования различных культур, различающихся по этнической и расовой принадлежности. Эта специфика заключается в том, что каждая такая культура существует и развивается самостоятельно и может находиться либо в доминировании над другими, либо, наоборот, дискриминироваться ими. В этом смысле появляется необходимость защиты этнических меньшинств, что на практике представляет собой их активную социальную поддержку, расширение потоков миграции и защиту культурных и религиозных особенностей этих групп, что является серьезным препятствием для полноценной ассимиляции в американское общество.

Сложившаяся система, безусловно, оказывает влияние на ход президентских выборов, во время которых борьба за голоса этнических меньшинств требует от кандидатов встраивания в свои предвыборные кампании пунктов, ориентированных исключительно на отдельные этнические группы.

К примеру, за последние десятилетия в США значительно выросла доля испаноязычного населения. Так, в 2020 г. численность испаноязычного населения составила 62 млн человек (19 % всего населения США). Для сравнения, этот показатель составлял 16 % в 2010 г. и 5 % в 1970 г. По различным демографическим прогнозам, к 2040 г. доля латиноамериканцев может увеличиться до 25 %, в то время как доля белого населения впервые упадет ниже 50 % (Фофанова, 2019).

Согласно мнению директора Института США и Канады РАН В.Н. Гарбузова, для латиноамериканских мигрантов традиционные американские политические институты и принципы, которые формируют основы политической системы США и политическое поведение американцев, не представляют такой же ценности. Вместо их принятия латиноамериканцы фактически экспортируют свои электоральные предпочтения, что ведет к трансформации привычной для американцев системы. Отметим, что это влияние начало проследиваться только в последние два десятилетия, так как вплоть до конца XX в. латиноамериканская диаспора не демонстрировала заинтересованности в участии в электоральных процессах, фактически не участвовала в политической жизни страны и не оказывала влияние на лоббирование своих интересов (Гарбузов, 2020, 7).

Даже в настоящее время латиноамериканцы не представляют собой полноценную электоральную группу — процесс ее формирования еще не до конца завершен. Во многом это объясняется тем, что данная диаспора является самой молодой в Америке, что, безусловно, определяет ее политическую активность. Если обратиться к официальной статистике, то можно увидеть, что в среднем в период с 2000 по 2020 гг. количество латиноамериканцев, участвующих в президентских выборах,

увеличивалось на 3,5 млн избирателей в каждом электоральном цикле. Большинство из них составляли мигранты, которые достигли совершеннолетия, однако среди них также наблюдается высокая степень абсентеизма (Krogstad, 2016).

Также важно отметить, что данная диаспора не демонстрирует монолитность электоральных запросов и предпочтений, а также единство в симпатизировании политическим партиям. Здесь ключевую роль играет страна происхождения мигрантов, их правовой статус, который отличается в зависимости от штата, возраст, половая принадлежность. Так, 62 % мигрантов имеют мексиканские корни. Второе место занимают пуэрториканцы, которые являются американскими гражданами с рождения (так как Пуэрто-Рико находится под управлением США и является неинкорпорированной организованной территорией) — (Черных, 2020).

В целом электоральные предпочтения латиноамериканских мигрантов относятся к Демократической партии, за которую голосует большинство из них. К примеру, во время прошедших президентских выборов 74 % латиноамериканцев проголосовали за Дж. Байдена, в то время как за Д. Трампа проголосовало 23 % мигрантов.

Президентские выборы 2020 г. стали уникальными с различных точек зрения: на них проголосовало рекордное число — 160 млн — американцев, что стало наибольшим показателем за всю историю выборов; впервые латиноамериканские избиратели превысили по количеству афроамериканцев: их число составило 13 % от числа голосовавших или 32 млн человек. Также явка среди данной группы мигрантов составила 64 % при 67 % среди всего населения, что также является характерной чертой выборов 2020 г. (Krawczyk, 2020).

Представляется очевидным, что значительные изменения структуры общества в США актуализировали важность латиноамериканского электората для республиканцев и демократов, каждая из которых стремилась привлечь голоса испаноязычных мигрантов. Так, к примеру, Д. Трамп, с одной стороны, считал важной составляющей своей предвыборной кампании ужесточение миграционного законодательства и завершение строительства стены на южной границе, чем разочаровал большое количество мигрантов, однако, с другой стороны, предложил в случае победы ввести налоговые льготы для этой категории населения и устранить барьеры, мешающие ведению малого и среднего бизнеса. Последний аспект был особенно важным, так как большая часть предприятий малого бизнеса принадлежит именно латиноамериканцам. Дж. Байден в свою очередь в своей предвыборной кампании акцентировал внимание на недопустимости жесткой антимиграционной политики, которую проводил Д. Трамп, на увеличении минимальной оплаты труда латиноамериканцев (до 15 долл. в час). Безусловно, планы ослабления миграционной политики принесли ему большое количество голосов испаноязычных мигрантов, которые видели в стене на южной границе признак ухудшения их социального положения. Кроме того, по данным различных соцпросов, жесткий миграционный курс Трампа действительно разочаровал миллионы американцев и отделил от него в том числе значимую часть сторонников республиканцев (Krawczyk, 2020).

Однако фактически Байден не сумел полноценно воспользоваться всеми преимуществами, которые стали ему доступны после жесткого курса республиканцев по отношению к мигрантам во время президентства Д. Трампа.

Во-первых, агитационная кампания Байдена почти не включала в себя встречи с испаноязычными избирателями. В то же время пример участия Б. Сандерса в президентских выборах 2016 г. и его подготовительная работа к выборам 2020 г. продемонстрировали, насколько важно кандидату взаимодействовать с латиноамериканским электоратом. После проигрыша в 2016 г. Сандерс нанял одного из архитекторов предвыборной кампании Б. Обамы и его социальных реформ З. Экли и создал организацию «Демократы за социальную справедливость», которая в 2018 г. смогла провести в Конгресс 4 своих кандидатов: Александрию Окасио-Кортес, Рашиду Тлаиб, Илхан Омар и Прамилу Джейэпэл, а в 2019 г. еще одного кандидата — Аяну Пресли. Эта группа конгрессменок впоследствии сыграла ключевую роль в кампании Сандерса 2020 г. по привлечению голосов мигрантов. Эта программа сопровождалась обещанием предоставить широким слоям мигрантов весомые социальные преимущества: бесплатное образование в колледжах, бесплатные детские сады, прощение студенческого долга, бесплатная медицина для всех, включая нелегалов, война с истеблишментом и корпорациями, открытые государственные границы и т. п. (Krawczyk, 2020).

В то же время Байден не только не уделил достаточного внимания мигрантам, но и не предпринял усилий, чтобы разорвать сформировавшуюся в их глазах связь с жестким курсом Обамы, при администрации которого он занимал пост вице-президента по депортации незаконных мигрантов. Справедливости ради, пандемия COVID-19 сделала практически невозможным для кампании Байдена охват латиноамериканских избирателей посредством личной агитации, а сокращающийся денежный запас кампании не помог ей реализовать избирательную кампанию в Интернете. Тем не менее, Байден даже не поговорил с Хулианом Кастро, не говоря уже о том, чтобы получить одобрение от него, единственного видного испаноязычного кандидата в гонке 2020 г., и его кампания, похоже, не обращалась за помощью к латиноамериканским законодателям и стратегам

Político, ссылаясь на анонимного латиноамериканского законодателя, привела в пример его позицию по отношению к кампании Байдена. По его мнению, стратегия Байдена в отношении латиноамериканского сообщества фактически полностью отсутствовала (Montoya, 2020).

Влиятельная конгрессвумен от демократов А. Окасио-Кортес, комментируя подход Байдена к диалогу с латиноамериканцами, заявила, что стратегия в этом направлении действительно прослеживалась, но необходимые усилия просто не были предприняты. Опираясь на случай Флориды, которая оставалась в руках Дональда Трампа отчасти благодаря голосам американцев кубинского происхождения, она утверждает, что долгое время поднимала острые вопросы по поводу слабостей демократов в отношениях с латиноамериканцами.

В преддверии новых президентских выборов и до официального выдвижения в кандидаты в президенты Байден старается изменить подход к мигрантам из Латинской Америки: во-первых, сегодня остро стоит вопрос нелегальных мигрантов на южных границах, с которыми не справляются крупные города США (к примеру, Нью-Йорк и Лос-Анжелес), а власти Техаса и Флориды депортируют их в демократические штаты; во-вторых, уровень поддержки Байдена среди американского населения упал до рекордно низких значений, что вынуждает его в срочном порядке заручиться голосами уязвимых слоев населения (The Changing..., 2020).

Литература и источники

Бондарев И.В. Влияние протестов “Black Lives Matter” на президентскую гонку в США в 2020 г. // Гуманитарный акцент. — 2021. — № 2. — С. 36–41.

Гарбузов В.Н. Свет и тени американской исключительности // США & Канада: экономика, политика, культура. — 2020. — № 11. — С. 5–21.

Фофанова А.Р. Демократическая партия США и президентские выборы 2020 года: основные кандидаты, темы и особенности предвыборной риторики // Регионоведение. — 2019. — № 3 (108). — С. 398–412.

Черных М.А. Роль испаноязычных американцев в политических процессах США: президентские выборы 2020 г. // Россия и Америка в XXI веке. — 2021. — № 2. URL: <https://rusus.jes.su/s207054760015929-8-1/> (дата обращения: 11.09.2023).

KrawczykK. Biden campaign doesn't consider Latinos part of their path to victory, political operatives say // The Week. — 2020. — Mar, 14. — URL: <https://www.yahoo.com/news/biden-campaign-doesnt-consider-latinos-143056489.html> (дата обращения: 12.09.2023).

The Changing Racial and Ethnic Composition of the U.S. Electorate // Pew Research Center. — 2020. — Sep, 23. — URL: <https://www.pewresearch.org/2020/09/23/the-changing-racial-and-ethnic-composition-of-the-u-s-electorate/> (дата обращения: 13.09.2023).

ОГНЕСТРЕЛЬНОЕ НАСИЛИЕ КАК ВЫЗОВ ДЛЯ ШВЕДСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ

На сегодняшний день Швеция является европейским лидером по числу случаев уличной стрельбы. Важно отметить, что сдвиг в этом направлении произошел относительно недавно, всего 10 лет назад. В то время, как мы можем перечислить ряд процессов, с которыми связан такой рост — это и глобализация преступности, и большой приток иммигрантов в страну, и неэффективно выстроенная пенитенциарная система — найти комплексного объяснения проблеме исследователям пока не удается.

В настоящей работе попытаемся заполнить эту лауну: мы соберем воедино актуальные исследования по вопросу, приобщим к ним ряд первичных источников — актуальную статистику, законодательные и нормативные акты, новостные сводки и интервью экспертов, и рассмотрим проблему с точки зрения действующего шведского правительства — коалиции консерваторов во главе с нынешним премьер-министром страны Ульфом Кристерссоном и ультраправых шведских демократов.

Наблюдается все более усиливающееся бессилие государства перед ростом преступности. Как отмечает Национальный совет по предотвращению преступлений (Brå), начало роста стрельбы на улицах можно отследить еще к 2005 г., но до 2013 г. он компенсировался уменьшением случаев насилия в других его формах, тем самым позволяя шведской статистике держаться на европейском уровне (Selin, 2021). Но оружие все прибывало в страну, и вскоре ситуацию уже нельзя было игнорировать: с 2018 г. Швеция оказалась на вершине европейской статистики (Carlsson, Dahlman, 2023).

Как показывает совместное исследование шведского Национального совета по предотвращению преступности (Brå) и European Homicide Monitor (EHM), восемь из десяти убийств с применением огнестрела совершаются в криминальной среде (Selin, 2021).

В 2022 г. был зарегистрирован 391 случай, из них 62 — с летальным исходом. Схожая статистика наблюдается в 2023 г.: за шесть месяцев — 172 случая стрельбы, из которых 21 — летальный (Polisen.se, 2023).

Мы можем объяснить это переменной характера шведской преступности. Как и во многих странах Европы, за последние 30 лет она пережила демократизацию и глобализацию: традиционная организованная преступность уходит в небытие, а вместе с ней и существовавшая ранее система сдержек и противовесов. Теперь, когда доступ к каналам поставок наркотиков и оружия становится как никогда простым — достаточно иметь знакомства и доступ в Интернет — шведские преступники больше не мыслят себя как участников какой-то группировки, но скорее просто как людей, которые с детства друг друга знают и вместе добывают деньги всеми возможными способами (Daly, 2023).

Между тем, статистика в отношении жертв и преступников остается консервативной: большинство жертв насилия с применением огнестрельного оружия (56 %) родились за пределами Швеции, большинство же преступников (более 60 %) были рождены уже на территории страны (Krüsselmann, Aarten, Granath, Kivivuori, Markwalder, Suonpää, Thomsen, Walser, Liem, 2023). При этом ни одно из рассмотренных нами исследований не указывает на этническую принадлежность преступников и их жертв. Нам остается лишь уточнить, что случаи стрельбы с летальным исходом в подавляющем большинстве регистрируют в неблагополучных районах типа стокгольмского Ринкебю, где исторически живут иммигранты первого и второго поколений. Второе поколение иммигрантов, разумеется, подпадает под аккуратное определение: рождены на территории Швеции (Suonpää, Kivivuori, Aarten, Ahven, Granath, Markwalder, Skott, Thomsen, Walser, 2022).

Добавим, что чаще всего насилие с применением огнестрельного оружия регистрируют в трех крупнейших городах страны: Стокгольме, Гётеборге и Мальмё, где концентрируются основные потоки иммиграции в Швецию (Khoshnood, 2018).

Данные показывают, что шведская преступность только молодеет (Suonpää, Kivivuori, Aarten, Ahven, Granath, Markwalder, Skott, Thomsen, Walser, 2022). Микаэль Тернфальк, исследователь работы социальных служб при Уппсальском университете, видит две основные причины этого. Во-первых

(SVT Play, 2022), родители юных преступников часто не говорят по-шведски, а соответственно не могут должным образом регистрировать, что происходит с их детьми в школе и за ее пределами, понимать, в каких кругах они вращаются. Во-вторых, по мнению исследователя, шведские органы опеки так и не могут прийти к должному балансу между перевоспитанием трудных подростков и защитой общества от них, опасно склоняясь в сторону последнего (Tärnfalk, Alm, 2021).

Меры по борьбе с проблемой остаются прежними. 20 декабря главы трех правящих партий и лидер шведских демократов Йимми Окессон предложили ряд изменений в законодательстве, чтобы остановить волну насилия (Politico, 2023):

1. Установление в особо опасных районах «временных зон», в которых полиция могла бы проводить обыски на предмет наличия огнестрельного оружия и взрывчатки, даже при отсутствии доказанных подозрений.
2. Также власти уверены, что использование анонимных свидетелей во время судов — сейчас это запрещено — позволит выносить больше обвинительных приговоров.

Помимо этих мер, консерваторы также вносят (Moderaterna, 2023) на рассмотрение следующие:

1. Принятие законопроекта о предотвращении преступлений в муниципалитетах.
2. Увеличение мер поддержки семьи с целью предотвращения преступлений среди несовершеннолетних.
3. Расширение полномочий учреждений пенитенциарной системы и центров временного содержания.
4. Расширение взаимодействия с регионами по предотвращению преступлений на почве чести.
5. Понижение возраста ответственности за преступления.

В то время как пакет этих поправок уже принят, вопрос об установлении «временных зон» находится на рассмотрении до 22 января 2024 г. (Riksdagen, 2022). Консерваторы также предлагают расширить коммуникацию между силовыми службами страны, чтобы те могли свободно обмениваться информацией, а также пересмотреть акт «О видеонаблюдении» с тем, чтобы уличные камеры были установлены в еще большем количестве мест, и разрешить полиции прослушивать подозреваемых в преступлениях (Moderaterna, 2023).

Выводы. Давать советы по разрешению сложившегося кризиса не является целью настоящего исследования, однако хочется провести четкую разграничительную линию между событиями в Швеции и, например, во Франции и США. Эти события не аналогичны друг другу: если в Америке и Франции наиболее одиозные случаи уличного насилия (мы говорим о движении BLM и протестах, вызванных трагедией в Нантере соответственно) — в том числе, и с применением огнестрельного оружия — носили характер погромов, то в Швеции речь идет, скорее, о конфликтах между различными преступными группировками, под перекрестный огонь которых раз за разом попадают невинные люди. В то время как характер ущерба похож, меры, которые уместно предложить, сильно различаются. Действительно, в США во время разгара активности BLM, протестующие не трогали районы, большинство жителей которых владели гражданским оружием (ACLEED, 2020). Более того, статистические данные американского Центра исследований по предотвращению преступлений показывают (CPRC, 2019), что с 1950 по 2019 г. доля шутингов, произошедших за пределами «свободных от оружия» зон, составляет лишь 6 %. К таким зонам обычно относят, например, школы и супермаркеты. А в тех 20 штатах, где учителя вооружены, не было ни одного случая шутинга в школе (Lott, 2019). Французские граждане, тем временем, оставались беззащитны перед погромщиками — Франция славится одними из самых строгих законов об оружии (Service-public.fr, 2019).

Значит ли, это, что гражданское оружие станет панацеей от насилия и в Швеции? Это либертарианский ответ на проблему, и он кажется естественным для шведского общества, которое часто называют «либертарианским» или «либертарным», и которое не единожды подтверждало свою приверженность индивидуальным свободам — как во время пандемии коронавируса, отказавшись (Aeon, n.d.), вопреки всеобщему тренду, от локдаунов, так и с недавними акциями сожжения Корана (www.aftonbladet.se, 2023), осужденными всеми инстанциями власти, но все-таки санкционированными полицией, во имя все тех же индивидуальных свобод. Так ложится ли гражданское оружие в эту кар-

тину? Конечно, нет. Упрощение доступа к нему приведет лишь к новой активизации крайне правых экстремистов, как это было в 90-е, и росту числа убийств — только уже на расовой почве.

Между тем, эффективность расширения государственного присутствия в частной жизни граждан — а именно это, в сущности, предлагает кабинет Кристерссона — пока сложно оценить, так как перечисленные выше меры были имплементированы совсем недавно, и то не полностью, и пока не дали никаких измеримых результатов. Важно отметить отсутствие упоминания в разрабатываемом шведским правительством комплексе мер перекрытия поставок нелегального оружия и структурных реформ в пенитенциарной системе. Без этих мер трудно положить конец насилию в Швеции, независимо от количества преступников, посаженных в тюрьму централизованной полицией.

Литература и источники

“Killing Is Simple”: Fear and Bloodshed in One of Europe’s Wealthiest Nations [Электронный ресурс] / M. Daly // Vice News. — 2023. — Режим доступа: <https://goo.su/JtYiJLe>.

Armes [Электронный ресурс] // Service-Public. — 2023. — Режим доступа: <https://goo.su/IRcC3KQ>.

Demonstrations & political violence in America [Электронный ресурс] // ACLED. — 2020. — Режим доступа: <https://goo.su/G1Eu5Dn>.

Dödligt skjutvapenvåld i Sverige och andra europeiska länder / Selin K.H. — Stockholm: Brottsförebyggande rådet, 2021. — 134 P

Gang violence at home hampers Sweden’s EU vision [Электронный ресурс] // Politico. — 2023. — Режим доступа: <https://goo.su/FyPcB2l>.

Hur får vi ordning på brottsligheten? [Электронный ресурс] // Moderaterna. — 2023. — Режим доступа: <https://goo.su/kc89xn>.

Khoshnood A. Firearm-related violence in Sweden — A systematic review // Aggression and Violent Behavior. 2018. No. 42. P. 1–17.

Krüsselmann K., Aarten P., Granath S., Kivivuori J., Markwalder N., Suonpää K., Thomsen A.H., Walser S., Liem M. Firearm Homicides in Europe: A Comparison with Non-Firearm Homicides in Five European Countries // Global Crime. 2023. No. 24 (2). P. 145–167.

Libertarian Gun Control [Электронный ресурс] / Ayres I., Vars F.E. // Yale. — 2016. — Режим доступа: <https://goo.su/jiduez>.

Morgonstudion [Электронный ресурс] // SVT Play. — 2022. — Режим доступа: <https://goo.su/MYCHIUk>.

Schools that Allow Teachers to Carry Guns are Extremely Safe: Data on the Rate of Shootings and Accidents in Schools that allow Teachers to Carry [Электронный ресурс] / Lott. J.R. // CPRC. — 2019. — Режим доступа: <https://goo.su/C0jtlO>.

Sprängningar och skjutningar — polisens arbete [Электронный ресурс] // Polisen.se. — 2023. — Режим доступа: <https://goo.su/ozCV>.

Suonpää K., Kivivuori J., Aarten P., Ahven A., Granath S., Markwalder N., Skott S., Thomsen A.H., Walser S. Homicide drop in seven European countries: General or specific across countries and crime types? // European Journal of Criminology. 2022. P. 1–28. <https://doi.org/10.1177/14773708221103799>

Tärnfalk M., Alm C. Social worker motivations and organisational prerequisites for care of children who commit crimes — the best interests of the child or the protection of society? // European Journal of Social Work. 2021. No. 24 (1). P. 1–14.

The Swedish theory of love [Электронный ресурс] / Trägårdh L. // Aeon. — 2023. — Режим доступа: <https://goo.su/wKLx>.

Uppdrag att utreda frågan om visitationszoner [Электронный ресурс] // Riksdagen. — 2022. — Режим доступа: <https://goo.su/13nD4>.

Varför lyckas inte polisen minska skjutvapenvåldet i Sverige? [Электронный ресурс] / E. Carlsson, K.A. Dahlman // LUP-SP. — 2023. — Режим доступа: <https://goo.su/HbACb>.

ДИСКУРС СТРАТЕГИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ: ЦИФРОВЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ, РОССИЙСКАЯ МОЛОДЕЖЬ И МЕНЕДЖМЕНТ СОПУТСТВУЮЩИХ РИСКОВ

Исследование выполнено при финансовой поддержке ЭИСИ в рамках научного проекта «Стратегии, механизмы и практики управления информационными рисками в условиях медиатизации и геймификации социально-политических коммуникаций российской молодежи поколения Z», который реализуется в ИНИОН РАН.

Целью представленного исследования стало изучение способов трансляции позиций и мнений в медиа-пространстве, а также маркирование конфликтных противоречий в результате влияния стремительного распространения новых медиа на аудиторию современной российской молодежи. В ходе исследования были организованы фокус-группы, направленные на определение тенденций формирования содержательных предпочтений молодого поколения в дискурсе использования новых медиа, а также проведены мониторинг социальных медиа и опрос, выявляющие наиболее эффективные методы информационного воздействия.

Мониторинг медиа позволил отметить тенденцию на сохранение значимости материальных ценностей в привлекательных медиатизированных форматах трансляции. Манипуляции с использованием визуального инструментария катализируют эффективность реализации стратегий брендинга вещей и смыслов. Исследование показало, что обозначенный феномен выступает в качестве магистрального инструмента влияния на общественное сознание молодежи. В ходе проведенного анализа был также зафиксирован не менее значимый тренд на «маскировку» политического контента в потоке отличных по тематике неполитизированных месседжей на ресурсах, не предполагающих включение политической повестки.

Результаты фокус-групп продемонстрировали, что постоянная трансляция определенных мнений инфлюенсерами в распространенных социальных медиа способствует нивелированию способности молодежи к критическому осмыслению политико-социальной реальности. Более того, реципиенты становятся ретрансляторами «недостовверных» и «спорных» идей, смыслов, образов, задающих единый аксиологический фон изучаемой когорты. Иллюзия информационного доверия обеспечивается блогерами благодаря апелляции к тому, что воспринимается молодыми индивидами как наиболее ценное и лично значимое (в особенности — либеральные ценности). Помимо этого, важную роль играет формат подачи материала. Выявлено, что инструментарий популярных социальных медиа концентрируется на удержании внимания аудитории посредством визуально притягивающего продукта, что не обязательно соответствует его характеристикам оффлайн.

Помимо этого, нельзя упускать из поля исследовательского внимания и аспект запроса российской молодежи на так называемую «политику новой искренности» (Tolson, 2010). Тезис подтвержден в ходе качественного опроса. Безусловное доверие ретранслятору мнений формирует и катализирует существенные риски, увеличивая необоснованный информационный резонанс. В сущности, единственным инструментом менеджмента подобных рисков становится качественная проверка фактов на истинность. Факт-чекинг способствует достижению цели по формированию объективной картины социальной, политической, экономической обстановки, а также нивелирует необоснованное недоверие к институтам, снижает конфликтность онлайн-коммуникаций и минимизирует уровень протестных настроений.

Рискогенность информационных потоков, вплетенных в канву новых медиа в их всеобъемлющем воздействии на сознание молодого поколения, сводится к трансформации ценностных паттернов и мыслительных фреймов. Минимизация подобных рисков обеспечивается более активным внедрением в информационную среду социальных сетей альтернативных позиций и мнений, некатегоричного представления патриотических взглядов и умеренных традиционных ценностей на различных площадках. Удовлетворение запроса аудитории на научно-популярный контент, выявленное в ходе

качественного опроса, по мнению авторов, аналогичным образом способствует становлению критического мышления у пользователей новых медиа.

В качестве ключевых рисков, генерируемых воздействием медиатизации на сознание молодых индивидов, обозначаются вероятность распространения деструктивных смыслов, интенсификация конфликтного и протестного потенциала, деконсолидация общества, катализация межэтнической вражды в онлайн-пространстве и др. Так, обращение к исследованию новых медиа в качестве наиболее значимого инструмента воздействия на формирование вектора ценностных приоритетов молодого поколения обладает высокой степенью актуальности и требует стратегического анализа и планирования в контексте реализации государственной политики для обеспечения глобальной конкурентоспособности государства, претворения в жизнь сценариев устойчивого развития и, наконец, формирования сильного гражданского общества.

Исследование продемонстрировало, что рискогенность в виде усиления протестного потенциала, антипатриотических настроений, распространения фейковой информации свойственна и для неполитических блогов и медиа-страниц. Выявление и купирование информационных рисков есть одно из приоритетных направлений работы в области стратегического управления в России, в частности — в структуре реализации современной молодежной политики.

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ЦЕННОСТЕЙ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОГО ИМПЕРИАЛИЗМА

Проект № 123091200062-2 «Ценностный базис российского сетевого пространства в условиях глобального цифрового империализма» реализован в Институте научной информации по общественным наукам РАН по итогам отбора научных проектов, поддержанных Министерством науки и высшего образования РФ и Экспертным институтом социальных исследований.

Значимым фактором общественного мнения является формирование ценностного базиса общества. В условиях существования глобальных медиа, аморфных границ национальных коммуникативных пространств на фоне углубляющегося геополитического разлома и усложнения структуры акторов политической коммуникации проблема контроля над формированием ценностей выходит на первый план и становится одной из гарантий суверенитета российского общества.

Хотя феномен кибербалканизации зачастую рассматривается критически, как негативное проявление распада единого киберпространства, при рассмотрении Интернета в качестве элемента процесса глобализации правомерна постановка вопроса о суверенетизации сегментов глобальной сети как важной части деколонизационной политики, проводимой правительствами национальных государств. Неизбежно возникает вопрос и о ценностном наполнении такой деколонизации.

Контроль над крупными интернет-платформами является значимым вопросом как на государственном и межгосударственном уровнях, так и на уровне ключевых политических акторов в крупных странах, например в США. Фактор платформы становится ключевым для социально-политической коммуникации. Веб 2.0, в период которого возникли «цифровые империи» в виде глобальных цифровых социальных сетей, блог-платформ, можно характеризовать как своеобразную «концентрацию киберпроизводства» и формирование «интернет-монополий».

Проблематика неравенства в отношениях между «империалистами» и странами, выступающими в роли объекта империализма, не является чем-то новым для политической коммуникативистики, и не связана только лишь с широким распространением Интернета.

Понятие культурного империализма известно с 20-х гг. XX в., а рост исследований в этой области наметился к 70-м гг., когда в политической экономии коммуникаций широкое распространение получила тема «медиаимпериализма». В то же время возник концепт электронного или цифрового колониализма.

Поскольку цифровой империализм включен в более широкий спектр явлений, объединенных культурным империализмом, то даже категориальный аппарат исследований в этой области становится полем эпистемологических войн, зачастую инициируемых самими культурными империалистами. Эпистемологическое неравенство в международных делах проявляется и в политике двойных стандартов по отношению к «научным» категориям. Примером может послужить концепт «мягкой силы», который в контексте стран незападного блока был переформулирован западными исследователями в «острую силу» при сохранении примерно того же содержания. На уровне запретов (или угрозы запретов) кибербалканизация проявляется в санкциях относительно отдельных приложений и сайтов (что характерно как для классических медиаимпериалистов, так и для традиционных борцов с цифровой колонизацией).

В условиях постколониального общества культурный и медиаимпериализм становятся новыми измерениями мировой гегемонии. Являясь инструментами мягкой силы, сетевые платформы становятся дискурсивными пространствами, репродуцирующими ментальный колониализм.

В то же время следует различать политический и экономический медиаимпериализм, которые хотя и могут совпадать по своим целям, но зачастую имеют весьма важную специфику. В результате пилотажного исследования, проведенного среди каналов, входящих в русскоязычный топ-100 видеохостинга Youtube, автор пришел к выводу о неоднозначном характере формирования политического дискурса и декларируемых ценностей. С одной стороны, благодаря проведенным на Youtube

блокировка формирования пророссийских ценностей на уровне каналов с большим количеством подписчиков затруднительно. С другой — оголтелая пропаганда антироссийских ценностей также сталкивается с серьезными трудностями. В результате господствует экономическая логика на основе экономических же ценностей. Топовые блогеры вынуждены считаться с мнением своей аудитории, следовательно, Youtube не стал доминирующим актором медиаимпериализма на российском пространстве.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ЭРОЗИЯ КАК МЕТОД ПОДЧИНЕНИЯ СУДОВ И СМИ АВТОРИТАРНОМУ ПОПУЛИЗМУ: РЕЗУЛЬТАТЫ ПРАВЛЕНИЯ «ПРАВА И СПРАВЕДЛИВОСТИ» (ПИС) В ПОЛЬШЕ

Приход к власти Пис в 2015 и 2019 гг. изменил структуру политической власти в стране на системном уровне. Смещение Польши в сторону консервативного национал-популизма характеризовалось возобладанием неформальных практик политической игры над установленными и юридически зафиксированными институтами, что характерно для авторитаризмов и немыслимо для устоявшихся демократий. Несмотря на существование демократической конституции 1997 г. польская политика сегодня живет большей частью, основываясь на самобытных неформальных и кулуарных обычаях, противоречащих принципам демократии, особенно это характерно для партийно-парламентской сферы.

Меж тем внешне Польша остается вполне либерально-демократическим государством в юридическом смысле этого понятия. В связи с этим руководству Европейского союза оказывается крайне сложно влиять на польское правительство и принуждать его к демократии, так как в формально-правовом срезе Польша большей частью остается прежней. Механизмы ЕС плохо справляются с оценкой ситуации, когда речь идет не о принятых польских законах, а о практике их исполнения и применения, о превышении полномочий. Также ЕС плохо распознает не конкретные кейсы правоприменения, а их совокупный, кумулятивный и синергический эффект.

Толерантность же к формальным институтам, которые существуют для вида, никем не соблюдаются (и все это знают) возникла в Польше во времена вступления в ЕС, когда многие законодательные условия вступления принимали второпях, не вдаваясь в дух закона, показательно, лишь бы попасть под требования. При этом на местах и в регионах правительство не всегда могло обеспечить функционирование новых законов, регулирующих политическую жизнь, а после успешного вступления стал отчетливо фиксироваться откат и редукция исполнения данных законов. Так, по сути, произошло появление в политическом сознании концепции польского авторского и национально окрашенного способа фактического применения и функционирования формализованных, ясно написанных и на самом деле не терпящих интерпретаций западноевропейских законов.

В плоскости мобилизации и поддержки это привело к развитию клиентизма — если европейская правовая система предполагает поддержку в обмен на политическую платформу и идеологию, то польская политическая практика предполагает поддержку в обмен на блага, деньги, привилегии и должности, не всегда оправданно и не всегда законно. Политиков в Польше более связывает не идеология и взгляды на страну, сколько кулуарные связи, патронаж и общие коммерческие интересы. С бизнес-сектором же их роднит давняя и устоявшаяся дружба на почве тендеров. Все это делает возможным то, что произошло в Польше между выборами 2015 и 2019 гг. — захват партией государства, когда первая не обеспечивает его эффективное функционирование, а подчиняет своим интересам, кооптирует, вассализирует и отчуждает от всех остальных. Так возникает иерархизированная и абсолютно не горизонтальная система политических элит — мелкие партии зависят от правящей, а правящая — от лидера, который распределяет ресурсы и должности и тем самым получает поддержку нижестоящих членов. Этот стиль управления приводит и к недемократическому, полуавторитарному режиму во всей Польше. Одним из самых губительных для демократии последствий подобных клиентских отношений во власти является то, что кооптированные политическими лидерами представители крупного бизнеса постепенно начинают скупать частные СМИ, иные крупные собственники в сфере медиа также начинают кооптироваться и подчиняться.

В польском кейсе доминирование неформальных практик над формальными институтами решюще подпитывается убежденностью фактического лидера Пис Ярослава Качиньского в том, что сила и успешность страны более зависят от крепких и устоявшихся кулуарных отношений и связей, нежели от неукоснительного соблюдения формализованных правил игры. Качиньский с 2015 г. занимает

неформальную позицию абсолютного и непререкаемого лидера, центра польской политики и принятия решений, вокруг которого вращаются все ветви власти, союзные партии и социальные движения.

Несмотря на то, что Польша избежала олигархии как формы правления, власть ПиС под неформальным руководством Качиньского создала в стране полуолигархическую систему межличностных связей сторонников и членов ПиС, всячески с ней аккредитованных и аффилированных на почве распределения политических должностей и коммерческих выгод в обмен на поддержку. ПиС как поддерживает внутреннюю лояльность партийных членов, так и привлекает сторонников в среде частного бизнеса. Однако подобная система приводит к тому, что эти две группы более и более перемешиваются — бизнес вступает в партию, а партийцы обзаваются бизнесом. Подобную систему можно охарактеризовать как клиентистскую или как корпоративистскую.

После прихода к власти в 2015 г. ПиС якобы занялась декоммунизацией. На самом деле под подобным предлогом проводилась массовая чистка кадров увольнениями с государственных предприятий и государственной службы всех недостаточно поддерживающих ПиС. Экономическая и административная эффективность отходила на второй план по сравнению с лояльностью правящей партии, произошла массовая политизация государственно-бюджетного сектора. Далее освободившиеся должности переходили ярым сторонникам ПиС, среди которых удивительнейшим образом оказалось множество близких родственников влиятельных функционеров правящей партии. Затем практика кумовства по принципу преданности партии перешла с госкорпораций на частные, так как мы уже знаем, что после 2015 г. произошло резкое и решающее переплетение бизнеса и власти через неформальные связи.

Так, собственные и кооптируемые ПиС депутаты получают либо внутрипарламентские должности с наиболее высокой заработной платой, либо и вовсе руководящие позиции в государственных корпорациях. Такая система клиентистских неформальных и антиправовых отношений в рамках системы неокорпоративизма, построенной ПиС, разумеется, привела к коррупции в сфере государственных закупок, доля которой сегодня может составлять 23 %. Там, где нет коррупции в чистом ее виде, появилась несостязательность — Польша — лидер ЕС по государственным тендерам с одним участником — в 46 % участвует только один заявитель. Юридическая и в широком смысле институциональная система расшатана множеством факторов, таких как клиентизм, неокорпоративизм, политическое видение и идеология ПиС. В силу же специфики механизмов и инструментов международных акторов и исторической колеей зависимости внутри страны, мало кто способен или готов отстаивать верховенство права и институтов. Это позволило ПиС безнаказанно начать процесс институциональной эрозии и подчинения юридической системы с целью дальнейшего использования нейтрализованной юридической системы в качестве инструмента кооптации и редукции системы свободных СМИ. По крайней мере, нейтрализованная юридическая система стала как минимум не способна защищать свободу СМИ.

Институциональная эрозия, созданная ПиС, воплощалась в полном и безоговорочном подчинении ПиС Конституционного Суда (КС) в 2016 г., Национального Судебного Совета (НСС) (*Krajowa Rada Sądownicza*) в 2017 г. и Верховного Суда (ВС) (*Sąd Najwyższy*) в 2018 г. Правительство ПиС отменило назначение пяти ранее выбранных судей КС и заменила их более лояльными партии, далее ПиС было принято шесть законов, парализовавших независимую деятельность КС, а также заменило президента КС на своего ярого сторонника. В 2017 г. независимый НСС стал подконтрольным парламенту и министру юстиции. В 2018 г. ВС столкнулся с увольнениями политически нелояльных судей и назначениями идеологически верных председателей судов. Решения относительно председательства судей в комиссиях КС также стали политизированными и дискриминационными. При этом Министерство юстиции регулярно отклоняло ходатайства об отводе судей идейно верных ПиС. Критическое большинство дел в последние годы ведут именно проПиСовские судьи. Председатель КС получил право менять судью-докладчика по своему усмотрению, что делает судебную практику полностью непрозрачной и несовместимой с требованиями правовой процедуры. Когда КС отменил поправки по его работе, предложенные правительством, премьер-министр заявил, что решение КС было процедурно неправомерным и отказался опубликовать его, лишив его тем самым юридической силы. При этом решения КС являются окончательными и безоговорочными, что было проигнорировано премьер-

министром. Инструментализация и подчинение КС привело к тому, что с 2017 г. в его рассмотрение стало подаваться рекордно малое количество дел.

ПиС использовала подчиненный ей КС для оказания влияния на НСС. В 2017 г. КС вслед за Министерством юстиции заявило, что некоторые положения о НСС являются неконституционными. Это привело к реформе, проведенной правительством ПиС, в результате которой теперь исполнительная и законодательная власть полностью контролируют назначение и продвижение судей. Также теперь Министерство юстиции единолично назначает членов НСС. После этого ПиС выдвинуло законопроект об увольнении всех судей ВС до последнего, затем законопроект не вступил в силу по причине массовых общественных протестов. Вместо этого Президент страны Анджей Дуда предложил свой законопроект, содержащий такие пункты как отстранение более трети судей и председателя ВС и назначение нового состава НСС — отныне общенациональным парламентом. Текущий состав НСС предполагалось распустить. Законопроект вступил в силу, Парламент избрал 21 из 25 членов НСС, все они имеют между собой неформальные и тесные связи и полностью подчиняются партийному руководству ПиС. После этого в стране в целом резко снизились роль и значение полномочий самоуправляющихся судебных органов. Полное подчинение ВС было остановлено вмешательством Суда Европейского союза, Европейской комиссии и Венецианской комиссии, открыто назвавших политику ПиС узурпаторством права и лишением институтов верховенства права их содержательного функционала. Затем Европейская комиссия возбудила дело против Польши по причине систематического и решающего вмешательства парламентского большинства и правительства ПиС в дела судебной системы и судов страны, что явилось ясным и четким нарушением демократического принципа сдержек и противовесов.

Национал-консервативный популизм ПиС велит ей, борясь со всяким альтернативным взглядом, осуществлять демонтаж системы свободных и независимых СМИ и медиа в стране, опять-таки делая это через редуцирование установленных институтов и возвышения теневых связей и договоренностей. ПиС пылко заявляла, что польские СМИ находятся под иностранным влиянием и им следует вернуть польскость. Возвращение польским СМИ польскости окончилось падением Польши в Мировом рейтинге свободы СМИ с 18-й строчки в 2015 г. до 62-й в 2020 г. Это антирекорд для истории свободной Польши, начатой в 1989 г.

Для ограничения свободы прессы в первую очередь была начата программа скупки кооптированными ПиС компаниями и госкорпорациями независимых частных СМИ. Так, одна из крупнейших госкорпораций PKN Orlen выкупила польского медиа-гиганта Polska Press у немецкого холдинга Verlagsgruppe Passau. Главный исполнительный директор PKN Orlen и давний друг, и соратник Качиньского Даниэль Обайтек на сегодня контролирует 20 из 24 польских политических и финансовых газет, 120 журналов, более 500 интернет-медиа той же направленности, охват этих ресурсов достигает половины взрослого населения страны. Кооптированные ПиС СМИ оплачивают свою рекламу за государственный счет, получают множество неоправданно дорогих государственных рекламных контрактов. Иные же СМИ после 2015 г. полностью лишены государственного субсидирования. Крупнейший медиа ТВ холдинг страны — TVP стал откровенным инструментом пропаганды ПиС и за это получает колоссальную поддержку и внимание государства. Помимо государственных дотаций кооптированные ПиС СМИ получают крупные кредиты на странном льготных условиях от близких к партии банков.

ИНСТИТУТЫ КАК НЕМАТЕРИАЛЬНЫЕ РЕСУРСЫ ПОЛИТИКИ РАЗВИТИЯ: ОПЫТ СЕЛЬСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ и КНФ в рамках конкурса 2021 г. «Проведение фундаментальных научных исследований и поисковых научных исследований отдельными научными группами» (региональный конкурс), проект № 22-18-20059 «Политика развития сельских территорий Краснодарского края: потенциал нематериальных ресурсов».

В социальных науках ведется активный поиск объяснительных моделей, способных раскрыть потенциал государства и общества в использовании внутренних ресурсов развития, имеющих нематериальный характер. Такая постановка вопроса становится все более актуальной ввиду растущего дефицита материальных ресурсов и углубляющегося неравенства в доступе стран и регионов к источникам развития.

Претендовавшие на универсальность западные модели общественного развития (такие, как модели «государства благосостояния»), основанные на принципах «экономического роста и механизмах государственного перераспределения доходов и социальной ответственности, перестали «работать» в новых кризисных условиях нехватки ресурсов, связанной в том числе со старением населения стран, продвигавших такие модели. Это обусловило поиски альтернативных возможностей развития, учитывающих многообразие смыслов и измерений социального благополучия (Семененко, Хайнацкая, 2022).

Проблематика исследования нематериальных ресурсов складывается, преимущественно, в предметных полях политической и экономической науки. В экономических науках нематериальные ресурсы или нематериальные активы в виде человеческого капитала (компетентность работников), инновационных технологий (результаты интеллектуальной деятельности и их внедрение в процессы производства и управления) и организационного капитала (эффективные процессы управления, ценности и нормы корпоративной культуры, имидж организации) (Каплан, Нортон, 2007; Cabrita, Vaz, 2006) интерпретируются в контексте концептуальных разработок инклюзивного социально-экономического развития в эпоху «постВВП». Речь идет о нивелировании значения экономического роста, об отказе от принципов «догоняющей» экономики как имитации и копировании западных образцов, при этом предлагаются институциональные механизмы вовлечения населения в социально-экономические процессы.

В политических науках нарративы о нематериальных ресурсах формируются в научном дискурсе о современном развитии как нелинейном и турбулентном, имеющем потенциал вариативности траекторий движения (Пантин, 2018). Эти траектории обусловлены разной степенью актуализации социокультурных структур общества в определенный период времени и раскрытием потенциала его нематериальных ресурсов, что нашло отражение в инновационном концепте «ответственного развития» (Семененко, 2019).

Политологические «опции» нематериальных ресурсов гораздо шире экономических интерпретаций. Они включают различные компоненты субъективного пространства политики (интеллектуальные ресурсы личности и элит, идентичности и политическую культуру, социальные солидарности различного уровня, ценности, моральные установки и мотивационные комплексы субъектов развития), которые интегрируются в политико-управленческие модели взаимодействия политических и социальных акторов, в институциональные практики выработки альтернатив развития (Семененко, 2021). По мнению экспертов, проблематика нематериальных ресурсов становится одним из ключевых направлений политических исследований отечественных научных школ и коллективов, чьи прикладные результаты имеют немалый потенциал для воплощения в реальных политико-управленческих стратегиях, что в дальнейшем будет способствовать формированию новых «пространств развития» (Бардин, Сигачев, 2019). Важно, что общим знаменателем при активации нематериальных ресурсов как факторов развития в социально-экономическом и политическом измерении являются

такие результаты, как обеспечение равного доступа к благам всех граждан, повышение качества жизни населения и появление новых форм взаимодействия власти и граждан, их обеспечивающих.

Обобщая научные представления о нематериальных ресурсах развития, их можно определить как совокупность разноуровневых, многосоставных и полифункциональных компонентов нематериального характера, которые оказывают определяющее влияние на систему социальных и политических отношений и создают возможности для поступательного развития территориальных сообществ (местных и региональных). К числу ключевых нематериальных ресурсов развития относятся: человеческий потенциал, локальная идентичность; сетевые ресурсы как социальный капитал, социально-психологические ресурсы местных сообществ и обеспечивающие их агрегирование институты развития территорий. Нематериальные ресурсы рассматриваются как один из ключевых компонентов политики развития, которая невозможна без целеполагания и стратегической деятельности субъектов публичного управления.

Институты развития в нематериальном комплексе политики развития представлены широким набором институциональных практик, которые способствуют выработке местными сообществами в публичном пространстве политики общих ориентиров и ценностей социального общежития, определению стратегических целей и приоритетов развития, что связано с инструментальным измерением пространственно-территориальной идентичности, человеческого капитала и социально-психологических ресурсов населения. Такие институты закладывают систему координат взаимодействия субъектов публичной политики и являются «проводниками» изменений, которые формируются в результате консолидированной деятельности местных/региональных сообществ и создают условия для инвестирования ресурсов в новые виды деятельности и в освоение новых технологий. В то же время в большинстве случаев исследовательский фокус и публичный дискурс в области политики развития концентрируется на внешних по отношению к локальным территориям структурных или институциональных механизмах.

За последние несколько лет отечественными научными коллективами был реализован ряд исследовательских проектов на методологических принципах кейс-стади (Морозова, Мирошниченко, 2022; Морозова, Мирошниченко, Семененко, 2020). Их результаты характеризуют на уровне комплекса качественных и количественных эмпирических данных роль отдельных нематериальных ресурсов в политике развития конкретных территорий (например, роль локальной идентичности и политики идентичности в развитии сельских территорий Краснодарского края, практик гражданского участия в развитии Вологодской, Псковской областей и республики Карелии (Уханова, 2021; Артамонова, Уханова, 2021)). Однако данные исследования не позволяют составить целостную картину комплекса актуальных и латентных ресурсов развития, их взаимосвязи и роли в политико-управленческой практике и результатов развития территорий и сообществ.

Автором в составе научного коллектива было проведено эмпирическое исследование роли нематериальных ресурсов, в том числе и институтов развития, в политике развития сельских территорий. В основе эмпирического исследования — компаративный подход, который позволил выявить и охарактеризовать эмпирические модели включения комплекса нематериальных ресурсов в политику развития сельских территорий рамках кросс-локальных сравнений гетерогенных в социально-экономическом и социокультурном отношении муниципальных образований с высоким удельным весом численности сельского населения. Эмпирическим объектом исследования выступили 12 сельских поселений шести (6) муниципальных образований, Краснодарского края, имеющих полярные показатели социально-экономического развития. В качестве методов сбора социологических данных о нематериальных ресурсах социально-экономического развития территорий были использованы анализ статистических данных, методы фокус-групповых интервью с представителями местных сообществ (12 групповых дискуссий) и экспертного опроса представителей местной элиты (60 экспертов), включенных в процесс выработки на уровне публичной локальной политики сельских поселений.

Результаты исследования показали, что в политике сельского развития имеют важное значение несколько видов институтов как нематериальных ресурсов. К ним относятся формальные федеральные и региональные государственные институты и гибридные, сочетающие формальные и неформальные практики местного развития.

Формальные институты (государственные институты федерального и регионального уровня) представляют собой универсальные для всех российских территорий ресурсы государства, направленные на следующее:

- модернизацию социальной инфраструктуры сельских территорий (через включение инфраструктурных проектов сельских поселений в государственные программы федерального и регионального уровней, в реализацию национальных проектов);
- поддержку и развитие социальных инициатив населения (через систему президентской и губернаторской поддержки социально ориентированных НКО, гранты «Росмолодежи» для муниципальных учреждений и физических лиц);
- стимулирование предпринимательской активности через инструменты финансовой, технологической и инновационной поддержки.

Гибридные институты как новые формы взаимодействия местной власти, бизнеса и общества проявляются как в институциональных практиках государственно-частного и общественно-частного партнерства, деятельности социально-ориентированных некоммерческих организаций, так и в неформальном взаимодействии субъектов локальной политики для решения проблем сельских территорий. Локальные институты развития реализуют функцию выявления и мобилизации ранее неиспользованных ресурсов сельских территорий для достижения целей развития местных сообществ. Одним из ключевых гибридных институтов развития сельских территорий является лидерство, которое обеспечивает привлечение внешних ресурсов федеральных и региональных институтов развития, а также их конвертацию в локальные стратегии развития. Местные лидеры в институциональной среде политики развития сельских территорий становятся «оператором» взаимодействия различных субъектов, преодолевая сложившиеся практики зависимости от субсидий и актуализируя уникальные локальные активы в виде нематериальных ресурсов.

Литература и источники

Бардин А.Л., Сигачев М.И. Дискурсы развития: социально-гуманитарный аспект. — Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. 2019. № 4. С. 24–41. DOI: 10.20542/afj-2019-4-24-41.

Каплан Р.С., Нортон Д.П. Стратегические карты. Трансформация нематериальных активов в материальные результаты. М.: Олимп-Бизнес, 2007. 482 с.

Морозова Е.В., Мирошниченко И.В. Публичная политика как пространство конвертации нематериальных ресурсов в факторы развития территорий. — *Политическая наука*. 2022. № 3. С. 144–163. DOI: 10.31249/poln/2022.03.07

Морозова Е.В., Мирошниченко И.В., Семенов И.С. Развитие сельских местных сообществ: потенциал политики идентичности. — *Полис. Политические исследования*. 2020. № 3. С. 56–77. DOI: 10.17976/jpps/2020.03.05

Семенов И.С. Горизонты ответственного развития: от научного дискурса к политическому управлению. — *Полис. Политические исследования*. 2019. № 3. С. 7–26. DOI: 10.17976/jpps/2019.03.02

Семенов И.С. Дискурсы развития в социальных науках: в преддверии этического поворота. — *Полис. Политические исследования*. 2021. № 2. С. 25–45. DOI: 10.17976/jpps/2021.02.03

Семенов И.С., Хайнацкая Т.И. Дискурсы о благополучии и реальности «неустойчивого развития»: между прошлым и будущим. — *Общественные науки и современность*. 2022. № 5. С. 76–99. DOI 10.31857/S0869049922050045

Cabrita M., Vaz J. Intellectual Capital and Value Creation: Evidence from the Portuguese Banking Industry. — *Electronic Journal of Knowledge Management*. 2006. № 4 (1). С. 11–20.

КАРТИНЫ МИРА БОЛЬШИХ СОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП КАК ФАКТОР ИЗМЕНЕНИЙ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ

Картина мира как высоко агрегированный теоретический конструкт является предметом исследования целого ряда обществоведческих и гуманитарных дисциплин. В политической науке картину мира, включающую в себя обобщенные представления о политической реальности, о функционировании политических институтов, согласно определению И.В. Самаркиной, можно рассматривать как «...подвижную систему образов и представлений о власти и политике, ее структуре, механизмах и конфигурации в окружающей действительности, отражающую политический мир» (Самаркина, 2013, 118).

В современный период развития общественных наук под картиной мира обычно понимают подтвержденные иерархически организованные концептуальные представления о реальности, сформированные в рамках отдельных научных дисциплин, отражая тем самым текущий этап развития научных знаний о мире. Традиция такого понимания индивидуальной и групповой картины мира восходит к работам Г. Герца, М. Планка, А. Эйнштейна и др. (Абрамова, 2017, 55).

Интересен вопрос о субъекте, носителе картины мира. В рамках различных теоретических подходов в качестве носителя могут рассматриваться различные социальные группы, объединенные по признакам общего этнонационального происхождения, профессиональной принадлежности или компактно проживающих на одной территории сообществ, что может определять специфику взглядов на различные аспекты социальной реальности (Ярцева, 2010, 88). Высший уровень иерархии представлений о реальности может затрагивать даже такие вопросы, как онтологический статус физической реальности, в зависимости от распространения на определенных территориях некоторых религиозно-философских доктрин и верований (Байков, 2013, 70).

Различные по степени полноты и иерархической организации картины мира могут содержать разные формы знаний, образов, представлений и верований, поведенческих схем, научных концептов. Большая часть этого содержания картин мира может быть отображена на языке носителя или с помощью иных знаковых систем (Карасик, 2002, 74). Уже в работах Вильгельма и Александра фон Гумбольдтов в начале XIX в. говорится о физической картине мира, прообразе современной естественнонаучной картины мира. Однако не все компоненты групповых картин мира могут быть легко эксплицированы в форме вербализованных описаний. Наряду с вербализуемыми, картины мира могут содержать и перцептивные компоненты — схематизированные представления о социальной и физической реальности, обобщенные образы значимых объектов социальной реальности и др. Обобщил эти представления А.Н. Леонтьев, выдвинув идею о пространстве значений вербальных единиц, которые в свернутой форме содержат опыт взаимодействия носителей картины мира с элементами среды (Ярцева, 2010, 89).

В теории А. Шюца высказывается предположение о том, что в рамках повседневной картины мира могут одновременно присутствовать и конструкции обыденного сознания (конструкции первого типа) и фрагменты научных концепций, составляющих содержание научной картины мира (конструкции второго типа) (Самаркина, 2013, 122). Это позволяет продемонстрировать сложность структуры их содержания. Также важной их особенностью является возможность содержания некоторых противоречий относительно отдельных феноменов материального или социального мира, что для научной картины мира невозможно.

Можно выделить общий признак у картин мира различных социальных общностей — интерпретативный характер ядра их содержания. Любая картина мира большой социальной группы является не идеальной моделью, отражающей реальность, а ее интерпретацией, преломлением образа реальности через всю совокупность методов обретения составляющих ее знаний, а также через исторический опыт данной общности. Такая позиция отражена, например, в рамках конструктивистской традиции, развиваемой П. Бергером и Т. Лукманом. Максимально высокий уровень агрегирования личных представлений о социальной реальности отражен в таком конструкте, как символический универсум, основной

функцией которого авторы усматривают легитимизацию всей совокупности существующих социальных и политических практик, встраивания их в более высокоуровневые контексты как по вертикали организации социальных процессов, так и в исторической перспективе (Бергер, Лукман, 1995, 154).

В рамках описываемого ниже подхода предлагается рассмотреть групповую картину мира не как механизм легитимизации институтов (П. Бергер, Т. Лукман), а как центральный, системообразующий элемент любой устойчивой социальной организации. В аналитических целях предлагается применить методологический фрейм «как если бы» и рассмотреть модель, согласно которой картины мира больших социальных общностей на определенных этапах своего развития сами по себе становятся системообразующим элементом социума, в определенной мере подчиняющим себе нижележащие социальные и социально-психологические процессы и феномены.

Предполагается, что при превышении групповой картиной мира некоторого порогового уровня структурной сложности и полноты, при охвате ее содержанием значительной области известных человеческих знаний, а также при росте числа их носителей выше определенной критической величины, групповые картины мира трансформируются, приобретая ряд новых качеств, таких как относительная автономность, целостность, гомеостатичность. При таком подходе картина мира может рассматриваться как демонстрирующая некоторый набор холистических свойств, делающих возможным ее устойчивое существование и функционирование в общей концептуальной среде иных картин мира у других социальных общностей.

Такое понимание данного концепта позволяет выдвинуть предположение о том, что картины мира различного масштаба и генерализации могут быть драйвером различных форм социальной активности, влияя на выбор вариантов индивидуального поведения на микросоциальном уровне, исходя из конгруэнтности этих вариантов групповой картине мира. При этом в качестве основного социально-психологического механизма влияния картины мира на индивидуальное поведение рассматривается феномен конформности.

В качестве источника политической динамики рассматривается взаимодействие социальных групп с целью сохранить или распространить ядро содержания своей картины мира на другие социальные общности. Для этого могут предприниматься как индивидуальные, так и групповые действия, неосознаваемо согласуемые с групповыми нормативными представлениями собственной картины мира. Политические процессы на мезо- и макро-уровнях можно рассматривать как конкуренцию и противостояние картин мира, носителями которых являются различные организованные социальные общности — группы избирателей, партии, институты, государства и др.

Для того чтобы картина мира крупной социальной общности приобрела возможные холистические свойства, предположительно она должна обладать следующим набором качеств:

1. Целостность, комплексность.
2. Сложность, содержательность.
3. Относительная непротиворечивость.
4. Гомеостатическая стабильность.
5. Потенциал и механизмы развития.

В рамках такого понимания границы отдельных картин мира крупных социальных общностей в современном мире определяются, по крайней мере, тремя стратификационными признаками:

- доминированием какого-либо национального языка в описании основных компонентов содержания картины мира;
- монопольным или доминирующим влиянием группы взаимосвязанных информационных ресурсов (как СМИ, так и СМК) на определенной территории;
- наличием режима и реализацией централизованной информационной политики (СМИ как политический институт) по поддержанию устойчивых и целостных представлений о социальной и политической реальности.

Исходя из изложенного, определение картины мира может быть сформулировано следующим образом. Групповая картина мира — *надличностная метакогнитивная устойчивая область гипотетически полного концептуального пространства описания реальности, обладающая признаками автономности, способностью влияния на социальные процессы, поддерживающая содержательный гомеостаз в среде других таких же устойчивых областей.*

Основным инструментом, который как бы «используется» картинами мира для экспансии и конкуренции с другими подобными образованиями, предположительно являются некоторые государственные институты. Их долгосрочная деятельность рассматривается как приводящая к сохранению, развитию и/или экспансии превалирующей в данном обществе картины мира. Можно сказать, что устойчивые, комплексные картины мира «используют» государственные институты, в качестве инструментов для сохранения своей целостности, развития и экспансии.

Исторически представления о базовых функциях государства претерпевали заметные изменения. Представители марксистской теории в качестве основных государственных функций выделяют многостороннее активное вмешательство институтов в процессы общественного производства. Кейнсианский подход отмечает роль государства в контроле общего экономического спроса, увеличении объема государственных форм собственности активов, масштабной реализации социальных программ. Представители неоклассической теории обращают внимание на такие функции, как стимулирование предложения на рынках, контроль над бюджетным дефицитом. Наконец, институционалисты рассматривают в качестве основных государственных функций гарантирование выполнения конституционного договора с обществом и производство общественных благ в широком понимании этого понятия (Архипова, 2010, 59–60).

Предлагаемый подход меняет оптику рассмотрения функций государственных институтов, отмечая такие функции, как поддержание общественной безопасности, обеспечение оптимального функционирования экономики, охрану прав и свобод населения и некоторые другие, как второстепенные. Данные функции рассматриваются как подчиненные иным, главенствующим функциям — сохранению гомеостатической стабильности и целостности картины мира, превалирующей в данном обществе, ее воспроизводству и экспансии на другие социальные общности.

Исходя из изложенного, сформулируем отличное от известных определение современного государства. *Государство — организованная совокупность общественных структур, обладающая монополией на формирование, распространение и поддержание наиболее сложной и всеобъемлющей на данной стадии общественного развития картины мира большой социальной общности* (Моторин, 2021, 179).

В целом предлагаемый подход, на наш взгляд, позволяет по-новому взглянуть на целый ряд предметных областей современной политической науки, заново описать и объяснить ряд известных общественно-политических процессов и явлений с точки зрения их обусловленности развитием сложных современных картин мира.

Литература и источники

Абрамова Ю.С., Ларина Т.А. К вопросу о «картине мира» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 11-1 (77), с. 55–59.

Архипова О.В. Эволюция понятий «Функции государства» и «Провалы государства» // Вестник ЧелГУ. 2010. № 6, с. 57–62.

Байков А.А. Особенности трансляции представления об иллюзорности феноменального мира из восточной культуры в западную // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2013. № 3 (23), с. 69–75.

Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. / Пер. Е.Д. Руткевич. — М.: Медиум, 1995, с. 152–171.

Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002, с. 75.

Моторин Д.И. Возможные контуры теории политического в рамках доктрины радикального психического конструктивизма (онтологизма) // Конференция «Политическая психология в новой политической реальности — тридцать лет спустя». СПб.: ЛЕМА, 2021. С.174–181.

Самаркина И.В. Политическая картина мира: опыт концептуализации и интерпретации // Вестн. Том. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2013. № 3 (23), с. 117–127.

Ярцева К.В. Понятие «Картина мира». Адаптивная функция картины мира // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2010. № 4. 87–90.

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ ПОДХОД В ИССЛЕДОВАНИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ КУЛЬТУР

Данные тезисы подготовлены на основе статьи «Организационная культура политических акторов как перспективное направление исследования», написанной в соавторстве с Ю.Н. Фроловой (Невзоров, Фролова, 2022, 156–171). В тезисах хотелось бы сосредоточиться на возможностях этнографического подхода в исследовании неформальных институтов общества и политической культуры.

Говоря об этнографии как исследовательской практике, следует указать, что на сегодняшний день популярность получил семиотический подход Клиффорда Гирца, который утверждал: заниматься этнографией — значит проводить «сложн[ую] работу по созданию „насыщенного описания“», которое представляется как «стратифицированная иерархия наполненных смыслом структур, в контексте которых можно [совершать действия], а также воспринимать и интерпретировать эти действия, и без которых все эти действия не будут существовать, независимо от того, что кто-то будет делать или не делать...» (Гирц, 2004, 13–14).

Этнографический подход меняет привычные в количественной парадигме критерии научной истины, вместо причинно-следственного прогнозирования, раскрывает потенциальные возможности появления социального действия, укорененного в культуре.

Рассматривая проблематику политической культуры, обычно прибегают к известной этнографической работе Клиффорда Гирца о петушиных боях как символической призме, через которую балийцы взаимодействуют друг с другом. Обобщая, Гирц утверждает, что бои «дают метасоциальный комментарий ко всему обычаю сортировать людей, раскладывая их по жестким иерархическим полочками, и затем организовывать большую часть коллективного существования в зависимости от произведенной сортировки. Их функция... интерпретативная: они — балийское прочтение балийского опыта, история, рассказываемая ими о самих себе» (Гирц 2017, 62–63).

Последнее показывает на более сложный, чем в причинно-следственной парадигме, механизм прогнозирования (понимаемый здесь как одна из функций науки). Для его иллюстрации обычно обращаются к комментарию Гирца, который связывает обычай петушиных боев с внутрикоммунальной резней, произошедшей на острове после неудавшегося коммунистического переворота 1965 г.:

«Разумеется, нельзя утверждать, что убийства были спровоцированы петушиными боями, что их можно было ожидать (predicted) на основе изучения петушиных боев... Можно лишь сказать, что, если судить о Бали... через призму [the medium] петушиных боев, факт такого побоища кажется хотя и не менее возмутительным, но в меньшей степени противоречащим законам природы» (Гирц, 2017, 82).

Этнографический подход — это не только инструмент выявления объективной истины о сообществах, но способ взаимодействия между ними.

Вполне признанным является утверждение, что «познание культуры народа открывает его обычность, нормальность, не уменьшая вместе с тем его специфичности» (Гирц, 2004, 22). Однако можно представить и обратную ситуацию, когда с помощью этнографии для культуры народа открывается обычность и нормальность внешнего окружения, которое его изучает. Таким образом, этнография из отстраненного инструмента превращается в инструмент социального взаимодействия, обладающего политической значимостью, а фигура этнографа в описании и интерпретации реальности приобретает самостоятельное значение.

Этнографическая практика может позволить руководящему составу политической организации понять рутинные практики рядового состава и одновременно как способ «нащупать общую почву» и донести до него требования руководства, сделав так, чтобы эти требования несли общеорганизационный смысл. Этнограф в этой ситуации не может априорно говорить о единстве и системности организации (или нации), но одновременно не может игнорировать работу по созданию организации или нации как системы или организма. Когда же приходится иметь дело с ситуацией столкновения друг с другом различных миров (даже если это одна организация), то «этнографы показывают, как социальные действия в одном мире получают смысл с точки зрения другого» (Agar, 1986, 12). Ценность

такого подхода не в том, чтобы прогнозировать состояние политической организации, но понимать, что происходит. В конце концов «вы не сможете наверняка знать, что будет дальше, пока не знаете, что, собственно, произошло» (Agar, 1986, 16).

Методологические установки этнографического подхода оказывают влияние на политическую социологию, обращая ее внимание на прагматический характер политической культуры.

Социальный опыт организуется посредством коммуникации между людьми. Так, классическое понимание политической культуры замыкается на изучении любой разделяемой людьми формы репрезентации политической реальности, представленной в виде политических словарей, кодов, метафор, фреймов (Lichterman, Cefai, 2006). Но расширяя наше понимание политической культуры за счет этнографического подхода, мы должны вслед за Клиффордом Гирцем сделать замечание, что исследователя должны интересовать не возможности, а происходящие в реальности *действия*, а они сами по себе не сводимы к выявляемым когнитивным структурам (Гирц, 2004, 18–20). Следуя этой логике, Стефен Чилтон дополняет политические символы «способами организации отношений», т. е. «организованной системой взаимных ожиданий, с помощью которых *социальное поведение (курсив мой)* становится известным (is informed) и приобретает собственное значение» (Chilton, 1988, 427). Отсылка к «поведению» и «использованию» должна подчеркнуть прагматический характер политической культуры.

Этнографический подход позволяет рассмотреть политические культуры в связи с политической системой, а значит, позволяет понять политическую жизнь различных сообществ.

Габриэль А. Алмонд и его соавторы исходят из простой идеи, что «наши установки и ценности влияют на то, как мы действуем» (Алмонд и др., 2002, 93). Они попытались связать микроуровень, описывающий установки и мотивации отдельных индивидов, с макроуровнем, имеющим дело с политической структурой и процессом. Они же определяют ориентацию граждан по отношению к политической системе как к внешнему и изолированному объекту. Особенно это проявляется в определении, которое дается парохильной (патриархальной) политической культуре: «парохильно настроенный индивид (парохиль) ничего не ждет от политической системы» (Алмонд, Верба, 2014, 34). Но не потому ли, что он может быть участником альтернативной политической системы? Если это так, то в таком случае сложно поддерживать различие между ориентацией и политической системой, а нужно предположить, что сами ориентации являются частью системы.

Рассмотрим следующий пример. В предисловии к русскоязычному изданию «Темная сторона демократии» Майкл Манн видит причину процесса, способствующего этническим чисткам, в «извращении демократии», когда власть народа понимается в значении власти этноса. Одним из примеров автор берет конфликт между племенами нуэр и динка, «каждое из которых объявило себя „истинным народом“ Южного Судана» (Манн, 2016, 31). Причинно-следственный механизм прост: местные выборы приводят к этническому расколу правящей партии, а действия лидеров еще больше усиливают «раскол общества», приводя к гражданской войне.

Вместе с тем, в работе Э.Э. Эванса-Причарда «Нуэры» 1940 г. дается непривычное для классической политической науки определение политической системы одноименного племени — «это все расширяющаяся сеть противостоящих друг другу сегментов: от отношений внутри самого мелкого отдела племени до межплеменных и внешних отношений» (Эванс-Причард, 1985, 133), «...политические ценности относительно, политическая система — это равновесие между противоположными тенденциями всех групп к сегментации и тенденцией всех групп к объединению со сходными элементами» (Эванс-Причард, 1985, 132). Вражда, как и стремление к союзу, становятся обоюдными механизмами создания политической системы племени вплоть до парадокса: «чем разнообразнее и чаще контакты между членами сегмента, тем интенсивнее оппозиция между его частями» (Эванс-Причард, 1985, 134). Можно ли в такой ситуации отделять ценности отдельных представителей племени нуэров от политической системы в целом и таким образом говорить не только о расколе, но вообще о наличии в Судане «общества» в терминах классической политической науки?

Обратим внимание на методологическое противоречие в заключении, которое делают Г. Алмонд и С. Верба относительно понятия «гражданская культура». Когда нужно говорить о гражданской культуре, то все типы смешиваются друг с другом: «парохильная и подданническая ориентации не только сохраняются бок о бок с участническими ориентациями, — они пронизывают участнические ориен-

тации и модифицируют их. Например, в моделях гражданского влияния важны первичные принадлежности и связи» (Алмонд, Верба 2014, 448). Парохиальный тип политической культуры здесь становится частью политической системы, что противоречит характеристике понятия, данного самими же авторами (см. выше: парохиал «ничего не ждет от политической системы»).

Данную методологическую проблему можно снять, если, следуя за этнографическим подходом, признать, что «гражданская культура» у Алмонда и Вербы не просто абстрактная категория, а аналитический инструмент *понимания* авторами политической жизни, разворачивающейся *только* в США и Великобритании, так же как конфликт у Э.Э. Эванса-Причарда становится способом понимания политической системы только у нуэров. С другой стороны, понимание Алмондом и Вербой политической культуры иных стран (Германии, Италии и Мексики), равно как и данная Манном интерпретация политической ситуации в Южном Судане с точки зрения этнографического подхода является лишь проведением водораздела «мы — они» без возможности взаимодействия.

Литература и источники

Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура: Политические установки и демократия в пяти странах / Пер. с англ. Евсея Генделя. М., 2014. 500 с.

Гирц К. Глубокая игра: Заметки о петушиных боях у балийцев / Пер. с англ. Екатерина Лазарева. М., 2017. 96 с.

Гирц К. «Насыщенное описание»: в поисках интерпретативной теории культуры // Интерпретация культур. М., 2004. Глава 1. С. 9–42.

Латур Б. Об акторно-сетевой теории: Некоторые разъяснения, дополненные еще большими осложнениями // Логос. 2017. № 1. С. 173–200.

Каллон М. Некоторые элементы социологии перевода: одомашнивание морских гребешков и рыбаков залива Сен-Бриё // Логос. 2015. № 1. С. 196–231.

Манн Т. Темная сторона демократии: объяснение этнических чисток / Пер. с англ. Дмитрия и Маргариты Сливняк, Владимира Туза. М., 2016. 928 с.

Невзоров М.В., Фролова Ю.Н. Организационная культура политических акторов как перспективное направление исследования // Государственное управление. Электронный вестник. 2022. Выпуск № 90. С. 156–171.

Сравнительная политология сегодня / Г. Алмонд, Дж. Пауэлл, К. Стром, Р. Далтон; пер. с англ. А.С. Богдановского, Л.А. Галкиной; научн. ред. пер. М.В.Ильин, А.Ю. Мельвиль. М., 2002. 537 с.

Эванс-Причард Э.Э. Нуэры: Описание способов жизнеобеспечения и политических институтов одного из нилотских народов / Пер. с англ. О.Л. Орестова; Отв. ред. Л.Е. Куббель. М., 1985. 234 с.

Agar M.H. Speaking of Ethnography. Newbury Park; London; New Delhi, 1986. 79 p.

Lichterhan P., Cefai D. The Idea of Political Culture // The Oxford Handbook of Contextual Political Analysis. New York, 2006. Chapter 21. P. 392–414.

Chilton S. Defining Political Culture // Western Political Quarterly. 1988. Vol. 41. No. 3. P. 419–445.

ФЕНОМЕН ПОЛИТИЧЕСКИХ КЛИК КАК НЕФОРМАЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ В ФОРМИРОВАНИИ ПОВЕСТКИ ДНЯ И ВЫРАБОТКИ ПОЛИТИКИ В СУБЪЕКТАХ РФ: ЛЕГИТИМАЦИЯ, ПЕРЕСБОРКА, ТАРГЕТИРОВАНИЕ?

Особенности политического процесса в регионах РФ, сужающего конкурентное поле политики в части политического участия активных граждан и групп в ракурсе легитимных демократических, в том числе и электоральных процедур, актуализирует исследование феномена политических клик. При этом категория «феномен», как полагает французский социолог М. Мерло-Понти, представляет собой сущность, различные части некоего целого, обладающего ко всему прочему особым смыслом (Мерло-Понти, 1990, 608). В качестве гипотезы представленного исследования выступает предположение о том, что региональные политические клики: 1) это специфические неформальные властные группировки, участвующие в распределении ресурсов и потоков (политических и материальных), 2) они являются влиятельным институтом, 3) они выступают значимым механизмом пересборки государственной политики в отраслях и сферах в субъектах РФ.

Феномен политических клик как достаточно распространенное явление на постсоветском пространстве, включая Россию, и как некий компонент незападного политического процесса (Л. Пай) недостаточно системно и глубоко исследован в отечественной политической науке. Как полагает российский специалист Ж.Т. Тощенко, явление политических клик интегрирован в кластер таких родственных понятий, как «кланы» или «касты», и это явление (феномен) логично исследовать в ракурсе более общего и системного научного концепта «политические элиты». К тому же, Ж.Т. Тощенко полагает, что клики — это специфические экономико-политические конструкторы, сплоченность и солидарность которых институционализируется в рамках корпоративной культуры и ценностей, в ракурсе узкогрупповых интересов. Корпоративная солидарность внутри клик основана не на интересах приращения общего, публичного блага. Вследствие этого более глубокое системное исследование политических клик имеет не только теоретическое, но и практическое значение, в том числе и для России.

Концепт клик в социальных науках подвергался исследованию американскими социологами Н. Луманом и Ч. Кули. К примеру, Ч. Кули рассматривает феномен клик, как ни парадоксально, через призму формирования и функционирования первичных групп. Под первичными группами данный исследователь понимает группы, характеризующиеся тесными и, самое важное, непосредственными связями и эффективным сотрудничеством (Кули, 1994, 330).

Немецкий социолог Николас Луман рассматривает клики в их соотношении с понятием политической власти. И если власть, по мнению автора, это реальная структура управления, выполняющая комплексную функцию катализатора, которая либо ускоряет, либо замедляет изменения в государстве и обществе, в том числе позитивные, влияя как фактор на производства выигрыша во времени, то клика — это группа недовольных, некая неформальная группа, представители и симпатизанты которой существуют в рамках формальных (например, государственных) и негосударственных формирований. В политических практиках понятие клики чаще всего соотносится с действиями общенациональной или региональной политической фронды (Нечаев, 2023, 49)

Объясняя сущность (феноменологию) клик, Н. Луман (вслед за Ч. Кули) вычленяет их альтернативный власти общественно-политический репертуар, подчеркивает значимость достижения кликой (фрондой) своих корыстных целей. При этом главная из них — установление реального, фактического контроля над легитимной общенациональной (региональной) властью за счет задействования средств влияния и зачастую неконвенциональных политических технологий. То есть, наличие политических клик стоит рассматривать с точки зрения функционирования институтов, пусть и неформальных, где институты, по выражению Д. Норда, это рамки в организации взаимоотношения между людьми. Главная роль таких институтов заключается в формировании устойчивой структуры взаимодействия (Норд, 1997, 21). Классики «нового» институционализма Дж. Г. Марч и Й. Ольсен полагали, что институты — это некие нормы и правила, важные для коллективной жизни (March, 1984, 734).

Российский политолог В.Л. Макаренко, исследуя процесс взаимодействия групп интересов, в том числе и паразитарных (в нашем случае — клик), отмечает следующее. Такие группы тяготеют к двум типам действий. С одной стороны, главным мотивом деятельности таких групп является получение коллективных материальных благ. С другой стороны, обладание частью коллективных благ является доминантным мотивом публичной политической деятельности. На наш взгляд, клики ориентированы в большей мере на перехват реальной власти, в том числе в процессе принятия нужных политических решений, в контроле части финансово-бюджетных потоков. Клик к тому же имеет систему ценностей и этических норм в качестве альтернативы правящей системе, а также своих лидеров или лидера.

На наш взгляд, питательной почвой институционализации клик, как на общенациональном, так, в особенности, и на региональном уровнях являются следующие условия. Во-первых, это наличие контрэлиты (например, регионального отделения КПРФ с базой поддержки в лице левых радикалов). Во-вторых, это переформатирование на региональном уровне групп интересов и групп давления (лоббистских групп) своей деятельности с отстаивания экономических интересов в большей мере на политические интересы. Причем, публичных интересов, с использованием в достижении своих целей специально созданной инфраструктуры СМИ и новых медиа. В-третьих, это создание региональными кликами параллельной политической реальности, где легитимная власть слаба и неэффективна. По сути дела, речь идет об имитации демократического процесса и демократических процедур в принятии нужных клике политических решений. Последнее в публичном информационном пространстве представляется как действия для достижения корпоративного блага в понимании М. Олсона.

Основываясь на методе Дельфи (опрос экспертов в течение пяти последних лет), вычленим, к примеру, регионы Центральной России (ЦФО), где феномен клик не только имеет место быть, но и стал ключевым компонентом регионального политического процесса. По нашему мнению, речь идет об Орловской области, Воронежской области. Временной континуум становления клик охватывал период с 2018 по 2023 г. после избрания новых губернаторов. (В Орловской области это коммунист А. Клычков, в Воронежской области — А. Гусев.) При этом на примере кейса Воронежской области стоит отметить, что основными составляющими данного феномена, согласно мнению опрошенных экспертов, являются следующие элементы.

1. Воронежская региональная клика (фронта) представляет собой ситуативный союз группы недовольных политикой губернатора А. Гусева. В данную клику входили и входят два депутата Государственной Думы РФ, вице-губернатор, два руководителя подразделения правительства области, шесть депутатов Законодательного Собрания, восемь бизнесменов, более десяти глав МСУ, семь руководителей СМИ и новых медиа.

2. Региональная клика, представители которой, находясь во власти, бизнесе, партиях, НКО, вербует своих агентов влияния, расставляя их на знаковые участки во власти и депутатском корпусе региона. Сама система действий была и остается направленной против легитимного губернатора области или на его ослабление. В последнем случае это дает клике основания оказывать давление на принятие нужных решений и диктовать условия доминирующему региональному политическому актору.

3. Клика ориентирована также на управление частью финансово-бюджетных ресурсов. Для этих целей в 2022 г. была учреждена НКО «Образ будущего Воронежской области», на счета которой поступают бюджетные и внебюджетные средства. С 2023 г. данная некоммерческая организация стала грантооператором правительства региона.

4. Одним из направлений деятельности региональной клики (фронды) является создание своей «медийной сети», которая использует технологии политического прессинга действующей власти. Если исходить из социологической теории клик, то типология клик предполагает ее деление на два типа. Во-первых, это клика партнерского формата, члены которой занимают равноправное положение по отношению друг к другу. Опираясь на мнение экспертов, стоит сделать вывод, что этот формат не распространяется на воронежский кейс. Во-вторых, это клика вассального типа, когда имеется лидер (лидеры), а также его представители, сгруппированные в определенной иерархии и связанные с лидером (лидерами) системой взаимных обязательств. Воронежский кейс тяготеет к авторитарным методам «строительства» клики. Таким образом, клика трансформируется в клиентелу, с институцио-

нализацией патрон-клиентских отношений. Или, как отмечает российский историк М.Н. Афанасьев, система интеракций в данном формате приобретает клиентарное измерение.

Безусловно, рассматривая феномен региональных клик во многом как политическую деструкцию, логично предположить следующее. Во-первых, для действующей легитимной власти субъекта РФ было бы контрпродуктивным таргетирование этих неформальных групп посредством технологий «репрессивной толерантности». Это усилит внутриэлитные конфликты в регионе, что негативно скажется на отношении федерального центра к доминирующему региональному политическому актору (губернатору), затормозит приход потенциальных инвесторов в регион. Маловероятно, что в информационно-политическом противоборстве победа будет за действующей властью. Легитимация данных региональных клик также будет расценена в широком общественном мнении как поражение реальной власти и уменьшения доверия и поддержки к ней.

По мнению автора, оптимальным вариантом действий региональной власти по отношению к кликам может стать в рамках акторно-сетевой теории Бруно Латурса пересборка властного конструкта на уровне региона. Согласно мнению данного исследователя, «актор», «актор-сеть» (в нашем случае клика) выступает движущейся целью обширной совокупности сущностей, направленной на изменения (Латур, 2020, 68). Целевой ориентир пересборки властного конструкта, преходящей (кратковременной) ассоциации, представляет его собирание в новую форму. А сам процесс пересборки предполагает то, что каждый участник действий рассматривается как полноценный посредник, и все акторы не сидят сложа руки. Технологиями осуществляемой пересборки со стороны легитимной власти становится интеграция части представителей клики во власть (интеграция контрэлиты), а также интеграция позитивных идей клики недовольных для развития региона. Итогом пересборки властного конструкта может стать расчистка пути для развития (социального, политического, экономического).

Литература и источники

Кули Ч. Первичные группы /Чарльз Кули //Американская социологическая мысль: Тексты /Под ред. В.И. Добренкова. — М.: Изд-во МГУ, 1994. С. 330–335.

Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / пер. с англ. И. Полонской; под ред. С. Гавриленко; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — 2-е изд. — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. 384 с.

Мерло-Понти М. Феноменология восприятия /М. Мерло-Понти; Пер. с фр. Под ред. И.С. Вдовиной, С.Л. Фокиной. — СПб.: «Ювента», «Наука», 1999. 608 с.

Нечаев Д.Н. Региональные клики как фактор политической деструкции в реализации стратегий социально-экономического развития территорий /Д.Н. Нечаев. Материалы XIII международной социологической Грушинской конференции «Переустройство мира: исследования (в) новой реальности», 25–27 мая 2023 г. — М.: ВЦИОМ, 2023. С. 48–51.

Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / пер. с англ. А.Н. Нестеренко; предисл. и науч. ред. Б.З. Мильнера. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. 180 с.

March J.G., Olsen J.P. The New Institutionalism: Organizational Factors in Political Life / The American Political Science Review, Vol. 78, No 3 (Sep., 1984), 734–749.

ИНТЕРНЕТ КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ В НОВЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕАЛИЯХ: ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Исследуя роль Интернета как во внутривластных процессах, так и в международных отношениях на примере разных страновых кейсов, автор статьи понимает ее как интернетизацию политического пространства (Никипорец-Такигава, 2019, 96–97), которая подразумевает два параллельных процесса, одним из которых является процесс интеграции интернета в деятельность других политических институтов, а другим — превращение Интернета в политический институт. При этом под политическим институтом понимается (Там же, с. 103–106) совокупность элементов (норм, форм, ролей, стратегий), которые совместно выполняют определенные функции в политическом пространстве (а именно, структурно-регулятивную (создание иерархии, лидеров и участников), нормативно-культурную (совокупность норм и правил политического взаимодействия), интегративно-стабилизирующую (интегрируют общественную систему и адаптируют ее к изменяющимся условиям, постоянно воспроизводя легитимные внутри группы формы политического поведения, стабилизируют политическое взаимодействие между индивидуумами, тем самым стабилизируя общество) и стратегическую (удовлетворение политических потребностей и интересов, служат достижению отдельных индивидуумов или их групп, реализуют политику и обеспечивают ее результативность) (Там же, с. 95).

Однако как данное, так и любые другие теоретические осмысления Интернета в политике (теория цифровой демократии; теория «интернет-демократии», сетевой демократии, e-democracy; сетевой подход и другие (там же, с. 54–76)) нуждаются в существенной доработке в связи с тем, что Интернет является глобальным институтом, автономным от других политических институтов, государства, прежде всего, и возник в том мировом порядке, в котором глобализация, стирание государственных границ, неправительственные и надгосударственные институты были важнейшими элементами. Этот порядок сейчас перестраивается — в этом главная суть новых реалий.

В однополярном мире Интернет относился концептуально к либеральной парадигме, воспринимался демократизатором, либерализатором, а также наднациональным институтом, обеспечивающим межстрановые солидарности и отменяющим государство. Именно к тому миропорядку относится прогноз, что партии исчезнут как институт, так как интернет-движения заменяют партии, а интернет-лидеры — традиционных партийных лидеров. Все перечисленное до сих пор имеет отношение к странам «коллективного запада». Новые реалии развенчали множество мифов, в частности, о свободе слова в этих странах и показали, что все то, что ранее было принято относить к традициям авторитарных режимов (репрессии за немейнстримное мнение, недопуск немейнстримной точки зрения в публичное пространство — недавние кейсы в Японии, США) — давно бытующие практики и в тех режимах, которые называют себя демократическими. Но Интернет и в США, и в Японии позволяет немейнстримным политикам решать свои политические задачи — собственно благодаря тому, что они перенесли свою политическую деятельность в Интернет, мир имеет возможность узнать о наличии оппозиции официальному дискурсу в этих странах, где Интернет укрепляется как институт политически оппозиционного спектра, для которого остается единственным из доступных.

1. В строящемся мировом порядке, который многополярен, справедлив и уважает различия национальных интересов, возможности Интернета тоже разные. Цифровой разрыв огромен между странами «глобального юга». Соответственно, Интернет играет какую-то иную роль или не играет никакой в политике во многих странах мирового большинства просто по причине критически низкого уровня проникновения Интернета.
2. В той же степени как логика развития многополярного мира требует переосмысления необходимости старых институтов, она влияет на отказ от глобального Интернета в пользу суверенного. Интернет — это глобальный институт, но обязанный рождением США и до сих пор связанный с ними пуповиной — корневыми серверами DNS. Это в новых реалиях означает опасность «разделегирования» доменных зон глобальным регистратором ICANN, причем не только из-за возможного политического давления на эту американскую корпорацию

(она его отрицает и подчеркивает, что «интернет не должен страдать из-за геополитических конфликтов»), а элементарно из-за того, что российские регистраторы доменов испытывают сложности с перечислением платежей в США. Риски такого же порядка продемонстрировала судьба трубопровода «Северный поток», которую может разделить и волоконно-оптический кабель на дне океана, который нужен Интернету для нормального функционирования в той же степени, как саммиты, ассамблеи и другие встречи другим глобальным политическим институтам. Пока никто не выкидывает домены ru., потому что это никому не выгодно, потому что Интернет помогает вести войну, знать все о противнике, и это интересно всем воюющим сторонам — это, к слову, тоже новая реальность. Тем не менее, такие угрозы заставляют страны договариваться с международными организациями о переносе коренных серверов и создавать их у себя. Россия подготовилась, в 2023 г. «Координационный центр доменов .RU/.РФ выстроил систему противодействия последствиям, которые могут наступить в случае принятия любого санкционного решения глобальным регистратором ICANN» (Россия готова, 2023).

3. В ситуации полного ценностного, идеологического, политического, экономического противостояния параллельно с идеями укрепления национальной идентичности и национальных интересов, справедливости и многополярности посредством создания экономической суверенности, собственной платежной системы, системы расчетов в национальных валютах и дедолларизации, в отношении Интернета может возникнуть идея отказаться от глобальных, к тому же возникших в США, Гугла, Википедии, YouTube и создать свои. По этому пути уже прошел Китай. Baidu Baike (неофициально – Байдупедия) — китайский аналог Википедии — был создан еще в 2006 г. (когда Интернетом в Китае пользовались только 35% населения, тогда как сейчас 78 %), при этом есть еще и китайская электронная энциклопедия, тоже аналог Википедии, но Байдупедия лучше, чем оба продукта по объему и качеству (более 26 млн статей, в то время как в англоязычной Википедии их всего лишь 6,7 млн). Youku сначала как аналог заблокированного в Китае Youtube тоже начал работу в 2006 г., но сейчас этот видеопортал, как и QQ Video, входит в Топ самых популярных площадок для стриминга видео. Строя национальный Интернет, КНР запретил иностранные оригиналы, одновременно заменив их более качественными китайскими.
4. Укрепляются также и национальные стратегии кибербезопасности. Одна из наиболее комплексных разрабатывалась тоже в Китае, как Golden Shield Project (частью которой является Великий китайский файрвол (CGF)) в течение десяти лет и окончательно заработала с 2008 г. (Griffiths, 2019). Другие страны принимают точечные, но не менее результативные меры ограничения Интернета (Verkam, Gupta, 2012). В Индии Information Technology Act (ITA) и поправки к нему закрепляют право государства блокировать «доступ к любой информации, если это целесообразно для защиты суверенитета и целостности страны и для предотвращения терроризма» (Борисова, 2023). На этих основаниях в двух районах Кашмира «в 2019 году отключили сотовую связь, стационарные телефоны и интернет на полгода», а «4G включили только в 2021 году» (Там же); заблокированы торренты и любые файлообменники, более того, с 2016 г. «можно получить три года тюрьмы и солидный штраф даже не за скачивание торрента, а за попытку посетить такие URL-адреса» (Javed, 2016); а «в 2020 году были запрещены TikTok и WeChat — за «нанесение ущерба суверенитету Индии» в связи с претензиями Китая на территорию на севере Кашмира и небольшой участок земли в северо-восточном штате Аруначал-Прадеш» (Борисова, 2023).

Выводы. В строящемся многополярном миропорядке будут возникать новые институты, тогда как старые институты, Интернет в частности, будут приобретать новое содержание.

Продолжится интернетизация политического пространства, в процессе которой Интернет будет и далее и глубже интегрироваться в деятельность разных политических институтов, одновременно превращаясь в политический институт. Но это касается большинства стран глобального севера, а не юга, так как не во всех странах мирового большинства есть Интернет. Цифровой разрыв будет сокращаться, но медленно, возможно, будет расти число стран, не заинтересованных в развитии Интернета.

Еще одна новая реалья — государствоцентричность нового порядка, что означает помимо всего прочего усиление роли государства как главного политического института и попытки государства подчинить государственным интересам деятельность других политических институтов, Интернета в том числе.

Чем шире подключение к Интернету, тем быстрее влияние Интернета в политике, но в ситуации многополярности и сложных отношений с США больше и рисков, связанных с глобальным Интернетом. Если мы возвращаемся к реализму и признанию главенства и необходимости уважения национальных интересов каждого отдельного государства, мы будем переживать этап перенастройки существующих соглашений в области кибербезопасности для объединения усилий с целью совместного реагирования на существующие в киберпространстве угрозы, а также рост попыток отдельных государств пойти по пути создания так называемого автономного или «суверенного Интернета».

Чрезмерное вмешательство государства в работу Интернета нарушает принцип автономности Интернета, и Интернет прекращает работать как институт оппозиционного политического спектра. Оппозиция лишается своего института, посредством которого формирует солидарности, приобретает сторонников, представляет свои интересы в пространстве публичной политики. Это не отменит оппозицию, но лишит государство возможности наблюдать за ее деятельностью. В такой конфигурации взаимоотношения государства и Интернета последний (Интернет) превращается в одно из средств манипуляции общественным мнением и пропаганды, подобно СМИ сегодня.

Литература и источники

Борисова М. Интернет в Индии: 99 % покрытия, борьба с Китаем, цензура. <https://texterra.ru/blog/internet-v-indii-99-pokrytiya-borba-s-kitaem-tsenzura.html>

Китайские социальные сети: Топ-10 лучших социальных сетей Китая. PRC.today. 28.10.2023. <https://prc.today/kitajskie-soczialnye-seti-top-10-luchshih-soczialnyh-setej-kitaya>

Никипорец-Такигава Г.Ю. Интернетизация политического пространства на примере России. Диссертация на соискание ученой степени доктора политических наук. Санкт-Петербургский государственный университет. Санкт-Петербург, 2020.

Россия готова к автономии интернета в случае прекращения работы системы ICANN Tadviser. 18 сентября 2023. <https://www.tadviser.ru/index.php>

Griffiths, James The Great Firewall of China. How to Build and Control an Alternative Version of the Internet. 2019. Zed Books Ltd., London

Javed Anwer. Are you a criminal now? Users may get 3 years in jail for viewing torrent site, blocked URL in India. New Delhi. 22.08.2016. <https://www.indiatoday.in/technology/news/story/are-you-a-criminal-now-users-may-get-3-yr-in-jail-for-viewing-torrent-site-blocked-url-in-india-336353-2016-08-21>

Sheikh Saaliq. (2019) India suspends internet and phone services to quell protests. <https://www.yahoo.com/lifestyle/india-suspends-internet-phone-services-110447127.html?guccounter=1>

Tang, C., Johnson, M., Smith, C. & Chow, M. (2016). In-depth analysis of the Great Firewall of China. URL: <http://www.cs.tufts.edu/comp/116/archive/fall2016/ctang.pdf>

Verkamp, J. & Gupta, M. (2012). Inferring Mechanics of Web Censorship Around the World. *IEEE Symposium on Foundations of Computational Intelligence*. URL: <https://www.usenix.org/system/files/conference/foci12/foci12-final1.pdf>

М.В. Николаева (Краснодар),
А.А. Шестакова (Краснодар)

ПЕРСПЕКТИВЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ НОВЫХ И ГИБРИДНЫХ СУБЪЕКТОВ ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКИ В УСЛОВИЯХ СЕТЕВОГО ОБЩЕСТВА

Коллаборация традиционных и новых субъектов публичной политики приводит к образованию гибридных субъектов публичной политики. Это происходит, когда неполитический субъект проходит основания актуализации субъектности, становится новым субъектом публичной политики и входит в политический процесс. Как новый субъект, он остается вне политического процесса или, если он вовлечен в политический процесс (участвует в предвыборной кампании, имеет институциональную принадлежность), занимает статус и развивается как традиционный политический субъект, например, использует все виды СМИ, без выделения онлайн- или офлайн-практик. Альтернативная позиция субъектности предполагает, что субъект публичной политики в статусе традиционного продолжает работать как новый политический субъект: основным полем его деятельности остается онлайн-пространство, через которое он постоянно конвертирует свой политический капитал, выполняя функции традиционного политического субъекта. Иными словами, он начинает функционировать в статусе традиционного политического лидера, но используя технологии, механизмы взаимодействия, обратной связи, работы с общественным мнением, целевой аудиторией, применяемые новыми политическими субъектами. Эти два направления являются условиями формирования гибридных субъектов, то есть: «вошел как новый политический субъект — занял статус традиционного — продолжает работать как новый» или «вошел как традиционный — использует практики новых субъектов публичной политики».

Первый путь гибридизации традиционных и новых субъектов публичной политики предусматривает проявление функциональных особенностей субъекта как гибридного (функции новых в статусе традиционного). Второй путь гибридизации предполагает, что субъект уже находится в политическом окне, участвует в политических процессах, но при этом начинает работать как новый политический субъект. Это два пути слияния новых субъектов со своим статусом традиционного и традиционных политических субъектов — с технологиями новых.

В контексте перспектив функционирования новых и гибридных субъектов публичной политики мы говорим об особенностях политических практик в онлайн-пространстве, которые строятся на специфике действий, выстраиваемых в Интернете: размещение контента и особенность построения контент-плана в различных социальных сетях; особенность решения проблемы и социальное действие из онлайн в офлайн; грамотное использование политического капитала; использование мессенджеров; тонкости работы с репутацией; построение политической этики и использование видеоконтента.

Потенциал онлайн-пространства позволил субъектам публичной политики находить новые формы политического участия для эффективного взаимодействия в контексте асинхронного мультимодального дискурсивного поля (Рябченко, 2022). Асинхронный мультимодальный дискурс в публичной политике представляет собой сложное явление, которое объединяет несколько ключевых аспектов. *Дискурс* означает способ общения и выражения мыслей, идей, ценностей и в контексте публичной политики это означает обмен информацией, аргументами и риторикой между различными политическими акторами, включая правительство, оппозицию, гражданское общество и СМИ. *Мультимодальность* относится к использованию различных способов передачи информации в рамках дискурса, которые могут включать в себя текст, изображения, звук, видео и другие элементы коммуникации. В публичной политике мультимодальность может быть использована для усиления воздействия доносимой информации и приобретения поддержки сторонников с помощью использования различных платформ. *Асинхронность* указывает на то, что обмен информацией и коммуникация между участниками дискурса не происходит в реальном времени, что может включать в себя использование социальных сетей, электронной почты, блогов и других онлайн-платформ, где участники могут публиковать свои сообщения и отвечать на них в удобное для них время. В публичной политике асинхронный мультимодальный дискурс может проявляться, например, в виде: *публичных*

заявлений, при которых политические субъекты могут использовать различные мультимодальные средства, такие как видеоблоги или социальные медиа, чтобы обратиться к избирателям и выразить свои позиции и обещания; *кампаний и рекламы*, где политические субъекты активно используют мультимодальные средства, чтобы донести свои сообщения до широкой аудитории, включая видеоролики, баннеры, плакаты и аудиозаписи; *обсуждения в социальных сетях*, в которых граждане могут активно обсуждать политические вопросы, используя текстовые сообщения, изображения, видео и мемы; *онлайн-форумы и блоги*, где эксперты и активисты могут вести долгосрочные дискуссии на онлайн-платформах, обмениваясь информацией и аргументами.

Асинхронный мультимодальный дискурс может иметь значительное воздействие на публичную политику, так как он позволяет широкому кругу участников вносить свой вклад и влиять на общественное мнение в удобное для них время. Однако он создает вызовы в области фильтрации и проверки информации, а также может способствовать распространению дезинформации и фейковых новостей, что требует разработки эффективных методов борьбы с такими явлениями.

Политические субъекты вовлечены в асинхронный мультимодальный дискурс в публичной политике с различными целями и деятельностью. Вот несколько практик, которые они могут применять:

1. *Создание мультимедийного контента*. Политические лидеры и организации могут создавать разнообразные мультимедийные материалы, такие как видеоролики, аудиозаписи, инфографика и графические изображения, чтобы эффективно донести свои сообщения до аудитории. Эти материалы могут быть опубликованы на социальных медиа, в блогах и на веб-сайтах.
2. *Использование социальных медиа*. Политические субъекты активно участвуют в социальных медиа, чтобы взаимодействовать с избирателями и сторонниками. Они могут публиковать обновления, проводить трансляции в прямом эфире, отвечать на комментарии и развивать кампании с использованием хэштегов.
3. *Блоги и статьи*. Политические субъекты могут вести блоги и публиковать статьи на актуальные темы, что позволяет им транслировать аргументы и представлять оппонирующую или альтернативную позицию более подробно, чем это возможно в коротких сообщениях социальных сетей.
4. *Онлайн-дебаты и вебинары*. Политические субъекты могут организовывать онлайн-дебаты и вебинары, чтобы обсудить ключевые вопросы с оппонентами и избирателями. Это позволяет им демонстрировать свою экспертизу и аргументировать свои позиции.
5. *Активное участие в онлайн-дискуссиях*. Политические акторы могут активно участвовать в дискуссиях на форумах, социальных сетях и комментариях к новостным статьям. Они могут отвечать на вопросы, разъяснять свои позиции и взаимодействовать с критиками.
6. *Мониторинг общественного мнения*. Политические субъекты могут использовать аналитические инструменты для мониторинга общественного мнения в онлайн-пространстве, что позволяет им оценивать реакции на собственные сообщения и адаптировать стратегию коммуникации.
7. *Борьба с дезинформацией*. В контексте асинхронного мультимодального дискурса политические субъекты также могут сталкиваться с распространением дезинформации и фейковых новостей. Они могут разрабатывать стратегии для борьбы с этими явлениями, включая фактчекинг и обращение к аудитории с коррективами.

Важно отметить, что практики новых и гибридных политических субъектов в асинхронном мультимодальном дискурсе могут различаться в зависимости от страны, политического контекста и целевой аудитории. Также важно учитывать этику и правила использования онлайн-коммуникации в политическом контексте, чтобы поддерживать здоровый дискурс и обеспечивать доверие со стороны избирателей.

Специфика формирования социально-политического контента в контексте цифровых и информационно-коммуникационных технологий порождает новую политическую культуру граждан. Особенности ее становления являются: получение политических знаний через свободный доступ к информации; трансформация знаний в убеждения; формирование политической ориентации политических и неполитических субъектов; реализация субъектной ориентации в политической культуре.

ре. В этой поэтапной трансляции и лоббировании социально-политического контента наблюдается не только направленная передача гражданам элементов политической культуры, но и преобразование некоторых элементов, которые в конечном счете способствуют формированию новой политической культуры.

В ближайшей перспективе вопросы этики выйдут на первый план потому, что технологическое развитие сервисов, на которых базируются политические публичные процессы в цифровом поле достигли своего предела технического развития, и они уйдут в сторону этического развития, внутренней цензуры, создания определенных шаблонов, норм поведения, что так или иначе скажется на том, что вопросы цензуры выйдут на первый план и в развитии публичной политики в цифровом поле.

Литература и источники

Рябченко Н.А. Региональный политический дискурс: теоретическая модель, методология исследования и практики управления политическим контентом в online-пространстве субъектов РФ / Н.А. Рябченко, В.В. Катермина, А.А. Гнедаш, Б.Г. Вульфович // Политическая лингвистика. — 2019. — № 5 (77). — С. 114–131.

ОСОБЕННОСТИ ЦИФРОВОЙ КОММУНИКАЦИИ В МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Развитие информационных технологий в цифровую эпоху предполагает применение нового инструментария для организации более эффективной коммуникации между государством и обществом. Рост количества обращений, поступающих в органы власти, требует постоянного поиска новых подходов и пересмотра управленческих решений, позволяющих сделать процесс взаимодействия с гражданами оперативным и результативным.

В 2019 г. в Доме Правительства Московской области был создан ситуационный Центр управления регионом при Губернаторе Московской области (далее — ЦУР). Его запуск стал одним из этапов цифровизации Подмосковья и обеспечил взаимодействие органов власти и организаций, ориентируясь на потребности и проблемы населения, их максимально оперативное решение. Президент Российской Федерации В.В. Путин, посетив ЦУР Московской области, дал высокую оценку его работе, подчеркнув, что опыт региона необходимо тиражировать на все субъекты Российской Федерации.

Концепция центра управления регионом при губернаторе Московской области. Московская область занимает лидирующие позиции по внедрению цифровых технологий в повседневную жизнь человека. В регионе созданы платформы, позволяющие выстраивать эффективную коммуникацию с жителями региона. ЦУР — уникальное структурное подразделение, аккумулирующее все поступившие обращения граждан в адрес высшего должностного лица субъекта, руководителей центральных исполнительных органов власти региона, руководства муниципальных образований Московской области.

На сегодняшний день ЦУР объединяет представителей 30 отраслевых министерств и ведомств Правительства Московской области. В нем с помощью информационных систем — регионального портала «Добродел», социальных сетей, горячих линий, официальных обращений и т. д. в круглосуточном режиме происходит сбор и анализ данных всех сфер жизнедеятельности региона.

Концепция ЦУР заключается в трех основных постулатах: «Все знаем. Быстро решаем. Не допускаем». Его основная цель — оперативное информирование о текущей ситуации в Московской области с последующей трансформацией процессов управления для снижения потока жалоб жителей региона.

«Первый этап предполагает создание “тепловой” карты, позволяющей выявление точек напряженности и отображение динамики проблем, волнующих жителей Подмосковья. Второй этап подразумевает оперативное доведение обращений до исполнителей и их качественное решение в регламентированные сроки» (от трех часов до 8 дней) (Курманов, 2022). Третий этап направлен на предотвращение аналогичных проблем в будущем с помощью выявления первопричин для последующей трансформации и масштабирования процессов. Собранная информация аккумулируется в единой информационной системе для последующего доклада руководству региона.

Цифровизация управления предполагает постоянное совершенствование системы, использование новой методологии принятия решений на основе анализа данных. Ежедневно в ЦУРе анализируются сотни тысяч сообщений, требующих реагирования со стороны представителей областных структурных подразделений. Формируется перечень актуальных проблем и список муниципальных образований с наибольшим потенциалом протестной активности. Уполномоченные лица, занимающиеся сводом поступивших сообщений, выявляют системные проблемы и привлекают высших должностных лиц для их оперативного решения.

Алгоритм работы ЦУР по обращению с гражданами следующий:

1. Житель субъекта заявляет о своей проблеме или недовольстве групп граждан любым удобным для него способом: через «горячую линию» губернатора Московской области, диспетчерскую службу, областной портал «Добродел», обращается с электронным сообщением к руководителям отраслевых министерств и ведомств, направляет письмо через «Почту России» и т. д.
2. Сотрудники ЦУР структурируют поступившие обращения граждан по следующим направлениям: социальная сфера, ЖКХ, здравоохранение, образование, дороги и общественный транспорт, строительство и безопасность, государственные услуги и МФЦ, экология.

3. В каждой отрасли определяется перечень системных проблем для проработки; закрепляется лицо, отвечающее за оптимизацию процессов, связанных с сокращением срока решения задач и контролем их внедрения для дальнейшего масштабирования на уровне субъекта. Как пример — ранее рассмотрение жалоб по уборке мусора с контейнерных площадок могло занимать больше недели, так как с жалобой проводились многочисленные бюрократические манипуляции. Сейчас обращение напрямую попадает к исполнителю, а срок модерации (т. е. определение исполнителя), не превышает 24 часа, в связи с чем жалобы по вывозу отходов решаются в течение 1–2 дней.

Цифровые технологии используются и в других отраслях в регионе: система контроля в транспортном блоке Подмосковья отслеживает передвижение, график работы и исправность 10 тыс. автобусов, выходящих на линию ежедневно. Это позволяет координировать пассажирские перевозки, бороться с опозданиями и невыходом транспортных средств в рейсы.

Благодаря региональному школьному порталу каждый родитель, проживающий на территории региона, владеет информацией об успеваемости своего ребенка. Система также отражает сведения о просмотрах электронного дневника родителями. В результате применения таких инструментов количество двоечников за 2022 г. снизилось в два раза — с 12,7 до 6,1 тыс.

Работа мобильного приложения в жилищно-коммунальном хозяйстве обеспечивает контроль за графиком вывоза мусора региональными операторами. В 2022 г. количество жалоб о этой теме уменьшилось на 84 %.

В ЦУРе решение каждой проблемы оценивается жителем. Если качество решения удовлетворяет заявителя, пользователь отмечает ее как успешно завершённую, если нет — отправляет на доработку. Таким образом, мнение жителей учитывается на каждом этапе. Коллективные жалобы рассматриваются в первоочередном порядке, оперативно «эскалируются» на уровень руководства ведомств. Их решение — приоритетная задача любого отраслевого министра подмосковного Правительства.

За 5,5 лет работы портала «Добродел» жители Подмосковья прислали 4,5 млн сообщений и подтвердили решение трех миллионов проблем в ЦУРе. Платформа пользуется большой популярностью и доверием — еженедельно к работе с онлайн-сервисом присоединяется порядка 6 тыс. человек. Введение обязательной регистрации через Единую систему идентификации и аутентификации (ЕСИА) полностью исключило возможность фальсификации обращений, так как по каждой проблеме компетентные органы могут провести полноценную проверку.

ПРИНЯТЫЕ РЕШЕНИЯ ПО ОТРАСЛЯМ

Рис. 3. Принятые решения по отраслям в Московской области за 2022 г.

Сегодня на территории Подмосковья создано 58 муниципальных ЦУРов, сотрудники которых снабжены всей методологией и инструментарием работы с жалобами граждан. «Таким образом, Центр управления регионом и его муниципальные филиалы совместно в круглосуточном режиме занимаются мониторингом и контролем исполнения управленческих решений, помогают значительно сократить время решения проблем жителей и отслеживают общую социально-экономическую ситуацию в Подмосковье» (Кто и как..., 2020).

Однако повышение эффективности работы ЦУР возможно при решении двух важных задач. Первая — повысить уровень компетенции отдельных сотрудников ЦУР в муниципалитетах Подмосковья, вторая — наладить систему оперативного информирования жителей.

Вместо решения конкретной проблемы жители зачастую получают стандартизированные ответы. В качестве примера может служить проблема, связанная с транспортным обслуживанием. Жители часто жалуются на технические неисправности транспортных средств, отмену рейсов, переполненность автобусов в час пик, а также несоблюдение расписания движения по утвержденному маршруту. Написав жалобу в профильное ведомство, жители могут получить, например, следующий ответ: «Все транспортные средства полностью соответствуют нормам перевозки пассажиров по маршрутам. Интервал движения составляет от 10 до 15 минут, выпуск транспортных средств на линию производится в полном объеме, рейсы выполняются без отмен. Увеличение интервалов движения и соответствующее скопление пассажиров на остановочном пункте происходит по не зависящим от перевозчика причинам, вследствие дорожно-транспортных затруднений по трассе следования маршрута. По всему водительскому составу проведен инструктаж о неукоснительном соблюдении расписания движения согласно схеме маршрута, а также о допустимой вместимости в транспорт общего пользования».

Сотрудники ЦУР в отдельных муниципалитетах могут ответить на жалобу таким образом в том числе и потому, что данный вопрос лежит вне зоны их компетенции. Однако их задача состоит в оперативной передаче информации в региональное министерство транспорта и «эскалировании» жалобы на уровень главы муниципального образования и профильного заместителя министра, которые обладают полномочиями наказать перевозчика за систематическое нарушение условий договора о транспортном обслуживании. Если исполнительская дисциплина сотрудником муниципального ЦУР не соблюдена, житель остается наедине с нерешенной проблемой.

Что же касается проблемы оперативного информирования жителей, она может быть решена посредством создания чат-ботов, различных онлайн-платформ и приложений, призванных обеспечить удобство для человека. Например, находящееся в разработке приложение «Транспорт Подмосковья» дает возможность решить целый ряд проблем: увидеть актуальное расписание маршрута, прогнозируемое время прибытия общественного транспорта на остановку, узнать, где находится нужный автобус, а также оставить отзыв о работе компании-перевозчика или о водителе.

Заключение. Запуск Центра управления регионом в Московской области в 2019 г. привел к всплеску обращений жителей региона и обнажил самые чувствительные темы, касающиеся их повседневной жизни. Этот всплеск показал возрастающий запрос на оперативную коммуникацию граждан с центральными исполнительными органами власти и органами местного самоуправления Подмосковья. Решения, принятые руководством региона на основе системного анализа поступивших обращений в ЦУРе, обеспечили уже в 2020 г. рост уровня доверия жителей к губернатору Московской области на 26 %.

Количество решенных за 2020 г. проблем привело к возрастанию запроса жителей региона на качество исполнения принятых решений. К примеру, если раньше жители просто просили убрать бытовой мусор с контейнерных площадок, то теперь их беспокоит соблюдение графика вывоза мусора. В связи с этим, в 2021 г. была проведена оценка эффективности деятельности людей, занимающихся обращениями граждан, результатом которой стала выработка новых алгоритмов и поэтапный переход от рутинных/машинных действий сотрудников к использованию искусственного интеллекта. Именно с этим связано дальнейшее развитие ЦУР.

В настоящее время в ЦУРе Московской области искусственный интеллект уже используется в восьми основных сферах жизнедеятельности людей: в здравоохранении и образовании, в ЖКХ и транспорте, торговле и энергетике, в строительном блоке и в сфере безопасности. К концу 2023 г.

в ЦУРе Московской области планируется запуск еще десяти пилотных проектов, призванных оптимизировать управленческие процессы и обеспечить высокое качество коммуникации между властью и людьми в будущем.

Литература и источники

Курманов А.А. ЦУР в умном городе. Инструкция по применению. Доклад на форуме. Белгород, апрель 2021 (<https://smartforum.gorodsreda.ru>). Дата обращения: 30.05.2023.

Кто и как помогает жителям решить проблемные вопросы в здравоохранении Орехово-Зуевского округа // Орехово-Зуевская правда, 20.03.2020 (<https://inorehovo.ru/news/zdravoohranenie/kto-i-kak-pomogaet-zhitelyam-reshit-problemnye-voprosy-v-zdravoohranenii-orehovo-zuevskogo-okruga>). Дата обращения: 30.05.2023.

СОВРЕМЕННОЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЛИДЕРСТВО В ВОСПРИЯТИИ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖЬЮ

Статья подготовлена в Государственном академическом университете гуманитарных наук в рамках Государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (тема No FZNF-2023-0003 «Традиции и ценности общества: механизмы формирования и трансформации в контексте глобальной истории»).

Существенным отличием исследований лидерства в настоящее время является акцент на так называемом субъектном факторе, под которым понимается восприятие гражданами лидеров: «Функционирование политического лидерства является субъект-субъектным процессом, в ходе которого важна роль как лидеров, так и их последователей. Лидеры не могут сохранить свою власть, если последователи не готовы поверить в них, в их способность эту власть осуществлять» (Самсонова, Шпуга, 2016, 147).

Учет субъект-субъектного характера лидерства ярко проявляется в политической психологии, в рамках которой изучаются как личности (Палитай, Викулина, 2020; Палитай, Данилова, 2020; Современная элита..., 2015) и образы реальных политических лидеров (Власть и лидеры..., 2019), так и идеальные представления о них (Kasamara, Sorokina, 2013; Шестопал, Рогач, 2020). Базой для такого рода исследований является теория политического восприятия, позволяющая выявить структурно-содержательные характеристики политических образов в сознании людей и обозначить влияющие на них факторы (Психология политического..., 2012).

Объектом изучения для политических психологов в большинстве своем являются образы лидеров — спонтанно формирующиеся отражения личностей лидеров в массовом и индивидуальном сознании граждан, в которых проявляются как реальные характеристики объекта восприятия (лидеров), так и ожидания субъекта восприятия (граждан) (Власть и лидеры, 2019, 39).

В рамках проведенного нами исследования были взяты формализованные интервью для изучения представлений российской молодежи о политическом лидерстве. Объем выборки составил 470 человек в возрасте от 18 до 35 лет. Выборка была пропорционально распределена в соответствии с социально-демографическими характеристиками российской молодежи по полу, возрасту, месту проживания (пропорциональное распределение по всем федеральным округам, а в рамках ЦФО основная масса респондентов приходилась не на Москву).

Данные нашего исследования показали, что при обдумывании смыслового содержания понятия «политический лидер» наши респонденты не были склонны выделить что-то одно. Чаще всего ответы на вопрос: «Политический лидер — это...» сводились к пространным размышлениям, перечислению различных свойств и качеств личности, обдумыванию ролевых характеристик и пр. Между тем, мы выделили наиболее часто встречающиеся типы ответов.

Практически треть опрошенных (32,1 %) говорили о том, что политический лидер — это человек, который *может вести за собой*. При этом некоторые из респондентов просто называли это свойство как главное, а другие упоминали его в контексте различных ресурсов, которые в итоге и позволяют лидеру быть «направляющим»: «человек, который имеет достаточные знания, интеллект, силы, ресурсы, чтобы вести людей за собой, и которому люди доверяют» (жен., г. Иркутск); «человек, обладающий морально-волевыми качествами, способный организовать среднее или крупное количество людей для совершения политического действия или удержания и завоевания власти» (муж., г. Омск).

На втором месте по популярности (17,2 %) были ответы, содержащие в себе описание лидера как *управленца*. При этом всех этих респондентов можно разделить на две практически равные по численности группы, у каждой из которых было свое видение данного свойства. Первые из них говорили о *формальных управленцах*, т. е. людях, занимающих соответствующий пост, «...*чья деятельность становится его официальной профессией в политике*» (жен., г. Надым). Вторые всячески подчеркивали в своих ответах *управленческие компетенции* как те атрибуты, которые должны быть

свойственны лидеру: «человек, который может принимать адекватные политические решения, который может управлять командой, группой лиц...» (жен., Омская область), «человек, который может принять ответственно какое-либо политическое решение, которое приведет к общему благу» (муж., Омская область).

Немногим меньше (16,1 %) было тех, кто полагал, что лидером является человек, которому доверяют: «он вызывает авторитет, доверие, уважение» (жен., г. Челябинск); «человек, который имеет не только власть в стране, но и авторитет среди народа. Тот человек, которому люди — подданные или граждане — доверяют, и который был ими избран» (муж., г. Сочи).

Такая же доля опрошенных (16,1 %) говорила о лидере как о человеке, обладающем определенными ресурсами в самом широком смысле: «связи, связи...» (жен., г. Ростов), «...человек, обладающий <...> эффективной командой...» (жен., Самарская область); «человек, имеющий ресурсы, в том числе умственные, для того, чтобы выразить волю народа» (жен., Приморский край). Стоит отметить, что обладание материальными ресурсами упоминалось лишь пару раз, ровно как и наличие связей в негативной коннотации. Данный факт, на наш взгляд, говорит о том, что в сознании молодежи лидерство в большей степени имеет положительный оттенок, а сами лидеры предстают людьми, заслужившими свое положение.

Говоря о политическом лидере, часть респондентов (14 %) упоминала *профессионализм*, однако, делали они это всегда в самом общем смысле, практически никогда не называя какие-то конкретные профессиональные навыки: «человек, который профессионально занимается политикой» (жен., г. Ростов), «это профессионально подготовленный эксперт в своей области...» (муж., Нижегородская область). Лишь некоторые из них отмечали, что именно должен уметь лидер: «человек, который разбирается во всем, шарит за психологию, социологию и т. д.» (жен., Иркутская область), «человек, имеющий общее представление о положении дел в мире, о развитости каждой страны в отдельности, о существующих договорах и прочее между различными странами» (муж., г. Сочи).

Еще одна группа респондентов, составляющая приблизительно десятую долю от всех опрошенных (11 %), полагала, что лидер — это не просто человек, обладающий какими-то качествами. По их мнению, главное, что должно быть у лидера — это *харизма*, а также ряд *морально-волевых качеств*: «харизматичная компетентная личность в политике...» (жен., г. Москва), «сильный человек, но, наверное, больше морально сильный, чем физически» (жен., Приморский край).

Редко (7,6 %), но встречались ответы, в которых говорилось о том, что лидер — это человек, обладающий в политическом поле определенными *амбициями и целеустремленностью*, полагая, что именно эти качества и выделяют лидера из общей массы: «человек с амбициями и большими планами на государственные интересы...» (жен., г. Казань), «...человек, который стремится к власти и социальному продвижению» (жен., Калининградская область). Чаще всего такие суждения не сопровождались упоминанием каких-либо моральных качеств.

Наряду с разделением респондентов на группы по смыслу данных ими ответов, мы также обратили внимание на некоторые содержательные их особенности. Это позволило нам прийти еще к ряду заключений. Так, стоит отметить, что в ходе опроса, респондентами немало внимания уделялось позитивным интенциям лидера, которые в большинстве случаев являются для респондентов весьма значимыми. Так, примерно четверть респондентов (24,8 %), считают, что лидер — это тот, кто действует на благо: «человек, который может дать людям развитие, поддержку...» (жен., Алтайский край), «тот, кто ведет нас всех к благоденствию» (муж., Республика Тыва), «человек, которому небезразличны судьбы людей и страны» (жен., г. Ростов).

Небольшая доля респондентов (5,5 %) выделила такое отдельное качество в определении лидера, как *честность*: «...честный перед своими избирателями и всеми, перед кем обязан, человек» (жен., г. Москва), «кто умеет говорить правду» (муж., Нижегородская область). Достаточно часто встречалась фраза «лидер — это человек слова и дела», указывающая на обязанность лидера быть не только честным, но и нести ответственность за обещанное.

Ответственность в чистом выражении отождествляли с лидером также порядка 5,5 % людей. Акцент при этом делается на ответственности не только за себя (свои слова, обещания), но и за других (команду, население), тем самым подчеркивается связь лидера с обществом: «человек, который берет на себя ответственность по организации, с одной стороны коллектива, с другой стороны,

человек, который может принять ответственно какое-либо политическое решение, которые приведут к общему благу» (муж., Омская область), «индивид, способный принимать важные политические решения и нести за них ответственность» (муж., г. Челябинск), «человек, который умеет в критической ситуации брать всю ответственность на себя, но при этом свои решения выстраивать с волей и желанием людей, народа, кем он, собственно говоря, руководит» (жен., г. Москва).

Интересным является тот факт, что при ответе на наш вопрос политические характеристики лидера были упомянуты чуть менее чем в четверти случаев (23,6 %), в основном подчеркивались профессиональные качества. Отметим можно и то, что довольно часто политического лидера ассоциировали с лидером политической партии или какого-то другого политического объединения.

Таким образом, политический лидер в сознании отечественной молодежи — это по большей части управленец, проявляющийся при этом как формально (человек, занимающий управленческий пост), так и с точки зрения обладания соответствующими компетенциями. Из ответов первых становится понятно, что современная молодежь практически не видит разницы между политической сферой и сферой государственного управления. Относительно высокий процент ответов, содержащих упоминание морально-волевых качеств и необходимую тесную связь лидера с населением, указывает на особое значение для молодежи именно личностных и психологических качеств, даже в ущерб профессиональным.

Литература и источники

Власть и лидеры в восприятии российских граждан. Четверть века наблюдений (1993–2018) / Отв. ред. Е.Б. Шестопап. М.: Весь мир, 2019.

Палитай И.С., Данилова А.С. Региональные руководители нового поколения: результаты политико-психологического анализа // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология, 2020. № 54. С. 252–262.

Палитай И.С., Викулина С.В. Личностный и профессиональный потенциал молодых депутатов Государственной Думы: политико-психологический анализ // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки, 2020. № 6. С. 69–82.

Психология политического восприятия в современной России / под ред. Е.Б. Шестопап. М.: РОССПЭН, 2012.

Самсонова Т.Н., Шпуга Е.С. Политическое лидерство перед вызовами современности // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2016. Т. 22. № 4. С. 142–163.

Современная элита России: политико-психологический анализ / под ред. Е.Б. Шестопап, А.В. Селезневой. М.: Аргмак-медиа, 2015.

Шестопап Е.Б., Рогач Н.Н. Идеальные представления как фактор восприятия реального политического лидера // Полис. Политические исследования. 2020. № 4. С. 166–180.

Kasamara V., Sorokina A. The ideal president through the eyes of Russian and French college students//Russian Education and Society.2013.Vol. 55, no. 5. P. 56–74.

ГОСУДАРСТВА И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВОСУДИЕ: КОНТЕКСТНЫЕ УСЛОВИЯ КОНФЛИКТА И СОТРУДНИЧЕСТВА

В настоящее время международные судебные инстанции становятся одной из важнейших институциональных площадок, где происходит апробация новых подходов к глобальному перераспределению властных полномочий и компетенций по регулированию социальных и экономических процессов. Сегодня практически каждая международная организация имеет в своей структуре функциональный центр, ответственный за разрешение споров в юридической плоскости, и практически каждый международный договор либо учреждает специализированный судебный орган, уполномоченный принимать обязывающие государства решения, либо обязывает договаривающиеся стороны разрешать споры в уже действующих международных судебных органах.

Укорененная в международной системе субсидиарная позиция учреждений международного правосудия и их специализация на разрешении межгосударственных споров порождает ожидание принципиально аполитического характера судебной системы и предполагает отсутствие в ее рамках импульсов к возникновению собственных статусных устремлений или политически мотивированного активизма. Однако современные процессы позволяют вновь открыть для обсуждения вопрос о собственно политическом статусе международного правосудия и его способностях к ревизии сложившегося формата разделения властей как на макроуровне мировой политической системы, так и во внутривнутриполитическом пространстве отдельных государств.

Динамика взаимоотношений международных судебных инстанций и государств свидетельствует о значительном эволюционном скачке, который осуществили внешние судебные регуляторы в течение последних тридцати лет на пути автономизации и выхода из государственных организационных контекстов. В целом ряде случаев наблюдается достижение судебными инстанциями системной позиции, из которой возможно осуществлять принудительное и обязывающее государства действие. В новом институциональном контексте они оказываются способны к формированию институциональных комплексов, интегрирующих функционально международный и национальный уровни управления; пересмотру баланса в распределении властных полномочий на национальном уровне; преодолению крупных институциональных механизмов принятия решений межгосударственного уровня; внедрению собственных интерпретаций правовой нормы в национальные правовые порядки и внепарламентскому нормированию общественных отношений в целом; дисциплинированию государств в рамках исполнения судебных решений.

Данная позиция обеспечена структурно их функционированием в среде международных координационных и интеграционных объединений, что позволяет формулировать универсальные, обращенные ко всем государствам-участникам нормативы за пределами национальных парламентских, исполнительных и судебных органов. При этом принудительный характер решений обеспечивается функционированием международных организаций в качестве пулов коллективной власти, что сопровождается возникновением цепочек взаимозависимостей, где неподчинение конкретным решениям может вести к возникновению некалькулируемых рисков для каждого отдельного государства-участника.

Значимость решений судебных органов обычно легитимируется ориентацией на корректирующие действия в разрешении споров, реабилитации конкретных жертв и восстановлении нарушенного баланса интересов. В этом плане содержательно весьма значима достаточно поздняя институциональная новация, связанная с допуском к судебной процедуре частных лиц в качестве инициаторов споров против государств. Преодоление субсидиарной позиции судами международных организаций выражается в их вторжении в интересах заявителей в сферы, традиционно являющиеся областью суверенного действия государств, межгосударственной дипломатии или исключительной компетенции национальных законодательных и исполнительных органов государственной власти (Гальперин, 2020, 46). В этом действии судебные инстанции способствуют трансформации отдельных правовых норм, осуществляя де-факто защиту и представительство специфических, внешних для государств

интересов, иницируя пересмотр содержания ключевых ценностей, в том числе конституционного ряда.

Иными словами, международные судебные инстанции преодолевают свою изначальную специализацию «тонкой» настройки работы общественных систем в собственно правовом процессе и становятся значимым, часто агрессивным политическим актором. Поэтому вопрос о политизации деятельности международного правосудия становится одной из центральных проблемных точек современного политического процесса. Именно здесь возникает потенциал, способный дестабилизировать всю устоявшуюся систему международного права. Остроту проблемы задает и тот факт, что происходит смена нормативности в деятельности судов, которые согласно своей функциональной специализации должны регулировать споры, руководствуясь юридическими, а не политическими стандартами (Кротов, 2020, 33) и тем самым оставаться замкнутыми на применении собственных процедур и функциональных кодов (Grimmel, 20, 8–10) — права, законности, беспристрастности, нейтральности, что и составляет основу легитимности любого судебного органа (Гальперин, 2020, 57).

Содержательной ставкой в этих столкновениях становится именно поиск новых пределов компромисса государственного суверенитета и его компонентов с нормоустанавливающей и, в ее расширенной версии, надзорной функциями международных судов и трибуналов, опирающихся на мандат, укорененный в необходимости защиты прав абстрактного отделенного от социального и политического контекста представителя человеческого сообщества. Возникающее поле отличается высокой степенью напряженности и неоднозначными векторами развития, что говорит о том, что данный сектор политического взаимодействия будет иметь высокую значимость в ближайшем будущем. Сложившаяся ситуация предрасполагает государства к активной защите внутренних правовых и политических пространств. Данные усилия реализуются и в коммуникации коллективного характера, и в индивидуальном противодействии. Сегодня государства предпринимают активные оградительные стратегии, включающие действия различной степени интенсивности, начиная от уклонения от выполнения или частичного выполнения отдельных решений и заканчивая системным разрывом отношений с организациями, чьи судебные ответвления производят наибольший повреждающий эффект. Согласно последнему публично доступному отчету Комитета министров ЕС, из всех дел, по которым Европейский суд по правам человека принял содержательные решения, около половины когда-либо принятых решений выполнены не полностью либо частично. Становится очевидным, что даже европейские государства, декларирующие приверженность европейским ценностям в их универсальных трактовках и целям интеграции, отнюдь нередко просто игнорируют судебные решения, исходящие из транснациональной сферы.

Возможно ли восполнить дефицит сотрудничества и доверия между государствами и наднациональными регуляторами? Первым критическим фактором становится функциональное самоограничение последних пределами собственной специализации на правовом регулировании проблемных ситуаций. Любая политизация деятельности судов или их отдельных решений ставит под вопрос легитимность судебных инстанций в принципе.

Анализ содержательной стороны решений суда и реакций государств на них здесь достаточно показателен. Так, большинство решений о монетарной компенсации причиненного частным лицам ущерба в целях их реабилитации государствами исполняется. Однако по решениям, требующим от государств внесения изменений в национальные законы, процент исполнения решений падает до 5 % (Hawkins, Wade, 2010, 56–65). В случае ЕСПЧ процент исполнения решений о возмещении ущерба в монетарном виде достаточно высок, что не удивительно, учитывая тот факт, что присуждаемые суммы, характерные для этой инстанции, весьма умеренны даже в сравнении с компенсациями, присуждаемыми в национальных судебных органах (Fikfak, 2019, 1108).

В логике экономического анализа эти данные могут быть интерпретированы как готовность государств выполнять судебные решения, не требующие серьезных действий. Уровень сотрудничества государства с судом предположительно тем выше, чем менее интенсивные организационные усилия требуются для выполнения решения суда и чем ниже размер компенсации, назначенный пострадавшей стороне. Исполнение судебных решений такого плана становится, таким образом, платой за пребывание в «клубе» уважаемых членов мирового сообщества, объединенных общими гуманистическими целями. Возмещение ущерба в монетарной форме в этом смысле не только не слишком

обременяет государственную систему, но и не ведет к трансформирующему эффекту во внутреннем политическом управлении.

Очевидный изъян этого объяснительного подхода состоит в том, что экономический анализ упускает из виду вопрос о конкуренции правовой и политической рациональности, фундамирующей деятельность соответственно судов и государств. Государства вполне толерантны к исполнению решений, мотивированных правом и необходимостью реабилитации пострадавших индивидов и организаций, даже если сумма компенсации установлена на достаточно высоком уровне. Кроме того, более глубокие компромиссы, затрагивающие внутренние правоустановления, включая баланс между ветвями власти, конституционными органами государственного управления и наднациональными инстанциями, также возможны. Практика согласия и сотрудничества характеризует ситуации, когда цели и ценности судебных инстанций и государственной системы совпадают. В этом случае суд выступает скорее экспертной инстанцией, обобщающей лучшие практики, нежели амбициозным претендентом на субординацию государства. Ситуация коренным образом меняется, если судебное действие утрачивает собственно правовую природу. Государства демонстрируют высокую степень оппозиции решениям, в которых содержится намерение поставить под вопрос политический суверенитет. Ставя перед собой выражено политически мотивированные цели, судебные инстанции входят в зону риска, связанную с потерей легитимности беспристрастной инстанции, специализирующейся на праве и неподверженной политической конъюнктуре.

Второе значимое контекстное условие эффективности деятельности международных судебных органов связано с необходимостью учета фактора глубины интеграции каждого отдельного государства в охватывающие политические режимы и наличие в рамках этих режимов системных факторов принуждения, мотивирующих подчинение стран судебным решениям.

Наконец, третьим принципиальным контекстным условием, определяющим действительную эффективность международных судебных инстанций в отношении государств, является полное сохранение базовых нормативов, присущих современной международной системе и связанных, прежде всего, с представлениями о суверенитете как автономии и независимости государств от любых нежелательных внешних принуждений.

Литература и источники

Гальперин М.Л. Политизация права или легализация политики? О *justiciability* и доктрине «политического вопроса» на примере международного правосудия // Международное правосудие, 2020, № 4, с. 45–58.

Кротов А.В. Теория политической юриспруденции в западном праве // Российский судья, 2020, № 9, с. 31–35.

Fikfak V. Changing State Behaviour: Damages before the ECtHR // The European Journal of International Law, 2019, Vol. 29, no. 4, p. 1091–1125.

Grimmel A. Understanding Courts in Context: On the Embeddedness and Interaction of Judicial Bodies in a Functionally Differentiated World Society // European Review of International Studies, 2018, vol. 5, no. 1, pp. 5–27.

Hawkins D., Wade J. Partial Compliance: A Comparison of the European and Inter-American Courts for Human Rights // Journal of International Law and International Relations, 2010, 6 (1), pp. 35–86.

ИНДИЙСКАЯ МОДЕЛЬ УПРАВЛЕНИЯ ЭТНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ГЕТЕРОГЕННОСТЬЮ: АСИММЕТРИЧНЫЙ ЭТНИЧЕСКИЙ ФЕДЕРАЛИЗМ, ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ИЗОМОРФИЗМ И ТРОПА ЗАВИСИМОСТИ

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00530, <https://rscf.ru/project/23-18-00530/> (проект «Почему заимствуют неэффективные институты? Управление политико-территориальной гетерогенностью и обеспечение территориальной целостности государства») в Пермском федеральном исследовательском центре УрО РАН.

Социокультурная, экономическая, географическая и иная неоднородность государства в кросс-территориальном отношении нередко политизируется, возникают движения за самоопределение, что создает риски сепаратизма и угрозу территориальной целостности государства. Особенно острыми в этом плане являются проблемы, связанные с этно-территориальной гетерогенностью, которая порождает этнические движения за самоопределение (далее — ЭДС). Реагируя на эти проблемы, государства проводят реформы, которые могут быть очень разными не только по содержанию, но и по направленности (аккомодация, т. е. уступки движению, либо, наоборот, депривация), траектории (проактивные или реактивные), степени универсальности (симметричные, т. е. направлены на все территории/группы, либо асимметричные — для конкретного движения за самоопределение.

В ряде случаев, особенно когда в стране одновременно действует большое количество ЭДС, складывается специфическая модель управления этно-территориальной гетерогенностью. Такие страны представляют специальный интерес, и среди них особенно выделяется Индия. Будучи, вероятно, самым этно-гетерогенным в кросс-территориальном отношении государством в мире, Индии тем не менее удается сохранять территориальную целостность. Вместе с тем, количество этнополитических конфликтов и ЭДС отнюдь не уменьшается, а скорее возрастает. В этой связи представляется уместным вопрос, насколько эффективна индийская модель управления этнотерриториальной гетерогенностью.

Поскольку многие ЭДС в Индии уходят корнями в колониальное прошлое, институциональные решения лидерам нового государства пришлось принимать сразу после обретения независимости, тем более что оставшееся от Британской империи административно-территориальное деление (АТД) складывалось исторически по мере постепенной экспансии британцев и (за некоторым исключением) не соответствовало границам расселения этнических групп. «Еще до получения независимости Индийский национальный конгресс взял обязательства по реорганизации внутренних границ страны по языковому признаку» (Adeney & Bhattacharyya, 2018, 5). В 1948 г. Учредительное собрание создало Комиссию по лингвистическим провинциям (LPC). Но проблема оказалась настолько сложной, что комиссия рекомендовала основываться не на языковом принципе, а на комбинации административных, исторических, географических, экономических, культурных и иных критериев (Ranjana & Chattoraj, 2023, 225–226). В итоге первоначальное АТД (28 штатов) в значительной мере воспроизводило систему управления Британской Индии и не было привязано к этническим группам, то изначально в стране сложился неэтнический федерализм.

Однако практически сразу созданная система АТД была поставлена под сомнение, и начались движения за создание штатов по языковому принципу. Уже в 1953 г., идя навстречу требованиям этнической группы, говорящей на языке телугу, правительство пошло на создание штата Андхра, и это, вероятно, стало «точкой невозврата», ибо спровоцировало волну новых требований и заставило провести сначала реформу 1956 г., а потом (в соответствии с логикой «тропы зависимости») идти все дальше и дальше по пути институционализации этничности в политико-территориальном устройстве. Таким образом, магистральным направлением в политике Индии по управлению этно-территориальной гетерогенностью стало утверждение (а затем расширение, углубление и т. д.) этнического (причем этнолингвистического, но не этноконфессионального) федерализма.

Не меньше, а в чем-то даже большее значение имеет то, что этничность в Индии институционализируется асимметрично, причем сразу по нескольким направлениям. В политико-территориальном устройстве она выражается в различиях между статусом штата и союзной территории, и даже среди штатов выделяются 12, которые имеют конституционно закрепленные «особые полномочия» (Special Category States). На субрегиональном уровне асимметричность проявляется в наличии автономных округов — Autonomous District Councils (ADC). Изначально они создавались для горных племен Северо-Востока Индии. Еще в колониальный период они были выделены британцами в особые территории, а после обретения независимости получили автономию в рамках специально включенного в Конституцию так называемого Шестого списка. Впоследствии субрегиональные автономии стали создавать и за рамками Шестого списка, решением штата, но они имеют «пониженный статус». Более того, каждый ADC создается отдельным актом, и они могут быть как территориальными, так и этнотерриториальными (для представителей конкретной этнической группы), а также имеют разный уровень автономии, объем полномочий и т. д. (Kham, 2022, 134–135).

Таким образом, специфика индийской модели управления этно-территориальной гетерогенностью в том, что она содержит достаточно богатый, но в то же время «законченный» набор возможных институциональных решений относительно требований ЭДС: субрегиональная автономия (с разными статусами и полномочиями), союзная территория, штат. Это ведет к тому, что ни ЭДС, ни правительству нет нужды что-то изобретать и заниматься институциональным предпринимательством. С точки зрения известной концепции П. Димаджо и У. Пауэлла, каждая новая реформа представляет собой не что-то иное как институциональный изоморфизм (DiMaggio & Powell, 1983). Поскольку инициатива при этом исходит от движений, а не от правительства, его можно интерпретировать как нормативный/подражательный, а не принудительный.

Вместе с тем, индийская модель не дает универсальных критериев для имплементации имеющихся вариантов институциональных решений. Иначе говоря, не установлено, на что конкретно может рассчитывать этническая группа, т. е. каковы, например, критерии для создания этнического штата или субрегиональной автономии — размер группы, ее концентрация, исторические основания и т. д.? Различным может быть и объем полномочий для штата / субрегиональной автономии, и их территориальные границы. Институциональные реформы в подавляющем большинстве случаев реактивные, т. е. проводятся по инициативе (даже скорее под давлением) конкретного ЭДС.

Каковы последствия этого? С одной стороны, индийская модель — очень гибкий инструмент управления этно-территориальной гетерогенностью. Власти могут предоставлять те или иные преференции, в большем или меньшем объеме, в тех или иных границах и т. д. в зависимости от требований и ресурсов каждого конкретного ЭДС. То есть «окно возможностей» очень широкое, в его рамках «удобно» вести торг. С другой стороны, реактивность чревата тем, что порождает феномен “too little, too late”: уступки могут быть сделаны слишком поздно и в недостаточном объеме (Cederman et al., 2015), тем более отсутствие универсальных критериев ведет к тому, что, когда правительство идет на уступки движению и проводит некую реформу, оно выдвигает новые, более радикальные требования, т. е. возникает своего рода «лестница требований». Зачастую после реформы движение раскалывается: «умеренные» идут на компромисс, а «радикалы» продолжают борьбу, и во многих случаях обнаруживается циклическая последовательность: «создание организации и мобилизация — конфликт — соглашение — раскол в организации — новый этап конфликта» и т. д.

Кроме того, действуя в одном политико-организационном поле, разные движения за самоопределение влияют друг на друга. Если кому-то удалось добиться от правительства некой реформы, это провоцирует другие движения выдвигать аналогичные требования. Возникает «снежный ком»: каждое новое соглашение с движением за самоопределение провоцирует эскалацию требований — как со стороны этого движения, так и со стороны других движений, которые видят, что можно получить больше.

Более того, институциональная реформа, проведенная в ответ на требования ЭДС, может породить новые движения за самоопределение. Это явно прослеживается в случае создания этнических штатов или этнических территориальных субрегиональных автономий. Получив «свой штат» / «свою автономию», этническая группа становится в нем доминирующей, и нередко возникают региональ-

ные / локальные этнократии, когда другие группы (меньшинства) дискриминируются, что порождает в их среде движение за самоопределение.

Таким образом, эффекты асимметричного этнического федерализма в Индии неоднозначны, они разные в разных контекстах, причем контексты различаются даже в рамках одной страны (Bakke, 2009, 292). С одной стороны, в целом, несмотря на крайнюю этно-территориальную гетерогенность, Индии удалось сохраниться как единое государство, за все время не было ни одного случая сецессии, и в ряде случаев создание этнического штата / автономии оказалось удачным решением. С другой стороны, «федеративный дизайн Индии оказался наиболее успешным в основных индуистских центрах, где, несмотря на этнолингвистическое разнообразие, принцип реорганизации федеральных единиц по лингвистическому принципу прочно утвердился» (Singh & Kim, 2018, 6). Однако на периферии этническая асимметричность, наоборот, зачастую только обостряла конфликты, и это особенно явно проявляется на Северо-Востоке страны, где «метод территориализации этничности и создания малых «этнических очагов» через штаты и субрегиональные автономии не привел к поддержанию этнического мира и порядка, а создал новые основы этнического конфликта» (Bhattacharyya, 2019, 3–4).

Литература и источники

Adeney Katharine & Harihar Bhattacharyya (2018) Current challenges to multinational federalism in India, *Regional & Federal Studies*, DOI: 10.1080/13597566.2018.1473855

Bakke Kristin M. (2009) State, Society and Separatism in Punjab, *Regional & Federal Studies*, 19:2, 291–308, DOI: 10.1080/13597560902753560

Bhattacharyya Harihar (2019) Pitfalls of India's Ethno-federal Model of Ethnic Conflict Management: Tension Between Tribal Ethnicity and Territory in India's North East, *Ethnopolitics*, DOI: 10.1080/17449057.2019.1622222

Cederman, L. E., Hug, S., Schadel, A. & Wucherpfennig, J. (2015). Territorial Autonomy in the Shadow of Conflict: Too Little, Too Late?, *American Political Science Review*, 109: 2, 354–370.

DiMaggio Paul & Walter Powell (1983) The Iron Cage Revisited: Institutional Isomorphism and Collective Rationality in Organizational Fields, *American Sociological Review*, 48: 2, 147–160.

Kham Khan Suan Hausing (2022) Autonomy and the territorial management of ethnic conflicts in Northeast India, *Territory, Politics, Governance*, 10:1, 120–143, DOI: 10.1080/21622671.2021.1884591

Ranjan Amit & Diotima Chatteraj (Eds) (2023) *Migration, Regional Autonomy, and Conflicts in Eastern South Asia*. Cham, Switzerland: Palgrave Macmillan.

Singh Gurharpal & Heewon Kim (2018) The limits of India's ethno-linguistic federation: Understanding the demise of Sikh nationalism, *Regional & Federal Studies*, DOI: 10.1080/13597566.2018.1443917

Г.О. Панфилов (Санкт-Петербург),
А.В. Чугунов (Санкт-Петербург)

МОНИТОРИНГ ЭЛЕКТРОННОГО УЧАСТИЯ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ МОДЕЛИ ОРГАНИЗАЦИИ ОБРАТНОЙ СВЯЗИ С ГРАЖДАНАМИ В СУБЪЕКТАХ РФ

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00364 «Институциональная трансформация управления электронным участием в России: исследование региональной специфики» (<https://rscf.ru/project/22-18-00364/>).

Под электронным участием понимается комплекс методов и инструментов, обеспечивающих электронное взаимодействие граждан и органов власти с целью учета мнения граждан в государственном и муниципальном управлении при принятии политических и управленческих решений. Важно подчеркнуть, что к электронному участию относятся процедуры и методы обеспечения обратной связи и обращения граждан по широкому кругу проблем, в том числе и не относящихся напрямую к политическому процессу (по вопросам ЖКХ, транспорта, благоустройства и т. п.).

Концепция «Электронного участия» в своей теоретической рамке рассматривает специфику функционирования механизмов обеспечения интерактивного взаимодействия власти и общества. Однако имеется и практико-ориентированный взгляд, когда электронное участие встраивается в качестве канала обратной связи в цифровые экосистемы электронного государства. При этом следует подчеркнуть, что определяющую роль в этих процессах играют не технологии, а специфика социально-экономической и политической системы, которая фиксируется в нормативной правовой базе и регламентах функционирования новых цифровых экосистем.

Тем самым, на наш взгляд, термин «Электронное участие» (e-Participation) входит в понятийный блок под условным названием «Электронное государство», включающий также такие понятия как «Электронное / цифровое правительство» (e-Government / Digital Government), «Электронное управление / правление» (e-Governance), «Электронная демократия» (E-Democracy). Следует отметить, что проявление этих терминов и связанная с ними практика пришли из международных программ и деклараций, продвигаемых межгосударственными объединениями и структурами (ООН, ЮНЕСКО, Международный союз электросвязи и др.). Первые программы, связанные с цифровизацией общества и государства, стартовали и приобрели популярность еще в 90-х гг. XX в., и для мониторинга хода их выполнения на уровне стран начали формироваться методики оценки различных компонентов цифрового развития (в то время был популярен термин «Развитие технологий информационного общества» — Informational Society Technology Development). В рамках государственной политики эта деятельность обычно переводится в формат госпрограмм со своими индикаторами и показателями результативности. Например, в начале 2000-х самая развитая система ежегодного мониторинга по различным компонентам отраслевой цифровизации существовала в странах Европейского союза в рамках программы “Europe-2002” и ее продолжения “Europe-2005: An Information Society for All”. Система мониторинга, включающая развернутую систему показателей, ежегодно фиксировала степень успешности внедрения информационных технологий в госуправление, бизнес и общество в странах-членах ЕС.

Применительно к электронному государственному управлению на уровне ООН с 2003 г. выпускается отчет Департамента социально-экономического развития ООН, посвященный регулярному мониторинговому исследованию уровня развития технологий и механизмов электронного управления во всех странах мира. Индекс развития электронного правительства (e-Government Development Index — EGDI) включает в себя и раздел, и компонентный индекс по электронному участию (выпускается один раз в два года, последний выпуск был в 2022 г.).

К 2020 г. в Российской Федерации на региональном и муниципальном уровнях сформировалось значительное количество разнообразных порталов, сайтов, обеспечивающих различные каналы электронного взаимодействия граждан с властью. В рамках исследований Центра технологий электронного правительства Университета ИТМО в 2018–2020 гг. была осуществлена декомпозиция до-

вольно широкого разнообразия существовавших на тот момент методов и технологий электронного участия с целью разработки методики мониторинга и индикаторов оценки обустройства каналов электронного взаимодействия граждан с властью. В результате была разработана методика мониторинга и оценки шести каналов электронного участия:

- сообщения о проблемах;
- электронные голосования;
- электронные инициативы;
- инициативное бюджетирование;
- открытый бюджет;
- краудсорсинг.

В ходе разработки методики также был обозначен наиболее традиционный канал взаимодействия с гражданами — обращения граждан в органы власти, регламентированные Федеральным законом «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» № 59-ФЗ от 02.05.2006. В результате анализа всех существующих электронных приемных стало понятно, что все они устроены по одному принципу и функционируют во всех органах власти, в результате чего было принято решение исключить данный канал из мониторинга и формирования рейтинга.

В последние годы система электронного участия в России претерпевает существенные изменения. Наши исследования показывают постепенное усиление централизации системы «обратной связи» с гражданами и ужесточение контроля федерального центра за региональными и муниципальными каналами электронного участия. Прежде всего, это связано с созданием сети Центров управления регионом (ЦУР), развитием которой с 2020 г. занимается АНО «Диалог Регионы» при активном вовлечении региональных органов власти. Полномасштабное функционирование этой системы во всех субъектах РФ (кроме Москвы и Московской области) относится к 2021 г.

Также был создан и совершенствуется единый федеральный канал для сообщений и электронных голосований «Госуслуги. Решаем вместе» (Платформа обратной связи — ПОС), функционирующий на Едином портале госуслуг (ЕПГУ). Техническим оператором ПОС является Минцифры РФ, оператором внедрения — АНО «Диалог Регионы». В настоящее время к ПОС подключены органы власти всех 85 субъектов РФ. Таким образом, в 2021–2022 гг. региональные и местные инициативы в области электронного участия были дополнены важными централизованными институциональными программами федеральной власти, что вносит существенные корректировки в экосистему электронного участия Российской Федерации.

Анализ процесса развития методов и технологий электронного участия в регионах/муниципалитетах Российской Федерации позволяет разделить его на следующие фазы:

- Первая: инициативная общественная (2010–2012).
- Вторая: инициативная региональная (2012–2020).
- Третья: централизованная федеральная (начиная с 2020 г.).

Эти фазы (или этапы) условно можно представить, как «волны», сосуществующие с разной степенью интенсивности в определенные периоды времени. В настоящее время нарастает «волна централизации» электронного участия, и это свидетельствует о желании федеральной власти контролировать ситуацию на местах, в связи с чем возникает ряд проблем и неявных конфликтов интересов между федералами и региональной властью.

Тем самым, начиная с 2020 г., в России активно стимулируется создание и развитие новых централизованных каналов взаимодействия с гражданами (Платформа обратной связи и другие каналы), что вызывает в ряде случаев дублирование на региональном и муниципальном уровнях.

Данная ситуация вызвала ряд проблем, что было выявлено в ходе интервью с представителями органов власти и экспертами, в результате чего было решено проанализировать модели поведения и управленческие решения региональных руководителей в сфере цифрового развития, принятые в условиях необходимости исполнения федеральных поручений о внедрении единых каналов электронного участия и параллельного развития собственных информационных ресурсов.

Исследование посвящено углубленному изучению региональной политики субъектов РФ в части реагирования на процессы централизации механизмов электронного участия и получения обратной связи от граждан, инициированные федеральной властью.

Политика федерального центра, направленная на централизацию системы электронной обратной связи с гражданами, фактически поставила органы власти субъектов РФ и местного самоуправления перед необходимостью принять решения в отношении тех каналов электронного участия граждан, которые на момент появления федеральной Платформы обратной связи уже были внедрены.

Как показали результаты наших исследований, значительная часть инициативных каналов в регионах и муниципалитетах была закрыта на первом этапе внедрения ПОС в 2021–2022 г. На некоторых из закрытых ресурсов при этом были размещены баннеры о том, что система закрыта по причине перевода коммуникации с гражданами на ПОС. В 2022–2023 гг. некоторые каналы также были закрыты, однако, в то же время, были созданы и некоторые новые ресурсы. При этом новые ресурсы, как правило, созданы с учетом новых приоритетов и обеспечивают интеграцию с федеральными каналами.

Таким образом, органами власти регионов и ОМСУ были приняты различные решения относительно собственных каналов электронного участия, уже существующих на момент внедрения централизованных. В качестве основных типов построения обратной связи, сформировавшихся в результате принятых решений, можно выделить следующие модели.

Первая модель касается тех регионов и муниципальных образований, в которых на момент внедрения ПОС отсутствовали собственные каналы электронного участия. Большинство из них сфокусировалось на работе с ПОС, воспользовавшись решением, предоставляемым «сверху»

Вторая модель относится к тем регионам и городам, которые создали собственные каналы в период уже после внедрения ПОС.

Третья модель относится к регионам и городам, имевшим на момент внедрения ПОС собственные каналы участия, но отказавшиеся от них и полностью перешедшие на ПОС.

Четвертая модель предполагает продолжение эксплуатации собственных каналов на уровне региона или муниципалитета в дополнение к внедрению ПОС.

Пятая модель также предполагает сохранение собственных каналов, но при технической доработке интеграции региональной/муниципальной системы с ПОС. В результате данного решения, сообщения, отправляемые через оба канала, попадают в региональную систему и обрабатываются в ней. По итогам обработки данные передаются в ПОС и учитываются в общей статистике.

В статье подробно рассматриваются вышеназванные модели с примерами из региональной и муниципальной практики.

По результатам исследований, проведенных экспертами Центра технологий электронного правительства, можно сформулировать следующие выводы.

Анализ данных о состоянии каналов электронного участия «Сообщения о проблемах» и «Электронные голосования» показал, что в течение 2022–2023 гг. на региональном уровне произошло незначительное увеличение числа каналов, а на муниципальном продолжилось постепенное их сокращение.

В условиях политики централизации органами власти регионов и МСУ были приняты разные управленческие решения. Часть регионов отказалась от собственных электронных ресурсов в пользу единого федерального, другая же, напротив, сделала попытки сохранить и адаптировать их к новым реалиям и даже создать новые каналы взаимодействия с гражданами, сосуществующие с ПОС или дополняющие ее. По итогам анализа принятых решений авторами было выделено пять институциональных моделей построения электронного участия на уровне региона.

В дальнейшем следует ожидать, что конфигурация институтов также будет меняться исходя из нормативно-правовых, организационных и технологических изменений, инициируемых федеральной властью. В случае появления новых централизованных решений или же изменения функционала существующих можно ожидать, с одной стороны, отказа ряда акторов от собственных ресурсов с такими же формами активности, с другой — поиска форм их сосуществования с федеральными.

В этой связи перспективным направлением для дальнейших исследований представляется углубленное изучение специфики каждой из институциональных моделей и анализ факторов, влияющих на принятие тех или иных управленческих решений, в результате которых были сформированы модели.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СОВРЕМЕННЫХ НАУЧНЫХ ПОДХОДОВ К ПОНЯТИЮ «ИДЕОЛОГИЯ»

Цель исследования — сравнить и проанализировать современные научные подходы к понятию «идеология», выявить общие элементы и исходя из этого, сформулировать наиболее полное определение этого явления. Полагаем, что эта работа может стать основой дальнейших исследований идеологии, позволяющих утверждать, что ее внедрение в публичную политику Российской Федерации может стать уникальным инструментом, регулирующим пассионарную, творческую сущность общества в условиях современных вызовов.

Теоретическую основу исследования составляют сформировавшиеся в современной политической науке представления и концепции классиков неомарксизма Л. Альтюссера и А. Грамши, касающиеся влияния идеологических факторов на политику.

Основным методом исследования является сравнительно-описательный анализ, позволяющий выявлять общее и особенное, как различных концепциях теории идеологии, так и в конкретных феноменах идеологического процесса.

После общего анализа научных изысканий в области идеологии для проведения сравнения выделены группы авторов, в зависимости от направления их исследований. Исходя из соображений, что большую часть работ по этой тематике можно разделить в зависимости от того, что именно они понимали под объектом познания, автор выделил свойственные этим подходам общие элементы и через них сформулировал понятие идеологии.

Так, в рамках данной работы подходы к понятию «идеология» разделены на три группы.

Группа первая: общетеоретический взгляд. Это классические работы, которые рассматривают идеологию как общую систему ценностей, идей, взглядов и способов мышления определенной социальной группы. К этой группе могут быть отнесены исследователи: Л. Альтюссер, А. Грамши, К. Мангейм, К. Маркс, Ф. Энгельс, В. Парето. Несмотря на то, что труды этих авторов нельзя назвать современными, они имеют в себе уникальную научную ценность для задач исследования и являются собой понятийную основу.

Группа вторая: авторы, рассматривающие идеологию как особый культурный феномен, где идеология представлена в виде некоего актора, который формирует представления индивидов о реальности и власти, трактуемых, как ментальная карта проблематизированной социальной реальности. Это такие авторы, как П. Бергер, П. Бурдьё, С. Жижек, Н. Лукман, К. Гирц, М. Фуко. К этой группе относится концепция того, что научные построения, которые использует идеология, только «скрывают избыточное наслаждение, присущее любой идеологической форме» (Жижек, 1999, 40), а сама передача идеологии может носить бессознательный характер, в частности, в элементах культуры (Корнев, 2020, 264).

Группа третья: концептуально-когнитивистский подход, в рамках которого под идеологией понимается система аксиоматических социальных репрезентаций, определяющих аттитуды носителей идеологии. К представителям этого подхода могут быть отнесены: Т. ван Дейк, М. Фриден, М. Бахтин, Ю. Кристева, Ф. Джеймисон, С.П. Поцелуев, М.С. Константинов. В рамках этой группы сконцентрировано внимание на работах П. Рикёра и Дж.Б. Томпсона, с их взглядами на феномен господства и его связь с идеологией. Согласно им, превращенные символические формы сами «оказываются включенными в процесс конституирования социальных отношений, как таковых» (Thompson, 1990, 264). В рамках этой же группы отдельно рассмотрен метод исследования идеологических структур М. Фридена, названный им «морфологическим анализом идеологий» (Чутков, 2016, 333–346).

Проведенное автором исследование по сравнению таких групп позволяет в общих чертах выделить моменты свойственные идеологии как сложному социальному явлению, оставляя за рамками изучения многочисленные нюансы и детали, выделяемые разными учеными.

Так, общими для всех попыток изучить идеологию можно считать следующие мысли:

1. Идеология пронизывает социальную реальность и имеет быть, вне зависимости от ее признания или нормативного закрепления.
2. Идеология является элементом сознания человека.
3. Идеология так или иначе связана с политическим господством.
4. Идеология имеет в себе пассионарное значение относительно социальной реальности и в этом смысле является ее «искаженной» частью.

В результате происходит формулирование понятия «идеология» как существующий вне зависимости от признания или нормативного закрепления, порожденный политическим господством элемент сознания человека, пронизывающий социальную реальность и, имея в себе пассионарное значение, искажающий ее.

Литература и источники

- Жижек С. Возвышенный объект идеологии / пер. с англ. В. Софронова. Москва: Худож. журн., 1999.
- Корнев В.В. Эгоистичный мем идеологии. — М.: Канон + РООИ «Реабилитация», 2020.
- Чутков С. С. Морфологический анализ идеологии М. Фридена // Метод. 2016. № 6. С. 333–346.)
- Thompson J.B. Ideology and Modern Culture: Critical Social Theory in the Era of Mass Communication. Cambridge; Oxford: Polity press, 1990.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ПОЛЬСКОЙ РЕСПУБЛИКИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ (2015–2023 ГГ.)

В настоящий момент Республика Польша проводит активную внешнюю политику, реализуя национальные интересы в рамках большого количества международных организаций, коалиций, блоков и союзов. Используя членство в ЕС (с 2004 г.) и НАТО (с 1999 г.), Польша активно развивает форматы двухсторонних и многосторонних отношений. В качестве методологии исследования мы выберем неореализм (или так называемый структурный реализм), который предложил исследователь международных отношений Кеннет Уолтц (Уолтц, 1979, 136). Неореализм наиболее подробно исследует поведение государств на международной арене с учетом изменений, которые возникли в условиях холодной войны — системы блоков, движений и международных организаций, которые оказывают влияние на национальное государство, но при этом именно государство сохраняет статус актора в мировой политике. Активная внешняя политика Польши заставляет ряд исследователей (Lubojeński, 2019, 100) оценивать это государство как регионального лидера (Llanos-Antczak & Śliwa, 2022, 21–22). Политические амбиции данного государства представляют интерес для российского государства и российских исследователей.

Внешнеполитический курс Польши до 2015 г. отличался стабильностью. До 2015 г. на протяжении 8 лет и двух электоральных циклов у власти в Польше было коалиционное правительство «Гражданской платформы» и «Польской народной партии». Кандидат от «Гражданской платформы» также занимал пост президента Польши в 2010–2015 гг. Парламентское большинство в обеих палатах парламента было у вышеуказанной коалиции. Правительства Дональда Туска (2007–2014) и Эвы Копач (2014–2015) проводили умеренную проевропейскую политику. Но в 2015 г. большинство в Сейме, Сенате, а также президентский пост заняли представители партии «Право и справедливость», которые придерживались евроскептицизма во взаимоотношениях с ЕС. Во внешней политике правящая партия «Право и справедливость» ориентировалась на США и Великобританию. Первый срок 2015–2019 гг. совпал по времени с избранием Д. Трампа президентом США и началом выхода Великобритании из ЕС. Обострение отношений с Российской Федерацией выразилось в отмене приграничного сотрудничества Калининградской области РФ и Варминско-Мазурского воеводства РП, а также активным исполнением антироссийских санкций и поддержкой Украины.

Именно в период с 2016 г. Польша инициирует формат взаимоотношений между соседними государствами: «инициативу трех морей» (Свентецкая, 2023, 19). Этот проект предполагает консолидацию восточноевропейских государств, входящих в ЕС, вокруг Польши (Гольцов, 2016, 100). В инициативу вошли: три балтийских государства, Румыния, Болгария, Хорватия, Словения и Австрия, а также государства Вишеградской группы (Польша, Чехия, Словакия, Венгрия). Параллельно с этим увеличивается сотрудничество с соседними государствами из Вишеградской группы (Польша, Венгрия, Чехия, Словакия), политические элиты которых в период 2015–2019 гг. были активно представлены евроскептиками (Свентецкая, 2021, 14). Ротации политических элит в США (президент-демократ Байден с 2021 г.) и Великобритании (четыре премьер-министра за четыре года) не повлияли на внешнеполитический курс Польши. В 2020 и 2023 гг. соответственно, реализованы «Люблинский треугольник» и «Варшавская уния». Первый проект был ориентирован на восстановление военно-политического сотрудничества между странами, входившими в средневековую Речь Посполитую (территория современных Польши, Литвы, Украины), а поддержка Польши протестов в Белоруссии и кандидата С. Тихановской демонстрировали интересы Польши в Белоруссии (Еремина, 2021, 50). Второй проект предполагал объединение Польши и Украины с предоставлением польским гражданам возможности занимать административные должности в административных органах власти. Данная политика Польши вызвала ответную реакцию со стороны официальных лиц Российской Федерации. Директор СВР С.Е. Нарышкин заявил о том, что Польша планирует аннексию Западной Украины (Риа-Новости, 2022). Однако в настоящий момент отношения обеих стран далеки от консенсуса, это связано с конфликтами по поводу запрета сельскохозяйственной продукции Украины.

Динамика политического курса Польши до и после 2015 г.

Направления внешней политики	ГП и ПНП	Право и Справедливость
Европейский Союз	Сотрудничество	Конфронтация
НАТО	Умеренное сотрудничество	активное сотрудничество
США и Великобритания	Сотрудничество	Приоритетное сотрудничество
Отношения с Германией	Интенсивное сотрудничество	Конфронтация
Веймарский треугольник	Активное сотрудничество	Не в приоритете
Вишеградская группа	Умеренное сотрудничество	Приоритетное сотрудничество, дополнено форматом «Инициативы трех морей»
Отношения с Россией	Приграничное сотрудничество, энергетические контракты	Отмена приграничного сотрудничества, отмена контрактов
Постсоветские страны, прежде всего Украина	Восточное партнерство	Новые форматы (Люблинский треугольник, Варшавская уния)
Отношения с Белоруссией	Посредничество в снятии санкций и поддержка многовекторной политики	Поддержка политических протестов и признание С. Тихановской президентом Республики Беларусь

В октябре 2023 г. в Польше состоятся очередные парламентские выборы. Правящая партия Польши («Право и Справедливость»), предлагает трехсотстраничный доклад, который называется «Безопасное будущее поляков» (*Bezpieczna Przyszłość Polaków — PROGRAM PIS*). Внешнеполитический раздел, который составляет десятую часть, акцентирует внимание поляков на новую внешнюю политику страны, которую назвали «Доктриной Леха Качиньского» (президент Польши в 2005–2010 гг.). Данная доктрина оппонирует идеям «Центральной Европы», которую продвигает Германия, и отечественной доктрине «Русского мира» (в превратном понимании руководства Польши). Задачами Польши в данном случае является укрепление региональных союзов с восточноевропейскими государствами ЕС, Вишеградской группой, механизм взаимодействия Польша — Румыния — Турция.

Таким образом, в качестве итогов можно отметить, что приоритеты руководства Польши на институциональном уровне в настоящий момент устойчиво сконцентрированы вокруг региональных союзов Польши (межгосударственного характера, увеличивающие интересы Польши, как регионального игрока) и конфронтации с Европейским союзом. Для Российской Федерации взаимодействие с нынешним польским руководством абсолютно неприемлемо. Геополитические проекты Польши противостоят интересам ее ближайших соседей — России и Белоруссии, а также Европейского союза.

Литература и источники

Гольцов А.Г. Региональный геополитический проект «Междуморье»: перспективы реализации. Сравнительная политика. — 2016. — № 4 (26). — С. 95–107.

Директор СВР Нарышкин: Варшава форсирует подготовку к аннексии земель на западе Украины URL: <https://ria.ru/20221130/polsha-1835283674.html?ysclid=ln0u8m2yuy5211377215> Дата обращения: 19.09.2023.

Еремина Н.В. Люблинский треугольник как свидетельство усиления регионального блокового подхода в Восточной Европе». Евразия. Эксперт. — 2021. № 1. — С. 47–53. DOI: 10.18254/S271332140014406-3

Свентецкая Т.В. Вишеградская группа как актор международных отношений: формирование, Институционализация и внешняя политика // Журнал международного права и международных отношений. — 2021. — № 4. — С. 12–18.

Свентецкая Т.В. Польша во внешней политике администрации Д. Трампа (2017–2021 гг.) // Журнал международного права и международных отношений. — 2023. — № 1. — С. 17–24.

Bezpieczna Przyszłość Polaków — PROGRAM PIS. URL: <https://pis.org.pl/aktualnosci/bezpieczna-przyszlosc-polakow>. Дата обращения: 19.09.2023.

Llanos-Antczak, A. & Śliwa, Z. Ewolucja form współpracy regionalnej w Europie Wschodniej (1990–2021). Rola Polski jako aktora regionalnego. *Środkowoeuropejskie Studia Polityczne*. 2022. No 1. P. 5–26.

Lubojemski, Aleksander. Finding Poland's International Position. *Polish Political Science Yearbook*. 2019. No 48. P. 90–102. <https://doi.org/10.15804/pps2019105>.

Waltz, Kenneth N. *Explaining War* // Viotti, Paul R. and Mark V. Kauppi. *International Relations Theory: Realism, Pluralism, Globalism*. 2nd ed. N.Y. / Toronto: Macmillan Publishing Company / Maxwell Macmillan Canada, 1993. 480 p.

М.Я.Погодина (Санкт-Петербург, Москва),
С.К. Калашникова (Санкт-Петербург, Москва)

ПРИМЕНЕНИЕ ТЕХНОЛОГИИ ТЕМАТИЧЕСКОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ ДЛЯ АНАЛИЗА РЕАКЦИИ ГРАЖДАН НА ПРОВОДИМУЮ ГОСУДАРСТВЕННУЮ ПОЛИТИКУ ИДЕНТИЧНОСТИ В РОССИИ

Представленное исследование проведено при финансовой поддержке ЭИСИ в рамках научно-исследовательского проекта «Государственная политика идентичности в условиях новых геополитических вызовов» № 123091200068-4, выполненного в ИНИОН РАН.

В настоящее время все больше людей используют социальные сети для выражения своих эмоций, убеждений и мнений. Такая тенденция создает новые возможности для извлечения информации из данных, доступных в социальных сетях, и их использования в бизнесе, маркетинге, социальных и политических науках. Специалисты из научных и исследовательских центров, компаний и институтов по всему миру используют данные социальных сетей для моделирования социальных, экономических, политических и других процессов на различных уровнях (Gilardi, 2022). В данном исследовании авторы используют метод тематического моделирования (Topic modelling) для анализа реакций граждан на различные проводимые государством направления политики идентичности. При анализе использовано Латентное размещение Дирихле (LDA — Latent Dirichlet allocation) для автоматического объединения групп слов в темы, которые наилучшим образом описывают набор документов, подлежащих исследованию. Вместо ручного чтения большого количества текстов, что требует значительных затрат времени, тематическое моделирование позволяет автоматизировать этот процесс и быстро определить основные темы в корпусе текстов. Результатом является список тем. Валидность модели определяется экспертом в соответствующей области исследования, который оценивает логичность и смысл группировки по темам.

Методология исследования. Для сбора данных была использована следующая стратегия. В первую очередь, в качестве источника данных были выбраны три сообщества в социальной сети «ВКонтакте»: РБК, ТАСС и РИА Новости. Далее авторами был составлен список ключевых словосочетаний, используемых для поиска публикаций, релевантных теме исследования. Список включает в себя словосочетания в контексте проводимой государством образовательной политики, политики памяти, конструирования образа России и др.

На следующем шаге с помощью специально написанной компьютерной программы в языке Python были извлечены комментарии пользователей под найденными постами в течение последних шести месяцев (март — сентябрь 2023 г.). Для анализа были сохранены только комментарии верхнего уровня, т. е. те комментарии, которые написаны пользователем не как ответ к существующему комментарию, а как самостоятельное начало обсуждения. Такая стратегия позволяет еще на этапе сбора данных отфильтровать несущественные комментарии. Итого было собрано 5 347 комментариев.

На следующем этапе из всех комментариев были удалены стикеры и смайлы, так как подобный тип данных не подлежит анализу. Далее были отфильтрованы комментарии, которые состоят менее чем из трех слов. В большинстве случаев такие комментарии не несут смысловой нагрузки. Помимо этого, для таких комментариев сложно определить тематику вне общего контекста. Таким образом, общее количество комментариев после фильтрации и предварительной чистки составило 4 522 комментария.

После этого была произведена предобработка данных для подготовки их к анализу: были удалены знаки препинания, произведены токанизация и лемматизация слов. Для отсеивания наиболее часто встречаемых слов, которые не несут смысловой нагрузки, использовалась библиотека Natural Language Toolkit в Python. Примеры слов, которые были убраны из текста: «будто», «впрочем», «хорошо», «свою», «этой», «перед», «иногда», «лучше».

Для тематического моделирования все комментарии были разбиты на группы на основе того, к каким ключевым словосочетаниям относятся публикации, под которыми эти комментарии были

оставлены. Такая группировка была выполнена для выявления реакции граждан по отдельным темам.

Результаты. По итогам проведенного анализа практически во всех темах можно отметить полярность мнений граждан по большинству вопросов. Например, в рамках обсуждения новых школьных учебников истории первая группа пользователей выражает резкую критику, называя проект «переписыванием истории». В. Мединский, как автор новых учебников, критикуется за некомпетентность (пользователи припоминают найденный плагиат в диссертациях бывшего министра культуры), нелестные комментарии в сторону СССР, его руководителей и советского прошлого в целом. Вторая группа пользователей поддерживает обновление учебников, подчеркивая важность «правильного» воспитания молодежи: новые учебники предостерегают молодежь от пропаганды и неверной интерпретации текущих событий. Также аргументом выступает необходимость воспитания патриотизма и чувства значимости в судьбе страны. Такие полярные комментарии обнаружены практически под всеми постами о новом учебнике истории.

Однако некоторые темы характеризуются схожей реакцией у пользователей. Например, изображение Крымского моста на обложке новых учебников получило широкую поддержку в комментариях. Крымский мост ассоциируется у пользователей с наличием широкого круга возможностей у России и успешной реализацией этих возможностей. Таким же примером консолидации мнений пользователей становится тематика памятников. Большая часть постов с ключевым словом «памятник» относится к новостям о сносе советских памятников в странах Европы. Пользователи объединяются в критике властей этих стран, обвиняют жителей во враждебном отношении к российскому народу, его истории и памяти. Часть комментариев носит агрессивный характер.

Продолжая тему памяти, актуализируют проблему русской культуры и ее «отмены». Как и в предыдущем примере, пользователи чаще всего негативно реагируют на публикации об «отмене» российских музыкантов, поэтов и других артистов. Подписчики с грустью и обидой подчеркивают значимость России в мировом порядке, часто используя аргумент «спасения» Советским Союзом Европы во Второй мировой войне. Власти Украины и европейских стран обвиняются в «забывчивости». С другой стороны, пользователи приходят к выводу, насколько важно сохранять память о прошлом среди россиян. Такой же нарратив прослеживается и в комментариях, посвященных Дню Победы.

Обида также прослеживается в комментариях к постам, посвященным Олимпийским играм. Пользователи гордятся российскими спортсменами, утверждая, что Игры потеряли сильного соперника. При этом часть пользователей воспринимают российских спортсменов, которые согласились выступать под нейтральным флагом, как предателей. Такой флаг называют «белой тряпкой», а российских спортсменов — «бедными родственниками». Пользователи призывают бойкотировать игры, чтобы не подвергать страну унижению.

Еще одна тема, где мнения пользователей сильно расходятся, — это школьные занятия «Разговоры о важном». Почти все посты из этой группы посвящены встречам В. Путина со школьниками. Часть пользователей критикуют главу за несоответствие традиционным ценностям, которые он пропагандирует школьникам, обсуждая семью президента. Помимо этого, в настроении пользователей чувствуется некоторая усталость от навязывания традиционных ценностей как устаревшей концепции. Также есть четкий запрос на конкретные действия: *«носитя с этими традиционными ценностями, как будто все остальные проблемы решены»; «...голодные, но с традиционными ценностями».* Несмотря на критику, довольно большая часть аудитории одобряет риторику президента: «Разговоры о важном» описываются как полезный для воспитания детей и молодежи проект.

Критика по отношению к бездействию со стороны властей прослеживается в комментариях к постам о будущем России. Пользователи сомневаются в будущем экономическом благосостоянии страны, беспокоятся о ценах на продукты, низких пенсиях, критикуют стагнацию различных отраслей. Некоторые пользователи видят импортозамещение как «окно возможностей» для России, но таких комментариев намного меньше.

В рамках направления политики идентичности по формированию «мы-сообщества» были проанализированы комментарии к постам с ключевыми словосочетаниями «коллективный Запад», «враги». В рамках этой тематики ярко выделяется тема дружбы с Китаем, который представляется как главный союзник России. Можно отметить сильную уверенность пользователей в крепости сою-

за, а также видение России и Китая как «двух главных держав» в будущем. Характеристики «врагов» гораздо слабее по сравнению с описанием «друзей»: пользователи, очевидно, противопоставляют России остальным странам (*«есть мы, а есть мир»*), но глубоко эта тема не развивается.

Отдельно стоит выделить тему отношения к советскому прошлому. Такие комментарии появляются к публикациям о важных государственных праздниках. В первую очередь, это День российского флага и День Победы. Что касается флага как символа страны, значительная часть пользователей не признают праздник и сам флаг: *«Флаг моей страны, в которой я родился, красного цвета»; «Единственный правильный флаг — это красный с серпом и молотом»; «Под этим флагом наши деды победили фашизм. Этот флаг уважали друзья, а враги боялись»*. Последний комментарий отражает важное мнение: россиянам нечем гордиться *«под этим флагом»*. Похожий тезис можно проследить в комментариях к постам о Дне Победы, где пользователи сравнивают ВОВ и СВО: *«Патриотизм это, конечно, здорово. Нужно помнить историю и подвиги наших предков. Но как насчет сейчас? Сейчас идет СВО и не очень успешно. Успехи есть конечно, но бывают и провалы. Нам нужно собраться и сделать все для общей победы. Мы не должны посрамить память предков»*. В этом же ключе часть пользователей критикуют российскую власть за неудачи в СВО, за излишний пафос в праздновании Дня Победы, неуместные мероприятия (например, растягивание многометровой Георгиевской ленточки), за присвоение себе заслуг ВОВ. Отдельно выделяется топонимическая тема, связанная с новостью о переименовании Волгограда в Сталинград на один день. Абсолютное большинство пользователей поддерживают идею полного переименования города, так как название «Сталинград» отражает величие города, гордость за победу, память о событиях.

В рамках исследования авторами были проанализированы реакции пользователей на проводимые государством различные направления политики идентичности. По части тем анализ комментариев затруднен из-за недостаточного количества комментариев (менее 100), или большого количества нерелевантных сообщений. Важно подчеркнуть два существенных ограничения исследования. Во-первых, представляется маловероятным выявление всех авторов-ботов в социальных сетях. Для этого на этапе предобработки данных были удалены комментарии-дубли, так как чаще всего от имени ботов публикуются копирующие друг друга сообщения. Во-вторых, пользователи, оставляющие комментарии, — это довольно специфическая группа населения со своими характеристиками. Исследования показывают, что чаще всего комментарии оставляют пользователи, которые больше интересуются политикой, имеют более поляризованные мнения, а также используют более агрессивную лексику (Kim, 2021). В связи с этим представленные реакции могут быть репрезентативны только для части населения страны. Несмотря на приведенные выше ограничения, исследование позволяет оценить потенциал применения метода тематического моделирования для анализа поведения пользователей соцсетей.

Литература и источники

Gilardi F. et al. Social media and political agenda setting // Political Communication. — 2022. — Т. 39. — No. 1. — С. 39–60.

Kim J. W. et al. The distorting prism of social media: How self-selection and exposure to incivility fuel online comment toxicity // Journal of Communication. — 2021. — Т. 71. — No. 6. — С. 922–946.

КОГНИТИВНО-ЦЕННОСТНАЯ МОДЕЛЬ ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ: ПРОБЛЕМА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ СРЕДЫ

Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования РФ (Государственное задание в сфере научной деятельности, проект № FENW-2023-0059, тема «Когнитивно-ценностная структура мировоззренческих моделей современного россиянина: поколенческие и региональные различия»).

Когнитивный механизм репрезентации является одним из самых дискутируемых понятий в исследовании проблем сознания и познания в гуманитарных и социальных науках. Он определяет содержание и структуру мировоззренческих установок, идеологических аттитюдов, ментальных стереотипов, и это обусловило его исключительную значимость в понимании процессов микропознания. Когнитивно-ценностная модель идеологического мировоззрения при изучении требует использования междисциплинарных подходов, поскольку соединяет когниции и ценности, тело и сознание, идеи и поведение, ментальные процессы и социальные практики. Основным научным подходом к ее изучению является, безусловно, когнитивный, вобравший в себя достижения в области познания психологии, лингвистики, философии и еще многих других наук. Однако лишь в его неоклассических концепциях начинают учитываться факторы внешней среды: социальной, культурной, экономической и т. д., влияющие на сознание.

Целью данного небольшого исследования является анализ взаимодействия когнитивно-ценностной идеологической модели мировоззрения с институциональной средой, т. е. со всей совокупностью формальных и неформальных институтов общества. Данная модель помогает понять некоторые закономерности взаимосвязи неформальных политических практик и практик институционализированных акторов по реализации влияния на ментальный уровень сознания. Сложность выбора методологии исследования заключается в том, что необходимо использовать сопряжение когнитивных концепций микропознания и концепций неинституционализма и конструктивизма, описывающих закономерности макроуровня.

Хотя когнитивное направление в неинституционализме еще не сложилось окончательно и не может конкурировать с преобладающим нормативным пониманием институциональных процессов, однако начиная с 60-х гг. XX в. наметился интерес к разработке когнитивной концепции институтов. В основном это относится к социологическому институционализму, испытывавшему на себе сильное влияние феноменологии. Особенностью когнитивных концепций является рассмотрение институтов как когнитивных образований. Пол Димаджио и Уолтер Пауэлл утверждают: «Не нормы и ценности, но заданные схемы (scripts), правила, классификации — вот из чего сделаны институты» (DiMaggio, Powell, 1991, 15). Когнитивно-ценностная модель мировоззрения будет рассмотрена как ментальная модель репрезентации институциональной сферы.

Этой проблематикой занимается и другое, менее известное направление, дискурсивный институционализм. В центре его внимания — дискурсивные практики, позволяющие артикулировать имплицитные «когнитивные схемы», «кодифицированные системы идей», где идеи «служат когнитивными фильтрами, через которые актор интерпретирует сигналы, поступающие из внешнего мира» (Нау, 2006, 65). Социальный конструктивизм сходным образом под институционализацией понимает «взаимную типизацию опривыченных действий деятелями разного рода» (Бергер, Лукман, 1995, 92).

В когнитивной науке лишь недавно появились направления, учитывающие биосоциальные свойства сознания и влияние окружающей среды, нашедшие отражение в концепциях «воплощенного познания», «ситуативного (контекстно-обусловленного) познания», «эмоционального познания (когнитивно-аффективного)», «распределенного познания». Когнитивная система, таким образом, предстает как когнитивно-ценностный механизм переработки информации о событиях внешней среды и определяет действия индивида в социальных и политических практиках.

Таким образом, выбирая методологию для построения когнитивно-ценностной модели мировоззрения, необходимо использовать комбинацию нескольких теоретических подходов. Междисциплинарность в философии когнитивной науки давно рассматривается как особая методология, предлагающая способы, которыми множественные дисциплинарные точки зрения когнитивной науки могут быть интегрированы при изучении общего механизма (Brook 2009). Это необходимо для понимания того, как механизм в целом взаимодействует с окружающей средой. Основная проблема, мешающая методологической гармонизации в области идеологического мировоззрения конструктивизма и когнитивизма — это отсутствие консенсуса относительно когнитивной природы идеологии, в отличие от сложившегося и устоявшегося представления об их ценностной сущности. «Этот вопрос столь же сложен, как и сама структура познания» (Мусихин, 2011, 130).

Когнитивно-ценностная модель идеологического мировоззрения может быть рассмотрена как когнитивный элемент функционирования институтов, преобразующий практики стратегического воздействия институализированных акторов в ментальные идеи, паттерны, убеждения, и их возвращение в институциональную среду в виде различных социальных и политических практик формирования политических идеологий.

Механизм репрезентации в когнитивно-ценностной модели идеологического мировоззрения. Когнитивно-ценностная модель идеологического мировоззрения с точки зрения структуры может быть представлена как совокупность ценностей и установок, а функционально — как механизм их репрезентации (восприятия и представления). Методологическая проблема исследования репрезентации внешней, в том числе институциональной, среды в ментальных моделях определяется необходимостью сочетания методов столь разных научных подходов, как когнитивизм, неинституционализм и конструктивизм. Объединяющим принципом выбора будет рассмотрение институтов как «фоновых» элементов ментальных процессов, хотя, как правило, в неинституционализме, наоборот, «фоновые знания» выступают контекстом процесса институционализации.

Проблема репрезентации институциональной среды в когнитивно-ценностной модели идеологического мировоззрения может быть рассмотрена с опорой на методологию философии когнитивной науки, предметно занимающейся феноменом репрезентации. Однако из ее наработок сразу следует исключить как неподходящие те концепции, которые базируются на умозрительном допущении врожденного характера репрезентативных средств «когнитивных агентов». Классическим примером может служить репрезентативная теория Джерри Фодора, использующая понятие «языка мысли» (синтаксически сконструированных ментальных представлений, очень похожих на предложения) для описания механизма репрезентации окружающего мира в сознании (Fodor, 1983).

Спор между сторонниками разных репрезентативных концепций, по-разному интерпретирующих нейрокогнитивные процессы в сознании, приобрел в последнее время масштаб «репрезентативных войн» (Constant, Clark, Friston 2021). В концепциях энактивизма (Ф. Варела), «радикального воплощенного познания» (Э. Чемперо), активного вывода (К. Фристон) тело непосредственно связывается с окружающей средой, в отличие от репрезентализма, рассматривающего познание как манипулирование репрезентациями. Д. Брэддон-Митчел и Ф. Джексон утверждали, что мысленные представления скорее похожи на карты, чем на язык. Д. Васкан предложил гипотезу внутренних когнитивных моделей, согласно которой репрезентативные состояния могут быть концептуализированы как когнитивный эквивалент масштабных моделей. К. Крейк поддержал идею о том, что ментальные модели могут быть использованы как информационные модели объектов внешней среды, позволяющие судить о свойствах и способах их функционирования. Радикальную позицию антирепрезентационизма заняли такие исследователи, как Р. Брукс, К. О'Риган, Т. ван Гелдер.

Восприятие является важнейшим элементом репрезентации социального опыта в когнитивно-ценностной модели идеологического мировоззрения. Когнитивная проницаемость/непроницаемость восприятия имеет эмоциональную составляющую, во многом определяющую то, как мы видим мир. В большинстве направлений современной когнитивной философии и психологии восприятие рассматривается как вид знания, в отличие от традиционных направлений философии, где оно понималось лишь как предпосылка или источник знания. Модель позволяет выявить связь восприятия с деятельностью субъекта в социально-политических и идеологических практиках. Теоретически

проблема может быть сформулирована так: возможно ли понимание мировоззренческой структуры сознания через изучение когнитивных механизмов репрезентации.

Выводы. Проблема репрезентации институциональной среды в когнитивно-ценностной модели идеологического мировоззрения может быть рассмотрена в нескольких аспектах, определяемых особенностями воздействия на сознание институализированных и неинституализированных акторов. В политической науке, к сожалению, отсутствует концепция политического мышления (Freeden, 2013), анализ зачастую производится с использованием дискурсивного анализа (Mazzuca, Santarelli, 2022). Однако немногочисленные публикации, редуцирующие философские, психологические и когнитивистские понятия к когнитивно-ценностной модели мировоззрения, позволяют установить некоторые особенности ее политической и идеологической модификации.

Первая особенность политической/идеологической репрезентации как элемента когнитивного механизма заключается в расплывчатости идей и установок. М. Фриден объясняет это ограничениями языка: «неопределенность, двусмысленность, расплывчатость и неубедительность являются фундаментальными ограничениями и характеристиками политического аргумента и его концептуальных компонентов» (Freeden, 2013, 79). Неопределенность политического дискурса связана и с тем, что, входя в пространство политического, тема становится «предметом разногласий, центром конфликтов, пространством, открытым для альтернатив и споров» (Mazzuca, Santarelli, 2022). Вторая особенность: дискуссионность вопроса о когнитивном характере идеологических мировоззренческих установок, в отличие от общего признания наличия в них эмоциональных и аксиологических элементов. Третья особенность проявляется в отсутствии свободного восприятия индивидом внешнего мира, в связи с активным воздействием на его сознание институализированной среды, проявляющееся в применении акторами политических и идеологических стратегий в дискурсивных практиках с целью оказания влияния на мировоззренческие установки.

Литература и источники

- Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995.
- Мусихин Г.И. Дискурсивный анализ: возможности и ограничения. — Полис. Политические исследования. 2011. № 5. С. 128–144.
- Brook A. Introduction: Philosophy in and philosophy of cognitive science // Topics in Cognitive Science. 2009. Vol. 1, No. 2, pp. 216–230.
- Constant A., Clark A., Friston K.J. Representation wars: Enacting an armistice through active inference // Frontiers in Psychology. 2021. Vol. 11, p. 598733.
- DiMaggio P., Powell W. Introduction // DiMaggio P., Powell W. (eds.) The New Institutionalism in Organizational Analysis. Chicago: University of Chicago Press, 1991.
- Fodor J.A. The modularity of mind. Cambridge: MIT press, 1983.
- Freeden M. The political theory of political thinking: The anatomy of a practice. OUP Oxford, 2013.
- Hay C. Constructivist Institutionalism // Rhodes R.A.W., Binder S.A., Rockman B.A. (eds.) The Oxford handbook of political institutions. Oxford: Oxford University Press, 2006.
- Mazzuca C., Santarelli M. Making it abstract, making it contestable: politicization at the intersection of political and cognitive science // Review of Philosophy and Psychology. 2022. pp. 1–22.

СПЕЦИФИКА ИНСТИТУТА НАЦИОНАЛЬНОЙ ПАМЯТИ В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛЬШЕ: ПОЛИТИЧЕСКАЯ МНОГОФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ И ОБЩЕСТВЕННАЯ КОНФЛИКТНОСТЬ

Институты памяти — государственные структуры, созданные на рубеже XX–XXI вв. в большинстве стран Центральной и Юго-Восточной Европы, а также в ряде стран на постсоветском пространстве для реализации «...мемориальной политики в интересах правящих элит» (Кирчанов, 2022, 52). Несмотря на общие контуры и цели их строительства, можно выделить национально-государственную специфику становления и функционирования этих институций, что обусловлено различными культурно-историческими, социально-политическими и этноконфессиональными контекстами, которые создают условия для конкуренции и даже несовместимости национальных вариантов политики памяти (Семененко, 2020, 66).

В Польше вопросами исторической памяти занимается специальное государственное учреждение — Институт национальной памяти, далее — ИНП (польск. Instytut Pamięci Narodowej — Komisja Ścigania Zbrodni przeciwko Narodowi Polskiemu, IPN), который был создан 19 февраля 1999 г. в соответствии с законом от 18.12.1998 «Об Институте национальной памяти — Комиссии по расследованию преступлений против польского народа» и начал работу 1 июля 2000 г. На самом деле истоки этого института можно найти еще в 1945 г., когда в Польше была создана Главная комиссия по исследованию гитлеровских преступлений, которая позднее, в 1991 г., уже на волне десоветизации, была переименована в Главную комиссию по исследованию преступлений против польского народа. Именно это учреждение стало основой, из которой вырос польский Институт национальной памяти, поставивший в качестве одной из своих основных задач декоммунизацию Польши. При этом в качестве основного идеологического инструмента для описания польской истории XX в. новой институцией был выбран концепт «двух оккупаций» (нацистской и советской), а в качестве основной цели провозглашено «расследование нацистских и коммунистических преступлений против польских граждан, совершенных в период с 8 ноября 1917 по 31 июля 1990 года» (Instytut Pamięci Narodowej...).

Польский Институт национальной памяти является государственным учреждением, финансируемым из польского госбюджета по отдельной статье (годовой бюджет ИНП на сегодня составляет 430 млн злотых), а его сотрудники, штат которых насчитывает более 2 тыс. человек, имеют статус государственных служащих. Во главе Института находится президент, избираемый на 5 лет нижней палатой польского парламента (на данный момент — Кароль Навроцкий, избранный польским Сеймом 28 мая 2021 г. и утвержденный Сенатом в этой должности 23 июля 2021 г.) (Instytut Pamięci Narodowej...).

Согласно законодательной основе и наработанной за последние два десятилетия практике, Институт национальной памяти превратился в один из самых влиятельных институтов польского государства, наделенных целым рядом важных функций и полномочий. Базовая его функция в качестве историко-архивного учреждения заключается в сборе, систематизации и хранении документации о преступлениях против поляков в период с 1917 по 1990 г., которая изначально начала дополняться прочими задачами: научно-исследовательской (ИНП — крупнейший институт исторических исследований в стране, в несколько раз превосходящий по финансированию не только исторические факультеты крупных польских университетов и независимые исследовательские центры, но и бюджет Польской академии наук), издательской (ИНП — крупнейший издатель научной, научно-популярной и учебной исторической литературы в стране, а также издатель собственного научно-популярного журнала — «Бюллетень ИНП» (польск. Biuletyn IPN), направленного на популяризацию и формирование исторической осведомленности среди молодежи и педагогов, научного журнала — «Память и справедливость» (польск. Pamięć i Sprawiedliwość) и академического журнала на английском языке "Institute of National Memorial Review"), образовательной (ИНП посредством специального департамента в своей структуре контролирует содержание всех школьных и университетских программ в области истории и патриотического воспитания) и просветительской (ИНП финансирует создание настольных игр и сериалов, издает музыкальные компакт-диски и DVD-диски, организует «историче-

ские клубы» для дискуссий и лекций, проводит исторические ярмарки, выставки и прочие просветительские мероприятия).

С 2007 г. к этим важнейшим функциям добавились широкие полномочия по люстрации, включающие следовательские и прокурорские аспекты: ИНП, посредством специального люстрационного департамента, расследует нацистские и коммунистические преступления, совершенные на территории Польши и за ее пределами в отношении польских граждан в период между 1917 и 1990 гг., выдвигая обвинения, документируя свои выводы и распространяя их среди общественности.

Особое место в деятельности польского ИНП занимают функции мемориализации памяти, как внутри страны, так и за рубежом: о событиях, местах и личностях, значимых для польской истории, а также о жертвах среди польских граждан, как, например, известный мемориал в Катыни на территории РФ (См.: Яжборовская, 2013). Обратной стороной деятельности по мемориализации после принятия в 2016 г. закона «О запрете пропаганды коммунизма или иного тоталитарного строя» и внесенных в него в 2017 г. дополнительных поправок становится деятельность ИНП по демемориализации памяти о коммунистическом периоде Польши: событиях, отдельных личностях, а также целых группах людей, которых причисляют к виновникам преступлений против польского народа в указанный период (например, именно на основании заключений и под эгидой ИНП принимаются все решения о сносе памятников советским воинам, расположенных на территории современной Польши).

После сложной, вызвавшей негативную международную реакцию, процедуры внесения соответствующих законодательных поправок в Закон о польском Институте национальной памяти, в 2018 г. к вышеуказанному перечню добавилась функция защиты «репутации Республики Польша и польского народа» (Закон об Институте...). Этот элемент официальной исторической политики последовательно реализуется Институтом национальной памяти под лозунгом отказа от «педагогики стыда» и замены ее «педагогикой гордости».

После победного возвращения в 2015 г. к власти правой консервативной партии «Право и справедливость» (ПиС), функционирование польского Института национальной памяти приобрело особо одиозный характер, продолжив линию на углубление внутренней конфликтности, которую многие специалисты ранее описывали, как «польско-польскую войну» или даже «холодную гражданскую войну» (Лыкошина, 2015, 5). В рамках новой стратегии, направленной на строительство Четвертой Речи Посполитой, как преемницы предшествующих форм польской государственности, в партийной программе и политической практике ПиС исторической политике всегда уделялось огромное внимание. Именно ИНП стал тем инструментом, с помощью которого правящей партией конструируется новая консервативно-националистическая историческая политика Польши, основанная на принципах декоммунизации и традиционализации памяти о прошлом, исходя из задач по «моральному очищению» польского общества, а также встраиванию его с помощью политики памяти в новый проект польской государственности и национальной версии католицизма (Лагно, 2017, 178).

При этом деятельность польского Института национальной памяти вызывает неоднозначные оценки не только извне, но и внутри самого польского общества, которое и без того представляет собой крайне поляризованную в политико-культурном плане среду. Ряд ведущих польских ученых-историков, принадлежащих к школе «критической историографии», призывают реформировать или вовсе закрыть Институт национальной памяти, превратившийся в «министерство памяти», поскольку «задачи, связанные с “национальной политикой памяти”, были, к сожалению, объединены с миссией независимых академических исследований» (Traba, 2016, 43). При этом ученые ссылаются на откровенную политизацию и идеологическую ангажированность данной институции, на абсолютное доминирование в академической среде, обеспеченное приоритетно высоким госфинансированием, а также непрофессионализм ее сотрудников, деятельность которых в большей степени связана с установлением вины, чем с объективным пониманием исторических процессов: «Представители так называемого критического направления в польской исторической науке и публицистике считают необходимым подвергать прошлое постоянной реинтерпретации, развенчивать национальные мифы и стереотипы, заниматься исследованием позорных страниц польской истории, включая преступления поляков в отношении белорусов, чехов, литовцев, немцев, словаков, украинцев, евреев (Булахтин, 2019, 450). Многие гражданские активисты также выступают против подхода ИНП к формированию исторической памяти, занимая позицию «критического патриотизма», в частности, в связи

с официальной интерпретацией роли поляков в событиях Холокоста (Hackmann, 2018, 589). В контексте этих широких дискуссий ИНП называют «политическим институтом, находящимся в центре “игр памяти”» (Michlic, 2020, 127).

Таким образом, в современных условиях деятельность Института национальной памяти находится в центре конкурирующих в Польше нарративов исторической политики, а сам институт, превратившись в специфический властный орган, продолжает выступать одним из значимых «центров силы» польской консервативно-националистической политики, как внутренней, так и внешней. При этом для реализации своего полифункционального потенциала он активно взаимодействует на разных уровнях с органами власти, смежными институтами (в области образования, культуры, судопроизводства и др.) и общественными организациями (ветеранскими, скаутскими, туристическими и т. д.).

Литература и источники

Булахтин М.А. Политика исторической памяти в современной Польше // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. 2019. № 4. С. 449–458.

Закон об Институте национальной памяти (Польша) URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=1917&ysclid=lmuzyenpof363612663> (дата обращения: 16.09.2023)

Кирчанов М.В. «Институты памяти» как форма исторической политики в Центральной и Юго-Восточной Европе // Славяноведение. 2022. № 5. С. 51–64.

Лагно А.Р. Прекрасное далёко: идея «Морального обновления» польского общества // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). 2017. № 2. С. 174–184.

Лыкошина Л.С. «Польско-польская война»: политическая жизнь современной Польши. М.: ИНИОН РАН, 2015. — 258 с.

Семененко И.С. Политика памяти в Европейском Союзе: в поисках общих ориентиров // Известия АлтГУ. 2020. № 6 (116). С. 62–67.

Яжборовская И.С. Катынский синдром — ключевая проблема двусторонних отношений? // Sensus Historiae. Poznań. 2013. Vol. X. No. 1. pp. 131–145.

Hackmann, J. Defending the “Good Name” of the Polish Nation: Politics of History as a Battlefield in Poland, 2015–18 // Journal of Genocide Research. 2018. No. 20(4). pp. 587–606.

Instytut Pamięci Narodowej — Komisja Ścigania Zbrodni przeciwko Narodowi Polskiemu. Available at: <https://ipn.gov.pl/pl/o-ipn/24154,O-IPN.html> (accessed: 15.09.2023)

Michlic J.B. *History “Wars” and the Battle for Truth and National Memory* // *Constructions and Instrumentalizations of the Past. A Comparative Study on Memory Management in the Region*. Stockholm: CBEES/Elanders, 2020. pp. 115–138.

Traba R. Two Dimensions of History: An Opening Sketch // *Teksty Drugie*. 2016. No. 1. pp. 36–81.

СТЕРЕОТИП КАК ИНСТИТУТ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ: СЛУЧАЙ РОССИЙСКОГО ПОКОЛЕНИЯ Z

Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования РФ (Государственное задание в сфере научной деятельности, проект № FENW-2023-0059, тема: «Когнитивно-ценностная структура мировоззренческих моделей современного россиянина: поколенческие и региональные различия»).

В отечественной политологии есть известный дефицит работ, посвященных социальным стереотипам как фактору политической социализации, в особенности, в аспекте исторической памяти. Отчасти это связано с тем, что основные черты стереотипов нередко сводятся к примитивизации, типизации и некритичности восприятия. Это так, но важно не забывать и конструктивно-креативные функции стереотипов: они «проецируют во внешний мир осознание нами собственной значимости; защищают наше положение в обществе и наши права»; защищают нас от «всей той путаницы, которая возникает при попытке посмотреть на мир как на нечто устойчивое и целостное» и вдобавок «наполнены чувствами, которые с ними ассоциируются» (Липпман, 2004, 109, 124). Одним словом, стереотипы конструируют для нас мир, в котором люди чувствуют себя комфортно и в безопасности. Последнее особенно важно для молодежи с ее дефицитом лично апробированных образцов мысли и поведения.

Чтобы раскрыть упомянутые конструктивные функции стереотипов, важно понимать их не только как фигуры речи, но и как дискурсивные институты. Такая трактовка стереотипа не является чем-то абсолютно новым в научной литературе. В работах социологов дается определение стереотипа как «социального института» (Саакян, 2019, 320). С другой стороны, социальный институт может определяться как «способ передачи социальных стереотипов» (Якухнова, 2018, 282).

Заметим, что хотя стереотипы по способу их бытования вполне можно отнести к дискурсивным институтам, они отнюдь не бросают вызов пониманию институтов в «старом» неоинституционализме. Они не оспаривают того, что институтам свойственно стабильное равновесие, зависимость от предшествующего пути развития и базовых социальных норм. Сверх того, для стереотипов оказывается несущественным различие между уровнями, типами и формами идей; стереотипы в равной мере присутствуют в политических, программных и философских идеях, причем как когнитивного, так и нормативного типа (Schmidt, 2008).

С другой стороны, стереотипы, как и прочие дискурсивные институты, обеспечивают более динамичный и ориентированный на акторов подход к институциональным изменениям, чем в иных типах неоинституционализма (Schmidt, 2008, 305). К примеру, отторжение и последующую трансформацию формальных институтов невозможно понять, если не принимать во внимание разрушение (либо сохранение) тех или иных идеологических (в широком смысле) стереотипов, обеспечивающих восприятие формальных институтов как легитимных.

Стереотипы не просто незаменимы для формирования исторической памяти, поскольку без нее не может формироваться идентичность социальных общностей, включая отдельные поколения; вдобавок, каждое поколение владеет тем, что вслед за Ю.М. Лотманом можно назвать «частным диалектом памяти» (Лотман, 1992, 200), в котором стереотипы, понятые как дискурсивные социальные институты, играют одну из ключевых ролей.

Мемориальный диалект составляет память о совместно (в историческом времени) пережитых аналогичных значимых событиях. Но у молодого поколения, в особенности его представителей, переживающих период так называемых «формативных» лет, этот диалект находится в процессе становления, и здесь на многое можно повлиять в пользу тех или иных политических стратегий. Это объясняется не только спецификой возраста (молодыми, гибкими мозгами), но и особенностями социальной коммуникации в эпоху новых медиа. Специфику этой коммуникации российский социолог В. Радаев метко называет «раздёрганностью сознания», которая возникает из-за взаимного «наложения разных

форм коммуникации», затрудняющего концентрацию усилий для реализации долгосрочных и сложных стратегий поведения (Радаев, 2019, 174).

Это коллажно-клиповое сознание адекватно дискурсу постправды, оно больше ценит конструкт и нарратив, чем факт, включая исторический факт. Но чем больше постправды в дискурсе, тем сильнее там стереотип. Это подтверждают и данные соцопросов. В свежем исследовании ВЦИОМ молодежь 18–24 лет чаще других возрастных когорт не только заявляла, что «скорее не интересуется историей своей страны, чем интересуется», но и соглашалась с мнением, что «написание истории — это бесконечный процесс, исторические события должны переосмысливаться» (Путешествие..., 2023).

Между тем, к несущим конструкциям мемориального диалекта нынешнего поколения Z тоже относятся стереотипные оценки ключевых этапов отечественной истории. И за эти оценки в настоящий момент идет серьезная идейно-политическая борьба внутри российского общества. Наиболее «горячими» точками этой борьбы выступают сталинская и ельцинская эпохи.

Социологические центры, как известно, регистрируют в последние годы существенный рост позитивных оценок фигуры Сталина среди россиян, в том числе молодых. Так, опрос ВЦИОМ 2017 г. обнаружил не только 62 % респондентов, согласных с установлением памятников Сталину, но и тот факт, что при этом «активнее других “за” по всем вопросам высказывается молодежь» (Память..., 2017). При росте симпатий к Сталину среди самых молодых российских граждан одновременно наблюдается их амбивалентное отношение к эпохе Ельцина. К фигуре самого первого президента российская молодежь в возрасте 18–23 лет относится с такой же (небольшой) долей симпатии, что и поколение 25–39-летних (11 и 10 % соответственно). А вот период 90-х юные россияне оценивают гораздо более позитивно (это, кстати, подтвердил и наш опрос 2019 года среди студентов южнороссийских университетов (Когнитивно-идеологические..., 2021, 161)). Причем уровень симпатии к ельцинской эпохе у представителей поколения Z существенно выше даже в сравнении с когортой 25–39-летних (Отношение..., 2023).

Любопытен, однако, не только этот уровень, но и мнение респондентов о том, что именно в ельцинской эпохе им нравится. Согласно результатам проведенного в 2021 г. опроса «Левада-Центра», среди позитивных итогов «лет правления Ельцина» россияне прежде всего называли: «стабильность, уверенность в завтрашнем дне, работа, улучшение материального положения, низкие цены, жить было проще, хорошо жили, порядок» (19 %), «экономическое развитие, рыночная экономика, бизнес, перспективы развития, рост, появились продукты, закончился дефицит» (18 %), «свобода, демократия, гласность, перестройка» (16 %), «развитие страны, восстановление государства, не развалил Россию, вел страну вперед, реформы» — 10 %. А вот «открытые границы, поездки за рубеж» отметили лишь 2 % респондентов (Отношение..., 2023). Для поколения нынешних отцов и дедов, переживших «лихие 90-е», это кажется парадоксом, если не абсурдом. Но, очевидно, поколение Z оценивает эту эпоху существенно иначе, чем старшие поколения. И главную роль в этой оценке играют уже стереотипы, а не личный опыт. Поэтому идентификация, политическая интерпретация и — что не менее важно — анализ способов формирования (конструирования и деконструкции) этих стереотипов (особенно в сознании 18–24-летних) составляет важную задачу политической науки.

Но это является и острым идейно-политическим вопросом современной России. Протестная мобилизация самых молодых россиян является стратегической целью оппонентов существующего в России политического режима. В условиях относительной экономической и формально-институциональной стабильности главным ресурсом такой мобилизации выступает работа с неформальными институтами, в частности, со стереотипами молодежного сознания. Разрушение существующих стереотипов и культивирование новых может иметь даже больший субверсивный эффект, чем попытки открытой критики власти. В отношении молодых россиян здесь решается двуединая задача: с одной стороны, деконструкция стереотипов, генерирующих симпатии к Сталину и советской эпохе, а с другой — конструирование и пропаганда стереотипов, идеализирующих «лихие 90-е», ельцинский период отечественной истории.

Разрушение стереотипа «лихие 90-е» стало долгосрочным идеологическим проектом либеральной оппозиции в России, как минимум, с начала 2010-х. Как видно из соответствующих материалов в журнале «Сноб», негативный образ правления Ельцина трансформируется в нарратив о «парази-

тельной и удивительной эпохе 90-х годов», где царила «такая беспрецедентная свобода созидания, чего вообще никогда не было в российской истории» (Прохорова, 2015).

Для оценки перспектив конструкции/деконструкции стереотипов в сознании российского поколения Z требуется адекватная методология при оценке состояния молодежного сознания. В политической социологии следует как минимум согласиться с критикой стремления увековечить феномен «советского простого человека». Нынешнее поколение Z мыслит и ведет себя существенно иначе, чем как это внушает данный культурно-антропологический конструкт (Радаев, 2019). Рассматривать менталитет нынешних 17–25-летних как эффект «сохранения базовых институтов тоталитарного общества» (Гудков, 2016) — значит, помимо прочего, отдавать известную дань механистическим оборотам старого институционализма и недооценивать конструктивистский потенциал неформальных институтов, в том числе стереотипов политического дискурса.

Литература и источники

Гудков Л.Д. Повесть о советском человеке // Ведомости. 2016. 28 декабря. URL: <http://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2016/12/28/671519-povest-osovetskom> (дата обращения: 15.09.2023).

Когнитивно-идеологические матрицы восприятия студентами Юга России современных социально-политических кризисов: монография / М.С. Константинов и др. Ростов-на-Дону; Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2021. 282 с.

Липпман У. Общественное мнение. М.: Ин-т Фонда «Общественное мнение», 2004. 384 с.

Лотман Ю.М. Память в культурологическом освещении // Лотман Ю.М. Избранные статьи. Т. 1. Таллинн, 1992. С. 200–202.

Отношение к Борису Ельцину, к его эпохе, к Ельцин-Центру // Левада-Центр. Аналитический центр Юрия Левады. 03.02.2023. URL: <https://www.levada.ru/2023/02/03/otnoshenie-k-borisu-eltsinu-k-ego-epohe-k-eltsin-tsentru/> (дата обращения: 15.09.2023).

Память о Сталине: за и против. Аналитический обзор // Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ). 20.07.2017. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/pamyat-o-staline-za-i-protiv> (дата обращения: 15.09.2023).

Прохорова И. 1990-е: опыт свободы // Сноб. 06.09.2015. URL: <https://snob.ru/selected/entry/98811/> (дата обращения: 15.09.2023).

Путешествие по отечественной истории // Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ). 27.03.2023. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/puteshestvie-po-otechestvennoi-istorii> (дата обращения: 15.09.2023).

Радаев В. Миллениалы: Как меняется российское общество. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 224 с.

Саакян А.К. Социологическое исследование социальных стереотипов как поведенческого регулятора молодежи // Проблемы социально-экономического развития: поиски, перспективы, решения. Сб. статей. № 1 (2). Ереван: ЕФ РЭУ им. Г.В. Плеханова, 2019. С. 318–328.

Якухнова Е.Г. Медицинские стереотипы и их формы выражения в культуре // Культура и цивилизация. 2018. Том 8. № 1А. С. 278–285.

Schmidt V.A. Discursive institutionalism: The explanatory power of ideas and discourse // Annual Review of Political Science. 2008. Vol. 11. P. 303–326.

Н.А. Пруель (С.-Петербург),
Г.А. Меньшикова (С.-Петербург),
Ю.Г. Дунаева (С.-Петербург)

«ЦЕЛИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ» ООН — НОВЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Как бы не относиться к курсу ООН на достижение «Целей устойчивого развития», не признать того, что это — принципиально новый механизм регулирования процессов общественного развития, нельзя. Это положение вытекает и из актуальности задач, и из числа стран, им охваченных, и из количества инновационных механизмов/практик управления, им инициированных и пополняющих арсенал технологий взаимодействия. Нет смысла описывать последовательность формирования курса, что многократно описано в российской научной литературе, включая базовую публикацию (Данилов-Данильян, 2015). Назовем и свои статьи по теме ЦУР (Меньшикова, 2023; Меньшикова, 2019). Зарубежные исследователи также проявили огромный интерес к тематике. Так, в обзоре литературы по ней (Trane, 2023; Kohl, 2020) приведены соответственно в 200 и 160 источников. При этом большинство авторов фокусирует внимание на конкретных успехах и проблемах, что более чем оправдано, в то время как оценка ЦУР как глобального механизма социального регулирования (т. е. институциональный анализ), по нашему мнению, не дана.

Цели устойчивого развития как третья фаза курса ООН — процесс институционализации деятельности ООН на устойчивость — описан во многих публикациях, в том числе нашей (Меньшикова, 2019) — охватил практически все страны мира (в августе 2015 г. их было 193). Курс направлен на формирование новых ценностей (социальных, экономических, взаимопонимания и сотрудничества), которые должны обеспечить решение жизненно важных для цивилизации проблем. Мир подошел вплотную к экологическим рискам, грозящим превратиться в катастрофу. Насущно необходимо избавить человечество от голода и нищеты, равно как и других социальных проблем: гендерного неравенства, насилия, безработицы... Не менее значимы и попытки перестроить международные отношения: перейти от режима конфронтации к интеграции (сил, ресурсов, управленческой «воли»). Такие глобальные задачи в практике управления процессом мирового развития ставятся впервые, хотя определенный опыт по интеграции коллективных действий стран уже имеется.

Институциональная природа курса ООН на достижение ЦУР стала предметом исследования ученых. Учитывая многофункциональный характер инициируемых социальных преобразований, представители разных наук сфокусировали внимание на ее различных сторонах. Назовем некоторые направления.

Первое направление актуализирует обсуждение видов институциональных практик распространения новых идей и технологий (Кузьминов и др., 2005; Баширова, 2021, 683). Второе направление — подход, описывающий организационную структуру, регулируемую процесс внедрения ЦУР (Пасенов, 2020). Не согласимся с выделением трех уровней международных организаций. По нашему мнению, систему управления нужно дополнить еще и организациями отраслевого типа, при этом нельзя не признать важность систематизации субъектов регулирования, что углубляет представление о природе взаимодействия. Третьим значимым направлением, формирующим институциональный анализ ЦУР, можно назвать оценивание институциональной среды разных стран как базовый фактор успешности национальных трансформаций (Rathmell, 2016; Шульга, 2021). Четвертое направление — превращение идей ЦУР в новый, но обязательный элемент личностной культуры жителей планеты через углубление проникновения новых ценностей на локальный уровень (Towards the localization of SDGs, 2023), а также через изменения в образовательной среде государств (Kohl, 2020). Пятое — системный анализ отдельных институциональных практик, вместе формирующих мета-институт регулирования – Политический Форум, включающий высших руководителей, специалистов из международных организаций, активистов-общественников (Walsh, 2019). Кроме того, анализируются добровольные обзоры, институты мониторинга и квалиметрии результатов по странам и годам (Nadini, 2021), рейтинги успешности и т.д. Шестым направлением можно назвать описание успехов

внедрения новых практик регулирования конфликтов и противоречий между странами, составляющих содержание внутреннего институционального механизма взаимодействия. Часть их описана в нашей публикации (Меньшикова, 2023).

Системный институциональный анализ курса ЦУР позволяет выявить факторы, способствующие и тормозящие его внедрение, выделив среди них основные и фоновые. При этом сложность социального развития проявляется в том, что один и тот же фактор может и ускорять, и тормозить процесс. Например, любая экологическая или социальная катастрофа, равно как и экономический кризис, наносят ущерб социальным и материальным ресурсам, но при этом они способствуют обострению восприятия важности внедрения ЦУР правительствами и населением.

К факторам, способствующим внедрению, можно отнести, во-первых, общий уровень цивилизационной культуры населения, что прежде всего отражает существующий политический порядок и степень его признания. Кроме этого, в него входит политическая зрелость (наличие гражданского общества) и возможность осознанного контроля обществом за правительством. Во-вторых, это — зрелость практик ООН по организации взаимодействия стран с разными ценностями и культурами, готовность сочетать жесткие и мягкие технологии централизованного воздействия. В-третьих, позитивный вектор к интеграции стран в рамках мировой политической системы, что зависит от структуры корпуса высших руководителей государства, остроты восприятия кризисных ситуаций в стране, зрелости гражданского общества.

К факторам, препятствующим как достижению планов ЦУР, так и общему проникновению его идей вглубь, в сознание и культуру населения, можно отнести резкие изменения в политическом и экономическом развитии государств, что переориентирует национальные ценности на другие направления успешности. Для некоторых стран повышение собственного статуса и мирового признания оказывается важнее целей устойчивости.

Назовем некоторые фоновые обстоятельства: свобода прессы, демократизация общественной жизни (зрелость гражданского общества), доходы населения, как фактор, предопределяющий его интерес к политическим и глобальным проблемам, экономические успехи стран.

Думается, что давая институциональную оценку ЦУР, можно выделить как минимум два ее уровня: ситуационную и системную. Первая, как правило, ориентирована на субъективное восприятие и отражает мнение эксперта, представляющего данное время, страну, сферу своей деятельности/интересов. Она учитывает, бесспорно, и его личностные особенности. Вторая — построена на оценивании показателей, включая количественные и качественные (например, восприятия роли ЦУР населением, хотя и с этим не все так просто, поскольку оно формируемо).

В настоящий момент ситуация в мире, а соответственно и внедрение идей ЦУР усложнились. Решения экологических и социальных задач на фоне относительного благополучия жизни и общего оптимизма не воспринимается с должной серьезностью. Опять же доминирование толерантности и терпимости в поведенческих практиках способствует излишне высокому доверию к правительству (при минимальном внешнем контроле) и низкой социальной активности.

Подводя итог и отвечая на основной вопрос конференции, укажем, что, конечно, окончательно оценить ситуацию с институтом ЦУР невозможно. Какие факторы преобладают, как складывается и будет складываться общая ситуация их воздействия на ЦУР, можно оценить с помощью метода сценарных игр. Мы же попытались дать общую оценку института, выявив ее основные элементы, а также назвать факторы, способствующие и препятствующие распространению идей и практик курса ООН.

Литература и источники

Ахметшина А.Р. Оценка уровня функционирования институциональной среды устойчивого развития в России // Управление устойчивым развитием, Казань, 2021, № 4 (35), с. 5–10.

Баширова А.А. Институционализация процесса устойчивого развития // Управленческий учет, 2021, № 9, с. 678–689.

Данилов-Данильян В.И., Пискулова Н.А. (ред.). Устойчивое развитие: Новые вызовы. М.: Аспект Пресс, 2015. С. 336.

Дегтев Г.В., Сергеева С.А., Гвоздев А.С. Современные управленческие подходы к решению приоритетных задач устойчивого развития // Экономика вчера, сегодня, завтра. 2022. № 1. С. 116–123.

Кузьминов Я.И. Радаев В.В., Яковлев А.А., Ясин Е.Г. Институты от заимствования к выращиванию. Опыт российских реформ и возможное культивирование институциональных изменений, М., ГУ ВШЭ, 2005.

Kohl Katrin, Charles Hopkins, Matthias Barth, Gerd Michelsen, Jana Dlouhá, Dzulkifli Abdul Razak, Zainal Abidin Bin Sanusi, Isabel Toman A whole-institution approach towards sustainability: a crucial aspect of higher education's individual and collective engagement with the SDGs and beyond, <https://www.emerald.com/insight/content/doi/10.1108/IJSHE-10-2020-0398/full/html>

Меньшикова Г.А., Евстратчик С.В., Уразгалиев В.Ш. Цели устойчивого развития: российская траектория, Материалы У Международного экономического симпозиума — 2021. Сб. научн. тр., с. 469–475.

Меньшикова Г.А., Евстратчик С.В., Еремичева Г.В. Курс «Цели в области устойчивого развития» Организации объединенных наций: особенности правового регулирования и организации контроля), см. Право и информация. Вопросы теории и практики, вып. 12, 2023, с.175–191, <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=54220375&pff=1>

Nadini Persaud, Ruby Dagher. The Role of Monitoring and Evaluation in the UN 2030 SDGs Agenda, MacMillan, 2021.

Пасенов А.Н. Институциональные характеристики концепции устойчивого развития, «Известия Юго-Западного государственного университета». Серия: История и право. 2020. Т. 10, № 1. С. 10–18.

Rathmell Andrew, Arthur Mellors Building effective institutions <https://sdg-action.org/building-effective-institutions/2016>

Towards the localization of SDGs, (UCLG) Barcelona 6-th report, https://www.cglu.org/sites/default/files/towards_the_localization_of_the_sdgs_2022.pdf

Trane, M., Marelli, L., Siragusa, A., Pollo, R., Lombardi, P. Progress by research to achieve the Sustainable Development Goals in the EU. A Systematic Literature Review, in «Sustainability», 15(9):7055, 2023.

Шульга Ю. Устойчивое Развитие: страновые особенности и актуальность критериев для России, 2021, <https://www.forbes.ru/biznes/426245-ustoychivoe-razvitie-stranovye-osobennosti-i-aktualnost-kriteriev-dlya-rossii>

Walsh Patrick Paul, Enda Murphy, David Horan, Aparajita Banerjee, The UN High-Level Political Forum and Parliamentary Governance for Sustainable Development, 2019, School of Politics & International Relations, UCD, SPIRE Working Paper WP14, https://www.researchgate.net/publication/333037119_

World Public Sector Report 2018 Highlights Institutional Arrangements for SDG Integration <https://sdg.iisd.org/>

СОЗДАНИЕ НОВОГО ТИПА ТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ ГОСУДАРСТВ И ПРИЗНАНИЕ ИХ МЕЖДУНАРОДНЫМИ ИНСТИТУТАМИ

Терроризм является инструментом политической борьбы, в основе которого лежит психология страха, а жертвами неизменно становится мирное население. В современном мире терроризм стал инструментом достижения геополитических интересов сверхдержав, таких как США, Великобритания, Франция. Террористические группы, спонсируемые и управляемые сверхдержавами, лишают суверенитета целые страны, разрушая их, в результате чего сверхдержавы получают неограниченные возможности пользования природными ресурсами побежденных стран. При этом население разрушенных стран уменьшается в результате непрекращающихся локальных военных действий, отсутствия доступа к медицине и качественному продовольствию, отсутствия защиты от техногенных катастроф. Эффект применения технологий терроризма для разрушения и захвата государств хорошо представлен в исследовании, проведенном на территории Государства Ливия в 2019–2020 гг. Максимом Анатольевичем Шугалеем (Шугалей, Бурикова, Суанов, Юрьев, 2020). Данное комплексное исследование общественно-политической ситуации в Ливии содержит несколько взаимосвязанных частей: кабинетное исследование и анализ открытых источников, комплекс полевых исследований (опрос, фокус-группы, глубинные интервью с жителями Ливии, экспертные интервью); включенное наблюдение и сбор интервью во время заключения Шугалея в тюрьме «Митига», Ливия (с мая 2019 г. по декабрь 2021 г.). Стоит отметить, что одновременно с Шугалеем в тюрьме «Митига» содержались общественные лидеры и влиятельные люди страны, владеющие ключевой информацией по Ливии, включая информацию о движении денежных потоков оплаты террористических группировок и взятках западных чиновников. В данной статье рассмотрен только один из аспектов проведенного исследования, раскрывающий механизм создания нового типа государств, в структуру которых инкорпорируются террористические группировки.

В качестве вводных данных по состоянию Государства Ливия необходимо привести следующую информацию: финансовая основа конфликта в Ливии — нефть и газ. При правлении Муаммара Каддафи (до 2011 г.) Ливия получала 55 млрд долл. США в год от продажи нефти (число жителей Ливии чуть больше 7 млн человек). После свержения Каддафи, более 60 млрд долл. США было заморожено на счетах США и стран ЕС под эгидой, что эти деньги будут переданы легитимному правительству Ливии (до сих пор не переданы, посчитать точно сколько заморожено в целом и сколько безвозвратно утрачено из так называемых «ливийских активов» не представляется возможным).

На данный момент Ливия представляет собой государство, формально разделенное на две части по линии Сирт — Джофра. Восточную и южную часть страны, где сосредоточена большая часть нефтяных месторождений, контролирует Ливийская национальная армия (ЛНА) во главе с маршалом Халифом Хафтаром. Западную часть контролируют различные бандформирования и военные группировки, смешанные с террористами ИГ, Аль-Каиды (здесь и далее запрещенные террористические организации) и другими террористическими образованиями.

В конце 2020 г. ООН с активным участием гражданки США Стефани Уильямс организовало Ливийский форум политического диалога (ЛФПД). Вокруг ЛФПД было много коррупционных скандалов, процедура выделения квот и сбора делегатов ЛФПД, а также способы голосования были закрыты. Итог ЛФПД — 15 марта 2021 г. был создан единый исполнительный орган — Президентский совет (ПС) и Правительство национального единства (ПНЕ) во главе с Абдаль-Хамид Дабибой, которому было передано все управление Ливией и контроль за финансовыми потоками. Цель создания единого исполнительного органа — проведение свободных выборов президента и парламента Ливии 24 декабря 2021 г. Выборы проведены не были, Дабиба развернул масштабную информационную кампанию по самопиару. Несмотря на невыполнение договоренностей, правительство Дабиба действует до сих пор при поддержке США, Великобритании и ООН, Турции. При этом каждая из этих стран официально занимает позицию, что в Ливии необходимо провести выборы, но раз выборов пока нет, то страны взаимодействуют с правительством Дабибы. При этом параллельно на Востоке

Ливии работает Правительство национальной стабильности, утвержденное единственным избранным органом власти — Палатой представителей.

Сейчас Ливия экспортирует нефти более, чем на 22 млрд долл. США. От углеводородов Ливии зависят многие страны ЕС, в том числе Франция, которая получает до 40 % углеводородов для своих нужд из Ливии, Италия — свыше 70 %. Вся нефть Ливии продается через единственную компанию — Национальную нефтяную компанию (ННК), головной офис которой базируется на Западе Ливии в Триполи. ННК имеет зарубежные счета, регулируемые представителями коллективного Запада, с которыми ННК имеет плотные отношения по данным из открытых источников. Часть денег от продажи ливийской нефти замораживается на зарубежных счетах Центрального банка Ливии «до лучших времен и общенародного правительства». Часть денег возвращается в Ливию, где выплачивается группировкам, входящим в структуры Министерства внутренних дел и Вооруженных Сил Запада Ливии или перечисляются на инфраструктурные проекты, большая часть которых не доходит до потребителей и разворовывается.

Фактически на данный момент Ливия — несостоявшееся государство (Хельман, Раттнер, 1990), которое не в состоянии поддерживать свое существование в качестве жизнеспособной политической и экономической единицы. В структуры МВД и ВС Запада Ливии внедрены бандитские группировки, смешанные с представителями ИГ, Аль-Каидой и другими террористическими организациями. Группировки контролируют свои территории и получают деньги за свое спокойное поведение и внешнюю лояльность признанному правительству. Большая часть денег от природных богатств Ливии работает в экономиках стран коллективного Запада.

Ливия — это пример инкорпорации террористов в структуры власти и признания террористических организаций на международном уровне. На основе анализа собранных данных Максимом Шугалеем по Ливии можно выделить основные составляющие процесса инкорпорации террористов в государственные структуры:

- 1) деградация национальной политической элиты (поощрение коррупции, создание условий предательства национальных интересов, включая вывоз капитала в другие страны);
- 2) переключение центров управления страной на внешних кураторов из международных и иностранных структур, включая посредничество ООН;
- 3) создание и поддержка радикальных движений;
- 4) встраивание представителей радикальных движений в управление государством на фоне полной деградации политической элиты при посредничестве международных институтов;
- 5) переключение денежных потоков от использования природных ископаемых на радикальные движения и внешних акторов-посредников.

Результат — полная потеря страной суверенитета, передача рычагов управления и контроля за финансовыми потоками супердержавам, в ситуации с Ливией бенефициаром является США. США зарабатывают на богатствах Ливии, а террористы в таком государстве получают новые возможности. Террористические организации при кураторстве внешних игроков официально создают свои хозяйствующие структуры или захватывают существующие и получают доход, который признают международные организации и которым можно свободно пользоваться («все легально»). При этом в таких государствах идет подмена традиционных, национальных ценностей террористическими идеями, на террористических идеях вырастают новые поколения, и такая система выходит из-под контроля своих создателей. Схожие процессы протекают не только в Ливии, но и по всему свету, например, в Сирии, Афганистане, Ираке. В Ливии бенефициаром этого процесса является власти США и ЕС, которые таким образом защищают свои национальные интересы.

Литература и источники

- Антонян Ю.М. Терроризм. Криминологическое и уголовно-правовое исследование. — М.: Щит-М, 1998.
- Бернгард А. Стратегия терроризма. — Варшава, 1978.
- Бурикова И.С., Коновалова М.А., Пушкина М.А., Юрьев А.И. Вероятность влияния межнациональных конфликтов на психолого-политическую стабильность в Санкт-Петербурге. Научный отчет / Под ред. проф. Юрьева А.И. — СПб., 2004.
- Ветренко И.А., Ковалев А.А. Дефиниция категории «война» в международном политико-правовом контексте. Вестник Поволжского института управления. 2022. Т. 22. № 1. С. 77–86.

- Гилинский Я.И. Современный терроризм: кто «виноват» и что делать? Сборник статей под ред. проф. М.М. Решетникова. — СПб.: Восточно-Европейский институт психоанализа, 2004. — С. 19–25.
- Дмитриев А.В., Залысин И.Ю. Насилие: Социополитический анализ. — М.: РОССПЭН, 2000.
- Дюркгейм Э.О разделении общественного труда. — М.: Канон, 1996.
- Карамян С. Исламский фундаментализм: теория и практика // Власть. 2007. — № 4.
- Королёв А.А. Террор и терроризм в психологическом и идеологическом измерении: История и современность // Московский гуманитарный университет. — 2008. — 50 с.
- Лубский Р.А. Политический менталитет: методологические проблемы изучения и российские реалии: (автореф. дис. на соискание ученой степени канд. фил. наук, специальность 09.00.10 — философия политики и права). — Ростов-на-Дону, 1999. — 206 с.
- Можаровский В.В. Психологический анализ религиозно-ментальных оснований политики: (автореф. дис. канд. психол. наук: 19.00.12). — СПб., 2003. — 20 с.
- Пушкина М.А., Чирков П.С. Теория современных гибридных войн. Аллея науки, 2017, том 2. № 8, с. 629–642.
- Ракитянский Н.М. Опыт концептуального анализа исламского менталитета в контексте политической психологии. Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Политические науки. 2012. — № 5. — С. 53–71.
- Ракитянский Н.М. Фундаментальные основания англо-американского политического менталитета // Поиск. Альтернативы. Выбор. — 2017. — № 1 (5).
- Юрьев А.И. Новый терроризм и глобализация, как его источник // Сборник статей под ред. Юрьева А.И. Идеологические основы терроризма в России. История и современность в выборе средств противодействия терроризму. — М., 2012. — С. 8–41.
- Юрьев А.И. Общество и власть в период глобализации. Учебное пособие. СПб., 2004.
- Шугалей М.А., Бурикова И.С., Суханов О.В., Юрьев А.И. Триполи как социальный лифт для ИГИЛ (террористическая организация). Коллективная монография. СПб., 2020.
- Яхьяев М.А. Ислам в современном мире // Исламоведение. — 2012. — № 2.
- Cassese A. Terrorism, Politics and Law. Cambridge: Polity Press, 1989.
- Ganor B. Defining Terrorism: Is one Man's Terrorist another Man's Freedom Fighter? // Police Practice & Research. An International Journal. 2002. Vol. 3. No. 4.
- Laqueur W. Terrorism. L.: Weidenfeld and Nicolson, 1977.
- Laqueur W. The Age of Terrorism. Toronto: Little, Brown & Co, 1987.
- Terrorismus // Das neue taschen Lexikon. Bertelsmann Lexikon Verlag, 1992.

ИНСТИТУТ ПОВИНОВЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ

1. Устойчивость политического режима (политической системы), равно как индивидуальный успех в жизни, в значительной степени определяются степенью и культурой повиновения как граждан, так и чиновников (государственных служащих).

2. *Методология исследования:*

а) понятие «повиновения», основные подходы к изучению.

Повиновение в словаре русского языка С.И. Ожегова объясняется как подчинение чьим-нибудь приказам, беспрекословное послушание (Ожегов, 1977, 484). Обратим внимание здесь на прилагательном «беспрекословное». Оно предполагает готовность выполнять все указания без исключения (синонимы: абсолютное, безоговорочное, безропотное, полное). Такой же смысл вкладывают и иные словари русской речи. В политологических глоссариях добавляются такие характеристики, как зависимость от кого-либо; понуждение действовать сообразно чему-нибудь; проявление подвластности органов, лиц, граждан.

Мы учитываем выводы, сделанные американским социальным психологом С. Милгрэмом в работе «Подчинение власти» полвека тому назад (Милгрэм): он поставил человечеству диагноз «фатальный порок» — чрезмерную склонность к подчинению другим, которая, по его мнению, родилась еще в ранней стадии становления общества.

В качестве отправной точки для рассмотрения особенностей повиновения в современной России мы полагаем работу С. Рингена «Народ дьяволов: демократические лидеры и проблема повиновения». Ключевая идея, важная для нашего исследования: «Искусство управления всегда заключается в том, чтобы расположить к себе не желающих следовать за вами, а иногда — и откровенно враждебно настроенных людей с тем, чтобы они не мешали, а по возможности и содействовали реализации ваших намерений» (Ринген, 2016, 21).

Особенности культуры повиновения рассматриваются в контексте идей И.А. Ильина. В частности, на основании предположения о том, что основу такой культуры составляют правоотношения, имеющие в своей основе духовную природу, выделяются два противоположных процесса в сознании: а) предполагающий возможность формирования и утверждения культуры повиновения; б) отторгающий саму возможность такой культуры как таковой (Александров, 2014, 145). Кроме того, здесь появляется возможность увидеть различие в понимании самой реальности у обычных (рядовых) граждан и у тех, кто властвует.

На протяжении почти всей российской истории в основе повиновения был страх наказания. Страх перед властью испытывали советские граждане в период политических репрессий. Не меньший страх ощущали российские граждане в период фактического безвластия в 90-е гг. XX в. В анализе этого состояния мы оттолкнемся от предположения Ш.Л. Монтескье, что в деспотических государствах страх является основной «пружиной правления» (Монтескье, 1999, гл. X), а также от размышлений русского политического философа Н.А. Бердяева о феномене страха. Он писал: «Страх лежит в основе жизни этого мира... Власть по природе своей пользуется страхом... Страх всегда закрывает истину, и истина приоткрывается, когда опыт пережитого страха доводит до его преодоления, до освобождения. Страх связан не только с ложью, но и с жестокостью. Жестокими делаются не только те, которых страшатся, но и те, которые страшатся. Не только массами управляют через страх, но и сами массы управляют через страх... Страх искажает сознание и мешает познавать истину» (Бердяев, 1993, 286–287). Приведенные высказывания философа обращают наше внимание на то, что страх, как негативная эмоция, является постоянным спутником человека, общества, проявляется как инстинкт самосохранения от объективно существующих угроз, в значительной мере порождается самим социумом.

Учтем также и позицию У. Бека, который полагал, что в отличие от классического индустриального общества, в котором нормативным идеалом было равенство, в обществе риска нормативным

принципом выступает безопасность: «место общности нужды занимает общность страха» (Бек, 2000, 60);

б) формула повеления предполагает такое повиновение, которое основывается либо на согласии относительно правомерности порядка, доверии к власти, готовности повиноваться, либо на принуждении, в основании которого могут находиться как страх перед санкциями за неповиновение, привычка повиноваться, так и заинтересованность в выполнении тех или иных распоряжений, идентификация объектов с субъектами власти;

в) согласие народа на существующий политический режим, правление, а стало быть, и на повиновение власти, анализируется в контексте теорий легитимности Дж. Локка, М. Вебера; критерии, в соответствии с которыми это повиновение выражается-с теориями Д. Битэма и П. Стилмана.

Важнейшее условие повиновения народа власти здесь видится в направленности действий политической власти к общественному благу (осязаемая справедливость власти). Такое повиновение граждан является добровольным (с их согласия).

Насильственное принуждение к повиновению (или угроза его применения) является вынужденно-необходимым условием обеспечения стабильности и порядка в обществе: разнородное, глубоко дифференцированное общество объективно требует применения принудительной силы, корректирующей не соответствующее интересам общества поведение человека. Такое принуждение к повиновению не требует согласия, но должно основываться исключительно на праве;

г) безусловной, не вызывающей сомнения нормой поведения, повиновение становится в результате процесса социализации. Особая роль здесь принадлежит таким институтам и сообществам, как система образования, армия, церковь, корпоративно-производственный мир.

Индивида с раннего детства (в семье) и на протяжении всей жизни учат повиноваться и ценить повиновение, а социализация повиновения превращается в ожидание того, что кто-то должен им руководить или нести ответственность за него или его поведение. («Прежде чем повелевать, научись повиноваться»: Солон, А.В. Суворов);

д) не всякое решение, принимаемое властными органами, вызывает одобрение народа. Указания власти, игнорирующие справедливые ожидания и требования людей, разделяемые большинством ценности и нормы; ее действия вопреки их несогласию вызывают сопротивление такому социальному и политическому давлению, стремление противостоять принуждению, неповиновение. Вместе с тем, часть людей, невзирая на появляющиеся сомнения в правильности этих решений, продолжают оставаться лояльными, выполнять требования власти, поскольку верят в авторитет (сакральность?) власти;

е) эффективность власти определяется лицами, принимающими управленческие решения, их качеством и количеством, их способностью понимать, принимать эти решения и организовывать действия по их исполнению. Добиться безусловного повиновения чиновников, таким образом, задача сложная. Как и большинству людей, государственным служащим, чиновникам свойственны самолюбие, гордость. Отсюда факты нередкого игнорирования распоряжений сверху, апатии, пассивного поведения и даже саботажа. Причины, подталкивающие чиновников к таким действиям, разные. Среди них: формализация их поведения, игнорирование инициативы, склонность к коррупции, желание денежной компенсации, возможности нецелевого использования средств государства, чувство собственной важности, ощущение превосходства, уверенность в безнаказанности, ограничение карьерного роста («у генералов есть свои дети», «кадры умные и инициативные опасны, на их фоне руководитель проигрывает»).

Поскольку профессиональные проблемы решают исполнители и они же готовят варианты решения, требования к профессионализму начальников снижены. В их мире основной ценностью становятся связи, кланы. Отсюда главным качеством становится преданность, лояльность вышестоящему начальнику.

3. Результаты исследования и выводы

а) отношение к власти, повиновению ей в постсоветское время принципиально изменилось. С формированием чувства собственного достоинства у российских граждан ушли в прошлое абсолютная покорность власти, беспрекословное доверие к ее представителям, безусловное подчинение нижестоящих в должностной иерархии. В современном российском человеке сочетаются стрем-

ление к независимости и мотивация повиновения, свобода и согласие с давлением власти. Однако политический страх сохраняется и становится возможным ввиду существования структур насилия. Он питается угрозой произвольного использования насилия в условиях несогласия с административными правилами, воспринимаемыми как репрессивные.

Поддержка современной власти обусловлена в большинстве своем не простым прагматизмом или конформизмом, но готовностью вместе со страной развивать суверенное, самостоятельное, справедливое государство, в котором человек становится основной фигурой. Сегодня уже речь не идет о слепом (тупом) подчинении, оно уже невозможно. Граждане поддерживают власть тогда, когда ее решения совпадают с их запросами на справедливое управление и хорошее руководство. Это дает гражданам основание полагать, что принимаемые политические решения разумны, поэтому они не могут отвергнуть их. Если же граждан что-то не устраивает, то, согласно закону, они вольны обратиться в суд. Когда властные распоряжения законны, они подкрепляются угрозой насилия лишь для тех, кто повиноваться не хочет.

Отношение к повиновению за три постсоветских десятилетия изменило гипертрофированное преувеличение российскими гражданами чувства свободы как мерила развития в ущерб чувству ответственности, отсутствия гармонии в их соотношении. В дополнение к этому отметим, что в силу практического отсутствия систематической работы по социализации россиян проявилась крайняя форма деструктивного поведения: категорическое неприятие, ненависть и даже враждебность по отношению к политической власти;

б) повиновение народа необходимо заслужить. Как минимум, повиновение власти рождается из практики сдержанности власти в применении принуждения (Дж. Най: жесткая, мягкая, умная власть). Дилемма руководителя: чем больше ему необходимо применять убеждение, тем большей властью начинают обладать подчиненные;

в) власть, рассчитывающая на согласие со своими решениями, нуждается не только в бюрократическом порядке, но и в энтузиазме государственных служащих и чиновников. Множество авторов, анализирующих проблемы политического и государственного управления в России, отмечает, что за последние 15–20 лет в большинстве случаев в управленческий аппарат пришли сотрудники, плохо ориентирующиеся или мало понимающие в той области, которой они обязаны руководить. Им все равно, чем править: наукой, производством, деятелями искусства.

Часто чиновничье вмешательство в какой-либо профессиональный процесс оказывается губительным для него, особенно при отсутствии обратной связи и взаимодействия с реальными специалистами. Более того, чиновники в последние годы саботируют решения даже Президента (национальные проекты, решения о передаче Рублевской Святой Троицы в собственность Русской православной церкви и т. п.).

Добавим сюда и то, что современное политическое руководство страны сделало ставку не на профессионалов — людей с высокой квалификацией и большим опытом работы, а на эффективных менеджеров, не опытных и не компетентных в тех сферах, которыми призваны руководить, но «владеющих эффективными методами управления» и, как правило, ориентированных на обогащение. Такое положение дел привело к расхождению реальных и декларируемых целей, имитации бурной деятельности, склонности в силу отсутствия профессиональной преданности к быстрой смене не только должности, но даже сферы деятельности.

Государство пытается совершенствовать свой чиновничий аппарат. С этой целью, например, в 2010 г. был принят Типовой кодекс этики и служебного поведения государственных служащих РФ и муниципальных служащих, в котором сформулированы основные принципы и правила служебного поведения государственных (муниципальных) служащих;

г) культура повиновения современных государственных служащих, чиновников в современной России причудливо вбирает в себя разные типы. Следуя образным формулировкам Салтыкова-Щедрина, в ней наличествуют: *господа ташкентцы* (ценностным основанием их является не желание послужить Отечеству, а эгоистические интересы и стремление отхватить свой кусок от государственного пирога; *господа молчалины* (постоянно ищущие опоры на «нужного человека»), *глуповцы* (характеризующиеся бесконечным доверием к власти, исключая любые увлечения новыми политическими идеями). Вместе с тем, культура повиновения этой группы значительной части современных

государственных служащих, чиновников зиждется на идее служения Отечеству, общегосударственным задачам, что становится важнейшим модусом их сознания, когда профессиональное и непрофессиональное бытие сливается на основе единой системы ценностей.

Культура повиновения обычных граждан также многообразна, сочетает в себе как нерефлексивное, так и осознанное повиновение, балансирует между абсолютной покорностью, растворением в руководителе и категорическим неприятием менеджмента, враждебностью, ненавистью.

Литература и источники

Александров В.Б. И.А. Ильин о «культуре повиновения»//Управленческое консультирование. 2014. № 4. С. 145–151.

Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000.

Бердяев Н.А. 1993. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого. О назначении человека. М.: Республика. 383 с.

Милгрэм С. Подчинение авторитету. Научный взгляд на власть и мораль. М.: Альпина нон-фикшн, 2016.

Монтескье Ш.Л. О духе законов. М.: Мысль, 1999. Гл. X.

Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Издательство «Русский язык», 1977.

Ринген С. Народ дьяволов: демократические лидеры и проблема повиновения. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2016. 392 с.

А.И. Радушинская (Санкт-Петербург),
Г.В. Яровенко (Санкт-Петербург)

ФОРМИРОВАНИЕ СПОСОБОВ КОММУНИКАЦИИ В СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ «ВКОНТАКТЕ» С ПОЛИТИЧЕСКИМИ ИНСТИТУТАМИ НОВОГО ТИПА

В современном мире социальные сети стали неотъемлемой частью жизни пользователей, которые используют их для выражения своих мнений и предпочтений. Социальная сеть «ВКонтакте» отмечает высокий рост активности аудитории и количества пользователей (Басина, Гойко, Петров, Бакулин, 2022, 1002) (см. рис. 1). Согласно данным от «We Are Social» и «Kerios», к концу 2021 г. число пользователей социальных сетей в России увеличилось на 7 млн и на данный момент составляет 106 млн человек (Digital 2022: The Russian Federation).

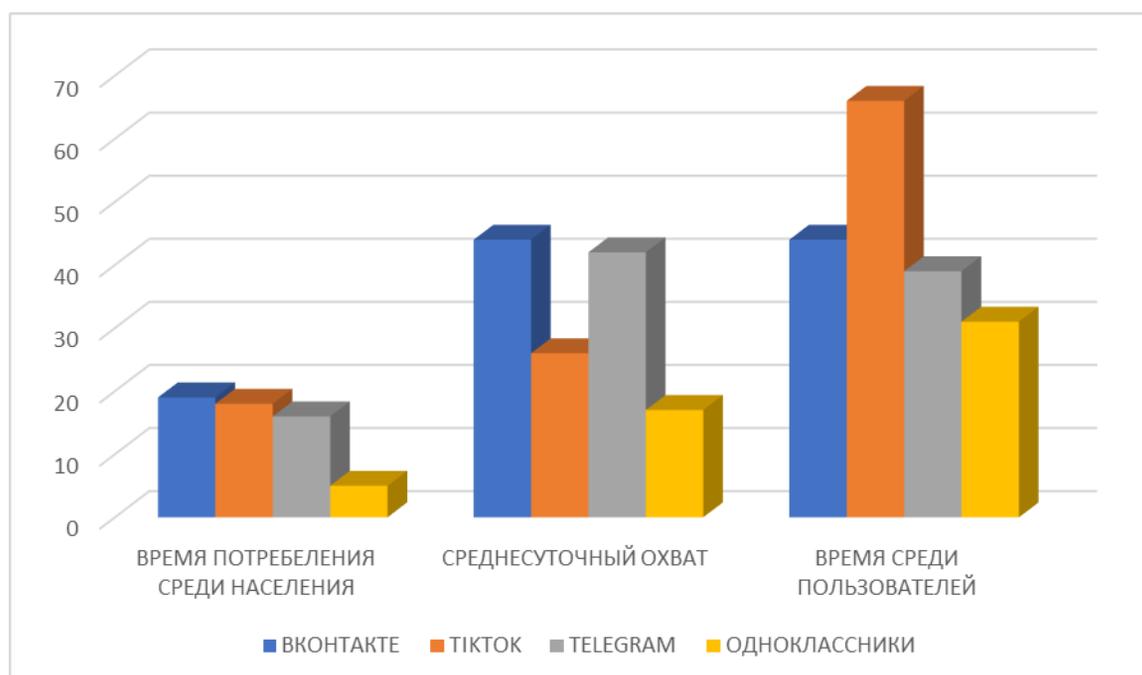

Рис. 1. Актуальные данные лидеров социальных сетей в России. (Mediascope Cross web, вся Россия)

Согласно отчету Mediascope (принадлежит компании META, признанной в России экстремистской организацией), «ВКонтакте» занимает лидирующие позиции за счет нескольких факторов. Одним из способов является развитие политических сообществ и новых способов коммуникации: в декабре 2022 г. число активных авторских пабликов выросло на 13 % и достигло 2 млн (Mediascope, декабрь 2022 г.). Мы определяем новостные паблики как информационные интернет-ресурсы, которые выполняют познавательную и развлекательную функции и специализируются на распространении полезной информации (Дементьева, 2021, 288).

В настоящее время «ВКонтакте» развивает не только развлекательные каналы, но и способствует развитию политических сообществ. Вся деятельность «ВКонтакте» регулируется «Правилами пользования сайтом «ВКонтакте»».

Все социальные сети предлагают свой набор доступных показателей, поэтому важно изучить возможности социальных сетей в контексте PR-инструментов. Например, партия «Новые люди» столкнулась с необходимостью повысить свою видимость в сложных условиях COVID-19, когда офлайн-мероприятия ограничены. На основании исследования Popsters, подтверждающего, что наиболее эффективный формат в социальной сети «ВКонтакте» — это фото (37,08 % против 31,16 % для текста), был разработан и применен алгоритм для анализа контента в «ВКонтакте» (Social Media Users Activity

Global Report, 2020). Выбор обусловлен популярностью сети и ее возможностями. «ВКонтакте» предлагает различные преимущества:

- Публичный API (Application Programming Interface) — это посредник между разработчиком приложений и какой-либо средой, с которой это приложение должно взаимодействовать. API упрощает создание кода, поскольку предоставляет набор готовых классов, функций или структур для работы с имеющимися данными.
- Информация о контенте по времени и местоположению.
- Возможность выражать мнение пользователей и их взаимодействие с контентом через лайки, комментарии, репосты, а также низкие временные затраты.
- Использование ссылок на другие ресурсы в постах, что позволяет собирать данные об аудитории и адаптировать контент и рекламу.
- Анализ реакций аудитории на разный контент ERpost.

Математический расчет показателя ERpost основан на отношении комментариев, репостов и лайков к общему числу подписчиков и постов в месяц. На первом этапе (апрель — сентябрь) самым популярным постом с высоким ERpost (7,1 %) был пост, связанный с выборами в законодательные органы субъектов РФ. В этом посте было представлено видео, фиксирующее внештатную ситуацию в Нижнем Новгороде. Также большая часть постов в этот период была посвящена экологии и защите животных. В общей сложности было опубликовано 249 постов. В марте особенно активно публиковалась информация о кандидатах партии на выборах, и самым популярным постом было объявление о выдвижении Сарданы Авксентьевой в Госдуму в народе называют «мэром здорового человека». В этом посте было получено много лайков (4 392) и охватывало большое количество пользователей (563 864).

На протяжении мониторинга партия «Новые люди» значительно увеличила свою узнаваемость, исследование ВЦИОМ показало рост известности партии у избирателей (Акопова, Агурова, 2021, 10).

Проведя анализ повышения популярности партии «Новые люди», выявим основные сферы:

- Обнаружение и публикация конфликтных политических событий (нарушения в ходе выборов).
- Острые вопросы экологии.
- Продвижение популярных политических лидеров.
- Активная публикация информации.
- Применения современных алгоритмов публикации.

Проводя параллели между политическими партиями и иными субъектами политики, стоит отметить наличие программ и выраженной необходимости, использование новых каналов коммуникации, что подтверждается Распоряжением № 2523-р от 02.09.2022.

Мы используем два взаимодополняющих подхода в нашей концепции, которые являются широко распространенными в цифровых исследованиях. В первом подходе рассматривается теория многоступенчатой коммуникации П. Лазерсфельда, объясняющая влияние на распространение информации лидеров мнений, например, представителей губернаторского корпуса. Этот процесс может иметь как вертикальную, так и горизонтальную организацию в зависимости от официальности используемых аккаунтов. Второй подход, коммуникативного действия Ю. Хабермаса, подчеркивает важность дискуссии между властью и гражданами, которые обладают равными правами и возможностями в политической коммуникации. Они стремятся сблизить противоборствующие позиции и решить проблемы. В рамках проведения исследования предполагается получить ответ политических субъектов города Санкт-Петербург посредством социальной сети «ВКонтакте» на следующие вопросы:

- Является ли ответ сообщества официальным ответом органа власти (представителя власти)?
- Какие вопросы разрешаются администраторами сообщества?

Кроме этого, мы придаем большое значение визуальной составляющей политической коммуникации, поэтому используем собственный подход к визуальному анализу данных. В этом подходе совмещены методологические принципы П. Бурдье и Э. Гоффмана. Он позволяет учитывать популярность аккаунтов, частоту обновлений, уровень социального одобрения записей, наличие обратной связи и другие факторы (см. табл.). Мы также анализируем визуальные параметры, такие как формальность или неформальность главного фото в профиле и публикаций.

Показатели интернет-активности субъектов политики в г. Санкт-Петербурге

	Кол-во участников	Частота публикации в день	Использование PR-инструментов	Скорость ответа	Подтверждение Порталом Госуслуг
Администрация Кировского района СПб	9 200	~6	Активно применяется	5 часов	Да
МО г. Петергоф	46 500	~2	Применяется узкоспециализировано	Ответ не поступил	Да
ВМО «Остров декабристов»	12 500	~4	Применяется	20 часов	Нет
Совет муниципальных образований	1 300	~4	Активно применяется	6 минут	Нет
МО Невский р-н	5 600	~2	Применяется	22 часа	Да
Правительство Санкт-Петербурга	424 800	~8	Активно применяется	Ответ не поступил	Да

Основываясь на данной информации, можно сделать следующие выводы об использовании PR-инструментов различными административными органами в Санкт-Петербурге:

1. Администрация Кировского района Санкт-Петербурга успешно использует PR-инструменты для организации и рекламы мероприятий, включая киберспортивные турниры и квесты. Она также активно взаимодействует с участниками сообщества, используя ссылки в телеграм-канале.
2. Местная администрация Муниципального образования «Город Петергоф» привлекает творческие мероприятия, однако их нерегулярность снижает количество участников. Она также развивает туристический имидж и предоставляет возможность покупки билетов в музеи и парки через «ВКонтакте», хотя не всегда отвечает на вопросы и сообщения, что снижает доверие участников.
3. Внутригородское муниципальное образование «Остров декабристов» не подтверждено Порталом Государственных услуг, что является его существенным недостатком. Однако оно активно публикует новости и информацию о мероприятиях, а также предоставляет информацию для слабовидящих через свой сайт и функционал «ВКонтакте».
4. Совет муниципальных образований Санкт-Петербурга, хотя не имеет подтверждения Порталом Государственных услуг, активно публикует посты о мероприятиях и имеет высокую скорость ответа, что повышает доверие и заинтересованность участников в коммуникации.
5. Муниципальное образование «Невский округ» редко публикует посты, но с актуальной и значимой тематикой. Оно также разработало функционал группы «ВКонтакте» и имеет свой сайт.
6. Правительство Санкт-Петербурга имеет большое количество публикаций, полный функционал и ссылки на свой сайт, но не отвечает на вопросы непосредственно в группе, что негативно влияет на коммуникацию с участниками.

В целом использование PR-инструментов разными административными органами имеет свои особенности, но эффективность взаимодействия с участниками сообщества может варьироваться.

Согласно проведенному исследованию, «ВКонтакте» занимает лидирующие позиции среди социальных сетей в России благодаря развитию политических сообществ и новым способам коммуникации. Активные авторские паблики, специализирующиеся на распространении полезной информации, стали популярными среди пользователей. Нормативное регулирование влияет на деятельность Пользователей и сообществ в «ВКонтакте», позволяя государственным органам создавать официальные каналы коммуникации. Использование социальных сетей для продвижения политических идей предоставляет субъектам политической деятельности новые возможности и техники взаимо-

действия. Публикация текстовых постов и использование фото становятся эффективными способами привлечения внимания пользователей. «ВКонтакте» предлагает различные преимущества, включая публичный API, упрощающий работу с данными и анализ реакций ERpost.

Литература и источники

Акопова Т.С., Агурова А.А. Политический DIGITAL — PR на примере партии «Новые люди» в социальной сети «ВКонтакте»: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Под редакцией А.В. Соколова, А.А. Фролова. Ярославль, 2021. С. 7–11.

Басина П., Гойко В., Петров Е., Бакулин В. Классификация публикаций сообществ «ВКонтакте» для оценки качества жизни населения по материалам ежегодной международной конференции «Диалог». Выпуск 21. Дополнительный том. Москва, 2022, с. 1001–1016.

Дементьева К.В. Городские паблики социальной сети «ВКонтакте»: специфика привлечения аудитории, особенности подачи информации Вестник Томского государственного университета. Филология. 2021. № 73. С. 287–310.

Digital 2022: THE RUSSIAN FEDERATION. <https://datareportal.com/reports/digital-2022-russian-federation>.

Social Media Users Activity Global Report by Popsters.ru 2020 <https://popsters.com/blog/post/social-media-users-activity-global-research-2020>

Mediascope Cross web, вся Россия, населения 12+ desktop&mobile

Mediascope, декабрь 2022 года, Россия 0+, возраст 12+, Desktop & Mobile.

ДИСКУРСИВНЫЕ ПРИЕМЫ ЭЛЕКТОРАЛЬНЫХ КОММУНИКАЦИЙ (НА ПРИМЕРЕ ДЕБАТОВ С УЧАСТИЕМ В. КОНОВАЛОВА)

8, 9 и 10 сентября 2023 г. в Республике Хакасия состоялись выборы Председателя Правительства. Победу на них одержал действующий Глава Республики, кандидат от партии КПРФ Валентин Коновалов (63,14 % голосов). В настоящей статье внимание сфокусировано на электоральных коммуникациях кандидата в процессе теледебатов, а точнее — на дискурсивных способах и приемах их реализации. Эмпирический материал исследования — выпуски теледебатов с участием кандидата: эфиры от 15 августа (Дебаты Хакасия РТС, 2023), от 17 августа (Дебаты Хакасия Россия 24, 2023) и от 18 августа (Дебаты Хакасия Россия 1, 2023). В качестве метода исследования использованы отдельные элементы критического дискурс-анализа в традиции Р. Водак (Водак, 2018, с. 112). В частности, заимствуется понимание таких дискурсивных приемов и категорий, как *позитивная самопрезентация*, *негативная презентация*, *конструирование общностей «мы» и «они»*. Помимо анализа устных текстов кандидата, процедура предполагает анализ действующего контекста, а также погружение в исторический контекст рассматриваемой коммуникативной ситуации.

Результаты исследования. В 2018 г. в Хакасии состоялись достаточно конкурентные выборы на пост главы Республики. По результатам первого тура ни один из кандидатов не смог набрать более 50 % голосов избирателей. Тогда голоса распределились следующим образом: Валентин Коновалов (КПРФ) набрал 44,81 % голосов избирателей, Виктор Зимин («Единая Россия») — 32,42 %, Андрей Филягин («Справедливая Россия») — 11,23 %, Александр Мяхар («Партия роста») — 6,61 %. Во второй тур вышли кандидаты Валентин Коновалов и Виктор Зимин, который впоследствии снял свою кандидатуру с выборов (позже это сделали и остальные кандидаты). Второй тур фактически стал безальтернативным голосованием: Валентин Коновалов набрал 57,57 % голосов избирателей и стал Главой Республики. Таким образом, в 2018 г. Республика Хакасия оказалась в числе тех немногих регионов, которые возглавил кандидат не от «Единой России».

В 2023 г. действующий глава Хакасии Валентин Коновалов (КПРФ) выдвинул свою кандидатуру на второй срок. Также кандидатуры выставили Сергей Сокол («Единая Россия»), Михаил Молчанов (ЛДПР) и Владимир Грудинин («Коммунисты России»). По оценкам ряда СМИ, регион вновь ожидали выборы с непредсказуемым исходом и второй тур. Стойкий интерес в этих условиях вызвали электоральные коммуникации кандидатов, в частности — предвыборные дебаты. Так, на платформе YouTube выпуск от 15 августа (дебаты проводились на телеканале РТС) посмотрело более 36 тыс. зрителей, выпуск от 17 августа (РОССИЯ-24) — 34 тыс. зрителей, выпуск от 18 августа (РОССИЯ-1) — 22 тыс. зрителей. На 05.09.2023 г. только на региональном телевидении прошло 14 раундов с дебатами. Отметим, что за исключением одного выпуска (24 августа отсутствовал кандидат М. Сокол) все без исключения кандидаты принимали участие в дебатах лично.

2 сентября в республиканскую избирательную комиссию поступило заявление С. Сокола о снятии с выборов по состоянию здоровья. Таким образом, кандидатов осталось трое, и победу в первом туре одержал В. Коновалов.

Очевидно, что выборы в Хакасии вызвали повышенное внимание как со стороны СМИ, общественности и избирателей, так и со стороны экспертов, даже несмотря на «сход с дистанции» кандидата С. Сокола. Таким образом, актуальным становится вопрос об анализе электоральных коммуникаций В. Коновалова, победившего в условиях конкурентных выборов. В частности, внимание данной статьи сосредоточено в русле дискурсивного измерения электоральных коммуникаций кандидата, что задает постановку следующих исследовательских вопросов:

- сущность и содержание используемых кандидатом дискурсивных приемов;
- позиционирование кандидата и способы самопрезентации;
- способы презентации других кандидатов.

Анализ дискурсивных приемов. В. Коновалов позиционирует себя как политика, добившегося за первый срок правления (2018–2023) конкретных и измеримых результатов. Позитивная самопрезентация основана на приведении *конкретных фактов*, кандидат активно оперирует статистически-

ми данными, что зачастую является главным «смысловым ядром» его выступления («Увеличены доходы бюджета практически в 2,5 раза, сократили коммерческий долг в 6,5 раз, налоговые поступления от угольщиков увеличились в 8 раз, от алюминщиков — в 7 раз <...>, от золотодобытчиков в 3 раза <...>, рост на 44 % занятости в малом и среднем бизнесе <...>, в десятки раз увеличили поддержку и получили рост малых и средних предприятий и предпринимателей <...>. Мы привлекли в республику в 4 раза больше федеральных средств, чем это сделало прошлое правительство <...>, налоговые льготы ввели, рост предприятий пошел <...>, за 2 года на 600 предпринимателей, предприятий стало больше»).

Кандидат указывает на «прозрачность» своей работы и наличие обратной связи от жителей региона («Я в прошлом году провел более двухсот встреч с жителями <...>, отчет о моей деятельности опубликован, его каждый может увидеть»).

Другая грань позиционирования В. Коновалова проявляется в демонстрации системности и лояльности («Президент России ставит сегодня масштабные задачи, и мы эти задачи выполняем <...>, мы на практике выполнили ту задачу по деофшоризации крупных компаний, которую перед нами поставил Президент России. <...> конечно, очень благодарны за поддержку, он никогда не отказывал нам ни в каких просьбах <...>. Я ответственен перед народом и Президентом, а не перед этими актерами»).

В той или иной форме кандидат систематически противопоставляет себя остальным кандидатам, намекая на их сговор, но дает понять, что «это не пройдет» («...видите тот поток чернухи, которая льется с экранов <...>. На меня, на мое правительство продолжит литься та же чернуха в исполнении вот этого трио — депутат Сокол и два его помощника <...>. В 18-м году, когда меня избрали главой Хакасии, чернухи тоже хватало <...>. Вы правда думали, что это шоу удастся устроить, и вы втроем здесь будете на меня лить грязь, а я буду стоять и мило улыбаться? Не пройдет <...> было выпущено семь с половиной тысяч лживых сюжетов <...>. Если бы не вся эта чернуха, мы бы сделали еще больше»).

Негативная презентация других кандидатов выражена следующим образом: кандидаты М. Молчанов (ЛДПР) и В. Грудинин («Коммунисты России») обозначаются В. Коноваловым как «технические кандидаты», «помощники Сокола», «посредники», «артисты». Фактически В. Коновалов отказывает им в политической субъектности и самостоятельности («Уймите своих помощников, вы собирали им муниципальный фильтр <...>, никогда бы без вашей поддержки они не стали бы кандидатами. <...> плохо, Сергей Михайлович, подготовили своих помощников <...>, ваш сценарий с трио <...> признайтесь честно, что вы — спойлеры, что вы согласованно работаете втроем, репетируете <...> меня уже на встречах люди спрашивают, зачем это депутат Сокол на дебаты с собой артистов таскает? <...> весь этот нукудышный театр в исполнении технических кандидатов именно Сокол организовал. 60 % подписей муниципальных депутатов Молчанову и 80 % Груднину для регистрации как кандидата предоставила «Единая Россия» <...>. Сергей Михайлович, как говорится, у вас на обоих — контрольный пакет»).

В. Коновалов избрал стратегию многократного персонального обращения к кандидату С. Соколу, подразумевая под ним главного политического конкурента. Негативная презентация С. Сокола В. Коноваловым основана на его обозначении в качестве чужого (кандидат-кочевник) для Хакасии человека: («Ведь Вы клялись в преданности жителям Красноярского края, потом, также не моргая, обещали быть преданным и жителям Иркутской области, теперь вот вы страстно Хакасию полюбили. Кто будет следующей жертвой любви? <...> За те обещания, которые вы давали в Иркутске и Красноярске люди же до сих пор спрашивают»). Также В. Коновалов формулирует тезис о том, что главная цель С. Сокола — это пиар, а не решение проблем Республики («Спасибо Верховному Совету и его председателю Владимиру Николаевичу Штыгашеву, который всю жизнь работает в интересах Республики и использует свой авторитет для решения проблем Хакасии, а не для пиара, как некоторые депутаты в студии. Да, Сергей Михайлович?»). При этом в дебатах от 17 августа фактически прозвучал призыв к консолидации и сотрудничеству в условиях санкционного давления («Сергей Михайлович, становитесь рядом, с жителями Хакасии, правительство Хакасии <...> работать вместе <...> я это делаю как губернатор, вы — как депутат, в Госдуме, фронт работ я вам уже неоднократно обозначал»).

Достаточно активно на протяжении дебатов используется характерная для рекламного дискурса стратегия «до — после» («было — стало»). Под состоянием «до» подразумевается наличие тех проблем, с которыми В. Коновалов столкнулся в 2018 г., а под «после» — те результаты, которых он добился спустя 5 лет. («Грань финансового краха республики Хакасия <...> в бюджете камнем висел государственный долг коммерческим банкам <...> полностью дырявое коммунальное хозяйство <...> задержки зарплат бюджетникам <...>. В результате пятилетнего руководства республикой <...> за 5 лет руководство Хакасии под моим руководством решило многие системные проблемы и обеспечило развитие экономики <...> разобрались с тяжелыми последствиями предыдущего правительства <...> наше Правительство решило системную проблему обеспечения льготников бесплатными лекарствами <...> в 18-м году, когда мы начинали работать, неоплаченных рецептов было около 20 тысяч, задолженность по лекарствам перед льготниками более 600 миллионов. Мы ее закрыли. За последние три года мы приняли 16 мер поддержки медработников, запустили программу покупки квартир, в прошлом году 31 квартиру приобрели, в этом 50 приобретем <...> увеличили подъемные медработникам <...> заключено более 700 договоров на целевое обучение, из бюджета мы их оплачиваем, за выход из декретного отпуска платим»).

Наконец, В. Коновалов дает обещания, основанные на уже достигнутых результатах: («На ближайшие годы у нас запланировано строительство еще шести больниц и поликлиник <...> мы продолжим активно строить ФАПы и амбулатории, фельдшерские пункты в наших селах, у нас очень большие планы по дальнейшему развитию системы здравоохранения <...> в прошлом году 31 квартиру приобрели, в этом 50 приобретем»).

Выводы. Таким образом, В. Коновалов использует достаточно распространенный набор дискурсивных приемов, характерных для кандидата, идущего на второй срок. В то время как другие кандидаты по преимуществу основываются на обещаниях и критике действующего главы Республики (хотя каждый из кандидатов пытается представить свой предыдущий опыт работы в качестве актуального), В. Коновалов дает обещания избирателям, основываясь на результатах, достигнутых за первый срок, и выстраивает нарратив в рамках категорий «было» («до») и «стало» («после»). Результатом применения проанализированных дискурсивных приемов может стать формирование общности «Мы» (объединение В. Коновалова и большинства населения Республики), добившейся значимых результатов, и ее последующее противопоставление общности «Они» (куда входят «чужой» кандидат-кочевник С. Сокол, не выполняющий своих обещаний и преследующий интересы «олигархов», а также его «артисты» («технические кандидаты», «помощники») М. Молчанов и В. Грудинин).

В завершение отметим, что полноценный анализ дискурсивных приемов В. Коновалова невозможен без анализа выступления остальных кандидатов (к тому же, их устные тексты сами по себе являются перспективным объектом для изучения, учитывая нетипичность электоральной ситуации, в которой кандидат от «Единой России» оказался оппозиционным). Зачастую реплики В. Коновалова контекстуальны и являются реакцией на выступления других кандидатов. Таким образом, данная статья предваряет последующее комплексное исследование дискурса всех кандидатов на пост главы Республики Хакасия, чему будет посвящена отдельная публикация.

Литература и источники

Водак Р. Политика страха. Что значит дискурс правых популистов? / Пер. с англ. Кочергина Е.Н., Гритчина О.В. Харьков: Изд-во «Гуманитарный центр» / 2018. — 404 с.

Дебаты: Коновалов, Сокол, Молчанов, Грудинин. 15 августа. РТС Хакасии [Электронный ресурс] // YouTube 15.08.2023. URL: https://www.youtube.com/watch?v=uibHDIouJI&list=PL_WSYiKBNabYjiVRZYGwMaeIjn1TVhbl-&index=35

Дебаты РАУНД-2: Коновалов, Сокол, Молчанов, Грудинин. 17 августа. Россия 24 [Электронный ресурс] // YouTube 17.08.2023. URL: https://www.youtube.com/watch?v=Uj7Z53xaiyA&list=PL_WSYiKBNabYjiVRZYGwMaeIjn1TVhbl-&index=31

Дебаты РАУНД-3: Коновалов, Сокол, Молчанов, Грудинин. 18 августа. Россия 1 [Электронный ресурс] // YouTube 17.08.2023. URL: https://www.youtube.com/watch?v=gUXiwut7Gg0&list=PL_WSYiKBNabYjiVRZYGwMaeIjn1TVhbl-&index=28

ОСОБЕННОСТИ ИНСТИТУТА ВЫБОРОВ ВЫСШЕГО ДОЛЖНОСТНОГО ЛИЦА СУБЪЕКТА РФ (2012–2023 ГГ.)

Геополитические вызовы и угрозы, цифровизация политических процессов оказывают влияние на трансформацию целого ряда классических политических институтов, включая выборы. Актуализация вопросов региональных электоральных практик в России обусловлена той значимостью, какую играет институт выборов высшего должностного лица субъекта РФ. От особенностей региональной политической и партийной системы, от характера политического режима, от уровня электоральной активности избирателей, от их предпочтений, от субъекта выдвижения кандидата-победителя, от его устойчивости позиции в регионе зависит то, каким образом транслируется генеральная линия государства на уровне субъекта РФ, что обуславливает специфику протекания социально-экономических и политических процессов в нем.

В связи с чем целью настоящей работы стало выявление особенностей института выборов высшего должностного лица субъекта РФ.

Хронологическими рамками исследования был определен период с 2012 по 2023 гг. Нижняя временная граница обусловлена первыми региональными выборами после внесения поправок в избирательное законодательство — Федеральный закон № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации». В 2023 г. состоялись последние выборы руководителя исполнительной власти региона на момент исследования. На основе данных ЦИК РФ было проанализировано 186 случаев. Посредством методики кластеризации удалось сравнить электоральные практики на выборах глав субъектов РФ, выявить модели электорального участия и показать их применимость в отдельных регионах страны.

Как и любой политический институт, особенности региональных выборов складываются под воздействием целого ряда факторов, среди которых выделяются общие правовые условия протекания электоральных практик, персонифицированный характер самих выборов главы региона, особенности трансляции национальных приоритетов в субъектах РФ в области проводимой как внутренней, так и внешней государственной политики. В то же время институт региональных выборов может функционировать под влиянием отличных внутренних факторов, являющихся специфическими для данного конкретного случая, что прямо воздействует на характер избирательного процесса в субъектах страны.

Историко-правовые условия, в рамках которых функционирует институт региональных выборов высшего должностного лица субъекта РФ, являются общими для всех регионов страны. Они заключаются в том, что с 2004 по 2012 г. прямые региональные выборы руководителя высшего исполнительного органа государственной власти в стране не проводились, и практически во всех субъектах РФ электоральные практики возобновились только с 2012 г. с учетом мажоритарной формулы абсолютного большинства подсчета голосов.

Новый период развития института выборов главы региона начался с 2012 г., когда в федеральное избирательное законодательство были внесены поправки по возвращению прямых выборов руководителя высшего исполнительного органа государственной власти субъекта РФ. Однако трансформация института региональных выборов осуществляется под воздействием как старых, так и новых правовых условий. С 2006 г. действует Федеральный закон № 107-ФЗ от 12.07.2006 об отмене формы голосования против всех кандидатов / против всех списков кандидатов, что привело к исключению из избирательных бюллетеней графы «Против всех». Полагаем, что данное обстоятельство влияет на уровень протестного голосования, проявляющийся в количестве числа недействительных бюллетеней. В рамках исследования этот показатель был условно обозначен кандидатом «против всех» и определен критерий для построения матрицы электорального поведения, как соотношение числа недействительных бюллетеней к наименьшему числу голосов, полученных живым кандидатом.

Стоит отметить, что, несмотря на персонифицированный характер выборов по уровню заинтересованности участия в них со стороны избирателей, они отличаются от президентских. Возможно,

это связано еще и с тем, что все региональные выборы в России проходят в единый день голосования в сентябре, что напрямую влияет на уровень электоральной явки в силу сезонности данного периода времени года (завершение дачного сезона, сбор урожая, отъезд студентов к месту учебы и т. п.).

В то же время показателями для сравнения функционирования института выборов высшего должностного лица субъекта РФ по регионам выступили:

- уровень электоральной явки, демонстрирующий степень заинтересованности избирателей к выборам главы региона и, как следствие, к социально-экономическим проблемам и перспективам возможности их решения на уровне субъекта;
- количество зарегистрированных кандидатов по субъекту выдвижения, свидетельствующее об альтернативности института выборов;
- число «традиционных» (к которым были отнесены политические партии, систематически принимающие участие в выборах — «Единая Россия», «Коммунистическая партия РФ», «Либерально-демократическая партия России», «Справедливая Россия» / «Справедливая Россия—Патриоты—За правду») и «нетрадиционных» (партии, время от времени являющиеся субъектами выдвижения кандидатов) политических сил в регионе;
- вес (устойчивость/неустойчивость) позиции кандидата — победителя по субъекту выдвижения в зависимости от числа полученных голосов по мажоритарной формуле абсолютного большинства — «партия власти» (в РФ это «Единая Россия»);
- соотношение числа недействительных бюллетеней к наименьшему количеству голосов отданных за живого кандидата, что показывает уровень протестного потенциала в конкретном субъекте РФ.

Анализ результатов выборов высшего должностного лица субъекта РФ по федеральным округам страны в период с 2012 по 2023 г. показал:

- 1) преобладает средний уровень электоральной активности; при этом самые низкие показатели явки избирателей отмечены в Северо-Западном федеральном округе, средние показатели — Центральном, Уральском и Сибирском федеральных округах. Наиболее высокую явку продемонстрировали избиратели Северо-Кавказского и Приволжского федеральных округов;
- 2) средние значения количества зарегистрированных кандидатов по субъекту выдвижения — 4,60;
- 3) во всех субъектах РФ на региональных выборах число «традиционных» субъектов выдвижения кандидатов превышает количество «нетрадиционных» политических сил, хотя в последнем случае их вес выше среднего (значения больше 50 %) — Центральный, Южный, Северо-Кавказский, Уральский федеральные округа;
- 4) к 2023 г. политическая партия «Единая Россия» укрепила свои позиции во всех федеральных округах, поскольку ее кандидаты выигрывали выборы в первом туре голосования, получив от 51% до 82% голосов избирателей;
- 5) подсчет числа недействительных бюллетеней к наименьшему количеству голосов, отданных за живого кандидата, позволил определить уровень протестного потенциала по федеральным округам страны (рис. 1).

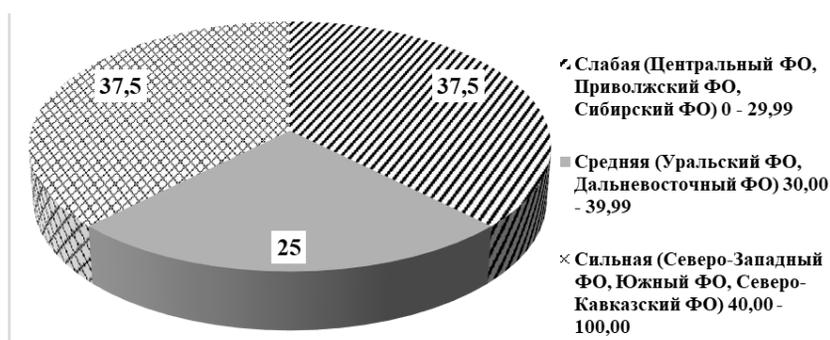

Рис. 1. Позиция «кандидата «против всех»» (в %)

Исходя из полученных данных, были разработаны индикаторы для построения матрицы, позволившие определить модели электорального поведения избирателей на выборах высшего должностного лица субъекта РФ, как устойчивая и динамическая модели электоральных предпочтений (табл. 1).

Таблица 1.

Модели электорального поведения на выборах высшего должностного лица субъекта в регионах России (по федеральным округам)

модель	устойчивая модель электоральных предпочтений			динамическая модель электоральных предпочтений		
	Низкая (0–39 %)	Средняя (40–49 %)	Высокая (50–100 %)	Низкая (0–39 %)	Средняя (40–49 %)	Высокая (50–100 %)
Электоральная явка						
Позиция «партии власти»	Устойчивая позиция (результат голосования > 50%)			Неустойчивая позиция (результат голосования < 50%)		
Число недействительных бюллетеней превышает наименьшее число голосов, полученных живым кандидатом						
Наименьшее число голосов, полученных живым кандидатом, превышает число недействительных бюллетеней	Северо-Западный ФО	Центральный ФО Южный ФО Уральский ФО Сибирский ФО Дальневосточный ФО	Северо-Кавказский ФО Приволжский ФО			

В целом во всех федеральных округах избиратели демонстрировали устойчивую модель электоральных предпочтений с тремя видами модификации по показателям электоральной явки и с преобладанием наименьшего числа голосов, полученных живым кандидатом, над количеством недействительных бюллетеней.

Стоит отметить, что прикладной характер разработанной методики позволяет ее использовать как на уровне субъекта РФ, так и на базе совокупного региона.

В качестве примера авторское исследовательское внимание было обращено к Арктической зоне РФ (АЗ РФ) и к тому, как там функционирует институт выборов высшего должностного лица субъекта РФ.

Выбор Арктики обусловлен геостратегическим характером региона. Она является площадкой представления национальных интересов Российской Федерации в мире, как одной из арктических держав. Ресурсное богатство АЗ РФ, человеческий и культурный капитал определяют практики протекания политических процессов в регионе.

Анализ результатов выборов высшего должностного лица субъекта РФ в Арктической зоне по уровню электоральной активности показал достаточно устойчивый интерес ее жителей к выборам главы, которые носят альтернативный характер (среднее число зарегистрированных кандидатов — 4,60).

Как и в регионах страны, в АЗ РФ на выборах высшего должностного лица субъекта РФ число «традиционных» политических сил преобладает над «нетрадиционными» при устойчивой позиции «Единой России». Отличным выступает очень высокий уровень протестного потенциала районов Российской Арктики, исходя из позиции условно обозначенного кандидата «против всех». В последнем случае это может быть связано с геополитической обстановкой, которая складывается вокруг Арктики в настоящее время.

Таким образом, избиратели Арктической зоны РФ на выборах главы региона демонстрируют устойчивую модель электоральных предпочтений, отличную по уровню электоральной явки и соотношению количества недействительных бюллетеней к наименьшему числу голосов, полученных живым кандидатом (табл. 2).

Таблица 2.

Модели электорального поведения на выборах высшего должностного лица субъекта в регионах России (по Арктической зоне РФ))

модель	устойчивая модель электоральных предпочтений			динамическая модель электоральных предпочтений		
	Низкая (0–39 %)	Средняя (40–49 %)	Высокая (50–100 %)	Низкая (0–39 %)	Средняя (40–49 %)	Высокая (50–100 %)
Электоральная явка						
Позиция «партии власти»	Устойчивая позиция (результат голосования > 50%)			Неустойчивая позиция (результат голосования < 50%)		
Число недействительных бюллетеней превышает наименьшее число голосов, полученных живым кандидатом	Архангельская область Мурманская область Республика Карелия	Республика Коми Красноярский край	Республика Саха (Якутия)			
Наименьшее число голосов, полученных живым кандидатом, превышает число недействительных бюллетеней		Ненецкий автономный округ	Чукотский автономный округ			

В итоге в ходе исследования к особенностям института выборов высшего должностного лица субъекта РФ было отнесено, что они проходят в условиях среднего уровня избирательной явки при устойчивой позиции ведущих политических сил страны, что отражается в устойчивости позиций электоральных предпочтений. Разработанные сравнительные параметры обладают универсальным характером, что позволяет изучать институт региональных выборов применительно к отдельному субъекту РФ или к их группам, объединенных по общим основаниям.

Литература и источники

Федеральный закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) // Гарант.ру. Информационно-правовой портал. URL: <https://base.garant.ru/184566/89300effb84a59912210b23abe10a68f/> (дата обращения: 24.09.2023).

Федеральный закон от 12 июля 2006 г. № 107-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части отмены формы голосования против всех кандидатов (против всех списков кандидатов)» // Гарант.ру. Информационно-правовой портал. URL: <https://base.garant.ru/12148261/> (дата обращения: 27.07.2023).

Указ Президента РФ от 2 мая 2014 г. № 296 «О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) // Гарант.ру. Информационно-правовой портал. URL: <https://base.garant.ru/70647984/> (дата обращения: 29.09.2023).

НЕФОРМАЛЬНЫЕ РЕЛИГИОЗНЫЕ ИНСТИТУТЫ В ДРК КАК ПРЕДИКТОР ВОВЛЕЧЕНИЯ В РАДИКАЛЬНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Африканский континент пронизан разнообразием этнорелигиозных идиом и практик, что нередко ведет к созданию течений политического характера с радикальным паттерном. В рамках классического сценария все начинается с мирных сект под видом афрохристианских церквей, базирующихся на ортодоксальной догматике. Подобных примеров достаточно по всему континенту, однако для обозначения актуальности проблемы следует обратиться к самым последним сводкам из Демократической Республики Конго.

Буквально 30 сентября всю страну всколыхнула новость о задержаниях в городе Гома [10], на востоке ДРК. Причиной стал ряд столкновений между членами секты «Свидетельство силы слова [Божьего]» [3] и военными с республиканской гвардией. Уже 1 сентября Равина Шамандсани, являясь официальным представителем Управления Верховного комиссара ООН по правам человека, доложила [7], что на экстренном брифинге в Женеве сообщили о 43 погибших, 56 раненных и 222 задержанных (включая женщин и детей). Республиканская гвардия и военные совершили ряд нападений на штаб-квартиру и радиостанцию религиозной секты, что стало триггером для беспорядков в регионе. Среди жертв инцидента оказались как силовики, так и демонстранты. Женева в свойственной ей манере реагирует на происходящее, заявляя, что демонстрация — это право народа на волеизъявление, даже если это право направлено против присутствия контингента ООН; запрашивает данные о пострадавших в медучреждениях и задержанных в соответствующих ведомствах. Словом, делает все, что в силах международной организации, для составления отчетов.

«Свидетельство силы слова [Божьего]», или как адепты называют свое сообщество «Естественная иудейская и мессианская вера, обращенная к народам» — это секта, получившая свое распространение на востоке ДРК. Пастор (*он же пророк*) Эфраим Бесимва был также задержан с остальными участниками демонстрации. Имея в арсенале станцию радиовещания, секта постепенно приобретала все шансы радикализировать местное население. Печальный опыт геноцида в Руанде [5], общепризнанным инструментом которого послужило радио «тысячи холмов» [6] доказывает, что подобные эфиры склонны напрямую влиять на сознание своей аудитории. Секта «Свидетельство силы слова» открыто выступает против иностранного военного присутствия на востоке Конго — в первую очередь против контингента миссии ООН в ДРК (МОНУСКО) [8]. Вторым антагонистом на своем пути секта видит присутствующие в регионе силы Африканского сообщества (EACRF) [2], которые призваны противостоять повстанцам из движения «M23» [8]. Местные СМИ отмечают, что секта пыталась воздействовать на экзальтированную молодежь и призвала к борьбе за «настоящую независимость».

Надо отметить, что восточный регион ДРК уже давно испытывает перманентный системный кризис во всех аспектах безопасности. История помнит примеры религиозных сект, ставших боевым крылом отдельных политических акторов, или даже прокси-силами разных стран. Так, уместно вспомнить отряд Джозефа Кони с его «Господней Армией сопротивления» [4]. Изначально, группировка является Угандийской, однако надо отметить, что отряд Джозефа Кони уже много лет успешно существует и действует на границе ДРК, Уганды и Судана.

Причудливая эклектика из парахристианского мистицизма, протестантизма и традиционной обрядности Ачولي, даровали молодым адептам понимание мира как «нечистого». На этой тропе войны противниками и союзниками становились не только люди, но и сама природа, животные и растения. Для того, чтобы воспитать воина чистым, требовалось *Tábula gása* сознание, которое может иметь только ребенок, пока он не подвергся влиянию нечистого мира. Основная концепция вербовки новых комбатантов исходила из похищения детей и подростков, которые впоследствии грамотно настраивались под ту космогонию и концепцию мироздания, которую проповедовал Кони. Подобного рода радикальное манихейство рождало вполне понятную неопитам идею о том, что все, что выстроено за пределами их общности — есть непримиримое зло, и должно быть низвергнуто. Методы оправдывали цели, и жестокие боины учинялись и учиняются по сей день. Депривационные воспитание

молодых бойцов культивирует в них жестокость и радикализм. Впоследствии группировка выступала прокси-формированием Омар аль-Башира в борьбе с сепаратистами на юге Судана. Посольство США в ДРК объявило награду в 5 млн долл. за достоверные данные о нахождении Кони и его сообщников [9].

На сегодняшний день борьба с угрозой религиозного экстремизма — это одно из приоритетных направлений Национального разведывательного агентства (ANR), которое занимается обеспечением национальной безопасности. Социальная и политическая беспомощность порождает определенный вакуум в общественном сознании, который рискует заполниться квазиполитическими конструкциями, продиктованными нездоровым религиозным синкретизмом, что рискует культивировать новых сторонников радикальных взглядов. Для правительств большинства африканских стран этот сегмент проблем схож. Универсального подхода пока не существует, и каждое государство разрабатывает свои методики предупреждения радикализации общества.

Говоря о сектах, подчеркнем, что объективный дефицит религиозных знаний в массах допускает возможность многовекторного развития переходных процессов к обществу, способному к компаративистике и анализу, что может снизить рост радикальных течений и взглядов. Для этого необходимо разработать набор социологических метрик, дающих возможность отследить понижение активности политизированных сект на фоне интенсивного просвещения и образования масс населения. Семинары или стратегические совещания, посвященные мерам противодействия терроризму, с участием высокопоставленных правительственных чиновников, выполняющих консультативные функции или осуществляющих надзор за инициативами по реформированию сектора безопасности, также могли бы стать инструментом для переосмысления проблемы.

Литература и источники

EAC force to investigate alleged M23 massacre in eastern DRC // Africa news agency. (2023). Доступ: <https://www.africanews.com/2023/07/17/eac-force-to-investigate-alleged-m23-massacre-in-eastern-drc/>

EACRF Commanders meet to evaluate DRC operations // The eagle online news agency. (2023). Доступ: <https://eagle.co.ug/2023/07/19/eacrf-commanders-meet-to-evaluate-drc-operations.html>

Ilunga P. Kinshasa blames “radical” groups for violence against peacekeepers // Nation news agency. (2023). Доступ: <https://nation.africa/africa/news/kinshasa-blames-radical-groups-for-violence-peacekeepers-4355566>

Mawunyo Hermann Boko. Uganda: Joseph Kony, the one that got away // The Africa report. (2023). Доступ: <https://www.theafricareport.com/272498/uganda-joseph-kony-the-one-that-got-away/>

Outreach Programme on the 1994 Genocide Against the Tutsi in Rwanda and the United Nations // The United Nations. Доступ: <https://www.un.org/en/preventgenocide/rwanda/historical-background.shtml>

Rwanda genocide: 100 days of slaughter // BBC News. (2019). Доступ: <https://www.bbc.com/news/world-africa-26875506>

Shamdasani R. Press Briefing by the United Nations Information Service // The UN office in Geneva. (2023). Доступ: <https://www.ungeneva.org/en/news-media/bi-weekly-briefing/2023/09/press-briefing-united-nations-information-service>

United Nations Organization Stabilization Mission in the DR Congo // The United Nations. Доступ: <https://monusco.unmissions.org/en>

U.S. Embassy in Bangui. United States Announces \$5 Million Reward for Joseph Kony // U.S. Embassy in Central African Republic. Доступ: <https://cf.usembassy.gov/united-states-announces-5-million-reward-for-joseph-kony/#:~:text=The%20U.S.%20government%20announces%20a,against%20humanity%20and%20war%20crimes>

48 killed in East DR Congo anti-UN rally crackdown // The East African News Agency. (2023). Доступ: <https://www.theeastafican.co.ke/tea/news/east-africa/48-killed-in-east-dr-congo-anti-un-rally-crackdown-4354724>

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ И НЕИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ПОЛИТИЧЕСКОГО КРИЗИСА ВТОРОЙ ЮГОСЛАВИИ

Первой *causa efficiens* дезинтеграционных тенденций в СФРЮ стали вызванные институциональным дизайном внутренние противоречия. Попытки обеспечения стабильности СФРЮ путем системного национального строительства в республиках не всегда оказывались удачными. Так, в конце 60-х — начале 70-х гг. XX в. серьезным испытанием для федерации стала так называемая «хорватская весна». Развившаяся на основе публикации «Декларации о статусе и названии хорватского стандартного языка» 1967 г. активность быстро вышла за пределы дискуссии о статусе сербских и хорватских норм в сербскохорватском языке и привела к массовым протестам под политическими лозунгами. Подавление «хорватской весны» проводилось силами Милиции СФРЮ и способствовало серьезным кадровым перестановкам в Социалистической Хорватии. Только по официальным данным Союза коммунистов Хорватии в 1972–1973 гг. из партии были исключены более 12 400 членов (Руднева, 2014, 288).

В целом результативность использовавшегося для управления национальными отношениями в СФРЮ метода «кнута и пряника» следует признать лишь отчасти удовлетворительной. СФРЮ отличалась от других стран социалистического лагеря сравнительно мягким характером преследования политических оппонентов и диссидентов, многие из которых (например, М. Джилас, А. Изетбегович, Ф. Туджман, В. Шешель и др.) не утрачивали, а усиливали свои неформальные позиции благодаря действиям властей. Кроме того, действия СФРЮ эффективно не затрагивали диаспоры в других государствах, в которых были распространены антиюгославские настроения, что особенно значимо для понимания специфики возникновения хорватского и мусульманского «новых национальных движений».

В дополнение к этому, рассматривая институциональный дизайн и административно-территориальное устройство СФРЮ после 1974 г., современные исследователи сходятся во мнении, что конституционная реформа усилила конфедеративные черты Второй Югославии, в результате чего «республики и края начали превращаться в самостоятельные замкнутые общественно-экономические образования» (Югославия..., 2011, 736), т. е. институциональным путем был усилен государственный компонент социалистических республик как потенциальных национальных государств. Смерть И.Б. Тито в 1980 г. и последовавшая за ней деперсонализация СФРЮ как государства способствовали росту политической субъектности на региональном уровне: Президиум СФРЮ все более становился местом отстаивания региональных интересов.

Негативные последствия, несомненно, имела и незавершенность перехода СФРЮ к рыночной экономике, ее неоднородное развитие и фактическое истощение к середине — второй половине 1980-х гг. (Демократические революции..., 2009, 64–65; Югославия..., 2011, 744–745). Экономика была второй основной *causa efficiens* дезинтеграционных тенденций в СФРЮ в силу того, что в ней, как в слабой федерации, усиливалось противоречие между наиболее развитыми регионами — социалистическими Словенией, Хорватией и Сербией (без Косова) — и внутренней югославской периферией в виде социалистических же Боснии и Герцеговины, Македонии, Черногории и особенно Косова. Фактически в наиболее перспективных с экономической точки зрения социалистических республиках складывались предпосылки для перехода к полноценно рыночным отношениям, но каких-либо политических изменений для этого не предпринималось, и решение проблемы «перезревало».

Особенно рельефно данная проблема воспринималась в социалистической Словении. Знаковый словенский политик, глава коалиции оппозиционных политических партий ДЕМОС, победившей на первых демократических парламентских выборах в 1990 г., Й. Пучник впоследствии отмечал: «Словения была наиболее развитой в экономическом плане республикой Югославии. Имея лишь 8,5 % от общей численности населения, она производила от 16 до 18 % югославского ВВП, обеспечивала 20–24 % экспорта и 20 % бюджета Югославии. При планировании и распределении инвестиций из федерального бюджета <...> постоянно возникали конфликты. Несправедливое распределение

общих средств вызывало среди населения Словении серьезное недовольство. Ввиду отсутствия точных данных <...> дело доходило иногда до преувеличений и шовинистических оценок» (Пучник, 2010, 462–463).

Третьей основной *causa efficiens* дезинтеграционных тенденций в СФРЮ и фактическим катализатором распада Второй Югославии стала попытка решения «косовского вопроса» со стороны Социалистической Сербии и сопутствовавшие этому действия.

С одной стороны, институциональное обособление социалистических автономных краев Косова и Воеводины относительно Социалистической Сербии не позволяло существенно укреплять политические позиции Белграда. С другой стороны, результаты последней достоверной переписи населения СФРЮ 1981 г. свидетельствовали о том, что сербское население края представляло собой заметное меньшинство (> 10 % в одной общине, > 15 % в четырех общинах, > 20 % в четырех общинах, > 80 % в 1 общине; итого: 10 из 22 общин) в условиях общего численного преобладания албанского населения (> 50 % в десяти общинах, > 75 % в трех общинах, > 90 % в восьми общинах; итого: 21 из 22 общин). Этнический/национальный состав населения края был примечателен и отсутствием распространения югославской идентичности, и минимальным числом смешанных браков.

Несмотря на предпринятые усилия, социально-экономическая ситуация в крае оставалась проблемной, вследствие чего весной 1981 г. в нем прошли массовые демонстрации албанского населения под лозунгами «Мы хотим Республику Косово», «Мы албанцы, а не югославы», «Косово для косоваров» и др., которые были подавлены силами специальных подразделений Милиции СФРЮ из других регионов (Зундхауссен, 2010, 517).

В целом с 1985 г. наблюдались рост и радикализация общественной активности, призванной обратить внимание руководства Социалистической Сербии на характер ситуации в крае. Весной 1985 г. внимание СМИ Социалистической Сербии было обращено на случай предполагаемого сексуального насилия албанцев над сербом в общине Гнилане. В составленной в октябре 1985 г. и имевшей отчетливо антиалбанский характер «Петиции граждан Косова и Метохии с требованием к власти обратить внимание на бедственное положение славянского населения в Автономном крае» ситуация характеризовалась как геноцид сербского народа (см.: Петиция..., 2013, 371–373). В 1985–1986 гг. имели место и иные инициативы данной направленности, но наиболее резонансной из них стала публикация в сентябре 1986 г. белградской газетой «Вечерние новости» фрагментов «Меморандума Сербской академии наук и искусств об актуальных общественных вопросах Югославии в 1986 году» (см.: Из Меморандума..., 2015, 743–771). Данный «Меморандум...» носил отчетливо антисистемный характер, сообщая о фактическом разделении Сербии и притеснении сербского населения в СФРЮ, и особенно в Социалистическом автономном крае Косове. Вывод авторов «Меморандума...» по «косовскому вопросу» состоял в следующем: «Судьба Косова остается жизненным вопросом всего сербского народа. Если он не будет разрешен справедливым исходом навязанной войны, если все проживающие в Косове и Метохии народы не получают истинную безопасность и недвусмысленное равноправие, если не будут созданы объективные и стабильные условия для возвращения выселенного народа, то эта часть Республики Сербии и Югославии станет европейской проблемой с тяжелейшими, невообразимыми последствиями».

Несмотря на то, что сделанные в «Меморандуме...» выводы были подвергнуты серьезной критике, последовавшие после публикации его фрагментов дискуссии и оценки свидетельствовали об отчетливых сдвигах в общественном восприятии «косовского вопроса» в Социалистической Сербии, который все более начинал восприниматься в качестве актуального на республиканском (т. е. собственно сербском), а не на федеральном уровне. Данные сдвиги достаточно быстро проявились и в официальной позиции Белграда — так, в апреле 1987 г. новый председатель Президиума ЦК Союза коммунистов Сербии С. Милошевич (избранный на пост в мае 1986 г.) посетил митинги в Социалистическом автономном крае Косове, на которых открыто выступил с поддержкой местного сербского населения. Фраза «Никто не имеет права вас бить!», сказанная С. Милошевичем 24 апреля 1987 г. в Косово-Поле, стала крылатой. Официальное признание существования «косовского вопроса» и поиск путей его разрешения стали сильным инструментом консолидации общественного мнения сербского населения и одновременно отчетливо обострили отношения внутри самой СФРЮ.

В июне 1988 г. был опубликован проект новой конституции Социалистической Сербии, в соответствии с которым существенно менялся статус социалистических автономных краев. В период с июня по ноябрь 1988 г. в Социалистической Черногории, Воеводине и Косове проходили массовые организованные протестные акции сербского населения, приведшие в итоге к смене власти во всех указанных регионах. К концу марта 1989 г. поправки к конституциям социалистических автономных краев и Социалистической Сербии были приняты соответствующими скупщинами. Из названий краев было убрано слово «социалистический», края «теряли атрибуты государственности (полученные ими по Конституции 1974 г.) и вновь становились лишь территориальными автономиями» (Югославия..., 2011, 752).

Апогеем общественно-политической активности по «косовскому вопросу» стали памятные события в честь 600-летия битвы на Косовом поле, в подготовке и проведении которых в том числе приняли участие Сербская православная церковь и Союз писателей Сербии. Сербский писатель М. Беткович оставил характерный для того времени текст: «В день 600-летней годовщины битвы на Косовом поле мы провозглашаем, что Косово — это Сербия, и этот факт не зависит ни от албанской рождаемости, ни от сербской смертности. Там пролито столько сербской крови и находится столько священных реликвий, что Косово будет Сербией, даже если там не останется ни одного серба» (Зундхауссен, 2010, 529).

В контексте рассмотренных тенденций к концу 80-х гг. XX в. в СФРЮ развился глубокий политический кризис, связанный с тем, что половина членов Президиума СФРЮ (от социалистических Сербии и Черногории, автономных краев Воеводины и Косова и Метохии) фактически стала представлять сербские интересы в главном федеральном органе государственной власти. Институциональный дизайн СФРЮ более не обеспечивал согласования интересов федерации и ее субъектов. Направленные на «восстановление исторической справедливости» односторонние действия Белграда вызвали решительное неприятие в остальных республиках и способствовали росту в них конфедералистских и национально-ориентированных сепаратистских настроений.

Литература и источники

Демократические революции в Центральной и Восточной Европе: десять лет спустя // Трансформации на постсоциалистическом пространстве / отв. ред. С.П. Глинкина; сост. И.И. Орлик. — СПб., 2009. — С. 51—67.

Зундхауссен Х. Сербский национализм. 1985–1995 годы / Х. Зундхауссен // Национализм в поздне- и посткоммунистической Европе: в 3 т. / под общ. ред. Э. Яна. — Т. 2: Национализм в национальных государствах. — М., 2010. — С. 507—539.

Из Меморандума Сербской академии наук и искусств (САНУ) об актуальных общественных вопросах Югославии в 1986 году (Сентябрь 1986 г., Белград) // Анатомия конфликтов. Центральная и Юго-Восточная Европа: документы и материалы последней трети XX века. Т. II. Вторая половина 1980-х — начало 1990-х годов. — СПб., 2015. — С. 743—771.

Петиция граждан Косова и Метохии с требованием к власти обратить внимание на бедственное положение славянского населения в Автономном крае (октябрь 1985 г., Приштина — Белград) // Протестные движения в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Конец 1960-х — 1980-е гг. Хрестоматия. — М., 2013. — С. 371—373.

Пучник Й. Словения: путь к национальному государству / Й. Пучник // Национализм в поздне- и посткоммунистической Европе: в 3 т. / под общ. ред. Э. Яна. — Т. 2: Национализм в национальных государствах. — М., 2010. — С. 456—479.

Руднева И.В. Хорватское национальное движение в конце 1960-х — начале 1970-х годов / И.В. Руднева. — М.: Институт славяноведения РАН; СПб.: Нестор-История, 2014. — 332 с.

Югославия в XX веке: Очерки политической истории / Отв. ред. К.В. Никифоров. — М.: «Индрик», 2011. — 888 с.

«ЛЮДИЧЕСКАЯ ГЕОПОЛИТИКА»: ПРОИЗВОДСТВО ГЕОПОЛИТИКИ В НАСТОЛЬНЫХ РОЛЕВЫХ ИГРАХ

Геополитика является не только областью внешнеполитической деятельности, но и повседневной, бытовой. Этот тезис берут на вооружение английские ученые Дж. Диттмер и К. Доддс (2008), фокусируясь на том, как геополитическое знание становится повседневной практикой и посредством потребления популярной культуры, в первую очередь кино, а также комиксов и видеоигр. Геополитика, таким образом, «одомашнивается», нарушая границу между публичным и приватным, приводя к нормализации войны и политики в детской игре. В рамках изучения влияние повседневных практик на национальную идентичность классической работой является «Банальный национализм» Майкла Биллига (1995).

Частным подходом в рамках популярной геополитики является «людическая геополитика», посвященная тому, как внешняя политика и война вовлекаются в детский игровой опыт. Этому вопросу посвящены работы Тары Вудьер и соавторов (Woodyer, Martin, Carter, 2015; Woodyer, 2012; Woodyer, 2018), опирающихся на классическую работу Хейзинги (2015). Изучают взаимосвязь геополитики, политики памяти, символической политики и (компьютерных) игр и отечественные авторы (Белов, 2020; Беляев, Кутоманов, Резник, 2021; Федорченко, 2020).

Главными причинами «одомашнивания» геополитики в XX в. стали, во-первых, удешевление производства игрушечных солдатиков, что вывело его из ниши аристократического хобби и сделало массовым, и, во-вторых, радикализация дискурса о внешней безопасности, вызванного холодной войной.

Интересный объект изучения — настольные ролевые игры (включая варгеймы с миниатюрами), которые 1) воспроизводят типовую модель игрового взаимодействия; 2) являются не только детскими, но и молодежными; 3) отличаются от компьютерных игр большей свободой в создании нарратива в ходе игры.

Настольные ролевые игры участвуют в дискурсивной борьбе за политический порядок с помощью производства геополитических нарративов в книгах игровых правил, сопутствующей литературы и игровых материалов третьих сторон и исполнения их в трансформирующем игровом опыте на игровых турнирах.

Литература и источники

Белов С.И., Кретова А.А. Компьютерные игры как ресурс реализации политики памяти: практический опыт и скрытые возможности (на материалах позиционирования событий Великой Отечественной войны) // Вестник МГОУ. Серия: История и политические науки. 2020. № 1.

Беляев Д.А., Кутоманов С.А., Резник С.В. Стратегии пропаганды в видеоиграх: практики и актуальные темы // НОМОТНЕТІКА: Философия. Социология. Право. 2021. № 3.

Федорченко С.Н. Интерпретация событий Великой Отечественной войны в компьютерных играх: риски и перспективы легитимации режима через политику памяти // Постсоветские исследования. 2020. № 5.

Хейзинга Й. Человек играющий. СПб., 2015.

Billig M. Banal Nationalism. Sage, 2015.

Dittmer J., Dodds K. Popular Geopolitics Past and Future: Fandom, Identities and Audiences. Geopolitics 13, no. 3, 2008.

Woodyer, T., Martin D., Carter. S. "Ludic Geographies." In Play, Recreation, Health and WellBeing. Singapore: Springer, 2015.

Woodyer, Tara. "Ludic Geographies: Not Merely Child's Play." Geography Compass 6, no. 6, 2012.

Woodyer, Tara, and Sean Carter. "Domesticating the Geopolitical: Rethinking Popular Geopolitics through Play." Geopolitics 25, no. 5, 2018.

*А.В. Селезнева (Москва),**А.Х. Томаев (Москва)*

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ МОЛОДЕЖНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЛИДЕРОВ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В рамках настоящего исследования молодежным политическим лидером мы называем активного субъекта молодежной политики, обладающего определенными выраженными личностно-профессиональными качествами, социальным капиталом и ресурсами влияния, выстраивающего карьеру в сфере публичной политики или государственного управления и воспринимаемого молодежью как представителя ее интересов. Возможности формирования и развития молодежных политических лидеров в нашей стране определяются, во-первых, институциональными особенностями молодежной политики как сферы происхождения и профессионального становления молодежных лидеров, а во-вторых, особенностями системы их рекрутирования во власть.

Институциональная среда молодежной политики в нашей стране является крайне неоднородной: ее институты очень различаются между собой в количественном и качественном отношении и развиваются неравномерно. Ее можно представить совокупностью двух групп институтов — государственных и общественных, политических и неполитических, молодежных и немолодежных организаций и структур, которые не просто реализуют молодежную политику и работают с молодежью, но и создают возможности для развития ее лидерского потенциала и формирования молодежных лидеров. Первую группу институтов молодежной политики составляют государственные и общественные учреждения и организации, традиционно осуществляющие работу с молодежью. Это традиционные акторы молодежной политики и работы с молодежью: учреждения для молодежи (дворцы, дома, центры), общественные организации и объединения — как собственно молодежные, так и иного профиля (благотворительные, экологические, образовательные, спортивные и пр.), вовлекающие в свою деятельность представителей молодежи и способствующие таким образом развитию их лидерского потенциала.

Вторую группу институтов молодежной политики, которые играют существенную роль в формировании и развитии молодежных политических лидеров, составляют «молодежные версии» государственных институтов и институтов гражданского общества, т. е. «проекции» государственных институтов и институтов гражданского общества на молодежную среду. Это молодежные парламенты, молодежные правительства, молодежные избирательные комиссии, молодежные отделения политических партий, молодежные общественные советы при органах исполнительной власти федерального и регионального уровней, молодежные советы/парламенты/палаты при муниципальных органах власти, молодежные общественные палаты, молодежные отделения землячеств, молодежные отделения профессиональных объединений, молодежные советы при профсоюзных организациях, молодежные советы при омбудсменах. Они не являются классическими акторами молодежной политики, поскольку стали активно появляться и развиваться в нашей стране в последние два десятилетия, а их деятельность носит не всегда системный, а зачастую имитационный характер.

Основными каналами рекрутирования молодежных политических лидеров являются политические партии и их молодежные отделения, молодежные движения и организации политической и неполитической направленности федерального и регионального уровней, молодежные общественные институты, осуществляющие представительные и консультативные функции при органах государственной власти (молодежные парламенты, молодежные правительства, молодежные общественные палаты, молодежные избирательные комиссии и пр.), органы государственной и муниципальной власти (бюрократический аппарат).

Молодежные политические лидеры в основном являются «выходцами» из молодежных парламентов и молодежных отделений политических партий. Политическая партия все еще остается актуальным каналом рекрутирования молодежных лидеров в политику, и наличие партийной принадлежности характерно для них. Этим, в том числе, объясняется то, что в качестве инструмента рекрутирования в политику многие молодежные политические лидеры используют выборы.

В качестве квазиканалов рекрутирования молодежных политических лидеров выступают лидерские конкурсы, которые активно развиваются в России в настоящее время. Они могут быть разделены на четыре категории: региональные управленческие кадровые, федеральные управленческие кадровые, региональные партийные кадровые и федеральные партийные кадровые. Наиболее распространены среди молодежных политических лидеров федеральные управленческие кадровые конкурсы.

Таким образом, можно заключить, что в современной России существуют значительные институциональные возможности формирования и развития молодежных политических лидеров. При этом важно отметить недостаточную сопряженность институтов молодежной политики с каналами рекрутирования молодежи в политику, что в совокупности с большим количеством неформальных практик и сложившимися политическими традициями значительно осложняет построение политических карьер молодежных лидеров.

Литература и источники

Селезнева А.В., Томаев А.Х., Хаткевич А.А. Молодежное политическое лидерство в институциональном изменении: среда формирования и особенности развития // Государственное управление. Электронный вестник (Электронный журнал). 2023. № 98. С. 123–137.

Палитай И.С., Сокрюкин А.В. Формирование молодежных политических лидеров в современной России: проблемы и возможности // Южнороссийский журнал социальных наук. 2023. Т. 24, № 1. С. 6–16.

Томаев А.Х. Конкурсы как инструменты рекрутирования молодежных политических лидеров в современной России // Вопросы политологии. 2023. Том 13. № 4 (92). С. 1600-1611.

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ОБЩЕРОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Исследование выполнено в рамках реализации гранта ЭИСИ в 2023 г. «Государственная политика идентичности в условиях современных геополитических вызовов» № 123091200068-4.

Современный этап формирования общегражданской идентичности протекает в условиях внешне-неполитической турбулентности и обострившегося геополитического противостояния, что актуализирует важность консолидации общества. Устойчивое развитие общероссийской идентичности будет не только способствовать укреплению национального единства россиян, но и потенциально нивелировать риски возникновения социальной напряженности и обеспечивать стабильное функционирование политической системы.

Процесс формирования и развития национальной идентичности у российского общества происходит в определенной институциональной среде — под влиянием социальных, политических, культурных норм, ценностей, практик, а также под воздействием соответствующих структур и институтов. В рамках данной работы автором предпринимается попытка проанализировать особенности институционализации государственной политики идентичности на данном этапе.

Термин «политика идентичности» в современной политической науке зачастую рассматривается с позиции социального конструктивизма — как проводимый государством политический курс, направленный на формирование, видоизменение или поддержание общегражданской идентичности (Попова, 2019, 757–772). Многие российские авторы отмечают значительную роль государства как актора в конструировании национальной идентичности (Абрадова, 2022; Авксентьев и др., 2022). Одним из факторов, объясняющих это влияние, выступает широкий доступ у представителей власти к различным источникам влияния на публичный дискурс для трансляции определенных нарративов (Ачкасов, 2018, 19–26). Такими источниками могут выступать, к примеру, институты системы образования, средств массовой информации, бюрократические структуры и т. д.

Н.В. Гришин отмечает, что в отношении государственной политики идентичности можно выделить следующие основные направления: образовательная деятельность в учебных заведениях, проведение мероприятий и создание объектов культуры, направленных на формирование у граждан определенных ценностных установок, административная деятельность и подготовка активистов (Гришин, 2020, 235).

Следует отметить, что российская государственная политика в сфере конструирования идентичности за последние годы претерпела определенные изменения и обрела особый статус, во многом благодаря именно административной деятельности. Представляется необходимым более детально рассмотреть политико-правовую институционализацию данной сферы государственного управления.

Для начала рассмотрим «Стратегию государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» (Указ Президента РФ № 1666 от 19.12.2012 (ред. от 06.12.2018) «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года»). Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_139350/. Изначально данный документ устанавливал важность ориентации на укрепление гражданского самосознания и духовного единства многонационального народа Российской Федерации. Однако нельзя не отметить, что в редакции от 2018 г. появилось положение о системообразующей роли русского народа (вместо «ведущей роли» в версии от 2012 г.), а также декларируется наличие единой русской культурной доминанты как основы общероссийской идентичности — данные изменения указывают на стремление к социокультурной консолидации (Тишков, 2018).

Сравнение версий «Стратегии национальной безопасности» (Указ Президента РФ № 683 от 31.12.2015 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»). Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71196054/?ysclid=lihvdcl7799283104>; Указ Президента

РФ № 400 от 02.07.2021 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/401325792/?ysclid=lihvdss1xd996688358>) от 2015 и 2021 гг. также позволяет сделать вывод о том, что за прошедший период актуализировался вопрос формирования общероссийской идентичности для государства. Ее основой, согласно тексту документа, должны выступать историческая память и культура народов РФ и традиционные ценности. «Концепция внешней политики» (Указ Президента Российской Федерации № 229 от 31.03.2023 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации»). Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/1301132723?marker=6520IM>) в версии от 2023 г. также апеллирует к общероссийской идентичности, акцентируя внимание на том, что реализация соответствующей политики должна строиться не только на развитии национально-культурной консолидации в границах РФ, но и на поддержке ее среди соотечественников за рубежом. Отдельно подчеркивается необходимость грамотной информационной политики, транслирующей иностранной аудитории корректную информацию о роли России в международных отношениях и популяризирующей русский язык и культуру за рубежом. В этом контексте можно также упомянуть проект по созданию международной организации по русскому языку под эгидой СНГ.

Одним из наиболее важных этапов правового развития национально-гражданской идентичности является ее закрепление в Конституции Российской Федерации в 2020 г. Принятие советующих поправок официально закрепило понятие «идентичность» в основной закон государства, указывая в 69-й статье, что Россия стремится к «сохранению общероссийской культурной идентичности» (Конституция Российской Федерации, принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе Общероссийского голосования 01.07.2020. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/?ysclid=lihr1a2uc8828015243). Также в 67-й статье в новой версии добавлены пункты, декларирующие важность защиты культурной самобытности и государственного единства, опирающегося на историческую память и «память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога». Обозначенные изменения можно охарактеризовать как конституционно-правовую институционализацию российской государственной политики идентичности (Виноградова, 2020, 22–24).

Можно отметить, что в формировании общероссийской идентичности особое значение приобретают традиционные ценности, образуя определенную триаду — «духовно-нравственные ценности» — «общероссийская гражданская идентичность» — «гражданское единство» (Горлова, 2023, 8). А.В. Баранов отмечает, что на современном этапе в реализации государственной политики идентичности большой акцент делается на формировании у граждан чувства патриотизма, гордости за свою страну и свой народ посредством апелляции к историческим символам, подвигам и достижениям России (Баранов, 2023, 21).

Однако помимо политико-административных преобразований, оказывающих влияние на государственную политику в сфере конструирования идентичности, в этом отношении следует отметить роль системы образования. Именно данный институт оказывает крайне значимое влияние на реализацию выше обозначенной политики, поскольку позволяет транслировать определенные аксиологические нарративы детям и подросткам, формируя в них чувство патриотизма, интереса к собственной истории и культуре и нейтрализуя потенциально негативное влияние деструктивных ценностей установок, навязанных западной культурой.

В рамках образовательной политики за последнее время были реализованы многие инициативы для развития гражданского единства и популяризации российских духовно-нравственных ценностей. Так, следует упомянуть разработку курсов «Основы духовно-нравственной культуры народов России» для 5-х классов общеобразовательных учреждений, «Основы российской государственности» для высших учебных заведений, введение единого учебника истории для старшей школы, а также популяризацию общественно-государственного движения для молодежи «Движение первых» и движения «Орлята России» для учеников младшей школы. Перечисленные проекты направлены на укрепление гражданского единства и консолидацию общества вокруг общих ценностей, национальной истории и культуры. Однако перечисленные инициативы также нуждаются в аналитическом осмыслении с точки зрения эффективности формирования общегражданской идентичности у детей и подростков.

В целом можно отметить, что на современном этапе государственная политика идентичности существенно видоизменяется, в ее реализации уделяется внимание в первую очередь идее общегражданской идентичности, ее развитию, сохранению и защите. В условиях геополитического противостояния возрастает актуальность сбалансированной политики формирования национальной идентичности для обеспечения государственного суверенитета. В связи с данным обстоятельством требует пересмотра и оценки эффективности набор существующих инструментов и деятельность различных структур, институтов по конструированию и сохранению идентичности.

Литература и источники

Абрадова Е.С. Влияние национально-государственной идентичности на социально-политическую стабильность российского общества: обзор актуальных исследований отечественных авторов // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета, 12(6). 2022. С. 25–32.

Авксентьев В.А., Аксюмов Б.В., Гриценко Г.Д., Иванова С.Ю., Шульга М.М. Общероссийская идентичность на Северном Кавказе: опыт экспертной оценки // Вестник Пермского университета. Политология. 2022. Т. 16. № 1. С. 115–124.

Ачкасов В.А. Национальная идентичность как исторический нарратив // Управленческое консультирование. 2018. № 10 (118). С. 19–26.

Баранов А.В. Социокультурная интеграция российского общества под влиянием Украинского кризиса 2013–2022 гг. и задачи политики идентичности // Управленческое консультирование. 2023. № 1 (169). С. 10–23.

Виноградова Е.В., Раттур М.В. Общероссийская идентичность как конституционная ценность в конституционных поправках 2020 года // Право и государство: теория и практика. 2020. № 4 (184). С. 22–24.

Горлова И.И., Зорин А.Л. Формирование и укрепление общероссийской идентичности и гражданского единства как приоритетные направления современной государственной политики Российской Федерации // Социально-гуманитарные знания. 2023. № 2. С. 5–9.

Гришин Н.В. Государственная политика идентичности: новая ставка в политической борьбе? // Вестн. Том. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2020. № 55. С. 231–239.

Попова О.В. Модели и технологии формирования политики идентичности в «новых» государствах // Социальные изменения в глобальном мире. Шестая международная научная конференция: сборник материалов. Штип: Гоце Делчев. 2019. С. 757–772.

Тишков В.А. Концептуальная динамика этнополитики в России (от Горбачёва до Путина) // Вестник российской нации. 2018. № 6. С. 9–30.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ АРКТИЧЕСКОГО РЕГИОНА В КОНТЕКСТЕ УКРАИНСКОГО КРИЗИСА

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Немецкого научно-исследовательского сообщества в рамках научного проекта № 21-514-12001.

До начала специальной военной операции (СВО) России на Украине международные институты в арктическом регионе развивались достаточно динамично. Даже начало первого этапа украинского кризиса в 2014 г. не сказалось на деятельности этих учреждений. Среди участников арктической политики преобладала точка зрения, заключающаяся в том, что Арктика как уникальный регион должна быть «вынесена за скобки» ухудшившихся отношений между Россией и «коллективным Западом». Однако с началом СВО позиция западных стран резко поменялась, и они взяли курс на конфронтацию с Россией и ее изоляцию в Арктике, включая различные региональные институты. Как же происходило институциональное развитие региона в условиях глобального противостояния между Россией и «коллективным Западом»?

Среди региональных институтов наиболее влиятельным является *Арктический совет (АС)*. Совет межправительственный региональный форум, созданный по инициативе Канады в 1996 г. Следует подчеркнуть, что АС не является в формальном смысле международной межправительственной организацией, имеющей право принимать обязательные решения и требовать от своих членов их неукоснительного исполнения. АС — это, прежде всего, дискуссионный форум, в рамках которого обсуждаются актуальные проблемы развития арктического региона и могут приниматься рекомендации членам Совета, хотя и не имеющие обязательной силы.

Членами АС являются пять прибрежных арктических государств (Россия, Дания, Норвегия, США и Канада) и три приарктические страны (Исландия, Финляндия, Швеция). Основные направления деятельности АС включают: устранение загрязнения Арктики; осуществление экологических мониторинга и оценки; сохранение арктической флоры и фауны; предотвращение, готовность и ликвидация чрезвычайных ситуаций; защита арктической морской среды; устойчивое развитие Арктики.

До начала украинского кризиса в 2014 г. Москва выступала за превращение АС в полноценную международную организацию и включение в сферу его интересов обсуждения вопросов безопасности. Однако с началом этого кризиса Россия поменяла свою позицию, решив не настаивать на изменении статуса Совета и расширении его полномочий. По ее мнению, АС должен был сохранить его традиционную роль форума для обсуждения и решения проблем «мягкой» безопасности — социально-экономических проблем, изменения климата, экологии, коренных народов, обеспечения безопасной навигации по морским маршрутам, научного сотрудничества и пр.

На решение этих задач в значительной степени было направлена работа Арктического совета во время председательства в нем России в 2021–2023 гг. Однако с началом СВО западные арктические государства решили бойкотировать российское председательство и свернуть все программы сотрудничества с Москвой в рамках Совета. Работа АС продолжается в «урезанном» составе, без участия России. Это в значительной степени ставит под сомнение целесообразность существования этого института, ибо в его работе не принимает участия крупнейшая полярная держава, контролирующая примерно 40 % арктического пространства.

Совет Баренцева/Евроарктического региона (СБЕР) — еще один межправительственный форум регионального сотрудничества, созданный в 1993 г. по инициативе Норвегии. Его целью является содействие устойчивому развитию региона, двустороннему и многостороннему сотрудничеству в области экономики, торговли, науки и техники, окружающей среды, инфраструктуры, образования и культурных обменов, туризма, а также реализации проектов, направленных на улучшение положения коренного населения Севера.

Помимо Норвегии, на правах постоянных членов в Совет вошли Дания, Исландия, Россия, Финляндия и Швеция, а также Еврокомиссия. Особенностью СБЕР является то, что под его эгидой дей-

ствует Региональный совет, который помогает налаживать сотрудничество непосредственно между регионами стран-участников.

В отличие от АС, СБЕР развивался не так динамично. Ему удалось наладить на субрегиональном уровне сотрудничество в области охраны окружающей среды, развития приграничной инфраструктуры, таможенного дела, борьбы с последствиями стихийных и техногенных катастроф. Однако к концу «нулевых» годов это сотрудничество стало постепенно затухать, в основном по причине нехватки финансовых средств, и попытки оживить деятельность Совета не увенчались успехом.

После начала СВО западные участники СБЕР, как и в случае с АС, приняли решение о прекращении сотрудничества с Россией. В ответ на эти недружественные действия в сентябре 2023 г. Москва приняла решение о выходе из Совета, тем самым поставив под сомнение сам смысл существования этого института (следует помнить, что только Россия и Норвегия имеют непосредственный выход к Баренцеву морю и составляют «ядро» данного региона).

Северный форум, созданный в 1991 г., включил 11 регионов из девяти северных стран. Главная цель форума — служить в качестве основного средства коммуникации для повышения эффективности международного сотрудничества на всем Севере. За свою тридцатилетнюю историю Форум переживал взлеты и падения в своем развитии. Возрождение Форума началось в 2013 г., когда состоялся перенос его Секретариата с Аляски в г. Якутск, Республика Саха. В 2023 г. членами Форума являлись 14 регионов.

К настоящему времени Северный форум превратился в эффективный инструмент «горизонтального» сотрудничества между арктическими и неарктическими регионами, который позволяет решать конкретные проблемы, волнующие население этих регионов. В отличие от АС и СБЕР, Форум не принимал в отношении России дискриминационных мер и является одной из немногих региональных «площадок», в работе которой РФ принимает полномасштабное участие.

Среди западных международных объединений, вовлеченных в арктические дела, заметную роль играют организации стран Северной Европы, Евросоюз и НАТО.

Первая категория включает Северный совет (межпарламентская организация пяти североевропейских стран) и Совет министров Северных стран. Обе организации не испытывают серьезных институциональных вызовов даже в условиях нынешней конфронтации между Россией и «коллективным Западом», они в целом сохраняют свою «нишу» в арктической политике. Однако свертывание сотрудничества с Россией, произошедшее в последние годы, привело к сужению сферы их деятельности в Арктике и замыканию на проблемах самой североевропейской «пятерки».

Что касается ЕС, то в апреле 2016 г. он опубликовал документ под названием «Интегрированная политика Европейского Союза в Арктике». В июне того же года Совет по международным делам, действующий под эгидой Совета ЕС (высший орган Союза), принял постановление об арктической политике. Оба документа призывали Евросоюз активизироваться в регионе и обозначали три приоритета европейской политики на Крайнем Севере: противодействие изменению климата, устойчивое развитие и международное сотрудничество в регионе. Одновременно был учрежден пост посла ЕС по особым поручениям в Арктике.

Однако, несмотря на все усилия, предпринимаемые ЕС, ему не удалось получить статус постоянного наблюдателя в АС, и его деятельность в Арктике в основном протекает за пределами этого форума, по линии национальных программ государств-членов Союза или его многосторонних инициатив типа Северного измерения (СИ) и программ приграничного сотрудничества. Однако с исключением России из этих многосторонних программ в 2022 г. возможности ЕС в Арктике сильно уменьшились и ограничились лишь территорией его членов (Дания, включая Гренландию, Финляндия и Швеция) и оставшихся партнеров по СИ в лице Исландии и Норвегии.

Что касается НАТО, то ее попытки легитимировать свое присутствие в Арктике и по примеру ЕС принять собственную арктическую стратегию, пока не увенчались успехом. Она даже оказалась не в состоянии достичь консенсуса внутри альянса относительно ее конкретных целей и роли в данном регионе (в роли «стопора» выступила Канада, которая считает Арктику сферой интересов только восьми членов АС). Однако НАТО не отступила от своих намерений по распространению деятельности на арктический регион и сконцентрировала усилия на двух главных направлениях — наращивание своего военного присутствия на Крайнем Севере (размещение там дополнительных военных

контингентов, складов тяжелого вооружения, проведение масштабных военных учений) и вовлечение в НАТО Финляндии и Швеции. Если по первому направлению НАТО активизировалась еще в 2014 г., то второй цели она добилась уже после начала СВО. Финляндия уже официально принята в этот альянс, а Швеция ожидает одобрения своего членства такими «упрямыми» государствами, как Турция и Венгрия. Однако следует отметить, что интеграция Швеции в военные структуры НАТО уже де-факто началась. Есть все основания полагать, что НАТО и впредь будет пытаться расширять свое влияние в этом регионе.

Наряду с региональными институтами, в арктических делах активное участие принимает и такая глобальная (универсальная) организация, как ООН. Прежде всего, ее активность в Арктике обусловлена тем, что именно ООН является «прародительницей» базового документа международного права, регулирующего практически все стороны арктической экономики и политики, — Конвенции по морскому праву 1982 г.

Арктикой занимается целый ряд учреждений ООН:

Комиссия по границам континентального шельфа (КГКШ), созданная в 1997 г., призвана содействовать соблюдению Конвенции ООН по морскому праву в отношении определения внешних границ континентального шельфа, выходящего за 200 морских миль от базовой линии, от которой отмеряется ширина территориальных вод. Отрадным является тот факт, что несмотря на резкое ухудшение отношений между Россией и Западом в 2022 г., в феврале 2023 г. КГКШ практически полностью одобрила российскую заявку на расширение континентального шельфа в Северном Ледовитом океане.

Международный орган по морскому дну (создан в 1994 г.) — организация, посредством которой государства-участники контролируют деятельность в отношении минеральных ресурсов морского дна в международной зоне за пределами национальной юрисдикции. И хотя центральная часть СЛО, относящаяся к юрисдикции Органа, пока не входит в число привлекательных регионов для разработки глубоководных ресурсов (из-за их малоизученности, больших глубин и покрытия ее ледовой «шапкой»), по мере таяния полярных льдов ситуация может измениться.

Программа ООН по окружающей среде (ЮНЕП) была создана в 1972 г., чтобы способствовать координации охраны природы на общесистемном уровне. ЮНЕП подразделяет свою деятельность на семь тематических категорий: изменение климата, конфликты и бедствия, эксплуатация экосистем, регулирование природопользования, химические вещества и отходы, эффективное использование ресурсов и контроль за состоянием окружающей среды. В Арктике ЮНЕП осуществляет мониторинг состояния ледников.

ЮНЕП вместе со Всемирной метеорологической организацией основали в 1988 г. Межправительственную группу экспертов по изменению климата (МГЭИК). В докладах МГЭИК обязательно уделяется внимание полярным регионам планеты, включая последствия изменения климата для флоры, фауны, а также различных экосистем Арктики и Антарктики.

Программа развития ООН (ПРООН), созданная в 1965 г., осуществляет свою деятельность в трех основных областях: 1) устойчивое развитие; 2) демократическое правление и миростроительство; 3) борьба с негативными последствиями изменения климата и стихийных бедствий. В рамках ПРООН действует система малых грантов для изучения и развития коренных народов. И хотя коренные народы Крайнего Севера не являются основным приоритетом этой программы, определенную роль в оказании поддержки этой социальной группы ПРООН все-таки сыграла. Следует также отметить, что во всех своих действиях ПРООН уделяет особое внимание гендерному равенству и защите прав человека.

Основным вкладом *Международной морской организации* (ММО), созданной в 1948 г., в международное управление Арктикой стало принятие ею в 2014–2015 гг. Международного кодекса для судов, эксплуатирующихся в полярных водах (сокращенно Полярного кодекса (ПК)), вступившего в силу с 1 января 2017 г. ПК установил требования по безопасности плавания (конструкция, механические установки, оборудование) и защите окружающей среды (полный запрет сброса нефти и нефтесодержащих вод, вредных жидких соединений, операционные ограничения на сброс сточных вод и мусора и др.). Определенные требования предъявляются также к подготовке экипажей (особенно комсостава) судов, намеревающихся осуществлять плавание в ледовой обстановке.

Следует отметить, что после начала СВО ММО не прекратил диалога с Россией. Ее представители по-прежнему принимают участие в заседаниях ММО, в том числе по вопросам дальнейшего совершенствования ПК.

Таким образом, украинский кризис оказал весьма противоречивое воздействие на развитие институциональной среды в Арктике. С одной стороны, оказалась фактически «замороженной» деятельность таких важных региональных институтов, как АС и СБЕР. Были существенно ограничены инструменты влияния на ситуацию в этом регионе ЕС и организаций стран Северной Европы из-за сворачивания программ сотрудничества с Россией. В то же время Северный форум и учреждения ООН, по сути дела, не пострадали в результате обострения отношений между РФ и «коллективным Западом», а НАТО даже нарастила свою активность в данном регионе. Представляется, что накопленный в прежние времена солидный «багаж» арктического сотрудничества позволит довольно быстро восстановить региональные институты после нормализации отношений между субъектами арктической политики.

УТВЕРЖДАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА: МЕДИАТИЗАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Современные условия формирования политической и этнокультурной идентичности российского общества, с одной стороны, можно обозначить как новейшие. В частности, медиасоциум с его сетевыми социальными общностями. Его возникновение должно расцениваться в качестве следствия технологической революции начала нового столетия в сфере информационного взаимодействия. Функционирование медиасоциума оказывает самое непосредственное влияние на жизнедеятельность общества, т. е. реализуется взаимодействие «первой» и «второй природы», понимаемые как находящиеся в диалектическом единстве стратегические и оперативные факторы процесса.

С другой стороны, указанное состояние происходящих в информационном пространстве медийных процессов не надо считать неизвестным общественной практике. С давних времен политическая идентичность социума сопрягалась с дискурсом в духовно-нравственной сфере. Главным содержанием дискурса было определение историко-политических координат текущего момента в жизни общества. Такой, еще протомедийный, дискурс находил свое выражение в разных коммуникационных каналах, наиболее значимыми были публицистика, литература и искусство, образование, церковь и т. д. В настоящее время список каналов коммуникаций расширился количественно и качественно, образовалась новейшая медийная среда, с ее постоянно усложняющейся архитектурой. Но если протомедийная среда прошлых веков ассоциировалась, прежде всего, с отвечающей эпохе надстройкой общественных отношений, то в наши дни это нечто большее, чем надстройка: сегодня медиасоциум понимается автономным образованием, зачастую становящимся исходным пунктом многих социальных процессов.

Коллективное формирование исторической памяти — одно из явлений, на базе которого в сетевом мире образуются неклассические социальные общности. Диапазон переживания исторических событий велик — от совместной ностальгии по событиям «осовремененной истории» до попыток заново интерпретировать ключевые исторические события, от серьезных дискуссий в комментариях до обсуждения псевдоисторических теорий-мемов. Сеть предоставляет не только технические возможности для распространения контента, но и закрепляет в нем эмоции и оценки — особый контекст, определяющий коммуникативные действия субъектов сетевых отношений. Контент образуется текстами акторов медиа и комментариями пользователей. Многие единицы контента собирают вокруг себя ситуативную аудиторию по его интерпретации.

Актуализация исторической памяти выглядит особенно обостренной, когда она соответствует процессам «консолидации социума, формирования культурной и гражданской идентичности каждого из его членов. Без памяти не может быть ни человека, ни социальной группы, ни государства. А согласие по поводу памяти прошлого — центральный, ключевой момент формирования идентичности: социальной, национальной, культурной» (Тульчинский, 2016, 132). Достижение такого согласия всегда обусловлено построениями нового понимания истории и разрушениями прежнего. Поэтому процесс непременно происходит в медийной среде как обращенной ко всем стратам общества. Так, по словам культуролога, формируется коммуникативная память, в которой «прошлое сворачивается в символические фигуры», при этом «культурному воспоминанию присуще нечто сакральное» (Ассман, 2004, 52, 54, 55). Сегодня следует учесть, что коллективное формирование исторической памяти, а на этой базе политической идентичности социума, происходит в условиях качественно нового уровня функционирования медиа.

Объясняя эту ситуацию, исследователи отдают должное информационным технологиям, но при этом опасаются, что технологии «расчеловечивают нас» (Сегела, 2022, 82), что цифровизация общества делает отчуждение человека от своей сущности более глубоким (Дудник, 2020, 17), а информационное общество — всего лишь симуляция реальности (Калмыков, 2013, 83). В то же время часть исследователей полагает, что возникло соперничество реальной жизни с ее цифровым двойником (Каштанова, 2020, 249). Именно поэтому философы говорят о проблеме идентификации «жителей»

информационного пространства (Быльева, 2013, 145), и это значит, что мы подошли к черте, за которой медийная среда приобретает контуры материального мира.

Развивая идею динамичного переустройства «второй природы» / «второй реальности», становящейся не столько отражением «первой», сколько новой действительностью, находящейся в сложном взаимодействии с породившим ее материальным миром, мы позиционируем складывающееся положение вещей в качестве общественно значимого новообразования — медиасоциума. В контексте перемен «вторая реальность» становится первопричиной социальных процессов, поэтому ответ на вопрос о человекообразности цифрового мира понимается в парадигме искусственно созданной медиареальности, т. е. коммуникативной системы, связывающей человека с объективной реальностью (Кириллова, 2015, 160–161). В итоге медийный и социальный факт уравниваются, и тогда в восприятии индивида стираются ценностные и познавательные различия в сообщениях, поступающих к нему по каналам медиакоммуникаций. Их текучие очертания, вызванные перманентным включением в число субъектов медиакоммуникаций не только акторов политики и культуры, не только блогеров, но и всей аудитории СМИ, размывают границы современных медиа, которые отныне не обладают прежней жесткостью.

В таких параметрах функционируют совокупности сетевых образований, которые в качестве каналов взаимодействия индивидов и сетевых сообществ понимаются как суть структуризации медиасоциума. В наше время концепцией сетевых образований подразумевается их трактовка в качестве неклассических социальных общностей, для которых характерны гетерогенность, отсутствие иерархии, спонтанность. «Наша аудитория нам не принадлежит», — подчеркивают практики из области медиа. Тем самым отмечают ситуативный характер сетевой аудитории как совокупности пользователей, занятых совместным потреблением контента, но разрозненных в пространстве. В таких условиях роль социальных сетей в качестве платформ, объединяющих пользователей в их интерпретациях актуализируемой истории, непрерывно растет. Поэтому мы констатируем:

— в медийной среде непрерывно организуются дискурсивные практики, направленные на формирование и утверждение исторической памяти;

— индивид интерпретирует исторические события и факты через ценности, актуализированные в дискурсе сетевых сообществ.

Парадигма медиасоциума понимается через раскрытие концепта дискурса исторической памяти во всех ее значимых для «второй реальности» аспектах. И в этом смысле особое внимание уделяется анализу проявлений исторической памяти как базового феномена политической идентичности социума. Важность проблематики растет по мере обострения социально-политической, в том числе военной, ситуации в мире, подводящей к кризисам культурной и политической идентичности социума. Медийная причинность расширения конфликтных зон общественного сознания тесно связана с экстенсивной массовизацией сетевого мира. Массовизация чего-либо всегда ведет к понижению культурного уровня той или иной социальной практики, в данном случае практики информационного взаимодействия в социуме, что отрицательно сказывается на его способности противостоять культурным и политическим деструкциям, а за ними неизбежны риски саморазрушения общества — начинаются искажения исторической правды, абберации исторической памяти. Нарастание противоречий в мире объективно ведет к утверждению на всех уровнях культурных и политических приоритетов, сформулированных в Указе Президента Российской Федерации № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» от 09.11.2022. Среди приоритетов государственной политики в духовной сфере — «сохранение исторической памяти, противодействие попыткам фальсификации истории, сбережение исторического опыта формирования традиционных ценностей и их влияния на российскую историю». Вместе с тем приоритетная тенденция неизбежно прокладывает себе дорогу через конфликтные зоны общественного сознания в медийной среде, которая в настоящее время может выступать в качестве субъекта информационных отношений, предопределять поведение индивидов, влиять на реальность истории, делая ее субъективно ориентированной.

В современной информационной среде объекты общественного внимания медиатизируются, становятся артефактами «второй реальности». Медиатизация касается социальных институтов и практик, в том числе духовных процессов, среди которых общественная рефлексия в области ис-

торической памяти социума — амбивалентный акт культурной и политической практики, осуществляемый в сетевой среде цифрового медиасоциума. Обращение к исторической памяти общества, ее функционирование в медийной среде сопровождается переоценкой ценностей в социуме, которая усиливается в эпохи разрушения традиций и духовных устоев общества. Однако конфликтность в ценностном понимании феномена исторической памяти — через осложнение процесса в общественном сознании, через факты обострения ситуации вплоть до ее выхода за пределы медийного пространства, как это описано в статье наших польских коллег (Новяк, Моленда, 2021, 145–157) — по-своему расчищает дорогу к обретению обществом своей идентичности.

Литература и источники

Ассман Ян. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Быльева Д.С. Семантические сети знаков идентификации в коммуникативном пространстве человеческой культуры // Философия коммуникации: интеллектуальные сети и современные информационно-коммуникативные технологии в образовании / под ред. С.В. Клягина, О.Д. Шипуновой. — СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2013. С. 142–149.

Дудник С.И. Отчуждение в цифровом обществе // Вопросы философии. 2020. № 3. С. 17–20.

Калмыков А.А. Антропология цифровой цивилизации // Философия коммуникации: интеллектуальные сети и современные информационно-коммуникативные технологии в образовании / под ред. С.В. Клягина, О.Д. Шипуновой. — СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2013. С. 82–89.

Каштанова С.М. Модусы и практики социальной коммуникации в современном цифровом пространстве: опыт расширения границ социальной реальности // Философская аналитика цифровой эпохи: сб. науч. статей / отв. ред. Л.В. Шиповалова, С.И. Дудник. — СПб.: Изд-во Санкт-Петерб. ун-та, 2020. С. 234–251.

Кириллова Н.Б. Медиалогия. — М.: Академический проект, 2015.

Новяк В., Моленда К. Медиадискурс «Восстания женщин»: спор о ценностях // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16, № 4. С. 145–157.

Сегела Ж. Дьявол носит GAFA (Google, Apple, Facebook, Amazon). — М.: Изд-во МГУ, 2022.

Тульчинский Г.Л. Соотношение исторической и культурной памяти: практики забвения // Социально-политические науки. 2016. № 4. С. 131–151.

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ОСОБЕННОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Основой функционирования любого государства является взаимодействие органов государственной власти, общественных объединений и граждан. Гражданское общество является предметом исследования российских политологов — Л.А. Гайнутдиновой, Е.С. Галкиной, Л.Е. Ильичевой, А.А. Канунникова, А.П. Кочеткова, М.А. Молоковой, Л.Н. Тимофеевой и др. Отдельные аспекты формирования и развития многообразных его институтов рассмотрены профессорско-преподавательским коллективом кафедры политических институтов и прикладных политических исследований факультета политологии СПбГУ — О.В. Лагутиным, Е.О. Негровым, О.В. Поповой и др. Политологи И.А. Бронников и В.И. Буренко проанализировали электронное гражданское общество и аргументировали тезис об интернет-сообществах, требующих справедливости, честности и рационально участвующих на всех этапах формирования и контроля органов власти всех уровней (Буренко, Бронников, 2012, 50).

На всем протяжении институционализации гражданского общества его руководством предпринимались усилия по определению острых социально-политических, экономических и культурных вопросов, требующих первоочередного разрешения и поиску эффективных механизмов для их решений. Проведенный анализ деятельности партий, молодежных общественно-политических организаций, ряда неправительственных организаций позволяет констатировать не всегда успешность и достижение поставленных целей при взаимодействии институтов гражданского общества с органами государственной власти. Отчасти это обусловлено недостаточностью информационных, материальных, финансовых и иных ресурсов, а иногда и неэффективной системой управления внутри отдельно взятого института гражданского общества. Разработка образовательных управленческих программ для всех участников политики является одним из приоритетов высшей школы.

Массовая информатизация, сетевизация и цифровизация оказали влияние на оперативность распространения информации в социальных сетях. Интернет наряду с традиционными СМИ оказывает влияние на формирование политического сознания своей целевой аудитории, а, следовательно, и на восприятие деятельности многообразных институтов гражданского общества. Российское общество готово поддерживать институты гражданского общества, которые не только ставят под вопрос ту или иную деятельность органов власти, но и способных находить совместно с властью компромиссные решения по разрешению острых социально-политических и экономических проблем в условиях внутренних и внешних вызовов. Современный конфликт цивилизаций придает импульс переосмыслению ценностей и осознанию факта, что духовные потребности не менее важные по отношению к материальным. Противостоять оппонентам в цивилизационном конфликте, сохранив российскую цивилизацию, можно только консолидировано. США и ряд стран Западной Европы ведут высокотехнологические информационные войны в мире с нарушением международного права, доминированием двойных стандартов и международных правил. Россия предпринимает меры по минимизации негативных проявлений. Гражданское общество «разрушается и возникает риск его возвращения в период его становления — фазу острых классовых сражений» (Пророк, Ильичева, Сафиуллин, 2022, 43). Для недопущения негативных сценариев развития в обществе идет осмысление перспектив дальнейшего развития страны всеми акторами общественно-политического ландшафта. Институты гражданского общества при принятии решений должны учитывать не только кратковременный эффект, но и их долгосрочные последствия в контексте защиты интересов граждан.

На деятельность, структурные преобразования институтов гражданского общества в современной России оказали существенное влияние ряд факторов. Во-первых, внесение изменений в Конституцию Российской Федерации; Федеральный закон № 82-ФЗ «Об общественных объединениях» от 19.05.1995; Федеральный закон № 95-ФЗ «О политических партиях» от 11.07.2001; принятие Федерального закона № 255-ФЗ «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием» от 14.07.2022 и др. Во-вторых, ограничительные меры в условиях распространения но-

вой коронавирусной инфекции. В-третьих, проведение специальной военной операции на Украине с февраля 2022 г.

Появление новых, а также модернизация, трансформация и упразднение ранее функционирующих институтов гражданского общества в России — это объективный процесс. Проведенный экспертный опрос среди политологов (сентябрь 2023 г.), специализирующихся по вопросам государственного управления (20 экспертов, выборка квотная, гендерные различия не установлены) позволяет определить наметившуюся тенденцию гармонизации взаимоотношений между рядом основополагающих институтов гражданского общества с органами федеральной власти начиная с 2014 г. (после воссоединения Республики Крым и г. Севастополя с Российской Федерацией). Начало специальной военной операции на Украине, санкционная политика со стороны ряда стран стимулировали активизацию патриотично настроенных институтов гражданского общества — ветеранские организации, общероссийский народный фронт, молодежные парламенты, политические партии, российское общество политологов и другие, в том числе произошла активизация среди представителей электронного гражданского общества. Пандемия COVID-19 стимулировала изменения формата работы как внутри институтов гражданского общества, так и при выстраивании взаимоотношений с гражданами и властью. Внесение изменений в законодательство привело к ликвидации некоторых институтов гражданского общества по решению судов, ряд организаций отнесены Минюстом РФ к иноагентам. На 15 сентября 2023 г. в Реестре иноагентов Минюста РФ состоит 685 физических и юридических лиц. Отношение к организациям отнесенных к иноагентам со стороны россиян неоднозначное. Критический анализ отечественной и мировой истории, повышение политической культуры, а также выработка механизмов противодействия манипулированию со стороны средств массовой коммуникации и иных акторов общественно-политического ландшафта позволит воспринимать происходящее критически, анализировать информацию и объективно оценивать политический процесс.

Рассмотрим современное проблемное поле в деятельности партий. Политические партии являются связующим звеном между властью и обществом. «Востребованность института партий — прежде всего в повседневной реализации более чем полутора десятков партийно-политических функций. В этом смысле сложившийся институт политических партий — это второй по значимости политический институт после института государства, причем выдвинутый из глубин гражданского общества» (Тимошенко, 2022, 103–104). На 8 сентября 2023 г. Минюстом РФ зарегистрировано 25 политических партий. Большинство их не узнаваемо среди граждан страны, что позволяет сделать среднесрочный/долгосрочный прогноз в их дальнейшем сокращении на партийном поле России. В мае 2022 г. «рейтинг доверия к политическим партиям в России составил немного больше 39 %» (Степанова, 2022, 183).

В условиях политической турбулентности парламентские партии несмотря на идеологические и иные различия консолидировали свои усилия по оперативному принятию необходимого законодательства с целью защиты как государственного суверенитета, так и интересов большинства граждан. Проведение СВО на Украине объединило депутатов всех парламентских партий при принятии основополагающих законов, направленных на экономическое развитие страны и повышение ее обороноспособности. Депутаты активизировали работу с электоратом, в частности, с молодежью. Органы государственной власти и члены парламентских партий заинтересованы в культивировании патриотизма среди граждан.

Нахождение новых форм работы с гражданами, потенциальным электоратом, в том числе с молодежью является первоочередной задачей всех партий, заинтересованных в сохранении или выходе на уровень принятия политических решений. Данный интерес обусловлен как естественной ротацией партий, так и диалогом по широкому спектру современной социально-политической повестки дня, с целью поддержания в относительно устойчивом равновесии сложившейся политической системы РФ.

Есть интерес и среди молодежных активистов в нахождении новых механизмов при выстраивании отношений с многообразными институтами гражданского общества и органами государственной власти. При этом «цифровые медиа и социальные сети становятся важнейшим институтом политической социализации молодежи по сравнению с институтами государственной молодежной политики» (Малик, Кудинова, Шедий, 2023, 64). Молодежь в большинстве своем «аполитична и предпочитает

просмотр неполитического контента» (Соколов, Миронова, 2023, 41). Усиление цензуры в социальных сетях отражается на работе молодежных общественно-политических организаций. Тревожным показателем, требующим осмысления и принятия конкретных действий со стороны компетентных органов государственной власти, институтов гражданского общества, является «распространенность среди части молодежи представлений об отсутствии возможности влиять на политику и страх наказания за активную политическую деятельность» (Самаркина, Колозов, Ермакова, 2023, 109). В сознании ряда молодежных групп «присутствуют запрос и осознанная потребность в изменении формата взаимодействия между органами государственной власти и гражданами» (Лагутин, 2021, 116). Парламентские партии обладают ресурсными возможностями для минимизации обозначенных негативных явлений в молодежной среде.

Политическим партиям, которые не представлены в федеральном, а также региональных парламентах сложно сохраниться на партийном ландшафте современной России. Изменения в избирательном законодательстве (введение электронного дистанционного голосования и др.) оказали влияние на рост абсентеизма среди электората. Отказ от участия в выборах благоприятен «партии власти» и парламентским партиям.

Таким образом, на данном этапе развития российской государственности происходит ценностное переосмысление бытия, что отражается на деятельности многообразных институтов гражданского общества. Внутренние и внешние вызовы в отношении России придали импульс культивирования патриотизма среди граждан рядом институтов гражданского общества. Изменения в федеральном законодательстве требуют от их руководства нового подхода в деятельности и выстраивания отношений как с властью, так и гражданами.

Литература и источники

Буренко В.И. Электронное гражданское общество: иллюзии или реальность? (Зарубежный опыт и отечественная практика. Политический аспект) / В.И. Буренко, И.А. Бронников // Знание. Понимание. Умение. — 2012. — № 1. — С. 44–51.

Лагутин О.В. Ценностные ориентации российской молодежи в моделях взаимодействия государства и гражданского общества / О.В. Лагутин // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. — 2021. — Т. 23, № 1. — С. 107–117. — DOI 10.22363/2313-1438-2021-23-1-107-117.

Малик Е.Н. Социальные сети как агенты интернетизации молодежи: преимущества и риски / Е.Н. Малик, Т.А. Кудинова, М.В. Шедий // PolitBook. — 2023. — № 3. — С. 50–70.

Пророк В. Гражданское общество в условиях возрастающего неравенства современного общества / В. Пророк, Л.Е. Ильичева, В.А. Сафиуллин // Социально-политические науки. — 2022. — Т. 12, № 1. — С. 36–44. — DOI 10.33693/2223-0092-2022-12-1-36-44.

Самаркина И.В. Политическое участие молодежи в условиях расширения социально-политического пространства России и консолидации российского общества / И.В. Самаркина, Д.П. Колозов, В.Р. Ермакова // PolitBook. — 2023. — № 3. — С. 94–117.

Соколов А.В. Особенности транслирования политических ценностей в молодёжных сообществах социальной сети «ВКонтакте» / А.В. Соколов, С.В. Миронова // PolitBook. — 2023. — № 1. — С. 6–45.

Степанова С.С. Политические инновации как фактор изменений института парламентских партий в современной России / С.С. Степанова // PolitBook. — 2022. — № 2. — С. 182–194.

Тимошенко В.И. Характер и своеобразие партийной системы современной России / В.И. Тимошенко // PolitBook. — 2022. — № 4. — С. 98–107.

ОНЛАЙН-КОММУНИКАЦИЯ ИНСТИТУТОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ (НА ПРИМЕРЕ МОЛОДЕЖНОГО ПАРЛАМЕНТА РЕСПУБЛИКИ КАРЕЛИЯ)

Молодежная политика в современной России является важным сегментом государственной политики, ориентированным на юное поколение россиян, которому предстоит определять жизнь страны в будущем. Молодежная политика — важная составляющая внутренней политики любого государства, объектом регулирования которой являются граждане страны в возрасте от 14 до 35 лет (Бирюко, 2021, 85).

Смысл молодежной политики любого государства состоит в гармонизации условий жизнедеятельности молодежи, в обеспечении возможностей для равноправного и полноценного ее развития, в повышении социальных и культурных стандартов ее жизни, в создании условий для полноценной интеграции молодых людей в систему социально-экономических и политических отношений в качестве сознательных и ответственных граждан нашей страны.

Сегодня приоритетным направлением государственной молодежной политики на всех уровнях является развитие социальной активности молодежи, гражданского самосознания через их участие в деятельности молодежных и детских общественных объединений, молодежных парламентов, правительств, иных консультативно-совещательных структур, созданных при органах законодательной и исполнительной власти разного уровня, органах студенческого самоуправления.

Молодежный парламент при Законодательном Собрании Республики Карелия был создан в 2011 г. как консультативно-совещательный коллегиальный орган, целью которого выступает повышение эффективности молодежной политики (Заксобрание РК, 2020). В 2020 г. в Положение о Молодежном парламенте Республики Карелия были внесены изменения. Количество депутатов уменьшилось с 36 до 20 человек (О Молодежном парламенте РК, 2020), как отметила председатель Комитета по образованию, культуре, спорту и молодежной политике Г. Гореликова: «это позволит сделать работу консультативно-совещательного коллегиального органа при Законодательном Собрании республики более динамичной, эффективной и прозрачной» (Молодежный парламент РК, 2020). В рамках обеспечения информационной коммуникации Молодежный парламент определяет наличие секретаря и его заместителя (О Молодежном парламенте РК, 2020). При этом ни в официальных каналах Молодежного парламента, ни в Законодательном Собрании Республики Карелия нет документов, регламентирующих деятельность отдельных членов Молодежного парламента, т. е. его Председателя, секретаря и их заместителей.

Молодежный парламент при Законодательном Собрании Республики Карелия осуществляет свою онлайн-коммуникацию через различные каналы связи, среди них: сайт Законодательного Собрания Республики Карелия, социальные сети («ВКонтакте», Instagram (организация, запрещенная на территории РФ) и Telegram). При этом в официальной группе «ВКонтакте», которая выступает основным каналом связи данного института, есть ссылка только на сайт Заксобрания Карелии и страницу Instagram (организация, запрещенная на территории РФ) (Молодежный парламент, 2023).

Несмотря на то, что свою деятельность Молодежный парламент начал в 2011 г., группа в соцсети «ВКонтакте» была создана лишь 13 октября 2012 г. За этот период группа набрала 1 162 участника, где среднее количество просмотров с 2022 г., когда был избран 6-й созыв депутатов Молодежного парламента Карелии, составляет 573 чел. Самыми же популярными являются записи, не относящиеся к деятельности парламента напрямую, например, репост заявки на участие в Молодежном образовательном форуме «Берег» в рамках региона, поздравления с днем рождения и праздниками. Стоит отметить, что определенную популярность собрали и записи, посвященные деятельности депутатов: проведение субботника в парке, сбор гуманитарной помощи для территории Донбасса, раздача подарков работникам «скорой помощи» и жителям города Петрозаводск. Стоит отметить, что публикации в группе «ВКонтакте» Молодежного парламента Карелии выходят регулярно, в среднем по 3–4 публикации в месяц, при 142 публикациях с момента избрания 6-го созыва (Молодежный парламент,

2023). На официальном сайте Заксобрания Карелии в разделе «Молодежный парламент» указана аудитория свыше 10 тыс. человек (Заксобрание РК, 2020). При этом в разделе подробной информации не указано ни одной ссылки на Заксобрание Карелии, Государственную Думу, ряд других молодежных парламентов, не входящих в Совет молодежных парламентов при Парламентской Ассоциации Северо-Запада России (ПАСЗР).

Что касается содержательной части публикаций, то в основном они посвящены патриотической тематике, например, участию в мероприятиях, освещающих памятные события в истории России: митинг, посвященный выводу советских войск из Афганистана, посещение памятника Защитникам отечества, участие в Международном дне освобождения узников фашистских концлагерей и т. п. Также Молодежный парламент относительно часто освещает взаимодействие с представителями ЛНР. Это и диалог с молодежью Луганска, и налаживание партнерских отношений с молодогвардейцами ЛНР, и отправка в Республику гуманитарной помощи. При этом за проходящий 2023 г. молодежный парламент лишь два раза упомянул о взаимодействии с Законодательным Собранием Республики Карелия, вне заседаний Молодежного парламента, и два раза упомянул о взаимодействии с другими молодежными парламентами РФ: совместное заседание в региональном парламенте с Молодежным парламентом при Заксобрании Калининградской области и членами Молодежного парламента при Государственной Думе, избрание председателя Молодежного парламента Карелии председателем Совета молодежных парламентов при ПАСЗР. В первой сессии данного Совета приняли участие представители молодежных парламентов из одиннадцати регионов Северо-Запада России. Это позволяет говорить о возможности для выстраивания взаимодействия с молодежными парламентами РФ (Молодежный парламент РК, 2023).

Пожалуй, самым масштабным и значительным решением Молодежного парламента Карелии 6-го созыва выступает инициатива по расширению Федеральной программы «Развитие образования». В рамках предложенных изменений под действие программы подпадают города с населением в 400 тыс. человек, что позволит городу Петрозаводск получить федеральные субсидии для обновления спортзалов, стадиона, а также закупить спортивное оборудование и т.п. (Молодежный парламент РК, 2023).

Что касается остальных каналов онлайн-коммуникации Молодежного парламента, то собственного сайта у парламента нет, а всю информацию о молодёжном парламенте на сайте Заксобрания Карелии публикует Информационное управление Аппарата Заксобрания Карелии. Telegram-канал появился 18 апреля 2022 г. и на данный момент имеет 96 участников, фактически содержательно данный канал повторяет публикации из группы «ВКонтакте». Это в первую очередь может быть связано с тем, что данный канал связи наполняет один и тот же человек, А. Кретьова, являющаяся депутатом Молодежного парламента Карелии 6-го созыва, но не являющаяся его Председателем, секретарем или его заместителем (Молодежный парламент ЗС РК). Социальная сеть Instagram (организация, запрещенная на территории РФ) на данный момент не активна, так как последняя публикация датирована 9 мая 2019 г., несмотря на то, что данная соцсеть была заблокирована в РФ лишь в 2022 г., всего в ней насчитывается 141 публикация со слабым откликом (Youth_parliament_rk, 2019).

Таким образом, можно сделать вывод, что несмотря на нормативные изменения, молодежный состав участников и неоднократное упоминание актуальности использования преимуществ Интернета в коммуникации, Молодежный парламент Республики Карелия, как один из инструментов государственной молодежной политики, слабо развит в вопросе онлайн-коммуникации. Это относится и к информированию своей аудитории, и к взаимодействию с другими акторами молодежной политики. Рассмотрение каналов коммуникации Молодежного парламента Карелии в сети Интернет создает образ политического актора, неспособного оказать какое-либо влияние на процесс принятия решений, а также не стремящегося просветить остальную часть молодежи об этих возможностях.

Литература и источники

Бирюко С.В., Сазонов И.С. Молодежная политика: современное понимание и подходы к исследованию // Развитие территорий, 2021. — С. 85–90.

Законодательное Собрание Республики Карелия: официальный сайт. — Петрозаводск, 2007. — URL: http://karelia-zs.ru/molodzhnyj_parlament/o_molodzhnom_parlamente (дата обращения: 15.09.2023).

О Молодежном парламенте Республики Карелия: Постановление Законодательного Собрания Республики Карелия от 14.07.2011. Текст: электронный // Консультант плюс: офиц. сайт / Компания «Консультант плюс». — [Москва], сор. 1997. — URL: <https://www.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc;base=RLAW904;n=612277#qaOszpTgPQ6FTcm4> (дата обращения: 15.09.2023).

Молодежный парламент Республики Карелия: официальная группа в соц. сети «ВКонтакте». — Петрозаводск, 2012. — URL: <https://vk.com/molodparlam> (дата обращения: 15.09.2023).

Молодежный парламент ЗС РК: официальный канал в соцсети «Telegram». — Петрозаводск, 2022. — URL: <https://t.me/s/molodezhniyparlamentZSRK> (дата обращения: 15.09.2023).

Youth_parliament_rk: официальный аккаунт в соцсети «Instagram». — Петрозаводск, 2019. — URL: https://www.instagram.com/youth_parliament_rk (дата обращения: 15.09.2023).

АНАЛИЗ ГОСУДАРСТВА КАК ЦЕЛОСТНОЙ СИСТЕМЫ: ВЫЗОВЫ И РИСКИ РАЗВИТИЯ ДЛЯ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА

Государство как целостная система находится в фокусе исследователей на протяжении многих лет. В последние годы государство именно в системном измерении характеризуется нестабильностью, неустойчивостью и быстрой, в исторических мерках практически молниеносной, сменой как парадигм развития, так и преобладающих ценностей и стандартов мироустройства в целом. Для исследователя политических процессов, однако, подобная турбулентность является прежде всего методологическим вызовом и возможностью построения новых моделей всеобъемлющей направленности, а также выявления влияния происходящих изменений на отдельные аспекты функционирования государства, в нашем случае, социального его аспекта. Проще говоря, мы сейчас проживаем «внутри учебника истории», и какие события будут разворачиваться на «следующей странице», сложно предугадать. Тем важнее становится нахождение и обоснование неких универсальных оценочных моделей, позволяющих в привычных «координатах» провести ориентирование в текущем политическом этапе развития.

Очевидно, что всякая сложная социальная система может познаваться как многомерная реальность, представленная совокупностью институтов (элементов системы); структурных взаимодействий между этими элементами; функций, целей, задач (Архипов, 2023, 39). Для построения модели анализа государства как целостной системы мы применим условную, требующую доработки, но представляющую интересную для дальнейшей разработки и углубления операционализацию через набор из четырех переменных:

- 1) суверенитет;
- 2) территория;
- 3) население;
- 4) право применения легитимного насилия.

Каждый из перечисленных выше индикаторов может быть дихотомически оценен при помощи простой бинарной шкалы: в случае наличия риска показателю присваивается значение «1», в случае его отсутствия — «0».

Определим более тщательно переменные, приписав выбранным индикаторам индикаторы. Для более качественного измерения предполагается провести процедуру редукции понятий (Попова, 2015, 67) к операционализации данных в целом, включающую в себя:

- 1) создание изначального представления об изучаемом явлении;
- 2) утонение и перечисление измерений явления, в свою очередь также представленного определенными понятиями;
- 3) выбор индикаторов измерения;
- 4) обоснование, исходя из полученных результатов, модели, соответствующей анализируемому явлению.

Итак, каждый параметр предполагается измерить следующим образом:

1. Суверенитет:

- наличие ядерного оружия — «0», отсутствие — «1»;
- участие государства в международных организациях: на лидирующих позициях (например, как РФ в совбезе ООН) — «0», на «подчиненных позициях» — «1»;
- динамика участия в международных организациях за последние 5 лет: увеличение участия — «0», уменьшение — «1».

2. Территория:

- размер: большая — «1», маленькая — «0» (отдельной дискуссии заслуживает вопрос определение размера территории как большой или маленькой, предлагается некая интервальная шкала, где все государства, имеющие площадь меньше 100 тыс. км² и больше 10 тыс. км², а это 77 стран мира, будут иметь «0»);

- климатическое разнообразие — «1», (возможно, тут лучше вести речь о пригодности территории для проживания, если вся страна приблизительно одинакова по климату и пригодна для проживания — это «0»);
- количество лесов (% от всей территории): если леса занимают больше 30 % — то «1», если меньше, то «0»;
- протяженность и характер границ (если границы лесистые, протяженные и среди них и много сухопутных — то «1», морские границы — однозначно «0»);
- изменение территории за последние 5 лет: приобретение новых территорий «1», если территория потеряна — тоже «1», если территория не менялась, то «0».

3. Население:

- численность: малочисленное (меньше 500 тыс. человек — «0»), «1», много — больше 50 миллионов — тоже «1», опять констатируем интервальную шкалу оценки;
- динамика изменения населения за 5 лет: если больше 2 % изменения вверх или вниз (увеличение или уменьшение населения), то «1», если население не имеет серьезных колебаний, то «0»;
- этнический состав населения: если многонациональный, то «1» (это если 2 и больше этносов), мононациональный — если не менее 90 % населения принадлежит одному этносу, и тогда «0»;
- миграция: если мигрантов в стране больше 10 % от коренного населения, то «1», если меньше, то «0»;
- плотность населения: «0» в случае, если больше 100 и меньше 10 человек на 1 км², т. е. от 0 до 10 человек на 1 км² — «1», от 11 до 100 — «0», больше 100 — также однозначно «1»;
- равномерность распределения населения: «0» — если население распределено равномерно по территории, без больших перепадов по плотности, но в России точно «1», так как имеются совершенно пустынные значительные территории, где население практически не проживает;
- гендерный разрыв: если мужчины живут на 10 лет меньше, чем женщины, это «1», если женщин больше мужчин хотя бы на 1 %, то тоже «1» (по данному параметру можно получить 2 балла).

4. Право применения легитимного насилия:

- крупные протесты за последние 5 лет (более 50 тыс. участников) — «1»;
- характер демонстраций: мирный — «0», разгон с применением силы — «1»;
- попытки смены власти за последние 5 лет: наличие таковых — «1», если не было подобных попыток, власть передавалась легитимно — «0»;
- наличие частных военных компаний, аффилированных (связанных) со страной: «1».

Результатом является интервальная шкала (максимальное значение 20), где:

0–4: высокая степень целостности государства (низкие политические риски);

5–9: умеренная степень угрозы целостности государства (умеренные политические риски);

10–15: сильная степень угрозы целостности государства (высокие политические риски);

16–20: чрезвычайно высокая степень угрозы целостности государства (экстремальные политические риски, угроза распада государства).

Получившийся универсальный исследовательский инструмент может быть использован при анализе новых параметров миропорядка, где возможно два типа сценариев:

1) эволюционный, предполагающий постепенное выстраивание мирового порядка с учетом его новых параметров;

2) революционный, предполагающий резкое и во многом катастрофическое изменение миропорядка с ломкой существующих в настоящее время структур (Лебедева, 2020, 33).

Какова же связь с социальным государством? Оно выступает в роли гаранта обеспечения уровня жизни, достойного человека, особенно в таких сферах, как уровень доходов, обеспечение жильем, здравоохранение, доступное образование и культура (Таворкин, 2015, 128) и его функционирование невозможно в слабых государствах, подверженных высоким политическим рискам.

Так, подведем некие итоги предварительного характера:

1. В мире, скорее всего, в настоящее время нет государств, которые не подвержены значительным рискам, поскольку вся современная история политического развития отличается крайне высокой конфликтностью (Смаль, 2018, 103).

2. Социальная сфера, как исключительно широкое поле деятельности, активизируется только после решения магистрально важных проблем с обеспечением территориальной целостности, вопросов, связанных с экономическим и демографическим развитием государства.

3. Эффективное развитие социальной сферы возможно лишь в государствах с низкими и/или умеренными политическими рисками.

Заявленная тема представляется крайне интересной для исследования, а по каждому компоненту индиктов и индикаторов автор готова к продуктивной и позитивной дискуссии.

Литература и источники

Архипов С.В. Государство как системообразующий элемент политической системы общества / Сергей Владимирович Архипов // Ленинградский юридический журнал. — 2023. — № 1(71). — С. 35—57. — DOI 10.35231/18136230_2023_1_35.

Лебедева М.М. Новый мировой порядок: параметры и возможные контуры / Марина Михайловна Лебедева // Полис. Политические исследования. — 2020. — № 4. — С. 24—35. — DOI 10.17976/jpps/2020.04.03.

Попова О.В. Новые направления использования сложных методов в анализе политических процессов / Ольга Валентиновна Попова // Политическая наука. — 2015. — № 2. — С. 62—79.

Смаль С.В. Технологии формирования «постправды»: пропаганда и контрпропаганда на примере доклада сенатского Комитета по международным отношениям США от 10 января 2018 года / Светлана Владимировна Смаль // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. — 2018. — Т. 14, № 1. — С. 98—116.

Тавокин Е.П. К вопросу о концепции социального государства / Евгений Петрович Тавокин // Социологические исследования. — 2015. — № 9. — С. 125—134.

А.В. Соколов (Ярославль),
П.А. Бабаджанян (Ярославль)

ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ НИЗОВОЙ ГРАЖДАНСКОЙ АКТИВНОСТИ В РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ ЯРОСЛАВСКОЙ ОБЛАСТИ)

Исследование выполнено за счет средств Программы развития ЯрГУ до 2030 года, проект № ГМ-2023-5 «Низовая гражданская активность в Ярославской области: нормативная регламентация и практики реализации».

Развитие структур и институтов гражданского общества стимулирует появление новых форм гражданской активности. В различных сферах общественных отношений наблюдается рост инициирования и вовлеченности со стороны граждан и общественных групп в решение актуальных социальных проблем (Фролов, 2015, 3). Вместе с тем политическое управление в формате представительной демократии сегодня сталкивается с серьезными вызовами. Важным обстоятельством развития гражданского активизма является сосуществование в нем политической и гражданской составляющих. Требованием времени становится вовлечение граждан в управление, особенно на низовом уровне, где их компетенции достаточно для того, чтобы решать многие насущные проблемы (Седова, 2014, 49). Невозможно формирование гражданского общества и без включения граждан в демократические институты управления и принятия решений (Соколов, Палатников, 2018, 72). К низовым гражданским инициативам относится широкий спектр самоорганизующихся, активных групп людей, объединенных идеей по улучшению качества жизни в конкретной сфере или для отстаивания своих прав и интересов в политических, экономических, социальных и иных направлениях жизни. Низовые инициативы предполагают, что идеи исходят снизу, от простых людей, представляющих, в каком обществе они хотят жить (Головин, Фролов, 2016, 196). Исходя из всего вышесказанного, можно сделать вывод, что на развитие низовой гражданской активности в России влияет множество различных факторов. Целью данной статьи является выделение основных факторов, влияющих на низовую гражданскую активность. С целью их выявления были проведены интервью экспертов в Ярославской области (выборка — 34 респондента). В качестве экспертов выступили государственные служащие Ярославской области, муниципальные депутаты и представители различных общественных организаций, должностные лица государственных и муниципальных организаций.

Значительная часть экспертов обратила свое внимание на такой важный фактор, как обратная связь и получение конкретных результатов от ранее осуществленных действий по решению социально значимых проблем, взаимодействия с органами власти. Если граждане при обращении к органам власти видят обратную связь, понимают, что их гражданская позиция приводит к реальному решению проблем, то это, безусловно, влияет на дальнейшее развитие низовой гражданской активности (формируются и накапливаются соответствующие практики и социальный капитал). По мнению экспертов, если человек совершает конструктивные действия, направленные на развитие государства, то в дальнейшем они должны поддерживаться и развиваться через «прозрачные» лифты государства.

Одним из факторов, влияющих на развитие низовой гражданской активности, отмечалось наличие и функционирование социальных лифтов. Таким образом, гражданская активность должна давать возможность не только добиться какого-либо результата в решении проблемы, но и предоставить возможность для некоего общественного роста.

Помимо этого, эксперты отметили, что важным фактором вовлечения в низовую гражданскую активность является легкость первичного «входа». Любая точка «входа» должна быть понятной и простой, не требовать от человека больших усилий. Другими словами, человек, который готов реализовать какие-либо общественно-значимые и полезные идеи, не должен сталкиваться с препятствиями на пути поиска отправной точки такой деятельности.

Эксперты также отмечали значимость существующей нормативно-правовой базы в развитии низовой гражданской активности. При этом в оценке характера и вектора ее влияния в Ярославской области их мнения разделились на три позиции:

1. Нормативная база вполне достаточна и хорошо сформирована (даже частично избыточна), но очень сложна юридическая процедура создания общественного объединения. При этом отечественное законодательство стимулирует развитие тех форм низовой гражданской активности, которые способствуют реализации государственной политики, а также тех, которые имеют организованную и четко оформленную структуру. Сюда, например, относится такая форма поддержки как гранты и субсидии. Создана система поддерживаемых государством НКО, которые проводят массовые конкурсы («Россия — это страна возможностей», «Национальные приоритеты» и другие), стимулирующие низовую гражданскую активность. Разработаны правовые основы для работы цифровых сервисов, где можно рассказать о какой-то проблеме (например, система платформ обратной связи, в том числе, на портале государственных услуг).

2. Законодательству не хватает гибкости и адаптивности к запросам населения. Некоторые эксперты отметили, что законодательная база ограничивает определенные формы низовой гражданской активности. В основном, речь идет о тех формах, которые могут нести деструктивный характер для региональной власти (например, митинги, пикеты и т. д.). Отметим также, что один эксперт обозначил проблему, которая касается свободы собраний: стало сложно организовать какую-либо гражданскую активность, не имея возможности собраться гражданам.

3. Закон есть закон, любая сфера должна к ней адаптироваться и со временем сделает это. Надо следить за ситуацией и приспосабливаться к изменениям. Законы создаются для учета интересов различных сторон, поэтому их однозначно нужно соблюдать.

Обобщив мнения экспертов относительно необходимости законодательного регулирования в сфере низовой гражданской активности, можно отметить, что введение каких-либо ограничений должно не только отвечать интересам государства, но и способствовать общественным институтам в развитии своей деятельности, в том числе, с условием, что эта деятельность не несет угроз и рисков для государства.

Исследование позволило выявить ключевые причины и мотивы участия граждан в низовой гражданской активности. Среди наиболее значимых эксперты выделяли стремление выразить собственную позицию, а также внести вклад в решение локальной проблемы в своем районе и (или) дворе. Также отмечались личная потребность в самореализации, реализация своих политических амбиций (можно говорить о транзите: активист, например, становится депутатом).

Среди мотивов также выделялись: стремление заработать деньги, абстрагирование от своих личных проблем и трагедий (потеря близкого человека, отсутствие постоянной работы и т. д.).

Важно, что целый ряд участников низовой гражданской активности стремится оказать помощь и поддержку другим в решении тех проблем, с которыми сам уже сталкивался ранее (тем самым проявляя эмпатию и стремление ускорить решение проблемы).

По мнению большинства экспертов, Интернет является одним из важнейших факторов развития низовой гражданской активности. Он повысил скорость коммуникации между всеми субъектами (активисты, некоммерческие организации, органы государственной власти), предоставил ряд инструментов, повышающих эффективность мобилизации сторонников, распространения информации и формирования общественного мнения. Безусловно, были выявлены и негативные факторы влияния Интернета на низовую гражданскую активность. Например, обилие информации приводит к затруднениям в поиске необходимых сведений и активностей; виртуальное пространство заменяет реальное общение и становится почвой для развития слактивизма; популярность в сети набирают псевдопрофили, облегчается манипуляция общественным мнением.

Помимо этого, эксперты обратили внимание, что интернет-пространство стало в целом ряде случаев неотъемлемым сервисом в процессе низовой гражданской активности. Например, подача заявок осуществляется в онлайн-режиме, в заявках требуется указывать, где в Интернете будет размещаться информация о планируемом проекте. Онлайн-отчеты активистов о своей деятельности стали нормой жизни, тем самым они транслируют в публичное пространство результаты своей деятельности, а также актуальную повестку в целом.

Таким образом, исследование позволило выявить значительный потенциал развития низовой гражданской активности, который сформирован в Ярославской области. Фактически был продемонстрирован существующий комплекс факторов, стимулирующих ее развитие. Во-первых, относительно

хорошо развитый некоммерческий сектор. Во-вторых, региональные и муниципальные органы власти, так или иначе, стремятся к поддержке и развитию гражданских инициатив. Упомянув о факторах, влияющих на развитие низовой гражданской активности, эксперты отмечали: общественно-политическую ситуацию в стране и регионе, наличие «понимающей» администрации, которая заинтересована в развитии гражданского общества, личное желание граждан решить социально значимые проблемы, и, конечно же, массовое распространение информационно-коммуникативных технологий.

В результате удалось выявить целый ряд значимых факторов, влияющих на развитие низовой гражданской активности в Ярославской области, которые можно разделить на две большие группы: внешние и внутренние. В первом случае (внешние факторы) большинство экспертов говорили о том, что на развитие низовой гражданской активности влияют общественно-политическая обстановка, а также развитая и поддерживающая законодательная база. Среди внутренних факторов были отмечены уровень развития гражданского общества и политической культуры в регионе, индивидуальная готовность и мотивация индивидуума к активным действиям.

Литература и источники

Головин Ю.А., Фролов А.А. Практики сетевой гражданской активности в современной России // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2016. № 2. С. 195–198.

Седова Н.Н. Гражданский активизм в современной России: форматы, факторы, социальная база // Социологический журнал. 2014. № 2. С. 48–71.

Соколов А.В., Палатников Д.Е. Гражданская активность в Ярославской области: текущее состояние, динамика и формы проявления // Социальные и гуманитарные знания. 2018. Том 4, № 2. С. 71–81.

Фролов А.А. Сетевые формы организации гражданской активности в современной России: дис. канд. полит. наук: 23.00.02. Ярославль, 2015. 223 с.

ОСОБЕННОСТИ СТРАТЕГИЙ САМОПРЕЗЕНТАЦИИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РОССИЙСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ В СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА (НА ПРИМЕРЕ ПРОФИЛЕЙ «ВКОНТАКТЕ»)

Стремительное развитие информационных технологий в течение последних десятилетий привело к значительным изменениям в жизни социума. Особую роль в этом процессе сыграло появление технологий Web 2.0, пошатнувших основы общественной коммуникации. Социальные медиа открыли широкие горизонты возможностей как для политических акторов, так и для граждан. Для первых онлайн-платформы стали площадкой осуществления перманентной агитации с высокой степенью контроля передаваемой информации в обход ограничений «традиционных» медиа (Nielsen, 2014). Вторые приобрели беспрецедентный доступ к потреблению политической информации и ее обмену, а также новые способы интеракции с властвующими лицами и инстанциями (Gurevitch, Coleman & Blumler, 2009).

Развитие медиатехнологий, однако, возымело не только позитивные эффекты. Трансформации коммуникативных процессов актуализировали ряд вызовов для сферы политики. К ним относят такие явления, как медиатизация (Esser & Matthes, 2013), подъем популистской риторики (de Vreese et al., 2018), персонализация (Van Aelst, Sheafer & Stanyer, 2011) и т. д.

Эффекты новых медиа находят свое проявление в стратегиях самопрезентации политиков, вынужденных адаптироваться к трансформировавшейся медиареальности для достижения успеха в деле воздействия на общественное мнение (Gurevitch, Coleman & Blumler, 2009). Данные изменения актуализировали необходимость анализа новых способов представления себя, используемых, прежде всего, на персональных страницах в социальных сетях.

Общей теоретической установкой для исследователей данной предметной области выступает теория «управления впечатлением» (*impression management*) И. Гофмана, сформулированная в работе «Представление себя другим в повседневной жизни». В соответствии с данной теорией, индивиды в ходе социальных взаимодействий с помощью различных символических средств предпринимают попытки сформировать желаемое представление других о себе и о социальной ситуации в целом (Гофман, 2000).

К текущему моменту уже сложился корпус работ, посвященный анализу способов самопрезентации политических деятелей в социальных сетях Интернета через призму концепции «управления впечатлением». Обобщая результаты данных исследований, необходимо отметить характерные черты стратегий и тактик представлений себя в новых медиа: доминанция персонализированного способа самопрезентации, не предполагающего ассоциации с каким-либо политическим коллективом (Jackson & Lilleker, 2015); представление не только профессиональной составляющей своей личности, но и персональных характеристик, частной жизни (Filimonov, Russmann & Svensson, 2015; Steffan, 2021); публикация эмоционально нагруженных нарративов, призванных продемонстрировать личные чувства (Vene, 2017).

Необходимо отметить, что объектом проведенных исследований выступали социальные сети политических деятелей западных стран — прежде всего, парламентариев Великобритании и США в периоды выборов, поэтому генерализуемость выделенных особенностей требует уточнения.

В настоящем исследовании предпринята попытка выявить особенности стратегий самопрезентации представителей российских политических партий в социальной сети «ВКонтакте». Исходя из имеющихся работ, выделены следующие исследовательские вопросы: каковы общие характеристики стратегий самопрезентации, используемые российскими политиками в сети? Как соотносятся между собой профессиональное и личное в ходе самопрезентаций? Характерен ли для политиков индивидуализированный способ коммуникации, исключающий ассоциацию с политическими организациями?

Дизайн исследования. Объектом анализа выступили профили политиков, входящих в руководящий состав думских политических партий, в социальной сети «ВКонтакте». Метод анализа — контент-

анализ, единица анализа — пост на стене профиля. На начальном этапе исследования была произведена оценка активности и количества подписчиков на профили, на основе оценки отобраны страницы: Д.А. Медведева («Единая Россия»); Г.А. Зюганова (КПРФ); Л.Э. Слуцкого (ЛДПР); С.М. Миронова (СРЗП); А.О. Ткачёва («Новые люди»).

Таблица.
Список фиксируемых переменных для контент-анализа

№ группы	Наименование группы	Переменные
1	Содержание сообщения	Информирующее
		Персонализирующее
		Аналитическое
		Интерактивное
		Мобилизационное
		Памятное
		Идеологическое
2	Ориентация сообщения	Внешняя
		Внутренняя
3	Объект, упоминаемый в сообщении	Автор
		«Единая Россия»
		КПРФ
		ЛДПР
		«Справедливая Россия»
		«Новые люди»
		Иные партии
		Глава государства
		Органы исполнительной власти
		Органы законодательной власти
		Органы судебной власти
		Совет Безопасности Российской Федерации
		Граждане
		Иное
4	Сфера сообщения	Экономическая
		Политическая
		Социальная
		Культурная
5	Тональность	Позитивная
		Негативная
		Нейтральная

В выборку публикаций отобрано 375 сообщений (N = 75 для каждого профиля) с шагом в неделю в период с 19 сентября 2021 г. по 24 февраля 2022 г. Период определялся в связи с событиями, которые могли оказать влияние на ход самопрезентации политиков.

Анализ предполагал фиксацию наличия/отсутствия (0/1) в содержании поста следующих переменных (табл.).

При анализе использованы методы статистического анализа (пакет IBM Statistics v. 23): описательные статистики; иерархический кластерный анализ; многомерное шкалирование.

Результаты. По итогам проведения процедуры иерархического кластерного анализа наблюдений (по методу внутригрупповой связи) выделено 4 оптимальных группы наблюдений. Переменная принадлежности к кластеру включена в процедуру многомерного шкалирования (ALSCAL, мера — бинарное расстояние Евклида). В анализ не включались переменные с количеством наблюдений ме-

нее 10. По результатам МШ получена обобщенная модель самопрезентации представителя российской политической партии ($R^2 = 0,89162$) (рис. 1).

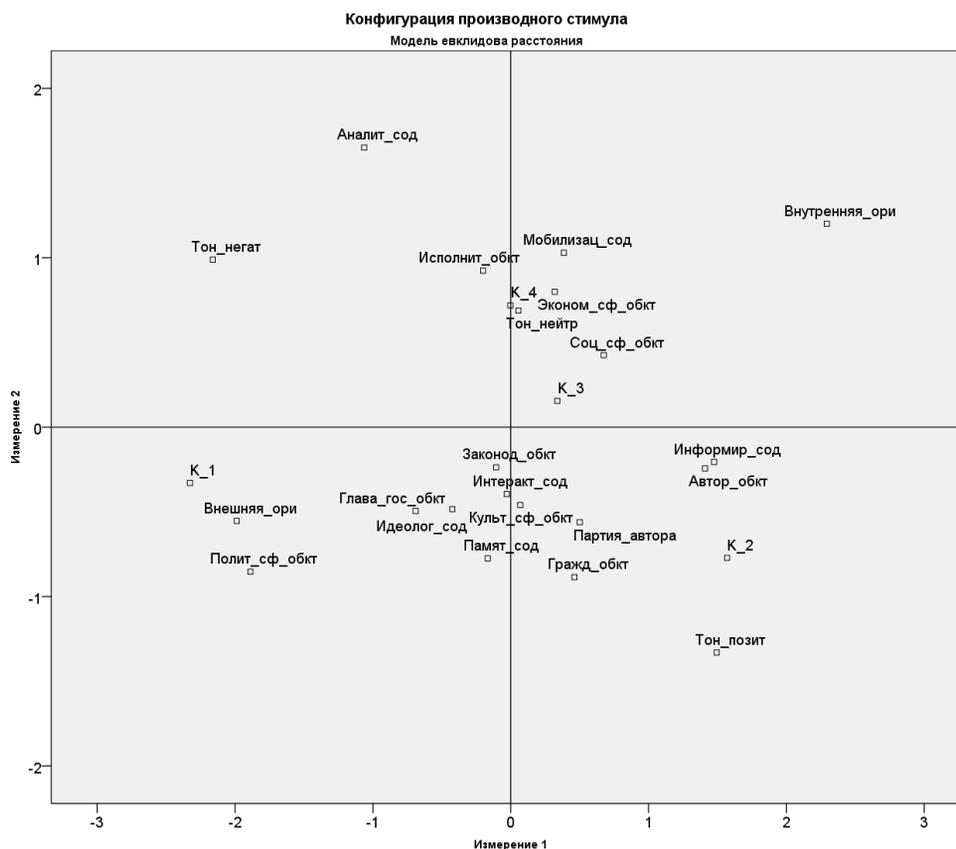

Рис. 1. Обобщенная модель самопрезентации представителей российских политических партий

В представленной модели наибольшую отрицательную нагрузку по горизонтальной оси имеют переменные «Негативная тональность», «Политическая сфера», «Внешняя ориентация», «Аналитическое содержание», положительную — переменные «Информирующее содержание», «Автор», «Внутренняя ориентация», «Позитивная тональность». Данное измерение может быть интерпретировано как размежевание по линии «Я — Другой», в рамках которого образу внешнего «врага» в лице стран Запада противопоставит позитивный образ политика, выраженный через демонстрацию деятельностного аспекта и профессиональных качеств во внутренней политике.

По вертикальной оси переменным «Аналитическое содержание», «Мобилизационное содержание», «Внутренняя ориентация», «Негативная тональность», «Исполнительная власть», «Экономическая сфера», «Нейтральная тональность» оппозируют переменные «Позитивная тональность», «Памятное содержание», «Граждане», «Политическая сфера». Данная ось демонстрирует размежевание самопрезентаций по линии «власть — народ». В отношении органов исполнительной власти и их деятельности в экономической сфере представители российских политических партий придерживаются критической позиции, выражающейся в рациональных оценках с призывами к изменениям. В отношении граждан превалирует позитивная ориентация, предполагающая построение ассоциативных связей с народом при помощи исторического нарратива.

Принимая во внимание результаты кластерного анализа и размещение скоплений переменных в модели, необходимо выделить три основных стратегии самопрезентации, характерных для политиков.

Кластер переменных в зоне наибольших отрицательных нагрузок горизонтальной оси образует первую стратегию — трансляцию образа «врага». В качестве примера сообщений данной стратегии может быть приведен следующий пост Д.А. Медведева: «В преддверии Дня Победы чешские власти

решили отметить очередным русофобским подарком... Мэр Праги... предложил лишить маршала И.С. Конева статуса почетного гражданина города».

Переменные кластера на иной стороне горизонтальной оси выражают вторую стратегию — трансляцию профессиональных качеств политиков, а также деятельности в занимаемой позиции (при ограниченной ассоциации с партией и гражданами). Например, к сообщениям данной группы относится следующее сообщение А.О. Ткачёва: *«В рамках моей работы и отделения смогли провести видеоконференцию по вопросам изменения правил землепользования... Очень приятно, что люди не забывают и о других проблемах кроме пандемии. По итогам круглого стола сформируется резолюция, которую направим в администрацию города и городскую Думу».*

Третья стратегия — сообщения четвертого кластера, предполагающие ограниченную критику органов исполнительной власти в области социально-экономической политики. Данная стратегия выражена, например, в следующем посте С.М. Миронова: *«В тяжелые времена нужно помогать самым нуждающимся <...>. Наше Правительство считает, что таковыми являются нефтяные компании. Им приходится продавать российскую нефть не за рубеж, а российским гражданам <...>. За такие страдания им за первое полугодие выделяют аж 1,2 триллиона рублей <...>. Правительство должно отказаться от этих выплат».*

Выводы. По результатам анализа можно выделить несколько отличительных черт стратегий самопрезентации российских политических деятелей. Во-первых, они опираются на демонстрацию профессиональных аспектов личности, не предполагая раскрытие частной стороны даже на минимальном уровне. Во-вторых, политики предпочитают индивидуализированный способ представления себя; ассоциация с политическими организациями или гражданами выражена слабо. В-третьих, в ходе самопрезентации демонстрируются ориентации в рамках «патриотического консенсуса»: с одной стороны, это образ «врага» в лице стран Запада, с другой — ограниченная критика власти, направленная на отдельные проблемы социально-экономической политики.

Литература и источники

- Bene, M. (2016). Go viral on the Facebook! Interactions between candidates and followers on Facebook during the Hungarian general election campaign of 2014. *Information, Communication & Society*, 20(4), 513–529.
- De Vreese, C.H., Esser, F., Aalberg, T., Reinemann, C. & Stanyer, J. (2018). Populism as an expression of political communication content and style: A new perspective. *The International Journal of Press/Politics*, 23(4), 423–438.
- Esser, F. & Matthes, J. (2013). Mediatization effects on political news, political actors, political decisions, and political audiences. *Democracy in the Age of Globalization and Mediatization*, 177–201.
- Filimonov, K., Russmann, U. & Svensson, J. (2016). Picturing the party: Instagram and party campaigning in the 2014 Swedish elections. *Social Media + Society*, 2(3).
- Gurevitch, M., Coleman, S. & Blumler, J.G. (2009). Political communication — Old and new media relationships. *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*, 625(1), 164–181.
- Jackson, N. & Lilleker, D. (2020). Microblogging, constituency service and impression management: UK MPs and the use of Twitter. *The Impact of Legislatures*, 414–433.
- Nielsen, R.K. (2014). Political communication research: New media, new challenges, and new opportunities. *MedieKultur: Journal of media and communication research*, 30(56).
- Steffan, D. (2021). Chapter 3 visual self-presentation strategies of political candidates on social media platforms: A comparative study. *Visual Politics*, 76–103.
- Van Aelst, P., Sheafer, T. & Stanyer, J. (2011). The personalization of mediated political communication: A review of concepts, operationalizations and key findings. *Journalism*, 13(2), 203–220.
- Гофман И. (2000). Представление себя другим в повседневной жизни. Канон-пресс-Ц.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО РЕВИЗИОНИЗМА

Политические институты, как известно, являются неизбежным результатом и выражением конкуренции крупных социальных акторов за государственную власть на любом уровне политической системы. Для правящего класса, по сути, они являются наиболее мощным инструментом защиты своих позиций и продвижения корпоративных интересов. В то же время, учитывая разнородный характер общественной власти и поля политики, в теле институционального дизайна сохраняются постоянные возможности межинституциональных трений и конфликтов, обусловленных интересами различных групп правящего класса, контролирующими отдельные институции и обладающих специфическими интересами в рамках сложившегося типа правления.

Мировой опыт давно и убедительно показал, что межинституциональные конфликты является частью повседневной политической игры, которая, однако, не только требует определенных ресурсов (У. Старбак), но в ряде случаев, как писали Д. Канеман и А. Тверски, вынуждает различные правящие фигуры «принимать решения вопреки своим <...> интересам, даже если они знают лучшие решения».

Основными игроками, определяющими характер институциональной активности, выступают «успешные команды» правящего класса (прежде всего, действующие в рамках «выигрышной коалиции»), для которых характерно особое «групповое мышление», собственно, и создающее эти «сплоченные группировки» (Р. Белбин). Более того, острое соперничество элитарных микро-сообществ нередко провоцирует у них решения и поступки, которые преобладает над реалистическими подходами к делу, причем даже в тех случаях, когда политикам и чиновникам известны вполне прагматичные и обоснованные варианты служебной деятельности или же формы ответственности перед законом.

Типичными технологиями взаимного политического влияния соперничающих институтов являются разноликие межведомственные войны (в том числе и силовых структур); распространение диффамации и иные латентные интервенции в области межличностных отношений лидеров и первых лиц; создание для конкурентов и их перспективных проектов административных тромбов и вето-пространств; продвижение законодательных инициатив, направленных на нанесение ущерба своим конкурентам; борьба против преференциальных поправок конкурентов при формировании политической повестки; разрушение кадровых цепочек и социальных лифтов при формировании команд крупных политических проектов; создание препятствий императивной координации в условиях антикризисного управления; организация анонимных доносов; организация медиакампаний против конкурентов и т. д.

В конечном счете под влиянием соревновательной активности таких группировок в рамках республиканского строя не только может поддерживаться институциональный баланс между «эффективным управлением и демократическим контролем» (Закария, 2004, 281), но и могут возникать абсолютно непродуктивные для государства и общества проекты и политики.

Одним словом, в институциональном дизайне постоянно складываются многочисленные конфликты между элитарными группировками, нередко придающие институциям весьма неопределенные траектории развития. Говоря другими словами, институциональный дизайн представляет собой пространство перманентной микрогрупповой борьбы в поле ответственности правящего класса, не лишенной при этом и наслоений межличностных противоречий между лидерами конкурирующих сообществ.

Сочетаясь с традиционно выстраиваемыми элитой административными барьерами перед гражданскими структурами, траектории институциональной эволюции и межинституциональные коммуникации обретают весьма неопределенные очертания, подчас достаточно далеко отклоняющиеся от своих нормативных предписаний.

При этом воспламенения политической активности, исходящие от гражданского населения, не могут существенно повлиять на характер деятельности институтов. В то же время подлинным триггером институциональных отклонений (способных спровоцировать широкое распространение хаотических коммуникаций на разных аренах и площадках государства) выступают сетевые коали-

ции правящего класса, представляющие собой неформальные ассоциации этой политической страсти, которым не хватает места в различных вертикалях официальной иерархии.

Используемые ими инструменты кооптации и контроля порождают в институциональном дизайне постоянные практики «клиентелизма» и «кормления», а также, демонстрируя зависимость госменеджмента «от ключевых и наиболее мобилизованных групп», камуфлируют вертикальные и горизонтальные («круговая порука») отношения в поле политики от «непосвященных участников, в том числе от вышестоящего руководства («потёмкинские деревни», «приписки», «очковтирательство»)» (Вилисов, 2023, 161).

Другими словами, самым существенным образом уровень состязательности институтов усиливает постоянное влияние неформальных политических инвесторов, в конечном счете стремящихся колонизировать систему государственной власти управления. В авторитарных политах активность таких игроков ведет к созданию квазиполитических систем, действующих внутри официальной политической системы и обуславливающих коммуникации государства и общества на политико-административных аренах в системе власти и управления.

В свете сказанного стоит подчеркнуть, что на фоне такой институциональной динамики роль гражданских структур и представительных механизмов обладает вторичным характером, не способным существенно повлиять на профиль активности ключевых институтов государственной власти и управления.

В то же время обозначенные трения и конфликты внутри институционального дизайна являются его постоянными характеристиками. В этом смысле проблемы конкретных государств заключаются лишь в степени распространения межинституциональных противоречий и сетевых коммуникаций, а также сохранения нормативной устойчивости ключевых институтов. Мировой опыт уже показал, что меж- и внутри институциональные трансформации могут носить различный характер, располагаясь в диапазоне от частичных девиаций (к примеру, демонстрируя активизацию дискреционных полномочий госменеджмента и ренто-ориентированную активность чиновничества) до полного и окончательного ревизионизма, олицетворяющего исчерпание государственными институтами своих общесоциальных функций (в виде образования институциональной коррупции или же систематического государственного рейдерства). В последнем случае система государственных институтов показывает невозможность общества использовать их возможности в интересах гражданского населения.

С исторической точки зрения подлинным источником современного кризиса институционального дизайна является дальнейшая автономизация правящих кругов, в значительной степени подпитываемая неуклонным повышением роли неформальных сегментов правящего класса. Именно эти акторы взяли на себя тяжесть продвижения горизонтальных коммуникаций, направленных на встраивание гетерархии в систему управления государством и обществом. На фоне этой тенденции традиционная слабость представительных механизмов социальных интересов и даже повышение роли исполнительных органов власти обретают всего лишь сопутствующее значение.

Другими словами, мощными источниками снижения эффективности институтов является не столько невысокая эффективность централизованных инструментов правления (отражающих историческую усталость аппаратных иерархий), сколько рост автономности правящих кругов, и прежде всего, тех сегментов политической элиты, которые «правят в тени иерархии», «не отбрасывая тени» (Джессоп, 2019), и не подверженных контролю общества при разработке решений, обуславливающих распределение ключевых общественных благ и ресурсов. Именно эти сегменты правящей элиты, по сути, утрачивающие ответственность перед гражданскими структурами, оставляют обществу лишь продукты символического признания его суверенитета.

Под влиянием этих в основном латентных игроков институциональный дизайн распадается на две не сопоставимые по политическому влиянию части, выводя из-под контроля реально управляющие обществом фигуры и структуры. Однако даже эти влиятельные игроки не способны полностью устранить влияние институтов государственной власти и управления, необходимых им как для получения управленчески важной информации, так и для легитимации принимаемых решений.

Одним словом, институциональный дизайн — так же, как и в прошлом — и в будущем сохранит свою волатильную динамику, демонстрируя сложносоставную логику присутствия/отсутствия нор-

мативного регулирования на разных социальных аренах государства. И такое положение сохранится вплоть до качественных трансформаций республиканского строя, для которого и демократия, и автократия являются всего лишь некими институциональными дополнениями отношений государства и общества.

Представляется, что ни рост политической компетентности населения, ни усиление гражданской активности не способны переломить тенденцию к неравновесному сочетанию статусных и неформальных методов правления. Поэтому и в будущем влияние неформальных коалиций будет сталкиваться с институциональными основаниями политического господства, не в состоянии преодолеть их политическую резистенцию. По крайней мере, в рамках среднесрочного горизонта институциональный дизайн сохранит свой статус неперемennого фактора организации политического порядка и формирования государственной политики.

И даже сегодня, в условиях использования цифровых инструментов, формирующих новое пространство институционального господства и применения политических технологий, сложившаяся в институциональном дизайне ситуация сохранит его базовую архитектуру. Немного корректируя мысль Федорченко, можно констатировать, что «в условиях дискретных сообществ сетевых коммуникаций» именно стремительное повышение автономности правящих элит позволяет государственным институтам взять в свои руки программирование базовых политических коммуникаций (Федорченко, 2023, б1). И тем самым сохранить свои предпочтения в области политического господства.

На этом фоне самой важной задачей общества является недопущение полной ревизии институционального функционала системы государственного управления, исчерпания институтами своего общественного содержания, лишения государства своего статуса гражданского антрепренера.

Литература и источники

- Джессоп Б. Государство: прошлое, настоящее, будущее. Пер. с англ. М.: Дело, 2019.
- Вилисов М.В. Неформальное правление // Политология. Новый Лексикон / Под ред. А.И. Соловьева. М.: Аспект-пресс, 2023.
- Закария Ф. Будущее свободы: нелиберальная демократия в США и за их пределами. М.: Ладомир, 2004.
- Федорченко С.Н. Власть алгоритма: технологии легитимации политических режимов в условиях цифровизации, М.: Проспект, 2023.

А.Ю. Соловьев (Санкт-Петербург),
Г.В. Лукьянова (Санкт-Петербург)

ТЕОРИЯ УСТАНОВЛЕНИЯ ПОВЕСТКИ ДНЯ В УСЛОВИЯХ ФРАГМЕНТАЦИИ СОВРЕМЕННОГО МЕДИАПРОСТРАНСТВА (НА ПРИМЕРЕ МЕССЕНДЖЕРА TELEGRAM)

Проект № 123091200070-7 «Механизмы формирования повестки дня в каналах Telegram» реализован в Институте научной информации по общественным наукам РАН по итогам отбора научных проектов, поддержанных Министерством науки и высшего образования РФ и Экспертным институтом социальных исследований.

Дискуссия о факторах и акторах, определяющих тренды изменения общественного мнения, и политическое поведение, вполне вероятно, будет оставаться ключевой в политологическом дискурсе ввиду ее критического значения для объяснения и прогнозирования политических процессов. Причем именно развитие общественных отношений и является основным драйвером данной дискуссии, поскольку политические процессы отчасти трансформируются вместе с самим обществом, увеличивая количество потенциальных казуальных связей между объектами политологического анализа. Качественное изменение в процессах коммуникации между индивидами произошло после изобретения и развития средств массовой информации, которые позволили распространять сообщения намного эффективнее. В свою очередь, по-разному трактовавшие роль СМИ в формировании общественного мнения исследователи сконцентрировали существенные усилия на изучении «медиаэффектов», а именно явлений и процессов, спровоцированных деятельностью медиа. Одним из важнейших медиаэффектов, безусловно, является феномен установления повестки дня (agenda-setting). Открытый М. МакКомбсом и Д. Шоу эффект, заключающийся в фиксации позитивной корреляции между вопросами, которые освещались в СМИ во время президентской кампании 1968 г. в США, и темами, которые избиратели считали важными, стал катализатором активного изучения влияния роли СМИ на восприятие индивидами вопросов политики (McCombs, Shaw, 1972, 182). Однако при дальнейшем изучении влияния медиа на общественное мнение стало очевидно, что сила этого эффекта и вероятность того, что определенная логика медийного повествования предсказуемым образом повлияет на поведение, во многом зависит от самого медиума и психологических особенностей людей. Сторонники теории рационального выбора в политологии, делают важное утверждение, что потребление медиаконтента — это, прежде всего, обучение (Lau, Redlawsk, 2006, 119). Другими словами, медиа сегодня предоставляют доступ к большому объему информации, который можно использовать, чтобы закрыть потребность в ориентации и принимать рациональные политические решения. Причем, исследователями выделяются две широкие категории психологических реакций на информационные сообщения, особенно на убедительные сообщения: более вдумчивый, аналитический подход; и более быстрый, поверхностный «периферийный», подход (Nelson, 2012, 207). Кроме того, обучение может проходить не только посредством потребления медиасообщений из одного источника. Исследователи также фиксируют эффект объединения повестки (agendamelding). Как правило, данный процесс является социальным по своей природе и позволяет индивиду сформировать наиболее актуальный в определенный момент времени набор тем, который согласуется с уже существующими установками и социальным контекстом (McCombs, 2014).

Однако с уменьшением роли традиционных медиа под натиском новых медиа исследователи начали фиксировать увеличивающуюся фрагментацию информационного пространства, а также появление множества различных источников информации, которые позиционируют себя как медиа, но не ограничивают себя институциональными или профессиональными стандартами (Feezell, 2017, 490). Таким образом, можно предположить, что увеличение объемов информации и усложнение процессов общественной жизни сегодня провоцируют все большее отдаление от сознательного потребления информации о политике и переход к выбору периферийного изучения новостей, которое может происходить одновременно с просмотром развлекательного контента.

Особый интерес в контексте изучения новых платформ, которые распространяют информацию о политике, представляет мессенджер Telegram, который практически не использует алгоритмы и позволяет пользователю относительно самостоятельно формировать свое медиапространство внутри мессенджера. При этом полезной теоретической рамкой, которая позволит охарактеризовать процесс установления повестки дня в мессенджере, может стать концепция сформированных потоков (*curated flows*) (Thorson, 2016, 314). Данный подход позволяет представить процесс установления повестки дня как синергию информационных потоков, которые подверглись обработке со стороны пяти типов акторов. Однако действия каждого типа акторов в определенном смысле можно проследить также и внутри медийного пространства мессенджера Telegram. В дальнейшем каждая группа акторов и механизмов будет описана с учетом ее роли в формировании повестки дня.

Первым типом акторов являются журналисты, которые в мессенджере представлены, преимущественно, институциональными медиа. Причем важно отметить факт, что журналисты и традиционные медиа в современном информационном пространстве скорее занимаются первичной обработкой информации, отделяя новости от неоформленных и хаотичных сообщений. Их роль теперь становится не ограничивающей, поскольку современные журналисты скорее стремятся отделить информационный шум от новости, снижая информационную нагрузку на индивидов. В Telegram данную роль играют каналы институциональных медиа, например каналы «РИА-Новости» (https://t.me/rjan_ru) или, не имеющие институционального статуса и открытой информации об организационной структуре, каналы, как например канал «Раньше всех. Ну почти» (<https://t.me/bbbreaking>), который представляет собой ленту актуальных сжатых информационных сообщений.

Второй тип акторов — индивидуальные акторы, которые способны самостоятельно обращаться к аудитории, используя накопленные ресурсы. Как правило, данные акторы, влияют на информационные потоки для извлечения пользы из своих сообщений, например, укрепления медийности или усиления авторитета. Примером такого канала, например, может являться канал Давыдов. Индекс (<https://t.me/DavydovIn>).

К третьему типу относятся индивидуальные психологические механизмы, которые объединены в рамках термина «селективное восприятие» (Stroud, 2017, 531). Данный термин описывает тенденцию человеческой психики концентрироваться на сообщениях, которые соотносятся с уже существующей картиной мира индивида. Данный эффект становится еще более актуальным в контексте Telegram, где пользователи, как правило, уже заранее знают, на какой канал они подписываются, а дальнейшее расширение медиапространства происходит за счет изучения источников, на которые ссылаются сознательно выбранные каналы.

Влияние следующего типа акторов, социальных акторов, становится особенно актуальным для изучения в эпоху развития Интернета, так как индивиды начинают формировать большее количество социально значимых социальных связей, мгновенно обмениваясь сообщениями в сетях единомышленников. Таким образом, например, в мессенджере Telegram пользователи могут обмениваться новостями в небольших группах и принимать коллективное решение относительно того, доверяет ли группа новости или нет. Кроме того, через значимые социальные связи формируют сеть рекомендаций, где один пользователь может поделиться ссылками на новостные каналы и подтолкнуть другого, как минимум, к поверхностному изучению этих каналов. Если также опираться на предпосылку о том, что пользователи все больше склоняются к поверхностному анализу информации, часть усилий по реферальному распространению новостных каналов может быть вполне успешна.

Алгоритмы представляют собой пятый вид механизмов, которые влияют на формирование информационных потоков. Во многом большую роль алгоритмы играют, например, в поисковых системах или в социальных медиа, где лента рекомендаций формируется по заданным критериям и предлагает пользователю потенциально интересную информацию. Ввиду отсутствия ленты рекомендаций в мессенджере Telegram, рекомендации имеют более селективный характер, ведь именно ссылки на «источники» и/или «дружественные медиа» являются альтернативным способом подвергнуть человека дополнительному информационному влиянию.

Таким образом, в усложнившемся современном медиапространстве процесс формирования повестки может быть описан как процесс потребления информации из заранее трансформированных информационных потоков, которые в дальнейшем объединяются с уже закрепленными представле-

ниями индивидов. При всем многообразии акторов критически необходимо дальнейшее их изучение и использование эмпирических методов, чтобы сформировать выводы о механизмах распространения информации внутри информационного пространства социальных медиа и мессенджера Telegram.

Литература и источники

Feezell J.T. Agenda Setting through Social Media: The Importance of Incidental News Exposure and Social Filtering in the Digital Era. // *Political Research Quarterly*, 2017. Vol. 71, No. 2, P. 482–494. doi:10.1177/1065912917744895

Funkhouser G.R. The issues of the sixties: An exploratory study in the dynamics of public opinion // *Public Opinion Quarterly*. 1973. Vol. 37, P. 62–75.

Kiousis S. Agenda-setting effects and attitude strength: Political figures during the 1996 presidential election // *Communication Research*. 2004. Vol. 31, No. 1. P. 36–57.

Lau R. & Redlawsk D. *How Voters Decide: Information Processing in Election Campaigns* // *Cambridge Studies in Public Opinion and Political Psychology*. Cambridge: Cambridge University Press, 2006, 345 p. doi:10.1017/CBO9780511791048

McCombs M.E., Shaw D.L. The agenda-setting function of mass media // *Public opinion quarterly*. 1972. Vol. 36, No. 2. P. 176–187.

McCombs M. New directions in agenda-setting theory and research. // *Mass Communication and Society*. 2014. Vol. 17, No. 6. P. 781–802.

Nelson T., Bryner S. & Carnahan D. Media and Politics // *Cambridge Handbook of Experimental Political Science* / ed. J. Druckman, D. Greene, J. Kuklinski & A. Lupia. Cambridge: Cambridge University Press, 2012, P. 201–213. doi:10.1017/CBO9780511921452.014

Stroud N. Selective Exposure Theories // *The Oxford Handbook of Political Communication*, Oxford Handbooks / ed. K. Kenski and K.H. Jamieson. Oxford: Oxford Academic, 2017, P. 531–548.

Thorson K., Wells C. Curated flows: A framework for mapping media exposure in the digital age // *Communication Theory*. 2016. Vol. 26. No. 3. P. 309–328.

РОЛЬ ОТРАСЛЕВЫХ АССОЦИАЦИЙ В ФОРМИРОВАНИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ

T. Birkland определяет политический процесс как формирование и реализацию государственной политики в различных формах, предусмотренных национальным законодательством: принятие закона, подписание указа, принятие постановлений, распоряжений и т. д. (Birkland, 2015, 8). Данный комплекс мер и мероприятий направлен на достижение национальных приоритетов и призван, таким образом, решить существующие проблемы в сфере экономики, культуры, права и др.

Анализ политического процесса направлен на изучение особенностей принятия нормативно-правовых актов, служащих источниками административного права. Данный процесс включает в себя следующие стадии: анализ функционирования политической системы и процесса принятия решений, изучение деятельности формальных и неформальных институтов, принимающих участие в формировании повестки, анализ имплементации государственной политики.

В политической науке существует устойчивое разделение на формальные и неформальные институты, наиболее подробно представленное в работах Г. Хелмке и С. Левитски. Данные авторы предложили следующее определение неформальных институтов: «принятые в обществе, обычно неписанные правила, создающиеся, становящиеся известными и насаждающиеся вне официально санкционированных каналов» (Хелмке, Левитски, 2007, 192). Формальные институты, согласно определению данных авторов, представляют из себя «правила и процедуры, которые создаются, становятся известными и насаждаются через каналы, общепризнанные в качестве официальных» (Хелмке, Левитски, 2007, 192).

Г. Хелмке и С. Левитски была создана типология неформальных институтов:

- 1) дополняющие неформальные институты;
- 2) аккомодационные неформальные институты;
- 3) конкурентные неформальные институты.

Дополняющие неформальные институты, как можно догадаться из названия, дополняют, повышают эффективность уже существующих формальных институтов.

Вторым типом неформальных институтов, согласно классификации Г. Хелмке и С. Левитски, являются аккомодационные институты. Подобные институты, с одной стороны, являются отклонением от существующих правил и норм, с другой стороны, не противоречат напрямую законодательству. Согласно Г. Хелмке и С. Левитски, аккомодационные институты возникают в силу неспособности существующих формальных справиться с возложенными на них задачами.

Третьим типом неформальных институтов, согласно классификации Г. Хелмке и С. Левитски, являются конкурентные институты, которые возникают в ситуациях, когда формальные правила и нормы можно нарушать без серьезных последствий, что характерно для государств с низкой правовой базой. К конкурентным институтам Г. Хелмке и С. Левитски относят следующие явления:

- коррупция;
- клиентелизм;
- клановые связи.

С точки зрения политической науки лоббизм является не просто технологией или законодательно регулируемой формой взаимодействия с органами государственной власти, но институтом политической системы, который представляет собой совокупность устойчивых формальных и неформальных норм и правил, регулирующих определенный круг общественных отношений, которые можно определить как влияние на процесс принятия политических решений и политический процесс в целом. Так, П. Каневский, исследуя лоббистские практики в позднем СССР, отнес их к аккомодационным институтам: «Именно к аккомодационному типу институтов следует отнести те неформальные протоллоббистские и межличностные связи, которые стали массово развиваться в Советском Союзе в 1970-е гг., так как существовавшая система управления политической и экономической жизнью

сдерживала развитие большинства предприятий, а гражданам не хватало доступа к благам, распределение которых зависело от места в социальной иерархии» (Каневский, 2016, 64).

В комплексной структуре политического представительства, изложенной в работах С. Перегудова (Перегудов, 1999, 12), институт лоббизма занимает следующее место:

- I. Представительство граждан.
- II. Представительство территорий.
- III. Представительство интересов:
 1. Представительство интересов посредством избирательных систем.
 2. Функциональное представительство интересов:
 - а) посредством формализованных структур — работа комитетов и комиссий в органах государственной власти;
 - б) посредством неформализованных структур — *институт лоббизма*.

В Российской Федерации, несмотря на отсутствие отдельного федерального закона, институт лоббизма не является полностью неформальным институтом. Исследователи указывают на феномен так называемого *косвенного регулирования*, которое включает в себя следующие нормативно-правовые акты: Федеральный закон № 58-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» от 27.05.2003, Федеральный закон № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 13.07.2015, Федеральный закон № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» от 25.12.2008, регламенты работы Государственной Думы и Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. Правовой характер института лоббизма и деятельности групп интересов основывается на статьях 30–33 и части 2 статьи 45 Конституции Российской Федерации, которые гарантируют гражданам право на создание объединений с целью защиты своих интересов, а также право направлять индивидуальные и коллективные обращения в государственные органы и органы местного самоуправления.

Исследователи отмечают возросшую роль негосударственных институтов в рамках формирования государственной политики в современных странах (Павроз, 2006, 86). Первая причина заключается в *появлении широкого спектра «партикулярных интересов»* (Олсон, 1995, 133), что приводит к вовлечению значимых социальных групп в процесс формирования государственной политики: крупный бизнес, общественные движения и т. д. Вторая причина заключается в *значительно усилившейся роли государства* с точки зрения регулирования общественных и экономических отношений и интеграции новых институтов и акторов в процесс принятия политических и управленческих решений (Павроз, 2013, 265). Возросшая роль негосударственных институтов неизбежно приводит к увеличению роли функционального представительства в целом и института лоббизма — в частности.

В Российской Федерации сложилась развитая система бизнес-объединений, участвующих в выработке государственной политики в различных отраслях: газовая отрасль, нефтяная отрасль, металлургическая отрасль, фармацевтическая отрасль и др. Если в западноевропейских странах и США лоббистские отношения зачастую регулируются в рамках отдельного закона, то институционализация деятельности групп интересов в Российской Федерации пошла по пути создания крупных бизнес-объединений: Совет по предпринимательству при Президенте Российской Федерации, установление «режима консультаций» и др. Таким образом, был сделан выбор в сторону так называемой *нео-корпоративистской модели* (Зудин, электронный источник).

Участие отраслевых ассоциаций в формировании государственной политики Российской Федерации закреплено на уровне федерального законодательства: Федеральный закон № 264-ФЗ «О развитии сельского хозяйства» (в контексте пищевой и перерабатывающей промышленности) от 29.12.2006, Федеральный закон № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» от 21.07.2014 и др.

Влияние негосударственных институтов на формирование регуляторной политики в Российской Федерации на примере деятельности отраслевого объединения «Союз производителей соков, воды и напитков» (далее — СОЮЗНАПИТКИ).

Деятельность СОЮЗНАПИТКИ направлена на решение следующих задач: продвижение позиции индустрии в законодательном поле; противодействие необоснованным ограничениям; модерниза-

ция технического регулирования; борьба с контрафактом и фальсификатом; наращивание экспортного потенциала членов Союза; развитие бизнеса компаний; реализация коммуникационной стратегии в рамках отрасли.

В соответствии с Уставом СОЮЗНАПИТКИ в отдельное направление деятельности отраслевого объединения можно выделить предоставление экспертной информации органам государственной власти:

1. Предоставление экспертной информации в рамках формирования предложений по разработке комплекса законодательных мер по совершенствованию системы производства в Российской Федерации и внесению изменений и дополнений в нормативно-правовые акты, регулирующие деятельность членов Союза.
2. Предоставление экспертной информации при разработке и принятии изменений в ГОСТ и Технические регламенты ЕАЭС.
3. Вопросы таможенно-тарифного и нетарифного регулирования.
4. Мониторинг состояния отрасли (информирование о проблемах с наличием упаковки, ограничения вывоза оборудования и т. д.) (СОЮЗНАПИТКИ, электронный источник).

Кроме того, статус «саморегулирующей организации» предполагает, в том числе и активную деятельность Союза в развитии регуляторной среды, что закреплено в Уставе: «участвовать через своих представителей в разработке проектов законодательных актов, федеральных правил (регламентов, стандартов), нормативных документов, регулирующих профессиональную деятельность членов Союза» (СОЮЗНАПИТКИ, электронный источник).

Таким образом, негосударственные институты принимают активное участие в формировании государственной политики в части принятия политических и управленческих решений. Данный процесс, несмотря на наличие отдельных федеральных законов, является во многом неформальным и требует дальнейшего изучения.

Литература и источники

Каневский П.С. Проблема концептуализации неформальных институтов власти на примере лоббизма // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Политические науки. — 2016. — № 6. — С. 54–66.

Олсон М. Логика коллективных действий: Общественные блага и теория групп. М.: ФЭИ. — 1995. — 174 с.

Павроз А.В. Группы интересов в системе политического представительства: современные тенденции // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. — 2013. — № 3. — С. 263–271.

Павроз А.В. Группы интересов и лоббизм в политике. СПб.: Изд-во Санкт-Петерб. ун-та. — 2006. — 186 с.

Перегудов С.П. Группы интересов и российское государство. М.: Эдиториал УРСС, 1999. — 350 с.

Хелмке Г., Левитски С. Неформальные институты и сравнительная политика // Прогнозис. — 2007. — № 2. — С. 192.

Birkland T. An introduction to the Policy Process. Theories, Concepts, and Models of Public Policy Making. Abingdon: Routledge. 2015.

Зудин А. Государство и бизнес в России: эволюция модели взаимоотношений [Электронный ресурс] // Интелрос 2006. URL: http://intelros.ru/readroom/nz/06/289-aleksejj_zudin_gosudarstvo_i_biznes_v_rossii_jevoljucija_modeli_vzaimootnoshenij.html?ysclid=ldn5jz2748245944042 (дата обращения: 06.09.2023).

СОЮЗНАПИТКИ. URL: <https://souznapitki.ru> (дата обращения: 26.02.2023).

ДИВЕРГЕНЦИЯ ПРОТИВ КОНВЕРГЕНЦИИ: ИТАЛЬЯНСКАЯ РЕГИОНАЛЬНАЯ СИСТЕМА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ИЗОМОРФИЗМА

Исследование выполнено в Пермском федеральном исследовательском центре Уральского отделения РАН при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 23-18-00530 «Почему заимствуют неэффективные институты? Управление политико-территориальной гетерогенностью и обеспечение территориальной целостности государства», <https://rscf.ru/project/23-18-00530>.

Итальянская региональная система отличается большой институциональной асимметрией и разнообразием. Есть свидетельства, что это разнообразие только усиливается. При этом все время существования этой институциональной системы на нее оказывалось сильное изоморфизирующее давление — и со стороны центральных властей, пытавшихся сократить институциональную асимметрию, и со стороны самих регионов, пытающихся заимствовать успешные институциональные формы для собственного развития. Тем не менее, асимметрия и институциональное разнообразие остаются, возможно, главной особенностью итальянского регионализма. Возможное объяснение, которое будет предложено, состоит в том, что механизмы, которые способствуют изоморфным изменениям, также могут поддерживать процессы дивергенции.

Региональное разнообразие

Есть некоторый парадокс с динамикой регионального развития Италии: «чем больше преобладающий политический дискурс призывает к единству, солидарности и формальному равенству между территориями, тем больше растет дифференциация на практике» (Palermo, 2021, 148). В самом деле, Италия, в конституционном смысле унитарная (единая и неделимая, согласно ст. 5 Конституции) республика, которая, однако, характеризуется очень высокой степенью регионального разнообразия как в институциональном отношении: есть различия в конституционном статусе регионов, объеме законодательных и административных полномочий, финансовых режимах и характере межправительственных отношений, так и в отношении результатов и эффектов деятельности региональных властей.

Страна поделена на 20 регионов, пять из которых в соответствии со статьей 116 Конституции имеют особый статус: «имеют особые формы и условия автономии согласно специальным статутам, установленным конституционными законами». Однако к настоящему времени фактическая институциональная структура итальянской региональной системы сильно отличается от плоской двухмерной схемы, представленной в конституции страны.

Во-первых, каждый особый регион развил свою собственную степень автономии в индивидуальных переговорах с центральным правительством. Некоторые регионы, прежде всего Сицилия и Сардиния фактически отказались от своего «автономистского сознания» (*autonomist consciousness*) в обмен на значительные финансовые ресурсы, предоставляемые центральной властью. В результате степень их автономии сейчас больше похожа на ту, что имеют обычные, ординарные регионы. Фриули Венеция Джулия в силу позднего создания и особого пограничного положения с самого начала имела меньший объем автономии, чем другие особые регионы. Фактически только два маленьких альпийских региона — Альта Адидже/Южный Тироль и Валле д'Аоста — могут считаться по-настоящему специальными регионами в итальянской региональной системе (Palermo, 2021).

Во-вторых, после конституционной реформы 2001 г. 15 обычных регионов также могут дифференцировать свой статус, договариваясь с центральным правительством о распределении самых разных полномочий (согласно ст. 116 Конституции, регионы могут запросить у государства ряд дополнительных полномочий). Эта возможность до сих пор не реализована, но активность регионов в попытке использовать ее нарастает. Процесс начали еще около десяти лет назад Венето, затем Ломбардия и Эмилия-Романья, причем два первых получили мандат на переговоры с Римом на региональных референдумах. Переговоры затормозились из-за пандемии, но можно думать, что сейчас этот процесс вновь активизировался. В марте 2023 законопроект «об осуществлении дифференцированной авто-

номии регионов с обычным статусом в соответствии со статьей 116, абзацем третьим, Конституции» был одобрен правительством и внесен в Сенат.

Более того, за первыми тремя последовали и другие регионы: еще семь уполномочили своих глав начать переговоры, три рассматривали такую возможность и только два — Аbruццо и Молизе не предприняли никаких действий (Palermo, 2021). При этом можно ожидать, что результаты переговоров, будут они успешными или нет, приведут к очень разным результатам с точки зрения распределения законодательных, а затем и административных полномочий, и фактических результатов деятельности. Одним из оснований ожидать этого является уже имеющаяся практика использования регионами тех возможностей самоуправления, которые предоставила им конституционная реформа 2001 г., например, в сфере медицинского обеспечения, когда были созданы 21 региональная система здравоохранения (в регионе Альто Адидже/Южный Тироль две системы), отличающихся как институциональным дизайном, так и эффективностью деятельности (Alber et al, 2021). Это разнообразие комплексным образом проявилось во время пандемии Covid-19 (Carano, Lippi, 2021), что обострило дискуссии по поводу оправданности децентрализации как таковой. Таким образом, речь идет о разнообразии не только институционального дизайна «высокого уровня», касающегося общего статуса региона, но и о дизайне конкретных сфер реализации полномочий, не только в отношении системы здравоохранения, но и других социальных сфер (Citroni, Lippi, Profeti, 2016).

Общие структурные условия такого регионального разнообразия трактуются вполне конвенционально, например, таким образом: «...движение в сторону децентрализации и регионализации обусловлено уходящими в историю глубокими различиями между регионами, прежде всего между Севером и Югом. Италия унаследовала от прошлого высокую степень географического, экономического и политико-культурного разнообразия, обусловленного автономным существованием составлявших ее территорий в период Средневековья и раннего Нового времени» (Гаман-Голутвина, Дудаева, 2022, 13).

Институциональный изоморфизм и объяснение нарастания асимметрии

Однако можно поставить вопрос о причинах нарастания разнообразия и асимметрии, ведь структурные условия если и меняются, то не быстро. При этом в Италии всегда были сильны настроения унитарного толка, против региональной автономии, которые только усиливаются в периоды кризисов, вроде пандемии (Palermo, 2022).

Одно из теоретических объяснений может быть дано с опорой на теорию институционального изоморфизма П. Димаджио и У. Пауэлла (DiMaggio, Powell, 1983). Ключевым понятием теории является «организационное поле» (organizational field). Под ним понимается «те организации, которые в совокупности составляют идентифицируемую сферу институциональной жизни — это ключевые поставщики, потребители ресурсов и продуктов, регуляторы и другие организации, производящие сходные продукты или услуги» (Димаджио, Пауэлл, 2010, 37), т. е. речь идет не только о конкурирующих организациях или сетях реально взаимодействующих организаций, но обо «всей совокупности релевантных акторов».

Все итальянские регионы, а также центральная власть, вместе составляют общее организационное поле. Они и поставщики сходных услуг, и потребители сходных ресурсов, могут конкурировать между собой, но необязательно, могут взаимодействовать напрямую, но тоже необязательно. Они все связаны между собой. В результате процесса институционального определения, или «структуризации» организационного поля, запускаются механизмы институциональных изменений, которые могут приводить к нарастанию организационного сходства: 1) принудительный изоморфизм, 2) подражательный изоморфизм и (3) нормативный изоморфизм (Димаджио, Пауэлл, 2010, 39).

Представляется, что все три механизма институциональных изоморфных изменений работают в итальянской региональной системе. В Италии предпринимаются постоянные попытки сократить степень институциональной асимметрии между регионами. Ключевым игроком здесь является само итальянское государство, т. е. действует механизм принудительного изоморфизма. Направление гомогенизации (регионализация или централизация) зависит от целей конкретной политической силы, находящейся у власти в стране в данный момент. Конкретные формы — это, прежде всего, конституционные реформы, например, реформа 2001 г. была направлена на сокращение разрыва между осо-

быми и обычными регионами (Alber et al., 2021), а также другие нормативные и управленческие вмешательства (во время кризисов — экономических, пандемии), и активность Конституционного суда.

Важной характеристикой организационного поля является структурная эквивалентность — сходство позиций в сетевой структуре. Итальянские регионы представляются структурно эквивалентными. Но характер отношений регионов определяет направление работы механизмов институциональных изоморфных изменений не в сторону конвергенции, а наоборот — в сторону дивергенции. Дело в том, что регионы в первую и существенную очередь связаны не друг с другом, а с национальным правительством. В этой системе доминируют билатеральные отношения регионов с центром по поводу полномочий и ресурсов, а влияние механизмов «координации третьего уровня» через межправительственные конференции и административные рабочие группы слабы. В силу различных структурных условий разных регионов, а также с учетом конкретной политической силы, которой обладает регион, результаты этих двусторонних отношений сильно разнятся между собой.

Таким образом, несмотря на то, что механизмы изоморфных изменений действуют, региональная система Италии остается высоко асимметричной и разнообразной в институциональном отношении. Работа механизмов изоморфных изменений оказывается одной из причин этого. Общая схема представляется следующей. Принудительные усилия национального центра запускают процесс индивидуальной региональной рецепции новаций. Их интерпретация и ответ на них информационно подпитываются примерами из других регионов (подражательно и/или нормативно). После этого предъявляются встречные претензии национальному правительству (одна из возможных логик — если другим можно, то и мы хотим). И Рим в зависимости от обстоятельств момента решает так или иначе.

Литература и источники

Гаман-Голутвина О., Дудаева М., (2022). Центр-региональные отношения в Италии в свете категориальной рефлексии, исторического опыта и испытания пандемией COVID-19 // *Международные процессы*. 20(1):6–37.

Димаджио П., Пауэлл У., (2010), Новый взгляд на «железную клетку»: институциональный изоморфизм и коллективная рациональность в организационных полях // *Экономическая социология*. Т. 11. № 1. С. 34–56.

Alber E., Arban E., Colasante P., Dirri A., Palermo F., (2022). Facing the pandemic Italy's functional "health federalism" and dysfunctional cooperation. In: *Comparative Federalism and COVID-19*. Routledge. P. 15–32.

Capano, G., Lippi, A., (2021). Decentralization, policy capacities, and varieties of first health response to the COVID-19 outbreak: evidence from three regions in Italy // *Journal of European Public Policy*, 28(8), 1197–1218.

Citroni G., Lippi A., Profeti S., (2016) Local public services in Italy: Still fragmentation. In: *Public and Social Services in Europe. From Public and Municipal to Private Sector Provision*. Palgrave Macmillan. P. 103–118.

DiMaggio P.J., Powell W.W., (1983), The Iron Cage Revisited: Institutional Isomorphism and Collective Rationality in Organizational Fields // *American Sociological Review*, Vol. 48, No. 2, pp. 147–160.

Palermo F., (2021), Asymmetries in the Italian regional system and their role model. In: *Federalism and Constitutional Law. The Italian Contribution to Comparative Regionalism*, Routledge. P. 136–151.

Palermo F., (2022). The impact of the pandemic on the Italian regional system. Centralizing or decentralizing effects? In: *Federalism and the Response to COVID-19. A Comparative Analysis*. Routledge. P. 104–112.

РОССИЙСКИЕ ИНТЕРНЕТ-СМИ О РОЛИ РОССИИ В УРЕГУЛИРОВАНИИ НАГОРНО-КАРАБАХСКОГО КОНФЛИКТА В 2022 Г.

Несмотря на окончание очередной горячей фазы Нагорно-Карабахского конфликта в 2020 г., процесс его урегулирования продолжается до сих пор. Периодически на границе между странами происходят вооруженные столкновения. В соответствии с соглашением о прекращении огня, с 2020 г. для гарантии стабильности в Нагорный Карабах был введен российский миротворческий контингент. Российские миротворцы также начали контролировать Лачинский коридор, соединивший Нагорный Карабах и Армению, и Нахичеванский коридор между Западным Азербайджаном и эксклавом Нахичевань.

Согласно проведенному ранее исследованию (Сухонина, 2023, 171), российским СМИ удалось держать информационный баланс при освещении военных событий в Нагорном Карабахе в 2020 г. Журналисты использовали сдержанные суждения, а основное внимание акцентировалось на ходе боевых действий, на разрушениях и страданиях людей, оказавшихся в зоне конфликта. Главное место в этом конфликте отводилось России, которая выступила посредником и миротворцем для воюющих сторон. Подавляющее большинство заявлений российских политиков содержали призывы к миру. Была представлена твердая позиция России и ее последовательные действия при урегулировании данного конфликта.

Однако в 2022 г. в связи с началом Специальной военной операции на Украине и в самом Нагорном Карабахе, и в мировом сообществе возникли опасения, сможет ли Россия сохранить свою роль посредника в вышеназванном конфликте. Ситуация осложнилась боями на границе в августе и сентябре 2022 г., а также кризисом вокруг Лачинской дороги и последовавшей гуманитарной катастрофой.

Для оценки транслируемого российскими СМИ дискурса в отношении событий в Нагорном Карабахе в 2022 г. было проведено новое исследование.

Позиция российских федеральных СМИ особенно важна при освещении конфликта в регионе, находящемся под пристальным влиянием всего мирового сообщества и служащем ареной столкновения внешнеполитических интересов как минимум пяти стран: Азербайджана, Армении, Турции, Ирана и России.

Исследование показало, что, безусловно, на фоне смещения вектора приоритетов российской внешней политики и прекращения активной фазы армяно-азербайджанского конфликта интерес к событиям в Нагорном Карабахе существенно уменьшился.

Публикации часто начинаются с сообщений Министерства обороны Нагорного Карабаха, а он сам снова называется «непризнанной республикой». Гораздо чаще в сообщениях стала упоминаться позиция и роль в конфликте не только региональных игроков, но и «коллективного Запада». Позиция российских СМИ стала более жесткой и непримиримой, но не к участникам конфликта, а по отношению к странам Европы и США. В ряде сообщений звучат обвинения, что стратегическая цель политики Евросоюза и США — стравить на Кавказе Россию и Турцию.

Во многих публикациях транслируется твердое убеждение о том, что Российская Федерация — единственное государство, чьи миротворческие силы и чья сильная позиция позволят не только сдержать эскалацию конфликта в регионе, но и позволят довести конфликтующие стороны до подписания итогового договора и положить конец многолетнему противостоянию. Таким образом, транслирование образа России как страны, несущей мир, порядок и стабильность, продолжается и в публикациях 2022 г.

Литература и источники

Добаев И.П. Геополитические интересы мировых держав в Кавказском макрорегионе // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2006. № 3–4. С. 128–139.

Заявление Президента Азербайджанской Республики, Премьер-министра Республики Армения и Президента Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/64384> (дата обращения: 22.08.2023).

Ибрагимов А. Нагорно-карабахский конфликт: предыстория, развитие, последствия // Постсоветские исследования. 2018. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nagorno-karabahskiy-konflikt-predystoriya-razvitiye-posledstviya> (дата обращения: 22.08.2023).

Указ Президента Российской Федерации от 10.11.2020 г. № 695 «О мерах по поддержанию мира в Нагорном Карабахе» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/46042> (дата обращения: 22.08.2023).

РБК-Новости [Электронный ресурс]. URL: <https://rbk.ru/> (дата обращения: 22.08.2023).

РИА-Новости [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/> (дата обращения: 22.08.2023).

Сухонина Н.А. Освещение вооруженного конфликта в Нагорном Карабахе в российских интернет-СМИ в 2020 году // Возможности и угрозы цифрового общества: материалы конференции / под ред.: А.В. Соколова, А.А. Фролова; Яросл. гос. ун-т им. П.Г. Демидова. — Ярославль: Филигрань, 2023.

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ НЕФОРМАЛЬНЫХ ПРАКТИК В АКТИВИСТСКИХ СООБЩЕСТВАХ (КЕЙС ГРАДОЗАЩИТНИКОВ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА)

Говоря о явлении институционализации неформальных практик, стоит упомянуть несовершенство институционалистского детерменизма и значимого упрощения таким образом явлений, происходящих в обществе. Ограничение настоящего исследования (как и, впрочем, разнообразных социальных исследований в современном мире) заключается в том, что любой дискурс существует в глобальном дискурсивном пространстве, где географические, институциональные, лингвистические границы, при всей их значимости, не являются абсолютно непроницаемыми (Морозов, 2009, 116). А потому выделение общественного движения «Центральный район за комфортную среду обитания» в исследовательском вопросе из общего активистского сообщества градозащитников является условным. Горизонтальные связи внутри разнообразных социальных движений, занимающихся городской защитой, сильны, и интересы зачастую пересекаются, что выражается в существовании «Градозащитного пресс-центра» — информационного ресурса, являющегося общим «рупором» разнообразных локальных инициатив и общим набором шаблонных вариантов решения сходных проблем, которые в настоящем исследовании рассматриваются как формы институционализации неформальных практик.

В ходе исследования ответ на исследовательский вопрос дается с опорой на классику политической теории в области исследования общественных движений и анализ эмпирического материала.

Исследовательский вопрос:

Какие формы принимает институционализация неформальных практик в активистских сообществах? (на примере движения «Центральный район за комфортную среду обитания»).

Методологией в исследовании выступили полуструктурированные интервью с последующим тематическим анализом, а также дискурс-анализ сообщества движения в популярной российской социальной сети «ВКонтакте». В ходе анализа была выделена схема истории движения, по которой произошел переход от атомизированного активизма к оформленности неформальных практик:

1) ситуативный приход ряда жителей Центрального района Санкт-Петербурга в активизм; 2) оформление сообщества (создание группы в «ВКонтакте», чатов в мессенджерах) — формирование внутренней иерархии (появление харизматического лидера (Вебер, 2016, т. 4, 208), бюрократизация как преобразование харизмы) — институционализация практик (появление шаблонных решений на происходящие в городской повседневности события).

Принято считать, что профсоюзы, в отличие от общественных движений, более институционализированы, имеют более устойчивые организации и взаимодействуют с государственными органами в рамках урегулированных, стандартных процедур. Несмотря на это, многие профсоюзные организации могут действовать за рамками этих процедур, т. е. сближаются с общественными движениями (Кулаев, 2023, 14). В рассматриваемом же случае движение «Центральный район за комфортную среду обитания», напротив, от разрозненных действий пришло к формализации практик, присущей неким системным организациям, и институционализации взаимодействий как внутри сообщества, так и с внешними акторами (например, представителями административных структур и органов исполнительной власти).

Институционализация неформальных практик также может быть объяснена через теорию политических возможностей. Гражданские активисты ставят перед собой цели исходя из определенной внешней структуры, влияющей также на репертуар коллективных действий. Сначала появляются политические возможности, позволяющие социальному движению достичь желаемого результата (Tarrow, 2011, 27). Таким образом, целью в связи с нынешним политическим курсом государства и неудачами массовых протестных кампаний последних пяти лет движение «Центральный район за комфортную среду обитания» ставит встраивание в существующую систему общественных институтов.

Методы и техники, используемые движением в его деятельности, связаны с тем, что Тилли и Тэрроу называют «политикой разногласий» (Tilly, Tarrow, 2007, 4). Представители власти вовлечены во взаи-

модействие с активистами как цель, от которой требуется исполнение требований. Государство в той или иной роли является обязательной частью «политики разногласий», что также объясняет стремление к созданию стандартизированных процедур и институционализации существующих практик.

Литература и источники

Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии [Текст]: в 4 т., Том 4. Господство; [пер. с нем.]; сост., общ. ред. и предисл. Л.Г. Ионина; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016.

Кулаев М. Профсоюзы, рабочие движения и гегемония в современной России. — М.: Издательство Института Гайдара, 2023. — 504 с.

Морозов В. Россия и Другие: идентичность и границы политического сообщества. — М.: Новое литературное обозрение, 2009. — 656 с.

Tarrow S. Power in Movement. Social Movements and Contentious Politics, — Cambridge: Cambridge University Press, 2011. — 322 p.

Tilly C., Tarrow S. Contentious Politics, — Boulder and London: Paradigm Publishers, 2007. — 289 p.

Ю.В. Уханова (Вологда),

А.Э. Жданова (Вологда)

МУНИЦИПАЛЬНАЯ ПУБЛИЧНАЯ ПОЛИТИКА И ФОРМИРОВАНИЕ КОМФОРТНОЙ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ

Исследование выполнено в рамках Государственного задания ФНИСЦ РАН за 2023 г. по теме «Муниципальная публичная политика в России-2023: возможности выстраивания местных партнерских институтов и механизмов в рамках единой публичной власти».

Экономическое развитие и процветание городов в настоящее время во многом зависит от качества городской среды, ее привлекательности и комфорта, при этом формирование комфортной городской среды не представляется возможным без взаимодействия и партнерства нескольких акторов: власти, бизнеса и жителей города. В этой связи можно утверждать, что сегодня важнейшим фактором в формировании стратегической повестки развития российских городов как комфортного пространства для жизни населения должна стать реализация концепции муниципальной публичной политики (МПП).

МПП представляет собой, во-первых, особое качество государственного управления, которое все более ориентируется на идеи постбюрократической организации, предполагающей переход от традиционной иерархической структуры управления в пользу горизонтальных отношений партнерства; во-вторых, активное гражданское участие и соответствующие процедуры в принятии властных решений; в-третьих, разработку с общественным участием различного рода программ для решения возникающих в обществе проблем, а также социальные технологии их реализации; в-четвертых, она охватывает процесс двусторонней коммуникации разнообразных общественных групп с органами власти, выстраиваемой большей частью симметрично, в диалоговом режиме (Никовская, Якимец, 2021).

Формирование комфортной городской среды является востребованной проблематикой в научном пространстве (Богданова, Глушкова, 2021; Диденко, Бабичев, 2023). Важность изучения проблем развития комфортной городской среды активно обсуждается на федеральном уровне власти. Президент России В.В. Путин поддерживает инициативы по развитию городской среды: «Нам нужно создать современную среду для жизни, преобразить наши города и поселки. При этом важно, чтобы они сохранили свое лицо и историческое наследие» (Федеральный проект, 2023). Таким образом, следует констатировать признание значимости проектов, направленных на формирование качественной городской среды, как в общественно-политическом, так и академическом дискурсе.

На наш взгляд, рассматривая вопросы развития российских городов, отдельное внимание необходимо уделять возможностям и барьерам формирования комфортной городской среды на принципах единства активных местных публичных сил и муниципальной власти, механизма общественного диалога и партнерства.

В настоящем исследовании проблема формирования комфортной городской среды сквозь концепт муниципальной публичной политики рассмотрена на примере двух муниципальных образований Северо-Западного федерального округа — Петрозаводского городского округа и Городского округа «Город Вологда». Для осуществления сравнительного анализа используются данные индекса качества городской среды, рассчитанного Министерством строительства и жилищно-коммунального хозяйства РФ с 2018 по 2022 г.

Под формированием комфортной (качественной) городской среды нами трактуется «деятельность по обеспечению достойного уровня бытового обслуживания, сбалансированности транспортной инфраструктуры, возможности для беспрепятственного перемещения различных категорий граждан, грамотного районирования, удовлетворения социальных, культурных, образовательных, рекреационных потребностей горожан, адекватный уровень шумового и информационного загрязнения» (ГОСТ Р 70390-2022, 2022).

С целью формирования комфортного городского пространства в 2018 г. был запущен национальный проект «Жилье и городская среда», который включает в себя, в том числе Федеральный проект «Формирование комфортной городской среды». Проект нацелен на благоустройство общественных пространств, парков, набережных, придомовых территорий и др. Для населения муниципальных образований создан механизм вовлечения, благодаря которому каждый гражданин страны старше 14 лет может принимать участие в решении вопросов развития городской среды.

Таким образом, в основе формирования качественной городской среды заложен принцип партисипаторного участия (соучастия населения), что является ключевой характеристикой муниципальной публичной политики. Вовлечение населения в различные гражданские инициативы по решению социальных проблем города признается значимым элементом эффективного городского управления (Reichborn-Kjennerud, Orhaug, 2018).

В рамках Федерального проекта «Формирование комфортной городской среды» во всех городах страны проводится мониторинг развития и формирования городской среды посредством отслеживания динамики индекса качества городской среды. В результате получается матрица по шести пространствам, оцененным по шести критериям. Максимально город может набрать 360 баллов, соответственно, чем выше индекс, тем благоприятнее территория проживания. Минстрой предлагает следующую градацию: от 0 до 180 баллов — неблагоприятная городская среда, от 180 и выше — благоприятная городская среда. Основными методами сбора информации для формирования индекса являются государственная статистика, данные геоинформационных систем и дистанционного зондирования территорий.

Для сравнительного исследования отобраны областные столицы СЗФО — Вологда, которая является областной столицей Вологодской области, и Петрозаводск — столица Республики Карелия. Согласно статистическим данным, на январь 2023 г. на территории Вологды проживает 306,6 тыс. человек, в Петрозаводске — 279,2 тыс. человек, соответственно оба городских округа относятся к категории крупных.

Как показывает проведенный анализ, исследуемые города по значению индекса относятся к территориям с благоприятной городской средой, при этом наблюдается позитивная динамика показателя (табл. 1). В 2018 г. г. Вологда было набрал 194 балла, в 2022 г. индекс составил 221 балл (прирост 27 баллов). Петрозаводск на протяжении пяти лет также относится к городам с благоприятной городской средой, хотя несколько отстает в значении показателя от Вологды. В 2022 г. индекс стал равен 220 баллам, что на 35 баллов больше, чем в 2018 г. (185 баллов).

Таблица 1.

Динамика индекса качества городской среды в г. Вологде и г. Петрозаводске, баллы

Город	год					Динамика за 5 лет
	2018	2019	2020	2021	2022	
Вологда	194	206	210	218	221	+27
Петрозаводск	185	193	203	212	220	+35

Источник: Результаты // Индекс формирования индекса качества городской среды: [сайт]. URL: <https://индекс-городов.рф/#/methodology> (дата обращения: 15.09.2023).

По данным табл. 2 можно отметить, что наиболее проседающими индикаторами городской среды в г. Вологде являются общественно-деловая инфраструктура и общегородское пространство, однако на протяжении пяти лет самые высокие оценки получают озелененные пространства города. В г. Петрозаводске прямо противоположная ситуация: озелененные пространства проседают, а жилье и вся территория города получают высокие баллы. Скорее всего данная ситуация связана с территориально-климатическими условиями и туристическим потенциалом региона.

**Динамика индекса качества городской среды
в г. Вологде и г. Петрозаводске по индикаторам, баллы**

Индикаторы	г. Вологда					г. Петрозаводск				
	2018	2019	2020	2021	2022	2018	2019	2020	2021	2022
Жилье и прилегающие пространства	28	45	43	44	46	33	41	41	42	42
Улично-дорожная сеть	31	28	31	32	32	30	24	32	33	35
Озелененные пространства	49	44	44	42	40	23	26	26	27	31
Общественно-деловая инфраструктура и прилегающие пространства	37	36	31	34	34	38	38	35	36	37
Социально-досуговая инфраструктура и прилегающие пространства	26	29	34	36	39	23	25	30	32	33
Общегородское пространство	23	24	27	30	30	38	39	39	42	42
Итоговый показатель	194	206	210	218	221	185	193	203	212	220

Источник: Результаты // Индекс формирования индекса качества городской среды: [сайт]. URL: <https://индекс-городов.рф/#/methodology> (дата обращения: 15.09.2022)

Рассчитываемый индекс является удобным инструментом для органов власти в определении приоритетных направлений для развития в городе. Однако нами выявлено, что индекс имеет ряд недоработок. Существенным недостатком является отсутствие необходимой информации, которая напрямую характеризует уровень комфортности городской среды. К примеру, невозможно, оценить качество сданного жилья или дорог, уровень развития инфраструктуры здравоохранения и образования, обеспеченность объектами социально-бытового обслуживания населения.

Несомненно, индекс качества городской среды является удобным инструментом для руководства по определению первоочередных направлений развития городской среды. Наблюдается позитивная динамика значения индекса и его отдельных индикаторов, однако возникает справедливый вопрос, осуществляется ли это благодаря эффективной управленческой работе или же просто скорректированной методике сбора и систематизации данных.

Основным недостатком является то, что в расчете индекса никаким образом не учитывается субъективное мнение местного населения относительно реализуемых задач. Полагаем, что общественное мнение является важным фактором в городском развитии, так как дополняет и раскрывает информацию о проблемных точках в развитии городского пространства, позволяет выработать единый курс на их преодоление с учетом мнения самих горожан. Этот аспект является серьезным ограничением в реализации концепции муниципальной публичной политики в вопросах формирования комфортной городской среды.

Резюмируя, подчеркнем, что формирование комфортной городской среды является сложным, динамичным и собирательным процессом, а также стратегическим приоритетом развития для государства. Ключевым инструментом оценки состояния городов как комфортного пространства для жизни, а также выработки управленческих решений для развития такого пространства выступает индекс качества городской среды, который рассчитывается Министерством строительства и жилищно-коммунального хозяйства РФ путем оценки шести городских пространств по шести критериям. Проведенный анализ на материалах двух крупных городов СЗФО выявил, что несмотря на все положительные эффекты, разработанный индексный инструмент не позволяет в полной мере оценить качество проживания в городе, так как многие важнейшие составляющие качества городского пространства остаются без должного внимания.

Главным недостатком методики выступает отсутствие учета общественного мнения самих местных жителей, несмотря на то, что в стратегических документах признается важность участия граждан в развитии города. Представляется, что для дальнейшей корректировки управленческих решений

в области городского развития необходимо опираться на баланс интересов основных социальных групп местного сообщества и власти, межсекторное партнерство и принципы согласования интересов, что составляет основу муниципальной публичной политики.

Литература и источники

Богданова Л.П., Глушкова М.А. Оценка качества городской среды населением города Твери // Вестник Тверского гос. ун-та. Сер.: География и геоэкология. 2021. № 2 (34). С. 14–24. DOI: 10.26456/2226-7719-2021-2-14-24.

ГОСТ Р 70390-2022. Комплексное благоустройство и эксплуатация городских территорий. Социокультурное программирование. Основные требования и процессы: утвержден и введен в действие приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 10 октября 2022 г. № 1097-ст. URL: <chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/https://files.stroyinf.ru/Data/789/78955.pdf>.

Диденко А.Н., Бабичев И.В. Нормативные и социально-экономические условия формирования межсекторного взаимодействия (местные сообщества-бизнес-муниципалитет-государство-научные и экспертные сообщества) на региональном и муниципальном уровнях как технологии комплексного и устойчивого развития территории и повышения ее человеческого потенциала // Местное право. 2023. № 2. С. 3–32.

Никовская Л.И., Якимец В.Н. О состоятельности институтов и субъектов муниципальной публичной политики (на примере Костромской и Ярославской областей) // Полис. Политические исследования. 2021. № 3. С. 38–56. DOI:10.17976/jpps/2021.03.04

Федеральный проект Формирование комфортной городской среды: официальный сайт проекта. URL: <https://35.gorodsreda.ru/>

Reichborn-Kjennerud K, Ophaug E. Resident Participation in an Era of Societal Self-Organisation: The Public Administrative Response in Tøyen // *Scandinavian journal of public administration*. 2018; 22(2):65–87.

ЭТНОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА КАК ИНСТРУМЕНТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ: ПРОБЛЕМЫ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ

Интерес к этнологической экспертизе (далее также — ЭЭ) обусловлен тем, что достижение стратегических целей России в Арктике требует согласования национального интереса России, интересов групп коренных жителей этого региона, интересов территориальных сообществ, обеспечивающих промышленное освоение в целом и, конечно же, интересов бизнеса. Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года (определена Указом Президента РФ № 645 от 26.10.2020) обозначила сразу несколько направлений поддержки коренных жителей Арктики, в том числе и сохранение их традиционной культуры. Несколько ранее Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации до 2025 года (подп. «е» пункта 22.1) признала ЭЭ одним из инструментов реализации государственной национальной политики РФ, т. е. косвенно признала значение института в качестве инструмента согласования конкурирующих интересов. Эту позицию разделяет широкий круг российских экспертов, законодателей, чиновников и политиков, что подтвердили участники дискуссии «Этнологическая экспертиза с целью устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера — практика, проблемы и перспективы дальнейшего развития», организованной Проектным офисом развития Арктики 27 июля 2023 г. Однако выбор юридической дефиниции ЭЭ стал серьезной проблемой, препятствующей принятию соответствующего федерального закона. Завершится ли новый этап институционализации ЭЭ в России (который логично отсчитывать с 2016 г., когда было дано поручение Президента РФ о нормативном закреплении ее процедуры) принятием специального федерального закона?

Решение этой задачи возможно, если принять во внимание ряд обстоятельств.

Первое. Дефиниция ЭЭ в проекте закона (2018), разработанного экспертами Федерального агентства по делам национальностей РФ (ФАДН), отразила представление о ней как направлении (или методе) научных исследований. В самом деле, история ЭЭ в советской и российской науке охватывает более шестидесяти лет, что и нашло отражение в Федеральном законе «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» (1999). В нем ЭЭ определена как «научное исследование влияния изменений исконной среды обитания малочисленных народов и социально-культурной ситуации на развитие этноса» (пункт 6 статьи 1). Практика правового регулирования ЭЭ в субъектах РФ, а также опыт ее проведения в отношении масштабных проектов и в условиях экологических бедствий (Мурманская область, 2023, Красноярский край, 2020) требуют иного определения: как оценки воздействия конкретных промышленных проектов на индигенные сообщества (Бурцева, 2023, 60). Именно в таком понимании ЭЭ рассматривается всеми участниками взаимодействия в качестве «инструмента политики должной осмотрительности при осуществлении предпринимательской деятельности» (Тимошков, 2023). Не случайно именно этнологи и антропологи стали главными критиками прежней дефиниции: оно «заиклено» на проблеме сохранения традиционного природопользования, в то время как задачей является сохранение традиционной культуры в целом и выработка программ развития коренных сообществ в условиях модернизации. В ходе дискуссии 2018 г. (на страницах журнала «Этнографическое обозрение») Д.А. Функ предложил радикальное решение проблемы: отказаться от специальных методов ЭЭ и применять методологию оценки социального воздействия (SIA) (Функ, 2018, 78). Итак, критически важно признать, что определение ЭЭ в Федеральном законе требует пересмотра. Оптимальное решение — отражение в нем фактически реализуемой функции ЭЭ: согласования и интеграции интересов государства, коренных малочисленных народов, бизнеса и «некоренных» жителей осваиваемых территорий (ставших в результате многих потоков трудовой миграции большинством на исконных землях автохтонов).

Второе. В концепции будущего федерального закона следует учесть, что конституционные положения о коренных малочисленных народах включены в главу о федеративном устройстве, а не в главу о правах и свободах человека и гражданина. Право индигенных народов — элемент российских федеративных отношений. Иными словами, без внятного разграничения полномочий в вопросах

регулирования, организации и проведения ЭЭ между федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъектов РФ невозможно получить качественный закон. И, конечно, необходимо сохранить вариативность региональных практик ЭЭ, так как она объективно отражает разнообразное положение коренных малочисленных народов в субъектах РФ. Общими должны быть базовые положения, обусловленные конституционными обязательствами российского государства. Например, в части оснований для проведения ЭЭ в обязательном порядке, публичности ее результатов, гарантий участия в процессе проведения представителей коренных малочисленных народов и т. д.

Третье. Федеральный закон должен признать факт амбивалентной практики организации ЭЭ в субъектах РФ. Наиболее успешным стал опыт регулирования этнологической экспертизы как института публичного права в Республике Саха (Якутия) (Кривошапкина, 2020, 64), наиболее распространенным — опыт ее регулирования в логике частного (договорного) права (в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре, Красноярском крае, Сахалинской области). Полагаю, что федеральный закон должен определить небольшой закрытый перечень оснований, при наличии которых этнологическая экспертиза будет проводиться обязательно, и порядок ее проведения будет соответствовать логике публично-правового процесса (Филиппова, 2022, 35). Например, такой порядок можно предусмотреть для последующей, в случае экологических бедствий, этнологической экспертизы. За пределами этого перечня оснований субъекты РФ должны сохранить право выбора модели регулирования (публично-правовой или частно-правовой). Необходимы лишь гарантии эффективности каждой модели в федеральном законе. Так, для договорной модели гарантиями могут быть: требование СПОС (свободного, предварительного и осознанного согласия автохтонов) и разработка долгосрочных программ содействия развитию таких народов (помимо выплат, компенсирующих убытки, причиненные нанесенным ущербом экологической среде) (Новикова, 2018, 11).

Четвертое. Федеральный закон должен быть коротким рамочным. Детали следует оставить для подзаконного регулирования (тем более, ключевые правовые акты Правительства РФ уже приняты) и для соответствующего законодательства субъектов РФ. Опыт принятия таких федеральных законов есть. Достаточно вспомнить лаконичный по содержанию Федеральный закон «Об уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации» (он включает всего 19 статей). Закон обеспечил единство в главном (порядке обращения граждан и гарантиях государственной защиты прав уполномоченным по правам человека в субъекте РФ), сохранив многообразие практик организации института.

Наконец, пятое. Закон должен базироваться на предыдущих наработках законодательных органов. Все ранее предложенные проекты, аналитические доклады экспертных и рабочих групп (а такие работали и при Совете Федерации, и при Государственной Думе), необходимо собрать, сопоставить и выявить решения, наиболее удачные с точки зрения юридической техники. Например, эксперты из Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова, ставшие авторами законодательства об ЭЭ Республики Саха (Якутия) (Слепцов, 2017, 44), убедительно доказали необходимость параллельного (с принятием закона об ЭЭ) внесения изменений в административное законодательство, без чего обязательная этнологическая экспертиза останется правовой фикцией. Однако и в этом случае надо учесть особенности российского федерализма. ЭЭ, став обязательной, может толковаться как ограничение конституционной свободы экономической деятельности. Такие ограничения возможны только на основании федерального конституционного или федерального закона (ст. 55, 71, 76 Конституции РФ).

Дискуссия о том, вправе ли субъект РФ своими законами устанавливать такие основания и меры административной ответственности, которые не предусмотрены федеральным законодательством, вышла на свой очередной виток после известного Постановления Конституционного Суда РФ № 49-П (о конституционности постановления Губернатора Московской области о введении режима повышенной готовности) от 25.12.2020. Судом сформулирован интересный аргумент: при установлении правомерных ограничений конституционных прав необходимо введение и мер административной ответственности, это «естественный элемент механизма правового регулирования». Полагаю, что именно федеральный закон, исходя из положений статьи 69 Конституции, должен установить критерии допустимости ограничений свободы экономической деятельности в тех случаях, когда

такое ограничение обусловлено обязательством России гарантировать права коренных малочисленных народов.

Литература и источники

Бурцева Е.И. Промышленное освоение территорий Арктической зоны Якутии и этнологическая экспертиза инвестиционных проектов / Е.И. Бурцева, А.Н. Слепцов, А.Н. Бысыина // Арктика и Север. — 2023. — № 51. — С. 52–72.

Кривошапкина О.А. Этнологическая экспертиза как элемент организационно-экономического механизма регулирования природопользования при реализации проектов промышленного освоения территории / О.А. Кривошапкина // Арктический вектор: этнологическая экспертиза — вчера, сегодня, завтра: Материалы III региональной научно-практической конференции, посвященной 10-летию принятия Закона Республики Саха (Якутия) «Об этнологической экспертизе в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия)», Якутск, 27–28 сентября 2020 года / Министерство по развитию Арктики и делам народов Севера Республики Саха (Якутия), Государственное собрание Республики Саха (Якутия), Академия наук Республики Саха (Якутия). — Якутск: Агентство СІР НБР Саха, 2020. — С. 64–73.

Новикова Н.И. Участие коренных малочисленных народов России в принятии решений / Н.И. Новикова // Вестник Российской нации. — 2018. — № 5(63). — С. 9–21.

Слепцов А.Н. Вопросы нормативного закрепления этнологической экспертизы в местах традиционного проживания и хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера на примере Якутии / А.Н. Слепцов // Юрист. — 2017. — № 19. — С. 42–46.

Тимошков С.Н. В ООН неоднократно отмечали положительный российский опыт этнологической экспертизы / С.Н. Тимошков // Проектный офис развития Арктики. 2023 [Электронный ресурс]. URL: <https://porarctic.ru/ru/comments/sergey-timoshkov-v-oon-neodnokratno-otmechali-polozhitelnyy-rossiyskiy-opyt-etnologicheskoy-eksperti/> (дата обращения: 17.09.2023).

Филиппова Н.А. Этнологическая экспертиза: обязательная или факультативная? / Н.А. Филиппова // Защита прав и интересов коренных малочисленных народов Севера посредством междисциплинарных гуманитарных исследований: Сборник статей Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Ханты-Мансийск, 04 марта 2022 года / Отв. редактор О.Н. Науменко. — Ханты-Мансийск: Югорский государственный университет, 2022. — С. 33–36.

Функ Д.А. «Этнологическая экспертиза»: российский опыт оценки социального воздействия промышленных проектов / Д.А. Функ // Этнографическое обозрение. — 2018. — № 6. — С. 66–79.

А.А. Фролов (Ярославль),
Е.Д. Гребенко (Ярославль)

НИЗОВАЯ ГРАЖДАНСКАЯ АКТИВНОСТЬ В ЯРОСЛАВСКОЙ ОБЛАСТИ: ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Исследование выполнено за счет средств Программы развития ЯрГУ до 2030 года, проект № ГМ-2023-5 «Низовая гражданская активность в Ярославской области: нормативная регламентация и практики реализации».

Участие граждан в общественно-политической жизни общества рассматривается с разных сторон, в том числе через формы гражданской активности. Такая активность может проявляться в различных сферах жизни общества: политика, экономика, социальная сфера, культура, экология и др. Гражданская активность обусловлена потребностью индивида, организаций и общества в целом в решении важных задач, как на местном, так и на глобальном уровнях. Степень активности социальных групп и индивидов зависит от развитости гражданского общества в государстве, от механизмов и инструментов для ее реализации. Одними из главных факторов объединения людей для решения общих проблем и задач являются добровольная основа участия и понимание механизмов взаимодействия с разными заинтересованными сторонами. Важным также становится выявление активистами их мотивов (явных или скрытых) (Васильева, Зерчанинова, Никитина, 2022, 56), средств и технологий для взаимодействия (Парма, 2022, 40–41), в том числе с использованием Интернета (Домбровская, Синяков, 2021, 180).

Одним из направлений изучения гражданской активности являются практики ее реализации на локальных уровнях, на уровне местных сообществ эти проявления можно трактовать как низовую гражданскую активность. Это направление подразумевает участие граждан в процессе принятия решений на уровне местного самоуправления, начиная с участия в территориальном общественном самоуправлении, городских собраниях и общественных слушаниях до решения вопросов на уровне региона. Главными ресурсами данной активности являются инициативные группы и сообщества, которые предпринимают действия по решению локальных проблем. В работе будут рассмотрены особенности реализации низовой гражданской активности на территории Ярославской области.

Методика исследования. Эмпирической базой исследования выступили результаты глубинного интервью экспертов по формализованной анкете. Экспертами выступили специалисты Ярославской области, которые в своей профессиональной деятельности сталкиваются с низовой гражданской активностью. В опросе приняли участие 6 сотрудников органов государственной власти, 5 сотрудников органов муниципальной власти, 7 сотрудников государственных и муниципальных структур, 8 руководителей некоммерческих организаций, 1 гражданский активист, 3 руководителя ТОС, 2 депутата муниципальных образований и 1 сотрудник университета.

Результаты исследования. Исходя из оценки экспертов, можно отметить, что низовая гражданская активность (далее — НГА) в Ярославской области делится на две основные категории. Первая включает в себя деятельность институционализированных организаций некоммерческого сектора и неформальных объединений (без статуса юридического лица). В эту группу эксперты включили различные некоммерческие организации региона, выделяя молодежные и студенческие организации, а также неформальные объединения, которые зачастую осуществляют свою деятельность в онлайн-пространстве. Отдельно можно выделить деятельность территориальных общественных управлений (далее — ТОС), которые, по мнению экспертов, активно развиваются в регионе, хотя большинство из них не имеет статуса юридического лица, что в том числе не позволяет им расширять свою деятельность за счет участия в грантовых конкурсах. Ко второй категории можно отнести ситуационные проявления гражданской активности, главным образом иницируемые отдельными гражданами или группой граждан по конкретному вопросу. Особенностью такой активности является то, что она возникает как способ защиты населением своих интересов и прав. В данной категории можно при-

вести пример борьбы с точечной застройкой Ярославля в начале 2000-х, когда жители активно боролись против инициативы властей и бизнеса.

Говоря об общем состоянии НГА в Ярославской области, эксперты отмечают тенденцию к увеличению практик низовой активности. Это связано с увеличением активности региональной власти и органов местного самоуправления по вопросам обсуждения проблем и принятия совместных решений с гражданами. Также эксперты отмечают увеличивающуюся динамику участия граждан в решении локальных проблем. Несмотря на вышеописанные тенденции, многие эксперты утверждают, что НГА развивается по инициативе органов власти, нежели граждан, что ставит под формальный контроль институтов власти деятельность НГА в Ярославской области. Примером этого может служить активное влияние органов власти на развитие ТОС в Ярославской области. Эксперты отмечают, что в большей степени НГА представлена в регионе деятельностью некоммерческих организаций, которые концентрируют вокруг себя практики гражданской активности. Властям в свою очередь становится легче взаимодействовать именно с некоммерческими организациями, чем с отдельными гражданами, так как НКО выражают консолидированное мнение отдельных социальных групп в регионе. Как было сказано выше, в Ярославской области активно развиваются молодежные и студенческие организации. Власть заинтересована в стимулировании развития молодежных объединений по ряду причин. Первая — это лояльность молодого населения региона к органам власти, проявляющаяся в успешных практиках реализации проектов, инициируемых федеральной и региональной властью. Вторая причина — это возможности долгосрочной перспективы развития позитивных отношений органов власти с будущим поколением, которое в дальнейшем должно стать активным субъектом принятия общественно важных решений.

Эксперты выделяли важность коммуникационной составляющей, возникающей при взаимодействии активистов с властью и друг с другом. Так, несколько лет назад активисты в Ярославской области действовали в рамках формальных объединений, порог входа в которые был ограничен ввиду отсутствия широких сетей коммуникации между гражданами. Сейчас же развитие информационно-коммуникативных технологий и цифрового пространства привело к трансформации способов коммуникации, расширив возможности широкого участия для граждан. Эксперты приводят в пример развитие НГА в социальных сетях, где активисты могут напрямую взаимодействовать с органами власти и другими участниками, заинтересованными в решении проблем. Эксперты делают вывод, что трансформация коммуникации способствовала более широкому и быстрому развитию НГА в Ярославской области, в том числе за счет упрощения процедур создания онлайн-сообществ в социальных сетях и мессенджерах. При этом отмечается, что увеличение онлайн-активизма привело к ослаблению в проявлении очных форм участия и коммуникации, особенно в молодежной среде.

Рассматривая НГА в Ярославской области, эксперты отмечали важность мотивации участия активистов. Можно выделить два примера мотивов: первый связан с желанием участников решить насущную проблему, второй, с возможностью самореализации через публичное участие. По мнению экспертов, подобные примеры прослеживаются у многих представителей общественных объединений. Немаловажным остается и запрос активистов на материальное обеспечение деятельности общественных организаций, поэтому органы власти активно проводят грантовые конкурсы, направленные на решение социальных проблем, что обуславливает развитие социально ориентированных некоммерческих организаций в регионе. Одним из ярких примеров взаимодействия некоммерческих организаций с органами власти является «Ресурсный центр поддержки НКО и гражданских инициатив» в Ярославской области, который своей деятельностью помогает некоммерческому сектору и активно взаимодействует с органами власти для эффективного развития практик НГА внутри региона.

Делая выводы, можно сказать, что эксперты смогли обозначить перспективы развития НГА в Ярославской области. Главным образом они связаны с ростом количества практик проявлений НГА и с появлением новых форм активности, связанных с трансформацией и совершенствованием коммуникативных технологий. Также эксперты отмечают возможность трансформации законодательства относительно деятельности активистов и общественных организаций, что в перспективе приведет к расширению на законодательном уровне форм для осуществления НГА в регионе. Многие эксперты утверждают, что, несмотря на попытки вовлечения широкого слоя граждан в НГА, катализатором ее развития будут именно институционализированные общественные объединения и их лидеры, ко-

которые смогут во взаимодействии с органами власти реализовывать социально значимые проекты, укладывающиеся в текущую политическую реальность региона.

Литература и источники

Васильева Е.И., Зерчанинова Т.Е., Никитина А.С. Исследование современных социальных и политических альтернативных форм гражданской активности молодежи. Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2022. С. 56–64.

Домбровская А.Ю., Синяков А.В. Стратегии онлайн-сетевой гражданской активности и ценностные профили молодых россиян: результаты кластерного анализа и многомерного шкалирования. Власть. Т. 29 № 4. 2021. С. 180–186.

Парма Р.В. Гражданская активность поколений в современном российском обществе. Вестник Института социологии. 2022. Том 13. № 2. С. 31–44.

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ КУЛЬТУРА ПОЛИТИЧЕСКОГО АКТОРА: ПРОБЛЕМАТИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Организационная культура как один из базовых элементов любой (в том числе и политической) организации представляет собой интерес для исследователей, как с практической, так и теоретической точек зрения. Здесь можно обратиться к утверждению И. Адизеса, который в своих «Размышлениях о политике» приходит к выводу, что ключевым фактором успеха любой системы, «будь то личность, семья, коммерческая организация или целая страна» (Адизес, 2016, 27), является культура. Значительно лучше процесс изучения и открытого представления результатов исследований такой культуры выстроен в рамках коммерческих структур. Одним из наглядных следствий этого является «значительное количество общедоступных публикаций, демонстрирующих лучшие практики, глубокую критику внутренних процессов компаний, а также растущее число образовательных и тренинговых программ на основе пройденного опыта» (Невзоров, Фролова, 2022, 164). Подобных исследований организационной культуры политических акторов пока, к сожалению, немного.

Согласно имеющейся практике, целью таких исследований, чаще всего, становится практический аспект, а именно повышение эффективности управления актором. В этом контексте важным становится следующий вопрос: есть ли возможность успешно привнести в поле политического актора те технологии и методы, которые доказали свою эффективность в корпоративной среде? Как, в таком случае, стоит учитывать специфику политического актора и в чем она состоит? Вероятно, на первый из двух вопросов можно дать положительный ответ: в сфере политического мы можем наблюдать тенденции, аналогичные тем, что происходят в мире бизнеса, прежде всего, потому что мир стал глобальным.

Спецификой организационной культуры ряда политических акторов является то, что она может оказывать влияние на принятие тех или иных общественно значимых решений и формирование политического курса. Сегодня можно встретить ряд исследований, посвященных поиску ответа на вопрос, как «организационные характеристики государственного аппарата... систематически обеспечивают, ограничивают и формируют процесс государственного управления, таким образом, делая определенные предпочтения в рамках принятия решений о дальнейшем политическом курсе» (Egeberg, Trondal, 2018, VII). Специфические особенности политического проявляются и при применении различных менеджерских концептов, таких как этическое лидерство, управление по ценностям, управление разнообразием и др.

На наш взгляд, основными задачами для исследовательского процесса организационной культуры политического актора являются следующие:

- 1) артикуляция возможных исследовательских подходов;
- 2) выявление основных типов организационной культуры;
- 3) определение причинно-следственной связи между лидерством и организационной культурой политического актора.

Касательно первой обозначенной задачи, а именно возможной методологии исследования организационной культуры, предполагается обратиться к трудам классика этого направления Э. Шейна (Шейн, 2002). Он выделял ряд основных подходов, среди которых этнографический метод и авторская методика клинического исследования. Особенностью клинического подхода является первичное наличие проблемы в организации, которая и становится мотивом для исследования и приглашения консультанта/клинициста; «однако в процессе работы над ее решением он [консультант] вынужден заниматься выявлением необходимой культурологической информации» (Шейн, 2022, 46).

Для выявления основных типов организационной культуры политического актора можно обратиться к подходу Г. Моргана, представленному в его работе «Образы организации» (Morgan, 1997), где он предлагает типологизировать природу организаций с использованием метафор. Применительно к политическим акторам стоит обратиться к двум метафорам Г. Моргана: естественная организация (организация как организм) и самообучающаяся организация (организация как мозг). Подобная ди-

хотомия позволяет выявить логику функционирования актора и проанализировать ключевые параметры организационной культуры, такие как влияние внешней среды, особенности структуры, роль и специфика целеполагания, возможности к самообучению и ценностный аспект. Внедрение принципов самообучения в политических акторах, прежде всего в органах государственного управления, связано с изменениями организационной культуры в целом и невозможностью справляться с «теми проблемами и требованиями, которые выдвигает современная ситуация и общество» (Идрисова, 2006, 18). В дополнение к этому значительно возрастает роль ценностей в специфике организационной культуры. «Ценностный аспект наиболее важен для становления самообучающихся организаций» (Концевич, 2018, 94) в связи с тем, что он обеспечивает опорную структуру, необходимую для современного управления. Существует также возможность синтеза наиболее эффективных характеристик двух типов организационной культуры, по Г. Моргану через подход Ф. Лалу (Лалу, 2020) о «бирюзовых» организациях. Однако может ли политический актор стать «бирюзовым»? Представляется, что сегодня нельзя дать однозначный ответ на этот вопрос. «Так, например, политическая партия с четкой иерархичной структурой, вероятно, не может стать полностью «бирюзовой» — в противном случае ей пришлось бы трансформироваться в сетевую организацию» (Фролова, Невзоров, 2023, 19).

Наконец, третья обозначенная задача — выявление причинно-следственной связи между лидерством и организационной культурой политического актора — вероятно, может быть решена посредством обращения к трем исследовательским областям: практикам менеджмента, историческим и культурным типам лидерства и специфике управления в политике. И точкой отсчета здесь видится следующий исследовательский вопрос: что первично, организационная культура или лидерство? Можно ли увидеть такую взаимосвязь в рамках политического актора по аналогии с утверждением И. Адизеса: «Лидеры растущих организаций оживляют их характер своим поведением. В стареющих организациях именно культура определяет стиль руководства» (Адизес, 2014, 191). Эти и другие проблемы предстоит разрешить в перспективе дальнейших исследований.

Литература и источники

Адизес И.К. (2014) Управление жизненным циклом корпорации / Пер. с англ. В. Кузина. М.: Манн, Иванов и Фербер.

Адизес И.К. (2016) Размышления о политике / Пер. с англ. Постриган Н. Под ред. Чедия А. М.: Манн, Иванов и Фербер.

Идрисова А.Р. (2006) Формирование самообучающейся организации в системе государственного управления. Дис. ... канд. соц. наук. Казань: КГТУ.

Концевич Г.Е. (2018) Анализ факторов и тенденций становления самообучающихся организаций в современной России. Майкоп: «Магарин О.Г.».

Лалу Ф. (2020) Открывая организации будущего / Пер. с англ. В. Кулябиной. Науч. ред. Е. Голуб. М.: Манн, Иванов и Фербер.

Невзоров М.В., Фролова Ю.Н. (2022) Организационная культура политических акторов как перспективное направление исследования, Государственное управление. Электронный вестник, № 90 (февраль), с. 156—171. DOI 10.24412/2070-1381-2022-90-156-171

Фролова Ю.Н., Невзоров М.В. (2023) Организационная культура политического актора: естественная или самообучающаяся организация // Вестник Пермского университета. Политология. Т. 17, № 2. С. 15–25. DOI 10.17072/2218-1067-2023-2-15-25. EDN DXEAVU.

Шейн Э.Х. (2002) Организационная культура и лидерство / Пер. с англ. под ред. В.А. Спивака. СПб.: Питер.

Egeberg M., Trondal J. (2018) An organizational approach to public governance: Understanding and design. Oxford: Oxford University Press.

Morgan, G. (1997) Images of organization. San Francisco, CA: Berrett-Koehler Publishers.

ИНСТИТУТЫ И ИНСТРУМЕНТЫ МЕЖРЕГИОНАЛЬНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА: ОПЫТ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА И ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

Тенденции глобализации и усиление противоречий во взаимодействии игроков международного поля, стремительное развитие цифровой инфраструктуры и высокие темпы роста урбанизации влияют на изменения предметного поля политической науки, как в России, так и в мире. В условиях крайней неопределенности межрегиональное взаимодействие воспринимается как важнейшее направление региональной политики и условие устойчивости национальных государств. Для понимания специфики и проблем регионального управления России недостаточно принимать во внимание только число субъектов Российской Федерации, ведь в их рамках административно-территориальное деление нашей страны включает 150 тыс. населенных пунктов, более 18 тыс. городских и сельских поселений, более 2 300 муниципальных районов и городских округов (Бусыгина, 2011; Николаев, 2012). И на этих территориях формируются группы интересов и элиты, возникают оригинальные и амбициозные проекты, складываются как формальные, так и неформальные практики взаимодействия, развивается культура участия.

Анализ сложившейся до 2014 г. практики показывает, что субъекты РФ основное внимание уделяют таким формам межрегионального взаимодействия:

- взаимный товарообмен;
- участие в межрегиональных выставках-ярмарках;
- реализации совместных проектов в области инвестиционной и инновационной деятельности;
- развитию производственных связей и кооперации;
- сотрудничеству в области энергетики, транспорта, связи и т. д. (Николаев, 2012, 63).

После установления режима международного санкционного давления с 2014 г. к вышеперечисленным направлениям добавляются совместная проектная деятельность по импортозамещению, а позже — взаимодействие в рамках борьбы с пандемией и ее последствиями, активизация цифрового, платформенного взаимодействия и выстраивание новых логистических цепочек в условиях политической турбулентности. Для Ленинградской области, как для приграничного субъекта Российской Федерации, последние направления деятельности оказались крайне важны (Волкова, 2018). Несмотря на то, что направления межрегионального сотрудничества во многом определяются политикой, реализуемой на уровне федеральных округов (в рамках Северо-Западного Федерального округа, в частности) выстраивание межрегионального сотрудничества имеет более сложную конфигурацию. Имеют значение как формальные документы и программы развития, исторический контекст и традиционные связи, так и целый перечень неформальных условий, вплоть до установления личных дружеских отношений между губернаторами соседних регионов или главами районов и муниципалитетов.

Взаимодействие соседствующих субъектов и муниципалитетов складывается не только исходя из формально определенных направлений, но и на основе неформальных практик и исторически обусловленных связей, а нарезка формальных границ и отнесение муниципалитетов к различным субъектам (как, например, как в случае с городами Петергоф и Ораниенбаум) трудно воспринимается населением.

Кроме того, не секрет, что взаимодействие отдельных районов Ленинградской области (Всеволожского, Гатчинского) или ряда муниципальных образований (г. Гатчина) с Санкт-Петербургом обладает значительным своеобразием. Это обусловлено целым рядом факторов, среди которых можно выделить практику переселения жителей мегаполиса в коттеджные поселки наиболее близких и экологически благополучных районов (вариант «второй квартиры»), дачный отдых, культурные мероприятия и туристические поездки горожан, что, безусловно, должно было сказаться на формировании рейтинга и специализации районов Ленинградской области. Исторически выделялись условно

«престижные», ближние районы, прописка и регистрация в которых (Гатчинский, Ломоносовский) по статусу и возможностям не уступает городской, и районы дотационные, проблемные.

И если, к примеру, в 2021 г. проект «Кластер устойчивого развития — 2030», нацеленный на создание на примере Санкт-Петербурга более инновационного, доступного и устойчивого региона Балтийского моря посредством реализации проектов транснационального сотрудничества, был ориентирован на интенсификацию международного сотрудничества (прежде всего, со странами Балтийского региона), то в современных условиях возрастает актуальность выстраивания более тесных системных связей и интеграции с соседствующим субъектом. Это тем более актуально, что именно Ленинградская область обеспечивает Санкт-Петербург по целому ряду позиций (сельскохозяйственная продукция, транспортные возможности, туризм и отдых), что неудивительно, ведь субъекты некогда были едины. Тем не менее, на наш взгляд, вопросы «перенарезки границ» двух субъектов или продвижение идеи формализации агломерации Санкт-Петербурга и Ленинградской области, традиционно муссируемые в политических и журналистских кругах, являются крайне неоднозначными и спорными решениями.

Анализируя варианты определений и практику, можно согласиться, что «межрегиональное взаимодействие предполагает сотрудничество между двумя или более регионами для достижения общих целей или решения общих проблем <...> это может включать обмен ресурсами, идеями, передовым опытом, информацией и навыками для обеспечения сбалансированного территориального развития и взаимной выгоды» (Никитюк, 2023).

Представляется, что в качестве перспективных инструментов взаимодействия двух регионов на сегодняшний день могут быть определены:

- работа в рамках Координационного совета двух субъектов;
- сотрудничество законодательных собраний субъектов;
- проектное взаимодействие регионов (транспорт, экология, социальное обеспечение, работа с молодежью и др.).

Совместная работа в этих сферах позволит снять политически предопределенные вопросы об объединении субъектов или изменении территориальных границ в угоду расширяющемуся городскому строительству и нацелит на сотрудничество и работу в интересах населения Санкт-Петербурга и Ленинградской области.

Литература и источники

Бусыгина И.М. Модель «центр — периферия», федерализм и проблема модернизации российского государства // Политическая наука. 2011. № 4. С. 53–70.

Волков А.М. Иностранные инвестиции в экономику Санкт-Петербурга и Ленинградской области // Мировая экономика и международные отношения. Т. 62, № 6. 2018. С. 67–76.

Николаев М.А., Махотаева М.Ю. Методологические аспекты межрегионального взаимодействия субъектов Российской Федерации // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. 2012. № 2. С. 53–60.

Никитюк Н.Н. Межрегиональное взаимодействие как инструмент достижения стратегических целей социально-экономического развития региона / Н.Н. Никитюк // Вестник евразийской науки. 2023. Т. 15. № 3. URL: <https://esj.today/PDF/12ECVN323.pdf>

ЦИФРОВЫЕ ЭКОСИСТЕМЫ И УПРАВЛЕНИЕ НА ОСНОВЕ ДАННЫХ В ГОСУПРАВЛЕНИИ: ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00364 «Институциональная трансформация управления электронным участием в России: исследование региональной специфики» (<https://rscf.ru/project/22-18-00364/>).

В настоящее время процессы цифровизации охватили большинство сфер и процессов функционирования государственных структур, созданы основные реестры и базы данных, организовано электронное межведомственное взаимодействие и, тем самым стали доступны в режиме реального времени первичные данные о функционировании федеральных, региональных и муниципальных информационных систем, что позволяет оценивать оперативность оказания услуг и другие параметры функционирования государственного аппарата. Все это создало потенциальную возможность для органов власти переходить к выстраиванию процессов управления на основе данных. На региональном уровне эта тенденция привела к использованию губернаторами ситуационных панелей, расположенных, как в отдельных помещениях (например, в ситуационном центре), так и на планшетах или других мобильных устройствах. Тем самым высшие должностные лица имеют возможность в оперативном режиме получать и использовать аналитику о текущем состоянии дел с возможностью доступа к первичным данным на уровне региона, муниципалитета, отрасли и т. п.

Следует отметить и тенденцию использования платформенного подхода при внедрении государственных экосистем. Развитие в Российской Федерации концепции «Государство как платформа» (Government as a Platform) сопровождается использованием разработок и решений, созданных такими цифровыми платформами, как Яндекс, Сбер, «ВКонтакте» для совершенствования государственных услуг. В частности, создаваемая централизованная платформа «ГосТех» создана на основе технологий экосистемы Сбера.

Управление на основе данных активно упоминается в российских программных и концептуальных документах, связанных с процессами цифровой трансформации и внедрением платформенного подхода. Процессы виртуализации контактов и общественных отношений, которые резко усилились с приходом пандемии COVID-19, стимулировали не только общественных деятелей и политиков, но и исследователей на выяснение той роли, которую играют цифровые платформы и возможности оперирования большими данными в государственном управлении и современном обществе (Чугунов, 2023).

Анализ литературы и упоминаний терминологии, связанной с цифровыми платформами и управлением на основе данных, показывает, что сами эти понятия и подходы к реализации пришли из ИТ-бизнеса и активно в свое время продвигались крупными ИТ-корпорациями (Чугунов, 2021). Считается, что терминология, связанная с управлением на основе данных, появилась еще в 90-х гг. XX в. и постепенно получила широкое распространение в бизнесе. В менеджменте чаще всего упоминается термин Data Driven Decision, который подразумевает использование фактических данных для принятия управленческих решений. Этот подход подразумевает, что нужно понимать данные и уметь строить прогнозы на их основе. Основные принципы подхода Data Driven формулируются следующим образом (Data Driven..., 2020):

- готовность к инвестициям;
- умение анализировать и интерпретировать данные;
- принятие решений на основе данных;
- доверие данным.

Идея рассматривать государство как платформу, открытую для взаимодействия с различным акторами, была выдвинута уже более 10 лет тому назад Тимом О'Рейли (O'Reilly, 2010) и сначала была визионерским проектом, однако по мере развития социальных сетей и развития платформенной экономики стала восприниматься вполне реалистично и к середине второго десятилетия XXI в. обрела официализацию в ряде стран, в том числе в России (Стырин и др., 2019). Старт обсуждений перспек-

тив применения данного подхода при решении задач цифровой трансформации государственного управления в России был дан в 2018 г. публикацией Центра стратегических разработок концептуального документа «Государство как платформа». Авторы в качестве основного эффекта предполагают принципиальное изменение взаимодействия человека и государства. «Государство перейдет от предоставления единичных «точечных» сервисов при помощи государственных (ведомственных) информационных систем <...> и баз данных к комплексному решению жизненных ситуаций человека, которое основано на едином массиве данных и алгоритмах работы с ними, совместно разработанными федеральными органами исполнительной власти» (Петров и др., 2018, б). В это же время была утверждена Национальная программа «Цифровая экономика в Российской Федерации», где в паспорте федерального проекта «Цифровое государственное управление» внедрение цифровых технологий и платформенных решений в сферах государственного управления и оказания государственных услуг было обозначено как основная цель.

Научная рефлексия на развитие цифровых платформ и их влияния на современное общество дана в монографии “Platform Society”, вышедшей в 2018 г. (Van Dijck et al., 2018), где «платформенное общество» определяется как развивающееся общество, в котором социальный, экономический и межличностный трафик в основном направляется через глобальную экосистему онлайн-платформ, организуемую алгоритмами и подпитываемую большими данными. Платформы рассматриваются на трех уровнях: микроуровень отдельных платформ, мезоуровень платформенной экосистемы и макроуровень платформенной геополитики.

Российские исследователи в последние годы обращаются к различным аспектам внедрения платформенного подхода: общеметодологическим (Сморгунов, 2020), с акцентом на общественную активность (Соколов и др., 2022), как элемент государственной политики (Стырин и др., 2019).

Практика реализации этого подхода в России показывает его применение для организации непосредственного взаимодействия с гражданами с целью формирования политической лояльности и укрепления доверия к власти. В этой связи интересны два кейса: один общероссийский (с распределенной сетью во всех субъектах Федерации), второй реализуется в Санкт-Петербурге. Оба этих кейса включают в себя методические решения, основанные на применении методов управления на основе данных в госсекторе с использованием доступа к большим данным, генерируемым в соцсетях.

Общероссийская платформа, объединяющая все регионы страны — сеть Центров управления регионами (ЦУР). Эта масштабная программа реализуется АНО «Диалог Регионы» в сотрудничестве с Администрацией Президента России и Министерством цифрового развития. ЦУРы ведут работу по сканированию социальных сетей с использованием специального программного обеспечения, определения проблемных точек и выявления жалоб граждан в адрес органов власти. Эта информация аккумулируется и по процедурам инцидент-менеджмента направляется для принятия мер и решений в органы власти, подведомственные структуры, муниципалитеты.

Экосистема городских сервисов (ЭГС) в Санкт-Петербурге — приоритетный проект в сфере цифровизации города. В рамках ЭГС формируется пространство взаимодействия государственных и коммерческих сервисов с жителями, направленных на развитие цифровой среды города, облегчение доступа к API органов власти для создания новых сервисов на базе открытых данных. Экосистема базируется на ролевой модели, что позволяет упростить пользователю навигацию среди множества сервисов, таргетировать уведомления и подписки на актуальные темы. ЭГС реализуется в тесном сотрудничестве с социальной сетью «ВКонтакте», ориентирована на установление прямого контакта городской власти с гражданином по вопросам текущей жизнедеятельности.

Приведенные два кейса показывают, что в России органы власти в лице чиновников высокого ранга постепенно становятся все более восприимчивы к применению в своей деятельности результатов научных исследований и цифровых разработок в сфере управления на основе данных. Однако серия интервью, взятых у представителей органов власти, подведомственных структур и экспертов, по теме специфики реализации цифровых механизмов взаимодействия власти и граждан показывают (Филатова, 2023), что в настоящее время только говорится о развитии подходов алгоритмического управления, а решения все равно принимаются по-старому.

Задача формирования программы комплексного исследования результативности применения платформенного подхода и специфики внедрения методов управления, основанных на данных,

на наш взгляд, невозможна, если не разобраться в базовых методологических и методических вопросах, в частности, необходимы:

- фиксация понятийной базы, используемой в концептуальных и программных документах в Российской Федерации;
- анализ научной литературы с описанием близких по тематике исследований (зарубежных и российских);
- выбор базовой методологии, модели исследования, формулирование научных гипотез.

Вопросы, связанные с построением методологии и набора методов исследования формирующихся цифровых экосистем находятся в фокусе внимания серии проектов, реализуемых в 2022–2025 гг. в Центре технологий электронного правительства ИТМО, и данная работа описывает начальный этап изучения данных явлений.

Предварительные результаты исследований позволяют сформулировать следующие предварительные выводы.

Управление на основе данных — лозунг, который в настоящее время еще не подкрепляется в России реальными делами и проектами внедрения.

К сожалению, следует констатировать, что в настоящее время задачи повышения результативности государственного управления с использованием методов управления на основе данных остаются на уровне деклараций и намерений.

При этом деятельность по стимулированию цифровых методов взаимодействия власти с гражданами, перенесенная в экосистему ЦУР, демонстрирует устойчивое развитие социальных технологий управления на основе данных, что создает потенциал постепенного восприятия и использование этих подходов чиновниками.

Результаты экспертных интервью с региональными руководителями различного уровня, взятых в рамках нашего исследовательского проекта, подтверждают эту тенденцию.

В отдельных регионах начинает использоваться экосистемный подход к организации и упорядочению информационного пространства и комплекса цифровых сервисов, что пока реализуется в виде пилотных проектов. Данное «движение снизу» вынуждено приспособляться к тренду централизации, который неуклонно развивается в сфере цифровизации (платформа «Гостех», «Госаблики» и т. п.).

Литература и источники

Петров М., Буров В., Шклярук М., Шаров А. Государство как платформа: (кибер)государство для цифровой экономики. Цифровая трансформация. М., 2018. URL: <https://www.csr.ru/upload/iblock/313/3132b2de9ccef0db1eecd56071b98f5f.pdf>

Сморгунов Л.В. Институты доступности цифровых платформ и государственная Управляемость // Южнороссийский журнал социальных наук. 2020. Т. 21, № 3. С. 6–19. EDN: UKGJJA.

Соколов А.В., Палагичева А.В. Предпосылки экосистемного подхода в организации гражданской активности в современной России (часть 1) // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2022. Т. 18, № 3. С. 272–287. DOI: 10.21638/spbu23.2022.303

Сырин Е.М., Дмитриева Н.Е., Сиянтуллина Л.Х. Государственные цифровые платформы: от концепта к реализации // Вопросы государственного и муниципального управления. 2019. № 4. С. 31–60.

Филатова О.Г. Тренды коммуникаций власти и общества в социальных сетях: предварительные результаты экспертного опроса // Интернет-коммуникации в деятельности органов государственной власти и местного самоуправления: практики и стратегии развития. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Ульяновск, 2023. С. 31–38. EDN KXTJAE.

Чугунов А.В. К вопросу о возможностях применения цифровых платформ в государственном управлении // Информационные ресурсы России. 2021. № 5. С. 2–6. DOI: 10.52815/0204-3653_2021_05183_2

Чугунов А.В. Управление на основе данных в контексте развития цифровых платформ взаимодействия власти и граждан: постановка проблемы // Возможности и угрозы цифрового общества: материалы конференции / под ред.: А.В. Соколова, А.А. Фролова; Яросл. гос. ун-т им. П.Г. Демидова. — Ярославль, 2023. С. 65–81.

Data Driven: как принимать решения на основе данных [25 декабря 2020]. — <https://www.uplab.ru/blog/data-driven/>

O'Reilly T. Government as a Platform // Opening Government: Transparency and Engagement in the Information Age. 2010. Vol. 6, № 1. P. 37–44. DOI: 10.1162/INOV_a_00056.

Van Dijk J., Poell T., De Waal M. The Platform Society: Public Values in a Connective World. New York: Oxford University Press, 2018. DOI: 10.1093/oso/9780190889760.001.0001/

ДВУХПАРТИЙНАЯ СИСТЕМА В США: ПОМОЖЕТ ЛИ ЭЛЕКТОРАЛЬНАЯ ИНЖЕНЕРИЯ?

В современном мире сложно найти примеры двухпартийных систем в чистом виде. По большому счету в качестве по-настоящему двухпартийной системы мы можем назвать такую только в США и, возможно, добавить систему на Мальте. Это, конечно, является серьезным аргументом против эвристической ценности закона Дюверже — все-таки системы простого большинства на парламентских выборах в мире применяют гораздо больше стран (если быть точным, Мальта даже не относится к этой группе, там двухпартийная система сосуществует с системой единого переходящего голоса, по сути своей преференциальной). Со временем становится очевиднее, что на формирование электоральной системы влияет не столько формат системы большинства, сколько характеристики электората этой страны (Dunleavy, Diwakar, 2011). И вот именно в США электорат оказался на удивление однородным в масштабах всей страны, в то время как в остальных государствах существуют весомые региональные силы с локализованной электоральной базой, позволяющей им проводить своих представителей в парламент даже невзирая на препятствующие «малым партиям» свойства системы простого большинства.

Однако развенчание закона Дюверже не означает, конечно же, потерю интереса к дювержериианской повестке дня. Нас по-прежнему интересуют вопросы, связанные с влиянием элементов электоральных систем на формируемые ими партийные конфигурации и с пределами возможностей влияния на результат модификацией элементов электоральных систем. Даже в самих США раздаются голоса противников существующей системы, стремящихся реформировать ее таким образом, чтобы положить конец последней диктатуре закона Дюверже. Однако в условиях США такого рода попытки вынуждены предприниматься в условиях очень специфического контекста — система простого большинства в одномандатных округах, несмотря на хорошо известные ее недостатки, фактически пронизывает всю электоральную систему США от федерального до локального уровня. Единственной альтернативой, которой удалось закрепиться в США, стала система единого переходящего голоса в одномандатных округах, которая применяется в отдельных случаях на местных выборах. Выборы по пропорциональной системе или по меньшей мере просто в многомандатных округах являются для жителей США неслыханным делом. Поэтому предложение о принятии пропорциональной системы, которая как раз-таки способна была бы преодолеть устоявшуюся двухпартийность, едва ли будет с пониманием воспринято как элитами, так и электоратом. Таким образом, рамки электоральной инженерии с реалистичной точки зрения оказываются во многом ограничены именно одномандатными конфигурациями с привычной для избирателей моделью конкретного персонального представительства.

И в этой связи большие надежды связываются с системой одобрительного голосования, в которой избирателю дается возможность «одобрить» своим голосом более одного кандидата. Эта возможность, как предполагают сторонники одобрительного голосования, должна снизить эффект от стратегического голосования, поскольку, имея несколько голосов, каждый избиратель смог бы поддержать и наиболее предпочтительного, и наиболее выгодного стратегически кандидата. Приводятся и примеры из практики, где одобрительное голосование могло бы изменить результаты выборов — например, голосование на президентских выборах 2000 г. во Флориде, где при использовании одобрительного голосования итог мог бы измениться в пользу Ал Гора за счет дополнительного «одобрения» сторонниками Нейдера. Существуют и теоретико-игровые модели, в разработке которых ведущей фигурой является один из изобретателей одобрительного голосования Стивен Брамс (Brams, Fishburn, 2007), демонстрирующие возможность одобрительного голосования проявить заявленные благоприятные свойства.

Однако интерес представляет функционирование альтернативных систем в целом, на всей области допустимых значений. Разумеется, можно сгенерировать отдельные примеры, которые покажут превосходство той или иной системы, но как они будут вести себя в целом в сравнительной перспек-

тиве? Для ответа на этот вопрос в рамках данного исследования была сделана компьютерная модель по методу Монте-Карло. Очевидно, что невозможно изучить все потенциально допустимые сочетания входных параметров электоральной системы — их число бесконечно — но можно равномерно перекрыть область принимаемых ими значений в ходе многочисленных повторений эксперимента, и таким образом составить представление о функционировании механизма в целом, поскольку такая система не будет тяготеть к каким-то особо выгодным (или, наоборот, невыгодным для демонстрации справедливости тезиса) примерам. Эксперимент построен вокруг пространственной модели электоральных предпочтений (Enelow, Hinich, 1984) с переменным количеством проблемных измерений (от 2 и выше). В рамках этой модели у каждого избирателя есть своя «идеальная точка», и чем ближе к ней по евклидовой дистанции кандидат (всего в модели 2 или более кандидатов), тем он более предпочтителен в глазах избирателя. Кроме того, для каждого избирателя дополнительно вводится «дистанция одобрения», за пределами которой кандидаты считаются «неодобряемыми». Для равномерного покрытия области допустимых значений все указанные координаты представлены равномерно распределенными величинами от 0 до 1. В качестве тестируемых систем выступает система простого большинства, а в качестве альтернативных рассматриваются одобрительное голосование, пропорционально-одобрительное голосование (с весом голоса обратным числу одобряемых кандидатов), кумулятивное голосование и т. д. В качестве характеризующих ситуации показателей используются число проблемных измерений и количество кандидатов, эффективное число партий на электоральном уровне по формуле Лааксо-Таагеперы (Laakso, Taagepera, 1979), эффективное число кандидатов в одномандатном округе (Niemi, Hsieh, 2002) и близость кандидатов (максимальное расстояние между ними). В качестве зависимых переменных регистрируется совпадение или несовпадение результатов по системе простого большинства с результатом по каждой из альтернативных систем.

Полученные предварительные результаты свидетельствуют о том, что в рамках логистической регрессионной модели только близость кандидатов является фактором, сопутствующим получению иного результата по альтернативной электоральной формуле. В то же время более высокая фрагментация электората приводит к гомогенизации результатов по тестируемым формулам. Аналогичным эффектом обладает и количество проблемных измерений: при его увеличении результаты разных формул с большей вероятностью будут одинаковыми. Дополнительно можно указать, что для кумулятивных формул значимым оказалось как эффективное число кандидатов, так и полное их число.

Практические выводы из этих наблюдений трудно назвать воодушевляющими для сторонников подобной электоральной реформы. Выход на политическую арену новых сил в рамках этой модели нивелирует эффект от применения в одномандатных округах формулы, более адекватно отражающей структуру предпочтений избирателя. При этом положительный эффект от кластеризации кандидатов и уменьшения дистанции между ними (что, строго говоря, предписывалось бы им сделать в рамках классического закона Дюверже) противоречит наблюдаемым еще с 2014 г. (Pew Research Center, 2014) тенденциям к центробежному идеологическому дрейфу американского электората. Следовательно, перспективы переломить ситуацию «мягкой реформой» электорального законодательства для США невелики, и даже в случае принятия одобрительного голосования текущая двухпартийная конфигурация едва ли изменится.

Литература и источники

- Brams, S., Fishburn, P. (2007). *Approval Voting*, 2nd edn. Springer, New York, 200 p.
- Dunleavy, P. & Diwakar, R. (2013) Analysing multiparty competition in plurality rule elections. *Party Politics*, 19 (6). pp. 855–886. ISSN 1354-0688
- Enelow, J.M. & Hinich, M.J. (1984). *The Spatial Theory of Voting*. Cambridge University Press.
- Laakso, M. & Taagepera, R. (1979). "Effective" Number of Parties: A Measure with Application to West Europe. *Comparative Political Studies*, 12(1), 3–27.
- Niemi, R.G. & Hsieh, J.F. (2002). Counting Candidates: an Alternative to the Effective N: With an Application to the M + 1 Rule in Japan. *Party Politics*, 8(1), 75–99.
- Pew Research Center. (2014). *Political Polarization in the American Public*. URL: <https://www.pewresearch.org/politics/2014/06/12/political-polarization-in-the-american-public/>

ПРАКТИКИ ОСПАРИВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ КОНЦЕПЦИИ ОБЩЕСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ

По всему миру процессы урбанизации и хозяйственное освоение территорий часто приводят к столкновению разных групп интересов, в том числе вокруг исторических объектов (Thörn, Mayer, Thörn, 2016; Díaz-Andreu, 2017). Вследствие этого достаточно распространенным стало участие структур гражданского общества в защите исторического наследия (Mozaffari, Jones, 2020).

В литературе данное явление изучается с позиций разных научных дисциплин и с использованием разных теоретических подходов. Часть исследователей рассматривает участие граждан в защите исторических объектов в контексте городских конфликтов и оспаривания городских пространств (Туканова, Khokhlova, 2020). Также затрагивается вопрос о том, как сами местные жители наделяют ценностью те или иные объекты (Чернышева, Хохлова, 2021). Другие авторы обращаются к изучению протестного потенциала конфликтов по поводу исторических объектов (Веревкин, Соколов, 2012), а также анализируют возможности политизации градозащитных движений (Зверев, 2017). Некоторые исследователи полагают, что отстаивание исторических объектов представляет собой сопротивление городским изменениям и социальной несправедливости (Hammami, Uzer, 2018). Однако необходимо отметить, что далеко не все случаи защиты исторического наследия сопровождаются громкими публичными конфликтами. Кроме того, при изучении городских конфликтов вне поля зрения исследователей остаются исторические объекты вне городов.

В ином направлении работают авторы, рассматривающие исключительно процессы, происходящие вокруг культурного наследия. В фокусе их внимания находятся практики оспаривания исторического наследия (Liu, Dupre, Jin, 2021), включая отстаивание прав на культурное наследие этническими меньшинствами (Jansen, 2014). Также изучается деятельность общественных движений в защиту культурного наследия в автократиях (Mozaffari, 2015). Во многих работах акцентируется внимание на правах человека на доступ к историко-культурному наследию, а сознательное разрушение (повреждение) ценных исторических объектов расценивается как нарушение прав человека (Logan, 2016). Встречается также представление об объектах культурного наследия как об общественном благе (Serageldin, 1999). Другими словами, деятельность активистов по защите исторических объектов трактуется как отстаивание общественных интересов.

Если придерживаться точки зрения о том, что объекты историко-культурного наследия являются общественным благом и культурным достоянием, то актуализируется вопрос о необходимости контроля за сферой охраны культурного наследия со стороны гражданского общества, включая пресечение действий, угрожающих подобным объектам.

На наш взгляд, для анализа практик оспаривания культурного наследия достаточно перспективным представляется применение концепции общественного (публичного) контроля. Как отмечает известный исследователь Джон Кин, с середины XX в. во многих странах мира стали возникать институты и механизмы общественного (публичного) контроля над деятельностью органов власти и принимаемыми ими решениями (Keane, 2009). Институты общественного контроля могут существовать в самых разных сферах общественной жизни. Они предупреждают общество о надвигающейся опасности, отслеживают действия чиновников и политиков, а также могут быть способны заставить власть изменить свои решения и проекты, если они противоречат общественным интересам.

В качестве рабочего определения общественного контроля мы предлагаем следующее. Общественный контроль — это деятельность отдельных граждан, формализованных и неформальных общественных объединений, направленная на выявление и пресечение действий (бездействия) органов власти и их должностных лиц, а также иных акторов публичной сферы, в целях отстаивания общественных интересов и защиты прав граждан.

К настоящему времени широкое распространение получили общественные объединения, на регулярной основе занимающиеся охраной культурного наследия. Некоторые из них представляют собой волонтерские организации, занимающиеся поиском и мониторингом объектов, потен-

циально обладающих исторической и культурной ценностью. Они требуют от органов власти взять под государственную защиту те или иные объекты, а также добиваются их ремонта (реставрации). Есть организации, цель деятельности которых заключается в защите исторических объектов от сноса при взаимодействии с экспертами и локальными сообществами. Также следует отметить важную роль коалиций общественных интересов (*advocacy coalitions*), отстаивающих необходимость сохранения культурного наследия, в том числе на законодательном уровне.

Таким образом, деятельность общественных объединений по защите культурного наследия можно рассматривать в контексте концепции общественного контроля, что открывает дополнительные возможности для анализа взаимодействия структур гражданского общества, органов власти и экспертных сообществ. Кроме того, данная концепция позволяет рассматривать феномен защиты культурного наследия в целом.

Литература и источники

- Díaz-Andreu M. Heritage values and the public // *Journal of community archaeology & heritage*. — 2017. — Т. 4. — No. 1. — P. 2–6.
- Hammami F., Uzer E. Heritage and resistance: irregularities, temporalities and cumulative impact // *International Journal of Heritage Studies*. — 2018. — Т. 24. — No. 5. — P. 445–464.
- Jansen W.H. Heritage and Public Policy // *Encyclopedia of Global Archaeology*. — Springer, New York, NY, 2014. P. 3271–3277.
- Keane J. *The life and death of democracy*. — Simon and Schuster, 2009.
- Liu Y., Dupre K., Jin X. A systematic review of literature on contested heritage // *Current Issues in Tourism*. — 2021. — Т. 24. — No. 4. — P. 442–465.
- Logan W. Cultural diversity, cultural heritage and human rights: towards heritage management as human rights-based cultural practice // *World heritage management and human rights*. — Routledge, 2016. — P. 19–32.
- Mozaffari A. The heritage 'NGO': A case study on the role of grass roots heritage societies in Iran and their perception of cultural heritage // *International Journal of Heritage Studies*. — 2015. — Т. 21. — No. 9. — P. 845–861.
- Mozaffari A., Jones T. (eds.) *Heritage Movements in Asia: Cultural Heritage Activism, Politics, and Identity*. 1st ed., vol. 2. New York: Berghahn Books, 2020.
- Serageldin I. Cultural heritage as public good // *Global Public Goods*. — 1999. — Т. 240. — P. 1–24.
- Thörn C., Mayer M., Thörn H. (eds.). *Urban uprisings. Challenging Neoliberal Urbanism in Europe*. London: Palgrave Macmillan, 2016.
- Тыканова Е., Хохлова А. Grassroots urban protests in St. Petersburg: (Non-) participation in decision-making about the futures of city territories // *International Journal of Politics, Culture, and Society*. — 2020. — Т. 33. — P. 181–202.
- Веревкин А.И., Соколов А.В. Протестные кампании в субъектах Российской Федерации: пример протестной кампании против строительства ОДЦ «Охта-Центр» в Санкт-Петербурге // *ПОЛИТЭКС*. 2012. № 2. С. 109–125.
- Зверев А.А. Политическое измерение охраны памятников в России: кейс московского движения Архнадзор // *Вестник РУДН. Серия: Политология*. 2017. № 2. С. 118–129.
- Чернышева Л.А., Хохлова А.М. Создавая ценность и аутентичность: городские конфликты вокруг исторических зданий // *Журнал исследований социальной политики*. 2021. № 2. С. 223–238.

ФАКТОРЫ ТРАНСФОРМАЦИИ ПРОЦЕССА ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ РОССИЙСКОЙ УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Уже аксиомой является тезис о том, что современная учащаяся молодежь — это другое поколение, с другим мировосприятием и отношением к информации. Представители поколения «цифровых аборигенов», с одной стороны, обладают развитыми цифровыми навыками и компетенциями (Prensky M., 2001), с детства привыкли перерабатывать большие объемы информации, а с другой — являются некими «цифровыми сёрферами», которые сканируют информационные потоки, выискивая в них интересное и/или нужное для себя и игнорируя все остальное. При этом они не погружаются в информацию глубоко, не реализуя вариант коммуникации Ю. Лотмана «я — я» (Лотман Ю., 2000), предпочитают воспринимать ее на уровне картинок, короткого или ускоренного аудио- и видеоконтента. Фактически каждый молодой человек формирует собственный «информационный пузырь», с помощью отбора информации конструирует собственную модель реальности, четко устанавливая свои информационные границы и приоритеты.

Данная информационная стратегия оказывает непосредственное влияние на процесс политической социализации, выражаясь, в частности, в кризисе доверия к большинству агентов, что ставит вопрос о трансформации данного института в современном обществе.

Эмпирической базой анализа послужили результаты серии исследований коллектива политологов АлтГУ:

- массовые опросы учащихся 9–11-х классов регионов СФО по методике повторно-сравнительного исследования в сентябре 2020 г. (объем выборки — 2 050 школьников из десяти регионов) и в октябре — ноябре 2022 г. (объем выборки — 1 020 учащихся 9–11 классов из четырех регионов). Выборка квотная с контролем признаков возраста, типа населенного пункта и региона проживания, метод сбора информации — анкетирование;
- 14 фокус-групп с учащимися 10–11-х классов общеобразовательных школ, студентами ссузов и вузов из восьми приграничных регионов Сибирского и Дальневосточного федеральных округов (Алтайский, Забайкальский, Приморский и Хабаровский края, Омская область, Республики Тыва, Бурятия и Алтай), октябрь — ноябрь 2021 г., более 100 человек;
- 5 фокус-групп с учащимися 11-х классов общеобразовательных школ, студентами ссузов и вузов Алтайского края, ноябрь 2022 г.

Проведенные в 2020 и 2022 г. массовые опросы школьников 9–11-х классов СФО показали, что только родителей и родственников можно считать значимыми агентами социализации, но и то их мнение важно только для 28 % подростков. Каждый четвертый старшеклассник заявляет об ориентации только на собственное мнение. Характерное для поколения Z недоверие политическим лидерам и публичным персонам дополняется негативным восприятием СМИ как источника пропаганды и блогеров — как финансово ангажированных контент-мейкеров. Учителя же, как единственный подконтрольный государству субъект политической социализации, в основной массе лишены авторитета среди молодежи, так как не вписываются в ее представления об «успешности», а сам формат школьного взаимодействия не позволяет реализовать предпочтительный для молодых людей формат коммуникации «на равных». По сути, наблюдается девальвация доверия как традиционным, так и новым агентам политической социализации.

Анализ информационных стратегий молодежи вообще ставит под вопрос возможность в современных условиях осуществлять эффективную политическую социализацию как процесс целенаправленного формирования политических ценностей и установок молодежи.

Во-первых, политическая социализация учащихся в школах и общественных организациях на данный момент фактически сужена до рамок патриотического воспитания, что вызывает среди молодых людей неоднозначную реакцию. Так, за 2 года (2020 и 2022 г.) число респондентов, считающих, что «патриотизм — это глубоко личное чувство, и его нельзя навязывать людям / человек сам определяет, что патриотично, а что нет», выросло с 62 до 73 % респондентов. Соответственно, доля

школьников, относящих «патриотическое воспитание в школе, институте, в семье» к наиболее эффективным способам формирования патриотических ценностей среди молодежи, сократилось с 44 % в 2020 г. до 36 % в 2022 г. При этом представление о патриотизме как личном выборе каждого человека укрепляется по мере взросления школьников.

Также с 2021 г. наблюдается резкий сознательный уход молодежи из публичной политики и публичных коммуникаций, ее переход к позиции наблюдателя. В настоящий момент демотивация преобладает над мотивацией вовлечения в политику. Сначала после протестов в поддержку А. Навального, а затем в условиях СВО, политическая сфера воспринимается учащимися как опасная, «токсичная», источник угроз и разочарований. Они стремятся избегать политической информации и дискуссий на политическую тему, поскольку они могут порождать конфликты, угрожают личной безопасности и комфорту молодежи.

Что касается патриотического воспитания как формы политической социализации, то здесь школьники выбирают либо стратегию неучастия (51 % в 2020 г. и 43 % в 2022 г.), либо имитации — и в 2020 г., и в 2022 г. в качестве наиболее распространенной формы патриотического воспитания школьники всех регионов СФО назвали посещение музеев (ее отметили 36 % в 2020 г. и 43 % в 2022 г.) и выставок (13 и 19 %). Гораздо меньше распространены среди школьников активные и систематические формы участия в патриотической работе. Так, в 2020 г. только 16 % старшеклассников принимало участие в военно-спортивных играх, 12 % — в фестивалях и конкурсах по патриотической тематике, 7 % приобретали в течение года книги патриотической направленности. В деятельность патриотических клубов и центров оказалось вовлечено всего 8 % респондентов, причем в Кемеровской и Омской областях — 5 и 3 % соответственно. В 2022 г. в военно-спортивных играх участвовало 16 % респондентов, в фестивалях и конкурсах по патриотической тематике — 16 %; 10 % приобретали в течение года книги патриотической направленности. В деятельность патриотических клубов и центров на данный момент вовлечено 13 % респондентов.

Сопоставление вопросов об опыте участия в мероприятиях и проектах патриотической направленности и готовности его продолжения, по состоянию на 2022 г., доказало наличие в школьной среде устойчивого кливажа по данному пункту: 70 % из не участвовавших в мероприятиях и не собираются включаться в них, в то время как среди участвовавших процент разочаровавшихся не очень велик и более половины не исключают для себя повторения данного опыта. Однако и в перспективе школьники ориентируются в основном на эпизодическое участие в мероприятиях информационного, по возможности интерактивного, характера.

Конечно, нельзя сводить политическую социализацию школьников только к патриотическому воспитанию. Например, во всех регионах разработаны и реализуются программы по формированию электоральных установок молодежи, стимулированию ее участия в выборах. И действительно, значительная часть совершеннолетних старшеклассников (18 %) принимала участие в выборах, а несовершеннолетних — собирается это сделать (27 %). Однако многие рассматривают это скорее как разовую акцию (для удовлетворения интереса, получения нового опыта или какого-либо материального стимула), мотивируя отказ от дальнейшего участия в выборах разочарованием или укреплением в убежденности о бесполезности данной формы политической активности. Также прагматично воспринимается школьниками участие в других мероприятиях по повышению электоральной культуры молодежи (конкурсах, олимпиадах, форумах).

Задачи политической социализации школьников призваны решать и активно формируемые в регионах и муниципалитетах структуры нового общественного образования — «Движения первых». Однако анализ уже имеющегося опыта его функционирования свидетельствует, что, как любое формируемое «сверху» образование, оно ориентировано на быстрый результат и делает ставку на активистов, «замыкаясь» их средой, лишь эпизодически вовлекая в свои мероприятия остальных учащихся.

Исходя из указанных проблем, в современных российских реалиях можно констатировать низкую эффективность целенаправленного процесса политической социализации молодежи на фоне усиления коммуникативной закрытости данной возрастной категории. Но это не значит, что она не идет вообще. Политическая социализация трансформируется, приобретает опосредованный, косвенный характер, когда политические ценности, идентичности и установки формируются несистемно, в ходе

потребления молодежного развлекательного контента — сериалов, клипов, игр и т. д., участия в неформальных сообществах, заставляя по-новому посмотреть на данный процесс, расширить объект исследования и арсенал используемых методик.

Литература и источники

Лотман Ю.М. Автокоммуникация: «Я» и «Другой» как адресаты (О двух моделях коммуникации в системе культуры) // Лотман Ю.М. Семиосфера. — СПб.: Искусство—СПб., 2000. — С. 159–165.

Prensky M. Digital Natives, Digital Immigrants // On the Horizon. — Vol. 9. — No. 5. — MCB University Press, 2001 [электронный ресурс]. — URL: <https://www.marcprensky.com/writing/Prensky%20-%20Digital%20Natives,%20Digital%20Immigrants%20-%20Part1.pdf>

К.А. Шерзай (Санкт-Петербург),
Г.В. Лукьянова (Санкт-Петербург)

ВИЗУАЛЬНЫЙ СТОРИТЕЛЛИНГ КАК ТЕХНОЛОГИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДОВЕРИЯ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Проект № 123091200060-8 «Визуальный сторителлинг как технология формирования политического доверия в онлайн-пространстве» реализован в Институте научной информации по общественным наукам РАН по итогам отбора научных проектов, поддержанных Министерством науки и высшего образования РФ и Экспертным институтом социальных исследований.

Одной из ключевых проблем современных политических институтов является формирование политического доверия в молодежной среде. Преобладание эмоциональной компоненты (Политика «постправды» и популизм, 2018; Управляемость и дискурс виртуальных сообществ в условиях политики постправды, 2019) в современной политике влечет за собой необходимость отслеживать новые способы эмоционального и символического воздействия на аудиторию. Изображения — наиболее простая форма восприятия и потребления информации, которая становится преобладающей в цифровом пространстве. Визуальное восприятие позволяет с максимальной эффективностью использовать бессознательные мотивы и символы. Изображения включают в себя различные слои: от поверхностного восприятия изображаемого до различных интертекстуальных отсылок и аллюзий.

Визуальный сторителлинг — это нарратив, облакаемый в визуальную форму с помощью включения в композицию мотивов из историй с целью оказания воздействия на аудиторию (Викулова, 2016; Толстых, 2017). В основе использования сторителлинга лежит психологический механизм «нарративная транспортировка», предполагающий, что благодаря эмоциональному погружению в историю человек будет более лоялен к рекламируемому продукту (Escalas, 2004). Формами визуального сторителлинга выступают фотография, графика и рисунки, пользовательские изображения, коллажи, изображения с наложением текста: подписи, цитаты и статистика, мемы, открытки и электронные открытки, мультфильмы, инфографика, видео, презентации (Walter, 2014), «истории» в социальных сетях, “Reels”, интерактивный контент на сайтах, видеоигры, фильмы, VR-игры и VR-фильмы. Визуальный сторителлинг способен выступать как технология построения политического доверия за счет эмоционального сближения гражданина с политическим кандидатом или проектом.

В результате проведения шести фокус-групп, направленных на выявление особенностей влияния визуального сторителлинга на процесс формирования политического доверия студенческой молодежи, сделан вывод о том, что основными проблемами, связанными с построением политического доверия к проектам или кандидатам, являются общее недоверие студенческой молодежи к существующим политическим нарративам: негативные отношения к нарративам об историческом прошлом, усталость от традиционных историй о «добре и зле» и сторителлинга о пассивной роли народа и его «спасителе».

Тенденция недоверия к большим нарративам связана и с большой потребностью в личных историях, честных разговорах об актуальных для молодежи маленьких проблемах. Наиболее релевантным типом сторителлинга могут быть признаны «личные истории» людей, которые сталкиваются с трудностями. В то же время политические материалы, основанные исключительно на эмоциональной составляющей, воспринимаются как манипуляция. Основной потребностью является включение в политические материалы предложений по решению волнующих проблем.

Несоответствие визуального сторителлинга потребностям молодежной аудитории требует поиска новых политических нарративов и героев. Новыми героями, популярными у молодежи, становятся ироничные персонажи, не стесняющиеся своих недостатков и сталкивающиеся с понятными людям проблемами. Данный тип героев может быть использован при построении доверительной политической коммуникации.

Литература и источники

Викулова Е. Визуальный сторителлинг. Основные элементы [Электронный ресурс] // Сторителлинг и видео-маркетинг. URL: <http://visualstorytelling.ru/2016/07/29/vizual-ny-j-storitelling-osnovny-e-e-lementy/> (дата обращения: 20.03.2023).

Политика «постправды» и популизм / под ред. О.В. Поповой. — СПб.: Скифия-принт, 2018. — 216 с.

Толстых В.В. Визуальный сторителлинг в мультимедийной продукции СМИ [Электронный ресурс] // Журналистика в современном медиапространстве: глобализация, конвергенция, мультимедийность: материалы V Междунар. науч.-практ. интернет-конф. URL: <http://www.tsutmb.ru/nauka/internet-konferencii/2017/zhurnalist-v-sovr-media/3/tolstyh.pdf> (дата обращения: 25.03.2023).

Управляемость и дискурс виртуальных сообществ в условиях политики постправды / под ред. Д.С. Мартыанова — СПб.: Элексис, 2019. — 312 с.

Escalas J.E. Imagine yourself in the product: mental stimulation, narrative transportation, and persuasion. // Journal of Advertising, 2004. № 33.2. P. 37–48.

Walter E. The Power of Visual Storytelling / Mc Graw Hill Education. 2014. 222 p.

*А.Н. Щербак (Санкт-Петербург),
Н.С. Зубарев (Санкт-Петербург),
Е.С. Семушкина (Санкт-Петербург)*

«ЗЕЛЕННЫЕ ОХРАНИТЕЛИ»: ВЗГЛЯДЫ РОССИЙСКИХ КОНСЕРВАТОРОВ НА РЕШЕНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ

Одним из ключевых вопросов глобальной политической повестки является проблема экологии и охраны окружающей среды. При этом общепризнанным считается апроприация «зеленой повестки» представителями левого идеологического и политического лагеря. Часто экологические требования фреймируются в терминах антикапитализма, дирижизма, с акцентом на активное использование налоговых механизмов для перераспределения ресурсов в интересах защиты окружающей среды и противодействия глобальному изменению климата. Можно также добавить активизм, в том числе кампании по привлечению внимания к отдельным аспектам экологических проблем, упор на «научность» проблем изменения климата, отсылки к справедливости права на чистую окружающую среду. Различные исследования указывают, что важность заботы об окружающей среде и экологический активизм ассоциируется с ростом постматериалистических, эмансипативных ценностей (Inglehart, 1995). Иными словами, если забота об окружающей среде и экологический активизм являются частью левой повестки, то частью правой повестки должны являться либо равнодушие к экологическим проблемам, либо отрицание их значимости во имя других приоритетов — экономического роста (который может пострадать от «зеленых ограничений»), «ограниченного государства», свободного рынка.

Однако при более детальном рассмотрении ситуация оказывается более сложной. В последние годы «зеленая повестка» активно присваивается правыми политиками, партиями и движениями. Происходит переформатирование экологических проблем в русле популизма, консерватизма и традиционализма (Beeson, 2019; Forchtner, 2019).

Недавние российские примеры экологических протестов указывают на то, что экологический активизм едва ли связан с постматериалистическими ценностями (Kuzmina, 2022; Туровец, 2014; Тулаева, Снарский, 2022). Местные активисты часто фреймируют свои протесты именно в правом, традиционалистском, консервативном ключе. Мы считаем, что в этом заключается исследовательская загадка. С одной стороны, российский случай предстает как исключение из глобального мейнстрима, в котором доминирует левый экологический дискурс. С другой стороны, это повышает интерес к изучению правого экологического дискурса, как в России, так и в мире. Не ясно, в какой степени взгляды российских консерваторов на экологические проблемы отличаются оригинальностью, по сравнению с европейскими правыми. Этот факт актуализирует интерес к экологической проблематике в российском консервативном, традиционалистском дискурсе. Как российские консерваторы воспринимают «зеленую повестку»? Как их позиции соотносятся с европейскими консерваторами и правыми популистами? Кроме того, встает вопрос о влиянии российских консерваторов на экологическую политику, в свете «консервативного поворота» в российской политике (например, Shcherbak, 2023).

Исследовательский вопрос, который мы формулируем в данной статье, звучит следующим образом: каким образом российские консерваторы влияют на «зеленую повестку»? Цель данной работы — выяснить как формируется консервативный дискурс об экологических проблемах, а также выявить возможное влияние на реализацию «зеленой повестки» в России. Иными словами, как соотносятся рассуждения отечественных охранителей об экологии с проводимой политикой. Мы проверяем воздействие консерваторов на реализацию экологической политики на примере выделения президентских грантов для НКО на экологические проекты.

Для решения поставленных задач мы проводим дискурс-анализ различных консервативных СМИ и выделяем сходства и различия между двумя основными течениями в современном российском консерватизме. Далее мы проверяем, в какой степени связаны выявленные смыслы с трендами в поддержанных экологических проектах в рамках конкурса президентских грантов для НКО, ради чего мы изучили данные по всем заявленным и поддержанным проектам программы президентских грантов для НКО по экологической тематике за 2018–2022 гг.; всего более чем 4 тыс. заявок.

Изначально ни западные правые политики, ни российские консерваторы не считали важным для себя вопросом проблемы экологии, оставляя их на периферии своего внимания. Довольно долгое время экология воспринималась как «нишевой вопрос» для движения «зеленого» толка. Однако в последние годы можно заметить всплеск интереса правых популистов к «зеленой» проблематике, за которым последовал рост значимости данного вопроса и для российских охранителей.

Феномен апроприации правыми популистами экологических вопросов уже неплохо изучен. Исследователи отмечают как преобладание в правом экологическом дискурсе, так и новые веяния. Отметим, что в зарубежной литературе довольно часто используются термины «энвайронменталистский популизм» (Beeson, 2019), «эко-фашизм» (Taylor, 2019), «эко-национализм» (Dawson, 1996), «зеленый национализм» (Hamilton, 2002), «ресурсный национализм» (Тулаева, Снарский, 2022).

География распространения данного феномена весьма обширна и разнообразна. Исследователи пишут «эко-национализм» и «эко-популизм» в Северной Америке, Великобритании, Германии, Италии, Дании, Финляндии, Польше, Чехии и многих других европейских странах (например, Forchtner, 2019), впоследствии — и в России (Тулаева, Снарский, 2022). При этом можно говорить о схожести имеющихся нарративов, связывающих правую идеологию популизма, консерватизма и национализма с «зеленой повесткой».

Интересно, что по многим вопросам «зеленой повестки» мы находим единомышленников среди зарубежных и отечественных правых. Так же как и их западные коллеги, отечественные охранители скептически оценивают масштаб и причины глобального изменения климата, предлагая сосредоточить внимание на местных экологических проблемах. Неудивительно, что они также критикуют «западных» (т. е. «левых») климатологов и эко-активистов; это выглядит как противопоставление «экологизма» и «экологии как науки». В отличие от своих западных «коллег», российские консерваторы связывают решение практически всех проблем, в том числе экологических, с умным и решительным вмешательством «сильного государства» — через принятие законов, выделение средств и передачу природных ресурсов в собственность государства. Тот факт, что сходств в правом эко-дискурсе оказывается больше, чем различий указывает, на наш взгляд, на универсальный характер консервативной идеологии. В определенной степени данная универсальность достигается идеологическим взаимодействием, причем российские охранители часто оказываются «импортерами» консервативных идей (например, Штекль, 2018; Laruelle, 2019). Отношение к «зеленой повестке» не оказалось исключением; скорее проблематика экологии еще раз продемонстрировала, в чем отличия и особенности российского консервативного дискурса.

Анализ распределения президентских грантов на поддержку НКО по экологической тематике с 2018 по 2022 г. (порядка 4 400 заявок) позволяет нам сделать осторожный вывод о влиянии консервативного дискурса на проводимую государством экологическую политику: а) исключена глобальная повестка, поддержка дается локальным инициативам. Это больше способствует восприятию экологии как части местной идентичности в связке «родная природа — родная земля». В российском политическом контексте экология вообще не имеет никакого отношения к глобальному изменению климата; б) заявляемые и поддерживаемые проекты, помимо того, что иногда прямо используют традиционалистский дискурс, тематически близки многим консервативным идеям. Экопросвещение часто оказывается той тематикой, которая позволяет увязать патриотизм и любовь к родной природе; в) тема экологии начинает восприниматься инструментально многими акторами, которые изначально не были вовлечены в природоохранную деятельность, например, религиозные и казачьи организации. Таким образом «зеленая проблематика» оказывается инструментом для реализации более широкого спектра идеологических проектов, основанных на консервативных идеях.

Мы показали, что отечественные консерваторы отчасти заимствуют ряд тезисов у своих европейских коллег (например, скепсис в отношении глобального изменения климата), а по ряду позиций сильно отличаются от них (в том числе определение роли государства и антизападничество). При этом консервативный лагерь не является монолитным: даже при беглом рассмотрении в нем можно выделить условных «государственников-охранителей» и «национал-консерваторов». «Зеленый консерватизм» в России набирает силу и становится заметной частью общего идеологического ландшафта идеологической жизни общества.

Мы также попытались проследить, в какой степени консервативный экологический дискурс прослеживается в реализации экологической политики, в сфере поддержки экологических проектов. Обзор распределения президентских грантов в 2018–2022 гг. показывает, что в этом поле заметны консервативные игроки, с проектами, которые увязывают патриотизм и экологию. Очевидна тенденция на подачу и поддержку инициатив, посвященных местной тематике, при полном отсутствии подержанных заявок по «левой» глобальной повестке. Это не означает, что сфера экологических проектов стала ареной исключительно для идеологических манипуляций, но правый, консервативный крен не вызывает больших сомнений.

Литература и источники

Тулаева С., Снарский Я. (2022) Зеленый национализм в сырьевом государстве: экологическая повестка и национальная идентичность в российских регионах // *Laboratorium. Журнал социальных исследований*. Т. 14. № 3. С. 4–33. DOI: 10.25285/2078-1938-2022-14-3-4-33

Туровец М.В. (2014) Противостояние деполитизации: движение против добычи никеля в Воронежской области // Ерпылева С.В., Магун А.В. (ред.) *Политика аполитичных. Гражданские движения в России 2011–13 гг.* М.: Новое литературное обозрение. С. 351–385.

Штёкль К. Активисты вне конфессиональных границ: «консервативный экуменизм» Всемирного конгресса семей // *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*. — 2018. — Т. 36. — № 4. — С. 58–86.

Beeson M. (2019) *Environmental Populism: The Politics of Survival in the Anthropocene*, London: Palgrave Macmillan.

Dawson Jane I. (1996) *Eco-Nationalism: Anti-Nuclear Activism and National Identity in Russia, Lithuania, and Ukraine*, Durham, NC: Duke University Press.

Forchtner B. (ed.) (2019) *The far right and the environment: Politics, discourse and communication*, London: Routledge.

Hamilton P. (2002) The greening of nationalism: Nationalising nature in Europe. *Environmental Politics*, vol. 11, no 2, pp. 27–48. DOI: <https://doi.org/10.1080/714000611>

Inglehart R. (1995) Public Support for Environmental Protection: Objective Problems and Subjective Values in 43 Societies // *PS: Political Science & Politics*, vol. 28, no 1, pp. 57–72.

Kuzmina Y. (2022) “The Defenders of Shiyes”: traditionalism as a mobilisation resource in a Russian protest camp // *East European Politics*, vol. 39, no 2, pp. 260–280.

Laruelle M. Mirror games? Ideological resonances between Russian and US RADICAL conservatism // *Contemporary Russian Conservatism*. — Brill, 2019. — P. 177–204.

Shcherbak A. Russia’s “conservative turn” after 2012: evidence from the European Social Survey // *East European Politics*. — 2023. — Т. 39. — No. 2. — P. 194–219.

Taylor B. (2019) Alt-right ecology: Ecofascism and far-right environmentalism in the United States. *The far right and the environment* (ed. Forchtner B.), London: Routledge, pp. 275–292.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА ОНЛАЙН-ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ВЛАСТИ — МАЛОГО И СРЕДНЕГО БИЗНЕСА В УСЛОВИЯХ ВНЕДРЕНИЯ ЦИФРОВЫХ ЭКОСИСТЕМ

В статье рассматриваются институциональные аспекты и особенности взаимодействия власти и сектора малого и среднего бизнеса в контексте современных онлайн-платформ, предоставляемых государственными учреждениями через цифровую инфраструктуру.

В современной политической науке до сих пор недостаточно представлены исследования изменений институциональной картины, которые формируют взаимодействия между государственными органами и представителями малого и среднего бизнеса, особенно в контексте перехода к цифровой трансформации общества (Гайсина и соавт., 2022). Процесс перехода к цифровой трансформации сопровождается внедрением электронных государственных сервисов, которые призваны облегчить взаимодействие между частным сектором и государственными структурами. Подобные изменения имеют глубокое политическое и социальное значение, поскольку они формируют основу для более эффективного управления и контроля со стороны государства, а также повышают уровень доступности и удобства для предпринимателей (Яковлев, 2005).

Анализ динамики этого взаимодействия важен для политической науки, поскольку он может пролить свет на сдвиги в сфере власти, включая изменения в роли государства как регулятора экономических процессов и поставщика услуг для бизнеса. Также важно изучать вопросы, способствующие повышению доверия к власти в контексте цифровой трансформации, поскольку они имеют влияние на легитимность и эффективность действий представителей государственных органов и их способность обеспечивать безопасность и права предпринимателей. Исследование этих аспектов с точки зрения политологии помогает понять, как цифровая революция влияет на баланс сил между государством и бизнесом, какие вызовы и возможности она представляет для государственных органов, и какие механизмы регулирования могут быть разработаны для обеспечения справедливости, прозрачности и эффективности в этом новом цифровом политическом контексте.

В результате пилотного опроса предпринимателей малого и среднего бизнеса сформирован ряд ключевых тезисов, касающихся взаимодействия между государственными органами и предпринимателями в контексте электронных государственных сервисов. Опрос был проведен автором доклада в сентябре 2023 г. методом структурированного интервью.

Электронные государственные сервисы ориентированы на обеспечение максимального удобства для предпринимателей, позволяя им минимизировать физическое присутствие в офисах государственных органов и проводить основные операции онлайн, включая использование электронной подписи. Предприниматели часто подвергают сомнению беспристрастность и эффективность электронных сервисов, опасаясь вмешательства человеческого фактора и личных интересов сотрудников государственных организаций в процессе работы с системой со своей стороны: отправки уведомлений, запросы на документы, уведомления о санкциях и др. Кроме этого, у предпринимателей наблюдается сложность использования электронных сервисов, которая часто приводит к необходимости найма сторонних специалистов для взаимодействия с государственными органами, что увеличивает расходы предпринимателей на коммуникацию в целом. Кроме этого, в процессе использования онлайн-сервисов могут возникать технические проблемы на стороне предпринимателей по причине несоответствия аппаратного и программного обеспечения, его технической исправности, различий между конфигурациями устройств предпринимателя и требований государственного онлайн-сервиса, наличие возможного вредоносного программного обеспечения. Но проблемы могут возникать и на стороне государственных сервисов из-за возможных системных сбоев, ведущих к искажению предоставляемой информации, могут вызвать ошибки в отчетах и привести, по оценочному суждению предпринимателей, к санкциям от государственных органов по отношению к предпринимателям.

Также на отношение предпринимателей к государственным онлайн-сервисам оказывает особое влияние предыдущий отрицательный опыт работы с ранними версиями онлайн-сервисов, что потенциально подрывает доверие предпринимателей к современным версиям, стимулируя использование старых методов и очных консультаций с государственными органами.

Как следствие, руководствуясь вышеизложенным, предприниматели предпочитают использовать параллельно с новыми паттернами поведения традиционный подход при взаимодействии с органами власти: очное посещение органов власти с целью получения личной консультации по вопросам собственного бизнеса, получение физических документов и справок с печатью от государственных органов, как более надежные доказательства соблюдения законов и регуляций, а также согласованности с властью своих действий, подтвержденных представителем государственного органа. В свою очередь, при очном посещении государственные органы настаивают на использовании онлайн-сервисов, что часто вызывает сопротивление предпринимателей из-за отсутствия прямой коммуникации и доверия между сторонами, что в конечном итоге приводит к давлению на представителя государственных органов.

Одним из ключевых аспектов, выявленных в ходе исследования, является альтернативный вид онлайн-сервисов в контексте взаимодействия между предпринимателями в B2B-сегменте. Например, рассматривается случай платежей за вывоз отходов. Ранее для подписания соответствующих договоров предприниматели вынуждены были физически посещать офисы компаний подрядчиков. Однако с внедрением электронных сервисов эту процедуру можно выполнить онлайн через личный кабинет. Также производятся расчеты по различным видам платежей, таким как водоснабжение, ЖКХ и налоги.

Аналогичная динамика наблюдается и в сфере взаимодействия бизнеса с государственными органами (B2G). Здесь также происходит переход к электронному обмену информацией и платежами через личные кабинеты, а налоговые уведомления поступают в электронном виде. Автоматическое распределение средств между различными бюджетными статьями делает процесс более эффективным.

Важным вопросом является также процесс подачи деклараций и обеспечение их законности. Несмотря на возможность электронной подачи документов, некоторые предприниматели предпочитают использовать традиционные методы, такие как физическое посещение офисов налоговых органов и личная подпись на бумажных документах. Это делается с целью обеспечения правильности и законности процедур, особенно в случае возможных технических сбоев в онлайн-сервисах.

Также, несмотря на возможность онлайн-оплаты, предприниматели иногда испытывают недовольство и неуверенность в системе из-за возможных ошибок, которые могут привести к нежелательным задолженностям. Эти проблемы могут подталкивать предпринимателей к физическим посещениям государственных органов для проверки и консультации.

В дополнение к этому многие предприниматели выдвигают требования к получению физических документов, таких как справки с печатью от государственных органов. Они считают это надежным способом подтверждения соблюдения законности и юридической безопасности. Иногда предприниматели оказывают давление на представителей государственных органов, требуя подписанные документы и справки для обеспечения собственной юридической безопасности. Это свидетельствует о недостатке доверия к электронным сервисам и несовершенстве их функциональности.

Помимо вышеуказанных аспектов, существует ряд ключевых факторов, которые формируют точку зрения предпринимателей относительно использования электронных государственных сервисов.

Финансовая нагрузка оценивается как один из значимых факторов. Считается, что личные кабинеты создают дополнительную финансовую нагрузку для предпринимателей. При этом ошибки в использовании электронных сервисов могут потенциально привести к санкциям и штрафам. Эта оценка взаимодействия с государственными органами представляет важный аспект в понимании уровня доверия и удовлетворенности предпринимателей.

Также следует учесть недоверие предпринимателей по отношению к онлайн-сервисам. Они выражают сомнения в правильности и своевременности обработки данных, что вызывает непонимание того, как система работает. Кроме того, предприниматели испытывают неуверенность в отправке документов и часто лишены возможности получить консультации в режиме реального времени, что вносит дополнительные сложности.

Физические документы с печатью государственных органов продолжают оставаться важными для предпринимателей. Они рассматривают их как надежное подтверждение отсутствия задолженностей и ошибок; очное посещение государственных органов предоставляет возможность задавать конкретные вопросы и получать необходимую консультацию.

Следующим фактором, влияющим на отношение предпринимателей, является оборот бизнеса. Предприниматели с высоким оборотом бизнеса становятся более чувствительными к изменениям и просрочкам в оплатах. Блокировка счетов бизнеса автоматически может привести к финансовым потерям и сложностям, что усиливает требование к более точному контролю действий при использовании онлайн-сервисов.

Сомнения в честности и профессионализме также влияют на взгляд предпринимателей. Имеются опасения относительно честности сотрудников государственных органов и собственных сотрудников предпринимателей. Считается, что различные стороны могут пытаться вынудить предпринимателей к дополнительным платежам или манипулятивным действиям.

Исследование данных аспектов с точки зрения политической науки позволяет лучше понять, как воспринимаются электронные государственные сервисы в предпринимательском сообществе. Эти аспекты могут стать отправной точкой для анализа влияния государственной политики на доверие и эффективность использования таких сервисов в будущем.

По результатам пилотного опроса была выявлена значительная доля представителей малого и среднего бизнеса, которые не готовы полностью перейти на взаимодействие с государственными органами через электронные сервисы. Это связано с их недостаточной уверенностью в стабильности функционирования электронных систем и правильности своих действий. Кроме того, отсутствие возможности двусторонней коммуникации с представителями государственных органов не дает возможности предпринимателям проверить правильность своих действий на электронных платформах. В итоге представители малого и среднего бизнеса часто либо делегируют взаимодействие с государственными органами третьим лицам, либо прибегают к традиционным методам взаимодействия с представителями власти.

Анализ результатов пилотного опроса способствовал выявлению ряда позиций, которые позволят сформировать программу дальнейших исследований с целью выявления связи между уровнем удовлетворенности услугами B2G и G2B и уровнем доверия бизнеса к государственным институтам в контексте изменений в политических структурах.

Литература и источники

Гайсина Р.Р., Ризванова М.А. Особенности цифрового взаимодействия власти и бизнеса в социально-экономической системе региона // *π-Economy*. 2022. Т. 15, № 3. С. 22–34. DOI: 10.18721/JE.15302

Караман Л.А. Взаимодействие власти и бизнеса с помощью механизма государственно-частного партнерства в условиях цифровой экономики // *Цифровая экономика: проблемы и перспективы развития*. 2019. Т. 1. С. 323–327. EDN: GEWCXA

Палункоев А.У.А. Цифровое взаимодействие бизнеса и органов власти // *Самоуправление*. 2023. № 2. С. 933–936. EDN: KCSDDK

В.Н. Якимец (Москва),
Л.И. Никовская (Москва)

ОЦЕНКА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНСТИТУТОВ ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКИ: ИНДЕКС ОЦЕНКИ СОСТОЯНИЯ, КРИТЕРИЙ СОСТОЯТЕЛЬНОСТИ И СУБЪЕКТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ

Исследование выполнено в рамках Государственного задания ФНИСЦ РАН за 2023 год по теме «Муниципальная публичная политика в России — 2023: возможности выстраивания местных партнерских институтов и механизмов в рамках единой публичной власти».

Публичная политика — это сложное образование, отличающее многослойностью. В ней выделяют информационно-дискурсивное, деятельностно-активистское и управленческое измерения (Мирошниченко, 2015, 31–49). В работе (Сморгунов, 2018, 28–40) приведено краткое описание пяти моделей процесса публичной политики (далее — ПП), одна из которых — модель институционального рационального выбора, нацеленная на анализ проблемы коллективного действия, предложена лауреатом Нобелевской премии Элином Остром (Ostrom, 1999(2007)). Эту модель ПП описывают так: «...институциональные рамки должны определять основные типы структурных переменных, которые в определенной степени присутствуют во всех организационных механизмах, но чьи ценности различаются в различных институциональных устройствах. По этой модели результат выработки политик представляет собой функцию индивидуальных действий вовлеченных в процесс акторов» (Сморгунов, 2018, 34). На действия акторов влияют индивидуальные условия и условия, имеющие отношение к принятию решений. Индивидуальные условия — это ценности и ресурсы акторов. А процесс принятия решений включает в себя институциональные правила, природу общественных благ и характеристику сообщества (социально-экономическую специфику и общественное мнение). Для того чтобы максимально учесть специфику деятельности структур, принимающих социально значимые решения, вовлечь граждан, бизнес и сориентировать органы власти на развитие имеющегося потенциала, требуется выстроить схему извлечения информации о наличии и деятельности институтов и механизмов ПП, с помощью которой было бы возможно объединить усилия граждан и регионального/местного сообщества на устойчивое социально-экономическое развитие. Этого можно достичь посредством проведения исследований в регионах и муниципальных образованиях (далее — МО) с проведением опросов среди ключевых участников ПП. Мы разработали индекс оценки состояния институтов и механизмов ПП, используя не только элементы модели институционального анализа, но и опираясь на опыт выстраивания механизмов и институтов ПП, а также на теорию многокритериального анализа и принятия решений (Дубов, Травкин, Якимец, 1986), методологию экспертных оценок, а также теорию межсекторного социального партнерства (Якимец, 2004). Сегодня органы власти, социально-политические институты, экспертное сообщество и бизнес-структуры испытывают *дефицит критериев*, которые позволили бы оценить, каким образом перспективы развития территорий РФ связаны с социальной активностью граждан, с теми институтами и технологиями, которые сформировались при взаимодействии органов власти и региональных/местных сообществ. Существуют сферы гражданской активности и общественного участия, которые влияют на формирование качества жизни граждан и технологий их взаимодействия с властью (защита потребительских прав, формирование организаций собственников жилья, доступ граждан к правосудию и органам исполнительной власти и т. п.). Развитость публичных институтов и механизмов партнерства на региональном/местном уровнях зависят от специфических условий именно на территориальном уровне. В условиях кризиса и влияния «санкционных» правил складываются ситуации социальной напряженности, требующие их снятия и перевода в позитивное состояние. Какими бы разветвленными ни были органы власти, они не в состоянии справиться с такой задачей. Остро ощущается необходимость активного включения сообщества в процессы формирования публичной «повестки дня» и решения социально значимых проблем территории. Важно уметь диагностировать проблемы, выявлять *качество институтов* ПП и генерировать идеи по ослаблению проблем. Для сопоставления действенности институтов ПП нами предложен новый критерий — *состоятельность институтов* ПП. Он выявляет дисфункции

во взаимодействии власти и общества в публичной сфере и позволяет определить приоритеты повышения эффективности механизмов общественного диалога и партнерства при решении проблем развития местного сообщества. Примеры оценок состоятельности институтов ПП в разных регионах РФ показывают сопоставимость результатов. При этом выясняется, что далеко не все институты ПП могут быть «исправлены» на федеральном уровне. Только представители регионального/местного сообщества не ощущают пробелы в деятельности отдельных институтов и, выделяя среди них несостоятельные и слабо состоятельные, «подсказывают» региональным/местным властям, что и как надо улучшить в первую очередь. За все время изучения институциональных особенностей ПП в регионах и МО (2008–2023 гг.) были разработаны оригинальные инструменты: ЯН-индекс ПП, критерий консолидированности оценок субъектов и акторов, типы региональной ПП, критерий состоятельности институтов ПП, критерий полноты функционала работы субъектов и акторов. ЯН-Индекс формируется на основе показателей, характеризующих состояние публичной сферы и степень открытости ПП через оценку представителями значимых групп общества (власти, бизнеса, НКО) деятельности субъектов и акторов ПП и работу институтов и механизмов ПП (Якимец, 2008). К субъектам ПП мы относим тех лиц, которые имеют полномочия по принятию значимых решений (представители органов исполнительной власти, представители органов законодательной власти). Акторы — это представители бизнеса, НКО, партий, профсоюзов и др.), которые имеют право участвовать в выработке вариантов решений. ЯН-индекс — составной. Он состоит из двух субиндексов: ЯН-индекса полноты функционала деятельности субъектов и акторов и ЯН-индекса развитости институтов и механизмов ПП. Первый из них нацелен на оценку деятельности субъектов и акторов публичной сферы, второй — на оценку функционирования институтов и механизмов, ключевых процедур, касающихся каналов участия граждан в ПП (выборы, возможности ведения экономической деятельности, гражданский контроль, гражданская экспертиза и пр.). Расчет значений субиндексов строится на основе материалов опросов трех групп респондентов из разных регионов РФ (целевая выборка) — госслужащих и муниципальных служащих, представителей малого и среднего бизнеса, а также сотрудников НКО. В ходе пилотной апробации подхода было опрошено около 1 500 респондентов из 17 регионов. С 2009 г. исследования с помощью ЯН-индекса распространились на 38 субъектов РФ. За период 2009–2017 гг. было опрошено более 6 500 респондентов. Чтобы сопоставлять действенность разных институтов публичного взаимодействия, были предложены еще 2 критерия исследования свойств ПП — *состоятельность институтов и механизмов публичного взаимодействия*, а также *полнота функционала субъектной составляющей*. Они выявляют дисфункции во взаимодействии власти и гражданского общества в публичной сфере и позволяют определить приоритеты в решении задачи повышения эффективности механизмов общественного диалога и партнерства при решении острых проблем регионального/местного сообществ (Никовская, Якимец, 2015, 345–370). Суть критерия состоятельности институтов ПП — отношение доли респондентов, поставивших институту ПП оценки от 6 до 10 баллов включительно, к общему числу респондентов, оценивавших институт (Якимец, 2013). Иногда применяли 5-балльную шкалу. Было предложено различать три категории:

- *Несостоятельные институты ПП* — когда менее трети (33 %) респондентов поставили институтам ПП от 6 до 10 баллов;
- *Слабо состоятельные институты ПП* — когда оценки от 6 до 10 баллов даны числом респондентов от трети до половины (от 33 до 50 %);
- *Состоятельные институты ПП* — когда более половины (50 %) респондентов поставили оценки от 6 до 10 баллов.

В большинстве регионов в категорию несостоятельных или слабо состоятельных попадали механизмы отстаивания общественных интересов, система здравоохранения, институты защиты собственности, иногда — механизмы публичного контроля и институт суда. Почти всегда состоятельными оказывались терпимость к конфессиям и вероисповеданию, институты образования, институт выборов, механизмы поддержки гражданских инициатив. Другие институты и механизмы ПП часто попадали в категорию слабо состоятельных. Важные результаты получены при исследовании субъектного потенциала ПП на основании *критерия функциональной успешности субъектов ПП*. На основе эмпирически рассчитанных значений функциональности все субъекты разбивались на три группы: *субъекты (акторы) высокой функциональности*, если более половины (50 %) респондентов от всех трех групп

респондентов оценили их деятельность в 4 или 5 баллов; *субъекты (акторы) средней функциональности*, если от 33 до 50 % респондентов дали оценки в 4 или 5 баллов; *субъекты низкой функциональности*, если до трети респондентов (33 %) оценили их деятельность максимальными баллами (4 или 5). По этому критерию во многих территориях наблюдалась устойчивая тенденция: *профсоюзы, отделения федеральных политических партий и само население* попадали в зону низкой функциональности. Полнота функционала профсоюзов оценена ниже всех. Выше оценивают активность институционализированных групп интересов граждан — НКО, Общественные палаты, Ассоциации малого и среднего бизнеса, ТПП (Никовская, Якимец, 2012, 125–142). Соединение качественных и количественных подходов для оценки состояния региональной/субрегиональной ПП и ее институтов с учетом интересов различных субъектов публичной сферы (бизнес, власть, НКО-сообщество), а также использование оценок для выявления проблемных зон и дисфункций во взаимодействии власти и общества, позволяют выявить особенности ПП на региональном/местном уровнях, а также способствуют коррекции политики и оптимизации диалога как инструмента общественного развития. Результаты изучения институционального среза ПП позволяют получить оценки качества разных аспектов взаимодействия власти и гражданского общества на основе использования индексов оценки состояния ПП на региональном/местном уровнях и подготовить предложения по повышению эффективности ПП и управления на территориальном уровне.

Литература и источники

- Дубов Ю.А., Травкин С.И., Якимец В.Н. Многокритериальные модели формирования и выбора вариантов систем. М.: Изд-во «Наука», 1986. 294 с.
- Мирошниченко И.В. Публичная политика как сложносоставной концепт политической науки // Современная политическая реальность и государство. Краснодар: Кубанский госуниверситет. 2015. С. 31–49.
- Никовская Л.И., Якимец В.Н. Публичная политика как индикатор взаимодействия власти и общества // ПОЛИТЭКС. Т. 8. № 4. 2012. С. 125–142.
- Никовская Л.И., Якимец В.Н. Публичная политика в регионах России: концептуальные основания и инструментальные методы. // Российская политическая наука: идеи, концепции, методы: Научное издание / Под ред. Л.В. Сморгунова. — М.: Изд-во «Аспект-пресс», 2015. — С. 345–370.
- Сморгунов Л.В. Модели процесса публичной политики. Раздел I.2 в коллективной монографии «Публичная политика: институты, цифровизация, развитие». — М.: Изд-во Аспект пресс. 2018. С. 28–40.
- Якимец В.Н. Межсекторное социальное партнерство: основы, теория, принципы, механизмы. М.: Изд-во «Едиториал УРСС». 2004. 382 с.
- Якимец В.Н. Индекс для оценки и мониторинга публичной политики // Сб. статей «Публичное пространство, гражданское общество и власть: опыт взаимодействия». М.: РАПН; РОССПЭН, 2008, с. 107–121.
- Якимец В.Н., Никовская Л.И. Индексный подход к оценке публичной политики // Публичная политика: институты, цифровизация, развитие. Глава 6. М.: Аспект-пресс. 2018. С. 73–94.
- Якимец В.Н. Об оценке состоятельности институтов публичной политики в регионах России // Форум «Политология-21 век: политические ценности и политические стратегии». Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, 21–22 ноября 2013 г. URL: <http://polit.msu.ru/pub/XXI-2/index.htm>
- Ostrom E. Institutional Rational Choice: An Assessment of the Institutional Analysis and Development Framework // Theories of the Policy Process/ Ed. by P. Sabatier/ Boulder, Co, Oxford: Westview Press, 1999 (2007).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Авджу Хавва, аспирантка кафедры политологии РГПУ им. А.И. Герцена

Агабекян Роза Кареновна, студентка КубГУ

Алейников Андрей Викторович, доктор философских наук, профессор кафедры конфликтологии СПбГУ

Алешкевич Никита Андреевич, студент СПбГУ

Артамонова Ярославна Сергеевна, доктор политических наук, профессор кафедры социальных отношений, рекламы и связей с общественностью ФЦЭиМК

Ачкасов Валерий Алексеевич, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой этнополитологии СПбГУ

Бабаджанян Папик Артурович, аспирант кафедра социально-политических теорий ЯрГУ им. П.Г. Демидова

Балаян Александр Александрович, кандидат политических наук, доцент департамента политологии и международных отношений НИУ ВШЭ — СПб

Баранов Андрей Владимирович, доктор политических наук, доктор исторических наук, профессор кафедры политологии и политического управления КубГУ

Баранов Николай Алексеевич, доктор политических наук, профессор кафедры международных отношений СЗИУ РАНХиГС

Белоус Владимир Григорьевич, доктор философских наук, профессор кафедры российской политики СПбГУ

Белый Владислав Александрович, аспирант ЦТЭП ИДУ Университета ИТМО

Бобров Иван Владимирович, преподаватель кафедры международных отношений и гуманитарного сотрудничества СИУ — филиала РАНХиГС

Боброва Анастасия Сергеевна, аспирант СПбГУ, преподаватель кафедры международных отношений и гуманитарного сотрудничества СИУ — филиала РАНХиГС в г. Новосибирск

Большаков Андрей Георгиевич, доктор политических наук, заведующий кафедрой международных отношений, мировой политики и дипломатии КФУ

Борисов Николай Александрович, доктор политических наук, заведующий кафедрой теоретической и прикладной политологии РГГУ

Ботникова Евгения Эдуардовна, студент СПбГУ

Бугайчук Татьяна Владимировна, доктор политических наук, доцент кафедры общей и социальной психологии ЯГПУ им. К.Д. Ушинского

Будко Диана Анатольевна, кандидат политических наук, доцент кафедры политических институтов и прикладных политических исследований СПбГУ, старший научный сотрудник отдела глобальных проблем ИНИОН РАН

Бучнев Евгений Владимирович, преподаватель департамента политологии Финансового университета при Правительстве РФ, РГСУ

Быков Илья Анатольевич, доктор политических наук, профессор кафедры связей с общественностью в политике и государственного управления СПбГУ

Веселова Дарья Николаевна, кандидат политических наук, доцент факультета СПО СЗИУ РАНХиГС

Волков Виталий Александрович, доктор политических наук, доцент кафедры теории и философии политики СПбГУ

Гайнутдинова Людмила Александровна, доктор политических наук, заведующий кафедрой политологии РГПУ им. А.И. Герцена

Гашков Виталий Олегович, аспирант СПбГУ

Гейм Анжелика Денисовна, студент СПбГУ

Глухова Александра Викторовна, доктор политических наук, профессор кафедры социологии и политологии ВГУ

Городилова Анастасия Андреевна, студент СПбГУ

Грабевник Михаил Владимирович, кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук ПГНИУ

Гребенко Егор Дмитриевич, ассистент кафедры социально-политических теорий ЯрГУ им. П.Г. Демидова

Гришин Николай Владимирович, доктор политических наук, профессор кафедры политических институтов и прикладных политических исследований факультета политологии СПбГУ

Громова Тамара Михайловна, кандидат политических наук, доцент кафедры международной журналистики СПбГУ

Грошева Ирина Дмитриевна, студент СПбГУ

Денисов Денис Сергеевич, аспирант Университета ИТМО

Домбровская Анна Юрьевна, доктор политических наук, профессор департамента политологии Финансового университета при Правительстве РФ

Дорожкин Юрий Николаевич, доктор философских наук, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин и цифровых технологий БАГСУ при Главе Республики Башкортостан

Дука Александр Владимирович, кандидат политических наук, заведующий сектором социологии власти и гражданского общества СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН

Дунаева Юлия Генриховна, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры мировой политики СПбГУ

Единова Мария Сергеевна, и.о. начальника Управления по работе с выпускниками СПбГУ

Екатеринская Анна Викторовна, студентка СПбГУ

Жаде Зуриет Анзауровна, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права, конституционного строительства и политологии АГУ

Жданова Ангелина Эдуардовна, младший научный сотрудник отдела исследования образа и уровня жизни населения ФГБУН Вологодского научного центра РАН

Зазнаев Олег Иванович, доктор юридических наук, заведующий кафедрой политологии КФУ

Зайцев Станислав Юрьевич, кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры международных политических процессов СПбГУ

Засыпкина Анастасия Николаевна, аспирант СПбГУ

Зиновьев Андрей Олегович, кандидат политических наук, доцент кафедры истории, философии, политологии и социологии ПГУПС императора Александра I

Зубарев Никита Сергеевич, стажер-исследователь ЛССИ НИУ ВШЭ

Иванов Денис Юрьевич, кандидат политических наук, доцент кафедры менеджмента СЗИУ РАНХиГС

Игнатьева Ольга Анатольевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры политического управления СПбГУ

Ильичева Людмила Ефимовна, доктор политических наук, директор Центра ИГСУ РАНХиГС

Казаринова Дарья Борисовна, кандидат политических наук, доцент кафедры сравнительной политологии РУДН

Калашникова Екатерина Андреевна, студентка СПбГУ, младший научный сотрудник Отдела глобальных проблем ИНИОН РАН

Калашникова Софья Константиновна, аспирант СПбГУ, младший научный сотрудник Центра междисциплинарных исследований ИНИОН РАН

Керимов Александр Алиевич, доктор политических наук, профессор кафедры политических наук УрФУ

Коваленко Владимир Дмитриевич, старший преподаватель факультета международных отношений и политических исследований СЗИУ РАНХиГС

Кольба Алексей Иванович, доктор политических наук, профессор кафедры государственной политики и государственного управления КубГУ

Кондратенко Константин Сергеевич, кандидат философских наук, доцент кафедры политического управления СПбГУ

Корочкина Виктория Анатольевна, кандидат политических наук, доцент кафедры международных политических процессов СПбГУ

Коряковцева Ольга Алексеевна, докт. полит. наук, профессор, директор Института развития кадрового потенциала ЯрГПУ им. К.Д. Ушинского.

Косыгина Ксения Евгеньевна, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Центра социокультурных и политических исследований Вологодского научного центра РАН

Котова Елизавета Александровна, аспирантка МГУ им. М.В. Ломоносова

Кочетков Александр Павлович, доктор философских наук, профессор кафедры российской политики МГУ им. М.В. Ломоносова

Кузнецов Никита Всеволодович, доктор философских наук, профессор, директор Института философии СПбГУ

Кулаев Максим Александрович, Ph. D., ассистент кафедры проблем междисциплинарного синтеза в области социальных и гуманитарных наук СПбГУ

Кулакова Татьяна Александровна, доктор политических наук, профессор кафедры политического управления СПбГУ

Ланко Дмитрий Александрович, кандидат политических наук, доцент кафедры европейских исследований СПбГУ

Ланцов Сергей Алексеевич, доктор политических наук, профессор кафедры международных политических процессов СПбГУ

Ланцова Ирина Сергеевна, кандидат политических наук, доцент кафедры американских исследований СПбГУ

Лапин Андрей Викторович, кандидат политических наук, доцент кафедры управления проектами и программами, директор программы Центра государственно-частного партнерства РАНХиГС

Лебедев Дмитрий Владимирович, депутат Собрании депутатов Плюсского района Псковской области

Лебедева Екатерина Олеговна, соискатель кафедры политических институтов и прикладных политических исследований СПбГУ

Лешенюк Олег Николаевич, заместитель декана по международной деятельности и интернационализации образования, директор Центра международных исследований факультета международных отношений Белорусского государственного университета, эксперт МИМРД МПА СНГ

Лукиянова Галина Владимировна, кандидат политических наук, доцент кафедры политических институтов и прикладных политических исследований СПбГУ, научный сотрудник Отдела политической науки ИНИОН РАН

Лысенко Ярослав Игоревич, магистрант СПбГУ

Малахова Анастасия Андреевна, студент СПбГУ

Мальцева Дарья Александровна, кандидат политических наук, доцент кафедры теории и философии политики СПбГУ

Мартьянов Денис Сергеевич, кандидат политических наук, доцент кафедры политических институтов и прикладных политических исследований СПбГУ, научный сотрудник Отдела политической науки ИНИОН РАН

Меньшикова Галина Александровна, кандидат экономических наук, доцент кафедры социального управления и планирования СПбГУ

Мирзаджанов Тамерлан Эльдарович, соискатель кафедры сравнительной политологии МГИМО

Мирошниченко Инна Валерьевна, доктор политических наук, проректор по стратегическому развитию КубГУ

Моторин Денис Иванович, кандидат психологических наук, ассистент кафедры российской политики СПбГУ

Мчедлова Марина Мирановна, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой сравнительной политологии РУДН, главный научный сотрудник ФНИСЦ РАН

Невзоров Максим Вадимович, кандидат политических наук, доцент кафедры политологии РГПУ им. А.И. Герцена

Нечаев Дмитрий Николаевич, доктор политических наук, профессор кафедры политического анализа и социально-психологических процессов РЭУ им. Г.В. Плеханова

Никипорец-Такигава Галина Юрьевна, доктор политических наук, профессор департамента зарубежного регионоведения НИ У ВШЭ

Никовская Лариса Игоревна, доктор социологических наук, главный научный сотрудник Центра политологии и политической социологии ИС ФНИСЦ РАН, профессор РАНХиГС

Николаева Мария Витальевна, кандидат политических наук, доцент кафедры социальной работы, психологии и педагогики высшего образования КубГУ

Окуджава Хатиа Зауриевна, аспирант МГУ им. М.В. Ломоносова

Орфаниди Эльвира Викторовна — соискатель кафедры государственной политики и государственного управления КубГУ

Палитай Иван Сергеевич, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и психологии политики МГУ им. М.В. Ломоносова, ГАУГН

Панкевич Наталья Владимировна, кандидат политических наук, старший научный сотрудник отдела философии Института философии и права УрО РАН

Панов Петр Вячеславович, доктор политических наук, главный научный сотрудник Института гуманитарных исследований Пермского федерального исследовательского центра УрО РАН

Панфилов Георгий Олегович, аспирант, аналитик Центра технологий электронного правительства Университет ИТМО

Парфёнов Даниил Олегович, студент СПбГУ

Пашковский Евгений Александрович, старший преподаватель кафедры политологии РГПУ им. А.И. Герцена

Погодина Мария Ярославовна, стажер-исследователь СПбГУ, младший научный сотрудник Центра междисциплинарных исследований ИНИОН РАН

Подшибякина Татьяна Александровна, доктор политических наук, профессор ЮФУ

Полякова Наталья Валерьевна, кандидат философских наук, доцент кафедры теории и философии политики СПбГУ

Попова Ольга Валентиновна, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политических институтов и прикладных политических исследований факультета политологии Санкт-

Петербургского государственного университета, эксперт МИМРД МПА СНГ, председатель Экспертного совета РАПН

Поцелуев Сергей Петрович, доктор политических наук, профессор кафедры теоретической и прикладной политологии ЮФУ

Пруель Николай Александрович, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социального управления и планирования СПбГУ

Пушкина Мария Александровна, кандидат психологических наук, доцент СЗИУ РАНХиГС

Радиков Иван Владимирович, доктор политических наук, заведующий кафедрой российской политики СПбГУ

Радушинская Александра Игоревна, кандидат экономических наук, доцент кафедры российской политики СПбГУ

Рафиков Артур Ильдарович, кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры политических институтов и прикладных политических исследований СПбГУ

Рожнева Светлана Сергеевна, кандидат политических наук, и.о. заведующего кафедрой зарубежной истории, политологии и международных отношений ПетрГУ

Рудась Тимофей Павлович, магистрант РязГУ

Русских Михаил Сергеевич, старший преподаватель кафедры политологии РГПУ им. А.И. Герцена

Рябов Дмитрий Олегович, кандидат политических наук, доцент департамента политологии и международных отношений НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге

Сафонова Ольга Диомидовна, кандидат политических наук, доцент кафедры политических институтов и прикладных политических исследований СПбГУ

Селезнева Антонина Владимировна, доктор политических наук, доцент кафедры социологии и психологии политики МГУ им. М.В. Ломоносова

Семенец Елена Владиславовна, магистрант СПбГУ, младший научный сотрудник Центра междисциплинарных исследований ИНИОН РАН

Семущкина Екатерина Сергеевна, старший преподаватель департамента политологии и международных отношений НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург

Сергунин Александр Анатольевич, доктор политических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений СПбГУ

Сидоров Виктор Александрович, доктор философских наук, профессор кафедры теории журналистики и массовых коммуникаций СПбГУ

Сизоненко Анастасия Юрьевна, студент КубГУ

Сковиков Алексей Константинович, кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и политического управления РАНХиГС

Слободчиков Денис Васильевич, студент СПбГУ

Смаль Светлана Владимировна, кандидат политических наук, доцент кафедры политологии РГПУ им. А.И. Герцена

Соколов Александр Владимирович, доктор политических наук, заведующий кафедрой социально-политических теорий ЯрГУ им. П.Г. Демидова

Соколов Алексей Михайлович, доктор философских наук, заведующий кафедрой социальной философии и философии истории СПбГУ

Солдатенков Иван Вячеславович, аспирант СПбГУ

Соловьев Александр Иванович, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политического анализа МГУ им. М.В. Ломоносова

Соловьев Аркадий Юрьевич, аспирант СПбГУ

Стафеичев Антон Алексеевич, аспирант МГУ им. М.В. Ломоносова

Сулимов Константин Андреевич, кандидат политических наук, заведующий кафедрой политических наук, ПГНИУ, научный сотрудник Отдела по исследованию политических институтов и процессов ПФИЦ УрО РАН

Сухонина Нина Анатольевна, ассистент кафедры социально-политических теорий ЯрГУ им. П.Г. Демидова

Томаев Азамат Хамзатович, аспирант факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова.

Томин Леонид Владимирович, кандидат политических наук, доцент кафедры политического управления СПбГУ

Улановская Полина Евгеньевна, студент СПбГУ

Уханова Юлия Викторовна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник ВолНЦ РАН, старший научный сотрудник ИС ФНИСЦ РАН

Филиппова Наталья Алексеевна, доктор юридических наук, профессор кафедры государственного и муниципального права СурГУ

Фролов Александр Альбертович, кандидат политических наук, доцент кафедры социально-политических теорий ЯрГУ им. П.Г. Демидова

Фролова Юлия Николаевна, кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры политологии РГПУ им. А.И. Герцена

Хмелева Анна Александровна, депутат Законодательного Собрания Ленинградской области, фракция «Справедливая Россия — за правду»

Хомиченкова Виктория Андреевна, студент СПбГУ

Храмова Евгения Валерьевна, кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений, мировой политики и дипломатии КФУ

Чугунов Андрей Владимирович, кандидат политических наук, директор Центра технологий электронного правительства Университета ИТМО

Шалаев Никита Евгеньевич, кандидат политических наук, доцент СЗИУ РАНХиГС

Шамшура Кирилл Александрович, аспирант НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге

Шашкова Ярослава Юрьевна, доктор политических наук, доктор политических наук, профессор кафедры философии и политологии АлтГУ

Шерзай Камилла Акаевна, менеджер Управления по работе с выпускниками СПбГУ, младший научный сотрудник Отдела глобальных проблем ИНИОН РАН

Шестакова Анастасия Андреевна, аспирант КубГУ

Щербак Андрей Николаевич, кандидат политических наук, заместитель заведующего Лаборатории сравнительных социальных исследований НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге

Щербинов Игорь Андреевич, студент СПбГУ

Юпланов Марк Намикович, аспирант Университета ИТМО

Якимец Владимир Николаевич, доктор социологических наук, главный научный сотрудник Центра распределенных вычислений ИППИ РАН, профессор кафедры государственного управления и публичной политики РАНХиГС

Яровенко Глеб Владимирович, магистрант СПбГУ

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ:
КОЛЛАПС ИЛИ ПЕРЕЗАГРУЗКА?**

Сборник материалов по итогам Всероссийской научной конференции
«Политические институты в современном мире: коллапс или перезагрузка?»
12–13 октября 2023 года

Редактор
О.В. Попова

Художественный редактор
Д.С. Мартьянов

Усл.-печ. л. 47,59.

Отпечатано в типографии «Скифия-принт»